ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ЭЛМЕР Б. ПОТТЕР

АДМИРАЛ НИМИЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ МОСКВА 2003
TERRA FANTASTICA САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 355/359(73)
ББК 63.3(7Сое)-8
П64

Серия основана в 1998 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Перевод с английского под редакцией капитана 1 ранга М.А. Головко

Печатается с разрешения издательства Naval Institute Press
и литературного агентства Александра Корженевского.

Подписано в печать 23.04.03. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 42. Тираж 5000 экз. Заказ № 1017.

Поттер Э.Б.

П64 Адмирал Нимиц: Пер с англ. / Э.Б. Поттер. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. — 794, [6] с.: 16 л. ил. — (Военно-историческая библиотека).

ISBN 5-17-017797-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7921-0615-0 (TF)

Перед вами книга о самом выдающемся американском флотоводце Второй мировой войны, адмирале Честере У. Нимице. Он принял командование Тихоокеанским флотом США вскоре после катастрофы в Перл-Харборе и на протяжении всей войны блестяще руководил операциями на Тихом океане. Венцом деятельности Нимица стало подписание им, как представителем США, Акта о капитуляции Японии на борту линейного корабля «Миссури» в Токийском заливе.

Книга снабжена картами и будет интересна как специалистам, так и любителям военной истории.

УДК 355/359(73)
ББК 63.3(7Сое)-8

© E.B. Potter, 1976
© ООО «Издательство АСТ», 2003
®TERRA FANTASTICA

От издателя

Редакция «Военно-исторической библиотеки» предлагает вниманию читателей биографию самого выдающегося американского флотоводца Второй Мировой войны, адмирала Честера У. Нимица. При этом Нимиц фактически не руководил боевыми операциями, это относилось к ведению командующих на местах, которым он полностью доверял. Адмирал координировал действия всех родов войск против японцев, отвечал за все корабли и базы, за стратегическое управление на просторах всего Тихого океана, и со всеми этими задачами он справился блестяще.

Адмирал принял командование Тихоокеанским флотом США вскоре после разгрома в Перл-Харборе, и его первой задачей было восстановления боеспособности и боевого духа своих подчиненных. Для этого Нимицу потребовался весь его опыт, накопленный за предыдущие тридцать пять лет службы на кораблях и в административных должностях разного уровня. Разработанная им концепция активной обороны силами авианосных соединений в сочетании с неограниченной подводной войной против японского судоходства позволила американскому флоту перехвать инициативу и вынудила адмирала Ямомото искать генерального сражения.

В битве у атолла Мидуэй проявилось все искусство Нимица как флотоводца. Ему удалось создать максимально благоприятные условия для действий своих соединений

и за счет этого добится победы над превосходящими силами противника. Характерно, что при этом адмиралу удалось совместить контроль за ситуацией со своей стороны с предоставлением командующим на местах полной свободы действий. В ходе сражения Нимиц направил своим подчиненным только три радиограммы, но без них сражение скорей всего было бы американцами проигранно.

После победы при Мидуэе задачей Нимица стала организация наступления против Японии. Здесь ему понадобились помимо способностей выдающегося организатора и таланты дипломата, так как генерал Макартур и командование стратегической авиацией отказывались подчиняться флотскому начальнику.

Венцом тихоокеанской деятельности Нимица стало подписание им как представителем США Акта о капитуляции Японии на борту линейного корабля «Миссури» в Токийском заливе.

26 ноября 1945 года Сенат назначил адмирала на должность начальника морских операций, где он в течение двух лет руководил послевоенной реорганизацией флота и являлся одним из инициаторов постройки первых атомных подводных лодок.

Элмер Поттер

АДМИРАЛ НИМИЦ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Своей чрезмерной, почти болезненной осторожностью адмирал Нимиц обязан печально известному спору между Уильямом Сэмпсоном и Уинфильдом Шли, который имел место в то время, когда Нимиц был кадетом Военно-морской академии. Это публичное противостояние привело в замешательство всех, кто был связан с военно-морским флотом и надолго испортило репутации как контр-адмирала Уильяма Сэмпсона, так и коммодора Уинфильда Шли. Молодой Нимиц, потрясенный этими безобразными препирательствами[1], не имевшими ничего общего с понятиями о чести, дал себе клятву, что подобного публичного копания в грязном флотском белье не произойдет, если он когда-либо займет должность, благодаря которой сможет не допустить этого. В течение всей своей последующей жизни адмирал избегал публичного выяснения отношений и, по мере возможности,

---

[1] Во время испано-американской войны (война между Испанией и Америкой за передел колониальных владений, 1898, закончилась победой Америки) адмирал Сэмпсон осуществлял блокаду Кубы. Он должен был командовать морским боем в бухте Сантьяго-де-Куба, но прибыл туда с опозданием и тем самым невольно уступил лавры победителя своему подчиненному, коммодору Шли, непосредственно командовавшему операцией. Тем не менее, роль адмирала Сэмпсона в сражении была признана судом, состоявшимся в 1901 г., основной, решившей исход войны.

предотвращал споры — особенно если скандал касался личностей. Он делал все возможное, чтобы защитить чувства и репутации своих подчиненных, даже если кто-нибудь из них обнаруживал свою профессиональную несостоятельность.

Адмирал Нимиц осуждал «мемуарную лихорадку», охватившую многих офицеров, участвовавших во Второй Мировой войне, особенно если их воспоминания затрагивали честь других офицеров или провоцировали публичные споры. Сам он не написал своей биографии и не разрешал писать ее, пока был жив. Даже в частных письмах он неукоснительно воздерживался от критики или всего, что могло бы рассматриваться как основание для критики. Здесь надо сделать оговорку. Во время войны в своих письмах жене адмирал часто позволял себе «выпустить пар», выразив раздражение поведением или недобросовестностью некоторых своих сослуживцев. Но миссис Нимиц понимала, что эти строки предназначены только для ее глаз. «Это было для него своего рода отдушиной», — говорила она. Чтобы быть уверенной в том, что содержание писем никогда не станет достоянием гласности, она сожгла их все — кроме самых вежливых и любезных.

Адмирал Нимиц говорил своему другу Эндрю Гамильтону: «Люди спрашивают, почему я не пишу воспоминаний. Я всегда отвечаю, что историю должны писать профессиональные историки. Коммандер[1], прошедший войну, вероятно, слишком подвержен личным переживаниям, чтобы нарисовать объективный портрет — свой и своих коллег. Его пристрастные суждения могут задеть тех, с кем вместе он служил».

Заботясь о будущем биографе, Нимиц тщательно собрал свои бумаги и позаботился о том, чтобы они отправились на хранение в военный архив отделения истории военно-морского флота в Вашингтоне (округ Колумбия), поручив документы заботам контр-адмирала

---

[1] Коммандер – должность в ВМС США, примерно соответствующая капитану 2 ранга.

Эрнеста Эллера, бывшего в то время руководителем отделения. В январе 1965 г. адмирал дал два пространных интервью Джону Мейсону, представлявшему проект устной истории[1] Колумбийского университета, однако не разрешил записывать свои ответы на магнитофон. Мейсон сделал подробные записи в блокноте, а затем поспешно отправился в гостиницу и там воспроизвел интервью, записав его на магнитофон, постаравшись передать слова адмирала точно и подробно.

Вскоре после смерти адмирала Нимица в 1966 году адмирал Эллер заинтересовал выдающегося историка Аллана Невиса, предложив ему написать биографию Нимица. Невис начал исследовательскую работу (в качестве ассистента был привлечен К.М. Нельсон), когда его поразила болезнь, от которой Невис уже не оправился.

В 1969 г. Военно-морской институт США учредил свою собственную программу устной истории под руководством Джона Мейсона. В качестве своего первого проекта Мейсон избрал дальнейший сбор материалов для биографа Нимица — кто бы ни стал этим биографом. Мейсон начал с беседы с Честером Нимицем и его женой Джоан в их доме в Коннектикуте. Честер высказал мнение, что время для написания биографии его отца пришло, однако сообщил Мейсону, что окончательное разрешение на проведение такой работы зависит только от его матери, миссис Честер Нимиц.

Миссис Нимиц, жившая тогда в Сан-Франциско, с готовностью дала Мейсону несколько интервью. Она сказала, что хочет, чтобы биография была написана и что она хотела бы, чтобы эту биографию написал профессор Поттер. «Он знал адмирала,— сказала она.— Профессор

---

[1] Подобные проекты распространены в учебных заведениях США, а в последнее время внедряются и в России. Суть проекта – принципиально иной подход к изучению истории по сравнению с традиционным. Основной упор делается на изучение неофициальных источников – семейных архивов, мемуаров, интервью. Считается, что такой подход позволяет получить более полное представление о повседневной жизни людей, а также о роли личности.

Поттер работал с ним и часто гостил в нашем доме. Думаю, это важно».

Остальные члены семьи согласились с миссис Нимиц. Все они дали подробные интервью, которые были записаны на магнитную ленту, расшифрованы и переданы интервьюированным для внесения правки. Мейсон и его ассистент Итта-Белль Китчен совершили несколько поездок по Соединенным Штатам и даже за границу, чтобы побеседовать с бывшими сослуживцами адмирала Нимица. К сожалению, к 1969 году многие из старших офицеров, теснее всех работавших с адмиралом во время Второй Мировой войны, уже умерли, а другие были слишком больны для того, чтобы давать интервью.

Обо всем этом я узнал вскоре после встречи Мейсона и миссис Нимиц. Коммандер Баулер, журналист, секретарь-казначей и издатель Военно-морского института США, пригласил меня к себе и предложил написать биографию адмирала Нимица. Я сразу принял предложение и подписал контракт в начале 1970 г.

Я впервые увидел адмирала Нимица в 1943 г., когда, будучи офицером флота, недавно призванным из запаса, служил в Перл-Харборе. Адмирал ехал на заднем сиденье большого черного автомобиля. В том же году, позже, я слышал его речь, обращенную к служащим 14-го военно-морского округа. Я в то время работал в похожем на подвал цокольном этаже административного здания округа. Этот этаж описан в начале 5-й главы настоящей книги; в 1943 году его использовали скорее для сортировки и хранения перехваченных радиограмм противника, чем для работы с ними.

После войны я, к своему удивлению и радости, получил письмо от адмирала Нимица с поздравлениями по поводу недавнего издания книги, редактором и главным автором которой я был. В первый раз я беседовал с ним в 1955 г., во время 50-й встречи выпускников Военно-морской академии. В начале 1957 я впервые побывал у него дома, в Лонгвью, в Беркли (Калифорния). Мы обсуждали написание книги «Морские силы: История военно-морского флота», в которой он согласился выступить в

качестве консультанта и помощника редактора. В течение следующих двух лет мы состояли в переписке, касавшейся работы над книгой, и обсуждали ее во время приездов адмирала на Восточное побережье. Летом 1959 г., когда книга была близка к завершению, адмирал Нимиц и миссис Нимиц пригласили нас с женой погостить у них во время заключительного обсуждения.

Когда мы покидали Лонгвью, я сказал адмиралу, что если когда-нибудь он захочет, чтобы кто-нибудь написал его биографию, то надеюсь, что он подумает обо мне. Адмирал улыбнулся и ответил: «Вы знаете, где мои бумаги». В марте 1963 г. коммандер Баулер написал адмиралу, спрашивая, могу ли я начать писать историю его жизни с тем, чтобы книга была издана Военно-морским институтом. Нимиц отклонил эту просьбу, указав, что, как он полагает, время еще не пришло. Тогда адмирал считал, что его дети напишут биографию после его смерти. Тем не менее, время от времени он высылал мне документы и статьи, которые были бы полезны биографу, а я подшивал их. В 1966 году адмирал Нимиц умер, и я использовал эти материалы для написания очерка. Он был опубликован в сборнике «Работы Военно-морского института США».

Заключив контракт на написание биографии Нимица, я собрал и каталогизировал все интервью, записанные Мейсоном и его ассистентом, затем мы с женой предприняли путешествие в Техас. Там я сделал записи своих собственных бесед с друзьями и родственниками Нимица, живущими во Фридрихсбурге и Керрвилле, где адмирал родился и вырос. Затем мы вновь отправились на Запад, где я записал новые интервью, в том числе две последние беседы с миссис Нимиц.

Во время написания этой книги и одновременного преподавания истории в Военно-морской академии мне оказывали помощь морской департамент и семья Нимицев. Когда мне требовалось уточнить какую-либо деталь, которую я не мог уточнить самостоятельно, я писал тому из членов семьи адмирала, кто с наибольшей вероятностью мог мне ответить — и всегда получал

скорейший ответ. Тем не менее, перед тем, как опубликовать эту книгу, я не представил ее ни Военно-морскому департаменту, ни семье Нимицев. Будет правильнее, если я один буду нести ответственность за все, что есть на страницах этой книги. Члены семьи Нимиц и мои флотские товарищи понимают и разделяют такую точку зрения.

Отделение истории Военно-морской академии США
Э.Б. Поттер
Август 1975 г.

Глава 1

НАЗНАЧЕНИЕ

Адмирал Честер Уильям Нимиц был одним из тех, кто во время Второй Мировой войны командовал тысячами кораблей и самолетов, миллионами людей. Подчиненная ему военная мощь превышала все то, чем в сумме распоряжались все командиры во всех предыдущих войнах. Конечным результатом операций, которыми он руководил и разрабатывал вместе со своим штабом (включая сложнейшую переброску через Тихий океан чрезвычайно крупных сил) явился разгром и уничтожение огромной Японской империи.

По долгу службы адмиралу Нимицу часто приходилось быть не только командующим, связующим звеном жесткой военной организации, но и «буфером» между деспотичным, зачастую весьма резким и язвительным адмиралом Эрнестом Дж. Кингом, главнокомандующим ВМС США, и своими подчиненными — опытными людьми с устоявшимися взглядами, которые они обычно отстаивали весьма эмоционально. Достаточно

вспомнить прозвища, которыми трех из них окрестили журналисты: «Бык» Хэлси, «Ужасный» Тернер и «Бешеный» Смит. Тем не менее, именно из подобных людей с сильной волей и непростыми характерами Нимицу удалось сколотить одну из наиболее эффективных боевых команд в истории.

Своему успеху Нимиц во многом обязан замечательному умению анализировать и предвидеть развитие событий. Где-то в середине 30-х годов его сын, Честер Нимиц младший, в то время курсант Военно-морской академии США, спросил отца:

— Папа, до какой должности ты надеешься дослужиться и каким образом рассчитываешь ее получить?

На это Нимиц старший ответил, что хотел бы стать начальником военно-морских операций, то есть занять самую высшую командную должность в ВМС США. Что же до того, каким образом он надеется ее получить, то он намерен отдавать службе все, на что способен,— как он поступал и прежде — и убежден, что на флоте каждый, чаще всего, получает то, что заслуживает. Но, разумеется, свою роль играют случай и везение.

— Пойми вот что,— продолжил Нимиц старший.— Я предполагаю, что нас ждет большая война с Японией и Германией, и что война эта начнется очень серьезной внезапной атакой. Начало боевых действий будет для нас, скорее всего, крайне неудачным. После этого часть политиков в Вашингтоне ополчится на все флотское командование. Многих адмиралов вышвырнут с их должностей не разбираясь, действительно ли именно они являются виновниками поражения. А я к тому времени постараюсь занять достаточно серьезную должность, чтобы стать одним из тех, кто будет в числе первых кандидатов на освободившиеся места. Скорее всего, будет именно так, как я говорю.

Примерно три года спустя Нимиц, тогда еще контр-адмирал, получил свою «достаточно серьезную должность». После очередного периода службы на кораблях, в августе 1939 года, он прибыл в Департамент ВМС для дальнейшего прохождения службы в должности на-

чальника Бюро навигации — так в те годы называлось Бюро персонала ВМС[1]. Ему исполнилось 54 года, и он был подтянутым и энергичным розовощеким мужчиной со светлыми, едва тронутыми сединой волосами. Занимаемая им должность, будучи и в самом деле высокой, все же являлась береговой, штабной, во многом канцелярской и поэтому не удовлетворяла его полностью. Он предпочел бы, как и прежде, командовать соединением боевых кораблей. Кроме того, ему не нравилось жить и работать в Вашингтоне.

Тем не менее, должность, связанная со «снабжением, подготовкой, обучением, продвижением по службе, и дисциплиной офицеров и служащих ВМС», требовала от Нимица активного приложения его сил, опыта и знаний. Подготовка офицеров стала одной из основных забот Нимица. Бюро подчинялись Академия ВМС, Корпус обучения офицеров запаса ВМС (который Нимиц же и основал), офицерские училища, а также учебные лагеря новобранцев и прочие учебные заведения флота.

Оглядываясь в прошлое, Честер-младший считает, что этот пост был для его отца идеальным. «Отец занимался исключительно людьми — в Бюро навигации. Он даже не слышал о Бюро по вооружениям. Его практически не интересовали артиллерия и техника флота». Разумеется, Нимиц, будучи еще молодым офицером, плотно занимался морской техникой и тактикой. Он был признанным авторитетом в области дизельных двигателей для подводных лодок и кораблей. Позднее он ввел во флоте такие технические усовершенствования, как пополнение запасов на ходу и круговой ордер охранения

Однако Честер-младший считает все это гораздо менее важным для карьеры отца, чем его служба в качестве заместителя, а позднее и главы Бюро навигации, а также его более раннюю должность помощника начальника штаба главнокомандующего ВМС США. По его словам,

---

[1] Бюро персонала выполняло функции управления кадров, управления комплектования личного состава и управления военно-морских учебных заведений.

«все остальные его должности — на подлодках и так далее, были, на мой взгляд, всего лишь ознакомлением с "механикой" военного флота и хорошей морской школой, но не могли сделать человека пригодным к работе на высших командных постах флота. Только в штабе главнокомандующего и в Бюро навигации, приобретая опыт управления в оперативных и стратегических масштабах, можно увидеть картину во всей ее широте. Поэтому я и утверждаю, что именно на этих постах он приобрел больше всего опыта, и сумел так себя проявить, что начальство смогло дать ему оценку, ставшую, вероятно, наиболее важной, определяющей для всех его последующих успехов».

Адмирал Нимиц вступил в должность начальника Бюро, что называется «без фанфар», но смену стиля руководства подчиненные ощутили довольно быстро. Поначалу это ничем явно не выражалось — ощущалось лишь нечто вроде бодрящего предчувствия ожидающей всех большой задачи, которую предстоит решить безупречно. Затем начало происходить и нечто более конкретное: линии подчиненности и управления становились более прямыми, устаревшие процессы ликвидировались или упрощались.

Реорганизация, разумеется, была необходимой для выполнения новых задач. Акт Конгресса 1934 года одобрил строительство мощных военно-морских сил; второй акт 1938 года выделил миллиард долларов на строительство двух океанских флотов. Не вызывало сомнений, что и управление, и укомплектование людьми, и обслуживание всех новых боевых кораблей существующая штатная система ВМС обеспечить не в состоянии. Предстояло призвать во флот большое число мужчин (а позднее и женщин) и обучить их в качестве резервистов, способных занять должности на будущих кораблях. Война в Европе, разразившаяся в 1939 году, и вероятность, что в нее могут быть втянуты и США, делала еще более важным быстрое развитие всех флотских программ обучения. А ответственность за это практически полностью ложилась на Бюро навигации.

Учебные программы Бюро вскоре стали противоречить планам Бюро авиации, считавшего, что именно ему следует руководить обучением флотских авиаторов и кадровой политикой в военно-морской авиации.

Разумеется, Бюро навигации отвечало за обучение и укомплектование флота еще задолго до того, как Бюро авиации вообще появилось на свет. Неизбежные трения между двумя бюро привели к конфликту между контр-адмиралом Нимицем и контр-адмиралом Джоном Г. Тауэрсом, возглавлявшим Бюро авиации. Каждый уважал способности другого, но Тауэрс относился к не-авиатору Нимицу как к «линкорному адмиралу» — пусть даже, возможно, и лучшему из старой школы, но из школы безнадежно устаревшей с появлением авианосцев и авиации в целом. Будучи людьми здравомыслящими, они отыскали приемлемый компромисс. Похоже, Тауэрса удивили гибкость Нимица и его умение понять точку зрения авиаторов. Однако каждый относился к другому чуточку настороженно и продолжал кампанию против планов и идей оппонента, строго придерживаясь при этом джентльменских правил.

Когда ряды ВМС начали расти, адмирал Нимиц принял мудрое решение о том, что резервистам следует носить такую же форму, как и штатным морякам. Кое-кому из профессионалов такое решение не понравилось, но Нимиц стоял на своем — несмотря на пример британского Королевского флота где офицеры запаса носили на рукавах волнистые золотые полоски, ставшие причиной прозвища «волнистые морячки». Нимиц же увидел в этой детали реальный недостаток, намек на то, что резервисты отличаются от кадровых моряков и в чем-то им уступают, а ведь и тем, и другим в случае войны придется в равной степени делить и власть, и ответственность. Разница же в форме подразумевает отсутствие единства, что на самом деле не так — во всяком случае, такой разницы быть не должно.

Бюро навигации быстро стало тесно в здании на Конститьюшен-авеню, возведенном во время Первой Мировой для Департамента ВМС. Считавшееся «временным»,

это здание использовалось и на протяжении всей Второй Мировой, и еще много лет спустя. В поисках места для растущей организации, Бюро начало переезд в пристройку к зданию Департамента ВМС в Арлингтоне, причем это здание им предстояло делить со штабом Корпуса морской пехоты. Переезд создал трудности для Нимица, для которого был важен тесный контакт с морским министром и командующим военно-морскими операциями. Одновременно он руководил своим бюро, частично расположившимся на дальнем берегу реки Потомак.

Нимиц должен был постоянно учитывать мнение Белого дома. Президент Франклин Рузвельт персонально отбирал высших руководителей флота, полагаясь при этом на советы Нимица, лично знакомого с каждым старшим офицером флота и знающего его квалификацию. Между адмиралом и президентом установились любопытные отношения. Нимиц глубоко уважал Рузвельта как президента и признавал его политический гений. Одновременно его в какой-то степени отталкивало ощущение, что Рузвельт ведет себя немного неестественно, и постоянно играет роль. Рузвельт же со своей стороны вроде бы безоговорочно восхищался Нимицем.

В начале 1941 года результатом президентской благосклонности стало поразительное предложение — не более и не менее как пост главнокомандующего военно-морскими силами США. Для относительно молодого адмирала предложение занять должность, выше которой лишь должность командующего морскими операциями, было настолько значительной честью, что случившееся, пожалуй, требует пояснений.

К тому времени, когда это предложение было сделано, предсказанная Нимицем война в Европе уже разразилась. Германия аннексировала Австрию и большую часть Чехословакии, захватила Польшу, Данию, Норвегию, Голландию, Бельгию и Францию. На востоке Япония, начав необъявленную войну, вторглась в Китай и оккупировала северную часть Индокитая.

Соединенные Штаты наращивали свой Разведывательный флот, готовясь помогать осажденной Британии

в эскортировании конвоев до самой Исландии. Американским фирмам было запрещено продавать Японии самолеты, авиационный бензин, железо или сталь. По приказу президента Рузвельта адмирал Клод Ч. Блох, тогдашний главком ВМС, начал в 1939 году переброску легких сил из портов Западного побережья в Перл-Харбор. В апреле 1940 года адмирал Джеймс О. Ричардсон, преемник Блоха, завершил передислокацию американского флота на Гавайи. Вскоре после этого командующий морскими операциями, адмирал Гарольд Р. Старк, уведомил Ричардсона, что флот будет базироваться в Перл-Харборе неопределенное время.

— Зачем мы здесь? — спросил Ричардсон с некоторым беспокойством.

— Вы там для того, — ответил Старк, — чтобы создавать сдерживающий эффект, который, как мы полагаем, ваше присутствие может оказать на японцев, нацелившихся на Ост-Индию.

Ричардсона подобное объяснение совершенно не убедило. Он считал, что японская экспансия в Азии и Индокитае не должна особо заботить Соединенные Штаты, флот, стоящий наготове в материковых портах, в любом случае есть куда более веский сдерживающий фактор, чем полуголодные моряки на тогда еще примитивно оборудованной гавайской базе. Он торопил строительство полноценной базы в Перл-Харборе, но продолжал жаловаться. Ричардсон дважды приезжал в Вашингтон, убеждая президента, Госдепартамент и Департамент ВМС вернуть флот домой. В конце концов у Рузвельта лопнуло терпение, и в начале 1941 года он приказал освободить Ричардсона от должности.

Нимиц, несмотря на отсутствие старшинства в звании, обладал некоторыми качествами, делавшими его подходящей заменой Ричардсону. Он проявил себя талантливым администратором и был отмечен за умение делать дело, начиная почти с нуля. Именно он построил базу подводных лодок в Перл-Харборе из материалов, собранных «с миру по нитке» во флотских базах на Восточном побережье. Поэтому, если Нимиц сочтет военно-морскую

базу в Перл-Харборе не соответствующей требованиям флота, то кому, как не ему, сделать ее соответствующей, и с минимальными затратами?

Нимиц попросил не назначать его на эту должность, объяснив просьбу тем, что еще сравнительно молод для этого. И добавил, что если он в мирное время перепрыгнет через головы полусотни старших по возрасту офицеров, то пожнет урожай неблагожелательности, который может повлиять на его полезность в качестве комфлота. Нимиц не колебался, отказываясь от предложения, потому что знал и альтернативного кандидата — своего друга контр-адмирала Хасбенда Е. Киммеля.

Отказ Нимица от командования флотом стал для него, возможно, наиболее удачным решением за всю карьеру. Киммель, согласившись на должность, получил временное звание адмирала, обойдя 31 соперника из числа высших флотских офицеров и, несомненно, приняв на себя тот заряд недоброжелательности, которого избежал Нимиц. Более того, он принял под командование флот, который, как показали последующие события, имел слабую оборону и оказался уязвим для вражеской атаки, Однако нет никаких указаний на то, что адмирал Нимиц, отказавшись от командования флотом, имел какие-либо иные мотивы, кроме им же названного — относительной молодости.

В тот же день, когда адмирал Киммель вступил в новую должность,— 1 февраля 1941 года — увеличившийся Разведывательный флот стал Атлантическим, а подчиненные Киммелю силы, базирующиеся в Перл-Харборе, стали Тихоокеанским флотом США. Таким образом, Киммель стал командующим Тихоокеанским флотом, сохранив также и прежний титул Ричардсона — главнокомандующий ВМС США. Впоследствии титул главкома ВМС попеременно присваивался трем командующим флотами, однако реальные властные полномочия главком обретал лишь тогда, когда два или более флотов действовали одновременно — или была необходимость приказом установить единые процедуры, или учебные стандарты для всех флотов США.

Поскольку Нимиц, будучи начальником Бюро, не занимался непосредственно дипломатией или военными операциями, он не был проинформирован относительно переговоров на высшем уровне между Соединенными Штатами и Японией. Он не знал, что американские криптоаналитики взломали японский дипломатический код и читали сообщения, которыми обменивались правительство в Токио и японские посольства и консульства в Вашингтоне и других местах. Тем не менее, будучи ненасытным читателем книг, журналов и газет и умея тонко анализировать события, он сумел самостоятельно получить почти столько же информации о действиях Японии, сколько ее имели верховное командование и политические лидеры.

Летом 1941 года, когда Нимиц и его Бюро работали, кажется, все 24 часа в сутки, чтобы удовлетворить потребность в людях для взрывообразно растущего флота, политическая ситуация на Тихом океане резко обострилась. К тому времени, когда США начали ограничивать продажу Японии нефти, в которой та отчаянно нуждалась для ведения войны, Япония уже завершила оккупацию Индокитая, обретя тем самым базы, угрожающие Борнео, Филиппинам и Сингапуру. В ответ правительства США, Британии и Голландской Вест-Индии заморозили японские банковские активы, угрожая тем самым полностью лишить Японию возможности покупать нефть.

В такой ситуации у Японии остались три возможных варианта действий: 1) вынудить Соединенные Штаты разморозить активы и продать нефть; 2) прекратить агрессию и вернуть войска в Японию и 3) обеспечить себя источником нефти, захватив богатую нефтью Ост-Индию. Поскольку ни США, ни Япония менять политику не желали, информированные наблюдатели ожидали, что Япония изберет третий вариант.

Как сказал Старк Ричардсону еще в 1940 году, американский флот был перемещен с Западного побережья в Перл-Харбор именно для того, чтобы удержать японцев от третьего варианта. Однако к осени 1941 года стало очевидно, что сдерживаться они не собираются —

даже рискуя начать войну с США и Британским Содружеством. И действительно, создавалось впечатление, что для защиты флангов своего наступления на юг японцы могут оккупировать Филиппины, Сингапур, Гонконг и, возможно, остров Гуам.

Глубокая озабоченность Британии нарастающим кризисом была продемонстрирована прибытием в Сингапур линкора «Принс оф Уэлс», линейного крейсера «Рипалс» и других кораблей — очевидно, для дальнейшего сдерживания. Япония срочно прислала в Вашингтон специального уполномоченного Сабуро Кирусу — для помощи японскому послу и его сотрудникам во время переговоров с Госдепартаментом США. Президент Рузвельт обратился к императору Хирохито с призывом вывести японские войска из южного Индокитая.

В начале декабря американские газеты сообщили о концентрации большого количества японских кораблей в заливе Камрань, на юго-восточном побережье Индокитая. 6 декабря журналисты свели воедино донесения многих британских летчиков и сделали вывод; что огромный японский ударный флот огибает южную оконечность Индокитая и входит в Сиамский залив. Подобно многим задумавшимся американцам, адмирал Нимиц наверняка изучил карту и пришел к заключению, что этот флот направляется к Малаккскому полуострову для атаки на Сингапур. С другой стороны, он и не подозревал, что единственный японский авианосный отряд одновременно направился к востоку для рейда Перл-Харбор. Впрочем, никто из американцев тоже этого не заподозрил — ни президент, ни командующий военно-морскими операциями и уж точно не адмирал Киммель, чей Тихоокеанский флот и был главной мишенью приближающихся вражеских авианосцев.

Воскресенье 7 декабря 1941 года адмирал Нимиц провел в своей квартире в Вашингтоне. С ним, кроме жены, были самая младшая десятилетняя дочь Мэри, невестка Джоан и ее дочь Франсес. Две старшие дочери Нимица — двадцатисемилетняя Кэтрин и двадцатидвухлетняя Нэнси — жили в отдельной квартире в том

же здании. Честер-младший находился на подлодке, действующей в районе Филиппин.

После обеда адмирал с женой по давней привычке сели почитать и послушать музыку. В 3 часа дня адмирал включил приемник, желая послушать по Си-Би-Эс трансляцию Нью-Йоркского филармонического оркестра под управлением Артура Родзинского. И почти немедленно трансляция была прервана экстренным сообщением о том, что японцы бомбят Перл-Харбор.

Адмирал Нимиц вскочил с кресла. Едва он успел надеть плащ, как зазвонил телефон. Звонил его помощник, кэптен Джон Ф. Шафро, он сказал, что едет в Морской департамент и может подвезти Нимица. Адмирал попросил жену позвонить своему секретарю, лейтенанту Г. Артуру Ламару, и передать, чтобы тот ехал в департамент.

— Бог знает, когда я вернусь, — добавил он, подходя к двери.

В Департаменте адмирал Нимиц провел у себя в кабинете совещание со своими подчиненными, а затем торопливо направился для дальнейших консультаций в кабинет к морскому министру Фрэнку Ноксу, где уже находился адмирал Старк. Нокс разговаривал по телефону с адмиралом Блохом, командующим 14-м морским округом, чей штаб находился в Перл-Харборе. Блох описал ущерб, видимый из окна его кабинета: «Оклахома» и «Аризона» имеют тяжелейшие повреждения, «Пенсильвания» и «Теннесси» пострадали несколько меньше, «Калифорния» затонула на мелководье и может быть поднята. К счастью, доки и нефтехранилища уцелели. Адмирал Старк, получив одобрение президента, передал по радио первый боевой приказ по флоту всем командирам кораблей в Панаме и на Тихом океане: «Начать неограниченную воздушную и подводную войну против Японии».

В то воскресенье Нимиц как никогда ощутил всю неуклюжесть ситуации, когда его бюро разделено физически — голова на Конститьюшен-авеню, а тело в Арлингтоне. Ближе к концу дня он прибыл для консультации

в Арлингтон. К тому времени из новостей, поступивших в Морской департамент из Перл-Харбора, стало ясно, что адмирал Блох не смог увидеть из окна очень многое. «Невада», «Вест Вирджиния» и несколько меньших кораблей — всего 18 — тоже оказались повреждены, и некоторые настолько серьезно, что ремонту уже не подлежали. Ангары и другие здания горели. Японцы уничтожили 200 самолетов, и почти все на земле. Число погибших и раненых американцев, в основном военных моряков, исчислялось тысячами. Нимиц выразил свое отчаяние старому другу, кэптену Ф.Е.М. («Рыжему») Уайтингу. «Рыжий, — сказал он, — мы понесли ужасные потери. Даже не знаю, сможем ли мы когда-нибудь оправиться от произошедшего».

А в это время дочь Нимица Кэтрин отправилась, вместо отца, выгуливать любимца семьи — коккер-спаниеля Фреклса. Поводок она надевать не стала — домашний пес всегда вел себя безупречно. Когда они свернули на Массачусетс-авеню, то увидели поразительное зрелище. На лужайке перед японским посольством полыхал костер, куда работники посольства ящиками сбрасывали официальные бумаги. За ними наблюдала толпа под бдительным присмотром полиции округа Колумбия. Немалую часть зрителей составляли журналисты. Фотографы находились повсюду, даже на деревьях.

Соблюдая достоинство, Кэтрин направилась мимо посольства, уводя за собой пса. Но, к ее ужасу, обычно послушный Фреклс внезапно выбежал на лужайку перед посольством и там, на глазах у зевак, полиции и репортеров, невозмутимо «сходил по-маленькому». Кэтрин, покраснев от стыда, прогнала пса с лужайки и отправилась домой, где сказала матери:

— Там была куча репортеров, и если они узнают, кто я такая, то могут сочинить заголовок вроде: «Собака адмирала обливает Японию презрением».

Вскоре миссис Нимиц вышла из дома с горячей едой, термосами кофе и горячего супа. В ближайшие несколько дней она неоднократно приходила в департамент, чтобы накормить мужа и его помощников. В тот день адми-

рал Нимиц вернулся домой поздно ночью. Поспав три-четыре часа, он принял душ, побрился и снова уехал в департамент.

Вышедшие на следующее утро газеты упомянули, цитируя официальное коммюнике, что лишь «Оклахома» получила повреждения. Морской департамент решил не информировать японцев через американскую прессу, насколько успешной оказалась их атака и какой тяжелый урон понес американский флот. Кто-то из офицеров предположил, что если нападавшие узнают всю правду, то это может побудить их вернуться и вторгнуться на Гавайи.

Кроме того, департамент через газеты и радио приказал всем офицерам в районе Вашингтона продемонстрировать «боевую готовность», придя в понедельник утром на службу в форме. Попытка выполнить этот приказ фактически обернулась провалом. Адмирал Нимиц и лейтенант Ламар выполнили его без проблем, потому что им по долгу службы приходилось держать форму наготове, чтобы надевать ее во время похорон военных моряков на Арлингтонском кладбище[1]. Однако другие офицеры не носили форму все три года службы на берегу, и кое-кто из них за это время прибавил в весе или запустил форму до полной ветхости. Все воскресенье до самого вечера Ламар названивал флотским портным и уговаривал их открыть мастерские, чтобы справиться с возникшим кризисом. Однако даже несмотря на его отчаянные усилия далеко не каждый офицер прибыл в понедельник утром на службу в лучшем виде. Кое-кто явился в департамент в кителе, у которого пуговицы не сходились на животе, или были оторваны, а шевроны потускнели и истрепались. Один адмирал даже щеголял в очень ярком пальто из клетчатого шотландского твида и адмиральской фуражке.

В тот же день президент потребовал, а Конгресс проголосовал за объявление войны Японии. Германия и

---

[1] Посещение похорон на Арлингтонском кладбище входило в служебные обязанности американских офицеров. *(Прим. ред.)*

Италия, выполняя договорные обязательства перед Японией, вскоре объявили войну Соединенным Штатам. И теперь на Бюро навигации легло бремя обеспечения флота личным составом в военное время — бремя, которое стало бы гораздо более тяжелым, если бы адмирал Нимиц не подготовился заблаговременно как раз к таким обстоятельствам, действуя иногда в обход ограничений и правил.

Одновременно Бюро навигации захлестнул поток срочных дел, связанных с событиями в Перл-Харборе. Предстояло рассортировать противоречивую информацию, уведомить семьи погибших, привезти на родину их тела, а во многих случаях и организовать похороны. Тысячи офицеров и матросов утратили все имущество, когда утонули их корабли, и их следовало обеспечить всем необходимым. Звонили возбужденные конгрессмены, желавшие поступить на флотскую службу. Для них у Нимица, смертельно уставшего и замученного бессонными ночами, был готов стандартный ответ: «Возвращайтесь в Конгресс и проголосуйте за ассигнования для флота, потому что они нам понадобятся».

9 декабря морской министр Нокс вылетел в Перл-Харбор для оперативной инспекции и совещания с местными офицерами. На следующий день адмирал Кинг, реалистичный и трезво мыслящий командующий Атлантическим флотом, прибыл в Вашингтон для совещания с руководством ВМС, включая адмирала Нимица. Трудно представить более контрастные личности, чем грубоватый суровый Кинг и спокойный вежливый Нимиц, но они хорошо ладили. Между ними еще прежде зародилась дружба, основанная на взаимном уважении способностей, прямоте и преданности долгу.

В понедельник 15 декабря Нокс, вернувшись в Вашингтон, встретился с представителями прессы. Он сказал им, что «Аризона» потоплена, а вместе с ней корабль-мишень, минный заградитель и три эсминца и что «Оклахома» легла на бок, но ее можно поставить на ровный киль. Но это, разумеется, не было всей правдой, о чем Нокс потом конфиденциально сообщил потрясенным

офицерам. Нокс, бывший в гражданской жизни издателем чикагской газеты «Дейли ньюс», свое дело знал. Он раскрыл прессе лишь то, что можно было ясно увидеть с окружающих Перл-Харбор высот и что уже наверняка было известно врагу. Часть вины за катастрофу морской министр возложил на войска, оборонявшие Гавайи, обвинив их в недостатке бдительности.

Привезенные Ноксом плохие новости оказались лишь частью сведений о нарастающей катастрофе как для американцев, так и для их британских друзей, ставших теперь союзниками в войне. Японский ударный флот, замеченный входящим в Сиамский залив, высадил на Малаккский полуостров десант, который начал наступление на Сингапур. «Принс оф Уэлс» и «Рипалс», попытавшиеся предотвратить вторжение, были быстро потоплены японской авиацией. Японцы захватили остров Гуам, вторглись на Филиппины и британские острова Гилберта, бомбили Сингапур и Гонконг, обстреливали атолл Мидуэй и остров Джонстон. Американские морские пехотинцы отбили натиск врага, стремящегося захватить остров Уэйк, но теперь этот атолл бомбили японские самолеты, взлетающие с Маршалловых островов. Очевидно, шла подготовка к повторной попытке вторжения.

Те же вечером на совещании с президентом Рузвельтом Нокс высказал ему три рекомендации: 1) создать комиссию по расследованию причин провала обороны Перл-Харбора и выявлению виновных, если таковые имеются; 2) адмирала Киммеля, поскольку его имя теперь неизбежно связано с катастрофой и поражением, немедленно снять с должностей главнокомандующего ВМС США и командующего Тихоокеанским флотом; 3) главнокомандующего ВМС США следует избавить от обязанности командовать еще и каким-либо отдельным флотом, поручив ему оперативный контроль над всеми ВМС. Рузвельт принял все три рекомендации, и они с Ноксом согласились назначить адмирала Кинга на новый и независимый пост главнокомандующего ВМС США. Очевидно, президент и секретарь решили отложить вопрос о том, кем следует заменить Киммеля, потому что на следующее

утро, 16 декабря, Нокс снова приехал в Белый дом. Они быстро согласились назначить Нимица командующим Тихоокеанским флотом.

— Передайте Нимицу, — сказал Рузвельт, — чтобы он во весь дух мчался в Перл-Харбор и оставался там до победы в войне.

Нокс торопливо вернулся в департамент и немедленно послал за Нимицем. Тот, совершенно не подозревая о принятом в Белом доме решении, устало вошел в кабинет секретаря. Нокс, сидя за столом и явно возбужденный, не предложил адмиралу сесть и без предисловий выпалил:

— Как скоро вы будете готовы к поездке?

— Это зависит от того, куда я поеду и на какой срок, — несколько дерзко ответил Нимиц, чьи нервы от усталости были на пределе.

— Вам предстоит взять на себя командование Тихоокеанским флотом, и я полагаю, что уедете вы надолго.

Нимиц был поражен. Год назад он умолял не повышать его в должности из-за возраста. Эта причина оставалась в силе и сейчас, а теперь дополнялась и новым раздражающим фактором — ему предстояло сменить старого друга. Однако в военное время приказы не обсуждаются, и Нимиц заговорил о своих непосредственных обязанностях:

— Мне надо найти человека себе на замену.

— Кого вы предлагаете?

— Рэндолла Джекобса.

Кэптен Джекобс, до сих пор работавший помощником главы Бюро навигации, знал проблемы Бюро почти столь же исчерпывающе, как и сам Нимиц.

— Нельзя, — возразил Нокс. — ФДР[1] его не любит.

— Проклятье! — взорвался Нимиц. — Он единственный, кто может справиться!

— Где он?

---

[1] ФДР — сокращение от «Франклин Делано Рузвельт». *(Прим. ред.)*

Нимиц ответил, что Джекобс сейчас где-то в Атлантике и что он его отыщет.

Выйдя из кабинета Нокса, он зашагал по коридору, пытаясь разобраться в сумятице мыслей. И неожиданно замер, увидев идущего навстречу невысокого полного мужчину — того самого кэптена Джекобса. Джекобс объяснил, что был на пути в военно-морскую базу Норфолк, когда услышал известие об атаке на Перл-Харбор. И, едва освободившись от дел, вернулся в Вашингтон — выяснить, что происходит.

— Идите со мной,— сказал Нимиц.

Адмирал привел Джекобса в свой кабинет, усадил за стол и объявил:

— Отныне Бюро возглавляете вы. Оформляйте приказ о своем назначении.

Оставив в кабинете слегка ошеломленного нового шефа бюро, Нимиц еще несколько часов составлял инструкции, разбирал корреспонденцию, совещался с Шафро и остальными — словом, делал все, чтобы подготовить новому шефу бюро «чистый старт». Уже под конец дня он вместе Ноксом был вызван в Белый дом для краткого разговора с президентом. Оттуда он, как обычно, пешком направился домой.

Миссис Нимиц он обнаружил в постели — у нее начался насморк. Адмирал вошел в спальню, сел рядом с женой и после долгой паузы спросил:

— Ты простудилась?

Жена поняла, что у него что-то на уме.

— Ничего серьезного, дорогой,— ответила она.— Что с тобой? Что-то случилось?

— Меня назначили новым командующим Тихоокеанским флотом,— все еще не веря, сообщил он.

— Ты всегда хотел командовать Тихоокеанским флотом. И всегда думал, что это вознесет тебя на вершину славы.

— Дорогая, флот лежит на дне. Здесь этого никто не должен знать, но тебе я сказать обязан.

После обеда миссис Нимиц принесла несколько чемоданов, и они начали собирать вещи адмирала. Заметив,

что муж рассеянно укладывает в чемодан парадный фрак, она заставила его сесть и принялась за дело сама, уложив несколько комплектов формы — белой и цвета хаки. Она раньше жила на Гавайях и знала, что синяя форма ему там не понадобится. Ее можно будет прислать и позднее, если адмиралу придется отправиться в места с более прохладным климатом.

Как оказалось, супруги уложили вещи несколько преждевременно. Адмиралу пришлось побывать на целой серии дневных и вечерних дискуссий и совещаний, завершившейся конференцией в Белом доме утром в четверг. Главной темой обсуждений был один вопрос: как следует поступить с ослабевшими военно-морскими силами США на Тихом океане. Главные ударные силы Тихоокеанского флота теперь состояли из трех оперативных групп во главе с авианосцами «Саратога», «Энтерпрайз» и «Лексингтон». Адмирал Киммель, с одобрения Морского министерства, направил 16 декабря все три группы на снятие осады острова Уэйк. Группе «Лексингтона» предстояло совершить диверсионный рейд на Маршалловы острова, в то время как «Саратога», имея на борту эскадрилью истребителей, направилась напрямую к Уэйку, прикрываемая «Энтерпрайзом», перед которым стояла задача прикрывать еще и Перл-Харбор.

Ну хорошо, осаду с Уэйка снимут, а что дальше? Несмотря на секретное довоенное соглашение с Британией — проводить политику «Гитлера бьем в первую очередь», — флотское командование США собиралось активно использовать Тихоокеанский флот. Ранее планировалось с началом боевых действий захватить Маршалловы и Каролинские острова, чтобы отвадить японцев от района Ост-Индии, а заодно и проложить путь ко снятию осады Филиппин. Рейд на Перл-Харбор автоматически отменил сей амбициозный план. Очевидно, все, на что сейчас способны остатки Тихоокеанского флота, — это защищать американские позиции и морские перевозки, особенно в районе атолла Мидуэй на пути в Австралию, которым вражеское наступление угрожало больше всего.

В четверг утренние газеты объявили о том, какие решения президент принял в ответ на атаку на Перл-Харбор. Комиссия из пяти человек, возглавляемая членом Верховного суда Оуэном Дж. Робертсом, начнет расследование причин разгрома американской обороны. Адмирал Киммель смещен с должности и заменен адмиралом Нимицем. До прибытия последнего на Гавайи командование Тихоокеанским флотом возлагается на вице-адмирала Уильяма С. Пая, командующего линейными кораблями. Генерал-лейтенант Делос Ч. Эммонс заменит генерал-лейтенанта Уолтера Ч. Шорта на посту главы Гавайского округа. Бригадный генерал Кларенс Л. Тинкер заменит генерал-майора Фредерика Л. Мартина на посту главы Гавайских ВВС. До назначения нового командующего Атлантическим флотом о назначении адмирала Кинга на пост главнокомандующего ВМС США не сообщалось. И, разумеется, в печать не просочился даже намек на экспедицию по снятию осады с острова Уэйк.

Нокс уведомил Нимица, что его уже ждет самолет для перелета в Перл-Харбор.

— Послушайте,— ответил адмирал,— я сейчас попросту слишком устал для быстрых полетов.— И добавил, что предпочел бы отправиться на Западное побережье поездом, чтобы по дороге отоспаться, восстановить силы и почитать кое-какие отчеты.

В конце концов договорились, что Нимиц уедет из Вашингтона поездом на следующий день, в пятницу 19 декабря. В четверг он, как и обычно, проработал допоздна, но в пятницу утром немного расслабился и вместе с женой отправился в школу, где их дочь Мэри участвовала в рождественском представлении, на котором они обещали побывать.

Вернувшись домой, семья еще сидела за поздним ленчем, когда приехал секретарь Ламар на машине с шофером. Кэптен Шафро приказал Ламару сопровождать Нимица во время поездки, а флотский медик велел присматривать за адмиралом и на ближайшие несколько дней стать для него кем-то вроде медсестры. Ламару поручили проследить, чтобы Нимиц как следует выспался

и хорошо питался, а также постараться, чтобы он хотя бы на первые день-два позабыл о ждущих его делах. Лейтенанту также посоветовали прихватить пару бутылок виски и сделать так, чтобы адмирал принимал для расслабления одну-две рюмки каждый вечер перед ужином.

Согласно полученным из Белого дома инструкциям, лейтенанту и адмиралу следовало путешествовать инкогнито в гражданской одежде. Нимиц решил назвать себя «мистер Фримен», воспользовавшись девичьей фамилией жены. Ламар же выбрал себе псевдоним «мистер Уэйнрайт» в честь контр-адмирала Джона Дрейтона Уэйнрайта, которым он восхищался.

Поговорив немного с семьей адмирала, Ламар тактично удалился, сказав, что спустится и подождет в машине.

Чтобы привлекать как можно меньше внимания, Нимиц попрощался с семьей там же, в квартире. Хотя миссис Нимиц и девочки понятия не имели, когда они увидят его снова — наверняка не раньше, чем через несколько месяцев, а то и лет,— слез не было. Семья Нимицев была настоящей семьей морского офицера, для которой разлуки не были неожиданностью. Они принимались, как суровая необходимость.

Позднее миссис Нимиц сказала: «Я ни на секунду не сломалась. Мать растила меня, приучая без слез встречать все, что посылает судьба. Нужно просто жить дальше. И такое воспитание мне очень помогло, потому что, когда он ушел, у меня возникло такое же чувство, как если бы он просто пошел на работу».

Нимиц, уехав из дома пораньше, успел по пути заехать в Департамент ВМС. Старк пожал ему руку и предложил проводить на станцию, но потом передумал, потому что его форма могла привлечь внимание. Нокс, только что вернувшийся из Морской академии, где произносил речь на выпускной церемонии досрочного выпуска, был настолько вымотан физически и эмоционально, что его голос дрожал, когда он прощался с адмиралом. Тем временем Старк отвел Ламара в свой кабинет и вручил ему тяжелую холщовую сумку.

— Держите ее всегда при себе,— велел он,— и не открывайте до тех пор, пока не отъедете подальше от Чикаго. И только тогда покажите адмиралу Нимицу то, что внутри.

Во время поездки на станцию Нимиц был молчалив и задумчив. Ламар знал, что вмешиваться в размышления шефа более чем не рекомендуется. Их отношения, по служебной необходимости близкие, никогда не были дружескими, поскольку Нимиц, хотя и был приветлив и благожелателен, обычно психологически держал подчиненных на расстоянии.

Им повезло, и на станции они не встретили никого из знакомых. Им сразу разрешили сесть в вагон экспресса «Кэпитол лимитед», где они и расположились в соседних купе, соединенных дверью.

Едва поезд отошел от станции, как Нимиц проявил себя с совершенно новой (для помощника) стороны. Отбросив все заботы, он рассказывал анекдоты и отпускал шуточки. Адмирал попытался научить Ламара играть в криббедж, но лейтенант был слишком возбужден и не сумел сосредоточиться на игре. Он уже начал гадать, кто здесь за кем присматривает. Наконец адмирал сдался и принялся раскладывать собственную, весьма математическую, версию пасьянса.

Новообретенная веселость адмирала несколько поблекла в тот же вечер во время обеда, когда некто из сидящих в вагоне-ресторане сперва пристально посмотрел на него, а потом, выйдя из ресторана, обратился к Нимицу по имени и званию. То был профессор одного из колледжей, с которым Нимиц недавно познакомился, когда произносил речь во время конвента Ассоциации американских университетов. Нимицу оставалось лишь надеяться, что его истинное имя не станет известно всему поезду и не достигнет прессы.

В Чикаго Нимиц воспользовался паузой между поездами, поймал такси и съездил на флотскую базу, где наконец-то постригся (раньше у него на это не хватало времени), а заодно нанес краткий визит в школу офицеров запаса. Он был рад узнать, что оборона острова Уэйк

все еще продолжается, несмотря на постоянные воздушные налеты.

Вскоре после полудня экспресс «Санта-Фе суперчиф» выехал из Чикаго, увозя адмирала и его помощника. После ленча Ламар открыл доверенную ему Старком холщовую сумку и вручил адмиралу ее содержимое — полный отчет о материальных и людских потерях в Перл-Харборе, дополненный мрачными фотографиями затонувших и поврежденных кораблей. Нимиц мгновенно стал серьезным и начал тщательно читать отчет. Прочитанное его потрясло, но одновременно и укрепило все нарастающее убеждение, что Нокс ошибался, обвиняя Киммеля и других командиров на Гавайях. «Такое могло произойти с кем угодно»,— сочувственно проговорил он.

Больше всего огорчила Нимица фотография линкора «Аризона» — окутанного дымом и с перекошенными мачтами. Японская бомба взорвалась внутри одного из носовых артиллерийских погребов, погубив более тысячи моряков. Три года назад, когда Нимиц командовал 1-й дивизией линкоров, «Аризона» была его флагманским кораблем. А самим кораблем тогда командовал старый друг Нимица, кэптен Айзек Кидд. Ко времени атаки на Перл-Харбор Кидд, ставший контр-адмиралом, принял командование 1-й дивизией, и его флагманским кораблем тоже была «Аризона». Во время нападения он находился на борту и теперь числился среди пропавших без вести.

Наконец Нимиц оторвался от отчета, чтобы написать письмо жене — первое из сотен, написанных за время войны. Позднее они составили нечто вроде дневника с ежедневными записями — когда короткими, когда длинными. Письма адмирал отправлял домой раз в неделю.

«Мы едем через запад Иллинойса,— начал он,— по красивой сельской местности с фермами и широкими полями до самого горизонта».

Чтобы скрасить монотонность долгой поездки через равнины, Нимиц и Ламар во время редких остановок выходили и прогуливались по станционным платформам. Перед одной из таких остановок адмирал, направля-

ясь к выходу, зашел в туалет. Следом по вагону прошел проводник, привычно запирая туалеты перед станцией. Он запер Нимица, не проверив, занят ли туалет. Поэтому когда «мистер Фримен» собрался выйти, это ему не удалось. Более того, когда поезд отошел от станции, проводник забыл отпереть дверь туалета.

Адмирал стучал в дверь — тщетно. Столь же безуспешными оказались и его попытки отпереть дверь изнутри. Он создавал и устанавливал оборудование на кораблях, был национальным авторитетом по дизельным двигателям, но этот замочек оказался сильнее его. Ирония судьбы — будущий командующий Тихоокеанским флотом оказался заперт в туалете площадью два на четыре фута. Нелепость ситуации оказалась сильнее его чувства юмора. Целых пятнадцать минут вспотевший адмирал то ковырялся в замке, то молотил в дверь.

Наконец проводник, шествуя по узкому коридору, услышал стук. Вынув ключ, он отпер дверь и немедленно оказался лицом к лицу с разъяренным «мистером Фрименом». Проводник презрительно взглянул на того, кого считал просто туповатым гражданским средних лет.

— Слушайте,— сказал проводник с жалостью к тупице,— когда вы внутри, то можно в любой момент выйти, сдвинув эту задвижку.

— О, вы так полагаете?— осведомился Нимиц.— Прекрасно. Тогда попробуйте сами. Дайте-ка мне ключ и зайдите внутрь.

Нимиц закрыл дверь и повернул ключ, оставив проводника столь же беспомощным, каким только что был сам. Вернувшись в свое купе, адмирал пятнадцать минут сосредоточенно читал отчет. Затем встал и, покручивая на пальце ключ от туалета, подошел к двери и выпустил взмыленного проводника, совершенно обессилевшего от стука и криков. Нимиц возвратился в купе уже в приподнятом настроении, а со временем стал вспоминать это событие, включая собственные переживания, как весьма забавное. А его коллекцию юмористических историй, которые он охотно рассказывал, пополнил еще один анекдот.

В воскресенье днем, проезжая через Нью-Мексико, адмирал снова написал жене:

«Я прекрасно выспался и проснулся весьма свежим, но, проведя весь день за чтением отчетов и расчетами, уже не смог сохранить хорошее настроение. Наверное, мне полегчает, лишь когда я прибуду на место и преодолею первоначальный шок.

Во вчерашней вечерней газете написано о назначении Кинга главнокомандующим ВМС, и он, очевидно, заменит Старка в том, что касается операций. Ингерсол стал командующим в Атлантике. Какая мощная всеобщая перестановка в верхах! В любом случае, я убежден, что на Тихом океане еще долго будет происходить гораздо больше боевых действий, чем в любом другом месте.

Ламар продолжает служить для меня великим ободрителем. Надеюсь, что погода будет благоприятная и не задержит мой отлет».

В Лос-Анджелесе адмирал и Ламар расстались. Лейтенант поехал обратно в Вашингтон, а Нимиц — в Сан-Диего, прибыв туда к концу дня 22 декабря. Там его встретил кэптен Э. Роберт Андерсон, пребывающий в несколько возбужденном состоянии. Не обнаружив «мистера Фримена» в первой и второй секциях прибывающего поезда, Андерсон обратился к начальнику станции и получил заверения, что все вагоны из Лос-Анджелеса поданы[1]. Кэптен уже собрался было прийти к выводу, что с адмиралом произошло какое-то несчастье, когда, опровергая информацию начальника станции, к перрону подкатила хвостовая секция поезда, а вместе с ней и пропавший «мистер Фримен». Андерсон, призванный из запаса журналист, отвез Нимица на машине в Сан-Диего, в дом контр-адмирала Эрнеста Гюнтера.

Гидросамолет «Каталина» уже стоял наготове, чтобы перебросить адмирала Нимица в Перл-Харбор, но ее отлет задержал налетевший с юго-востока шквал. Самолет попытался взлететь 23 декабря, но резкий порыв ветра

[1] Длинные американские поезда обычно подаются к перрону по частям. *(Прим. ред.)*

ударил его в крыло, двигатели накрыло волной и взлет пришлось прервать. Утром следующего дня ветер начал стихать, и вылет оказался возможен.

Утренние газеты объявили, что враг высадился на острове Уэйк, но моряки и морская пехота продолжают сопротивление. Адмирал Нимиц стал гадать, что же задерживает спасательный отряд, который к этому времени уже должен был достичь атолла.

Перед отлетом Нимиц успел написать несколько строк для жены, завершив письмо такими словами: «Я очень надеюсь, что смогу оправдать высокие ожидания — твои, президента и Департамента. Я искренне обещаю сделать все, что в моих силах. И очень сожалею, что не смогу добраться до ПХ быстрее, чем там окажется комиссия [Робертса]».

«Каталина» с Нимицем на борту взлетела в 4 часа дня. Адмирал посчитал необходимым извиниться перед экипажем за то, что разлучает их с семьями в канун Рождества.

Глава 2

КОМФЛОТ ИЗ ТЕХАСА

По соображениям безопасности самолет адмирала Нимица не направился сразу к острову Оаху в Гавайском архипелаге. На рассвете рождественского утра он вынырнул из облаков над соседним островом Молокаи, где его встретило звено истребителей и сопроводило в Перл-Харбор.

Продрогший и полуоглохший от рева двигателей, адмирал почти весь полет не спал. Когда самолет стал делать круг перед посадкой, он взглянул вниз и сквозь моросящий дождь увидел жуткое зрелище. Восточная гавань, главное место якорной стоянки флота, покрывала черная нефтяная пленка. Линкор «Оклахома» и корабль-цель «Юта» лежали вверх днищем, а минный заградитель — на боку. Неподалеку на мелководье стоял, уткнувшись в дно сильно поврежденный линкор «Невада». Линкоры «Калифорния», «Вест-Вирджиния» и «Аризона» затонули, от них виднелись над водой лишь палубы с почерневшими и искореженными мачтами.

В 7 утра, точно в назначенное время, адмиральский самолет коснулся воды и через несколько минут остановился. Когда дверь распахнулась, в ноздри ударила вонь разлитой солярки, обугленного дерева, горелой краски и обгоревших разлагающихся тел. К самолету подошел вельбот, измазанный соляркой снаружи и изнутри. Нимиц, все еще в гражданской одежде, с некоторой брезгливостью спустился в грязное суденышко и пожал руки встречающим — контр-адмиралу Патрику Беллинджеру, командующему морской авиацией на Гавайях, и кэптенам Уильяму У. Смиту и Гарольду Ч. Трейну, начальникам штабов у адмиралов Киммеля и Пая.

Нимиц сразу задал главнейший для него вопрос:

— Какие новости по поводу осады острова Уэйк?

Когда ему сказали, что спасательная экспедиция была отозвана, а остров Уэйк сдан, он некоторое время молчал.

Дорога до берега оказалась печальной. Ветер гнал волну, упорно моросил дождь. Все четверо с трудом удерживались в вельботе стоя, боясь упасть и испачкать одежду. В ответ на вопрос Нимица кэптен Смит пояснил, что в гавани много катеров и шлюпок, потому что они вылавливают раздувшиеся тела моряков, все еще всплывающие на поверхность. Наступило еще одно долгое молчание.

— Когда вернетесь в свой кабинет,— сказал наконец Нимиц Смиту,— позвоните в Вашингтон и доложите о моем прибытии.— Затем, оглядывая Восточную гавань, пробормотал:— Какое ужасное зрелище — видеть столько потопленных кораблей.

Наконец вельбот причалил к пирсу базы подводных лодок, и кэптен Трейн поводил Нимица к служебной машине, возле которой его ждал адмирал Пай, чтобы отвезти в дом на склоне Макалапы — давно потухшего вулкана, возвышающегося над базой подлодок. Увозя Пая и Нимица, машина стала подниматься по склону и вскоре остановилась перед удобным на вид жилищем.

— Кто здесь живет?— спросил Нимиц.

— Это ваш дом. Здесь больше никого нет.

Нимиц спросил Пая, позавтракал ли он. Пай ответил утвердительно.

— Что ж, — решил Нимиц, — в таком случае позавтракаете еще раз. Один я есть не стану... после того, что увидел.

Когда Нимиц закончил первый, а адмирал Пай второй завтрак, к ним присоединился адмирал Киммель. Сейчас он носил две звезды, а не четыре, как в бытность командующим Тихоокеанским флотом[1]. Прежде дородный мужчина с внушительной внешностью, ныне он слегка сутулился и выглядел неуверенным. В то ужасное утро более двух недель назад, когда Киммель со смесью ужаса и восхищения наблюдал, как его флот разбивают вдребезги, шальная двенадцатимиллиметровая пуля пробила окно и попала ему в грудь.

— Жаль, что она меня не убила, — негромко проговорил Киммель.

Нимиц, потрясенный внешностью старого друга, тепло пожал его руку.

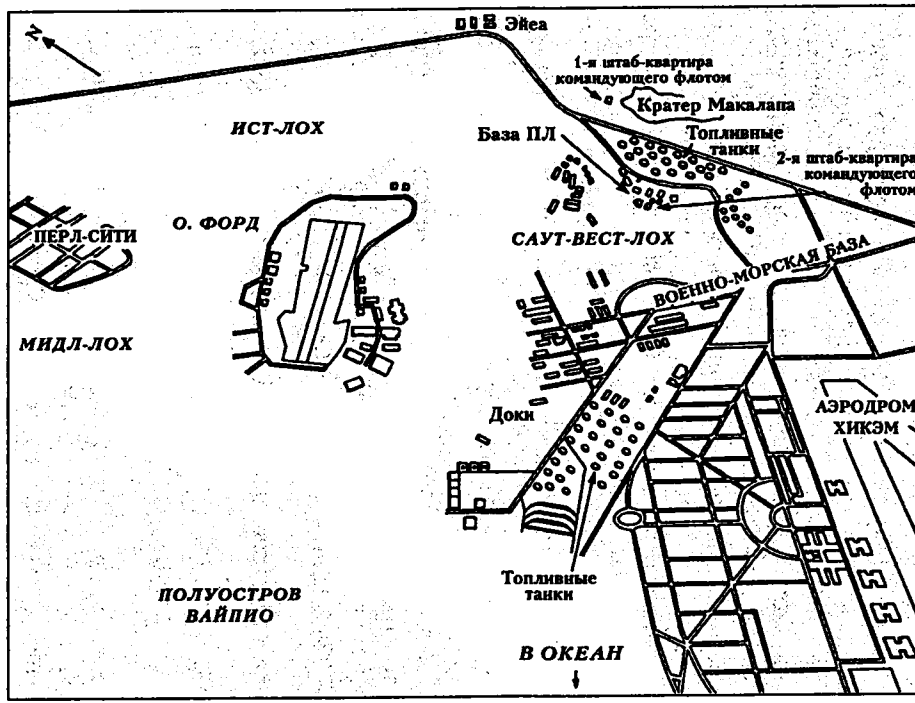
— Мои симпатии на твоей стороне, — сказал он. — Такое могло произойти с кем угодно.

Киммель, закоренелый «трудоголик», оставил жену в Соединенных Штатах, чтобы ничто не отвлекало его от работы на посту КТФ. До недавнего времени он жил в доме, ныне подготовленном для Нимица. Теперь же адмирал, миссис Пай и один из кэптенов жили в доме напротив — в Перл-Харборе не хватало жилья с тех пор, как тысячи моряков потеряли каюты на кораблях.

Нимиц предложил, чтобы кто-то жил с ним в его новом доме, где имелись четыре спальни, но Пай и Киммель пояснили, что перенаселенность эта временная, поскольку Киммель вскоре покинет Перл-Харбор, и миссис Пай тоже, потому что всем иждивенцам приказали вернуться в Штаты. А новому командующему Тихоокеанским флотом, по их словам, понадобится просторный

---

[1] Звание адмирала флота (или «четырехзвездного адмирала») Киммель носил в качестве временного, занимая должность командующего флотом. *(Прим. ред.)*


Эйеа
1-я штаб-квартира командующего флотом
Кратер Макалапа
ИСТ-ЛОХ
База ПЛ
Топливные танки
2-я штаб-квартира командующего флотом
ПЕРЛ-СИТИ
О. ФОРД
САУТ-ВЕСТ-ЛОХ
ВОЕННО-МОРСКАЯ БАЗА
МИДЛ-ЛОХ
Доки
АЭРОДРОМ ХИКЭМ
Топливные танки
ПОЛУОСТРОВ ВАЙПИО
В ОКЕАН

Перл-Харбор

дом, чтобы поселить в нем кого-нибудь из членов своего штаба и размещать приезжающих с визитом важных персон. Нимиц настоял на том, чтобы они хотя бы питались вместе, и они согласились. Поэтому адмиралы Нимиц, Киммель и Пай, а также миссис Пай сидели за рождественским обедом вместе.

Адмирал Нимиц начал быстро осваивать свою новую должность. В этом ему верно помогали Пай и другие адмиралы, остававшиеся намного старше него по званию до тех пор, пока он не наденет свои четыре звезды в качестве командующего Тихоокеанским флотом. Погоны с четырьмя звездами заранее вручили Нимицу офицеры и матросы той самой базы подводных лодок, которую он строил двадцать лет назад. Адмирал Киммель старался быть доступным для Нимица в любое время, однако ему приходилось по несколько часов в день проводить с комиссией Робертса, которая обычно заседала в отеле в Гонолулу.

В паузах между брифингами и совещаниями адмирал Нимиц тщательно обследовал мастерские, штабы, узлы связи и прочие важные объекты, включая поврежденные корабли, и проверил ход спасательных операций. После этого он пришел к двум важным заключениям. Первым стало удручающее осознание того факта, что командующий Тихоокеанским флотом больше не сможет командовать им, находясь в море. Круг его обязанностей и зона ответственности оказались настолько широки, а линии связи и управления настолько многочисленными, что он попросту не имел права во время боевых действий покидать сложный центр связи в Перл-Харборе и выходить с флотом в море. Получалось, что Нимицу, прошедшему всю Первую Мировую войну, так и не сделав выстрела по врагу, вряд ли доведется увидеть хотя бы одно сражение и во Вторую. Второй вывод стал более радостным. Адмирал понял, что «катастрофа в Перл-Харборе» почти что пустяк по сравнению с тем, что могло произойти. По его словам, урон «очень легко мог оказаться убийственно большим».

Если бы адмирал Киммель вовремя получил предупреждение о приближении противника, то мог бы, дей-

ствуя «по всем правилам», вывести флот в море на перехват атакующей армады. При удаче он мог бы даже присоединиться к эскадре «Энтерпрайза» под командованием вице-адмирала Уильяма Ф. Хэлси, которая возвращалась на Оаху, доставив на остров Уэйк эскадрилью морских истребителей. Однако атакующий японский флот имел шесть авианосцев и обладал превосходством в скорости минимум в 2 узла. Следовательно, если бы Киммель вышел в море и встретил врага, его флот почти наверняка оказался бы потоплен — на больших глубинах, без надежды на подъем. А вместе с кораблями погибли бы и 20 тысяч моряков. Сейчас же шесть из восьми линкоров, поврежденных в Перл-Харборе, со временем могут быть возвращены в строй. «Мэриленд», «Пенсильвания» и «Теннесси», на скорую руку залатав пробоины, уже плелись малым ходом в доки Западного побережья.

Для многих американцев нападение на флот в Перл-Харборе казалось ни с чем несопоставимой катастрофой — и действительно, гибель двух тысяч человек стала трагедией для их семей и друзей и серьезной потерей для вооруженных сил. В 1941 году лишь считанные люди, даже среди морских офицеров, понимали, что стоящие в Перл-Харборе старые линкоры в значительной степени являлись обузой для флота. Они были слишком уязвимы и не могли действовать без авиационного прикрытия, но в тоже время были слишком тихоходны для действий вместе с авианосцами. В современной войне до вражеского флота очень часто могут «дотянуться» лишь самолеты, но не корабельные орудия. Но уже в 1944 году поднятые, отремонтированные и модернизированные линкоры оказались наилучшим средством флота для обстрелов береговых укреплений под прикрытием самолетов с новых эскортных авианосцев. Гибель и выход из строя линкоров, как ни странно, позволил решить кадровые проблемы — ведь без своих кораблей оказались тысячи хорошо подготовленных и обученных моряков. Ими вскоре укомплектовали новые авианосцы и корабли амфибийных сил — именно эти подразделения внесли наибольший вклад в разгром врага.

Японцы не тронули американские авианосцы, потому что в их Перл-Харборе в день атаки не было. Нападающие не смогли во время налета поразить нефтехранилище с 4,5 миллионами баррелей топлива для кораблей. Окажись этот огромный резервуар уничтожен, флот был бы вынужден вернуться на Западное побережье[1].

Бомбы не упали ни на весьма важные ремонтные мастерские Перл-Харбора, ни на базу подводных лодок, откуда была позднее начала первая американская атака. А самое главное, рейд на Перл-Харбор гальванизировал опасно разделенную до этого нацию и объединил ее, наполнив решимостью вести войну до победного конца. Вот и выходило, что в итоге налет не ослабил, а воистину укрепил Соединенные Штаты. Адмирал Исороку Ямамото, спланировавший и осуществивший нападение несмотря на яростное сопротивление японского Морского генерального штаба, допустил стратегический просчет.

Адмирал Нимиц, решая бесконечные проблемы своего флота, иногда с тоской поглядывал на зеленые вершины и белоснежные пляжи острова Оаху, идеальное место для прогулок и купания, но у него не было времени на подобные удовольствия. Вероятно, отсутствие привычной физической активности не меньше, чем груз проблем, заставляло его каждую ночь мучиться бессонницей. Тем не менее каждое утро он поднимался в половине седьмого, делал несколько разминочных упражнений, в 7:15 завтракал в одиночестве, и отправлялся в штаб Тихоокеанского флота, разместившийся на базе подлодок. На базе же он ходил на ленч с одним или несколькими офицерами, а затем шел обратно в штаб или отправлялся на инспек-

---

[1] Ослепленные желанием уничтожить корабли, японцы просто не планировали удар по нефтехранилищу. Для одного из японских адмиралов, допрашивавшегося американцами в 1946–1947 годах, упущенная возможность такого удара стала таким откровением, что он даже пытался покончить с собой, считая позором то, что по его вине была упущена возможность реально заставить американский флот бездействовать.

ции до шести вечера, после чего возвращался в закопченный после пожаров дом.

После обеда с Киммелем и четой Паев адмирал впервые за весь день расслаблялся, играя с ними в криббедж. Для многих такое общество стало бы скорее испытанием, чем отдыхом, потому что над всеми ними тенью нависала неизбежная отставка Киммеля и его неудача при попытке спасения гарнизона острова Уэйк. Киммель отправил к Уэйку спасательную экспедицию, которая в случае успеха могла бы восстановить его пострадавшую репутацию. Пай, приняв от него командование, экспедицию отозвал. Однако никакие события ни тогда, ни позднее не смогли ослабить дружбу трех адмиралов.

Одной из самых важных и деликатных проблем адмирала Нимица было комплектование своего штаба, своей боевой команды. Выбор у него имелся широчайший, потому что, кроме командиров, утративших свои корабли или отряды, он мог выбирать среди офицеров штабов адмиралов Киммеля и Пая, а также штаба контрадмирала Майло Ф. Дремеля, командира соединения эсминцев. Разумеется, после налета штабным офицерам Пая и Дремеля ничего не оставалось, кроме как отсиживаться на берегу.

Из докладов и встреч со своими подчиненными, а также благодаря своему умению анализировать и чувствовать общую атмосферу Нимиц заключил, что моральный дух военнослужащих в Перл-Харборе быстро деградирует. Яростное сопротивление, с каким гарнизон и команды кораблей встретили нападение японцев, постепенно размылось бездействием, постоянными плохими новостями и, самое главное, неудачей операции по снятию осады с острова Уэйк. Поэтому в самом конце года Нимиц решил, что откладывать принятие командования он больше не может.

В десять утра 31 декабря 1941 года на палубе субмарины «Грейлинг», пришвартованной к пирсу базы подводных лодок, адмирал Нимиц принял на себя командование Тихоокеанским флотом, и на флагштоке «Грейлинга» взвился его новенький четырехзвездный адмиральский

флаг. Нимиц любил говорить, что принял командование на субмарине, потому что после японской атаки в Перл-Харборе не нашлось другой палубы. Возможно, на такое решение повлиял и тот факт, что когда-то и он носил нашивки подводника с дельфинами.

После церемонии адмирал Нимиц сошел на берег и обратился к маленькой группе офицеров, состоящей из генерала Эммонса и адмиралов Киммеля, Пая и Дремеля. Его короткая деловая речь отчасти предназначалась и стоящей рядом группе журналистов.

— Нам задали огромную трепку, — сказал в завершение Нимиц, — но я не сомневаюсь, каким станет исход войны.

— А что вы намерены делать сейчас? — спросил кто-то из журналистов.

Нимиц секунду подумал и ответил гавайской пословицей, которая, как он объяснил, означает: «Выжидайте, держите порох сухим и пользуйтесь возможностью, когда она предоставляется».

— Говорил он честно, да только ничего не сказал, — пробормотал Роберт Кейси из чикагской «Дейли ньюс».

В тот же день Нимиц собрал офицеров штабов Киммеля, Пая и Дремеля. Настроение у них было мрачное. Все готовились услышать худшее, потому что всех в той или иной степени запятнало поражение в Перл-Харборе, а некоторые штабисты Пая считали себя лично опозоренными из-за неудачи со снятием осады с острова Уэйк. Поэтому они и предполагали, что это собрание станет прощальным вечером нового шефа перед их отправкой в далекие и негостеприимные новые казармы. Уж если даже адмирала Киммеля отзывают из-за случившегося в Перл-Харборе, то вряд ли его подчиненным удастся избежать наказания.

Но Нимиц быстро бросил в зал «бомбу» — вовсе не такую, которую от него ожидали собравшиеся офицеры. Он сказал, что полностью и неограниченно уверен в каждом из них и не винит за случившееся. Более того, продолжил Нимиц, как бывший глава Бюро навигации, он знает, что их послали служить на Тихоокеанский флот

именно из-за их компетентности. И теперь он хочет, чтобы они остались здесь вместе с ним, чтобы обеспечить преемственность командования и непрерывность управления силами, поскольку именно они лучше всего знакомы с проблемами флота и подготовлены к исполнению своих обязанностей. Тех же, кто сам решит покинуть Перл-Харбор, он лично примет и обсудит будущее каждого офицера, а также то, что он, командующий, может сделать, чтобы офицер получил желаемое назначение.

— Однако я настаиваю, чтобы большинство офицеров, занимающих ключевые штабные должности, остались здесь, — завершил он. Этой простой и короткой речью адмиралу Нимицу удалось избавить Перл-Харбор от царящего там уныния.

Почти все офицеры, пожелавшие покинуть Перл-Харбор, уехали, потому что для роста и для назначения на новые должности обязаны были отслужить не менее трех лет в плавсоставе, на кораблях. Среди них был и кэптен Смит, начальник штаба Киммеля, которому предстояло повышение до контр-адмирала. Как только прибыл назначенный на эту должность офицер, Нимиц назначил Смита командиром дивизии тяжелых крейсеров. Начальником своего штаба Нимиц выбрал адмирала Дремеля. Разработчиком боевых операций он оставил кэптена Чарльза Г. Макморриса, поскольку тот занимал ту же должность в штабе Киммеля. И совершенно не имело значения, что Киммель и Макморрис занимали диаметрально противоположные позиции в вопросе об отзыве экспедиции к Уэйку — первый рекомендовал ее отозвать, а второй возражал.

Вероятно, никто из присутствовавших на совещании офицеров не ожидал предложения остаться менее, чем лейтенант-коммандер Эдвин Т. Лейтон, офицер разведки у Киммеля, упрекавший себя за то, что не смог предвидеть и предупредить шефа о грядущем нападении. Однако Нимиц его оставил. Более того, Лейтон стал единственным офицером, не считая самого Нимица, который всю войну прослужил в штабе командующего Тихоокеанским флотом.

Нимиц хорошо понимал, что получать советы и помощь от Киммеля он сможет лишь ограниченное время, потому что того не оставят в Перл-Харборе, когда он закончит давать показания комиссии Робертсона. Однако Нимиц добился разрешения оставить здесь на некоторое время Пая в качестве своего неофициального советника.

В каком-то смысле Нимиц всю предыдущую жизнь провел в подготовке к должности командующего Тихоокеанским флотом. Вероятно, как и почти все высшие командиры в истории, он был офицером, создавшим себя собственным трудом и упорством. Свидетельства намекают на то, что, наблюдая за командирами, под началом которых он служил, Нимиц создал мысленный образ идеального офицера и сознательно формировал себя так, чтобы этому образу соответствовать. Однако исходный материал, с которого он начинал, никто и никогда не мог изменить. В его характере и личности всегда ощущалось наследие деятельных Нимицев, а по линии матери — упорных и работящих Хенке.

Предки Нимица принадлежали к германским саксонцам, которые, возглавляемые меченосцами, в тринадцатом веке вторглись в Ливонию на восточном побережье Балтийского моря и завоевали ее ради распространения христианства и быстрых доходов. И действительно, фамильный герб Нимицев намекает, что его предками были рыцари-завоеватели, позднее поглощенные рыцарями Тевтонского ордена, и что глава семьи носил титул freiherr, то есть аристократический титул, расположенный примерно между бароном и графом.

В 1621 году шведский король Густав-Адольф захватил северную Ливонию. В результате мужчины из рода Нимицев стали служить в шведской армии и сопровождали Густава-Адольфа, когда тот в 1630 году вторгся в Померанию, вернувшись таким образом в свою родную Германию. В 1644 году майор Эрнст фон Нимиц служил адъютантом у шведского генерала Густава Врангеля. После подписания в 1648 году Вестфальского мира, покончившего с Тридцатилетней войной, майор Нимиц осел в северо-западной Германии неподалеку от Ганновера.

Позднее Нимицы из-за неприязненных отношений с правительством и неспособности поддерживать социальный уровень, который подразумевал их титул, попросту отказались как от него, так и от приставки «фон» перед своей фамилией. Начав семейный бизнес в качестве торговцев тканями, они постепенно восстановили семейное состояние.

Для предков адмирала по отцовской линии это растущее процветание резко затормозилось во времена его прадеда, Карла Генриха Нимица. Карл Генрих, похоже, оказался кем-то вроде беззаботного прожигателя жизни — днем охотился, а по ночам вращался на балах и приемах, совершенно забросив семейный бизнес. Промотав наследство и объявив себя банкротом, он нанялся суперкарго на купеческий корабль. Его младший сын (тоже Карл Генрих), дедушка адмирала, в 14 лет пошел по стопам отца и нанялся на торговый корабль. Трое старших детей эмигрировали в Соединенные Штаты и в 1840 году поселились в Чарльстоне, штат Южная Каролина. В 1843 году к ним присоединились родители, а в 1844 году — и Карл Генрих младший.

После полной приключений жизни моряка юного Карла Генриха совершенно не устраивало прозябание в тихом городке Чарльстон. Привлеченный рассказами о западном фронтире, он отправился морем в Техас, где присоединился к группе немецких иммигрантов, возглавляемой бароном Оттфридом Гансом фон Месбахом. Эти немцы, по большей части клерки, учителя, юристы и т.п., были очень плохо подготовлены к ожидающим их трудностям — скудной пище и путешествиям под почти непрерывными дождями без какой-либо крыши над головой. Поэтому на пути к земле, купленной для них обществом немецких аристократов, многие умерли или от холеры, или просто от истощения сил.

Наконец в мае 1846 года уцелевшие добрались до купленной земли, расположенной далеко западнее территорий, населенных англо-американцами. Там они основали свой город, назвав его Фридрихсбург в честь своего аристократического покровителя принца Фридриха

Прусского. Многие поселенцы англизировали свои имена. Их предводитель стал просто Джоном О. Месбахом, а Карл Генрих с тех пор называл себя Чарльзом Генри Нимицем.

Немцы принялись строить бревенчатые дома. Улицы они делали очень широкими, словно предвидели изобретение автомобиля, — на самом же деле для того, чтобы фургоны смогли легко развернуться. Дружелюбием, тонкой дипломатией и продуманной раздачей подарков Месбах сумел убедить местных команчей подписать договор, разрешающий немцам пользоваться окрестными землями совместно с индейцами, — договор, ни разу не нарушенный обеими сторонами.

Поселенцы привезли с собой знание музыки и любовь к ней — произведения Баха, Гайдна и Бетховена, а также менее известных композиторов. Они создавали оркестры, устраивали регулярные песенные фестивали и другие музыкальные праздники. К ним они вскоре добавили «schuetzenfests» — состязания по стрельбе для демонстрации вновь обретенного снайперского искусства.

Чарльз Генри Нимиц некоторое время поработал счетоводом в компании по заготовке кипарисовой древесины, действовавшей по берегам соседней реки Педерналес. В апреле 1848 года он женился на Софи Доротее Мюллер, дочери такого же поселенца, и уже в следующем году она подарила ему первого из их двенадцати детей. В 1851 году Чарльз Генри вступил в ряды техасских рейнджеров, однако прослужил недолго. В 1852 году он обнаружил свое истинное призвание, когда на восточной окраине Фридрихсбурга построил на широкой Мейн-стрит крошечный отель из высушенных на солнце кирпичей. Заведение процветало, потому что в нем часто останавливались владельцы ранчо, солдаты и направляющиеся на запад пионеры. Пока город Эль-Пасо не вырос из детских штанишек, между отелем «Нимиц» и Сан-Диего не было ни единой гостиницы.

Чарльз Генри вскоре расширил свои владения. Вспомнив о своей любви к морю, он добавил к гостини-

це нечто вроде шатра в форме корабельного носа. Сверху он постепенно надстроил комнаты, балкончики и мачты, из-за чего гостиница издалека смотрелась как корабль и частенько называлась «Отель Пароход».

Миссис Нимиц, несмотря на почти непрерывную беременность, много готовила и надзирала за уборкой номеров и снабжением дровами печей и каминов. Чарльз Генри увлеченно воплощал в жизнь программу строительства, постепенно добавив к отелю салун и комбинацию бального зала с театром, а на заднем дворе — коптильню, пивоварню и баню, окружив их стеной из такого же кирпича, высушенного на солнце, и которая была посыпана сверху битым стеклом, дабы отвадить вороватых индейцев.

Светловолосый и светлобородый Нимиц быстро приобрел репутацию приветливого хозяина. Дорожа каждым гостем, он обладал талантом создать у любого из них впечатление, что ему здесь особенно рады. Офицеры, проезжая из Сан-Антонио в пограничные форты или обратно, часто сворачивали по пути к Нимицу, дабы насладиться его гостеприимством. Почетным гостем в отеле был полковник Роберт Е. Ли. Нимиц, когда это было возможно, всегда селил его в одном и том же номере, который после Гражданской войны демонстрировали как «номер генерала Ли». Из других знаменитых постояльцев отеля можно отметить Фила Шеридана, Джеймса Лонгстрита, Кирби Смита, Адольфуса У. Грили и О'Генри, который изобразил отель Нимица под именем отеля «Куорримен» в рассказе «Принц чапараля».

Когда разразилась Гражданская война и воинские части вывели из близлежащих пограничных фортов, Нимиц организовал отряд «Гиллспайских винтовок» и был выбран его капитаном. Отряд состоял из молодых людей окружавшего город округа Гиллспай, взявших на себя бывшую солдатскую задачу — присматривать за индейцами. Вскоре правительство конфедератов назначило Нимица окружным офицером по призыву в армию — эта должность на некоторое время настроила против него соседей-немцев, многие из которых симпатизировали северянам.

После Гражданской войны отель «Нимиц» вновь стал процветать в качестве регулярной станции для дилижансов. Капитан Нимиц правил своим заведением с энергией и пылом, иногда граничащими с хулиганством. Любимой его проделкой было — спрятать столовое серебро из отеля в багаже отъезжающего гостя, а затем организовать погоню за «вором» и вернуть его в отель для инсценированного суда. Подобное обращение с постояльцами вряд ли сошло бы с рук современному владельцу отеля, но шуточки Нимица были вполне в духе времени для краев, весьма удачно названных Диким Западом.

Нимиц был и мастером техасского искусства плести небылицы. Высмотрев брезгливого на вид гостя, с наслаждением уплетающего знаменитую фирменную копченую колбасу, капитан Нимиц присаживался к нему за столик и начинал рассказывать байку, которую специально приберегал для гостей со слабыми желудками. Он говорил, что прошлым летом возле города была перестрелка, после которой остался неопознанный труп. По вещам покойника в конце концов установили, что у него есть жена в Нью-Йорке. Ей Нимиц якобы послал телеграмму, спрашивая, что ему сделать с телом. А женщина, по его словам, ответила, что хочет приехать и опознать останки мужа.

Дело якобы было в августе, и сохранить тело в холоде не имелось никакой возможности. И Нимиц сделал все, что оказалось в его силах,— подвесил труп в коптильне рядом с колбасами. Поезда из Нью-Йорка шли медленно и нерегулярно, и вдова добралась до Фридрихсбурга очень нескоро. К тому времени тело ее мужа, разумеется, как следует прокоптилось. Увидев его, вдова заявила, что это никак не может быть ее муж, потому что тот был белый, а не негр. Нимиц же объяснил ей, что если она не опознает тело, то не получит страховку. Присмотревшись, вдова все же опознала тело супруга и увезла его домой.

Нимицу редко удавалось рассказать эту байку до победного конца, потому что впечатлительный гость, внезапно побледнев, выбегал из комнаты гораздо раньше.

Чарльз Генри плавал по морям совсем недолго, да и то юнгой, однако его рассказы о тех временах посте-

пенно становились все красочнее, пока все не уверовали, что он действительно когда-то был настоящим морским волком и капитаном торгового корабля. Количество внуков, слушавших дедушку Нимица с широко раскрытыми глазами, постоянно росло, и он скармливал им настолько потрясающие небылицы, что они постоянно ходили за ним по пятам и требовали продолжения. Дедуля объяснил им, что никогда больше не сможет выйти в океан.

— Я отвернулся от моря,— поведал он,— а после такого уже никогда нельзя подниматься на борт корабля. Иначе море проглотит тебя в наказание.

Позднее, позабыв об этих словах, капитан Нимиц отправился морем в Нью-Йорк. А по возвращении объяснил внучатой мелюзге, ужасно боявшейся, как бы дедулю не проглотило море:

— Я упросил море о прощении и пообещал ему одного из своих внуков, который станет адмиралом.

Из поездки в Нью-Йорк капитан Нимиц привез еще одну байку в назидание гостям и соседям. Он рассказал, что пошел в Нью-Йорке в театр, где во время спектакля увидел поразительно реалистичную сцену пожара. Вернувшись в гостиницу и поднявшись на несколько этажей в свой номер, он никак не мог выбросить эту сцену из головы.

«Черт подери,— подумал он,— ведь моя комната так высоко над землей. А ну, как в гостинице случится пожар?»

Он улегся в постель, но никак не мог заснуть, думая об увиденном в театре и возможности пожара в гостинице. Наконец он встал, прибавил света в газовом рожке и впервые увидел под окном моток веревки, а рядом табличку «Пожарный выход». От этого зрелища у него сразу полегчало на душе, но он тут же подумал, что ему еще больше полегчает, если он проверит все на деле. Поэтому он открыл окно, сбросил вниз незакрепленный конец веревки и стал по ней спускаться, даже не удосужившись снять ночную рубашку и переодеться, так как был уверен, что в темноте его никто не увидит.

Во двор он спустился достаточно легко, зато забраться обратно оказалось гораздо труднее. Поднявшись на несколько этажей, он быстро устал, и добраться до своего окна у него не хватило сил. Совершенно выдохшись, он влез в открытое окно этажом ниже, и его немедленно встретил женский визг. Пришлось торопливо вылезать и снова спускаться во двор.

К тому времени этот визг поднял на ноги всю гостиницу. Вспыхнул свет, открылись окна, постояльцы выглядывали во двор, где дедулю Нимица ярко освещал свет из распахнутых дверей. Из гостиничного салуна повалили засидевшиеся выпивохи, увидевшие во дворе бывшего техасского рейнджера в ночной рубашке. Его тут же затащили в бар и заставили поставить всем выпивку.

Эта байка потрясла слушателей во Фридрихсбурге до глубины души, но Нимиц так никогда и не сумел удовлетворительно объяснить, в каком таком кармане ночной рубашки он отыскал деньги, чтобы заплатить за выпивку.

Несмотря на все свои причуды и небылицы, Нимиц пользовался уважением и любовью соседей, выбравших его школьным казначеем и членом экзаменационной комиссии для школьных учителей округа Гиллспай. В 1891 году, когда годы несколько укротили его неистовый дух, а соломенные волосы и борода обрели почтенную седину, его выбрали в законодательное собрание штата Техас.

Самым необычным из четырех доживших до совершеннолетия сыновей общительнейшего капитана Нимица был тихий и замкнутый Честер Бернард. Голубоглазый, с льняными волосами, он обладал утонченной внешностью поэта и был настолько скромен, что про него на семейных сборищах частенько забывали. Юноша хрупкого сложения, он имел слабые легкие и пораженное ревматизмом сердце. Желая поправить здоровье, он стал ковбоем и помогал гонять скот из Техаса в Небраску.

Врачи посоветовали Честеру никогда не жениться, но он влюбился в Анну Хенке, дочь мясника Генри Хенке. Анна, несмотря на свою хрупкую красоту, унаследовала

силу воли и характер семейства Хенке. Старшая из двенадцати детей, она по необходимости научилась принимать на себя ответственность. Анна пользовалась популярностью и не испытывала недостатка в ухажерах, однако приняла предложение руки и сердца от застенчивого юного Честера. Наверное, его хрупкость воззвала к ее сильному материнскому инстинкту. Как бы то ни было, они поженились в марте 1884 года, когда Честеру Бернарду было 29 лет, а Анне едва перевалило за двадцать. А пять месяцев спустя Анна стала вдовой, к тому же беременной.

В начале беременности Анна жила в родительском домике напротив отеля «Нимиц», в крошечной спаленке на первом этаже. Здесь же с помощью повитухи Лизетты Мюллер она 24 февраля 1885 года родила мальчика с такими же, как у покойного отца, светлыми волосами. Анна назвала сына Честер Уильям. Ему и предстояло стать знаменитым адмиралом.

Капитана Нимица настолько взволновало приближающееся рождение внука, что он позабыл опустить на мачте отеля флаг, поднятый 22 числа в честь дня рождения Джорджа Вашингтона. Близость дат рождения президента Вашингтона и адмирала Нимица отмечали многие, но у Анны Нимиц в голове была другая дата. Для нее малыш Честер стал «моим сыночком-Валентинкой»[1].

Капитан Нимиц, нежно полюбивший Анну и тронутый сиротской судьбой внука, поселил обоих в своей гостинице и уделял мальчику много времени. Для капитана их присутствие рядом стало благоприятным изменением в жизни, потому что он недавно овдовел и, наполовину удалившись от дел, оказался на перепутье. Почти все хлопоты по управлению гостиницей к тому времени взял на себя его второй сын, Чарльз Генри младший. Большинство других детей женились и уехали. Младший сын Генри находился в Массачусетсе, где учился

[1] Имеется в виду традиционный подарок влюбленных друг другу на день святого Валентина. *(Прим. ред.)*

в Ворчестерском политехническом институте. Он оказался единственным из сыновой Нимица, кого капитан смог послать в колледж.

Еще младенцем Честера окрестили в лютеранской церкви. Подобно всем детям своего поколения из Фридрихсбурга, он вырос, с малых лет зная два языка, в атмосфере наполовину немецкой и наполовину американской. На Рождество в вестибюле гостиницы ставили кедровое деревце, ветви которого украшали гирляндами из попкорна и цветной бумаги и увешивали фруктами, позолоченными орехами и печеньем. И в отеле, и на кухне «бабули» Хенке через дорогу не переводилось «Zimmet Sterne» — печенье с корицей — и «Pfeffernuesse» — печенье, как ни удивительно, с перцем. На детских рождественских вечеринках появлялся весьма американский Санта-Клаус, которого встречали молитвой: «Ich bin klein; min Herz ist rein; soll niemand drin wohnen also Jesus allein»[1].

В раннем детстве Честер больше всего был привязан к матери и дедушке по отцовской линии. О нем адмирал много лет спустя написал: «Отца я не знал, потому что он умер до моего рождения. Зато у меня был замечательный седобородый дедушка, Чарльз Г. Нимиц, живший во Фридрихсбурге, штат Техас. Там он построил гостиницу в форме парохода. В перерывах между обязанностями по дому и уроками я, широко раскрыв глаза, слушал истории деда о его молодости на германском торговом флоте.

— Море, как и жизнь, ставит суровые задачи,— говорил он.— А чтобы их решать, надо учиться всему, чему сможешь, а затем делать все, что в твоих силах, и сохранять спокойствие — особенно тогда, когда не можешь что-либо изменить.

Мудрость дедушки настолько впечатлила Честера, что он и не вздумал протестовать, когда старый джентльмен вручил ему жокейскую шапочку, чтобы тот надел ее в свой первый школьный день — хотя он пошел

---

[1] «Я маленький, у меня чистое сердце, и в нем никто не должен жить, кроме Иисуса» (*нем.*).

в школу босиком и одетый только в джинсы и рубашку. Столь нелепо одетый, мальчик отправился в школу с некоторой робостью, потому что до сих пор мало общался с другими детьми. Едва он появился на школьном дворе, как какой-то мальчишка сбил с него шапочку. Честер поднял ее и надел, но шапочку сбили снова. К школьному порогу Честер подошел уже с синяками под глазами и в разорванной одежде, а от шапочки остались одни клочки. Но за эту шапочку он дрался целый день и принес ее обрывки домой.

Честер так никогда и не понял, почему любимый дедуля Нимиц вручил ему ту злосчастную шапочку. За несколько месяцев до смерти адмирал спросил: «Как по-вашему, почему, ну почему дедушка дал мне в школу ту самую шапочку?» Можно предположить, что старый джентльмен пытался взрастить в мальчике умение быть собой несмотря ни на что, как бы его поведение ни отличалось от поведения окружающих. Однако не исключено, что старик просто не устоял перед соблазном в очередной раз подшутить, даже над собственным внуком.

К этому времени Уильям Нимиц, он же дядюшка Вилли для Честера, вернулся из Массачусетса гордым обладателем диплома инженера. Таким образом он стал, возможно, самым образованным человеком во Фридрихсбурге. Семья и друзья ожидали от него великих свершений. Казалось, он стоит на пороге блестящей карьеры. Но ничего подобного не произошло. Очевидно, его инженерные таланты в районе Фридрихсбурга никому не понадобились. Однако дядя Вилли вызвал всеобщее ликование, завоевав руку и сердце овдовевшей Анны, все еще красавицы. Они поженились на Рождество 1890 года. Так Честер обрел нового отца, не сменив фамилии.

От безработицы Вилли спасла старшая сестра, устроившая его управляющим отеля «Сент-Чарльз» в Кервилле, штат Техас, который она, очевидно, приобрела, выйдя замуж, поэтому Вилли перевез семью на две мили из живописного Фридрихсбурга в городок Кервилль, стоящий на берегу реки Гваделупы и поселился с ней в отеле. По сути, отель представлял из себя всего лишь разросшийся

пансион — беспорядочно выстроенное и обшитое досками двухэтажное здание с верандой, балкончиками и карнизами в завитушках. Селились там в основном владельцы ранчо, путешествующие торговцы и туберкулезники, желающие исцелиться, подышав здоровым сельским воздухом Техаса.

Подобно своей покойной свекрови, Анна распоряжалась на кухне, готовила почти всю еду и командовала одной или двумя горничными, убиравшими в номерах. По сути, ей также пришлось взять на себя почти все управление отелем. Вилли почти все время болтал на веранде с постояльцами или отправлялся на долгие прогулки. Его козлиная бородка и растущее брюшко стали привычным зрелищем на улицах Кервилля. Он старался каждый день осматривать все строительные площадки в городе и постепенно приобрел репутацию самого упорного городского зеваки. Анна вышла замуж еще за одного слабака. Вилли сознавал свои недостатки и нередко печально говорил:

— Будь у меня неограниченный источник серебряных долларов, я все равно не смог бы заработать, продавая их по 50 центов за штуку.

Анна тянула свой воз радостно и без жалоб. Она подарила Вилли двух детей — Дору, родившуюся в 1895 г., и Отто, родившегося два года спустя. Тяжелый труд не лишил ее привлекательности — она осталась стройной, а морщинки лишь придали выразительность и характер ее красивому лицу. Друзья и соседи восхищались ею и уважали, а дети ее обожали. В 1924 году, когда она умирала, Честер примчался к постели умирающей матери с флотских учений в Тихом океане — сначала на корабле, а затем на самолете, и успел услышать ее последние слова:

— Я знала, что мой сыночек-Валентинка ко мне приедет.

У Честера было нормальное детство мальчишки, выросшего в маленьком городке. Дружелюбный как щенок и прозванный Ватная Голова, он завел много друзей среди мальчишек в Кервилле и Фридрихсбурге, куда часто

ездил на каникулах. Вместе с приятелями он купался, рыбачил и охотился на кроликов и голубей на берегах Гваделупы в Кервилле или Таун-Крик в Фридрихсбурге. Великими событиями каникул становились недельные поездки на природу вместе с дедушкой Нимицем. Капитан говорил Честеру, чтобы он пригласил друга. Затем выкатывал из сарая большой запряженный лошадьми фургон, и они отправлялись в путь, иногда до самой реки Ллано на севере. В лагере дедушка стряпал и рассказывал байки у костра, а мальчики охотились, рыбачили или просто бродили по лесам.

Честер обожал и поездки на ранчо, где дедушка Генри Хенке выращивал скот. Там он целыми днями ездил с ковбоями, затем возвращался — к одному из замечательных немецких обедов, приготовленных бабушкой Доротеей Хенке, которые он поглощал под оживленную беседу — всегда на немецком. Столь же памятными для Честера были поездки на ранчо дядюшки Отто у Совиного Ручья, расположенное между Фридрихсбургом и Кервиллем. Там его ждало восхитительное развлечение — толкать косилку по овсяному полю, вспугивая гремучих змей, которых мальчишки тут же убивали. Затем они связывали тушки и получали супергремучника — предмет восхищения и зависти городских мальчишек.

Хотя Честер, вероятно, был беднее любого из своих товарищей — ведь некоторые из которых были сыновьями процветающих владельцев ранчо,— но у него никогда не возникало ощущение неполноценности, а если и возникало, то он научился его подавлять еще в раннем детстве. Главным неудобством, вытекающим из бедности, стало то, что он уже в восемь лет счел себя обязанным работать, чтобы помогать семье. За доллар в неделю он работал посыльным на мясном рынке в Кервилле, хозяином которого был брат его матери.

Анна, опасаясь, что Честер мог унаследовать физическую слабость отца, должно быть, внушила сыну необходимость заботиться о своем здоровье. Во всяком случае, он регулярно бегал, часто плавал и редко ездил, когда мог ходить пешком — не считал дальней прогулкой даже

14 миль до ранчо дяди Отто. Гюнтер Хенке, кузен Честера, вспоминая их совместное детство, сказал: «Для него не было ничего важнее, чем решимость оставаться физически здоровым». Честер стал весьма быстрым бегуном и приобрел цветущую внешность, хотя и остался подвержен пневмонии, которой он несколько раз болел в острой форме и которая в конце концов стала причиной его смерти.

При всей своей приветливости Честер был подвержен вспышкам ярости. Хотя они и становились причиной немалого числа драк, он редко помнил обиды долго. Как-то раз он подрался одновременно с двумя братьями и вернулся домой победителем, хотя и весь в крови.

— Эти парни дерутся как девчонки — они царапаются, — с отвращением сказал он.

Взрослея, он постепенно научился сдерживать свои эмоции. Вероятно, он обнаружил, что сила разума позволяет достичь более эффективных результатов, чем сила кулаков, — во всяком случае, он еще с молодости начал действовать исходя из того, что есть и лучшие способы манипулировать людьми, чем при помощи грубой силы.

В 15 лет Честер начал работать в отеле. С 9 утра до 16 часов дня он ходил в школу, где неизменно получал отличные оценки. Возвращаясь в отель, он чистил граблями и ухаживал за окружающими отель лужайками. Потом колол лучину, наполнял ящики для дров и таскал их к десятку печей и каминов в отеле. После ужина и до 22 часов он сменял клерка в вестибюле, стараясь учиться в перерывах между обслуживанием постояльцев. За это его тетя, владелица отеля, платила ему 15 долларов в месяц и обеспечивала полный пансион.

Так Честер близко познакомился с оборотной стороной мясного бизнеса семейства Хенке и гостиничного бизнеса семейства Нимицев. Ни тот, ни другой его не привлекал, перспектив образования после средней школы тоже не имелось, и он строил планы пойти учеником к землемеру. Но мечтал при этом о более широкой сцене, где смогли бы развернуться все его таланты.

Летом 1900 года Честеру впервые блеснула возможность расширить свой жизненный опыт. Из форта «Сэм Хьюстон», расположенного возле Сан-Антонио, прибыла для маневров и учебных стрельб среди холмов на другом берегу Гваделупы, что напротив Кервилля, батарея «К» Третьего полка полевой артиллерии. По дороге на батарею в отеле «Сент-Чарльз» остановились два вторых лейтенанта[1] — Уильям Крикшенк и Уильям Вестевелт, оба новоиспеченные выпускники Вест-Пойнта. Честера весьма впечатлили их бравый воинский вид и отлично сидящая новая форма, а больше всего — их жизненный опыт.

Разумеется, армейские офицеры были Честеру не в новинку — в дедушкином отеле они качали его на коленях еще младенцем. А в этих лейтенантах его восхитило то, что при всей их впечатляющей внешности и важной армейской должности они были лишь чуть старше его самого. И что их совсем недавно вырвали из столь же безысходной, как и у него, ситуации, дали образование и шанс начать карьеру, полную приключений и путешествий, причем их семьям это не стоило ничего, а от них потребовалась лишь упорная учеба в условиях жесткой конкуренции.

Ни упорной учебы, ни жесткой конкуренции юный Нимиц не боялся. Перед ним наконец-то приоткрывалась дверь в иную жизнь. Воспламенившись надеждой и мечтами, он обратился к конгрессмену Джеймсу Слейдону с просьбой направить его в Вест-Пойнт на экзамены. Слейдон эту дверь захлопнул, сказав, что все выделенные ему на округ вакансии для военной академии заполнены. И что в будущем Нимицу тоже вряд ли что-то светит, потому что в его округе множество фортов, поэтому семьи военных выстраиваются в очередь для отправки своих сыновей в Вест-Пойнт. И тут конгрессмен

---

[1] Второй лейтенант — низшее офицерское звание в армии США, примерно соответствует младшему лейтенанту. *(Прим. ред.)*

Слейдон снова слегка приоткрыл дверь судьбы — но уже в другую, морскую жизнь.

— Впрочем,— добавил он,— у меня есть вакансия на экзамен в Военно-морскую академию США. Интересует?

До сих пор Честер даже не слышал об Аннаполисе, но подавил разочарование и согласился, твердо решив ухватиться за любую возможность получить образование. Ради подготовки к вступительным экзаменам он сдвинул время подъема на три часа утра и занимался до половины шестого. В это время начиналась первая смена его обязанностей в отеле — подмести, разжечь огонь в печах, принести дров и разбудить тех, кому предстояло рано вставать. После быстрого завтрака он отправлялся в школу.

Дядя Вилли, прирожденный пессимист, не сомневался, что Честеру никогда не сдать экзамены. Во-первых, ему станет не хватать последнего года в средней школе, когда проходят геометрию и другие предметы, по которым его станут экзаменовать. Тем не менее дядя Вилли долго и упорно работал, дабы помочь своему пасынку заполнить бреши в образовании. К его чести следует отметить, что Вилли никогда не делал никакой разницы между Честером и собственными детьми. И Честеру он помогал столь же неустанно, как позднее помогал своему сыну Отто пойти по стопам Честера и тоже начать карьеру моряка.

Когда о надеждах и ожиданиях юного Нимица стало известно в Кервилле, то всеобщая помощь ему стала чем-то вроде общественного проекта. Учительница Сьюзен Мур натаскивала Честера по алгебре, геометрии, истории, географии и грамматике. А директор средней школы Джон Грейвз Толанд выкраивал время, чтобы обучать его математике.

Имея такую помощь и приложив к ней природный ум, Честер одолел всех соперников на местных экзаменах в Морскую академию, состоявшихся в апреле 1901 года. В июле он обошел всех друзей и родственников в Кервилле и Фридрихсбурге и попрощался с ними, а затем, сопровождаемый конгрессменом Слейдоном, отправился

поездом в Аннаполис. Там он на два месяца поступил в подготовительную школу Верница для дальнейшей подготовки к национальным экзаменам, намеченным на конец августа. Эти экзамены он сдал без труда.

7 сентября 1901 года Честер У. Нимиц принял присягу и стал кадетом Военно-морской академии. Ему удалось вырваться за пределы захолустья, где он прожил все детство. И он подтвердил свою верность Соединенным Штатам Америки, этой фантастической стране, которая выкорчевала его из холмов Техаса, чтобы бесплатно обучить, открыть перед ним путь к почетной карьере и одарить шансом на блестящее будущее.

Глава 3

УДЕРЖИВАЯ ЛИНИЮ

Тридцатого декабря 1941 года, за день до того как адмирал Нимиц стал командующим Тихоокеанским флотом, адмирал Эрнест Джозеф Кинг принял на себя обязанности главнокомандующего ВМС США и стал непосредственным начальником Нимица.

За годы службы Кинг приобрел репутацию человека яркого, но жесткого, если не сказать грубого. Все считали его холодным, надменным и лишенным чувства юмора. Ладислав Фараго, служивший под командованием Кинга, в своей книге «Десятый флот» так описывает нового главнокомандующего: «Рослый, сухопарый и подтянутый, с высоким черепом, пронзительным взглядом, орлиным носом и крепкой челюстью, он чем-то напоминал Дон-Кихота на гравюре Хогарта, однако был начисто лишен причудливых фантазий старого рыцаря. То был реалист до мозга костей с высокомерием гения... Угрюмый начальник, беспощадный к себе в той же степени, как и к остальным. Он редко улыбался и не имел ни времени, ни желания предаваться эфе-

мерным удовольствиям. Он внушал уважение — не любовь, но Кинг и желал именно этого».

Описание, разумеется, стереотипное, и Фараго охотно это признает. Кинг мог обратить относительно благосклонное внимание на подчиненного, который его устраивал, и в ответ получить нечто вроде привязанности. С другой стороны, он совершенно не терпел тупости, неэффективности и лени. Ненавидел лживость и претенциозность, презирал подхалимов и не выносил гамлетовской нерешительности. Он мог быть абсолютно безжалостным. Однажды он назначил на адмиральскую должность коммандера, сместив с нее адмирала, который, по мнению Кинга, «не тянул», — причем адмиралу было приказано покинуть здание Департамента ВМС в тот же день до 17 часов.

Кинг отверг свой сокращенный титул ГКФ, которым пользовались его предшественники, потому что после Перл-Харбора он звучал как насмешка. Он заменил его на ГК (главнокомандующий). По сути, должность ГК, изобретенная президентом Рузвельтом и госсекретарем Ноксом в начальные дни войны, подразумевала совершенно иной круг обязанностей по сравнению с должностью прежнего ГКФ, которую верховные флотские командиры по очереди занимали в мирное время. Кинг, став главнокомандующим всего американского флота, отчитывался напрямую перед президентом.

Поскольку адмирал Кинг начал без промедления применять всю предоставленную ему полноту власти, вскоре выяснилось, что адмиралу Старку, начальнику морских операций, почти нечего делать. Президент Рузвельт решил эту проблему просто и решительно. Он сделал Кинга и ГК, и КМО, а Старка отправил в Лондон на должность главнокомандующего морскими силами США в Европе.

Кинг, возглавляя флот, был еще и членом Комитета начальников штабов, включающего также генерала Джорджа Маршалла — начальника штаба армии, генерала Генри Арнольда — командующего армейскими ВВС, а позднее и адмирала Уильяма Лихи — начальника штаба при президенте. Американский Комитет начальников штабов

и британский Имперский комитет начальников штабов, работая вместе, образовывали Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) — верховный орган управления военными операциями союзников. Почти весь контроль над Тихоокеанским театром военных действий ОКНШ делегировал КНШ, а тот в своих функциях во многом опирался на советы адмирала Кинга.

На практике сложилось так, что стратегия боевых действий на Тихом океане во многом разрабатывалась адмиралами Кингом и Нимицем. Из-за этого между ними выработалось теснейшее сотрудничество, хотя большую часть времени они находились очень далеко друг от друга географически. Адмиралы вели постоянный диалог в форме радиограмм (зачастую — по несколько раз в день), писем, обмена представителями и периодических встреч — обычно в федеральном здании в Сан-Франциско. Кинг прилетал туда из Вашингтона, а Нимиц — из своего тихоокеанского штаба. Хотя тон адмирала Кинга в общении с Нимицем был временами резковат, что вполне соответствовало его натуре, было ясно, что оба командующих весьма уважают друг друга. В конце войны Кинг рекомендовал назначить Нимица своим преемником на посту командующего морскими операциями.

Хотя стили работы адмиралов резко отличались, у Нимица и Кинга общего имелось больше, чем различий. Ключевыми качествами их характеров были простота и прямота. Оба были преданы своей стране и флоту, хотя взгляды Кинга в большей степени оставались ведомственными, узко-флотскими. Оба обладали цельным и острым умом, оба были прирожденными стратегами и организаторами, гениально умеющими добираться до сути и упрощать проблему, и оба мгновенно замечали бессмысленные сложности и напрасную суету. Их главное различие заключалась в отношении к людям. Кинг почти не имел характерного для Нимица умения понимать других и сочувствовать им. Один офицер, служивший с Кингом во время войны, сказал: «У каждого великого человека есть свой недостаток, и его недостатком

были подчиненные». Кинг затевал длинные комбинации, чтобы заполучить под свое командование людей нужного ему сорта и избавиться от нежелательных. Результат не всегда шел на пользу делу. Можно привести несколько примеров, как он назначил не тех людей не на те должности и не по тем причинам.

Немедленной и самой тяжелой заботой Кинга стала ухудшающаяся ситуация на Тихоокеанском театре боевых действий. В начале января 1942 года маленький Азиатский флот США отступил южнее Филиппин в Яванское море, а японцы оккупировали Гонконг и Манилу наступали на Яву и Сингапур. В центральной части Тихого океана они двигались от Маршалловых на британские острова Гилберта. Их самолеты бомбили острова Науру западнее Гилбертов, а подлодки обстреливали острова Джонстон и Пальмира между Гилбертами и Перл-Харбором. Американским стратегам японские действия в центральной части Тихого океана казались подготовкой к наступлению на юго-восток — на Самоа через острова Эллис. А с Самоа японские самолеты, подлодки и авианосные отряды уже могли перекрыть судоходство между США и Австралией, таким образом лишив ее шанса стать потенциальной базой для наступательных операций союзников. Обстрел субмаринами Мидуэя демонстрировал намерения японцев снова развернуть активные действия в районе Гавайев.

Став главнокомандующим, Кинг первым делом послал Нимицу радиограмму с напоминанием о том, что его главная задача — охранять Гавайские острова, включая Мидуэй, а также защищать океанские коммуникации между Гавайями и США, а также между США и Австралией вплоть до Самоа на юго-востоке[1]. Для охраны Самоа уже приведены в боевую готовность 5000 морских пехотинцев, и первые из них вскоре будут морем

[1] Некоторые историки описывают, как Кинг провел на карте линию, соединяющую Мидуэй, Самоа, Фиджи и Брисбен, и приказал Нимицу удерживать ее любой ценой — отсюда и название главы. *(Прим. ред.)*

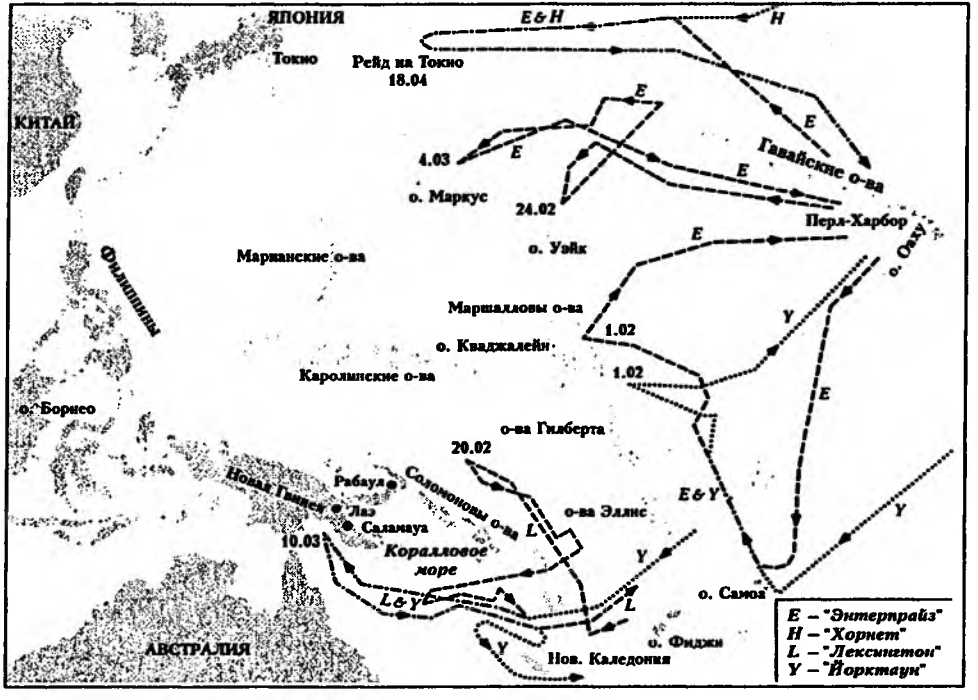
перевезены из Сан-Диего на островную базу. Суда с пехотинцами должен будет эскортировать авианосец «Йорктаун», который в то время все еще шел из Атлантики. Разумеется, австралийское правительство умоляло защитить морские пути вплоть до самой Австралии, но США не могли немедленно укрепить острова юго-восточнее Самоа — Фиджи, Новые Гебриды и Новую Каледонию.

Кинг рекомендовал Нимицу готовить рейды на острова Гилберта и мандаты, то есть удерживаемые противником острова в центре Тихого океана[1]. Для таких ограниченных наступательных операций Тихоокеанский флот имел три боевых формирования: 14-е оперативное авианосное соединение (флагман — авианосец «Саратога»), под командованием вице-адмирала Лири, 11-е оперативное авианосное соединение (флагман — авианосец «Лексингтон»), под командованием вице-адмирала Брауна, и 8-е оперативное авианосное соединение (флагман — авианосец «Энтерпрайз»), под командованием вице-адмирала Хэлси. К ним вскоре должно была добавиться 17-е оперативное авианосное соединение (авианосец «Йорктаун»), под командованием контр-адмирала Флетчера. Атаки авианосцев на мандаты могли ослабить натиск японцев на Яву и Сингапур или по меньшей мере расстроить их планы наступления на восток и юго-восток. Кроме того, увенчавшись хоть каким-нибудь успехом, такие атаки могли сильно поднять боевой дух как моряков, так и в целом США.

В Перл-Харборе указания и рекомендация Кинга предвидели. Все доступные легкие силы, включая корабли, отозванные из охранения авианосцев, были брошены на сопровождение конвоев из США на Гавайи. Острова Пальмира и Джонстон превращались в воздушные базы для обеспечения дополнительной защиты

---

[1] Имеются в виду Маршалловы, Каролинские и северные Марианские острова, которые были оккупированы в 1914 г. Японией и после Первой Мировой войны управлялись японцами по мандату Лиги наций. С 1947 года по распоряжению ООН находятся под опекой США. *(Прим. ред.)*



Рейды авианосцев

конвоев, движущихся на юг от Гавайев. Одновременно американские подлодки отправились на разведку к Маршалловым островам и острову Уэйк. Ведь еще не вступив в командование флотом официально, Нимиц поручил штабу Тихоокеанского флота начать планирование наступательных операций.

2 января 1942 года офицеры штаба представили Нимицу план ударов корабельной авиацией по Маршалловым и Гилберта островам. 8 января адмирал Пай предложил переработанный вариант плана. Пай начал с предположения, что японцы «от своих агентов, действующих через Мексику», уже знают об отправленной на укрепление Самоа экспедиции и будут противодействовать высадке десанта. Поэтому он рекомендовал выслать из Перл-Харбора дополнительные авианосные силы для усиления соединения «Йорктауна», прикрывающего десантирование. Далее оба авианосных соединения направятся к Маршалловым и Гилберта островам на перехват любых приближающихся вражеских сил. Если противник обнаружен не будет, то следует нанести удары по целям на этих островах, а в это же время третье американское авианосное соединение атакует аэродромы на острове Уэйк — отчасти для того, чтобы помешать базирующимся там вражеским самолетам вылететь к Маршалловым островам. Четвертое авианосное соединение останется вблизи Гавайев прикрывать Перл-Харбор.

Адмирал Нимиц поддержал план рейдов на вражеские базы, особо оговорив необходимость тщательной предварительной подготовки и обсуждения всех деталей. Придерживаясь своей отработанной процедуры при выработке планов боевых операций, он приглашал всех заинтересованных старших офицеров на свои совещания, внимательно выслушивал их мнения и советы и уже потом принимал окончательное решение. Одним из участников таких обсуждений был контр-адмирал Рэймонд Спрюэнс, активно одобрявший нововведения Нимица в системе управления и методах выработки решений. По его словам, атмосфера в штабе изменилась так,

словно «в душной комнате распахнули окно и впустили поток свежего воздуха».

Другие могли бы сказать, что дискуссии скорее напоминали шторм, потому что часто мнения резко разделялись и каждый эмоционально и настойчиво доказывал свою правоту. Громче всего поддерживал предлагаемые рейды офицер штаба кэптен Макморрис. Агрессивный, если не сказать драчливый, с изможденным лицом и фигурой, на которой форма болталась как на вешалке, он приобрел среди своих подчиненных в Перл-Харборе прозвище «Призрак оперы», но еще прочнее приклеилось к нему другое, еще со времен Морской академии, прозвище — «Сок», как его прозвали за достойную Сократа мудрость.

Большая часть офицеров возражала против направления авианосных ударных сил для удара по наземным базам. Подобные действия англичан оказались успешными против итальянской базы в Таранто в 1940 году и, разумеется, совсем недавно в Перл-Харборе, но в обоих случаях противник был застигнут врасплох. Шансов же напасть на японцев внезапно практически не было. Их собственный успех в Перл-Харборе заставил американцев находиться в постоянной готовности к отражению атаки с авианосцев. Японцы прекрасно понимали, что если американский Тихоокеанский флот решит контратаковать, то он тоже пустит в ход авианосцы. Очевидными же мишенями для такой атаки станут японские базы неподалеку от Перл-Харбора, то есть Маршалловы и Гилберта острова и остров Уэйк.

Самым решительным противником рейдов стал контр-адмирал Клод Блох, командующий 14-м военно-морским округом, включающим Перл-Харбор. Два года назад Блох носил здесь же, в Перл-Харборе, четыре звезды главнокомандующего ВМС США. Он был намного старше по званию, чем адмирал Нимиц, пока тот не надел четыре звезды командующего Тихоокеанским флотом. Блоху уже довелось увидеть, как другой адмирал, Киммель (тоже младше его по выслуге, как и Нимиц), был возвышен до должности комфлота, а потом потерял

свои боевые корабли. И теперь он не собирался спокойно сидеть и смотреть, как Нимиц потеряет авианосцы Тихоокеанского флота. Ведь они — последняя мобильная линия обороны нации. Если их не станет, то японцы смогут плавать по Тихому океану где угодно и творить все, что им вздумается.

Блох навязывал свои взгляды Нимицу — и на совещаниях, и в частных беседах. По сути, он фамильярно обнимал Нимица за плечи и учил его, как следует воевать. Нимиц же считал себя полностью компетентным для своей работы и без подобного наставничества, однако большая часть офицеров-авиаторов соглашалась с Блохом, а Нимиц авиатором не был и никогда не командовал авианосцами.

В среду 7 января соединение «Энтерпрайза» вернулась в Перл-Харбор с патрулирования, и его командир, бывалый моряк вице-адмирал Хэлси, сошел на берег. Его грозно нахмуренные брови означали, что он ненавидит врага, как грех, но не могли скрыть блеск в глазах, выдававший его добрые чувства к коллегам-морякам, особенно к тем, кто служил под его командованием.

У нас нет свидетельств того, что случилось потом, но известно, что Хэлси в тот же или на следующий день ворвался на штабное совещание и «освежил атмосферу», громко и наверняка не стесняясь в выражениях заявив, что именно он думает о царящих в главной базе флота пораженческих настроениях. Именно тогда он навсегда приобрел благодарность своего командующего, полностью поддержав его планы. Поскольку же Хэлси был всеми любимым и уважаемым вице-адмиралом и командующим палубной авиацией, его слова склонили чашу весов в пользу Нимица. Много лет спустя, когда Хэлси попал под огонь критики, Нимиц вспомнил этот трудный период и отказался участвовать во всеобщем порицании.

— Билл Хэлси выступил в мою поддержку и сам решил возглавить атаку,— сказал он.— И я не стану участвовать в любой деятельности, которая может повредить репутации такого человека.

10 числа Хэлси был вызван в штаб Тихоокеанского флота. Он, как и Нимиц, славился умением «травить байки», и они обычно начинали разговор, обменявшись парочкой историй. Но не на этот раз. Нимиц был предельно серьезен. Он сказал Хэлси, что тому предстоит притворить в жизнь план Пая, то есть выйти в море на «Энтерпрайзе» с кораблями охранения, встретиться с соединением «Йорктауна» в районе Самоа, где авианосцы должны совместно прикрывать высадку десанта морской пехоты. Затем оба соединения под общим командованием Хэлси отправятся к Маршалловым и Гилберта островам и атакуют их.

— И как тебе такой план? — спросил он в завершение. — Это редкая возможность отличиться.

Хэлси согласился. Однако теперь, когда жребий оказался брошен, к нему пришли и более трезвые мысли. Он прекрасно сознавал, на какой риск они идут и каковы могут оказаться последствия для страны в случае неудачи. На следующий день он зашел в штаб за последними инструкциями и сказать «надеюсь, что до свидания». Нимиц вышел вместе с ним и проводил до причала.

— Всяческой тебе удачи, Билл! — крикнул он, когда Хэлси перешел с причала на адмиральский катер.

На следующее утро, в воскресенье 11 января, «Энтерпрайз», с Хэлси на борту сопровождаемый тремя тяжелыми крейсерами, шестью эсминцами и танкером, вышел из Перл-Харбора. Посвященные в планы офицеры — как на кораблях, так и на берегу — имели основания для тяжелых предчувствий. Для охраны Гавайских островов остались лишь оперативные соединения «Саратоги» и «Лексингтона», причем последнему по плану предстояло вскоре атаковать Уэйк. Радиоразведка донесла, что тот же японский ударный отряд с шестью авианосцами, который совершил рейд на Перл-Харбор, покинул Японию 6 января. Он мог направиться к Мидуэю, Перл-Харбору или Самоа.

Ближе к вечеру 11 января пришло шокирующее известие: «Саратога», совершавшая патрулирование в 450 милях юго-западнее Оаху, поражена выпущенной с подлодки

торпедой. К 13 января авианосец кое-как дополз до Перл-Харбора, где проведенный в сухом доке осмотр показал, что кораблю придется идти к Западному побережью для капитального ремонта и модернизации — и это на несколько месяцев выведет его из строя.

Можно лишь гадать, не появлялось ли у адмирала Нимица искушение отозвать «Энтерпрайз». Наверняка в его окружении имелись и те, кто настойчиво советовал ему поступить именно так. Так Нимиц познал одиночество командира высшего ранга, потому что никто на всем Тихом океане не мог разделить с ним огромную ответственность за принимаемые решения. «Я долгие часы не мог заснуть», — писал он жене, но причину своих тревог поведать ей не мог.

В середине этого периода тревог адмирал Нимиц с изумлением узнал, что на авиабазах островов Пальмира и Джонстон все работы прекращены. Как выяснилось, приказ о прекращении работ отдал адмирал Блох, убежденный в том, что эти далекие острова все равно не удержать и нет смысла строить там какие-либо сооружения, которые наверняка достанутся врагу. По тем же причинам Блох отказался от взаимодействия с армейскими командами, высланными для фортификации островов Рождества и Кантон. Нимиц созвал совещание, на котором кроме вышеперечисленных проблем, указал на недостаточно активную доставку различных припасов силами 14-го военно-морского округа. Он не кричал, не стучал по столу, но ясно дал понять, каких результатов твердо намерен добиться. Блох намек понял. Хотя он и становился иногда упрям и несговорчив, но всегда был лояльным и дисциплинированным офицером. И, выслушав указания от более молодого, но теперь старшего по должности Нимица, ответил: «Есть, сэр».

Во время дебатов о том, начинать рейд или нет, до Нимица дошло недовольство раздосадованных журналистов, командированных на Тихоокеанский флот. Один из репортеров, доведенный до отчаяния цензурой, попытался тайком вывезти копию секретного документа. Роберт Кейси, сотрудник чикагской «Дейли ньюс», напи-

сал письмо с жалобами своему издателю Ноксу — морскому министру. Решив привлечь личное внимание Нокса, Кейси включил в письмо выдуманную историю о том, как за ним по пятам якобы непрерывно следуют «агенты службы безопасности». Цензор показал письмо Нимицу, но тот разрешил его отослать, решив, что у Нокса достаточно здравомыслия, чтобы не обращать внимания на подобную чепуху.

Очевидно, Нокс оценил байку об «агентах службы безопасности» так, как она того заслуживала, однако письмо все же произвело на него впечатление, и он отправил по радио депешу адмиралу Нимицу: «Вам позвонит Бой Кейси из чикагской "Дейли ньюс", он сейчас в Гонолулу. Прошу поговорить с ним по проблеме цензуры. Можете положиться на него. Надеюсь, вы сможете исправить нынешнее положение, которое вызывает много нареканий. С наилучшими пожеланиями, Нокс».

Очевидно, это высокомерное послание вызвало у Нимица немалое раздражение. Он решил не приглашать Кейси и не выслушивать от него советы о том, как ему следует командовать, потому что уже был сыт по горло такими же советами, исходящими от Блоха. Вместо этого он созвал всех приехавших журналистов на конференцию.

— Итак, ребята, выкладывайте свои претензии, — предложил Нимиц, когда все собрались.

Как и следовало ожидать, больше всего журналистам требовались новости. Читатели дома спрашивали: «Где флот? Что делает флот?», а редакторы требовали ответов от репортеров на местах.

Нимиц отметил, что пока у флота нет иных новостей, кроме плохих. И сообщать японцам через американскую прессу о степени их успехов — плохая политика. Однако он пообещал, что пресса немедленно получит все новости, которые можно будет спокойно публиковать.

Другие жалобы журналистов касались цензуры. Как выяснилось, их статьи проходили через руки цензоров и главнокомандующего, и цензоров 14-го округа, которые отказывались сообщать корреспондентам, что именно

было сокращено или удалено в их текстах. Иногда статьи «зарубались» полностью, а журналисты узнавали об этом, лишь когда из редакций приходили полные ярости депеши.

Адмирал Нимиц немедленно освободил цензоров 14-го округа от обязанности проверки статей, а своим цензорам приказал выдавать журналистам «копии всех материалов, прошедших цензуру». Самых пылких репортеров, включая Кейси, он отправил вместе с Хэлси к Маршалловым и Гилберта островам копить материал для статей. Таким образом ему хотя бы на время удалось приглушить ворчание репортеров.

20 января, точно по плану, Хэлси прибыл к Самоа и стал дожидаться там «Йорктауна» под командованием Флетчера, которого задержала необходимость пополнения запасов. 24 числа эскадра наконец-то прибыла, имея на борту морских пехотинцев, немедленно начавших высадку.

15 января охваченный нетерпением Кинг приказал ускорить рейд на Гилберты — Маршаллы, после которого через два-три дня силами оперативного соединения «Лексингтона» следовало начать атаку на остров Уэйк, в тот период «когда можно ожидать, что противостоящие Хэлси силы противника уменьшат прикрытие Уэйка». Хотя Нимицу очень не хотелось таким образом задействовать все свои авианосцы, 22 января он передал по радио вице-адмиралу Брауну, находящемуся в то время на «Лексингтоне» в 500 милях юго-западнее Перл-Харбора, приказ наступать и атаковать Уэйк. Для дозаправки кораблей Брауна он выслал к нему единственный имевшийся у него танкер «Нечес», однако 23 января его утопила подлодка, поэтому Нимиц отменил рейд на Уэйк и приказал «Лексингтону» возвращаться в Перл-Харбор.

25 января, высадив морских пехотинцев на Самоа, соединения «Энтерпрайза» и «Йорктауна» направились к Маршалловым и Гилберта островам. Разумеется, им предстояло хранить радиомолчание до тех пор, пока начало атаки на острова не обнаружит их присутствие. Однако Нимиц мог поддерживать с ними односторон-

нюю радиосвязь и сообщил Хэлси и Флетчеру, что перспективы у них лучше, чем ожидалось первоначально. Посланные для разведки субмарины выяснили, что оборона Маршалловых островов вовсе не настолько сильна, как этого опасались. И что еще более важно, к ним не направляются японские авианосцы — они сейчас заняты далеко на юге, поддерживая высадку японцев в Новой Британии с целью захвата порта Рабаул.

В подобных обстоятельствах Нимиц рекомендовал Хэлси совершить рейд не только на намеченные атоллы в северо-восточной части Маршалловых островов, но и пройти до центра архипелага и нанести удар по Квадждалейну, самому большому в мире атоллу, где, вероятно, расположился местный штаб японцев.

«Важно, чтобы атаки были доведены до конца,— писал Нимиц в посланной позднее депеше.— Используйте эту ситуацию, расширяя операции, применяя авиацию обоих соединений для воздушных налетов и бомбардировки кораблей так, как это вытекает из развития ситуации и логистики. Если это станет необходимо́, продлите наступательные действия более, чем на день».

Наверное, хорошо, что Хэлси действовал в условиях радиомолчания, иначе он мог бы ответить менее официальным языком и рявкнуть на весь эфир: «Заткнись!» Депеши командующего его раздражали. Он стал морским летчиком еще в 1935 году и считал, что справится с заданием без подсказок никогда не служившего в авиации Нимица.

Оба соединения начали рейд на рассвете 31 января (1 февраля для Маршалловых и Гилберта островов, поскольку они расположены по другую сторону Международной линии дат). До Перл-Харбора первая информация дошла уже днем в форме радиообмена между Хэлси и Флетчером. Предварительный рапорт Хэлси командующему дошел до Перл-Харбора ранним вечером.

Полагаясь в основном на доклады летчиков, Хэлси сообщил, что потопил две подлодки, один легкий крейсер, один малый авианосец и четыре вспомогательных судна. Многие корабли повреждены, а береговые укрепления

сильно разрушены. Тяжелые крейсера «Нортгемптон» и «Солт-Лейк-Сити» под командованием контр-адмирала Спрюэнса обстреляли остров Вотье, который полагали самым укрепленным на Маршалловых островах. Американцы заплатили за этот рейд довольно скромную цену: потеряно 13 самолетов, в тяжелый крейсер «Честер» угодила авиабомба, а «Энтерпрайз» был слегка поврежден падавшими поблизости бомбами.

Американские летчики, не имея опыта распознавания типов кораблей и оценки результатов своих ударов, сильно преувеличили достижения. На самом деле Хэлси мог записать на свой счет один потопленный транспорт и два малых корабля, повреждение восьми других кораблей, пожары различных береговых укреплений и несколько сбитых вражеских самолетов. Флетчер из-за плохой погоды в своем секторе (а возможно, из-за чрезмерной осторожности) тоже достиг очень немногого.

Однако журналисты в Перл-Харборе, давно изголодавшиеся по хорошим новостям, не только приняли «на ура» преувеличенные цифры, сообщенные Хэлси, но и безо всякого стыда увеличили их в несколько раз. Редакторы в Штатах еще чуток добавили, поэтому многие американские газеты и вышли под ничем не оправданным заголовком: «Перл-Харбор отомщен!» Тем не менее, хотя атака и причинила противнику лишь мелкие неприятности, она более чем оправдала себя, подняв моральный дух американцев на континенте — и моряков, и солдат. Охватившее было нацию отчаяние сменилось другим настроением: «Наконец-то и мы начали действовать!»

Когда соединение «Энтерпрайза» вернулось 5 февраля в Перл-Харбор, над авианосцем триумфально развевался огромный флаг. Все корабли в гавани включили сирены. Экипажи восторженно вопили. Выстроившиеся на берегу солдаты, моряки и гражданские рабочие доков радостно кричали. Когда авианосец подошел к причалу, адмирал Нимиц, не дожидаясь, когда спустят трап, поднялся на борт в боцманской люльке.

— Отличная работа! — воскликнул он, пожимая руку Хэлси. Контр-адмирал Роберт А. Теобальд, командир со-

единения эсминцев на Тихом океане и один из главных оппонентов рейда, поднялся на борт вслед за Нимицем и покачал пальцем перед лицом Хэлси.

— Черт бы тебя побрал, Билл, — сказал он, — ты не имел права возвращаться домой после такого! Не имел, и все тут!

Вскоре Нимиц вывел сияющего Хэлси к журналистам и отошел в сторонку. Хэлси, сразу став очаровательным, общительным и доброжелательным, улыбался до ушей, но охотно изобразил для фотографов свои знаменитые нахмуренные брови. Он столь же охотно делал для репортеров заявления о том, как он намерен поступить с врагом, щедро приправляя их солеными словечками, быстро ставшими его фирменным знаком. Он был хвастуном старой доброй школы и, как и большинство хвастунов, частично остался так и не повзрослевшим мальчишкой. Для репортеров Хэлси оказался словно сделан на заказ — симпатичная личность, легко превращаемая в национального героя. Пресса, не теряя времени, вознесла его до небес, назвав Немезидой для японцев и превратив в полумифическое существо по имени «Бык Хэлси».

Похоже, Перл-Харбор исчерпал запас восторгов, встречая «Энтерпрайза». Когда на следующий день в гавань вошел «Йорктаун» со своим эскортом, его ждал лишь умеренный интерес. Журналисты, описывая колоритного Хэлси, уделили лишь несколько слов Фрэнку Джеку Флетчеру или еще более скромному Рэймонду Спрюэнсу.

Этот рейд практически не оказал влияния на действия противника. На Филиппинах японцы продолжали выдавливать американские и филиппинские войска на дальнюю оконечность полуострова Батаан и близлежащий остров Коррехидор. Их натиск на Рангун, Сингапур и Голландскую Вест-Индию не ослабевал.

Американские, британские, голландские и австралийские защитники Вест-Индии объединили усилия, создав командование ABDA[1]. Однако Ударная эскадра

[1] Америка — Британия — Голландия — Австралия. *(Прим. ред.)*

ABDA — восемь крейсеров (два американских) и 22 эсминца — не смогла задержать сравнительно легкий флот, посланный японцами на юг вдоль берегов Борнео, потому что его всегда поддерживали превосходящие воздушные силы, базирующиеся на аэродромах, которые японцы строили по мере продвижения вперед. Через три дня после рейда Хэлси на Маршаллы взлетевшие с аэродрома на южной оконечности Целебских островов бомбардировщики повредили один из американских крейсеров, входящих в эскадру ABDA, а еще один вывели из строя.

В ответ на японскую оккупацию Рабаула верховное командование союзников быстро создало новую специальную зону обороны, примыкающую к району ABDA и расположенную к юго-востоку от нее. Эта зона (ANZAC) включала Австралию, Новую Зеландию, Британскую Новую Гвинею, Новую Каледонию, а также острова Товарищества, Новые Гебриды, Фиджи и Соломоновы. Противник явно намеревался превратить Рабаул в крупную базу, откуда бомбардировщики могли бы наносить удары по Порт-Морсби, австралийской базе на южном побережье Новой Гвинеи. Военная разведка предупреждала, что из Рабаула японцы также планируют начать наступление через Соломоновы острова и Новые Гебриды с целью захвата Новой Каледонии, расположенной ниже линии коммуникаций между США и Австралией.

Ни Австралия, ни Новая Зеландия не могли защищать острова, над которыми нависла угроза, потому что все их войска, не задействованные в национальной обороне, охраняли Средний Восток или Сингапур. Поэтому союзный Комитет начальников штабов срочно перебросил на Тихий океан 20 тысяч американских солдат, пополнив ими в основном гарнизон Новой Каледонии. Нимиц получил приказ направить в зону ANZAC оперативное соединение «Лексингтона», все патрульные самолеты флота и армейские бомбардировщики, которые он мог выделить, а также тяжелый крейсер и два эсминца для поддержки австралийских крейсеров и корветов, входящих в Ударную эскадру ANZAC.

Поскольку ситуация для союзников стала ухудшаться, Кинг попросил у Нимица дополнительную поддержку в юго-восточных районах — или в форме подкреплений, или агрессивных диверсионных операций против «мандатов» с использованием всех доступных сил, включая шесть линкоров, в то время базировавшихся на Западном побережье. За этим приказом, датированным 6 февраля, на следующий день последовали два предупреждения о неизбежном наступлении японцев на юго-западе, которое, вероятно, будет сопровождаться сильными ударами в других местах, и приказ о «быстрых действиях для парирования вражеского наступления».

После долгих совещаний со своим штабом и другими советниками Нимиц 7 февраля ответил Кингу:

> «Тихоокеанский флот значительно уступает противнику во всех отношениях. Агрессивную акцию на Тихом океане провести не могу, за исключением быстрых ударов с немедленным отходом, которые вряд ли смогут снизить давление противника на юго-западе. Проблемы логистики[1] намного превосходят концепции мирного времени, а расчеты всегда ненадежны из-за необходимости дозаправки в море и зависимости от погоды... Наступательное применение линкоров не вписывается в операции с быстрым ударом и отходом, а их самостоятельное или с необходимой поддержкой применение невозможно из-за отсутствия воздушного прикрытия и защиты от подлодок. Подобное их применение считаю в настоящий момент нежелательным. Продолжительные действия одного или нескольких оперативных соединений Тихоокеанского флота в зоне ANZAC будут включать зависимость от логистической поддержки из Австралии и Новой Зеландии, а такая поддержка сейчас ограничена... До тех пор пока флот не получит сильное

[1] Логистика — наука о решении систем взаимосвязанных проблем, в частности, широко используется при расчетах материально-технического обеспечения войск. *(Прим. пер.)*

подкрепление, особенно самолетами, легкими кораблями, авианосцами и быстроходными танкерами, его эффективность в наступательных операциях останется ограниченной..».

Он закончил ответ докладом о том, что в соответствии с первоначальной директивой Кинга охранять Гавайи и судоходные линии до Самоа он планирует послать одну из оставшихся у него авианосных соединений на юг в сторону Самоа, а остальные держать в Перл-Харборе в качестве резерва.

Для членов штаба Нимица директива Кинга о том, что линкоры следует использовать для быстрых рейдов, выглядела очень далекой от реальности. Новейший из линкоров вошел в строй в 1923 году, ни один из них не мог давать более 21 узла и угнаться за авианосцами, делающими 34. На Тихоокеанском флоте не хватало крейсеров и эсминцев, чтобы прикрывать одновременно и авианосцы, и линкоры. Если же сравнивать соединение с авианосцем и соединение с линкором, то первое оказывалось гораздо эффективнее, поскольку для нападения и обороны имело и самолеты, и орудия.

Днем 9 февраля от Кинга пришел ответ, буквально ошеломивший и Нимица, и его штаб:

«Тихоокеанский флот не уступает, повторяю — не уступает значительно во всех отношениях тем силам, которые противник может выставить в оперативном радиусе Гавайев, пока он проводит обширные операции на юго-западе. Однако ваши силы станут значительно уступать ему от Австралии до Аляски, когда противник захватит намеченные объекты в юго-западной части Тихого океана, если вы не станете прилагать постоянные усилия для нанесения ущерба его кораблям и базам. Ваши действия в направлении и в районе мандатов сами по себе станут прикрытием и защитой линии Мидуэй — Гавайи, одновременно обеспечив отчаянно необходимое снижение вражеского давления на юго-за-

паде... Пересмотрите ситуацию в указанных районах и готовьте активные операции против мандатов и острова Уэйк с севера и востока или же меняйте схему операций по своему усмотрению».

На срочно собранном совещании штаб Нимица не смог выбрать ни одну цель, находящуюся в пределах досягаемости Тихоокеанского флота (даже если его оперативный радиус действия увеличить за счет заправки в море), атака на которую смогла бы с достаточно большой вероятностью повлиять на действия Японии в других районах. В конце концов проблему решили отложить до утра и снова собраться на следующий день, когда сможет прибыть и адмирал Хэлси.

Тем временем адмирал Нимиц посадил адмирала Пая на «клипер» компании «Пан-Американ»[1] и отправил в Вашингтон объяснить Кингу ситуацию в центральной части Тихого океана. В качестве посланника к Кингу Пай был идеальным кандидатом — высокоуважаемый стратег и опытный командир крупного соединения. Несколько острожный по натуре, он производил впечатление человека благоразумного. А поскольку до недавнего времени он командовал боевыми силами на Тихом океане, то его совет не пытаться использовать старые линкоры мог прозвучать веским аргументом. И, что весьма важно, он был однокурсником Кинга по Морской академии и одним из его немногих близких друзей.

Кроме информации и советника по стратегии Нимиц послал Кингу через Пая и небольшую личную просьбу. Адмирал Блох так и не научился сдерживаться и постоянно давал Нимицу советы, как вести войну. Последний очень не хотел навредить репутации Блоха, но намекнул Кингу, что был бы ему очень признателен, если бы тот перевел Блоха командовать туда, где его советы действительно необходимы.

---

[1] Имеется в виду одна из трансоксанских пассажирских летающих лодок авиакомпании «Пан-Американ», имевших в своих названиях слово «клипер». *(Прим. ред.)*

На следующий день во время совещании, на котором присутствовали Хэлси и другие старшие офицеры, было предложено, чтобы соединения «Энтерпрайза»под командованием Хелси и «Лексингтона» под командованием Брауна нанесли удар по Рабаулу. В это же время соединение «Йорктауна» под командованием Флетчера произведет атаку острова Уэйк. Такой двойной удар мог оказаться достаточно ощутимым для японцев и мог связать боем немало вражеских кораблей. Еще более отчаянным предложением стал рейд на Токио. Японцы, потеряв лицо, будут просто обязаны отреагировать. Однако от последней идеи отказались, во всяком случае временно, из-за трудностей дозаправки зимой в северных широтах.

В конце концов Нимиц решил объединить соединения «Энтерпрайза» и «Йорктауна» и направить их к островам Уэйк и Эниветок, или Маркус для нанесения удара по противнику. Это, как минимум, позволит морякам набраться боевого опыта и поднимет моральный дух американцев. К тому же Нимиц надеялся, что такое решение удовлетворит Кинга. Что же касается линкоров, то он отказался посылать их в наступательные операции. Без соответствующего снабжения и прикрытия (которых флот не мог обеспечить) линкоры могли стать легкой мишенью для вражеской авиации.

Хэлси не стал возражать, когда ему поручили командование новым рейдом, однако буквально взорвался, узнав, что его авианосному отряду присвоено обозначение «13-е оперативное соединение», а выход в море назначен на пятницу 13 февраля. Он немедленно послал в штаб Нимица своего начальника штаба, темпераментного кэптена Майлса Браунинга, с тем, чтобы тот устроил скандал по поводу такого безобразия. Ворвавшись в штаб, Браунинг весьма эмоционально спросил кэптена Макморриса:

— Что тут происходит? Вы что, решили всех нас угробить?

«Призрак оперы» не верил в приметы, но согласился с тем, что и без того рискованное задание Хэлси не стоит отягощать еще и дурными предзнаменованиями. Номер

13 сменили на 16, а Браунинга заверили, что запаздывающий танкер задержит выход эскадры Хэлси до 14 числа.

Таким образом, Хэлси с «Энтерпрайзом» и кораблями охранения вышел в море 14 февраля. Соединению «Йорктауна» под командованием Флетчера предстояло покинуть базу на следующий день. В воскресенье 15 числа Нимиц получил примирительную депешу от Кинга — очевидно, результат успешной миссии Пая. Теперь, по словам Кинга, его удовлетворят периодические рейды Тихоокеанского флота на японские островные базы в центральной части океана. Линкоры же следует держать в резерве для отражения возможных и неожиданных атак противника. Он также предложил держать один авианосец в центре позиции — в районе острова Кантон.

Выполняя распоряжение главкома, Нимиц послал 17-е оперативное соединение «Йорктауна» к Кантону. 16-е соединение продолжало двигаться на запад, храня полное радиомолчание. К великому раздражению Нимица, Хэлси продолжал молчать даже когда перехват японского радиообмена ясно указал на то, что 24 февраля на Уэйк был совершен налет, а 4 марта атакован остров Маркус. Неизвестно, жаловался ли Хэлси Нимицу в Перл-Харборе на то, что его чрезмерно опекали из штаба во время операции на Маршаллах. Во всяком случае, его последующий отказ от радиоконтакта выглядел в точности как поступок его предшественника, генерала времен Гражданской войны, который перерезал телеграфные провода, чтобы отделаться от бесконечных указаний из Вашингтона. 5 марта от командира 16-го оперативного соединения наконец-то пришла радиограмма с просьбой выслать танкер и лаконичным отчетом: «У соединения нет, повторяю — нет потерь».

Нимиц понял намек. С тех пор он твердо придерживался правила, что командиру, вышедшему на операцию и имеющему ее утвержденный план, не следует слать бесконечные указания или советы о том, как лучше выполнить поставленные задачи.

Из района ANZAC в Перл-Харбор поступали разноречивые новости. Адмирал Браун попытался совершить

рейд на тревожащую американцев базу в Рабауле, однако японские патрульные самолеты засекли приближение его оперативного соединения за 350 миль от цели. Большая часть бомбардировщиков, вылетевшая для встречной атаки из Рабаула, была сбита истребителями «Лексингтона». Потери составили всего два самолета, а корабли не получили никаких повреждений. Тем не менее Браун понял, что преимущество внезапности он утратил и у него нет иного выбора кроме возвращения на базу. Однако он настаивал на том, что если ему дадут дополнительный авианосец, то он вернется и завершит дело. Поэтому Нимиц приказал Флетчеру идти к соединению Брауна.

10 марта в Перл-Харбор вернулась 16-я эскадра Хэлси. Она действительно совершила рейды на Уэйк и Маркус, но даже оптимист Хэлси не смог бы назвать результат рейдов большим успехом — подожжены несколько зданий, возможно, и нефтехранилище, потоплен маленький патрульный корабль, и за все это заплачено потерей двух американских бомбардировщиков. По мнению одного из участвовавших в рейдах офицеров, «японцы обращали на нас не больше внимания, чем собака на своих блох».

Японское наступление в районе ABDA эти рейды не замедлили совершенно. 15 февраля пал Сингапур. Во время сражения в Яванском море 27—28 февраля были разгромлены остатки Ударной эскадры ABDA. Спастись удалось четырем американским эсминцам, но остальные корабли, включая тяжелый крейсер «Хьюстон», оказались потоплены при попытке выйти из Яванского моря. Рангун пал 8 марта, Ява — на следующий день.

19 февраля бомбардировщики японского авианосного соединения совершили налет на Дарвин, главный порт на севере Австралии. Затем авианосцы направились в район южнее Явы, поддерживая японское вторжение на этот остров и перехватывая союзные корабли, спасающиеся бегством из южных портов. После сдачи Явы это авианосное соединение направилось в Индийский океан, намереваясь потрепать британский Восточный флот и базы на Цейлоне.

Тем временем объединенные соединения «Йорктауна» и «Лексингтона» под командованием Уилсона Брауна бороздили Коралловое море. Вместо возвращения к Рабаулу для повторной атаки Браун прошмыгнул мимо Новой Гвинеи и 10 марта послал 104 самолета через хребет Оуэн Стенли для атаки на два крошечных японских плацдарма Лае и Самамауа на северном побережье Новой Гвинеи. Затем, оставив «Йорктауна» в Коралловом море, направился с соединением «Лексингтона» в Перл-Харбор, куда прибыл 26 марта. Проведя в море 54 дня, он смог записать на свой счет всего один реальный удар по врагу.

Нимиц принял объяснения Брауна о том, что рейды на мощно укрепленные вражеские базы в плохо картографированном море слишком опасны для авианосцев. Однако, по мнению Кинга, Браун был недостаточно агрессивен, чтобы возглавлять боевые соединения, поэтому Нимиц сместил его с поста командира оперативного соединения «Лексингтона» и назначил командиром только что созданного отряда амфибийных сил со штабом в Сан-Диего. Брауна сменил контр-адмирал Обри У. Фитч, который, будучи моложе Брауна, уже считался самым опытным командиром авианосцев во флоте.

Для Брауна перевод не стал понижением — он получил новое, весьма важное задание готовить десантные отряды для захвата баз, которым предстояло поддерживать будущее наступление на Японию. Это пример характерного для Нимица образа действий: если кого-то требовалось сместить, то он смещал человека с повышением в должности — если такая возможность имелась. Чтобы там Кинг или кто угодно ни думал насчет агрессивности Брауна, никто не смог бы усомниться в том, что он опытный организатор, недавно демонстрировавший свое умение во время работы в Академии.

Новое подразделение Брауна было создано после реорганизации Тихоокеанского флота. Кинг и Нимиц, придя к выводу, что разведка на море отныне будет проводиться подлодками и самолетами, расформировали подразделение разведки. Убежденные также, что сражения

между выстроившимися в боевые линии дредноутами типа Ютландского боя также ушли в прошлое, они отказались и от эскадр тяжелых кораблей. На смену почившим подразделениям пришли отряд амфибийных сил и отряд прикрытия. Последний, состоящий из старых линкоров и легких кораблей охранения, получил задание защищать и поддерживать первый. Через несколько дней после назначения адмирала Брауна командующим отрядом амфибийных сил Нимиц назначил адмирала Пая командиром отряда прикрытия — подразделения с неясным будущим, поскольку никто еще не придумал, как использовать 21-узловые дредноуты для поддержки 34-узловых авианосцев — или наоборот.

Тем временем президент Рузвельт, опасаясь за жизнь своего самого старшего и опытного офицера, приказал генералу Дугласу Макартуру покинуть Филиппины. Макартур, не желая покидать осажденные и голодающие войска, задержался до 11 марта, улетев ночью с Коррехидора на гидросамолете. С Минандао он отправился на бомбардировщике B-19 в Австралию, где заявил: «Как я понимаю, президент Соединенных Штатов приказал мне прорваться через линию фронта и вылететь с Коррехидора в Австралию с целью организации американского наступления против Японии, первой целью которого станет освобождение Филиппин. Я прорвался, и я еще вернусь».

Генерал ошибался, полагая, что ему предстоит стать единственным организатором наступления союзников на тихоокеанском театре военных действий. Ожидая его прибытия в Австралию, представители союзного командования заново разделили зоны ответственности и назначили новых командующих. Все это было указано в директивах, посланных 30 марта адмиралу Нимицу и генералу Макартуру.

Генерал Макартур был назначен верховным главнокомандующим союзными силами в Юго-западной тихоокеанской зоне, включающей Австралию, Соломоновы острова, острова Бисмарка, Новую Гвинею и Филиппины. Адмирал Нимиц стал главнокомандующим Тихоокеанской зоны, включающей всю оставшуюся часть Тихого

океана за исключением судоходного коридора вдоль берегов Южной и Центральной Америки. Он получил под командование все американские и союзные силы в этой зоне — сухопутные, морские и воздушные. Поскольку же командующий Тихоокеанским флотом подчинялся главнокомандующему ТОЗ, а Нимиц сохранил обе должности, то он в каком-то смысле стал сам себе командиром.

Комитет начальников штабов постановил, что Тихоокеанский флот должен остаться под контролем Нимица, даже если по стратегическим соображениям ему потребуется войти в юго-западную зону Макартура. Однако для того, чтобы Макартур в меньшей степени зависел от Тихоокеанского флота, генералу была придана большая часть Ударного отряда ANZAC в качестве ядра его будущего собственного флота.

Из-за своего размера Тихоокеанская зона была разделена на Северную (севернее 42° северной широты), Центральную (от 42° до экватора) и Южную (южнее экватора), а сокращение ТОЗ отныне стало расшифровываться во множественном числе — как Тихоокеанские зоны. Поскольку и японцы, и американцы планировали наступательные операции на юге, в Южной зоне потребовался общий командующий, подчиненный ГКТОЗ. Таким командующим Нимиц сделал адмирала Пая.

Будучи до войны командиром линкора, Пай относился к авианосцам как к вспомогательным кораблям. Кроме того, неудача экспедиции по снятию осады с Уйка легла пятном на его репутацию. Однако адмирал имел быстрый и гибкий интеллект; он умел видеть свои ошибки и соответственно перестраивать мышление. Он постоянно рос в глазах Нимица. Тот назначил Пая командующим отрядом прикрытия, чтобы адмирал не утратил командных навыков, но вскоре стал считать его достаточно квалифицированным для должности с еще большей ответственностью в войне нового типа, которая постепенно разворачивалась на Тихом океане.

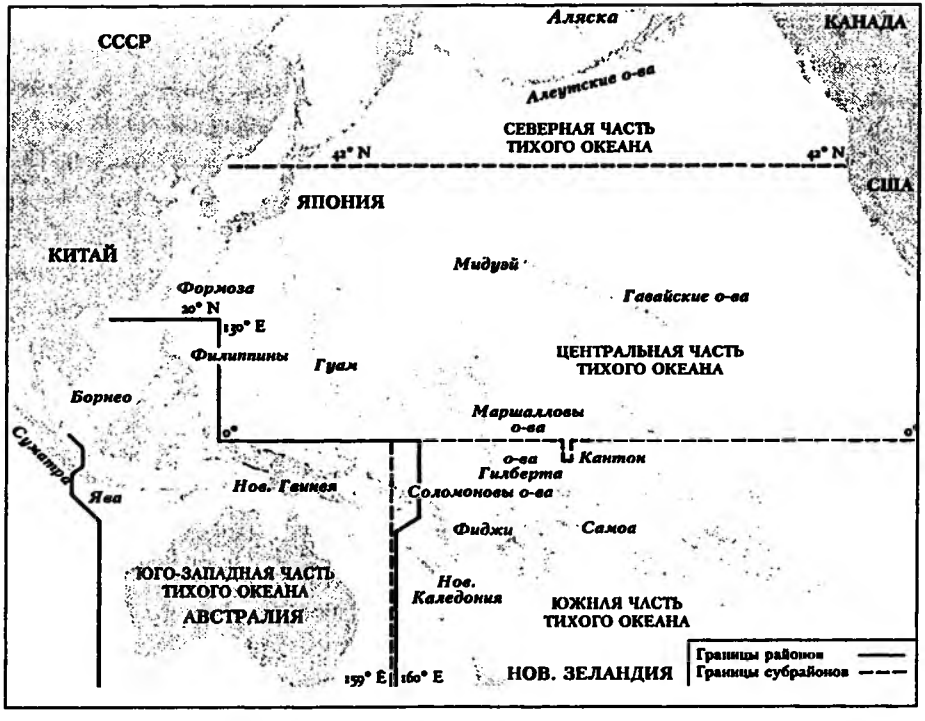
Адмирал Кинг, очевидно, мыслил иначе. Он имел склонность назначать человека на какую-либо должность раз и навсегда. И он оставил Пая, опытного офицера

с линкора, командовать линкорами. А командующим Южной зоной назначил вице-адмирала Роберта Л. Гормли. И этот выбор стал одним из наименее удачных решений Кинга. Как выяснилось, Гормли, человек с многосторонним опытом и чрезвычайно умный, не умел предотвращать военные кризисы или справляться с ними, когда они наступали.

В унаследованном штабе Нимица лишь немногие офицеры не смогли справиться со своими обязанностями. Со временем он перевел их на другие должности, но до тех пор не мог распределить обязанности и властные полномочия так, как ему бы хотелось. Ведь он, главнокомандующий, должен был заниматься только тем, чего не мог сделать никто другой. Однако к весне 1942 года Нимиц сумел настолько «расчистить палубу», что даже иногда находил время для игры в теннис. Неподалеку от своего дома он попросил оборудовать площадку, где мог погонять мячик и сбросить напряжение после трудного дня. С помощью даже столь ограниченных физических упражнений он постепенно одолел не характерную для него бессонницу, изводившую его со дня прибытия в Перл-Харбор.

В то время в одном доме с Нимицем жили его начальник штаба адмирал Дремель и хирург флота кэптен Эльфеж Альфред М. Гендро. Почти каждый вечер за обедом у них были гости, но для Нимица подобное общение не просто являлось способом снять напряжение. Второй его целью было желание общаться с подчиненными в неформальной атмосфере, а также сводить вместе и лучше узнавать других командиров. «Я делаю все, что в моих силах, — писал он жене, — чтобы собирать у себя командиров разных подразделений».

Адмирал Нимиц играл роль радушного хозяина, но оставаясь один, никак не мог избавиться от депрессии, тяготившей его с самого прибытия. Его приводило в отчаяние то, что он так мало сумел сделать для изменения хода войны. Он подозревал, что разочаровал своих покровителей. Морской министр Нокс не общался с ним с того дня, когда прислал короткое и надменное послание


СССР
Аляска
КАНАДА
Алеутские о-ва
СЕВЕРНАЯ ЧАСТЬ
ТИХОГО ОКЕАНА
42° N
42° N
США
ЯПОНИЯ
КИТАЙ
Мидуэй
Формоза
20° N
130° E
Гавайские о-ва
Филиппины
Гуам
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ
ТИХОГО ОКЕАНА
Борнео
Маршалловы
о-ва
0°
0°
Суматра
Кантон
о-ва
Гилберта
Нов. Гвинея
Соломоновы о-ва
Ява
Фиджи
Самоа
ЮГО-ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ
ТИХОГО ОКЕАНА
АВСТРАЛИЯ
Нов.
Каледония
ЮЖНАЯ ЧАСТЬ
ТИХОГО ОКЕАНА
159° E
160° E
НОВ. ЗЕЛАНДИЯ
Границы районов
Границы субрайонов

Тихий оксан

насчет цензуры, поэтому Нимиц с удивлением узнал из письма жены, что ее приглашала к себе миссис Нокс.

— Я рад, что ты ходила на ланч к миссис Нокс, — написал он в ответ. — В последнее время я ничего не получал от Н., поэтому полагаю, что он сейчас не в фаворе. И боюсь, он сейчас не столь расположен ко мне, как в день моего отъезда, но это естественно. Очень многие поначалу относились ко мне с энтузиазмом, но когда события стали развиваться недостаточно быстро, они ко мне охладели. Если повезет, то я продержусь месяцев шесть. Общественность может потребовать действий и результатов быстрее, чем я смогу их выдать.

Глава 4

ВОСПИТАНИЕ СТРАТЕГА

В своих лекциях в Военно-морской академии Алфред Тайер Мэхэн часто подчеркивал, что «на войне правят коммуникации». Это утверждение было особо справедливым по отношению к высокомеханизированной Второй Мировой войне. И разумеется, его разделяли адмиралы Кинг, Нимиц и японские лидеры. Мы уже отмечали как упорное стремление японцев перерезать коммуникации между Соединенными Штатами и Австралией, так и усилия американцев по их защите. Япония, блокируя поставки, следующие этим прямым маршрутом, могла помешать союзникам использовать Австралию как базу для наступательных операций. Однако подобными действиями она могла лишь отсрочить собственное поражение, но не добиться победы.

С другой стороны, Япония потерпела бы неизбежный крах, если бы ее коммуникации с Вест-Индиями оказались под угрозой. Никаких иных источников нефти у нее не имелось, а без нефти ее военная машина

вскоре бы остановилась. С юга — через Южно-Китайское и Восточно-Китайское моря — целые флотилии танкеров доставляли в Японию нефть из Вест-Индий. Кинг и Нимиц согласились с тем, что главная цель вооруженных сил союзников состоит в охране собственных линий снабжения, а затем в продвижении на запад для захвата баз, откуда можно блокировать важный для Японии «нефтяной путь».

Сначала Нимиц послал подлодки Тихоокеанского флота для атаки на суда, курсирующие по этим и другим японским линиям коммуникаций. Теоретически, островную Японию можно было бы победить одними субмаринами, поскольку субмарины дважды почти побеждали островную Британию. С Японией дело обстояло бы еще проще, поскольку не только нефть, но и большая часть другого военно-промышленного сырья поступала в нее по единственному пути из недавно завоеванных южных областей, а практически всю готовую продукцию и горючее приходилось отправлять на далекие фронты по длинным и уязвимым маршрутам.

Ветеран-подводник Нимиц оказался разочарован, когда его субмарины не сумели добиться ожидаемых результатов. Он еще больше огорчился бы, узнав фактическое количество потопленных кораблей. У Нимица имелось около 50 подлодок, и к концу апреля 1942 года они потопили один 1900-тонный эсминец, три подлодки и примерно два десятка транспортных кораблей, из которых только у четырех водоизмещение превышало 6000 тонн. Для сравнения: около 50 или менее немецких подлодок, действующих ежедневно в Атлантике и Арктике, потопили 271 корабль общим водоизмещением 1 600 000 тонн. В Вашингтоне подобную несоразмерность были склонны списывать на неопытность или неумелость американских подводников, однако сами подводники начали подозревать — и не без оснований, — что причина их неудач заключается в ином.

Для Кинга и Нимица Тихий океан вовсе не был aqua incognita. Когда Кинг был еще кадетом Военно-морской академии (незадолго до поступления туда Нимица), Со-

единенные Штаты, а особенно военно-морской флот США обратили пристальное внимание на Тихий океан. Отправной точкой для этого стала победа коммодора Джорджа Дьюи над испанским флотом в сражении в Манильском заливе. В результате США аннексировали Гавайи, Филиппины, Гуам, Уэйк и часть Самоа. Несколько раз возникавшая впоследствии угроза войны сделала защиту Филиппин от расширяющей свои владения Японии основной задачей флота в этом районе. Следовательно, в Военно-морской академии, в военно-морском колледже и повсюду на флоте Япония изучалась как потенциальный противник, а Тихий океан интенсивно исследовался как возможный театр военных действий. Военные учения и маневры военно-морского флота в целом связывались с вероятностью войны с Японией. Следовательно, для Кинга, Нимица и других флотских офицеров США в начале двадцатого столетия Тонгатабу, Фиджи, Фунафути и Эфате были не просто экзотическими названиями, а потенциальными базами, с которыми они неоднократно знакомились на занятиях и во время принятия решений.

В 1901 году, когда Честер Нимиц поступил в Военно-морскую академию, военный флот США находился на подъеме. Позабыв о флоте почти на два десятилетия, Конгресс в 1880-х годах принял решение о постройке нового флота паровых броненосцев, который в 1898 г. заслужил восторженную оценку американской нации, одержав сокрушительные победы в филиппинских и кубинских водах. На рубеже веков книги Мэхэна о влиянии морской мощи и их империалистические профлотские идеи стали известны американской общественности благодаря выступлениям президента Теодора Рузвельта, старого друга и ученика Мэхэна. С 1898 по 1916 год Конгресс санкционировал постройку как минимум одного линкора в год — единственным исключением стал 1901 год, и то только из-за перегрузки верфей. Кроме того, Конгресс распорядился заменить разваливающиеся кирпичные корпуса Военно-морской академии, большинство из которых было построено еще перед

Гражданской войной, на новые здания из гранита и серого кирпича в стиле французского Возрождения. А казармы курсантов, построенные адмиралом Дэвидом Диксоном Портером, суперинтендантом академии еще в конце 1860-х, сменил похожий на дворец Бенкрофт-Холл, самое большое спальное помещение в мире.

Именно в этой пьянящей атмосфере и начал свою флотскую карьеру Честер Нимиц. Его курс, насчитывающий 131 курсанта, был одним из самых больших в истории академии, начиная с ее основания в 1845 году. Увеличенный набор должен был ликвидировать нехватку морских офицеров, проявившуюся в ходе испано-американской войны, и обеспечить командирами постоянно растущий флот Теодора Рузвельта. До завершения строительства Бенкрофт-Холла в академии не хватало комнат для такого количества новичков. В результате Честеру и многим его однокурсникам пришлось ночевать во временной деревянной пристройке, где трудно поддерживать чистоту, где не хватало умывальников и душевых, где было жарко летом и холодно зимой.

Чтобы завершить среднее образование, Честер снова стал жить по уже привычному расписанию — вставал в 4:30 утра и учился до подъема. Его сосед по комнате, Альберт Черч из Айдахо, последовал его примеру, и их усердие было отмечено высокими оценками. Однако в середине первого семестра Честер столкнулся с серьезным препятствием. Как-то днем, вспотев после полевых занятий, он стоял в жилой пристройке, где гуляли сквозняки, дожидаясь своей очереди в душевую, и его просквозило. В результате проявилась его основная физическая слабость: он слег от пневмонии и провел месяц в госпитале, пропустив из-за этого футбольный матч между армейскими и флотскими курсантами и сильно отстав в учебе.

Чтобы наверстать упущенное время, ему потребовались немалые усилия. Он пропустил часть базового курса французского языка. Лекции по математике предполагали знания геометрии и логарифмов, которые у Честера были близки к нулевым. В течение определенного време-

ни французский все еще вызывал у Честера затруднения, зато он обладал логическим типом мышления, легко впитывающим математику. Вызванный однажды к доске, чтобы решить алгебраическую задачу, он удивил преподавателя, выдав правильный ответ — но не по методу, приведенному в учебнике, а изобретенному самостоятельно.

К концу 1901 г. Нимиц догнал Черча и снова стал почти лидером по успеваемости в своей группе. Тогда кто-то из их одноклассников, вероятно, по совету преподавателей, предложил Нимицу и Черчу разделиться и взять в соседи по комнате курсантов «с меньшей академической успеваемостью». Они неохотно согласились, и Честер выбрал Джона Самптера из Кентукки. Нимиц и Черч заставили своих новых соседей перенять привычку учиться с утра пораньше и тем самым успешно помогали им сдавать все экзамены до конца учебного года.

Военно-морская академия, где учился Нимиц, была в некоторых отношениях преднамеренно суровой, ибо одной из ее функций — которую некоторые офицеры считали важнейшей — было безжалостное отсеивание непригодных. Новички находились «в услужении» у кадетов старших курсов, которое (когда держалось в рамках) сводилось к мягким подначкам без физического контакта, зато обильно сдабривалось крепкими словечками и обременительными правилами, рассчитанными на запугивание слабодушных. Честер Нимиц, которого курсанты прозвали Нэчью или Нэтти, освоил всю эту программу без напряжения[1]. Он воспринимал подначки настолько добродушно, что старшекурсники потеряли к нему всякий интерес.

---

[1] Странно и удивительно происхождение прозвищ некоторых флотских офицеров, которые нередко сопровождают их в течение всей карьеры. «Нэтти» произошло от «Нечью» — прозвища, которым наградили Честера курсанты, насмешливо утверждавшие, что тот похож на Мэтью (Мэчью) Строма, местного преподавателя по гимнастике и (что еще хуже) по бальным танцам, — с ушами, похожими на цветную капусту, приплюснутым носом и свирепым выражением лица. Прозвища Нимица, кажется, так и остались в академии.

Метод обучения в академии заставлял курсантов полагаться только на собственные силы и возможности. Почти ежедневно им устраивали контрольные по материалу без его предварительного объяснения или комментариев. Как только старший группы формально представлял ее преподавателю в начале лекции, тот с большой долей вероятности мог сказать: «Господа, тяните листочки и приготовьте доски». Бумажные листочки содержали задания, на которые курсанты должны были либо ответить, либо решить или перевести, записав ответ на грифельных досках. И лишь затем, когда преподаватель обходил класс, исправляя, оценивая и комментируя ответы, он давал какие-либо пояснения.

Месяцы подготовки к вступительным экзаменам в академию сделали Честера достаточно самостоятельным, чтобы не прибегать к помощи учебников. Не все его одногруппники были столь удачливы. Курсант Джордж В. Стюарт из Вирджинии пожаловался Нимицу, что преподаватели так ничему его и не научили.

— Я мог бы учиться гораздо лучше, Нэтти,— сказал он,— если бы они хоть что-нибудь объясняли и показывали.

— Само собой, ничего они объяснять не станут,— ответил Нэтти, одобрявший академические методы отсеивания, заставлявшие курсантов учиться самостоятельно.— Ведь ты здесь для того, чтобы учиться и работать на себя.

Никто не проявлял большего интереса к успехам Честера в академии, чем его дедушка Нимиц. Свое письмо из Фридрихсбурга от 19 февраля 1902 г. старый владелец гостиницы начал так:

«Мой дорогой внук Честер,

в следующий понедельник тебе исполнится семнадцать, и я надеюсь, что эти строки застанут тебя в добром здравии и хорошем настроении от успехов в занятиях по тригонометрии и испанскому. Я также надеюсь, что ты не найдешь их особо трудными и овладеешь ими столь же хорошо, как до сих

пор успевал в других науках. Я получил твои табели, и меня, как и твоего папу и дядю Чарли, очень радуют твои успехи. Если мы правильно поняли цифры, то по отметкам ты находишься между "хорошо" и "очень хорошо". О лучшем никто не мог и мечтать. Даже профессор Толанд тобой восхищен.

Мы надеемся, что самая суровая часть зимы уже миновала, и ты теперь можешь заниматься гимнастикой на улице. Мы все это оценим. Мы тут прочли в газете, что немецкий учебный корабль "Мольтке" с немецкими курсантами должен был посетить твою академию. Надеюсь, это произошло и тебе это понравилось, как, несомненно, понравится визит принца Генриха в конце этого месяца. Наверное, вам придется одеться для торжественного парада. Я не нашел ничего подходящего, что бы отправить тебе в подарок на день рождения, поэтому перерыл кучу старых писем и теперь расскажу кое-что из истории семьи».

Далее следовало множество страниц хроники семьи Нимиц, уходящей корнями в тринадцатое столетие. Дедушка, несомненно, вложил в этот труд свою любовь к внуку, и Честер дорожил письмом не меньше, чем если бы получил дорогой подарок на день рождения. Он хранил письмо среди своих бумаг всю жизнь.

Каждую субботу по утрам Честер и другие курсанты обучались судовождению, управляя стальным судном «Чесапик» — парусником с прямым вооружением. Его капитаном, а также главой факультета судовождения был коммандер Уильям Фредерик Хэлси, отец будущего адмирала Билла Хэлси. Билл тоже был курсантом набора 1904 года, опережая на год Честера, и защитником в двух самых бездарных футбольных командах за всю историю академии. Билл всегда утверждал, что был худшим защитником в двух худших командах академии.

Честер создал команду из курсантов и стал неплохим игроком, но никогда не был игроком выдающимся.

Однако он занимался разными видами спорта ради удовольствия и всегда добивался успехов, особенно в теннисе. Он никогда не пренебрегал физической активностью — ходьбой, бегом и плаванием,— когда не участвовал в состязательных видах спорта.

Стоит отметить, что большинство флотских командующих времен Второй Мировой войны учились в Военно-морской академии вместе с Нимицем. Эрнест Кинг и Уильям Пай закончили ее в июне, еще до поступления Честера, но вместе с ним, помимо Хэлси, учились Гарольд Старк, Хазбенд Киммель, Ройал И. Ингерсолл, Роберт Гормли, Фрэнк Джек Флетчер, Рэймонд А. Спрюэнс, Джон Тауэрс, Майло Дремель, Джон С. Маккейн, Обри Фитч, Томас Ч. Кинкейд, Уилсон Браун, Г. Кент Хьюитт и Р. Келли Тернер. Хотя во время учебы Нимица и происходил быстрый рост академии, в ней никогда не училось более 700 курсантов. Тут каждый знал всех, и во время учебы у многих завязалась тесная дружба. Поэтому офицеры, командовавшие военно-морскими силами США во Второй Мировой войне, очень хорошо знали друг друга.

Во время первой морской практики Честер плавал на «Чесапике», который вышел из бухты Чесапик, прошел мимо мыса Вирджиния в Атлантику и доставил команду курсантов в Бар-Харбор, штат Мэн. Там курсантов развлекали на вечеринках, которые устраивали богатые владельцы летних вилл. Так Честер начал знакомство с большим миром успехов и изысканности, ради познания которого он и покинул Техас.

Впоследствии курсант Нимиц плавал на линкорах «Массачусетс» и «Индиана», ветеранах испано-американской войны, и на эсминце. Во время пребывания на эсминце у него развился абсцесс уха. Так как на борту не было врача, капитан послал в машинное отделение за масляным шприцем, чтобы ввести борную кислоту в больное ухо. Вероятно, легкая пожизненная глухота Нимица стала результатом абсцесса, хотя сам он склонен был винить в ней наверняка не стерильный шприц. Честер научился компенсировать ослабление слуха, незаметно наблюдая за движением губ говорящего.

Когда Нимиц учился еще на первом курсе, был издан третий том «Истории военно-морского флота Соединенных Штатов» Эдгара С. Маклея. В академии книгу использовали как учебник. Новый том, повествующий об испано-американской войне, подвергал самой суровой критике действия коммодора Уинфилда Скотта Шли во время Карибской кампании, обвиняя его в неисполнении приказов, отсутствии инициативы и настойчивости, медлительности при блокировании врага, а описывая сражение при Сантьяго, автор открыто назвал Шли трусом.

Сражение произошло, когда контр-адмирал Уильям Т. Сэмпсон, командующий американским флотом, оставил Шли руководить блокадой, а сам на флагманском корабле отправился на берег совещаться с армейским генералом. Испанский флот, воспользовавшись подвернувшейся возможностью, вырвался из гавани, ведя огонь, прорвал блокаду и ушел на запад вдоль побережья Кубы.

Все американские корабли, кроме крейсера «Бруклин» под командованием Шли, пустились на запад в погоню за испанцами. «Бруклин» по приказу Шли взял курс на восток. Он едва не протаранил «Техас», на всех парах совершил полный круг и лишь затем присоединился к погоне, которая завершилась разгромом испанского флота. В своей книге Маклей с горечью описывает «позорное зрелище — американский военный корабль, в составе соединения, превосходящего по силам врага,.. сознательно показывает спину и спасается бегством».

Когда обвинения Маклея оказались опубликованы, все газеты страны яростно взревели. Американцы были глубоко потрясены, поскольку считали Дьюи, Сэмпсона и Шли героями, тремя американскими победителями Испании на море. И заклеймить одного из них как некомпетентного, нерешительного труса было все равно что дать пощечину национальной гордости. Шли гневно потребовал, чтобы третий том Маклея был выброшен из библиотеки Военно-морской академии, что и было сделано. Издатель отозвал все нераспроданные экземпляры и заставил автора переписать оскорбительные фрагменты.

Но ущерб был нанесен; пресса уже процитировала первоначальный текст. Шли потребовал провести судебное расследование, чтобы восстановить свою военную репутацию. Суд под председательством адмирала Дьюи заседал сорок дней и собрал 2000 страниц показаний и выводов. К сожалению, тяжба переросла в печально известное противостояние Сэмпсона и Шли, во время которого сторонники обоих офицеров спорили как в суде, так и вне его о том, кто же стал истинным победителем в битве при Сантьяго — Сэмпсон или Шли. Этот недостойный спектакль поначалу развлекал общественность, а затем наскучил ей. Рисунки, сделанные во время заседаний суда и опубликованные в «Вашингтон пост», весьма напоминали карикатуры[1]. Когда начавшийся в суде раскол лишь еще больше усилил разногласия, чем разрешил их, президент Теодор Рузвельт фактически приказал сторонам воздержаться от дальнейших распрей, поскольку «у любой из сторон не имеется какого-либо серьезного основания для дальнейшего обсуждения этого злосчастного спора».

Так военно-морской флот, который, в отличие от неумелой армии, завершил войну, овеянный славой, был выставлен на посмешище дальнейшим поведением своего начальства. Моряки и друзья моряков были смущены до глубины души. Однако многие курсанты Военно-морской академии смогли избавиться от испытываемой досады, а некоторым, несомненно, замешательство старших доставляло удовольствие.

Для преданного флоту курсанта Нимица эффект оказался как минимум травмирующим. И он поклялся, что, если когда-либо окажется в состоянии такое предотвратить, никогда не допустит, чтобы грязное белье флота полоскали на публике. Потрясение от скандальной стычки Сэмпсона и Шли вполне могло стать причиной последующей почти навязчивой осмотрительности Нимица.

Не стоит полагать, что Честер Нимиц не знал ничего, кроме учебы и службы. Он все еще оставался веселым

---

[1] В американских судах запрещено фотографировать, но разрешено рисовать. *(Прим. ред.)*

парнем из своего техасского детства, и ничто не радовало его больше вечеринки, где можно было всласть поболтать и повалять дурака. Несомненно, он тоже вносил вклад в общее веселье своими техасскими байками. Если только курсанты академии значительно не изменились с началом нового века, то подобные простодушные побрехушки наверняка заставляли кое-кого покачивать головой и стонать. Во всяком случае, Нимиц вскоре перешел на более хитроумные истории — обычно слегка сомнительные и с неожиданной эффектной концовкой. Продолжая рассказывать такие истории и после академии, он стал искушенным рассказчиком. Во время Второй Мировой войны байки Нимица пересказывались по всему флоту.

На вечеринках курсантов приготовленные Честером безалкогольные пунши всегда получали высокую оценку и поглощались в больших количествах. Иногда, по его собственному признанию, они с друзьями нарушали правила и, рискуя оказаться исключенными, употребляли и кое-что покрепче пунша. Кроме того, Честер и его однокурсники, нарушая правила и рискуя навлечь гнев Конгресса, перегибали палку в отношениях с новичками и действительно издевались над ними, соблюдая старый, но не особенно умный обычай академии. Однажды вся группа Честера была из-за этого временно отстранена от занятий.

Когда в сентябре 1904 г. группа Честера вернулась после каникул, они обнаружили, что первое крыло Бенкрофт-Холла построено. Став к тому времени матросами первого класса (старшекурсниками), они заняли новое общежитие. Нимиц, уже сержант и командир 8-й роты, получил просторное жилое помещение в северо-восточном углу третьего этажа. У него была отдельная спальня и примыкающий большой кабинет, который он делил со своим старым другом — гардемарином (новое звание, заменившее «кадет») Джорджем Стюартом.

В 1905 году группе Нимица сообщили, что в связи с острой потребностью растущего флота Рузвельта в младшем офицерском составе им придется завершить учебу

в конце января 1905 года, а не в июне, как планировалось. В результате старшекурсники узнали, что такое спешка и возросшее бремя службы. Некоторые менее важные предметы и тренировки были отменены, а по другим курсам обучения объем заданий возрос. Гардемаринам предоставили «свободный выход» в Аннаполис во внеучебные часы, чтобы они могли ходить к портным и ускорить пошив формы для церемонии выпуска. «Будьте уверены, — говорил Нимиц, — эту чрезвычайную привилегию мы использовали на полную катушку».

Вскоре гардемарины Нимиц и Стюарт с радостью обнаружили, что из их комнат можно выбраться на крышу все еще недостроенного нового общежития. Здесь, полностью укрытые от взглядов снизу козырьком крыши, они получили возможность устраивать пивные вечеринки с друзьями — и не упустили ее. Осушив бутылку, гардемарин бросал ее с крыши вниз, где она вдребезги разбивалась о гранитные строительные блоки. Звон бьющегося стекла сразу привлекал внимание одетых в синюю форму гражданских охранников, прозванных курсантами «ножки-клюшки», которые, к вящему удовольствию «злодеев» на крыше, недоуменно носились внизу, тщетно пытаясь понять, откуда вылетают бутылки.

Как-то в субботу днем Честер и несколько его одногруппников решили расслабиться после напряженной учебы, устроив очередную пирушку на крыше. Бросили жребий, чтобы определить, кто пойдет в Аннаполис за пивом. Честер «выиграл». Он смело вышел через главные ворота с пустым чемоданчиком в руке, одетый в форму с тремя полосками на рукаве и золотыми звездочками на воротнике. «Ножки-клюшки» и охрана лишь мельком взглянули на него, узнав гардемарина с правом выхода в город.

В паре кварталов от академии, в подсобке портняжной мастерской на Мэриленд-авеню, Нимиц наполнил чемодан дюжиной бутылок холодного пива. Рядом с владельцем мастерской, снабдившим Честера пивом в качестве дружеской услуги, находился некий красивый темноволосый

джентльмен, которого Честеру не представили. С полным чемоданчиком Нимиц вернулся в академию и, теперь уже слегка робея, снова прошел через главные ворота. Его не остановили для досмотра, и в тот вечер пирушка с пивом и бутербродами удалась на славу.

На следующее утро в понедельник, когда Честер привел свою группу в класс навигации, он с ужасом увидел в кресле преподавателя того самого красивого темноволосого джентльмена из портняжной мастерской, но теперь уже в форме. То был лейтенант-коммандер Леви Кельвин Бертолле, офицер ВМС выпуска 1887 г., лишь недавно ставший преподавателем академии. Преисполнившись ужасных предчувствий, Нимиц ожидал после лекции вызова к начальству и раннего завершения своей флотской карьеры. Но Бертолле даже не подал виду, что они с Честером когда-либо встречались.

Возможно, Бертолле просто не узнал курсанта, покупавшего пиво накануне в субботу. Но Нимиц, судя по тому, что Бертолле обладал хорошей памятью на имена и лица, всегда считал иначе. Позднее он вспоминал: «Эта авантюра преподала мне урок того, как следует себя вести до конца учебы в академии. Это также научило меня снисходительности и терпимости к тем, кто совершает проступок впервые, — когда их потом приводили ко мне, как к дежурному офицеру на корабле».

Нимиц надеялся когда-нибудь встретить Бертолле на службе и поблагодарить его за «понимание и снисходительность», но их пути больше никогда не пересекались. Бертолле умер в 1912 году.

Во время одного из семестров выпускного курса Честеру довелось попробовать, какого рода операциям предстоит сыграть важную роль в его дальнейшей карьере. На базе в Аннаполисе стояла первая укомплектованная личным составом военная субмарина «Голланд», и Нимиц вместе с однокурсниками по очереди ходили на ней в учебные походы в устье реки Северн. Погружения в этой медленной жестянке длиной 54 фута, похоже, не наполнили Нимица в то время страстным желанием специализироваться на подводных аппаратах.

Сокращенный выпускной год быстро закончился. Мичман, писавший про Нимица в ежегоднике академии под названием «Мешок удачи», проявил замечательную проницательность, выбрав для характеристики Честера такую строку из Вордсворта: «Похоже, он состоит из радостных вчера и уверенных завтра». А потом добавил: «Он обладает спокойствием и уравновешенностью немца — качествами, которые ведут к самой сути вещей».

30 января 1905 года Нимиц и его товарищи закончили учебу и стали «гардемаринами-выпускниками», а тем самым — «назначенными» офицерами, то есть пока еще не штатными. Полновесными энсинами[1] они могли стать лишь после двух лет удовлетворительной службы на флоте. Отчеты об их службе все это время хранились в академии и периодически проверялись академическим начальством.

В своей группе из 114 выпускников гардемарин Нимиц занимал седьмое место по суммарным результатам. Его лучшими предметами были современные языки (французский и испанский), морская артиллерия, математика и навигация, он также получил очень высокие оценки во время учебного похода. Четвертым в их выпуске был Ройал Е. Ингерсолл, который стал командующим Атлантическим флотом через день после того, как Честер Нимиц стал командующим Тихоокеанским флотом. Пятым был Фэрфакс Лири, во время Второй Мировой войны успешно командовавший авианосным оперативным соединением «Саратоги», ударной группой ANZAC, военно-морскими силами союзников в юго-западной части Тихого океана и на Восточном морском пограничье. Шестнадцать выпускников 1905 года дослужились до контр-адмирала и выше.

Гардемарин-выпускник Нимиц отправился домой в Техас в короткий отпуск, в конце которого сел в Сан-Антонио на поезд, идущий на запад. В том же поезде, о чем они предварительно договорились, ехал его друг и

---

[1] Энсин — младшее офицерское звание во флоте США, примерно соответствует младшему лейтенанту. *(Прим. пер.)*

однокурсник Брюс Канага, получивший такое же назначение, что и Нимиц. Они вместе приехали в Сан-Франциско и прибыли на линкор «Огайо». То был не последний раз, когда служба сводила Честера и Брюса. Они остались друзьями на всю жизнь.

«Огайо», один из четырех линкоров, построенных по указу Конгресса 1896 года, только что прошел приемные испытания. Имея водоизмещение 12 000 тонн, он был оснащен четырьмя 12-дюймовыми и шестнадцатью 6-дюймовыми орудиями и мог развивать скорость 17 узлов. Командовал линкором кэптен Левитт Ч. Логан, выпускник 1867 года.

Вскоре после того как гардемарин Нимиц поднялся на борт «Огайо», линкор взял курс на восток, где ему предстояло стать флагманским судном Азиатского флота США. В первом квартальном отчете Совету Военно-морской академии кэптен Логан написал: «За короткое время пребывания гардемарина Нимица на борту "Огайо" его служба была удовлетворительной». К концу следующего квартала, когда Честер привлек внимание командира как корабельный офицер и помощник дежурного по кораблю, Логан отметил: «Гардемарин Ч.У. Нимиц — превосходный офицер, и я с радостью рекомендую Совету академии обратить на него самое благосклонное внимание».

Когда «Огайо» достиг дальневосточных вод, Япония и Россия находились в состоянии войны. Военные действия на море достигли кульминации в мае 1905 года, когда в Цусимском сражении японский флот под командованием адмирала Хэйхатиро Того победил и буквально уничтожил русскую Балтийскую эскадру. Поскольку до этого Того уничтожил большую часть русской Дальневосточной эскадры, а японские войска захватили Порт-Артур, царь признал поражение России, приняв предложенное посредничество президента Теодора Рузвельта в заключении мирного договора.

Чтобы отметить восстановление мира, император Японии устроил прием на открытом воздухе в честь победоносных командиров армии и флота, на котором

главным гостем стал адмирал Того. Приглашения были посланы и офицерам «Огайо», который стоял тогда в Токийском заливе, но, поскольку старшие офицеры не проявили к этому приему интереса, представлять корабль делегировали шестерых гардемаринов, включая Нимица. На территории дворца было расставлено двести или триста столов, на каждом стояло несколько бутылок русского шампанского, взятого среди трофеев в Порт-Артуре. Из-за трудностей с транспортом гардемарины прибыли поздно и были усажены за ближайший к выходу стол.

Незадолго до окончания приема американцы увидели адмирала Того, направляющегося по дорожке к выходу. Несколько разгоряченные вином, они решили его перехватить, а пригласить адмирала за свой стол выбрали именно Нимица. Того с улыбкой принял приглашение и присоединился к ним. Он пожал всем руки, выпил глоток шампанского и несколько минут поговорил с ними на английском, которым хорошо владел, поскольку провел семь лет в Англии — сперва студентом, а затем наблюдателем во время постройки легкого крейсера. Адмирал произвел глубокое впечатление на Нимица, который никогда больше не видел его лицом к лицу, но нередко в течение многих лет воздавал должное памяти старого морского волка.

Продолжительные дружеские отношения между Соединенными Штатами и Японией резко осложнились после ошеломляющей победы последней над одной из наиболее многонаселенных западных держав[1].

Для американцев необходимость защищать недавно присоединенные Филиппинские острова от (возможно) экспансионистской Японии приобрела новую остроту. Посредничество президента Рузвельта отнюдь не помогло сохранению давней дружбы. Оно привело русско-японскую войну к завершению после подписания Портсмутского пакта (в штате Нью-Гемпшир), но взбесило японцев, которым было отказано в контрибуции для восстановления подорванной в ходе войны экономики.

---

[1] Т.е. Россией (*Прим. ред.*)

В сложившейся ситуации Рузвельт счел целесообразным отозвать все крупные корабли. Когда «Огайо» в середине сентября 1906 года направился в Соединенные Штаты, гардемарины Нимиц и Канага оказались среди оставшихся американцев, так как обоих перевели на почтенный крейсер «Балтимор», воевавший еще вместе с Дьюи в сражении в Манильском заливе. Нимиц и Канага полагали — возможно, и правильно,— что отобрали и оставили служить на Востоке самых способных офицеров.

В письме, написанном дедушке Нимицу 12 декабря 1906 года в Кавите на Филиппинских островах, Честер сообщал, что он и другие гардемарины-выпускники сдали экзамены на звание энсина, а результаты, скорее всего, узнают в конце января. Результаты экзаменов его не волновали. У Честера были другие хорошие новости.

> «Я уже писал тебе о попытке получить здесь назначение на одну из канонерок. Так вот, начальство заверило, что я стану командовать канонеркой "Пэнэй", как только она вступит в строй. Она будет готова примерно через две недели и станет крейсировать среди южных островов Филиппинской группы. Взгляни на карту этого района и сам увидишь, какое это большое пространство. Эти маленькие корабли не имеют постоянного задания — то есть они могут заходить в любые порты по своему выбору. Кроме меня, на борту будет еще один офицер — Маккейн[1], он учился на курсе младше меня. Команда будет состоять приблизительно из 30 человек, и мне разрешили самому набрать будущий экипаж из команды моего нынешнего корабля, а они и так практически все отобранные, так что, как видишь, команда мне достанется хорошая».

---

[1] Гардемарин-выпускник Джон С. Маккейн. Вице-адмирал, во время Второй Мировой войны служил на Тихом океане, сменил вице-адмирала Марка Митчера на посту командира оперативной авианосной группы.

Хотя его бывшая испанская канонерка имела длину всего 92,5 фута, Нимиц был в восторге, став ее командиром, потому что, как он говорил: «Я могу практиковаться в штурманском деле, навигации и так далее даже на малом корабле, а кроме того это должно помочь мне обрести определенную уверенность и умение полагаться на себя».

31 января 1907 года Честеру и Брюсу было присвоено звание энсинов. Вскоре Нимиц отбыл из Кавите на «Пэнэе», а Канага получил под командование такую же канонерку «Парагуа». Они планировали ходить в походы вместе, и выполняли это решение, когда такое удавалось. Их работой было «демонстрировать флаг» недавно угнетенным филиппинцам и моро, живущим на архипелаге Сулу, по возможности оказывать помощь местному населению и при необходимости решать проблемы. Как оказалось, с серьезными проблемами оба молодых энсина не столкнулись. Патрульная служба стала для них временем захватывающих приключений.

Помимо канонерки, Нимиц командовал небольшим подразделением в Поллоке на острове Минданао, где находилось 22 морских пехотинца. «Образно говоря, я стоял одной ногой на берегу, а другой в море,— говорил Нимиц,— но жил я на борту "Пэнэя". То были отличные деньки. У нас не было ни радио, ни почты, ни запасов свежей пищи. Мы много охотились. Один из моряков даже сказал, что больше не может смотреть утке в глаза».

Однако эту идиллию внезапно прервали события в других местах. После завершения русско-японской войны японские ветераны в поисках нового дома стали перебираться в Калифорнию, где соглашались работать за такие маленькие деньги, что это подорвало рынок труда на Западном побережье. В ответ в Сан-Франциско стали подвергать сегрегации японских школьников, и этот намек на расовую неполноценность привел в ярость жителей Японии. Под нажимом президента Рузвельта в Сан-Франциско согласились покончить с подобной практикой, а в ответ президент заключил с Японией соглашение об ограничении иммиграции. Затем, сдерживая японских поджи-

гателей войны, объявил 9 июля 1907 года о переводе флота американских линкоров из Атлантики в Сан-Франциско.

Угроза войны заставила Азиатский флот США развить лихорадочную активность, достигшую и Поллока. В конце концов, японцы в 1904 году без колебаний напали на русский флот, имевший пятнадцать современных линкоров против шести японских. Того и его адмиралы сперва уничтожили по частям разделенную русскую Дальневосточную эскадру, а потом дождались прибытия из Атлантики русской Балтийской эскадры и тоже разгромили ее. Если Япония намеревалась применить ту же стратегию против американского флота, то очевидным местом для начала войны станут Филиппины, а моментом — сейчас, пока Атлантический флот еще не прибыл в Тихий океан.

Нимиц и его «Пэнэй» были вызваны на крупную военно-морскую базу в Кавите. «Тогда столько говорилось о войне с Японией,— вспоминал Нимиц,— что когда мы подошли в Манильскому заливу, я едва не выслал на берег разведку, желая убедиться, что мы все еще удерживаем это место».

Поставив канонерку у причала, Нимиц надел белую форму с кортиком и сошел на берег доложить о прибытии командующему базой контр-адмиралу Урии Роуз Харрису, которого подчиненные прозвали «Урия Гип». То был строгий начальник с ледяным лицом, считавший, что на службе улыбкам не место. Харрис сухо сообщил Нимицу, что тот назначается командиром эсминца «Декатур», который нуждается в ремонте, и должен незамедлительно отвести корабль в сухой док. Объявляя о столь чрезвычайном назначении, адмирал мог бы позволить себе хотя бы легкую отеческую улыбку. Ни сейчас, ни тогда не считалось в порядке вещей назначать двадцатидвухлетних энсинов командирами эсминцев, даже во времена серьезной угрозы. Из современников Нимица, которых судьба потом подняла на высокие должности, Спрюэнс получил под командование эсминец в возрасте 26 лет, Хэлси в 30, а Кинг в 36.

Не дав Нимицу времени вернуться на «Пэнэй» за личными вещами, адмирал Харрис немедленно отправил его на своем катере к «Декатуру», который покачивался у буя. Нимицу предстояло привести эсминец в сухой док на острове Олонгапо, что в 60 милях от Кавите, в течение 48 часов.

— Ваши вещи вас догонят,— сказал Харрис.

Все еще в белом и с кортиком, энсин Нимиц взошел на борт своего нового корабля, где его встретили только два часовых-филиппинца. Корабль выглядел так, словно от него остался лишь корпус. Самое важное оборудование отсутствовало. На борту не имелось ни провизии, ни топлива. Честер еще не успел осознать всю огромность свалившейся на него проблемы, как начали прибывать офицеры и команда.

Вспоминая охватившие его в тот момент беспомощность и безнадежность, Нимиц впоследствии назвал «Декатур» в день их первой встречи «старым потрепанным эсминцем». На самом же деле то был сравнительно новый корабль, построенный после постановления Конгресса 1898 года, пополнившего флот также линкорами «Огайо» и двумя другими. Первые в ВМС США шестнадцать эсминцев, близнецы «Декатура», были четырехтрубными, 420-тонными, с угольными котлами и развивали скорость 28 узлов. «Декатур» и его братья прослужили всю Первую Мировую войну и были списаны в 1920 году.

Нимиц вернулся на берег на катере, который привез первую часть команды. Поездка дала ему немного времени на размышления. Глядя на синие воды Манильского залива и далекие холмы, покрытые джунглями, Честер успокоился. Он был твердо настроен, несмотря на неопытность, проявить себя достойным оказанного начальством доверия.

Вот и сейчас, как это часто случалось в его карьере, Нимицу помогла его привычка и дар находить друзей независимо от их ранга или статуса. Он обратился к нескольким уорент-офицерам[1] из Кавите, с которыми иг-

[1] Уорент-офицер — промежуточная категория между сержантским и офицерским составом. *(Прим. пер.)*

рал в покер, когда «Пэнэй» готовилась к службе, и те пообещали сделать все, что смогут. Вскоре к «Декатуру» начали подходить баржи с оборудованием, углем и водой. Работая днем и ночью, Нимиц и его наспех собранный экипаж наконец-то получили пар в одном из котлов, но на проверку машин времени у них уже не осталось.

Нимиц собирался отойти от буя задним ходом, но когда он дал в машинное команду «четверть хода назад»[1], эсминец двинулся вперед. Когда же он скомандовал «полный назад», корабль просто рванулся вперед. Как выяснилось, машинный телеграф смонтировали наоборот. И все же, несмотря на подобные непредвиденные осложнения, шторм и отсутствие точных карт, Нимиц и его экипаж привели «Декатур» на Олонгапо вовремя. Через две недели эсминец вышел из сухого дока и был готов к войне с Японией.

Угроза войны начала уменьшаться, когда японское правительство проявило мирные намерения, официально пригласив находящиеся в Тихом океане американские линкоры зайти с визитом в Токийский залив. Это было именно то, чего хотел Рузвельт. Он тут же создал международную сенсацию, объявив, что его «Великий белый флот» из 16 линкоров пройдет не только вдоль Западного побережья США в Японию, но и совершит кругосветное путешествие с визитом доброй воли, как бы между прочим продемонстрировав всем странам мощь и мастерство американских ВМС.

Рузвельт также заранее направил министра обороны Уильяма Говарда Тафта в кругосветное турне в качестве своего посла мира и доброй воли. И еще вопрос, кто был более внушительным послом доброй воли — один из линкоров Рузвельта или трехсотфунтовый Тафт с аккуратно завитыми седыми усами и впечатляющим животом. Посетив Японию, он отправился на Филиппины, где был успешным и популярным гражданским губернатором с 1901 по 1904 годы. Прибыв в Манилу осенью 1907 года, Тафт председательствовал во

[1] Самый малый назад. *(Прим. ред.)*

время открытия генеральной ассамблеи и произнес речь. Затем, сопровождаемый женой и десятилетним сыном Чарльзом, совершил краткое турне по нескольким филиппинским городам.

В этом турне принял участие и энсин Нимиц, когда ему поручили сопровождать Тафта и его свиту из Олонгапо обратно в Манилу. Желая сделать пребывание тучного посла на палубе «Декатура» более комфортабельным, Нимиц раздобыл два плетеных кресла, а корабельный плотник связал их и отпилил два внутренних подлокотника. Получилось кресло вполне уютное и просторное для посла и достаточно прочное, чтобы выдержать его вес. Из Манилы Тафт и его свита вскоре отправились морем во Владивосток, а оттуда по суше — в Москву, Санкт-Петербург, Берлин и Париж.

Нимиц, пробыв на Востоке почти три года, надеялся, что его вскоре пошлют домой. Но вместо этого ему приказали направить «Декатур» на юг, в места прежнего патрулирования в районе Минандао и архипелага Сулу. И вновь Честер находил время охотиться на кабанов, оленей и уток. Некоторое время «Декатур» служил чем-то вроде флагманского корабля для полковника Роджерса — американского губернатора архипелага. Прибыв к деревне на Сулу, эсминец давал пару залпов из скорострельных орудий, чтобы произвести на туземцев впечатление. Затем на борт поднимались вожди моро и рассказывали полковнику Роджерсу о своих проблемах и разногласиях, обращаясь к нему как к суду последней инстанции.

Пока полковник принимал решения и вершил правосудие, энсин Нимиц обзаводился друзьями. Он особенно симпатизировал вождю моро по имени Дату Пианг. После Второй Мировой войны его сын, майор Дату Гумбау Пианг, служивший в филиппинской полиции, прислал адмиралу Нимицу крис — короткий нож моро, принадлежавший его отцу. Так майор отблагодарил адмирала за его участие в освобождении Филиппин.

Единственным перерывом в рутине, от которого Нимиц получил особое удовольствие, стало плавание весной 1908 года через Южно-Китайское море в Сайгон, речной

порт и столицу Французского Индокитая, известному в те времена как «Париж на Востоке». Честер писал дедушке Нимицу:

> «Французы здесь принимают нас очень хорошо, и мы получаем огромное удовольствие. Их очень интересует «Декатур», и они здорово восхищаются его размерами. Их самые большие торпедные противокорабельные эсминцы примерно вдвое меньше. И еще, возвращаясь из Сайгона, я пережил свой первый — и, хочу надеяться, что последний, — настоящий тайфун. Хотя мой корабль, учитывая его размеры, вел себя замечательно, мы провели три очень неприятных дня. Корабль непрерывно швыряло на волне, крен доходил до 50 градусов, а когда впереди или сзади поднималась волна, мне казалось, что он обязательно переломится посередине, как это случилось с одним британским эсминцем во время шторма. Тем не менее мы благополучно пришли в Манилу, отстав от графика всего на несколько часов».

Нимиц начал тосковать по Техасу и своей семье, которую не видел уже три с половиной года. Имелся шанс, что его могут послать домой на «Мэне» или «Алабаме», но он надеялся, что этого не произойдет. Эти линкоры, оказавшиеся в плохом состоянии, отделили от «Великого белого флота» в Сан-Франциско, и теперь они возвращались на восточное побережье США долгим обходным путем, не желая рисковать и идти через опасный Магелланов пролив. Самому же Белому флоту после заходов на Новую Зеландию, Австралию, Японию и Китай предстояло покинуть Манилу в начале декабря. Если бы Нимиц к нему присоединился (а он подозревал, что ему могут отдать такой приказ), то он повидался бы со многими друзьями из Аннаполиса, включая энсина Билла Хэлси. Но Белый флот вышел к США лишь 22 февраля 1909 года.

Размышления на эту тему внезапно прервались для Нимица после непредвиденного происшествия. Вечером 7 июля 1908 года энсин Нимиц, командуя «Декатуром»,

проявил определенную беспечность. Входя в гавань Батангаса южнее Манильского залива, он оценил положение корабля на глаз, а не по береговым ориентирам. Он также не удосужился проверить, высокий или низкий в тот момент прилив. И лотовой неожиданно крикнул:

— Мы не двигаемся, сэр!

Сперва это озадачило Нимица, но потом он с ужасом понял, что его эсминец сел на мель. Все попытки высвободить корабль оказались безуспешными. Подобная ситуация могла запросто погубить карьеру молодого офицера. «Той темной ночью где-то в Филиппинах, — рассказывал позднее Нимиц, — мне вспомнился совет деда: «Не волнуйся из-за того, чего не можешь изменить». И я поставил на палубе раскладную кровать и улегся спать».

Вскоре после рассвета приплыл маленький паровой буксир, закрепил на «Декатуре» канат и стянул его с мели. Нимиц, как и положено, доложил о происшествии. Флотские правила требовали, чтобы случаи посадки корабля на мель расследовались, а виновные, если таковые имеются, наказывались. Поэтому Нимица доставили на крейсер «Денвер» для военного суда за «преступную небрежность при несении службы».

Суд, приняв во внимание безупречный послужной список обвиняемого и скверное качество карт района Батанги, снизил суровость обвинения. Он признал Нимица виновным, но лишь в «пренебрежении своими обязанностями», и приговорил «к выговору, публично объявленному командующим флотом США в филиппинских водах». Командующий, контр-адмирал Дж. Н. Хемфилл, в конце слушания записал: «Публикация данных выводов и приговора сама по себе будет считаться публичным выговором, требуемым по приговору суда».

Если не считать беспокойства и смущения, этот суд принес Нимицу только удачу и никак не навредил его карьере. Его, разумеется, отстранили от командования «Декатуром», и он, вместо того чтобы ожидать, пока Белый флот доберется до филиппинских вод, через две недели после приговора отправился домой. Восемнадцать месяцев спустя он был повышен в звании от энсина до

лейтенанта, в обход промежуточного звания младшего лейтенанта.

Для энсина Нимица возвращение домой тоже оказалось службой. Он отплыл на почтенного возраста канонерке «Рейнджер» — переданной в качестве учебного корабля филиппинскому мореходному училищу. Филиппинцы же сочли, что его обслуживание обходится им слишком дорого, и теперь энсинов Нимица, Гленна Оуэна Картера, Джона Г. Ньютона и Александра Вадсворта (все выпускники академии 1905 года) назначили на канонерку вахтенными офицерами, чтобы отвести ее обратно в Штаты. Там ее собирались передать мореходному училищу штата Массачусетс.

К счастью для четырех энсинов, орудий на борту «Рейнджера» не имелось, поэтому на нем не могли объявлять учебные боевые тревоги. Под паром старая канонерка с пыхтением выдавала 9 узлов, но при попутном ветре на ней ставили паруса, увеличивая скорость до 10–10,5 узлов. Несколько лет спустя Картер вспоминал:

> «Нимиц, Ньютон, Вадсворт и я совершили воистину славное путешествие, если не считать того факта, что на него ушло вдвое меньше времени, чем нам хотелось бы. Три месяца и неделя от Манилы до Бостона — хорошее время для этой развалины, но все же мы провели слишком мало времени на берегу в Сингапуре, Коломбо, Периме, Порт-Саиде, Неаполе, Виллафранке (которую мы никогда не забудем), Гибралтаре, на Мадейре и Бермудах».

«Рейнджер» прибыл в Бостон в начале декабря. Нимиц навестил семью, и 25 января 1909 года доложил, согласно полученным инструкциям, о прибытии на службу в Первую флотилию субмарин. В это время Великий белый флот, следуя примерно по тому же маршруту, что и до этого «Рейнджер», все еще находился в Средиземном море.

Честер был разочарован назначением на субмарины, что в те времена считалось тяжелой службой без

дополнительной оплаты. «В те дни,— писал Нимиц,— они напоминали помесь фантазий Жюля Верна с горбатым китом». Честер запрашивал начальство о новой службе на линкорах, самых привлекательных кораблях тогдашнего флота, находясь под впечатлением, что именно это нужно ему для дальнейшей карьеры. На деле же, разумеется, вся интересная и ответственная работа на крупных кораблях достается старшим офицерам, а энсинам приходится тянуть лямку рутинной службы. Более того — хотя руководство об этом даже не подозревало,— расцвет эпохи линкоров уже приближался к концу, в то время как субмаринам еще предстояло проявить свои чрезвычайные возможности в роли наступательного оружия.

Нимиц проглотил разочарование и целиком отдался новому назначению, усвоив тем самым важный урок о том, что большая часть проектов, какими бы непривлекательными они ни были, отплачивает сторицей за упорный труд интересным и познавательным опытом. Успешно командуя субмаринами «Плунжер», «Снуппер» и «Нарвал», он начал кампанию по удалению с субмарин бензиновых двигателей из-за их ядовитых выхлопов и склонности взрываться. Он поддерживал их замену на дизельные двигатели и вскоре стал признанным авторитетом по дизелям.

Глава 5

ПРОТИВОСТОЯНИЕ В КОРАЛЛОВОМ МОРЕ

Вскоре после прибытия в Перл-Харбор адмирал Нимиц подробно ознакомился с работой военно-разведывательного подразделения 14-го военно-морского округа. Его провели вниз по ступеням в подвал через стальную дверь, достойную банковского хранилища, и далее в длинное узкое помещение без окон под зданием окружной администрации. Его сопровождал старший офицер, кэптен-лейтенант Джозеф Дж. Рошфор. Смотреть было почти не на что, кроме рядов столов, за которыми работали моряки и офицеры, шкафов для хранения документов и установленных в линию лязгающих табуляторов[1] корпорации IBM, находящихся за специальной перегородкой — чтобы заглушить производимый ими шума.

---

[1] Табулятор — электромеханическое устройство для сортировки перфокарт. До появления первых компьютеров широко использовались для обработки данных, закодированных на перфокартах. *(Прим. пер.)*

Нимиц узнал, что это местное подразделение называется «станция Гипо» и является филиалом Op-20-G — «Отдела безопасности связи Управления военно-морских коммуникаций» в Вашингтоне. Имелся и другой филиал, «станция Каст»[1] на острове Коррехидор в Манильском заливе. Англичане также создали станцию в Сингапуре, сотрудничающую с американцами. Как объяснили Нимицу, Op-20-G и его филиалы следили главным образом за радиообменом противника — анализировали поток сообщений, пеленговали и отслеживали передатчики и декодировали шифрованные сообщения с помощью методов криптоанализа.

Теоретически, анализ потоков информации мог за счет изучения количества японских радиограмм и адресов получателей предсказать направление и силу планируемых ударов врага. Японские передатчики, как на суше, так и на море, пытались скрывать свою индивидуальность, часто меняя буквенно-цифровые позывные, но аналитики вскоре распознавали их вновь по местонахождению, направлению перемещения или, чаще всего, по «почерку» радиста, который для специалиста столь же уникален и узнаваем, как человеческий голос.

Тихоокеанская система радиоразведки включала также вспомогательные приемные станции с высокочастотными радиопеленгаторами. Эти станции располагались по огромной дуге, проходящей от Датч-Харбора на Алеутах, вдоль Гавайев, и до Филиппин. Они постоянно прослушивали радиочастоты противника, засекая передатчики, и докладывали непосредственно на станцию «Гипо».

Специализацией станции «Гипо» в области криптоанализа был оперативный военно-морской код японцев, который американцы назвали JN25[2]. Лязгающие табуля-

---

[1] «Гипо» и «Каст» были в то время английскими фонетическими обозначениями для букв Г (в данном случае Гавайи) и К (Коррехидор).

[2] Не следует путать его с широко известным «Пурпурным» кодом — японским дипломатическим шифром, который армейская Служба сигнальной разведки расшифровала в сентябре 1940 года, или с «Ультрой» — немецкой шифровальной машины «Энигма», коды которую британцы сумели расшифровать.

торы даже в те дни успевали «перемалывать» перехваченные за день радиограммы. В Вашингтоне, на острове Коррехидор и в Сингапуре другие такие же машины расшифровывали те же сообщения, и все четыре станции постоянно обменивались добытыми сведениями.

Адмирал Нимиц проявил вежливый интерес, задал несколько вопросов и удалился. Увиденное не произвело на него впечатления. Если подразделения радиоразведки могли делать то, для чего были созданы, и делать это эффективно, то почему они не предупредили о грядущем нападении на Перл-Харбор?

Код JN25 состоял примерно из 45 000 пятизначных групп (вроде 53 875, 45 089, 37 158), большинству из которых соответствовали слова или фразы. Чтобы привести в отчаяние дешифровщиков, японским связистам выдали книгу с 50 000 случайных пятизначных групп. Отправитель добавлял серии этих случайных групп к кодовым группам своего сообщения. Специальная пятизначная группа, включенная в сообщение, указывала получателю на страницу, колонку и номер в книге случайных групп, где отправитель выбрал свою первую группу перед началом добавления. Чтобы понять смысл сообщения, получатель отыскивал те же номера в своей книге случайных чисел, вычитал их, а затем искал получившиеся группы в дешифровальной книге. Чтобы еще больше запутать криптоаналитиков противника, японцы периодически выпускали новые книги случайных групп. Иногда они перемещали свои кодовые группы — примерно так, как можно переставить номера телефонов в телефонном справочнике.

Предполагалось, что подобные меры сделают код JN25 неуязвимым. Однако японцы просчитались, отчасти из-за того, что этим кодом шифровалось огромное число сообщений — до тысячи в сутки, но главным образом потому, что Op-20-G, и в частности станция «Гипо», пользовался услугами нескольких опытнейших в мире криптоаналитиков. При таком плотном потоке сообщений некоторые случайные и кодовые группы неизбежно повторялись вновь и вновь. Когда такое происходило достаточно часто, появлялась возможность применить математическую

операцию под названием «удаление добавленного» и выделить базовые кодовые группы, которые затем обрабатывались стандартными методами криптоанализа. Незадолго до атаки на Перл-Харбор японцы выпустили новую книгу случайных групп. Прежде чем американские криптоаналитики могли опять заняться базовым кодом JN25, его предстояло очистить от добавленных групп, а этот процесс по большей части выполнялся табуляторами IBM.

Криптоанализу всегда удавалось выявить лишь малую долю из 45 тысяч значений, представленных каждой из кодовых групп JN25. Дешифровщики, затратив недели на атаку новой версии кода, считали удачей расшифровку всего 15 процентов текста сообщения. Однако и этого, после сопоставления с результатами анализа потока радиограмм и записанными прежде фрагментами сообщений, обычно оказывалось достаточно для получения полезной информации. Табуляторы, хранившие на перфокартах огромное количество перехваченных радиограмм, брали на себя основную работу по сопоставлению новых и старых сообщений. Столь же важной в этом процессе была и фантастическая память Рошфора, который мог вспомнить, о чем говорилось в сообщении, перехваченном несколько недель назад.

Частично расшифрованные сообщения пересылались начальнику военно-морских операций (НМО), в штаб Тихоокеанского флота и, разумеется, в Op-20-G и его филиалы, которые, уходя от наступающих японцев, перебрались с Коррехидора в Мельбурн (Австралия) и из Сингапура в Коломбо (Цейлон). В штабе командующего Тихоокеанским флотом их принимал коммандер Лейтон, офицер флотской разведки, служивший прежде под началом адмирала Киммеля. Самые важные расшифрованные сообщения Лейтон немедленно приносил адмиралу Нимицу или его начальнику штаба адмиралу Дремелю. Остальные он использовал при подготовке разведсводок, которыми открывались утренние совещания у Нимица. Кроме обмена сообщениями, Лейтон и Рошфор несколько раз в день общались по телефону, пользуясь

линией кодированной связи. Они стали друзьями еще в 1929 году, когда флот послал их в Японию для изучения языка и японских обычаев, и с тех пор их пути неоднократно пересекались.

С самого начала Лейтон произвел на Нимица впечатление детальными знаниями о местонахождении и перемещениях японских морских сил. Он также продемонстрировал впечатляющее понимание психологии японцев, о которой Нимиц также имел представление после службы на Дальнем Востоке. Когда Лейтон стал работать под началом Нимица, тот сказал ему, что отныне Лейтону предстоит принять на себя роль адмирала Осами Нагано, главы японского Морского Генерального штаба, «или того, кто у них заказывает музыку». В этой роли Лейтону следовало, насколько такое возможно, мыслить как японцу и информировать Нимица о стратегических концепциях, планах и операциях японского флота.

Когда Лейтон обрел еще большее доверие адмирала, точно предсказав некоторые ходы противника, он взялся объяснить ему, почему «станция Гипо» была не в состоянии предупредить о рейде на Перл-Харбор. Похоже, причиной стали не ошибки американцев, а осторожность японцев, не говоря уже о том, что план нападения был передан по радио кодом, который американцы в то время еще только взламывали. За несколько недель до атаки японское авианосное соединение просто исчезло из радиообмена, и все его корабли соблюдали строжайшее радиомолчание.

Разведсводка Лейтона от 9 апреля 1942 года содержала практически лишь плохие новости. Коррехидор пока в руках американцев, но Батаан только что захвачен противником. Японское авианосное соединение все еще действует в Индийском океане. После рейда на Коломбо оно потопило два британских крейсера. Имеются признаки подготовки японского наступления на восточную оконечность Новой Гвинеи ближе к концу апреля.

Последнюю новость адмирал Нимиц счел особенно тревожной. Он знал, что она основана на результатах радиоразведки, которой он к тому времени стал доверять.

В это время 16-е оперативное авианосное соединение под командованием адмирала Хэлси на «Энтерпрайзе» выполняло опасную миссию — не более и не менее как рейд на Токио. Даже если «Энтерпрайз» уцелеет в этом рейде, авианосец никак не успеет к концу месяца добраться до района Новой Гвинеи.

Схема рейда на Токио, которую КТФ положил на полку в прошлом феврале, была поддержана армейскими ВВС. Сухопутные авиаторы считали, что разработали на ее основе почти безупречный план. 19 марта в Перл-Харбор прибыл кэптен Дональд Б. Дункан, эмиссар Объединенного Комитета начальников штабов, и положил этот план перед Нимицем.

Одним из главных возражений против рейда на Токио было то, что бомбардировщики авианосцев имели относительно небольшой радиус действия. Чтобы начать такую атаку, авианосцам предстояло подойти самоубийственно близко к многочисленным японским аэродромам. Армия предложила заменить их на В-25, средние бомбардировщики большого радиуса действия. Подполковник Джеймс Г. Дулитл обучил 16 экипажей поднимать их в воздух со взлетной полосы, равной по длине палубе авианосца. Приземлиться же армейские бомбардировщики на столь короткой полосе, само собой, не могли. План заключался в том, что через Тихий океан их перевезут на авианосце. В точке на 500 миль восточнее Японии они взлетят, сбросят бомбы на Токио и другие японские города, и направятся к дружественным аэродромам в Китае. Новый авианосец «Хорнет», уже идущий из Атлантики, возьмет на борт В-25 на базе ВВС в Аламеде, неподалеку от Сан-Франциско. Поскольку «Хорнет» с принайтованными к его взлетной палубе армейскими бомбардировщиками уже не сможет использовать собственные самолеты для поиска и патрулирования, к японским водам его должен будет эскортировать другой авианосец. Предоставит ли его командующий?

Нимиц повернулся к Хэлси:

— Как думаешь, Билл, план сработает?

— Им понадобится немало везения.
— Ты хочешь сопроводить их туда?
— Да, хочу.
— Хорошо. Тогда передаю их тебе.

8 апреля 16-е оперативное соединение Хэлси вышло из Перл-Харбора, чтобы встретить в море «Хорнет» и сопроводить его к Японии.

Вероятно, предупреждение о грозящем новом японском наступлении встревожило и адмирала Кинга, потому что он пошел на беспрецедентный шаг и связался напрямую с Рошфором на «станции Гипо». Японский авианосный отряд совершил налет на Тринкомали, еще одну базу на Цейлоне, и потопил британский авианосец «Гермес». Кинг захотел узнать, что известно из радиоперехватов о краткосрочных и долговременных планах японцев.

Рошфор, проанализировав свои источники информации и проконсультировавшись со своими людьми, составил прогноз из четырех пунктов, который послал и ГК, и КТФ:

1. Японцы завершили операции в Индийском океане, их флот возвращается на базы;

2. У них нет плана атаковать Австралию;

3. Вскоре они начнут операцию по захвату восточной оконечности Новой Гвинеи;

4. За этим ходом последует гораздо более крупномасштабная операция на Тихом океане, в которой примет участие почти весь их Объединенный флот.

Адмирал Нимиц и его штаб ориентировочно приняли прогноз Рошфора и построили на его основе собственные предположения. Они пришли к заключению, что для контроля над восточной частью Новой Гвинеи японцам придется захватить австралийскую базу Порт-Морсби в Коралловом море, потому что вылетающие оттуда бомбардировщики могут накрыть не только всю Новую Гвинею, но и японскую базу в Рабауле.

Что же касается грядущей операции в Тихом океане, то Нимиц и его штаб предположили, что противник нанесет удар по Алеутским островам, Перл-Харбору или

Мидуэю. Какой бы ни была их главная цель, маловероятно, что японцы обойдут Мидуэй — самый западный укрепленный американский форпост в центральной части Тихого океана. И Нимиц принял за главное правило, что он не имеет права на такие потери при обороне Новой Гвинеи, которые сделают его беспомощным при отражении грядущего наступления в Тихом океане.

К середине апреля группа радиоперехвата в Австралии (станция «Каст»), сумела предсказать, что в Коралловое море вскоре войдет группа японских транспортов, эскортируемая легким авианосцем «Сехо»[1], и поддерживаемая ударным оперативным соединением, включающим два больших авианосца, вероятно, «Секаку» и «Дзуйкаку» — ветеранов рейда на Перл-Харбор. Когда же японцы стали обозначать предстоящую атаку как «Операцию МО», адмирал Нимиц укрепился в предположении, что их главная цель — Порт-Морсби. Вскоре у него также появились основания полагать, что они сперва захватят Тулаги, островок к северу от Гуадалканала, чтобы использовать его как базу для гидросамолетов дальнего патрулирования, и что их операция начнется 3 мая.

Угроза Порт-Морсби сильно встревожила адмирала Нимица и генерала Макартура. Макартур планировал превратить его в крупную базу, откуда можно и блокировать японское наступление на Австралию, и использовать как трамплин для обещанного возвращения на Филиппины. Адмирал и генерал согласились, что врага необходимо остановить.

Средства для этого были скудны. У Макартура имелось сотни две армейских самолетов, но их пилоты не были обучены действовать над водой или распознавать корабли. Если японцев придется отбрасывать, то самолетами с авианосцев. Поняв это, Нимиц приказал 17-му оперативному соединению под командованием Флетчера

---

[1] Его название первоначально было ошибочно транслитерировано как «Ryukaku» («Рюкаку»), и именно в таком виде фигурировало в ранних архивных записях и сводках союзников. Правильную транслитерацию позднее предоставил японский военнопленный.

(авианосец «Йорктаун»), действовавшему тогда в Коралловом море, отойти к Тонгатабу для быстрого ремонта и пополнения запасов, а затем до конца апреля вернуться в Коралловое море и быть в полной боевой готовности. Соединению «Лексингтона» под командованием Фитча, стоявшему в Перл-Харборе, он приказал выйти на юг и 1 мая соединиться с Флетчером. Маленький флот Макартура (бывшая эскадра ANZAC) выслал Флетчеру группу поддержки из одного американского, двух австралийских крейсеров и пары эсминцев под командованием британского контр-адмирала Дж. Г. Грейса. Всем им предстояло влиться в 17-е оперативное авианосное соединение.

Корабли союзников были оснащены радарами и радиомаяками для ориентации возвращающихся самолетов. Японцы такого не имели, зато «Секаку» и «Дзуйкаку» обладали бесценным преимуществом — шесть месяцев они действовали совместно против самых разных противников, включая злосчастный авианосец «Гермес». При таком балансе шансы на победу союзников были не очень благоприятными. Запись в оперативном журнале КТФ от 18 апреля, скорее всего, отражает мнение адмирала Нимица: «Вероятно, Тихоокеанский флот не сможет выслать достаточные силы, чтобы наверняка остановить наступление японцев».

Нимиц, который с самого начала с сомнением относился к плану рейда на Токио, теперь начал всерьез сожалеть о затеянной операции. Перед лицом надвигающегося кризиса атака на Токио — не более чем эффектный боевой жест — лишала КТФ наиболее умелого и инициативного командира и двух (из четырех) имеющихся в его распоряжении авианосцев. Более того, имелась большая вероятность, что еще на подходе к Японии и Хэлси, и авианосцы, и все остальное может быть потеряно. По данным радиоперехвата от 17 апреля (18 апреля в Японии), Токио и другие японские города подверглись бомбардировке. Поскольку принадлежность бомбардировщиков не упоминалась, можно было предположить, что «Энтерпрайз» и «Хорнет» не были обнаружены или атакованы. Хэлси сохранял строжайшее радиомолчание.

Днем 24 апреля, в соответствии с поступившим ранее приказанием, адмирал Нимиц и офицеры его штаба вылетели из Перл-Харбора в Сан-Франциско на гидросамолете для совещания с адмиралом Кингом. Утром 25 числа их самолет опустился в заливе Сан-Франциско. И Кинг, и Нимиц со своей командой поселились в отеле «Сент-Фрэнсис» в роскошных апартаментах, отделанных панелями из дуба и красного дерева, и заняли весь верхний этаж северо-восточного крыла. Отель был сдан в аренду миссис Джордж А. Поуп, которая на время войны передала его флоту. Совещания проводились в нескольких кварталах от отеля, в главном конференц-зале штаба 12-го округа ВМС, занявшего Федеральное здание в Сан-Франциско.

Первый вопрос, поднятый на совещании, касался радиоразведки. Нимиц выразил мнение, что японская радиоразведка эффективно действует при анализе потоков сообщений и пеленгации, но только американцы читают секретные радиограммы противника. КТФ и ГК согласились, что следует принять все меры, чтобы не допустить утечек, связанных с этим источником информации, дающим американцам бесценное преимущество над противником.

Далее речь пошла об управлении силами флота. И Кинга, и Нимица заботил возможный недостаток инициативности и решительности Фрэнка Джека Флетчера. Если только Хэлси не доберется до Кораллового моря вовремя, что чрезвычайно маловероятно, то Флетчер окажется старшим из присутствующих там адмиралов и ответственность за отражение атаки на Порт-Морсби ляжет именно на него. Командующие пришли к заключению, что в данный момент для улучшения ситуации сделать ничего нельзя. Однако следует критически следить за действиями Флетчера.

Кинг разъяснил и поддержал желание морского министра Нокса выдвигать на командные позиции молодых. «Молодых офицеров, — сказал он, — следует выдвигать на нижние командные эшелоны, предоставляя им возможность получить повышение в должности в соот-

ветствии с продемонстрированными достоинствами. А тех, у кого приближается увольнение в запас, на такие должности назначать не нужно».

В целом Нимиц согласился, но высказал пожелание, чтобы назначение офицеров на высшие командные должности производило Морское бюро. Как бывший глава бюро он знал, что более надежные сведения о личном составе имеются в Вашингтоне, а не в Перл-Харборе. Вероятно, он также понимал, что его личная склонность всегда предоставлять человеку еще один шанс может не всегда соответствовать интересам нации. В любом случае, если назначения и отставки будут делаться в Вашингтоне, это позволит ему не принимать многие решения, иногда весьма болезненные.

КТФ высказал свои взгляды на использование авианосных сил, которые, как он считал, обязательно станут главным средством ведения войны против Японии. Кинг, Нимиц и другие присутствующие офицеры долго обсуждали эту тему, уделяя особое внимание составу и проблемам управления. В тот момент, когда «Уосп» находился в европейских водах, а «Саратога» все еще на ремонте, японцы имели явное преимущество в авианосцах. Первоочередной и критической проблемой сейчас было — как отразить вражеские удары в Коралловом море, а затем и в Тихом океане? К середине 1943 года развернутая кораблестроительная программа постепенно обеспечит американскому флоту преимущество в авианосцах. Когда это время наступит, моряки должны быть готовы использовать такое преимущество наилучшим образом.

25 апреля, когда командующие все еще совещались, торжествующий Хэлси вошел с соединением «Энтерпрайза» и «Хорнета» в Перл-Харбор — завершив миссию, причем без потерь. Он и его люди предвкушали отдых, но получили всего пять дней для пополнения запасов, после чего их спешно направили в Коралловое море. Было мало шансов, что Хэлси успеет пройти 3500 миль вовремя, и успеет принять участие в грядущем сражении, но имелся шанс, что и противник может отстать от намеченного графика. В таком случае Хэлси

предстояло присоединиться к Флетчеру и взять на себя общее тактическое командование.

Когда 28 числа адмирал Нимиц вернулся в Перл-Харбор, он встретился с Хэлси и посвятил его в решения, принятые в его отсутствие. Он приказал адмиралу Паю, который по приказу Нимица привел свои линкоры в Перл-Харбор, вернуть их обратно к Западному побережью, где они не станут путаться под ногами и истощать скудные запасы топлива, предназначенные для авианосцев. Как только ситуация в Коралловом море стабилизируется, всем американским авианосцам и кораблям охранения предстояло вернуться в Перл-Харбор для отражения ожидаемого японского удара в этом секторе. Морякам напомнили о постоянно действующем приказе, предписывавшем нарушить радиомолчание сразу после того, как они будут обнаружены противником, и сообщать КТФ свое место и действия, чтобы самолеты генерала Макартура и стоящие на базе в Брисбене подлодки кэптена Ральфа Кристи получили указания, как обеспечить соединению наилучшую поддержку.

30 апреля адмирал Хэлси вышел из Перл-Харбора с обоими авианосцами, эскортируемый пятью крейсерами, семью эсминцами и сопровождаемый двумя танкерами. В тот же день оперативным соединениям «Йорктауна» и «Лексингтона», хранившим радиомолчание, предстояло по плану встретиться в Коралловом море, где за линией перемены дат уже наступило 1 мая. Анализ радиопереговоров выявил, что японские военно-морские силы перемещаются к юго-западной части Тихого океана и что минимум одна эскадра противника приближается к Соломоновым островам. Извещенный о приближении врага, маленький австралийский гарнизон на Тулаги начал торопливую эвакуацию.

На утреннем совещании 30 числа адмирал Нимиц обсудил новые разведпризнаки приближающейся вражеской операции в Тихом океане и мрачно заметил, что неплохо бы японцам нанести небольшой удар по Оаху[1].

---

[1] Остров, на котором находится база Перл-Харбор и столица Гавайского архипелага Гонолулу. *(Прим. пер.)*

Тогда, возможно, в Вашингтоне отыщут способ пополнить жалкую эскадрилью из шестнадцати B-17 — все, что у него имеется для защиты Перл-Харбора. Однако Нимиц был склонен полагать, что целью предстоящей тихоокеанской операции японцев станет не Перл-Харбор, а Мидуэй. И 1 мая, несмотря на грядущее сражение в Коралловом море, он пролетел 1135 миль до одинокого атолла Мидуэй, чтобы лично осмотреть его оборонительные сооружения. В Перл-Харбор он вернулся 3 мая.

Во время его отсутствия из штаба Макартура в Брисбене пришло сообщение, что один из его базирующихся в Австралии разведывательных самолетов заметил транспорты, высаживающие войска на Тулаги, а рядом — несколько японских боевых кораблей. На следующее утро чувствительные антенны радиоприемников союзников поймали призыв о помощи, посланный командиром новой японской базы на Тулаги — ее атаковали с воздуха.

Нимиц предположил, что атакующие самолеты прилетели с одного или обоих авианосцев Флетчера. Это предположение ближе к полудню следующего дня подтвердил сам Флетчер. Обнаружив этим налетом свое присутствие и примерное местоположение противнику, он прервал радиомолчание для доклада Нимицу. Оставив соединение «Лексингтона» для дозаправки, он на «Йорктауне» устремился полным ходом на север и послал свои самолеты через горы Гуадалканала в серию атак на Тулаги, продолжавшуюся весь день, после чего вернулся на юг к «Лексингтону».

«Фитч отложил дозаправку,— сообщил Флетчер.— Сейчас все наши корабли вместе». Он перечислил «подтвержденные потери противника: потоплены 2 эсминца, 4 буксира или канонерки, 1 грузовое судно. Посажен на мель и потоплен: 1 легкий крейсер. Очень сильно повреждены и, возможно, потоплены 1 плавбаза гидросамолетов (водоизмещением около 9000 т), 1 большая плавбаза. Сильно повреждены: 1 легкий крейсер, 1 транспорт. Сбиты: 5 гидросамолетов». И в завершение добавил: «Повеселились!»

Таким образом, американцы начали сражение первым ударом — и, очевидно, тяжелым для противника. Из

Перл-Харбора адмирал Нимиц торжествующе радировал Флетчеру: «Поздравляю с хорошей работой вас и ваше оперативное соединение. Надеюсь, что вы сможете развить успех, получив подкрепление».

Последующая воздушная разведка и радиоперехваты выявили, что данные Флетчера сильно преувеличены и являются результатом того, что в пылу сражения летчикам чрезвычайно трудно правильно оценить результаты своих ударов. Фактически потоплен был лишь один небольшой корабль, хотя севший на мель и поврежденный японский эсминец позднее сместился на большие глубины и затонул. Адмирал Нимиц, окончательно оценив действия Флетчера, назвал операцию на Тулаги «явным разочарованием в смысле соотношения потраченных боеприпасов и достигнутых результатов» и подчеркнул «необходимость при каждой возможности проводить учебные стрельбы».

В планшетной комнате[1] штаба КТФ штабные офицеры нанесли на планшеты координаты и курс Флетчера. Потом сели ждать новые разведданные, привыкая к условиям работы с информацией из района Кораллового моря — дата как в восточном полушарии, а время «зональное минус одиннадцать часов». Оперативный планшет в штабе КТФ в то время представлял из себя карту района Соломоновых островов, Кораллового моря и островов Бисмарка, прикрепленную к листу фанеры, уложенному на деревянные козлы. Поверх карты лежал лист кальки, на котором офицеры-операторы отмечали синими карандашами координаты и перемещения американских кораблей и подразделений. Японские корабли, подразделения, их перемещения, места, где замечен противник, и его примерные координаты они отмечали оранжевым цветом. Замечания, пометки, направляющие линии и тому подобное делались обычным карандашом. Каждую полночь по местному времени Перл-Харбора на карту накладывался новый размеченный лист кальки.

---

[1] Главный штабной пост оперативной обстановки. *(Прим. ред.)*

Адмирал Нимиц, хотя ему и доставляли в кабинет полную информацию, время от времени заходил в планшетную, чтобы лучше оценить ситуацию визуально.

5 мая штаб Макартура начал передавать по радио сбивающую с толку информацию. Его разведывательные самолеты докладывали о японских кораблях всех типов, замеченных южнее Соломоновых островов. Как минимум некоторые из этих кораблей были очевидными фантомами, померещившимися летчикам из-за неопытности и низкой облачности, затянувшей часть Кораллового моря. Тем не менее Брисбен пересылал их отчеты Флетчеру — на тот случай, если они смогут навести его самолеты на предполагаемые цели. В конце дня КТФ переслал 17-му оперативному соединению дневную сводку радиоперехватов. В ответ на рейд Флетчера на Тулаги японское ударное оперативное соединение, включающее авианосцы «Секаку», «Дзуйкаку» и два тяжелых крейсера, покинуло район Рабаула, прошло северо-восточнее Бугенвиля, затем, очевидно, свернуло на юг, обходя восточную оконечность Соломоновых островов, и вошло в Коралловое море. Эти корабли явно охотились за 17-м оперативным соединением. И то соединение, которое первым обнаружит другое, может нанести решающий удар.

До наступления ночи противники так и не вступили в контакт. В 10:30 на следующее утро B-17s из Австралии, делавшие дозаправку в Порт-Морсби, обнаружили группу прикрытия, выдвигающуюся для эскортирования японского конвоя вторжения. Группа прикрытия, идущая от Соломоновых островов курсом на юго-запад, включала 12 000-тонный авианосец «Сехо», который B-17s атаковали, так ни разу и не попав. Их бомбы ложились настолько далеко от цели, что «Сехо» даже смог запустить со своей палубы верткие истребители «Зеро», отогнавшие бомбардировщики. В 13 часов с нескольких самолетов Макартура заметили и конвой вторжения, идущий к Порт-Морсби со стороны Новой Британии. Было очевидно, что обе группы — вторжения и прикрытия — собираются обогнуть Новую Гвинею через пролив Джомар между Новой Гвинеей и архипелагом Луизиада.

Самое тревожное — с точки зрения союзников — наблюдение сделал 6 мая вылетевший из Рабаула японский разведывательный самолет, который в 11 часов утра обнаружил 17-е оперативное соединение, остановившееся для дозаправки в 350 милях южнее центральной части Соломоновых островов. Несколько радиостанций союзников перехватили его сообщение, ретранслированное передатчиком в Рабауле. Теперь 17-му соединению следовало ждать первой атаки японских авианосцев, которые самолеты союзников пока еще не обнаружили. Напряжение в штабе КТФ нарастало с каждым часом, но в Перл-Харбор не поступало никаких сообщений о том, что Флетчер атакован. Нимиц и его штаб не знали, что оба крупных японских авианосца не получили сообщения о контакте — ни с борта разведывательного самолета, ни его повтор из Рабаула. Таким образом, японцы упустили исключительную возможность нанести американцам сокрушительный удар.

Приход ночи в Перл-Харборе встретили с огромным облегчением, хотя и там для всех американцев и жителей Филиппин 6 мая стало днем скорби. Генерал-лейтенант Джонатан М. Уэйнрайт, которого генерал Макартур оставил командующим на Коррехидоре, был вынужден сдаться в плен вместе с остатками своей полуголодной армии, и теперь весь Филиппинский архипелаг оказался в руках японцев. Флотская радиостанция на Оаху перехватила прощальное послание Уэйнрайта президенту Рузвельту: «...Испытывая глубочайшее сожаление и гордость за своих отважных солдат, я иду на встречу с японским командующим. Прощайте, господин президент».

Рано утром 7 мая японский разведывательный самолет снова заметил американцев в Коралловом море и доложил об этом по радио голосом. Доклад был сделан в соответствии с японской военной кодировкой: «ТЕ-ТЕ-ТЕ (то есть «теки» — враг); БО-БО-БО («боган» — авианосец); ДЖУН-ДЖУН-ДЖУН («джунокан» — крейсер)». Далее следовали пеленг и расстояние от кораблей до Рабаула. В результате любопытного атмосфер-

ного феномена эта передача, посланная передатчиком с малым радиусом действия, была уловлена одной из станций радиоперехвата военной разведки 14-го округа ВМС. Рошфор по кодированной «горячей линии» переслал сообщение Лейтону, а тот немедленно проинформировал адмиралов Нимица и Дремеля, штабного офицера кэптена Макморриса и дежурного офицера-оператора, который нанес информацию о контакте на планшет.

Штаб КТФ переполнился возбуждением и дурными предчувствиями. Если японцы снова обнаружили корабли Флетчера, то очень маловероятно, что ему повторно удастся избежать атаки. По сообщению японского летчика, 17-е соединение находится в точке с координатами 16° южной широты и 158° восточной долготы, где ее быть не должно, потому что, по расчетам американцев, ей сейчас полагалось быть как минимум на 250 миль северо-западнее.

Кто-то заметил, что эти координаты совпадают с точкой, которую танкер «Неошо», сопровождаемый эсминцем «Симс», должен был пройти в то утро на рассвете. «Неошо», заправив американскую эскадру, следовал по заранее заданному курсу, чтобы всегда быть готовым, если потребуется, для новой дозаправки. И тогда офицеров штаба осенило, что «авианосец» и «крейсер», о которых сообщил японский пилот, на самом деле танкер и его эскорт. Эта догадка подтвердилась вскоре после 9 утра, когда «Неошо» и «Симс» передали сигнал бедствия. Три последовательные атаки высотных бомбардировщиков не причинили кораблям вреда (все бомбы легли мимо), но удар, нанесенный в полдень одновременно 36 пикирующими бомбардировщиками, отправил на дно «Симс» и оставил от «Неошо» только едва держащийся на воде корпус.

В Перл-Харборе беспокойство за танкер, эсминец и их экипажи смешивалось с облегчением. Атакующие самолеты, оказавшиеся над морем настолько далеко от любой вражеской базы, могли прилететь только с авианосцев — очевидно, с «Секаку» и «Дзуйкаку». «Неошо» и «Симс», сами о том не подозревая, невольно приняли на

себя удар, явно предназначавшийся 17-му оперативному авианосному соединению.

После взгляда на карту в штабе КТФ становилось ясно, что, с точки зрения союзников, складывается ситуация, о которой можно лишь мечтать. Штаб Макартура сообщил, что один из их самолетов засек японские корабли, приближающиеся с севера к проливу Джомар. То были, разумеется, группы прикрытия и вторжения, включающие легкий авианосец «Сехо». Японские самолеты, вылетающие из Рабаула, докладывали об американских авианосцах, идущих с юга и непрерывно сокращающих дистанцию. «Секаку» и «Дзуйкаку», чьей миссией было поддержать силы вторжения атакой на авианосцы Флетчера, находились далеко восточнее, деловито бомбя «Неошо» и «Симс». Таким образом у Флетчера, которого никто не тревожил, оказались развязанными руки для удара по вражеским силам вторжения.

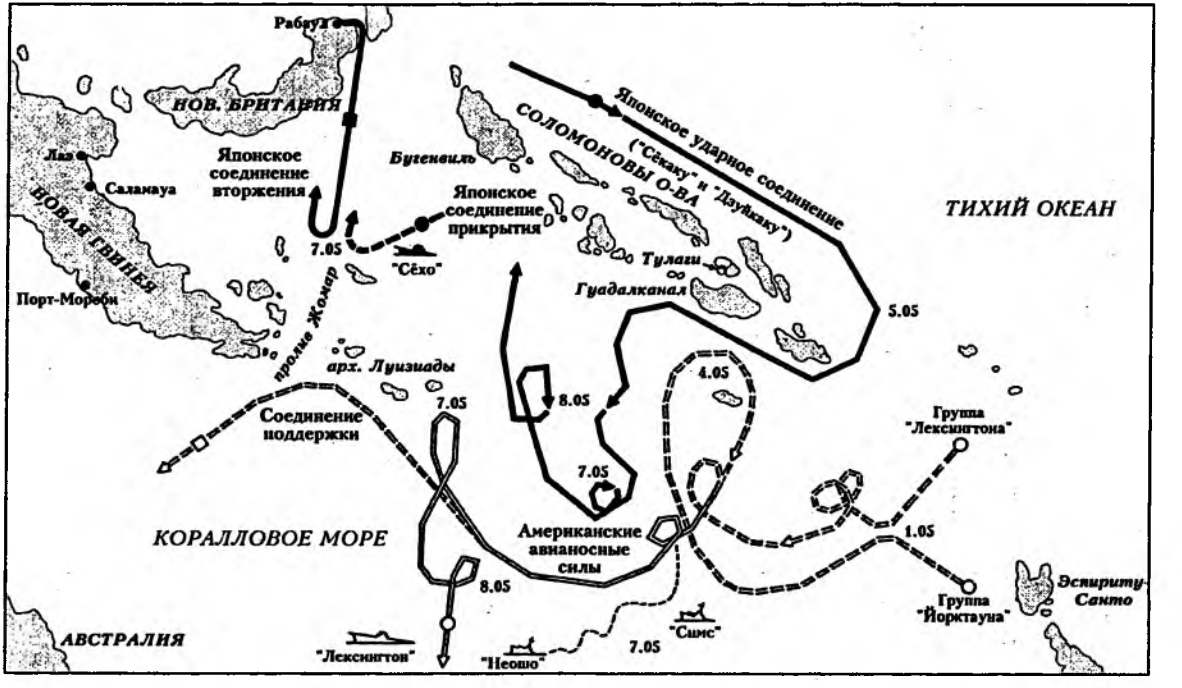
В штабе КТФ текли часы, но новая информация не поступала. Вскоре после полудня адмирал Нимиц выдал свою нервозность в радиограмме адмиралу Кингу: «Судя по сообщениям о кораблях противника в районе Луизиады, полагаю, что Флетчеру и Фитчу следовало сегодня поразить превосходные цели, однако до сих пор от них нет никаких сообщений».

Фактически же Флетчер в то утро обнаружил противника на севере и начал атаку. И еще до полудня он знал, что его самолеты потопили авианосец, потому что лейтенант-коммандер Роберт Диксон, командир одной из эскадрилий, передал по радио с места боя: «Потопили один плосковерхий![1] Диксон — авианосцу. Потопили один плосковерхий!»

Ни одна из станций радиоперехвата союзников не поймала голосовую передачу Диксона. КТФ пришлось ждать, пока самолеты 17-го оперативного соединения вернутся на авианосцы, летчики доложат о результатах, а их доклады обобщат и проанализируют. И лишь после этого Флетчер составил свой доклад. То была правильная и

---

[1] Так на американском военно-морском жаргоне называют авианосцы. *(Прим. пер.)*



Сражение в Коралловом море

разумная процедура, но для Нимица и его штаба она обернулась долгим и выматывающим нервы ожиданием.

Флетчер доложил, что «Сехо» и японский легкий крейсер потоплены, однако сообщение насчет крейсера оказалось неточным — еще один пример ошибки пилота. Уничтожение легкого авианосца действительно стало хорошей новостью, но она почти не разрядила напряжение в штабе КТФ. Большие авианосцы «Секаку» и «Дзуйкаку» все еще находились где-то в Коралловом море, а командующий японским ударным авианосным соединением наверняка захочет утром исправить свой грубый просчет, атаковав 17-е соединение.

Тем временем станции радиоперехвата союзников стали ловить сообщения японских пилотов о том, что они потопили линкор и крейсер, а еще один крейсер торпедировали. Поскольку никаких американских линкоров в Коралловом море не было, а эскадра Флетчера на тот момент не имела потерь, эти перехваты в штабе КТФ восприняли с изумлением. Объяснение появилось несколько дней спустя. Рано утром 7 мая Флетчер отделил от эскадры группу поддержки под командованием адмирала Крейса и послал ее вперед, чтобы она была готова блокировать пролив Джомар в случае, если американские авианосцы окажутся потоплены или выйдут из строя. Эти корабли (три крейсера и три эсминца) и оказались четырежды атакованы с воздуха 7 мая, причем один раз американскими B-17, чьи летчики по ошибке приняли их за японцев. Как раз об этой группе кораблей и сообщали японские пилоты, приняв крейсеры за линкоры, а эсминцы за крейсеры. Фактически же корабли Крейса, умело пустив в ход маневр и зенитный огонь, уцелели и со временем добрались до Австралии, получив лишь легкие повреждения от огня самолетов, атаковавших на бреющем полете.

Радиоперехваты вечером 7 мая вроде бы указывали на то, что японские самолеты вновь обнаружили 17-е оперативное соединение, но сведений о том, что авианосцы какой-либо из сторон были атакованы, не имелось. Всю ночь радиоразведка американцев проявляла героические усилия, желая обнаружить врага и помочь Флет-

черу. Японцы вели интенсивный радиообмен, но их авианосцы, очевидно, находились в районе со штормовой погодой и такими мощными атмосферными помехами, что провести точную радиопеленгацию оказалось невозможным. Очевидно, Флетчеру придется искать противника самому, выслав на рассвете разведку.

17-е оперативное соединение было замечено японским самолетом, вылетевшим с берегового аэродрома, а также самолетами с авианосца, поэтому представлялось маловероятным, что и следующий день пройдет без боевого столкновения между авианосными соединениями противников. Однако ранние утренние часы 8 мая успели миновать, а в Перл-Харбор не поступило никаких новостей из Кораллового моря. Наконец чуть позднее 10 часов утра Нимицу принесли перехваченное сообщение от Флетчера генералу Макартуру, где указывались координаты и 17-го соединения, и ударного соединения японцев. На основе этого сообщения штаб КТФ пришел к следующим выводам: 1) разведывательные самолеты 17-го соединения обнаружили противника и доложили об этом; 2) разведывательные самолеты противника обнаружили 17-е соединение, и Флетчеру об этом известно, иначе он, вероятно, не стал бы нарушать радиомолчание; 3) поскольку противников разделяет всего 175 миль, каждый уже наверняка выпустил самолеты против другого, и первое в истории сражение между авианосцами стало неминуемым и 4) Флетчер, судя по его сообщению, просил Макартура выслать самолеты с наземных аэродромов для совместной атаки по кораблям японцев. Однако на последнее можно было не рассчитывать: армейские бомбардировщики вылетели в очередную бесплодную атаку на японскую группу вторжения в Порт-Морсби, которая теперь отходила в направлении Рабаула.

Штаб КТФ нервничал еще два часа. Затем перед самым полуднем пришел предварительный рапорт Флетчера: «Первая атака противника завершилась. У нас серьезных повреждений нет». Пока что неплохо. А как у противника? Через полчаса Нимицу вручили еще одно перехваченное послание Флетчера Макартуру: «Самолеты 17-го

оперативного соединения повредили вражеский авианосец: два попадания 1000-фунтовых бомб, два торпедных попадания. Рекомендую вашим бомбардировщикам атаковать».

«Каковы координаты поврежденной цели?» — запросил Макартур. Флетчер сообщил широту и долготу, но помощи от армейской авиации так и не дождался. Бомбардировщики были заняты тем, что преследовали отходящую полным ходом японскую группу вторжения, а заодно демонстрировали, что бомбы с высоко летящего самолета редко попадают в движущуюся мишень.

В серии радиограмм, посланных КТФ вскоре после полудня, Флетчер сообщил, что в «Йорктаун» попала одна бомба, пробившая несколько палуб, а «Лексингтон» поражен двумя торпедами и двумя бомбами, причинившими небольшие повреждения. В отдельно посланной депеше он отметил: «Вражеский авианосец получил минимум четыре (возможно, и больше) попадания. Не менее трех попаданий 1000-фунтовых бомб. Он сильно горит». Чуть позднее он сообщил: «"Йорктаун" сейчас может давать 30 узлов. Я предлагаю сегодня ночью отойти как можно дальше от "Лексингтона", чтобы заправить самолеты "Йорктауна", и отправить этот корабль в Перл-Харбор».

Офицеры штаба с облегчением улыбались. Новости из Кораллового моря могли быть и лучше, но они могли быть и намного хуже. Поврежденный японский авианосец, опознанный как «Секаку», описывался американскими летчиками как «быстро тонущий». Нимиц радировал Флетчеру, послав копию и Кингу: «Поздравляю со славными достижениями последних двух дней. Ваши активные и решительные действия восхитили весь Тихоокеанский флот. С хорошей работой вас, ваших офицеров и моряков. Вы наполнили наши сердца гордостью и отстояли высочайшие традиции флота». В тот вечер в оперативном журнале КТФ появилась осторожно-радостная запись:

> «Сегодня праздничный день для наших сил, действующих в районе Кораллового моря. В результате

боя между авианосцами мы за последние 36 часов потопили "Рюкаку" (то есть "Сехо") и сильно повредили "Секаку", в то время как противник сильно повредил "Лексингтон" и слегка повредил "Йорктаун"... С приближением темноты "Йорктаун" и "Лексингтон" начали отход на юг...»

Ранним вечером воцарившаяся в Перл-Харборе эйфория поутихла после очередной перехваченной радиограммы от Флетчера к Макартуру: «Состояние "Лексингтона" сильно ухудшилось. Запрашиваю все возможное воздушное прикрытие». Далее следовали координаты, курс и скорость 17-го оперативного, которое делало 20 узлов, но «возможно снижение скорости». Эта новость удивила всех. Штаб ТФ логично предполагал, что «Лексингтон» был спасен от гибели, поставлен на ровный киль и приведен в состояние готовности к воздушным операциям. И то, что его «состояние сильно ухудшилось», подразумевало или просчет, или неудачу в борьбе за живучесть корабля. Ранним вечером (в Коралловом море был все еще день) адмирал Нимиц и его штаб с ужасом узнали, что авианосец был покинут и затоплен. Как позднее выяснилось, пары бензина, вытекшего из пробитого заправочного трубопровода, взорвались глубоко внутри корпуса «Лексингтона», вызвав неукротимый пожар и серию взрывов все нарастающей мощности. Когда экипаж покинул корабль, Флетчер выслал к нему эсминец, приказав потопить авианосец торпедами.

В штабе ТФ царившая днем радость сменилась мрачностью. Адмирал Нимиц был потрясен и подавлен.

— «Лексингтон» мог быть спасен, — пробормотал он, а потом, заметив унылые лица вокруг себя, добавил: — Запомните, нам ничего не известно о противнике — какой урон нанесен ему. Можете спорить на что угодно, что и ему крепко досталось. У него тоже ситуация не из лучших.

Как выяснилось, японцы пострадали гораздо меньше, чем вытекало из донесений и оценок. Утром 9 мая «станция Гипо» выдала сводку перехватов японского радиообмена, из которой следовало, что «Секаку» все-таки не

потоплен. На самом деле в него не попала ни одна торпеда, три бомбы нанесли лишь умеренные повреждения, авианосец идет своим ходом и перебрасывает свои самолеты на «Дзуйкаку». Японцы также переоценили свои успехи, утверждая, что потопили и «Йорктаун», и «Лексингтон».

Становилось ясно, что японцы одержали тактическую победу. Потеря 12 000-тонного «Сехо» и нескольких малых кораблей, потопленных в районе Тулаги, была небольшой ценой за потопление «Неошо», «Симса» и 33 000-тонного «Лексингтона». Однако для США битва в Коралловом море стала явной стратегической победой: своей главной цели — захвата Порт-Морсби — японцы не достигли. Впервые во Второй Мировой войне японское наступление было отбито.

Адмирал Нимиц размышлял над тем, не приказать ли Флетчеру вместо отхода остаться в Коралловом море. Хэлси, быстро приближающийся к этому району, мог добавить «Йорктаун» и его эскорт к своему 16-му оперативному соединению, уже имеющему два авианосца, и отправиться на поиски противника. Однако он передумал отдавать такой приказ из-за уязвимости поврежденного «Йорктауна». Перед началом предстоящей широкомасштабной вражеской атаки в центральной части Тихого океана Нимиц не мог пойти на риск потери авианосца. Противник мог бросить в будущую операцию свою ударную группу в полном составе, потому что, по сообщению японского радио, «Секаку» делает 16 узлов и его прибытие в Японию ожидается 17 мая. Нимиц приказал своим подлодкам попробовать добить искалеченный авианосец. Он также радировал на верфи ВМС в Паджет-Саунд просьбу ускорить ремонт «Саратоги», завершив ее словами: «Корабль требуется срочно».

10 мая японцы, «спасая лицо», выслали от архипелага Трук отряд кораблей для захвата островов Ошен и Науру, где имелись месторождения фосфатов. Узнав об этом, Нимиц приказал Хэлси подойти на 500 миль к восточной оконечности Соломоновых островов, чтобы японские самолеты, вылетающие из Тулаги, наверняка заметили присутствие там «Хорнета» и «Энтерпрайза».

Нимиц предполагал, что японцы, обнаружив два неожиданно появившихся в южной части Тихого океана американских авианосца, срочно отзовут оккупационный отряд. У Нимица имелась и другая причина демонстрировать врагу эскадру Хэлси: японцы решат, что все имеющиеся сейчас у КТФ авианосцы находятся на юге. Действуя на основе этого предположения, противник может задержать свои силы в этом районе, к тому же он станет менее насторожен во время предстоящего нападения.

Адмирал Нимиц, отвергнув прежние сомнения, выразил мнение, что контр-адмирал Флетчер «умело воспользовался предоставленной ему информацией и в результате боевых действий с 4 по 8 мая в Коралловом море одержал победу с решающими и далеко идущими последствиями для дела союзников». Адмиралу Кингу он рекомендовал повысить Флетчера в звании до вице-адмирала и наградить его медалью за отличную службу.

Кинг, гораздо менее впечатленный действиями Флетчера, радировал в ответ: «Я должен выразить свое мнение, что для ночной атаки на противника могли быть использованы эсминцы». Нимиц отметил, что у Флетчера едва хватало эсминцев для ордера охранения, что без радаров они почти не имели шанса отыскать в темноте быстрые авианосцы, что трудности дозаправки ночью не позволяют проводить высокоскоростные ночные операции и что если бы эсминцы удалились ночью на большое расстояние, то не успели бы к рассвету вернуться к эскадре. Кинг тем не менее отказался и повышать Флетчера в звании, и награждать его медалью — во всяком случае до тех пор, пока ход этого сражения не будет тщательно изучен.

Нимиц, стремясь ввести врага в заблуждение, сообщил для журналистов только самые общие факты о сражении в Коралловом море. Он привел лишь несколько подробностей и скрывал потерю «Лексингтона» до окончания битвы у атолла Мидуэй. Однако народы стран-союзников все же поняли, что это сражение, отразив агрессивный ход японцев, значительно улучшило военную ситуацию на Тихом океане. Операция в Коралловом море в значительной степени смягчила эффект новости о сдаче Коррехидора.

Глава 6

ПОДГОТОВКА К ОБОРОНЕ МИДУЭЯ

Прибытие адмирала Нимица с инспекцией на атолл Мидуэй в начале мая 1942 года стало результатом интуитивного предчувствия, основанного на изучении карты. Если японцы вот-вот начнут наступление на Тихом океане, как это предсказывал коммандер Рошфор, то им придется или захватить, или обойти американский укрепленный форпост Мидуэй, расположенный прямо у них на пути. А до сих пор японская военная машина не проявляла тенденции обходить опорные пункты противника. Поэтому, несмотря на всю свою занятость, командующий решил, что лучше слетать туда и самому взглянуть на систему обороны атолла.

Нимиц и офицеры его штаба весь день 2 мая, тщательно проверяли укрепления на двух островках атолла, Восточном и Песчаном. Адмирал залезал в доты, спускался в подземные командные пункты, осматривал ангары, расспрашивал морских пехотинцев и наблюдал за деятельностью узла связи —

особенно бесценного кабеля, соединяющего атолл с Гонолулу. Этот кабель, сегмент старой транстихоокеанской кабельной системы, позволял Мидуэю и Перл-Харбору осуществлять открытую телефонную связь, не опасаясь атмосферных помех и японской радиоразведки.

Увиденное Нимицу понравилось. Он оказался особенно доволен тесным взаимодействием между командиром флотских частей на атолле коммандером Сайрилом Т. Симардом и подполковником морской пехоты Гарольдом Шенноном, командиром сухопутных сил. В конце дня он спросил их, что им могло бы понадобиться для обороны Мидуэя от мощной атаки с моря. Шеннон, который уже немало размышлял над этой проблемой, перечислил все необходимое.

— Значит, если я все это вам предоставлю, то вы сможете удержать Мидуэй и отбить массированную атаку с использованием амфибийных сил?

— Да, сэр, — ответил Шеннон.

Нимиц улыбнулся и слегка расслабился. Он попросил Шеннона сделать письменный вариант его доклада, добавив к нему любые иные припасы и подкрепления, которые обеспечат надежную оборону атолла. На следующее утро Нимиц и офицеры его штаба сели в летающую лодку PBY-5A и вылетели обратно в Перл-Харбор. В своей обычной манере, не поднимая лишнего шума, он предупредил защитников атолла о грядущем наступлении и одновременно наполнил их уверенностью в своих силах.

В течение нескольких следующих дней адмирал Нимиц был плотно занят ходом сражения в Коралловом море, а также давал советы адмиралу Гормли и его штабу по организации нового командования в южной части Тихого океана. Ко второй неделе мая анализ радиоперехватов показал, что японские корабли в больших количествах сосредоточиваются как в своих водах, так и в районе Марианских островов. Рошфор и его помощники пришли в заключению, что целью японцев действительно является захват Мидуэя.

С этой оценкой Нимиц почти согласился, однако он не мог пренебречь и иными мнениями. Армейские ВВС,

например, ожидали рейда на Сан-Франциско и по этой причине не могли выделить Нимицу необходимое, по его мнению, количество бомбардировщиков. Генерал Макартур полагал, что японцы возобновят наступление на район Новая Гвинея — Соломоновы острова. А британские военные стратеги доказывали — вопреки всем фактам, — что следующий ход японцы снова сделают в Индийском океане.

Когда японцы начали называть предстоящее наступление «операция МИ», все вспомнили, что свою неудавшуюся высадку в Порт-Морсби они обозначали «операция МО». Для Рошфора решающим доводом стали повторяющиеся ссылки на «АФ», что, как он знал, служило японским кодовым обозначением Мидуэя. Станция «Гипо» уже давно заметила, что японцы обозначали американские позиции в центральной части Тихого океана кодовыми группами из двух-трех букв, начинающимися на «А». Так, место, куда был совершен рейд 7 декабря 1941 года, обозначалось «АН». В начале 1942 года летающие лодки, вылетев с Маршалловых островов на новую бомбежку Перл-Харбора, садились для дозаправки с субмарин в районе рифов Френч-Фригейт, обозначавшихся как «АГ». Экипажи этих бомбардировщиков предупреждали, чтобы они уклонялись от воздушной разведки, базирующейся на «АФ», которым мог быть только близлежащий Мидуэй.

Когда и эти доказательства не смогли убедить всех, Лейтон и Рошфор придумали, как заставить самих японцев подтвердить их предположения. Лейтон предложил Нимицу, чтобы тот приказал Мидуэю послать фальшивую радиограмму о том, что у них сломалась установка для опреснения воды — весьма серьезная проблема, поскольку иных источников пресной воды на атолле не имелось. Нимиц согласился и отправил распоряжение по кабелю. Мидуэй радировал о «поломке» открытым текстом, а два дня спустя станция «Гипо» расшифровала японскую радиограмму, сообщающую, что на «АФ» нехватка пресной воды.

К середине мая адмирал Нимиц, получив от Лейтона и Рошфора достаточно доказательств, что японцы пред-

примут атаку на Мидуэй и что этому удару будет предшествовать атака на Алеутские острова, решил исходить при планировании операций именно из этого. Для организации единого командования имеющимися американскими силами он сперва уведомил о своих намерениях генерала Эммонса, а затем объявил состояние «отражение атаки вражеского флота», после чего все подразделения в районе Гавайев (за исключением армейских частей на суше) перешли под прямое командование командующего флотом. Хотя главной обязанностью Нимица продолжала оставаться оборона самих Гавайев, он вывел из-под своего командования бомбардировщики 7-го крыла, и отправил большую их часть на Мидуэй.

Встревоженный Эммонс послал Нимицу (снабдив своей одобряющей резолюцией) критический отзыв, подготовленный армейской разведкой. Как отмечалось в документе, планы Нимица основываются на оценке возможных намерений противника, однако гораздо благоразумнее строить планы на основе всего, что противник в состоянии совершить, а японцы, несомненно, в состоянии атаковать Оаху. Прочитав это «наставление по азам разведывательной деятельности», некоторые штабисты главкома вскипели от возмущения, однако Нимиц воспринял шпильку добродушно. То было, по его словам, исполненное благих намерений и полезное предупреждение, которым он предложил им воспользоваться. Для этого он поручил одному из своих офицеров, кэптену Джеймсу М. Стили, проводить критическую оценку информации, добытой флотской разведкой. Говоря конкретнее, Стили полагалось подвергать сомнению каждый факт, добытый Лейтоном, Рошфором и их помощниками.

Чего же Нимиц не сделал — и не собирался делать, — так это распылять свои усилия и ограниченные ресурсы в попытке встретить любую возможную атаку, на которую японцы были способны. Ситуация у него была отчаянная, и он это знал. У противника имелось десять авианосцев, а американцы могли рассчитывать наверняка только на два, «Энтерпрайз» и «Хорнет». По оценкам адмирала Фитча, потребуется еще 90 дней, чтобы вновь

поставить в строй «Йорктаун». «Саратога» после ремонта ушла в Сан-Диего, чтобы сформировать там оперативное авианосное соединение, но не следовало рассчитывать, что она справится с этим заданием и успеет дойти до района Мидуэя вовремя. Идущий в Тихий океан «Уосп» все еще находился в отдаленной акватории Атлантики. Гораздо ближе были три британских авианосца, действующие в Индийском океане. Нимиц обратился с просьбой одолжить один из них, однако Адмиралтейство, все еще упрямо считая, что следующий ход японцы сделают в этих водах, ответило, что ни один из авианосцев выделить ему не может. Что же касается кораблей других типов, то японцы располагали 23 крейсерами против 8 у Нимица; у них было 11 быстроходных линкоров, включая «Ямато», имеющего репутацию самого большого в мире военного корабля, а у Нимица только шесть, причем настолько тихоходных, что они не могли действовать совместно с авианосцами.

Адмирал Нимиц не стал терять время и начал развертывание тех сил, которые он мог собрать. Он приказал 16-му оперативному соединению адмирала Хэлси и 17-му — адмирала Флетчера полным ходом вернуться из южной части Тихого океана в Перл-Харбор. Далее он отозвал командира 17-го оперативного соединения адмирала Фитча и командировал его в Сан-Диего для формирования соединения «Саратоги», заранее назначив его командиром. Некоторое время Нимиц размышлял над тем, не стоит ли приказать линкорам выйти из Сан-Франциско, но затем отказался от этой идеи, сочтя ее непрактичной. Контр-адмирал Роберт Г. Инглиш, командующий подлодками Тихоокеанского флота, хотел выслать свои подлодки на «свободную охоту», но Нимиц считал, что сейчас не время для операций, напоминающих поиск иголки в стоге сена. Вместо этого на свободную охоту он отправил самолеты, имеющие гораздо более широкую полосу обзора, а подлодкам, по мере их возвращения с патрулирования, приказал занять позиции на подходах к Мидуэю — достаточно близко, чтобы они смогли серьезно вмешаться при любой попытке вторжения на атолл.

Поскольку грядущий удар по Алеутам Нимиц расценивал как диверсионный рейд, то у него появилось искушение сосредоточить все, чем он обладал, для обороны Мидуэя, а Алеутам предоставить защищаться собственными силами. Однако имелись сведения, что японцы намереваются совершить высадку на одном из западных островов Алеутской цепи. Трудно отыскать другое место, имеющее столь же ничтожную стратегическую ценность, однако факт оставался фактом — то была территория США. Если Нимиц допустит, чтобы ее захватили, то ему придется выслушать обвинения, далеко не пропорциональные ценности потерянного небольшого острова. Придя к выводу, что у него нет иного выбора кроме как направить на оборону Алеутов хотя бы символические силы, он сформировал Северотихоокеанскую эскадру, состоящую из крейсеров и эсминцев, и объявил в районе Аляски состояние «отражение вторжения с моря», подчинив тем самым все силы обороны этого района флотскому командующему адмиралу Теобальду. Не имея авианосцев, Теобальд едва ли мог надеяться на отражение атаки вражеских авианосцев, однако, разместив свои силы в нужных местах и в нужное время, он имел неплохие шансы расстроить любую попытку вторжения, которую японцы могли предпринять на северных островах.

На Мидуэй адмирал Нимиц отправил патрульные гидросамолеты «Каталина», только что прибывшие в Перл-Харбор из Штатов. Туда же он направил и переоборудованный железнодорожный паром «Киттихок», нагруженный 18 пикирующими бомбардировщиками, 7 истребителями «Уайлдкэт», 5 легкими танками, несколькими зенитными орудиями, а также теми, кто станет всем этим управлять и из этого стрелять. Симарду и Шеннону — за уже приложенные усилия и в предвидении будущего героизма — он отправил приказ о повышении их в звании до кэптена и полковника, приложив к нему новенькие серебряные орлы для воротничков.

Тем временем «Op-20-G», а также станции «Гипо» и «Каст» выведывали детали предстоящей операций врага. «Каст» расшифровал и перевел длинную радиограмму,

из которой следовало, что японцы отменили план захвата Порт-Морсби высадкой десанта с амфибий. Вместо этого они решили высадиться на северном побережье Новой Гвинеи в районе Буны и двинуться по ведущей оттуда к Порт-Морсби тропе через горный хребет Оуэн-Стенли. Японским инженерам предстояло расширить тропу, превратив ее в дорогу, пригодную как для солдат, так и грузовиков.

Эта информация встревожила генерала Макартура, который задумался об отправке своих солдат через горы для захвата Буны, пока там не высадились японцы. Для адмирала Нимица это означало, что практически все японские боевые корабли, включая все авианосцы, окажутся свободны для атаки на Мидуэй.

Всю середину мая японцы слали по радио поразительное количество совершенно секретной информации. Благодаря многочисленным перехватам Рошфор и Лейтон сумели по кусочкам сложить на удивление полную разведывательную версию японского плана нападения на Мидуэй и Алеуты, разработанную адмиралом Ямамото, главнокомандующим Объединенным флотом.

В соответствии с этими данными, Объединенный флот будет разделен на: 1) Северное ударное оперативное соединение, 2) 1-е ударное авианосное соединение и 3) Соединение вторжения на Мидуэй. Северное ударное оперативное соединение включало 2-е авианосное ударное соединение, которому предстояло начать атаку рейдом на американскую базу в Датч-Харборе на Алеутах. Затем транспорты соединения высадят войска на западных Алеутских островах Атту, Кыска и Адах. 1-е авианосное ударное соединение, двигаясь на северо-запад, начнет главную атаку воздушным налетом на Мидуэй. Тем временем соединение вторжения на Мидуэй, выйдя с Гуама и Сайпана, подойдет к Мидуэю с юго-востока. Его встретит в море и станет эскортировать последние 650 миль японский Второй флот, включающий часть Третьей дивизии линкоров.

Первая и Вторая дивизии линкоров, составляющие Первый флот, также выйдут в море, поддерживая всю

операцию. Адмирал Ямамото собирался командовать своим флотом с борта суперлинкора «Ямато». Поскольку Ямамото уже некоторое время находился вместе с Первым флотом во Внутреннем море возле Японии, ему не было нужды передавать приказы по коротковолновому радио, которое американцы могли перехватить. Поэтому американцы лишь несколько месяцев спустя узнали об активном участии в сражении самого Ямамото и его Первого флота.

Второе авианосное ударное соединение включало легкий авианосец «Рюдзе» и новый авианосец, чье название пока осталось нерасшифрованным. Первое авианосное ударное соединение под командованием вице-адмирала Нагумо, идущее к Мидуэю, было тем самым, что атаковало Перл-Харбор, а затем совершило рейд до самого Цейлона. Рошфор был убежден, что в него входят только авианосцы-ветераны «Акаги», «Кага», «Хирю» и «Сорю» под прикрытием двух линкоров, трех крейсеров и 11 эсминцев. Он полагал — как потом выяснилось, правильно,— что «Секаку» и «Дзуйкаку», новейшие и самые большие авианосцы, приданные этой эскадре, будут не в состоянии принять участие в грядущем сражении. Из данных радиоперехватов следовало, что на «Секаку» все еще латают повреждения, полученные во время битвы в Коралловом море, а на «Дзуйкаку» не успели заменить опытных пилотов, погибших в том же сражении. По оценкам Рошфора, атака на Мидуэй и Алеуты начнется в начале июня, но точную дату он назвать не мог, потому что она была зашифрована особым шифром, использовавшимся специально для дат и времени.

Нимиц разрешил Лейтону послать по радио краткое изложение плана Ямамото (не раскрывая источник информации) нескольким адресатам, зашифровав его особым «адмиральским» кодом. Среди получателей был и адмирал Фитч, который в тот момент плыл в Сан-Диего на крейсере «Честер», чтобы принять командование над эскадрой «Саратоги». На борту «Честера» находились также штаб Фитча и другие офицеры, пережившие гибель «Лексингтона», включая бывшего командира

авианосца кэптена Фредерика Ч. Шермана, а также бывшего начальника штаба Шермана коммандера Мортона Селигмэна и Стэнли Джонстона, военного корреспондента «Чикаго трибьюн». Селигмэн нарушил секретность, показав Джонстону, с которым успел подружиться, депешу Нимица с планом Ямамото.

24 мая адмирал Нимиц решил, что для него и его штаба настало время для личной встречи с Рошфором, и он приказал ему прибыть в штаб на следующий день. В назначенный час адмирал и его офицеры собрались, но Рошфора не было. Присутствующие обменивались взглядами. Обычно на встречу с командующим не опаздывают.

Наконец, опоздав на полчаса, прибыл Рошфор — слегка взъерошенный и немного сонный. Адмирал встретил его ледяным взглядом. Рошфор извинился и пояснил, что всю ночь вместе с помощниками пытался взломать код, которым японцы шифровали даты и время. Один из его помощников, лейтенант-коммандер Уэсли Райт, сумел продвинуться в этом деле настолько, что смог предсказать, что противник начнет операцию на Алеутах 3 июня, а против Мидуэя — 4 июня. Рошфор добавил, что теперь поступление новой информации от криптоаналитиков до начала атаки маловероятно, потому что японцы в очередной раз сменили действующий код или как минимум ввели в действие новый набор дополнительных групп. И пройдут недели, прежде чем поток сообщений, переданных новым кодом, накопится до такого объема, что криптоаналитики сумеют его снова взломать за счет анализа повторяющихся групп.

Изложение сущности плана адмирала Ямамото вместо того, чтобы убедить сомневающихся в штабе Нимица, лишь углубило их подозрения. Почему, спрашивали они, практически весь Объединенный флот будет брошен на захват крошечного атолла в Тихом океане и нескольких бесполезных островков на Алеутах? Не могут ли все эти сообщения оказаться фальшивками, специально предназначенными для введения американцев в заблуждение? Такая особо секретная информация обычно не пересыла-

ется по радио, даже самым сверхнадежным кодом, ведь весь мир мог ее записать, изучить и подвергнуть криптоанализу. Нимиц отметил, что японцы могут действовать напролом, готовые встретить любое сопротивление американцев. И их главной целью даже может быть — выманить слабый американский Тихоокеанский флот в море, чтобы затем уничтожить его. Передача же планов по радио может означать, что Ямамото действует по столь плотному графику, что никакими другими способами он попросту не может переслать их вовремя.

За неимением ничего лучшего, Нимиц решил основывать свои планы на предположении, что оценки разведчиков верны. Он приказал своим планшетистам регулярно сверять предполагаемый план Ямамото с информацией, поступающей по другим каналам военной разведки. Такой же приказ он отдал и Лейтону, велев сделать тщательный обзор всех имеющихся у него данных по радиоперехвату и из других источников и составить на его основе как можно более точный прогноз грядущего нападения.

Расшифрованное сообщение командира японского авианосца, устанавливающее расписание приема прогнозов погоды, содержало слова: «Мы планируем атаковать с северо-западного направления». За неимением более точной информации Лейтон предположил, что авианосцы будут подходить к Мидуэю по направлению 315°, то есть с северо-запада. Он также предположил, что они будут приближаться под покровом темноты, как это происходило перед атакой на Перл-Харбор полгода назад. В таком случае они выпустят бомбардировщики на рассвете и полным ходом пойдут к Мидуэю, чтобы сократить самолетам расстояние для возврата. Значит, и Мидуэю разведывательные самолеты нужно запускать на рассвете. Зная дату нападения, Лейтон рассчитал время восхода солнца 4 июня 1942 года. Зная примерный курс и скорость ударной эскадры из четырех авианосцев, а также скорость американских разведывательных самолетов, он мог достаточно точно рассчитать, где и когда произойдет их возможный контакт. В окончательном

отчете для Нимица Лейтон написал, что японцы подойдут с направления 315° и будут обнаружены в 175 милях от Мидуэя примерно в 6 часов утра.

Такое предсказание было гораздо более точным, чем то, на что рассчитывал Нимиц, но он знал, что Лейтон не стал бы приводить такие подробности, не имея хорошего обоснования для каждого факта и каждой цифры. Адмирал поблагодарил его, и приказал срочно переслать информацию на Мидуэй и штабным офицерам.

Нимицу было ясно, что при такой раскладке сил для Ямамото критическими элементами являются четыре авианосца-ветерана из эскадры Нагумо. Только они способны обеспечить ударную силу, необходимую для подавления наземной и воздушной обороны Мидуэя, и только они в состоянии предоставить достаточно мощное воздушное прикрытие для остальных кораблей его флота. Именно они жизненно важны для успеха атаки. Поэтому Нимиц и его штаб стали разрабатывать планы по ликвидации авианосцев Нагумо.

На рассвете 26 мая над горизонтом на юго-западе показались верхушки мачт соединения Хэлси, и вскоре двадцать один его корабль вошел в Перл-Харбор. Вскоре, уже днем, катер адмирала Хэлси пришвартовался к пирсу на базе подводных лодок, и адмирал вошел в штаб. Нимиц, увидев Хэлси, оказался потрясен. Тот вымученно улыбнулся, но это не могло скрыть его изнуренности, потому что он похудел на двадцать фунтов. Хэлси страдал от дерматита, мучительной кожной сыпи, лишавшей его сна ночью и спокойствия днем. Причиной болезни стало, несомненно, нервное перенапряжение. Если не считать коротких заходов в порт, то Хэлси провел на мостике, управляя первыми сражениями авианосцев, шесть месяцев подряд. Несмотря на свое состояние, он надеялся командовать и во время грядущей операции, какой бы она ни оказалась, и Нимиц ожидал от Хэлси такого решения, однако врач отправил адмирала в госпиталь. Позднее Хэлси назвал это вынужденное отстранение от командования «самым скорбным разочарованием в моей карьере».

Хэлси сказал, что заехал выразить свое сожаление и сделать срочные рекомендации — он просит передать командование флотом командиру его крейсера контр-адмиралу Реймонду Спрюэнсу. Этого Нимиц пообещать не мог, но согласился временно назначить Спрюэнса командиром 16-го оперативного соединения Хэлси, включающего «Энтерпрайз» и «Хорнет». После этого Хэлси уехал в госпиталь.

Для Нимица потеря накануне кризиса самого инициативного, решительного и имеющего самый богатый боевой опыт адмирала стала тяжелым ударом. Тем не менее он, должно быть, подозревал, что замена Хэлси на Спрюэнса на посту командира соединения не совсем уж и плоха. Когда ставки настолько высоки, а имеющиеся американские ресурсы столь ограничены, импульсивная храбрость Хэлси могла привести к катастрофе. В грядущем сражении требовалась не столько драчливость или воинственность, сколько способность мгновенно делать хладнокровные расчеты. Адмирал Нимиц считал, что интеллектуал Спрюэнс обладал именно такой способностью. Он уже давно оценил его как первоклассного организатора и стратега и запросил командование о приказе, назначающем Спрюэнса начальником штаба.

Спрюэнс, неофициально извещенный о смене командования в соединении, быстро прибыл в штаб, где Нимиц подтвердил эту новость: Спрюэнсу предстояло вывести 16-е оперативное соединение в море, опираясь на опытных штабистов Хэлси. Далее Нимиц сообщил Спрюэнсу, что это назначение временное, а после сражения он получит приказ сойти на берег и заменить адмирала Дремеля. Последнюю новость Спрюэнс выслушал со смешанными чувствами. Позднее он сказал: «Уже имея за время своей карьеры два периода штабной работы, я был не очень-то счастлив оказаться на берегу в самом начале большой морской войны».

Однако ему пришлось на время проглотить разочарование и обратить все свое внимание тому, что говорилось на вскоре состоявшемся совещании. Он сразу увидел преимущество размещения его эскадры на фланге

Нагумо и возможность атаковать японские авианосцы, пока их самолеты бомбят Мидуэй. Спрюэнс также благоразумно предупредил о том, что американским авианосным соединениям не следует уходить в поисках врага на запад от Мидуэя до тех пор, пока вражеские авианосцы не окажутся существенно повреждены. Японцы могли изменить свои планы и двинуться на Перл-Харлбор, а в этом случае они попросту обойдут стороной американские силы, которые уже не смогут это предотвратить.

Следующий день, 27 мая, стал для адмирала Нимица особенно утомительным. Рабочий день начался с официального совещания, на котором присутствовали адмирал Спрюэнс, генерал Эммонс и новое лицо — генерал-лейтенант Роберт Ч. Ричардсон, неофициально представляющий генерала Маршалла. После совещания Нимиц отправился на «Энтерпрайз», где наградил трех пилотов с авианосца. Вручая награду лейтенанту Роберту Меле, он заметил:

— Думаю, в ближайшие несколько дней у вас появится шанс заработать себе новую медаль.

Вскоре после полудня к Оаху подошло 17-е оперативное соединение адмирала Флетчера. За «Йорктауном» тянулся нефтяной след длиной десять миль. Когда поврежденный авианосец протиснулся в узкий вход гавани Перл-Харбора, его встретили радостные крики, сирены и свистки. Корабль немедленно направили в сухой док, где уже стояли наготове блоки, собранные и установленные накануне ночью. Нимиц пришел в док еще когда из него не успели полностью откачать воду, натянул высокие сапоги и возглавил группу специалистов, прибывших для осмотра корпуса авианосца. То был Нимиц — морской инженер в привычной для него роли.

Нимиц уже заключил на основании рапортов, переданных по радио еще до прибытия «Йорктауна», что произведенная Фитчем оценка времени, требуемого для ремонта авианосца, нереалистична. За 90 дней на судоремонтных верфях Перл-Харбора его сделают как новенький. Сейчас же о таком и речи быть не могло — да и необходимости тоже. Чтобы просто вернуть корабль в

строй, времени нужно намного меньше. Авианосец сохранил ход, его подъемники работали, а деревянную летную палубу уже починили. Поврежденные бомбами отсеки можно временно укрепить бревнами. Главное — залатать пробитый близкими разрывами бомб корпус, лишь бы он держался на плаву.

— Мы должны вернуть корабль в строй за три дня,— негромко, но выразительно сказал Нимиц сопровождающим. Те переглянулись, и после паузы подполковник Герберт Дж. Пфингстад, эксперт по ремонту корабельных корпусов, ответил за всех:

— Да, сэр.

В течение часа в док доставили сварочное оборудование, стальные листы и прочие материалы и начался ремонт, который будет продолжаться круглосуточно до победного конца.

Едва Нимиц успел вернуться в кабинет, как туда вошел Флетчер, сопровождаемый командиром крейсера, контр-адмиралом Уильямом Уардом Смитом. Обычные для Флетчера выражение упрямства и оживленность несколько увяли. На вопрос Нимица о том, как он себя чувствует, Флетчер ответил: «Чертовски устал». Нимиц кивнул и сказал, что после столь длительного пребывания в море и сражений он отправил бы его домой в отпуск, но, к сожалению, 17-е соединение необходимо ему для выполнения еще одной важной миссии.

Затем Нимиц с помощью адмирала Дремеля сообщил Флетчеру о японском плане захвата Мидуэя.

— Известно ли вам,— слегка раздраженно осведомился Нимиц,— что они даже назначили офицера, который 1 августа примет командование над военно-морской базой на Мидуэе?

Флетчер, знавший Нимица еще со времен учебы в Военно-морской академии, понял, что тот сильно утомлен и глубоко взволнован.

Нимиц действительно волновался, и не только из-за неопределенного исхода надвигающегося сражения. Причина была в том, что ему предстояло сделать дело, особенно неприятное для человека с его характером. Поскольку

Хэлси временно вышел из игры, Флетчер, по праву старшего по званию, получил общее командование на море во время будущей операции. И теперь Нимицу нужно было — причем незамедлительно — или убедить сомневающегося адмирала Кинга в том, что Флетчер — подходящий для этой работы человек, или же убедить самого себя, что он с ней не справится. А это означало не более и не менее, как подвергнуть сомнению компетентность Флетчера и даже его мужество. Нимиц все оттягивал этот разговор.

Наконец, обсудив несколько других тем, он неохотно начал расспрашивать Флетчера о его действиях в роли боевого командира. Когда Флетчер через некоторое время догадался о причине этих расспросов, оба адмирала стали все больше и больше смущаться. Фрэнк Джек, и без того немногословный, ощутил себя так, словно у него буквально связан язык. Он пробормотал что-то о том, что хочет заглянуть в свои архивы, а Нимиц согласился, что это обоснованная просьба. Нимиц уже отпустил небольшую группу адмиралов, когда к ним неожиданно вошел Спрюэнс. Он кое-что узнал о характере повреждений на «Йорктауне» и хотел знать, успеют ли авианосец вовремя отремонтировать.

— Он пойдет вместе с вашей эскадрой,— ответил Нимиц.

На следующее утро Флетчер устно отчитался перед Нимицем, и тот попросил записать все сказанное. То, что написал Флетчер, было не апологией, а подробным и мужественным отчетом о его руководстве 17-м соединением. Заканчивая его читать, Нимиц уже знал, что Фрэнк Джек Флетчер будет командовать американскими авианосными силами у Мидуэя.

Нимиц быстро переслал отчет главнокомандующему, приложив к нему сопроводительное письмо.

«Дорогой Кинг,— писал Нимиц,— у меня наконец-то появилась возможность обсудить с Флетчером его действия в районе Кораллового моря и прояснить то, что выглядело как отсутствие агрессивной тактики со стороны его эскадры... Я надеюсь и верю, что, прочитав приложенное письмо, вы согласитесь со мной в том, что

Флетчер отлично поработал и продемонстрировал наивысшую трезвость ума во время его недавнего похода в Коралловое море. Он превосходный опытный и боевой офицер, и я хочу и в дальнейшем использовать его в роли командира соединения».

В конце письма Нимиц дал общий обзор ситуации в Перл-Харборе. То был оптимистичный отчет, в котором он подчеркивал свои преимущества и не придавал особого значения стоящим перед ним трудностям.

Вечером 27 мая Нимиц и штабные офицеры всех оперативных соединений устроили общее совещание под руководством адмирала Дремеля, чтобы «выковать» планы сражения. Среди прочих на нем присутствовали адмиралы Флетчер и Спрюэнс, коммандер Лейтон, и офицеры-операторы: кэптен Макморрис из штаба флота, коммандер Уильям Г. Баракер из 16-го и коммандер Уолтер Г. Шиндлер из 17-го оперативного соединения. Руководящими принципами плана стало то, что американцы, уступающие врагу по силе, но, вероятно, лучше о нем информированные, должны добиться внезапности, настигнуть противника неожиданным броском и застать его авианосцы в момент, когда они уязвимы. Предполагалось, что японцы начнут действовать на рассвете — направят атакующие самолеты на юг в сторону Мидуэя, а разведывательные самолеты на север, восток и запад. К этому моменту американские эскадры, двигаясь всю ночь курсом на юго-запад, должны оказаться в 200 милях севернее Мидуэя, готовые запустить свои самолеты после получения от своих разведсамолетов данных о координатах, курсе и скорости противника. При точном расчете и удаче они смогут застать японские авианосцы в тот момент, когда половина их самолетов улетит атаковать Мидуэй. А если им еще больше повезет, то вражеские авианосцы будут застигнуты в то время, когда они станут принимать уже вернувшиеся самолеты. Однако на то, что американцы поймают японские авианосцы в момент чрезвычайной уязвимости, когда там будут вооружать и заправлять вернувшиеся самолеты, лучше было не рассчитывать.

Утром 28 мая 16-е оперативное соединение под флагом адмирала Спрюэнса вышло из Перл-Харбора, перестроилось в круговой ордер, приняло на борт самолеты и ушло на северо-запад. Спрюэнсу, а также командирам его эскадрилий и дивизионов, был выдан составленный Нимицем «Оперативный план №29-42». Офицеры, имевшие право прочесть этот пухлый документ, сочли его захватывающим и леденящим душу. Не раскрывая источники информации, план поразительно подробно перечислял, какие именно силы противника станут атаковать Мидуэй и когда именно. Штурман «Энтерпрайза» коммандер Ричард Рабл, явно любитель шпионских боевиков, смог лишь восхищенно пробормотать:

— Этот наш человек в Токио стоит каждого цента тех денег, которые мы ему платим.

Оперативный план предписывал Флетчеру и Спрюэнсу «наносить противнику максимальный ущерб, используя тактику изнурения», означавшую воздушные атаки на вражеские корабли. В отдельном письме с инструкциями Флетчеру и Спрюэнсу Нимиц добавлял: «При выполнении задач, указанных в ОП 29-42, вам следует руководствоваться принципом расчетливого риска, который вам следует понимать как уклонение от атаки превосходящего по силам противника, если в результате боевого столкновения противнику не может быть нанесен больший ущерб».

Утром 29 мая сухой док №1 начал заполняться водой, и вскоре после 11 часов «Йорктаун» вывели на буксире в гавань. На нем все еще работали электрики и механики. Рабочие продолжали трудиться весь день и всю следующую ночь. Наутро свисток боцмана возвестил о прибытии адмирала Нимица. Он прибыл на «Йорктаун» поблагодарить ремонтников за победу в битве со временем и пожелать офицерам и экипажу «удачи и хорошей охоты». Командиру, кэптену Эллиоту Бакмастеру, он выразил сожаление по поводу того, что его люди не смогли сойти на берег после столь долгого и тяжелого боевого похода. Однако он заверил Бакмастера, что после завершения текущей операции авианосец обя-

зательно будет отправлен домой на капитальный ремонт, а экипаж получит увольнительные.

Вскоре после отбытия адмирала машины авианосца заработали, а когда динамики объявили «всем посторонним сойти на берег», последние ремонтники перебрались в поджидающий их баркас. Корабли 17-го оперативного соединения, «Йорктаун», два тяжелых крейсера и пять эсминцев вышли из гавани, построились и двинулись к точке встречи с 16-м соединением в 350 милях к северо-востоку от Мидуэя — позиции, оптимистично обозначенной на картах как «точка Удачи».

Также 30 мая два тяжелых крейсера вышли из Перл-Харбора в сторону Аляски для подкрепления Северотихоокеанской эскадры адмирала Теобальда. Нимиц сообщил Теобальду, что японцы намерены захватить три Алеутских острова — Атту, Адах и Кыску. Однако Теобальд отказывался верить, что кто-либо захочет утруждать себя захватом столь бесполезных клочков земли. И он решил, что эта информация — фальшивка, подброшенная японцами, чтобы выманить его эскадру на запад, и тогда они проскользнут мимо него и высадятся в Датч-Харборе или на самой Аляске. Поэтому Теобальд расположил свои силы в 400 милях южнее Кодьяка, где они, как потом выяснилось, оказались столь же бесполезны, как если бы находились в Южной Атлантике.

Адмирал Фитч на «Саратоге», прихватив импровизированное прикрытие из крейсеров и эсминцев, 1 июня наконец-то вышел из Сан-Диего. Эта эскадра никак не могла вовремя добраться до Мидуэя, чтобы участвовать в сражении,— если только японское нападение не отстанет от графика или предсказанные Лейтоном даты окажутся неверными.

А в Коралловом море американский крейсер, выполняя приказ адмирала Нимица, начал передавать на частотах, обычно зарезервированных для авианосных групп. Нимиц не сомневался, что японские станции слежения уловят эти сигналы. Он надеялся, что ему таким способом удастся ввести врага в заблуждение и Ямомото поверит, что американские авианосцы все еще действуют

в районе Соломоновых островов и из-за этого станут чересчур самоуверенны, приближаясь к Мидуэю.

В последнюю неделю мая проведенный американцами анализ радиообмена показал, что все части Объединенного флота японцев уже в пути. В планшетной штаба[1] штабные офицеры рассчитывали скорости и разноцветными карандашами наносили на планшеты курсы различных кораблей противостоящих флотов по мере их приближения к намеченным целям. Судя по данным радиоперехватов, японские гидросамолеты и подлодки двигались для разведки в направлении Перл-Харбора. Гидросамолеты так до него и не добрались, потому что не смогли совершить долгий полет от Маршалловых островов и обратно без дозаправки с подлодок-танкеров, которые обычно встречали их в лагунах Французской Фрегатной Банки, а адмирал Нимиц предусмотрительно выслал в лагуну американский корабль. Подлодки же появились возле Перл-Харбора и выстроились в пикетный заслон, но им не о чем было докладывать. Оба оперативных соединения, 16-е и 17-е, уже вышли в море.

Утром 30 мая двадцать две «Каталины» взлетели с Мидуэя и начали первый из ежедневных разведывательных полетов, удаляясь до 700 миль на юг. Вскоре выяснилось, что японские бомбардировщики патрулируют северо-восточнее Уэйка. Две «Каталины» наткнулись на вражеские бомбардировщики и оказались сильно повреждены. Этот беспрецедентный контакт предупредил обе стороны, что противник настороже. Нимицу осталось лишь надеяться, что это предупреждение не заставит японцев изменить свои планы.

Несмотря на грозящее возможное поражение в центральной части Тихого океана, адмирал Нимиц дерзко предложил начать наступление на юге, где наступило затишье. Он планировал рейд на Тулаги и близлежащие позиции. Такой рейд мог задержать постройку японцами аэродрома в том районе и тем самым упростить будущее наступление через Соломоновы острова, предло-

---

[1] Штабной пост общей оперативной обстановки. *(Прим. ред.)*

женное адмиралом Кингом. Сейчас, похоже, наступило идеальное время для такой операции, поскольку практически весь японский флот оттянулся на север.

Адмирал Кинг горячо одобрил этот проект, и Нимиц предложил осуществить его силами 1-го батальона морской пехоты, находившегося тогда на Самоа, и выделить транспорты для переброски морских пехотинцев на Новые Гебриды. Однако генерал Макартур, который должен был обеспечить крейсера, эсминцы и самолеты для поддержки рейда, пришел к выводу, что имеющихся сил недостаточно для выполнения этой задачи, и идея была отклонена.

Тем временем Симард и Шеннон, получив присланное Нимицем оснащение и загрузив работой своих подчинённых, превратили острова Песчаный и Восточный в две самые укрепленные квадратные мили на Тихом океане. К концу мая 3 тысячи защитников Мидуэя, защищенные минными полями, подземными укрытиями, орудиями в закрытых капонирах и заграждениями из колючей проволоки, были готовы отбить любую атаку с моря.

Нимиц все еще сомневался в том, что самолеты с Мидуэя смогут что-либо сделать против вражеских авианосцев. На крошечном Восточном островке, где располагался аэродром, могло разместиться лишь ограниченное количество самолетов, а имеющиеся были плохо приспособлены для атаки на корабли. Медленные и уязвимые «Каталины» годились лишь для патрулирования. Боевые воздушные силы Мидуэя состояли из 16 устаревших пикирующих бомбардировщиков «Виндикэйтор», которые прозвали «wind indicators», то есть «индикаторы ветра», и 21 столь же устаревших истребителей «Буффало», прозванных «летающими гробами». К ним Нимиц смог добавить лишь 18 пикирующих бомбардировщиков «Доунтлесс», 7 торпедоносцев TBF, 7 истребителей «Уайлдкэт» (все списанные с авианосцев), а также 19 армейских бомбардировщиков. Четыре из этих армейских бомбардировщиков были B-26 «Мародер», оснащенные торпедами, однако их пилоты еще ни разу не сбрасывали ни одной торпеды. Имелось еще 17 «летающих

крепостей» В-17, действующих на больших высотах, и от сброшенных с них бомб движущийся корабль мог легко уклониться. Ни один из летчиков Мидуэя не имел боевого опыта. Лучшее, чего мог ожидать от них Нимиц — нарушить строй вражеских кораблей и оттянуть на себя их истребители, подготовив поле боя для более опытных пилотов с авианосцев.

Нимиц и его штаб сделали свой ход. Они распределили имеющиеся у них силы наилучшим образом, чтобы встретить гораздо более сильного противника. Им оставалось только ждать его появления. И тогда им снова предстоит много работать, особенно адмиралу Нимицу, взявшему на себя общее тактическое командование — на суше, в море и в воздухе.

Вечером 31 мая адмирал готовился лечь спать пораньше — впервые за последние несколько недель. В очередном письме жене он писал: «Я ожидаю, что следующие несколько дней будут полными забот и долгими, поэтому сегодня отосплюсь впрок». Он не мог нарушить секретность, написав, чем будет заниматься, но добавил: «Когда-нибудь история наших действий будет записана, и она будет интересной — но не сейчас».

Штабные офицеры колдовали над планшетом с картой оперативной обстановки, нанося неуклонно сближающиеся цветные линии. Их нарастающее напряжение передавалось в нижние эшелоны, где младшие офицеры и рядовые могли лишь гадать о том, что их ждет. Для них внешность командующего, который ходил с высоко поднятой головой, спокойный и собранный, становилась источником уверенности. Много лет спустя лейтенант Джеймс Бассет, бывший резервист и офицер по связям с общественностью при штабе командующего флотом, вспоминал о спокойствии, которое внушала ему и другим фигура Нимица, ставшая почти отеческой. «То был очень невозмутимый человек»,— отметил он.

2 июня оранжевые линии на планшете приблизились к намеченным координатам «точки Удачи», где 16-е и 17-е оперативные соединения, хранившие радиомолчание, должны были встретиться. Если линии на схеме были

правильны, то контакт между «Каталинами», вылетающими на запад от Мидуэя для патрулирования, и надвигающимся флотом вторжения стал неизбежен. По графику флот вторжения должен будет подойти к атоллу утром 5 июня, после чего авианосцы Нагумо начнут запланированную на весь день атаку Песчаного и Восточного островов.

До наступления ночи 2 июня никаких сообщений о контакте не поступало. Для офицеров, которые поставили безопасность американских тихоокеанских баз против точности своей разведки, ситуация была мучительной и сбивающей с толку. Но тем же вечером Нимиц написал жене: «Еще один деловой день, полный тревожного ожидания, как начнут развиваться события — но к ним мы готовы гораздо лучше, чем когда-либо прежде».

Глава 7

БИТВА ЗА МИДУЭЙ

На рассвете 3 июня основные офицеры штаба Нимица уже находились на своих местах. Вскоре после 4 часов утра[1] американские станции радиоперехвата начали улавливать обрывки радиопереговоров, указывающие на необычную, возможно, вражескую, воздушную активность в районе восточных Алеутов. Датч-Харбор действительно подвергся воздушному налету, но, похоже, сообщение с этой базы не пошло дальше адмирала Теобальда, который находился в море и соблюдал радиомолчание. Однако анализ перехватов в конце концов убедил штаб, что над Датч-Харбором действительно появились вражеские самолеты.

Адмирал Нимиц оценил этот факт как обычную воздушную разведку противника — вероятно, транзитными самолетами, — а не как часть японского оперативного плана, развивающегося строго по графику. Даже если бы он мог знать наверняка, что эти самолеты взлетели с японских авианосцев 2-го ударного соединения, он все равно не

смог бы сказать с уверенностью, что Мидуэй является главной целью противника или что 1-е ударное соединение Нагумо полным ходом идет в тумане с северо-запада для атаки на Мидуэй. Лучшим доказательством тому стало бы обнаружение идущего к атоллу из Сайпана более тихоходного соединения вторжения.

Прошло несколько часов без новых известий с севера и совсем никаких с запада. Наконец чуть позднее 11 утра (в 12:30 по времени Перл-Харбора) ожила кабельная линия связи с Мидуэем. Она продублировала отчет, переданный по фрагментам с «Каталины», патрулирующей в 700 милях западнее: «Главная группа... азимут 262, дальность 700... одиннадцать кораблей, курс 090, скорость 19». Девять В-17, стоявшие наготове на Мидуэе как раз на случай такого контакта, быстро взлетели и направились на запад для бомбежки приближающейся вражеской эскадры. А в Перл-Харборе коммандер Морис Е. Кертис, штабной офицер — связист, торопливо доставил сообщение о контакте в кабинет Нимица, где адмирал совещался с Лейтоном. Нимиц взглянул на депешу и внезапно выпрямился.

— Лейтон,— возбужденно спросил он,— вы это уже видели?

— Что это, сэр?

— Обнаружены японские корабли!

Нимиц улыбался. В этом не было ничего необычного, потому что он часто улыбался. Однако сейчас он буквально сиял. Лейтон назвал это «ослепительно белой улыбкой».

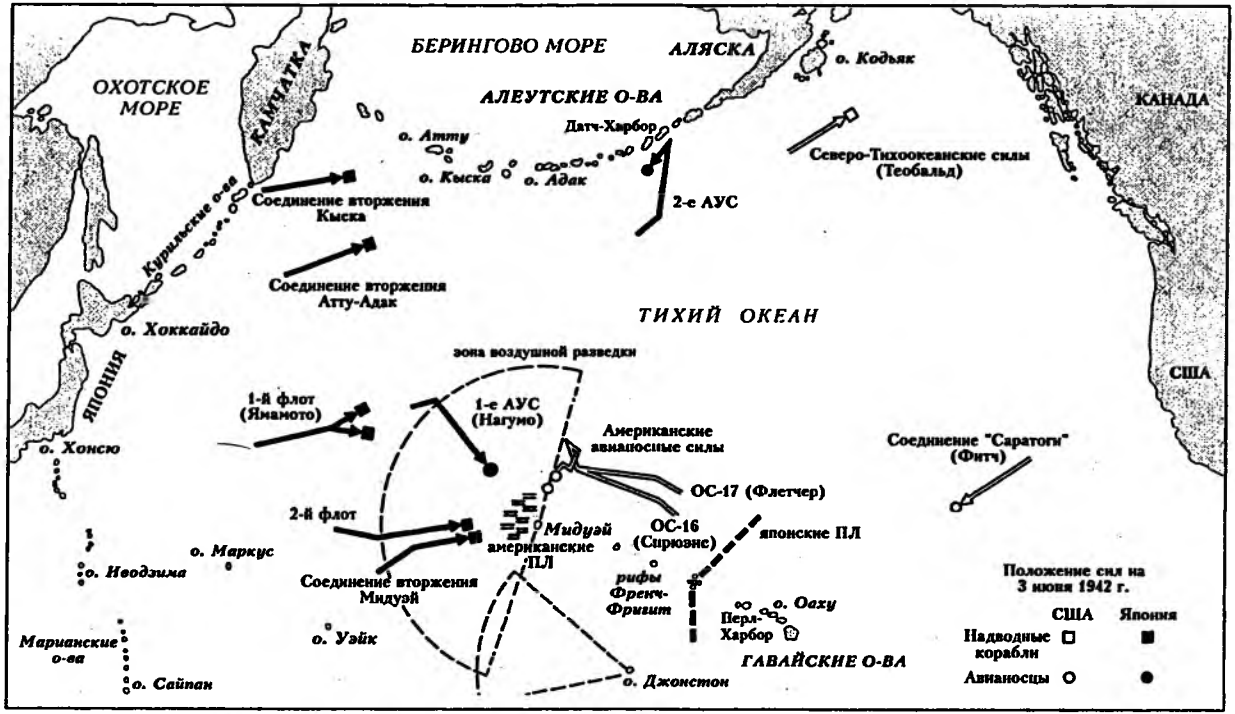
«Она просто вспыхнула,— вспоминал Лейтон,— словно кто-то поднял на окне шторы и впустил в комнату солнце. Его улыбка и голубые глаза просвечивали человека насквозь». Нимиц успешно скрывал свою встревоженность, но не сделал даже слабой попытки скрыть облегчение. Он протянул депешу Лейтону.

— Это должно согреть вам сердце,— сказал он, усмехнувшись.— И избавит нас теперь от всех сомневающихся. Им достаточно лишь взглянуть на это, чтобы понять — все, что я им говорил, было правильно.

Хотя на американских оперативных соединениях почти наверняка приняли переданное «Каталиной» сообщение о контакте, связисты прибегли к элементарной предосторожности и продублировали его, переслав адмиралу Флетчеру. Нимиц, имея в виду двусмысленное выражение «главная группа», предупредил: «Это не является, повторяю — не является ударным соединением противника». Он добавил, что пока обнаружено лишь соединение вторжения, и напомнил Флетчеру, что японские авианосцы должны нанести удар с северо-запада на следующее утро. Шансы обнаружить их 3 июня были слабыми из-за плотной облачности, накрывшей океан почти до самого Мидуэя.

К концу дня 3 июня Нимиц уже знал, что Датч-Харбор утром бомбили и что над Алеутами сбиты четыре японских самолета. С Мидуэя ему сообщили, что B-17, высланные против соединения вторжения, обнаружили его на расстоянии 570 миль от атолла и атаковали. Летчики доложили, что их бомбы попали в два линкора или тяжелых крейсера и в два транспорта,— однако эти новости в штабе восприняли с определенной долей скептицизма. Ранним вечером четыре «Каталины» взлетели с Мидуэя, чтобы атаковать соединение вторжения торпедами при лунном свете. Нимиц переслал эту информацию в соответствующие инстанции, а затем отправил на Мидуэй и командирам оперативных соединений особое послание: «Ситуация развивается так, как ожидалось. Авианосцы, наша наиважнейшая цель, вскоре будут обнаружены. Возможно, уже завтра вы сможете задать им жару». А заключительные слова записи, сделанной Нимицем в оперативном журнале 3 июня, оказались пророческими: «От развития событий в ближайшие два или три дня может зависеть весь ход войны на Тихом океане».

Хотя лишь считанные люди на Оаху точно знали, что происходит или чего следует ожидать, все ощущали витающую в воздухе напряженность. На закате штаб флота, еще не зная, что запланированная японцами воздушная разведка была отменена, объявил по 14-му округу ВМС воздушную тревогу. Военно-морские верфи



Битва у атолла Мидуэй

в Перл-Харборе погрузились во тьму. Станки в ремонтных мастерских выключили. Рабочие и морские пехотинцы развернули пулеметы. Грузовики блокировали ворота. На стоящих в гавани кораблях заняли свои места расчеты орудий. В армейских казармах многих пациентов выписали из госпиталя, чтобы освободить места на случай поступления раненых. А в Гонолулу подняли по тревоге работников гражданской обороны.

Мало кто из офицеров штаба спал в ту ночь. Один из них вспоминал, что адмирал Нимиц дремал на кушетке в своем кабинете — отсыпался впрок перед ожидающими его двумя-тремя бессонными сутками, но готовый к любой неожиданности. Примерно в два часа ночи работающие круглосуточно штабные связисты приняли и передали Нимицу донесение от «Каталин», пересланное через Мидуэй. В нем сообщалось, что торпедированы два корабля приближающейся эскадры вторжения.

На рассвете 4 июня весь штаб находился на своих местах. Штабные офицеры знали, что, едва солнце взойдет над Мидуэем (на полтора часа позднее, чем в Перл-Харборе), «Каталины» вылетят на северо-запад, патрулируя на границе облачности. Они также сознавали, что донесение, которого они ожидают, может стать важнейшим в этой войне. И вскоре после 6 утра оно пришло, переданное открытым текстом по кабелю из Мидуэя: «Самолеты обнаружили два авианосца и корабли главной группы, азимут 320, курс 135, скорость 25, расстояние 180».

Хотя пилот «Каталины» доложил лишь о двух авианосцах, Нимиц не сомневался, что их там четыре, а то и пять. Он взглянул на указанное в депеше время обнаружения, затем прошел в планшетную и отметил на карте координаты противника. Позднее он сказал Лейтону: «Вы ошиблись всего на пять миль, пять градусов и пять минут». Поразительной точности своего предсказания как минимум наполовину Лейтон обязан штурману адмирала Нагумо, который три дня, несмотря на туман и низкую облачность, вел соединение к намеченной точке.

Наконец-то у американцев появилась мишень, которую они ждали,— 1-е ударное авианосное соединение

Нагумо, то самое, что шесть месяцев назад развязало войну рейдом на Перл-Харбор и которое они теперь обязаны были уничтожить. Из краткого донесения о контакте Нимицу и его штабу стало ясно, что Нагумо уже начал воздушную атаку на Мидуэй. Вероятно, он выпустил свои самолеты с гораздо большего расстояния, чем всего 180 миль, пока его корабли все еще прикрывала низкая облачность. Он шел в сторону Мидуэя прежним курсом 135°, чтобы его возвращающиеся самолеты могли отыскать палубы своих авианосцев, а заодно и сократить время их возвращения. Выпуская самолеты, Нагумо еще не знал, что американские авианосцы заходят ему во фланг, потому что в противном случае бросил бы на них в атаку свои самолеты и повернул бы навстречу.

В штабе Нимица приняли как должное, что после получения донесения о контакте на Мидуэе подняли в воздух все самолеты, чтобы их не застали врасплох на аэродроме. Бомбардировщики и торпедоносцы с Мидуэя направятся атаковать авианосцы Нагумо, а 28 морских истребителей займутся его приближающимися самолетами. Находящийся на северо-востоке Флетчер тоже, несомненно, слышал донесение о контакте и теперь действовал по обстановке. Тем не менее, штабные связисты продублировали донесение и ему — на всякий случай.

В штабе не сомневались, что, несмотря на действия 28 истребителей, часть — не исключено, что и бóльшая — японских бомбардировщиков доберется до Мидуэя. Атака на атолл была неизбежной. В 6:25 по кабелю пришло ожидаемое сообщение из четырех слов: «Воздушный налет на Мидуэй».

Наступили два часа мучительной неизвестности, когда в Перл-Харбор не поступало совсем никаких американских донесений с мест сражений. Разумеется, Флетчер и Спрюэнс будут сохранять радиомолчание до тех пор, пока не будут обнаружены противником. Наконец в 8:30 с Мидуэя пришло короткое печальное донесение: «Осталось только три неповрежденных истребителя. С нашими пикирующими бомбардировщиками утерян контакт».

Тем временем Рошфор и Лейтон оживленно переговаривались по защищенной телефонной линии. Группа радиоразведки Рошфора перехватила японское сообщение, посланное открытым текстом — очевидно, с одного из разведывательных самолетов Нагумо. Оно состояло из обычных аббревиатур, повторенных трижды: «ТЕ-ТЕ-ТЕ и т.п». После сделанной Рошфором расшифровки оно звучало так: «Заметил 10 кораблей, очевидно противника, азимут 10, 240 миль от Мидуэя, курс 150, скорость более 20 узлов».

Лейтон немедленно принес расшифровку Нимицу.

— Вы уверены, что здесь не сказано, что замечены наши авианосцы? — спросил Нимиц, прочитав ее.

— Уверен, сэр.

Нимиц торопливо направился в планшетную, где вручил листок дежурному офицеру, который нанес координаты на карту. Если упомянутые в перехвате корабли принадлежали одной из американских авианосных эскадр — а не чем иным они быть не могли, — то в таком случае противников разделяло всего 150 миль, как раз в пределах эффективного радиуса атаки, а японское авианосное соединение находилось в 150 милях от Мидуэя.

Должно быть, самолеты Мидуэя атаковали Нагумо примерно в то же время, когда японский воздушный разведчик доложил Нагумо об американских кораблях неподалеку. Однако интенсивные атмосферные помехи в районе, через который сейчас шел Нагумо, глушили все радиосообщения с американских самолетов, и, лишь вернувшись на Мидуэй, их пилоты смогли передать сообщения в штаб КТФ благодаря кабельной линии связи. Они оказались не очень обнадеживающими. Пикирующие бомбардировщики поразили один из авианосцев противника, который, по словам пилотов, задымился. Пилоты В-17 сообщили о трех попаданиях в два авианосца. С другой стороны, американские самолеты встретили мощный заслон истребителей «Зеро» и понесли тяжелые потери.

Близорукий пилот-разведчик Нагумо, передающий из-за пределов зоны сильных помех, продолжал слать донесения, которые были слышны и в Перл-Харборе.

В 8:09 он опознал «корабли, очевидно вражеские», как «пять крейсеров и пять эсминцев». Одиннадцать минут спустя, взглянув еще раз, он доложил, что «противника сопровождает идущий сзади корабль, похожий на авианосец».

После этого сообщения штабисты столпились возле карты. Они не сомневались, что теперь у Нагумо имеется информация, на которую он обязан отреагировать. Он должен что-то предпринять, причем быстро, против американского авианосца. Штабные офицеры согласились, что у японского адмирала имеется выбор из двух вариантов. Он может начать немедленную атаку своими резервными самолетами. Если он это сделает, то самолетам, вернувшимся от Мидуэя, придется оставаться в воздухе, пока самолеты новой волны не взлетят. При этом велика вероятность, что многие из них, оставшись почти без горючего после долгого полета, упадут в море. При втором варианте Нагумо должен сперва принять, дозаправить и вооружить самолеты с Мидуэя и лишь потом запустить их. В этом случае атака получится гораздо более мощной, но сдвинется как минимум на час. А к этому времени американские самолеты уже наверняка вылетят для атаки на эскадру Нагумо. И, если им удастся удачно отбомбиться по японским авианосцам, пока те заправляют и вооружают свои самолеты, то авианосцы взорвутся, как гигантский фейерверк.

Хотя базирующиеся на Мидуэе «Каталины» и вылетели на патрулирование, по кабелю не поступала новая информация о координатах или курсе японских авианосцев. Нимиц также не имел информации о действиях американских сил. Флетчер продолжал хранить радиомолчание, хотя японцы уже знали, где он находится.

Таким образом, пока одно из решающих сражений войны приближалось к высшей точке, командующий страдал от отсутствия информации. Нимиц старался выглядеть спокойным, но знающие его офицеры ясно видели, как глубоко он встревожен. Один из них сказал: «Адмирал Нимиц был в ярости; таким я его никогда не видел». Нимиц вызвал к себе коммандера Картса.

— Почему мы не получаем донесений? — потребовал ответа Нимиц. — Почему нет никаких известий?

Картс несколько неубедительно ответил, что ему это неизвестно, но он не хочет посылать неизвестно кому просьбу: «Мы не получаем сообщений. Доложите что-нибудь». Нимиц согласился с его правотой.

Японцы же не были столь молчаливы. Еще до 10 утра их авианосное соединение передало две весьма длинных радиограммы. Американцы не могли прочесть шифрованные сообщения, но один из людей Рошфора определил, что они переданы с авианосца «Акаги», флагманского корабля Нагумо. Офицер опознал «почерк» одного из мичманов-радистов «Акаги», столь неуклюже работающего с ключом передатчика, что, по словам одного из американцев, тот «словно бьет по нему ногой». Пусть на «станции Гипо» и не могли прочесть шифровки, зато у них теперь имелись текущие позывные Нагумо.

Для Нимица единственным источником информации об американской авианосной эскадре продолжал оставаться японский пилот-разведчик. За несколько минут до 9 часов утра этот пилот сообщил своей эскадре: «К вам летят десять вражеских торпедоносцев». Самолеты могли взлететь только с американского авианосца. Нимиц и его штаб пришли к заключению, что в данный момент Нагумо или только что поднял в воздух резервные самолеты, или, что более вероятно, принимает вернувшиеся от Мидуэя бомбардировщики, и в этом случае он сможет запустить новые не ранее 10:00.

В 9:26 по кабелю передали, что, по донесению пилота «Каталины», японское соединение вторжения находится в 320 милях от Мидуэя. Следом пришли донесения от пилотов базирующихся на Мидуэе бомбардировщиков и торпедоносцев, только что вернувшихся на атолл. Судя по ним, самолеты Мидуэя продолжали нести тяжелые потери, не причиняя практически никакого ущерба врагу. Наконец в 10:08 «Энтерпрайз» самым неожиданным образом нарушил радиомолчание. В центре связи флота на рабочей частоте авианосца вдруг услышали чей-то голос, выкрикнувший: «Атаковать немедленно!» Кто-то

узнал голос кэптена Майлса Браунинга — начальника штаба, которого Спрюэнс унаследовал от Хэлси. Возглас Браунинга мог быть реакцией на донесение американских летчиков о том, что противник обнаружен.

После нового периода долгого молчания Нимиц послал запросы, и Лейтон спросил Рошфора по телефону «горячей линии», атаковали ли американские авианосцы соединение Нагумо, а если да, то как отреагировали японцы.

— Неужели у нас нет совсем никакой информации?— спросил Лейтон.

— Никакой.

— А вы пробовали слушать на других частотах?

— Мы проверили все известные нам частоты.

Нимиц и его штаб пришли к выводу, что в данный момент отсутствие новостей само по себе может оказаться хорошей новостью. Если японские авианосцы ничего не передают, то причиной может быть то, что они уже не в состоянии это делать. В 11 часов люди Рошфора перехватили передачу (или фрагмент передачи) открытым текстом на японском: «Сообщите координаты вражеских авианосцев». Это сообщение, очевидно посланное с соединения Нагумо одному из своих самолетов-разведчиков, подразумевало, что как минимум один японский авианосец был в состоянии контратаковать и готов это сделать. Пятнадцать минут спустя сам Нагумо послал длинную шифрованную радиограмму неизвестному адресату. Позывные были его, но радистом был уже не прежний неуклюжий мичман с «Акаги». Один из людей Рошфора уже проводил исследование по идентификации японских радистов и опознал в нем по «почерку» главного радиста с крейсера «Нагара». Очевидно, «Акаги» был поврежден настолько тяжело, что уже не мог служить флагманским кораблем, и Нагумо перебрался на крейсер.

Адмирал Флетчер, информированный об этих перехватах, наконец-то прервал радиомолчание, но только чтобы сообщить, что самолеты «Йорктауна» атаковали два японских авианосца. Он добавил: «Мне пока неизвестны координаты других авианосцев, которые обнаружили мое

соединение». Несколько минут спустя радисты в Перл-Харборе перехватили сообщение японского командира эскадрильи: «Мы атакуем вражеский авианосец», и он тут же приказал своим летчикам: «Атака! Атака! Атака!»

Тут же в центр связи командующего пришло сообщение открытым текстом: «Меня атакует большое количество вражеских бомбардировщиков». Оно было послано по корабельной рации в адрес Нимица, но отправитель не назвался, а попытки его установить оказались безуспешными. Объяснение пришло двадцать минут спустя, когда Флетчер прислал оформленную по всем правилам шифровку: «Был атакован с воздуха в 150 милях севернее Мидуэя».

Нимица проинформировали, хотя и с некоторым запозданием, о состоянии «Йорктауна». Пораженный тремя бомбами, корабль потерял ход, и адмирал Флетчер со штабом перешел на крейсер «Астория». Вскоре после 3 часов дня, когда поврежденный авианосец снова был на ходу, он подвергся повторной атаке, на этот раз торпедоносцев, и в него угодили минимум две торпеды. «Йорктаун» начал сильно крениться и грозил перевернуться, поэтому кэптен Бакмастер приказал покинуть корабль. Несколько часов спустя, когда последних моряков из его экипажа выловили из воды, авианосец был все еще на плаву, а угол крена практически не изменился. Тогда Флетчер попросил Нимица выслать буксиры и сказал, что, если тот не будет возражать, он со своим 17-м соединением останется охранять «Йорктаун» и попытается его спасти, а японцами пусть займется 16-е соединение Спрюэнса. Нимиц не стал возражать — он хотел, чтобы для спасения авианосца были приложены все усилия, а Спрюэнс, по его мнению, был вполне способен принять на себя общее тактическое командование.

Плохие новости насчет «Йорктауна» были несколько смягчены депешей Спрюэнса. Тот сообщил, что между 9:30 и 11:00 «самолеты 16-го и 17-го оперативных соединений атаковали соединение противника, состоящее, вероятно, из 4 авианосцев, 2 линкоров, 4 тяжелых крейсеров и 6 эсминцев. По нашим данным, все 4 авианосца

сильно повреждены». Донесение он завершил словами: «У нас тяжелые потери в самолетах».

Самолеты с Мидуэя и «Йорктауна» (взлетевшие еще до атаки на авианосец) отчаянно обшаривали океан в поисках источника атакующих японских самолетов. Вылетевшая с атолла «Каталина» обнаружила три пылающих корабля в 170 милях северо-западнее Мидуэя. Примерно на 45 миль дальше в том же направлении самолеты «Йорктауна» наткнулись на целехонький японский авианосец, опознанный как «Хирю». Его сопровождали два линкора, три крейсера и четыре эсминца. Против этой цели «Энтерпрайз» и «Хорнет» выпустили 40 пикирующих бомбардировщиков, а Мидуэй добавил дюжину В-17, шесть из которых как раз подлетали к Восточному острову, получив приказ на перелет от Гавайев к Мидуэю.

К раннему вечеру 4 июня Нимиц и его штаб оценивали события дня с осторожным оптимизмом. Если полученную пока информацию считать достоверной, то американцы разгромили эскадру Нагумо. Но большая часть победных донесений базировалась на наблюдениях армейских пилотов, а они не были обучены оценивать повреждения кораблей при морских сражениях. Даже осторожный Спрюэнс доложил, что «все четыре авианосца противника сильно повреждены утром». Тем не менее, вскоре после полудня самолеты с одного из этих авианосцев вывели из строя «Йорктаун».

О результатах атаки против «Хирю», проведенной совместно самолетами Мидуэя и 16-го соединения, Нимицу не сообщали до тех пор, пока бомбардировщики не вернулись, а из рапортов их пилотов была составлена общая картина. Депеша с Мидуэя пришла в Перл-Харбор вскоре после 10 часов вечера, а от 16-го соединения — двадцать минут спустя.

Донесение с Мидуэя: «В-17 на пути из Перл-Харбора дважды поразили бомбами дымящийся авианосец по азимуту 320, дальность 170. Замечены два других горящих корабля в том же районе и еще два горящих примерно в 125 милях по тому же азимуту».

Донесение Спрюэнса: «Между 17:00 и 18:00 группы самолетов 16-о соединения атаковали эскадру противника, состоящую из 1 авианосца, 2 линкоров, 2 или более тяжелый крейсеров и нескольких эсминцев. Авианосец поражен несколько раз 500- и 1000-фунтовыми бомбами и, когда был виден в последний раз, сильно горел. Не менее 4 попаданий в линкор, который также загорелся. Один тяжелый крейсер тоже поражен и горит. В 17:50 соединение противника находилось в точке с координатами 30°41' северной широты, 177°41' западной долготы, курс на запад, скорость 15 узлов, с юго-востока к нему подходят эсминцы. Три корабля — полагаем, авианосцы,— атакованные ранее, наблюдались на юго-востоке все еще горящими...»

Когда Нимиц дочитал до этого места, он оторвал глаза от текста, и на его лице расцвела та самая «ослепительно белая улыбка». Если «Хирю» сильно горит, а «Акаги», «Кага» и «Сорю», подбитые утром, все еще горят, то все четыре авианосца японцам почти наверняка не спасти. Значит, если Спрюэнс что-либо грубо не напутал — а Нимиц не верил, что Спрюэнс на такое способен,— то победа американцев обспечена. Нимиц немедленно попросил адмирала Дремеля распространить во всех своих подразделениях заранее подготовленное сообщение, выслав копии адмиралу Кингу и генералу Эммонсу: «Вы, все те, кто участвовал сегодня в битве за Мидуэй, вписали славную страницу в нашу историю. Я горжусь тем, что стою с вами в одном строю. И считаю, что еще один день ваших героических усилий завершит разгром врага». Офицер, делавший запись в оперативном журнале командующего (вероятно, повторяя слова Нимица), назвал завершившиеся в тот день операции «началом того, что может стать величайшим морским сражением со времен Ютландского. Его исход, если он станет для японцев настолько неблагоприятным, насколько кажется, буквально покончит с их экспансией. Мы потеряли большой процент опытных пилотов, которых будет трудно заменить».

Кто-то из штаба, дочитав до конца рапорт Спрюэнса, нанес на карту его расчетные координаты на 4 часа утра

5 июня: 30°31' северной широты и 175°20' западной долготы. Это стало загадкой, потому что эта точка находилась значительно восточнее последних известных, сообщенных днем координат 16-го соединения. Спрюэнс доложил, что противник движется на запад. Почему же он не стал преследовать его по горячим следам?

Когда на эту аномалию указали Нимицу, тот оказался вмешиваться и даже воспринимать проблему всерьез.

— Я уверен, что Спрюэнс на месте лучше разбирается в ситуации, чем мы здесь, — сказал он. — Не сомневаюсь, что у него для этого есть очень веская причина. Со временем мы все узнаем. И нам, сидя здесь, нечего дергать командира на поле боя.

Некоторые офицеры продолжали ворчать, что Спрюэнс упустил блестящую возможность. Другие еще раз взглянули на карту и решили, что в действиях Спрюэнса есть смысл. Если его эскадра всю ночь станет идти с той же скоростью, то к 4 утра окажется намного восточнее того места, где находилась в 10 вечера, а сбавить ход они не осмелятся, иначе их перехватят и атакуют вражеские подлодки. Отсюда следовал единственно возможный вывод — Спрюэнс идет на восток временно и планирует ночью в какой-то момент повернуть обратно на запад.

От кого он отходит? Если бы линкоры и крейсеры Второго японского флота отделились в полдень от соединения вторжения, то к ночи они могли бы подобрать остатки ударного соединения Нагумо, а затем совместно двинуться на восток. И Спрюэнс, двигайся он на запад, мог бы столкнуться с этими кораблями и, вероятно, подавлен численным превосходством противника в ночном сражении. Поэтому, доказывали некоторые офицеры штаба КТФ, он должен был временно вывести свои корабли из пределов досягаемости японцев, чтобы не столкнуться с ними до рассвета, когда он сможет пустить в ход свои авианосцы.

Не все штабные офицеры согласились с этими доводами, однако адмирал Флетчер, находящийся на тысячу

миль ближе к противнику, чем они, очевидно, согласился. Он приказал эсминцу «Хьюз» остаться на ночь возле «Йорктауна», чтобы потопить его в случае опасности захвата. А сам с оставшимися кораблями 17-го оперативного соединения отправился следом за Спрюэнсом на восток.

В ту ночь в штабе КТФ почти никто не спал — все считали, что Ямамото, чья решительность и находчивость были хорошо известны, приложит все усилия для изменения исхода сражения. Первый звоночек прозвенел в 1:30 ночи, когда по кабелю передали, что Мидуэй обстреливают.

— Полагаю, японцы все еще не отказались от намерения высадить там десант,— сказал Нимиц и, повернувшись к Лейтону, который для него «замещал» Ямамото, спросил:— Вы тоже так думаете?

— Да, тоже.

— Несмотря на потери?

— Что ж, японцы — народ упрямый. Если у них есть план, они всегда стараются его выполнять, пока не станет очевидно, что это невозможно.

Через несколько минут по кабелю передали, что обстрел велся с подлодки, которую береговые батареи Мидуэя вскоре отогнали.

В 3 часа ночи американская подлодка «Тамбор» сообщила о «многих неопознанных кораблях» примерно в 90 милях западнее Мидуэя. Час спустя, когда в районе Мидуэя начал заниматься рассвет, «Тамбор» уточнила, что это японские корабли. Когда стало светлее, с подлодки разглядели, что два из них — это тяжелые крейсера класса «Могами». Очевидно, японцы начали претворять в жизнь план вторжения. Адмирал Инглиш, обменявшись депешами с Нимицем, приказал всем подлодкам, патрулирующим район Мидуэя, «полным ходом выдвинуться на позицию в пяти милях западнее Мидуэя». Если противник действительно шел к атоллу, его кораблям придется пройти сквозь грозный строй подлодок.

Однако донесения с разведсамолета Мидуэя быстро изменили картину. Разведчик обнаружил все японские

корабли западнее Мидуэя, и все они шли на запад. Это наблюдение подтвердил поступивший незадолго до этого со станции «Гипо» отчет о том, что, по данным радиопеленгации, Второй японский флот идет на северо-запад. Очевидно, противник вместо наступления отходил по всему фронту. Самолеты также сообщили, что за двумя крейсерами класса «Могами» западнее Мидуэя тянется нефтяной след — очевидно, после повреждений. Чуть позднее 8 утра пикирующие бомбардировщики и В-17 с Мидуэя атаковали эти крейсера и доложили минимум о двух попаданиях.

Спрюэнс наконец-то прервал радиомолчание, чтобы предупредить американские подлодки в районе Мидуэя, что он пройдет через их строй, преследуя японские корабли. Его 16-е соединение шло на запад, но находилось лишь в 50 милях севернее атолла, оттесненное ночью на юг действиями противника в районе Мидуэя. Днем 16-е соединение выпустило самолеты для удара по японским кораблям, обнаруженным на северо-западе. Но эти самолеты так и не добрались до кораблей противника, подарив критикам Спрюэнса в штабе Нимица новый довод для осуждения его ночного отхода на восток.

Но в целом в штабе КТФ преобладали два чувства — облегчение, потому что наступление противника удалось отразить, и гордость, потому что они смогли это сделать, несмотря на чрезвычайно неблагоприятное соотношение сил. После бессонной ночи штабные офицеры курили и расслаблялись. Однако Нимиц, хотя и разделял всеобщее облегчение, оставался настороже. У японцев все еще имелось достаточно сил, чтобы ночью устроить Спрюэнсу засаду. Или же они могли заправить и перегруппировать свои корабли, а затем вернуться, поставив на острие атаки два авианосца, участвовавшие в рейде на Датч-Харбор, и один или два легких авианосца, которые, как полагали, сейчас находятся в море. И Нимиц предупредил по радио своих командующих: «Имеются веские основания считать, что японцы могут попытаться провести атаку и оккупацию Мидуэя несмотря на недавние потери».

Адмирал Спрюэнс, придя к выводу, что его шансы перехватить корабли на северо-западе весьма невелики, начал преследование двух поврежденных крейсеров класса «Могами» и 6 июня трижды атаковал их с воздуха. Анализ донесений и фотографий, сделанных самолетами «Энтерпрайза», и допросы пленных показали, что один из крейсеров — «Микума» — был потоплен, а его близнец, крейсер «Могами», сильно поврежденный и едва держащийся на плаву, сумел уйти, сопровождаемый двумя эсминцами.

Тем же утром адмирал Кинг послал Нимицу радиограмму с поздравлениями. Она была передана открытым текстом, чтобы ее смогли принять и прочесть все корабли и станции, включая японские: «Флот, корпус морской пехоты и береговая охрана восхищены американскими моряками и солдатами, которые столь отважно и эффективно отразили наступление противника на Мидуэй, и уверены, что их товарищи по оружию и дальше будут заставлять врага понимать, что война — это ад».

Для генерала Эммонса этого оказалось достаточно. Если даже реалистично мыслящий адмирал Кинг готов признать, что победа одержана, то и Эммонс готов любезно признать, что он ошибался, подвергая сомнению стратегию адмирала Нимица. Он явился в штаб флота с четырехлитровой бутылью холодного шампанского, украшенной сине-золотой флотской ленточкой. Следом шел адъютант с двумя дюжинами бокалов. После короткой поздравительной речи Эммонс вручил бутыль Нимицу, а тот велел ее открыть и разлить.

Во время празднования кто-то (вероятно, Лейтон) высказал мысль, что и Рошфор заслужил право на нем присутствовать. Нимиц согласился, кто-то из офицеров позвонил на станцию «Гипо» и послал машину, чтобы привезти мастера криптоанализа из его подвального кабинета. Рошфор опять опоздал. Звонок из штаба застал его погруженным в работу, небритым, в помятом кителе и шлепанцах, и он так долго приводил себя в порядок, что прибыл в штаб, когда празднование уже завершилось, перейдя в совещание высокого начальства. Тем не менее

Нимиц пригласил на совещание и его, представил офицерам, с которыми Рошфор не был знаком, и сказал:

— Этот офицер заслуживает большей части похвал за победу у Мидуэя.

Смущенный Рошфор пробормотал что-то о том, что он лишь делал свою работу, и добавил, что хвалить надо не только его, но и всех на станции «Гипо». Затем он уселся в уголок и стал слушать продолжение дискуссии, прерванной его приездом. Тут ему и довелось ознакомиться с образцом чувства юмора Нимица, иногда странноватого.

Когда страх атаки на Западное побережье США уменьшился, армейские ВВС[1] начали переброску все возрастающего количества бомбардировщиков из Штатов. Едва они прилетали в Перл-Харбор, как их тут же отправляли на Мидуэй. Последняя из прибывших партий B-17 задержалась на Оаху. Штабной офицер Нимица предложил тоже отправить их на Мидуэй, потому что японцы могут вернуться для атаки. Нимиц согласился.

Генерал армейских ВВС сразу возразил, подчеркнув, что у армии на Оаху есть только эти самолеты, а у флота их здесь нет совсем. И если эти B-17 улетят, то Оаху останется беззащитным. Генерал говорил еще некоторое время, доказывая необходимость оставить бомбардировщики на Оаху. Нимиц терпеливо слушал, а потом предложил заключить сделку. «Саратога», сказал он, через час будет в Перл-Харборе, а на ней, кроме собственных самолетов, есть и партия новых. И если генерал пошлет все свои B-17 на Мидуэй, то Нимиц обещает передать под оперативное командование ВВС самолеты авианосца на все время, пока тот останется в гавани Перл-Харбора.

Услышав это, генерал просиял и согласился послать B-17 на Мидуэй. Нимиц попросил немедленно передать соответствующий приказ по телефону, что генерал и сделал.

---

[1] Вскоре после вступления США в войну американское армейское командование было разделено на армейские сухопутные силы и армейские военно-воздушные силы. Последние часто неофициально называли армейскими ВВС.

Пат Беллинджер и кое-кто из флотских офицеров наблюдали за этой сценой с легким изумлением, но промолчали, и дискуссия на различные темы продолжилась.

Минут сорок пять спустя, когда бомбардировщики уже взлетели и взяли курс на Мидуэй, генерала запоздало осенило.

— Кстати, адмирал, вы говорили, что «Саратога» придет сегодня в Перл-Харбор? — спросил он у Нимица.

— Да, мы ее ждем с минуты на минуту.

— И долго она здесь пробудет?

— Сколько понадобится на заправку, а потом снова выйдет в море и примет на борт все самолеты, — невозмутимо ответил Нимиц.

Все расхохотались, и генералу ВВС не осталось ничего иного, как кисло улыбнуться. На самом же деле (и всем это было прекрасно известно) непосредственная опасность Оаху не грозила. Японский Объединенный флот вряд ли начал бы атаку на Гавайи, предварительно не потопив или не выведя из строя «Энтерпрайз», «Хорнет» и «Саратогу» и не захватив Мидуэй. Генерала, скорее всего, встревожила перспектива остаться в ситуации, когда ему нечем командовать.

А далеко в океане, в 400 милях западнее Мидуэя, 16-е оперативное соединение в тот вечер отказалось от преследования противника и снова развернулось на восток. Среди доводов в пользу этого решения Спрюэнс указал на общую усталость экипажей и необходимость заправить эсминцы, но для офицеров в планшетной штаба была очевидной и более убедительная причина. Спрюэнс, продолжая двигаться на запад, вскоре оказался бы в пределах досягаемости бомбардировщиков на острове Уэйк. И Спрюэнс, и штаб Нимица знали, что японцы накапливали на Уэйке бомбардировщики для переброски их на Мидуэй. И при поддержке этих самолетов Ямамото мог устроить 16-у соединению засаду. То, что он затевает нечто в этом роде, стало очевидным, когда американские станции радиоперехвата уловили и передали в Перл-Харбор посланный открытым текстом призыв о помощи, который мог быть послан с тонущего

корабля, причем из точки, расположенной западнее 16-го оперативного соединения. Нимиц предупредил Спрюэнса, чтобы тот не обращал внимания на эту столь явную, последнюю и отчаянную попытку Ямамото заманить американцев в клещи своих флотов.

— Иногда подобные уловки бывают весьма очевидными, не так ли? — сказал Нимиц.

Хорошие новости 6 июня воистину стали в большой степени компенсацией за очень плохие новости. «Йорктаун», который вели на буксире в Перл-Харбор со спасательной командой на борту и эскортом из шести эсминцев, был торпедирован подлодкой. Эсминец «Хэмман», пришвартованный к борту авианосца для снабжения электроэнергией спасательных работ, был тоже торпедирован и затонул.

— Если японская подлодка смогла подойти и торпедировать «Йорктаун», окруженный пятью или шестью эсминцами как раз для того, чтобы эту подлодку не подпустить, то с тактикой наших подлодок что-то не в порядке, — с отвращением прокомментировал Нимиц.

Оставалась надежда, что авианосец, уже переживший одну торпедную атаку, переживет и вторую. Однако на следующее утро во время завтрака Нимиц лишился и этой надежды, прочитав радиограмму кэптена Бакмастера: «В результате вчерашней атаки «Йорктаун» затонул в 5:00».

Утром 8 июня штаб КТФ и станция «Гипо» получили ошеломляющий удар, прочитав присланную главнокомандующим депешу, где утверждалось, что кто-то, очевидно, дал в прессу утечку информации о перехваченном японском оперативном плане кампании по захвату Мидуэя. Их опасения подтвердились, когда в Перл-Харбор доставили экземпляр «Чикаго трибьюн» от 7 июня. На первой полосе красовалась статья длиной в целую колонку с заголовком: «На флоте знали о японском плане удара на море». Датированная «Вашингтон, 7 июня», статья начиналась так: «Как сообщили сегодня вечером надежные источники в военно-морской разведке, состав японских ударных сил, с которыми американский флот

сражался западнее острова Мидуэй в величайшей битве этой войны, был хорошо известен американскому флотскому командованию за несколько дней до начала сражения».

Далее в статье описывался порядок развертывания японских флотов, перечислялись названия главных боевых кораблей и составы эскадры вторжения, Первой и Второй авианосной ударной эскадры. Хотя в статье и не упоминался взломанный код, прочитавшие ее агенты японской разведки обязательно заподозрили бы подобную утечку и усилили бы меры криптографической безопасности. А США из-за этого могли бы потерять бесценный источник информации, сделавший американскую победу у Мидуэя возможной.

Расследование установило, что статью написал в Чикаго корреспондент «Чикаго трибьюн» Стэнли Джонстон, а его «источником» стала, разумеется, показанная ему Мортоном Селигмэном копия плана Ямамото. К счастью, ни один японский — а также немецкий или итальянский — шпион не прочел этот номер «Чикаго трибьюн», и японцы продолжали использовать код JN25, лишь время от времени что-то к нему добавляя или изменяя. Поскольку большое жюри признало, что Джонстон не нарушал законов, он не был подвергнут публичному суду — что также хорошо, потому что это неизбежно привлекло бы внимание японцев к незамеченной утечке информации. А многообещающая флотская карьера Селигмэна была погублена. Его обошли повышением в звании до кэптена, и он уволился с флота в 1944 году.

За свою победу при Мидуэе адмирал Нимиц получил поздравления со всего мира, за исключением стран Оси. Армейские и флотские офицеры, а также другие военные специалисты признали битву за Мидуэй решающей в том смысле, что она подорвала японское военное превосходство на Тихом океане, более или менее уравняв силы противников. Те, кто лучше разбирался в фактах, указывали, что самые серьезные потери Япония понесла не в авианосцах или самолетах, а в опытных пилотах. Военные аналитики предсказывали, что США вскоре сменит оборонительную тактику на наступательную.

Адмирал Нимиц делал все, что в его силах, чтобы разделить похвалы и отдать должное тем, кто это заслужил. Однако это ему не всегда удавалось. Например, адмирал Кинг отклонил его представление о награждении Джозефа Рошфора медалью за выдающуюся службу. Главнокомандующий признал ту важнейшую роль, которую криптоаналитики сыграли в недавних американских успехах, но счел ее заслугой слишком многих людей в Вашингтоне, Перл-Харборе и Мельбурне, чтобы выделять из них лишь одного. Имея перед глазами такой пример, Нимиц наверняка мысленно поблагодарил себя за то, что авансом обеспечил повышения для полковника Шеннона и кэптена Симарда. Когда Симард, на пути из Мидуэя к новому месту службы, зашел к Нимицу, адмирал поблагодарил его за то, что он отважно сражался, и, указав на новые серебряные орлы, произнес двусмысленную метафору:

— Я послал вам цветы до похорон.

С Мидуэя армейские бомбардировщики — немногочисленные B-26s и остальные B-17s — возвращались малыми группами. Адмирал Нимиц не мог встретить их всех, однако он позаботился о том, чтобы среди встречающих был его представитель, а командир каждой эскадрильи получал личные благодарственные письма от командующего для вручения каждому из летчиков. 13 июня адмирал Флетчер с частью 17-го соединения вошел в гавань Перл-Харбора, а несколько часов спустя к нему присоединился адмирал Спрюэнс с 16-м оперативным соединением. Стоящие в гавани корабли приспустили флаги, салютуя вернувшимся. Нимиц и офицеры его штаба встречали оба соединения, стоя на причале. Затем они поднимались на флагманские корабли и пожимали руки командующим и как можно большему числу офицеров и моряков, благодаря их всех от имени нации за превосходную службу.

Справедливое распределение почестей теперь стало своеобразной проблемой. Армейские летчики первыми вернулись в Перл-Харбор, где поведали представителям прессы свои версии битвы за Мидуэй. Пилоты знали,

что они сбрасывали бомбы и что вражеские корабли были повреждены и потоплены, но В-17 бомбили с такой высоты, что их экипажи были не в состоянии опознать тип корабля или отличить попадание от близкого промаха. Однако они вполне честно приписали основную заслугу себе. Правда, никто из них не признал, что «крейсер», который, судя по их рапорту, был потоплен за 15 секунд 6 июня, на самом деле был американской подлодкой «Грейлинг», совершившей из-за бомбежки срочное погружение. Все эти летчики весьма смутно сознавали, что и флот тоже участвовал в сражении. 12 июня, за день до возвращения 16-го и 17-го соединений в Перл-Харбор, в «Нью-Йорк таймс» была опубликована статья с интересным заголовком: «Армейские летчики разбомбили под Мидуэем два флота».

Адмирал Нимиц, признавая, что своей храбростью армейские летчики уже несколько компенсировали неточное бомбометание, решил не опровергать их экстравагантные претензии. Его представители лишь заявляли, что и флот внес свой вклад в победу. Уже позднее, когда ход сражения был тщательно проанализирован, Нимиц сделал заявление, в котором слегка развил эту тему: «Я даю наивысшую оценку действиям офицеров и рядовых, и не только на Мидуэе или в море, но в равной мере и тех на Оаху, кто не удостоился чести оказаться на передней линии сражения. И я с гордостью сообщаю, что совместная преданность долгу среди всех сражавшихся была настолько выражена, что, несмотря на решающую роль трех наших авианосцев, это поражение японского оружия и амбиций воистину стало победой вооруженных сил Соединенных Штатов, а не только одного военно-морского флота».

Тем не менее миф о том, что бомбардировщики В-17 выиграли битву за Мидуэй, оказался стоек и продержался некоторое время до окончания войны, когда после многочисленных допросов японских офицеров стало ясно, что все бомбы, сброшенные армейскими бомбардировщиками, упали в воду. Ни одна из 322 бомб, сброшенных с В-17, не попала в цель.

Послевоенные исследования американских и японских источников выявили следующие детали, касающиеся битвы за Мидуэй.

Базирующиеся на Мидуэе гидросамолеты «Каталины», атаковавшие японское соединение вторжения ночью 3 июня, сумели торпедировать танкер, временно замедлив его ход.

На следующее утро, 4 июня, соединение Нагумо направило в атаку на Мидуэй 108 самолетов, оставив такое же количество в резерве. Японские самолеты нанесли обороне атолла значительный ущерб и сбили большую часть оборонявших его морских истребителей.

Мидуэй контратаковал более чем 60 бомбардировщиками и торпедоносцами, выслав их не сразу, а пятью последовательными волнами. Атакующие понесли тяжелые потери, в основном из-за вертких истребителей «Зеро», но ни одна их бомба не попала в цель. Далее последовали три отдельные атаки торпедоносцев с «Хорнета», «Энтерпрайза» и «Йорктауна». Почти все эти самолеты оказались сбиты, не причинив противнику никакого ущерба.

Таким образом, соединение Нагумо осталось невредимым после восьми последовательных атак. Но удары американских самолетов не остались совершенно бесплодными. Их катастрофические неудачи снизили осторожность Нагумо, а низколетящие торпедоносцы привлекли внимание как наблюдателей на кораблях, так и взлетающих «Зеро», к низким высотам.

В 8:30 утра 4 июня контр-адмирал Тамон Ямагути, командующий 2-й дивизией авианосцев, узнав о находящемся на северо-востоке американском авианосном соединении, посоветовал Нагумо немедленно атаковать ее резервными самолетами. Нагумо отклонил его совет и принял роковое решение отложить атаку до того момента, когда он подготовит массивный и координированный удар всеми своими самолетами. Он начал заменять бомбы с контактными взрывателями, которыми были оснащены его резервные самолеты в предвидении второго налета на Мидуэй, на бронебойные бомбы и торпеды. Он

посадил на авианосец патрулировавшие вокруг эскадры истребители «Зеро», а также самолеты, вернувшиеся после первого налета на Мидуэй. Большая часть этих операций производилась во время американской атаки, и Нагумо потратил на них два часа.

Ни один специалист по военному делу, полностью оценив ситуацию, сложившуюся в районе Мидуэя на 10 часов утра 4 июня 1942 года, не предсказал бы, что у американцев есть хотя бы малейший шанс на победу. Четыре японских авианосца уже имели на взлетных палубах вооруженные, заправленные и готовые к взлету самолеты, а на нижних палубах готовились самолеты второй ударной волны. Лишь считанные американские самолеты на аэродроме Мидуэя, за исключением В-17, оставались боеспособны, а В-17 не могли поразить движущиеся корабли. Оба оперативных авианосных соединения, 16-е и 17-е, теряли свои торпедоносцы, а их бомбардировщики летели в неверном направлении.

Но затем положение американцев улучшилось. Бомбардировщики «Хорнета» продолжали лететь на юго-восток, удаляясь от противника, однако бомбардировщики «Йорктауна» развернулись и полетели следом за своими торпедоносцами, а бомбардировщики «Энтерпрайза» пошли зигзагом, как маневрирующий эсминец. Приближаясь с разных направлений, самолеты «Йорктауна» и «Энтерпрайза» появились над японским соединением одновременно, даже не подозревая друг о друге. Никакими расчетами или тренировками такой точности добиться было бы невозможно.

Последняя атака американских торпедоносцев была отбита, Нагумо наконец-то приказал начать контратаку, и его авианосцы уже разворачивались против ветра. Вооруженные и заправленные самолеты на взлетных палубах готовились взлетать, а другие самолеты в ангарах на нижних палубах вооружались и заправлялись. Снятые бомбы с контактными взрывателями все еще лежали в ангарах, ожидая возвращения в трюмы. Таким образом, соединение оказалось чрезвычайно уязвимым.

Через пять минут японская атака началась бы. Однако прежде чем самолеты взлетели, бомбардировщики «Йорктауна» и «Энтерпрайза» спикировали с высоты 15 тысяч футов и за несколько секунд изменили весь ход войны. Они сбросили бомбы, которые поразили «Сорю», «Кага» и флагманский авианосец Нагумо «Акаги», вызвав на всех трех фатальные пожары и взрывы.

Авианосец «Хирю», уйдя неповрежденным на север вместе с несколькими кораблями эскорта, поднял сперва бомбардировщики, а затем и торпедоносцы, которые отыскали и вывели из строя «Йорктаун». В 17:00 пикирующие бомбардировщики «Энтерпрайза» обнаружили «Хирю» как раз в тот момент, когда с него были готовы взлететь самолеты для удара по другим американским авианосцам. Японский авианосец получил четыре прямых попадания, которые вызвали взрывы и неконтролируемые пожары. В атаке на «Хирю» участвовали и двенадцать B-17 с Мидуэя: ни одна из их бомб не попала в цель, но одному из армейских бомбардировщиков все же удалось поразить уже пылающий корабль с бреющего полета.

По приказу Ямамото Второй японский флот отделился от соединения вторжения. Четыре его тяжелых крейсера, прикрытые двумя эсминцами, направились обстреливать Мидуэй, а большая часть оставшихся кораблей, включая два линкора и четыре тяжелых крейсера, поспешила на помощь авианосцам Нагумо. Прибыв слишком поздно, Второй флот подобрал два линкора Нагумо и большую часть остальных его кораблей, и направился в темноте на восток в поисках американцев — встречи с ними Спрюэнс избежал, временно отойдя на восток. В 2:55 ночи адмирал Ямамото, придя к выводу, что его идущие на восток корабли скорее всего станут не победителями в ночной битве, а мишенями в утренней воздушной атаке, отменил операцию по захвату Мидуэя и скомандовал общее отступление.

Группа из четырех крейсеров Второго флота, уже подходившая к Мидуэю, развернулась на обратный курс и через некоторое время заметила американскую подлодку

«Тамбор». Ошибочно предположив, что «Тамбор» выпустила торпеду, крейсера «Могами» и «Микума» совершили противоторпедный маневр, во время которого столкнулись. Два других крейсера торопливо ушли, бросив поврежденные корабли под прикрытием двух эсминцев и предоставив им выбираться самостоятельно.

К 9 часам утра 5 июня все четыре авианосца Нагумо уже ушли на дно. В то утро В-17 и бомбардировщики корпуса морской пехоты из Мидуэя атаковали «Могами» и «Микума». Все их бомбы легли мимо цели, однако пилот морской пехоты полковник Ричард Флеминг, направил свой пылающий самолет на палубу «Микуми» за орудийной башней, вызвав пожар, который привел к многочисленным жертвам и повреждениям. 6 июня, как мы уже знаем, 16-е оперативное соединение атаковало поврежденные крейсера пикирующими бомбардировщиками, потопив «Микуми» и настолько сильно повредив «Могами», что на его ремонт потребовался почти целый год.

7 июня японцы, не встречая сопротивления, начали высадку на Алеутских островах Атту и Кыска, отменив первоначальный план захвата Адаха, когда выяснилось, что неподалеку расположена секретная американская база. Во время высадки японского десанта Северо-Тихоокеанская эскадра адмирала Теобальда бесполезно бороздила море в тысяче миль от Алеутов — южнее Аляски...

Сразу после сражения 4 июня и в течение нескольких последующих дней американские самолеты и корабли обшаривали океан севернее и западнее Мидуэя, подбирая сбитых летчиков и моряков с затонувших кораблей — как японских, так и американских.

Победа обошлась американцам недешево: потоплены авианосец и эсминец, погибло 307 человек, потеряно 147 самолетов, сильно повреждены оборонительные сооружения Мидуэя и умеренно — в Датч-Харборе, а острова Атту и Кыска захвачены. Японские потери оказались меньше, чем их оценивали американцы во время войны, но достаточно тяжелыми для того, чтобы дей-

ствительно изменить ход войны на Тихом океане: потоплены четыре авианосца и тяжелый крейсер, еще один тяжелый крейсер сильно поврежден, повреждены также линкор, танкер и три эсминца, потеряны 322 самолета и 2500 человек убитыми, включая много опытных пилотов.

Охваченный первой эйфорией победы (еще до того, как была подсчитана ее цена в людских жизнях), адмирал Нимиц не смог удержаться от игры слов, составляя свое знаменитое сообщение для прессы от 6 июня: «Теперь Перл-Харбор частично отомщен. Мщение не станет полным, пока японская морская мощь не сменится бессилием. Мы уже значительно продвинулись в этом направлении. Надеюсь, вы простите нас за утверждение, что мы уже на полпути[1] к этой цели».

[1] Midway (*англ.*) — середина пути.

Глава 8

ЧЕСТЕР И КЭТРИН

Вашингтон военного времени жил в неистовом ритме. Город был наполнен всевозможными слухами, от которых негде было укрыться. Все это вскоре утомило Кэтрин Нимиц. В июне 1942 г., когда у ее дочери Мэри начались летние каникулы, она отказалась от квартиры, загрузила семейный «крайслер» и с одиннадцатилетней Мэри двинулась через всю страну в Беркли, штат Калифорния, где она и Честер провели одни из лучших лет своей совместной жизни. Дочь Нэнси, которая тогда была лишь вдвое старше Мэри, взяла отпуск в библиотеке, чтобы сопровождать мать и сменять ее за рулем.

Адмирал Кинг узнал у Кэтрин, каким маршрутом она будет следовать, и попросил сообщить, если по каким-то причинам ей придется его изменить. Следуя его инструкциям, она отмечалась во всех военно-морских частях по пути следования. Она не особенно удивилась, когда сборщик пошлины на мосту через Миссисипи, увидев ее, сказал: «Добрый вечер, миссис Нимиц! А вы раньше,

чем мы ожидали», однако на другом конце моста, в Берлингтоне, штат Айова, она даже слегка испугалась: ее ждал полицейский эскорт, чтобы проводить до гостиницы.

Миссис Нимиц и Нэнси по очереди садились за руль, а Мэри устроилась на заднем сиденье со своим семейством бумажных кукол. Рядом с ней расположился целый бродячий зверинец: коккер-спаниель Фреклс, кенар Таманьо, названный в честь знаменитого итальянского оперного певца, в небольшой клетке, а также Джон, Джек, Хелен и Гелена — маленькие зеленые черепашки, которые едва не погибли, когда машина слишком резко перескочила через какую-то яму и вода выплеснулась из банки, увлекая их за собой.

Само собой, Мэри всю дорогу не могла угомониться. Помимо всего прочего, ее пугала перспектива провести лето в Беркли, где ей, возможно, и поиграть будет не с кем. Поэтому, когда перед ними раскинулись окрестности озера Тахо, миссис Нимиц начала интересоваться, нет ли поблизости летнего лагеря для девочек. Лагерь нашелся в Стейт-Лайн, штат Невада. Он назывался Чонокис; туда Кэтрин и записала Мэри на лето. После этого она вместе с Нэнси отправилась в Беркли, где временно поселилась в отеле «Дюрант». Через некоторое время Нэнси вернулась на поезде в Вашингтон.

Кэтрин отправилась на западное побережье в первую очередь для того, чтобы быть рядом, когда Честер прилетит в Сан-Франциско для встречи с адмиралом Кингом. В последнем письме Нимиц намекнул, что очередная встреча намечается этим летом. Однако из соображений безопасности он не написал об этом напрямую. Письмо могло быть перехвачено, и для передачи секретной информации они разработали что-то вроде своего собственного языка; он состоял из отдельных нюансов и беглых упоминаний, ничего не значащих для посторонних.

Адмирал Нимиц поначалу оставлял личный состав штаба без кадровых изменений. Но к весне 1942 года офицеры, на которых лежала печать позора за Перл-Харбор, стали уступать место новым. Официально причина этих

перемен была другая (хотя, возможно, именно она и была истинной): Нимиц считал необходимым периодически брать в свой штаб офицеров прямо «с фронта», а остававшихся долгое время на берегу — наоборот, посылать в зону боевых действий, пока они не отупели от «конторской» работы. Он всегда подчеркивал, что разнообразие жизненного опыта помогает карьере офицера. В письме миссис Нимиц он по секрету сообщил третью причину. «Мой штаб,— писал он,— постепенно будет меняться. Вместо тех, кого я нашел здесь, заступив на пост, здесь появятся те, кого я выберу сам». Потом он добавил кое-что, что должно было ее заинтересовать: «Моим адъютантом будет Мерсер, как раньше».

Коммандер Престон В. Мерсер был лучшим адъютантом адмирала Нимица. Его жену тоже звали Кэтрин; они с Нимицами дружили семьями. Вскоре после того как стало известно о грядущем назначении Мерсера, Кэтрин Мерсер поселилась неподалеку, в Пьемонте. Это ничуть не удивило миссис Нимиц. Мерсер в письме к жене вскользь намекнул, что адъютанты, как правило, сопровождают своих начальников на важных конференциях. Этого оказалось достаточно, чтобы заставить миссис Мерсер поехать на Западное побережье.

Кэтрин Нимиц уведомила штаб 12-го военно-морского округа в Сан-Франциско о своем пребывании в этих местах. В конце июня вице-адмирал Джон У. Гринслейд, командующий округом, позвонил ей по телефону и спросил, не сможет ли она утром 30-го числа приехать на аэродром в Аламеду. Кэтрин тут же поняла его намек и ответила, что, конечно, сможет. Потом она позвонила Кэтрин Мерсер и такими же намеками передала ей приятную новость.

Так и случилось, что две Кэтрин встретились на аэродроме утром 30 июня. Там присутствовали также несколько офицеров, возглавляемых адмиралом Гринслейдом. Миссис Нимиц и миссис Мерсер провели в зал ожидания рядом с терминалом, к которому должен был после приземления подрулить самолет адмирала Нимица. Там их обеспечили всем необходимым и предложили горячего кофе.

Вскоре в зал вбежал взволнованный офицер и сообщил, что самолет адмирала приземлился но при этом произошел «небольшой инцидент». «Адмирала и штабных офицеров лишь слегка встряхнуло, — заверил он. — Не позволят ли леди отвезти их к амбулаторному пункту неподалеку от того места, где причалили лодки, снаряженные на помощь?» Обе Кэтрин тут же согласились. Адмирал Гринслейд и другие офицеры отправились следом в другой машине.

Поездка была короткая, но тревожная. По пути их обогнали две машины «скорой помощи» и пожарный автомобиль с включенными сиренами. Когда машины подъехали к амбулаторному пункту, оттуда вышли двое санитаров с носилками, на которых лежал человек с окровавленной головой. Миссис Нимиц узнала пациента — это был кэптен Линд Д. Маккормик из штаба ее мужа. Ее охватила паника. А остальных в этом «небольшом инциденте» «встряхнуло» так же или чуть посильнее? Впрочем, почти сразу же она и миссис Мерсер вздохнули с облегчением, увидев своих мужей, шагающих им навстречу. Форма у обоих была мокрая, адмирал был без фуражки, а коммандер сжимал в руках чемоданчик. Они тут же заключили жен в свои влажные объятия.

Самолет, четырехмоторный гидроплан Сикорского, в определенном смысле стал жертвой попутного ветра, который перенес его через залив Сан-Франциско раньше, чем нужно, и лодки, очищавшие посадочную площадку от плавающих предметов, не успели закончить работу. Когда самолет начал снижаться, никто из пассажиров даже не потрудился пристегнуть ремни безопасности. Адмирал Нимиц и кэптен Маккормик играли в карты. Коммандер Мерсер сидел у иллюминатора и охранял чемоданчик, в котором лежал отчет о действиях центрального командования Тихоокеанского флота в битве при Мидуэе. Также в салоне находились члены экипажа, в том числе двое сменных пилотов, и офицер, решивший добраться на попутном самолете до нового места службы.

Перед самым приземлением все услышали, как Мерсер сказал: «Ого!»: он увидел ящик на поверхности

воды. Почти в ту же минуту самолет налетел на плавучее бревно размером с телеграфный столб. Нос самолета взметнулся вверх, и он перевернулся, разодрав днище. Тела людей в салоне сталкивались, крушили открытые двери и запертые люки. Маккормик разбил голову и сломал несколько позвонков. Нимиц и Мерсер избежали серьезных ранений, так как сидели спиной по движению самолета. Однако адмирал все же получил несколько ушибов и был слегка контужен, а Мерсеру на живот приземлился кто-то из экипажа; после этого коммандеру несколько дней было трудно дышать.

Когда перевернутый самолет начал заполняться водой, все, кто был внутри, невзирая на переломы, ринулись к открытому грузовому люку. Когда они вскарабкались на то, что раньше было нижней стороной крыла, Мерсер обеспокоенно спросил Нимица, не ранен ли он. «Со мной все в порядке, — ответил адмирал. — Только, ради Бога, берегите ваш чемоданчик!»

К перевернутому самолету, который медленно погружался, уже спешили лодки, чтобы собрать обломки. Из салона выбраться могли все, однако спасти пилотов и членов экипажа из кабины и смежных с ней помещений было не так просто. Адмирал Нимиц отказался отправиться на берег до тех пор, пока хоть кто-то из экипажа находится внутри. Он и его товарищи по несчастью все еще стояли на крыле, промокшие и замерзшие, когда подошел спасательный катер с командой, двумя врачами и несколькими санитарами.

Медики взобрались на крыло. Врачи тут же начали осматривать тех, кто был ранен наиболее серьезно, а санитары и матросы тем временем помогали остальным перебираться в лодки. Все надо было делать очень быстро, пока самолет еще держался на плаву. Каждый раз, когда санитар накидывал Нимицу на плечи одеяло, тот отдавал его раненым.

Наконец самолет был пуст. У всех, кроме Нимица и Мерсера, были, самое меньшее, переломы. Один из пилотов погиб. Санитары пытались вежливо проводить Нимица в одну из лодок, однако он считал, что не имеет

права и шагу ступить с крыла, пока на борту самолета находится хоть один раненый. В конце концов 18-летний старшина со спасательного катера, техасец, имевший довольно слабые представления о званиях и знаках различия, повернулся к адмиралу и закричал: «Офицер, если бы вы, черт вас возьми, убрались с дороги, мы смогли бы сделать еще что-нибудь». Ни сказав ни слова, Нимиц покорно сошел в спасательный катер.

Катер начал удаляться от самолета. Нимиц, на которого наконец-то накинули одеяло, стоял на корме и следил за спасательными работами.

«А ну сядь!» — рявкнул старшина.

Когда Нимиц повиновался, матрос взглянул на рукав его униформы. Столько нашивок он не видел еще ни разу. Густо покраснев, парень попытался было извиниться.

— Так держать, матрос! — мягко сказал Нимиц.— Ты вел себя абсолютно правильно.

...После встречи с женами Нимица и Мерсера проводили в амбулаторный пункт для осмотра и обработки синяков. Врачи посоветовали им пройти обследование в военно-морском госпитале в Мэр-Айленде, куда уже отправились те, кто пострадал более серьезно. Оба тут же отказались. Их машины уже стояли у дверей. Перед отъездом адмирал навестил всех раненых, еще не увезенных в госпиталь. Адмирал Гринслейд провел Нимица с супругой до машины и попросил сесть за руль своего личного адъютанта, лейтенанта Маршалла Смита.

Миссис Нимиц была в ужасе оттого, что ее муж появится в вестибюле гостиницы в столь позорном виде. «Давай сразу зайдем в лифт,— сказала она.— Я не хочу появляться на людях с мужем, который выглядит как утопившая крыса. С тебя же вода ручьями льется!»

Они не позволили лифтеру остановить кабину, пока они не добрались до нужного этажа. Адмирал уже начал хлюпать носом, и миссис Нимиц затащила его в теплую ванну и, пока тот отмокал, послала лейтенанта Смита за сухим нижним бельем. Форма адмирала была высушена на радиаторах и проглажена горячим утюгом.

Через некоторое время позвонили из штаба 12-го военно-морского округа. Там считали, что в отеле «Дюрант» нельзя обеспечить должную безопасность командующему североамериканским Тихоокеанским флотом. В отеле «Сент-Френсис», Сан-Франциско, их ждал номер люкс. Не желает ли адмирал Нимиц с супругой переехать туда? Машину вышлют незамедлительно.

Миссис Нимиц посоветовалась с мужем. Конечно, ответил адмирал, не стоит беспокоить людей, которые так пекутся о его безопасности. Его ничуть не затруднит совершить еще один короткий переезд. Пока он одевался, Кэтрин упаковала чемоданы, не забыв положить гражданскую одежду, которую она специально привезла для него на западное побережье.

Они приехали в отель «Сент-Френсис», и специальный лифт унес их в номер. Там их ждала новость хоть неожиданная, но хорошая: приезд адмирала Кинга откладывается из-за серии экстренных встреч с генералом Маршаллом, которые займут два или три дня. Таким образом, Честер был вознагражден за свои злоключения: у него появилось время не только на то, чтобы оправиться от ушибов, но и на короткий выходной с Кэтрин.

Адмирал Нимиц почти наверняка знал, о чем пойдет речь на экстренных совещаниях,— ведь он сам принимал активное участие в предварительных переговорах. Сразу после битвы при Мидуэе генерал Макартур, отклонивший в свое время предложение Нимица о набеговой операции на Тулаги как чересчур рискованное, выступил с еще более дерзким планом. Он предложил предоставить в его распоряжение 1-ю дивизию морской пехоты и два авианосца с соответствующим прикрытием. С их помощью вкупе с уже имеющимися тремя армейскими дивизиями он рассчитывал сразу же взять приступом Новую Британию и установить контроль над Рабаулом и архипелагом Бисмарка, оттеснив таким образом японцев на 700 миль к северу, на их островную базу Трук.

Адмирала Кинга привела в ужас сама мысль о том, чтобы отправить драгоценные авианосцы и единственное на Тихом океане десантное подразделение в изрезан-

ное рифами, усыпанное неприятельскими авиабазами Соломоново море, на акваторию которого, к тому же не имелось достаточно надежных навигационных карт. Он настоял на том, что на Рабаул надо наступать через Соломоновы острова, в несколько этапов; тогда можно было бы поддерживать каждый этап вторжения бомбардировщиками и истребителями наземного базирования. «Более того, — заявил Кинг, — так как все силы вторжения (морская пехота, авианосцы, транспортные суда и большинство кораблей поддержки) будут принадлежать Тихоокеанскому флоту и силам Центрально-Тихоокеанской зоны, всей операцией на Соломоновых островах должен командовать адмирал Нимиц, а адмирал Гормли — быть его заместителем. Вклад сухопутных войск, — сказал он, — должен состоять в предоставлении гарнизонов для островов, занятых силами ВМС и морской пехоты.

Теперь пришла очередь протестовать генералу Макартуру — Соломоновы острова целиком находились в пределах его Юго-Западного сектора Тихого океана. Макартур настаивал на том, что именно он должен командовать всеми силами, действующими на его территории. В этом вопросе его поддерживал генерал Маршалл. В ответ Кинг напомнил, что верховное командование частями, дислоцирующимися в Европе, по рекомендации того же Маршалла, было возложено на армию на том основании, что большинство сил там — сухопутные. Значит, — сказал он, — поставить флотского офицера во главе предстоящей кампании на Соломоновых островах, в которой участвуют только силы флота и морской пехоты, также было бы вполне логично.

Кинг заявил, что готов начать наступление силами флота и морской пехоты, «даже если армия не сможет обеспечить никакой поддержки в юго-западной части Тихого океана». В ответ на это Макартур отправил радиограмму Маршаллу. Флот, возмущался он, пытается навязать армии вспомогательную роль, которая сводится «в основном к беспрекословному подчинению офицерам флота и морской пехоты».

Маршалл выждал несколько дней, успокоился сам и подождал, пока спадет напряженность в рядах командования. 29 июня он выслал Кингу примирительный меморандум с предложением встретиться и прийти к соглашению.

Все это и было причиной экстренных конференций, отсрочивших отъезд Кинга на западное побережье.

Вскоре после того как Нимицы поселились в отеле «Сент-Френсис», туда прибыл коммодор Рид, главный военврач округа. После предъявления документов бдительному морскому пехотинцу, который охранял двери специального лифта, ему разрешили проследовать в люкс. Он провел очередной медосмотр и подтвердил, что раны адмирала хоть и многочисленны, но не серьезны. Тем не менее капитан Рид порекомендовал при усилении боли в порезах немедленно обратиться в окружную медицинскую службу и пройти лечение диатермией. «Пока что,— сказал он,— следует соблюдать постельный режим».

У Честера и Кэтрин было гораздо больше общих интересов, чем у других супружеских пар. Им было что рассказать друг другу после шести месяцев разлуки. Они разговаривали весь день, и адмирал, казалось, забыл о своей боли (а может быть, просто не обращал на нее внимания). Однако последующую ночь он провел без сна. Порезы причиняли ему такой дискомфорт, что утром он, по совету кэптена Рида, действительно пошел в медицинскую службу и начал курс лечения диатермией. Потом он вернулся в отель и лег в постель, как ему и советовал врач.

Это был вечер 1 июля. Адмирал Нимиц лежал на кровати, и в душе его нарастало беспокойство. Внезапно он вскочил. «Я не собираюсь больше валяться в постели»,— заявил он и попросил Кэтрин принести его гражданский костюм. «Давай спустимся,— сказал он жене,— прогуляемся, поглазеем на витрины».

Так, адмирал надел костюм и под руку с Кэтрин, вышел из номера. Попросив удивленного часового посторониться, они спустились на лифте и присоединились к толпе гуляющих. Адмирала никто не узнал — обыкновенный чуть прихрамывающий мужчина, гуляющий

вдоль витрин под руку с женой. Дойдя до Калифорния-стрит, они решили подняться на фуникулере на вершину холма и навестить старых друзей — недавно ушедшего в отставку адмирала и его жену.

Фуникулер остановился неподалеку от вершины. Нимицы уже собирались выходить и тут увидели других старых друзей, которые в свою очередь собирались войти в фуникулер — коммандера Этертона Маккондри с матерью. Маккондри («самый обаятельный холостяк на свете», как его называла миссис Нимиц) был учеником адмирала, когда тот готовил офицеров запаса в Университете Калифорнии в 1920-х годах.

Мужчины пожали друг другу руки и разговорились. Миссис Нимиц была любительницей поболтать и с удовольствием поддержала разговор. Тем временем кондуктор фуникулера, которого уже начинала раздражать затянувшаяся беседа посреди улицы, вовсю звонил в звонок, требуя, чтобы Нимицы наконец сошли, а Маккондри зашли в салон.

Наконец, адмирал убрал руку с поручней фуникулера, Маккондри забрались внутрь, и вагон тронулся с места со всей скоростью, на которую только способен поднимающийся в гору сан-франциский фуникулер. Кондуктор злился в особенности на того джентльмена, что постарше, из-за которого, похоже, и произошла задержка. Он оглушительно зарычал на весь вагон: «Да кто он такой, чтобы вот так задерживать движение?!». Коммандер Маккондри чуть не расхохотался. Ему так и хотелось сказать: «Если бы вы узнали, то очень бы удивились».

В течение следующих двух дней Честер и Кэтрин шатались по городу, заходя ко всем друзьям по очереди. Честер позабыл о своих порезах и в который раз заметил, что люди и общение с ними для него — лучшее лекарство. Даже посещение госпиталя «Мэр-Айленд» не испортило их с Кэтрин хорошего настроения — там они узнали, что жертвы давешней авиакатастрофы благополучно идут на поправку.

Импровизированный отпуск Нимицев закончился вечером 3 июля. В тот день из Вашингтона прибыл адмирал

Кинг со свитой. На следующее утро должна была состояться официальная втреча, а после нее Нимиц должен был вернуться в Перл-Харбор и вновь принять на себя тяготы руководства флотом.

Покинуть наконец Вашингтон Кингу позволило поистине «соломоново» решение. Чтобы закончить противостояние генерала Макартура и флотского командования, комитет начальников штабов «выпрямил» демаркационную линию Север—Юг так, что она теперь проходила по 159-му восточному меридиану на север до экватора. Таким образом, восточные Соломоновы острова, включая Тулаги и Гуадалканал, оказывались в пределах Южно-Тихоокеанского сектора. В увеличенном таким образом секторе предполагалось силами Тихоокеанского флота под верховным командованием Нимица захватить и занять Тулаги, острова Санта-Круз и прилегающие территории. Эта операция имела кодовое название «Задача 1» и была назначена на 1 августа.

В следующую за ней «Задачу 2» входило взятие остальных Соломоновых островов и северо-восточного побережья Новой Гвинеи, включая Лаэ и Саламауа. На этом этапе верховное командование возлагалось на генерала Макартура. «Задача 3» состояла во взятии Рабаула и прилегающих районов под командованием того же Макартура.

Совещание под председательством Кинга и Нимица открылось утром 4 июля в Федеральном доме. Коммандер Мерсер появился в стильном синем костюме в белую клетку. Этот костюм вызвал у адмирала Кинга столь явное раздражение, что ко второму заседанию коммандер с женой привели в божеский вид порванную в авиакатастрофе униформу. Присутствовали контр-адмиралы Пай и Джекобс, а в начале конференции — также контр-адмирал Ричмонд Келли Тернер, бывший руководитель отдела планирования военных операций при начальнике штаба ВМС, теперь назначенный командующим в Южно-Тихоокеанском секторе силами морской пехоты. В последнем качестве он должен был руководить захватом Тулаги.

В начале заседания адмирал Кинг сформулировал и прокомментировал компромиссное решение командования по предстоящей операции на Соломоновых островах. Вдаваться в подробности плана операции на Тулаги не было необходимости — общие наметки этого плана были выработаны и утверждены Кингом и Нимицем по радио. Адмирал Тернер представил более детальный план, который был быстро одобрен. Когда стало ясно, что по поводу Тулаги сказать больше нечего, Тернер покинул совещание и отправился на самолете в Перл-Харбор и Южно-Тихоокеанский сектор для последней корректировки планов и сбора сил.

Как и большинство совещаний Кинга и Нимица, эта встреча была в основном посвящена обсуждению деталей, в то время как основные решения были, как всегда, приняты по радио. Однако Кинг взбудоражил воображение всех присутствовавших перспективами дальнейших действий. Он заявил, что после выполнения задач 1, 2 и 3 дальнейшее наступление на Японию будет осуществляться через Трук, Гуам и Сайпан.

К вечеру 5 июля, перед перерывом в конференции, из Перл-Харбора пришло сообщение. Станция «Гипо» перехватила радиодепешу, сообщавшую о высадке японского десанта в Гуадалканале. Из того, что в десанте присутствовали строительные войска, разведка заключила, что неприятель планирует постройку аэродрома на этом острове. Это шокирующее известие заставило полностью пересмотреть цели операции и придало ей повышенную срочность. От предварительного плана захвата островов Санта-Круз пришлось отказаться и приступить к разработке операции по взятию Гуадалканала. Последний необходимо было взять до того, как неприятельский аэродром будет достроен и подготовлен к использованию.

После окончания заседания адмирал Нимиц вернулся в отель «Сент-Френсис», чтобы напоследок повидаться с женой. Затем они вместе с коммандером Мерсером отправились на самолете обратно в Перл-Харбор. Кэптену Маккормику пришлось еще ненадолго остаться в госпитале.

В отсутствие мужа миссис Нимиц не сидела сложа руки. Она участвовала в учреждении и управлении новым семейным военно-морским госпиталем в Окленде. Официально это учреждение называлось «Оклендский госпиталь ВМС США», но в народе его вскоре начали называть «Дубовым Холмом». Кэтрин подключилась к проекту по просьбе начальника госпиталя. Ему требовалась помощь, так как большинство его терапевтов и хирургов были офицерами запаса, не знакомыми с флотскими традициями.

Вечерами она часто вела передачи на радио, где обсуждала поставки на фронт, проблемы Красного Креста и прочие вопросы. Она сама писала тексты передач, и директора программ вскоре поняли, что эти тексты не нуждаются в проверке и редакторской правке. Однажды в Рождество она передавала специальные поздравления в Бирму, Австралию и на Филиппины. Во время национального радиомоста, на котором она представляла Сан-Франциско, в студии внезапно раздался звонок из Нью-Йорка: «Спросите миссис Нимиц, не могла бы она помочь нам? Произошла ошибка, и нужно, чтобы кто-то занял паузу и поговорил на минуту дольше, чем было запланировано. Не могла бы миссис Нимиц?.». Она тут же согласилась и спокойно импровизировала в течение 60 секунд от имени «Нэйви Рельеф сосьети».

В этих вопросах Кэтрин была осведомлена ничуть не хуже своего мужа и других представителей командования. Она уважала их как профессионалов и мудрых руководителей, но в этом уважении не было ничего от благоговейного ужаса. Как и муж, с власть предержащими она держалась легко и непринужденно и точно так же вела себя с младшими по чину. Она управляла семейным бюджетом — не потому, что ей нравилось иметь дело с деньгами, а потому, что адмирал был слишком занят, чтобы уделять этому внимание. Их никогда не стеснял размер флотского жалованья: ни он, ни она не были любителями роскоши и не стремились копить деньги.

Несмотря на частые разлуки, вызванные службой Честера, они с Кэтрин за годы жизни вместе стали на-

столько близки, что их интересы совпадали во всем. Доходило до того, что они даже думали одинаково. Люди, близко знавшие Нимицев и восхищавшиеся умом адмирала, часто отмечали, что Кэтрин в интеллекте не уступала мужу.

Они первый раз увидели друг друга в ноябре 1911 г., за игрой в бридж. Честеру тогда было 26, и он совмещал должности командира подводной лодки «Нарвал» и командира 3-го подводного дивизиона. Тогда он получил приказ проследить за установкой дизельных двигателей на подлодке «Скипджек», которой должен был командовать в дальнейшем. Для этого он должен был, заехав по пути на бостонскую военную верфь, прибыть в речную судостроительную компанию «Фор» в Квинси, Массачусетс. Прибыв туда, он тут же наткнулся на лейтенанта Прентиса Бассета, друга со времен учебы в Военно-морской академии. Бассет, обрадовавшись встрече, настоятельно пригласил Нимица отужинать с ним и с его матерью — они жили неподалеку, в Уоллестоуне. Перед ужином он предложил Честеру навестить семью Фримэнов, жившую на той же улице. Глава семьи, мистер Ричард Фримэн, судовой маклер, пригласил их зайти попозже вечером и сыграть партию в бридж. Этот вечер изменил жизнь Честера Нимица.

Старшей дочери Фримэна, Элизабет, было около двадцати пяти, и у себя в доме она была истинной королевой. Среди ее кавалеров последнее время было много морских офицеров, которые считали, что законы вежливости обязывают их сыграть партию-другую в бридж, что было излюбленным развлечением мистера Фримэна. Младшую дочь, Кэтрин, девятнадцати лет от роду, в семье все считали ребенком, особенно Элизабет. Кэтрин в свою очередь недолюбливала морских офицеров. Воздыхатели ее старшей сестры заполонили весь дом, а Кэтрин хотелось, чтобы в доме почаще бывали и ее друзья тоже.

Если бы все шло как обычно, она бы приняла Прентиса Бассета и Честера Нимица за очередных женихов несравненной мисс Элизабет Фримэн и они бы просто сыграли вчетвером в бридж. Но судьба распорядилась

так, что Элизабет не было дома, и Кэтрин пришлось заменить ее и за чаем, и в бридже.

У Кэтрин сразу возникло ощущение, что лейтенант Нимиц не такой, как все остальные морские офицеры, бывавшие в их доме. Позже она вспоминала: «Когда мы в тот вечер сидели и пили чай, я посмотрела на молодого человека, которого привел Прентис, и поняла, что он самый красивый человек, которого я когда-либо видела. У него были кудрявые белые волосы; они были слегка длиннее, чем нужно, потому что он провел несколько недель в море и еще не успел постричься. "Какой он симпатичный, — думала я, любуясь его прекрасными голубыми глазами. — И как мило он улыбнулся, когда он поздоровался с моей мамой..."»

В тот вечер Кэтрин была просто очарована обаянием молодого офицера. «Прентис был в очень веселом настроении, — вспоминала она, — он вел непринужденную беседу и все время подшучивал над Честером, но того это ничуть не задевало. Он не обращал на шутки ни малейшего внимания».

В эти дни в Квинте находился еще один приятель Честера по Военно-морской академии, Клеренс Хинкэмп, у которого было в свое время прозвище Хейни. Он следил за подготовкой к эксплуатации подводной лодки, которой собирался командовать. Они с Честером сняли номера в грязной захудалой гостинице «Зеленый лист» (другой в Квинте не было); рестораны, в которых они обедали, были ей под стать. Учитывая эти обстоятельства, Честер был просто в восторге, получив приглашение Фримэнов, а когда он попробовал, как миссис Фримэн готовит, счастью его не было предела. Когда его в следующий раз пригласили на обед к Фримэнам, он набрался наглости и спросил, не может ли он прийти вместе с Хейни.

Честер и Хейни оказались очень веселыми собеседниками, и, видя, что они от всей души радуются возможности вкусно пообедать в уютном доме, миссис Фримэн начала часто их приглашать, поначалу только на обед, а потом и на выходные. Двум ее дочерям надолго запомнились эти визиты. Честер, Хейни, Элизабет и

Кэтрин подолгу гуляли вчетвером, играли в боулинг и иногда ездили в Бостон на спектакли «Варьете Кейта». Все говорили, что со стороны Элизабет было очень мило повсюду брать с собой младшую сестренку — талисман и дуэнью в одном лице. Элизабет полностью вошла в роль няньки — при каждом удобном случае она с плохо скрываемым удовольствием объясняла Кэтрин, что можно, а чего нельзя. Только к весне до Элизабет наконец дошло, что Честер перестал воспринимать Кэтрин только как неизбежный «довесок» к ее обществу (если он вообще ее когда-нибудь так воспринимал) и он давно уже за ней ухаживает.

К тому времени «Скипджек» и «Стерджен» были спущены на воду и уже совершали пробные выходы в море до залива Чесапик под командованием лейтенантов Нимица и Хинкэмпа. Честер влюбился в Кэтрин не на шутку и писал ей каждый день, хотя иногда у него хватало времени черкнуть лишь пару строк. Самое короткое письмо пришло в дом Фримэнов однажды в марте: «Вчера мне пришлось поплавать. Было очень, очень холодно». Вскоре пришло письмо от Хейни с объяснением. У Хэмптон-Роудс один матрос со «Скипджека» потерял равновесие, упал за борт, и его тут же подхватило течением. Догадавшись по движениям матроса, что тот не умеет плавать, лейтенант Нимиц тут же бросился в ледяную воду и поплыл к нему. Течение было сильным, матрос оказался тоже не из слабых, и Честеру пришлось бороться с ними обоими. Вскоре у него уже не осталось сил, и двух сцепившихся людей понесло в открытое море. К счастью, их заметили с линейного корабля «Норт Дакота» и отправили за ними шлюпку. Хейни уверил Фримэнов, что ледяная ванна ничуть не повредила Нимицу и что тот абсолютно здоров. За этот поступок лейтенант Нимиц был удостоен серебряной медали «За спасение утопающих», которой потом гордился всю жизнь.

Весной 1912 года Нимица пригласили прочитать в Военно-морском колледже лекцию о подводных лодках. Редко 27-летний лейтенант удостаивался такой чести. Он долго работал над текстом и наконец отправился в

Ньюпорт, штат Род-Айленд. Лекция, которую он прочитал 20 июня 1912 года, называлась «Наступательная и оборонительная тактика подводных лодок». Лекция проходила под грифом «секретно», но в декабрьском номере «Трудов Военно-морского института США» была опубликована развернутая версия доклада. Так Нимиц начал свою вторую карьеру — лектора и писателя.

Стоит отметить, что в этой лекции Нимиц предсказал, что подводные лодки станут непревзойденными рейдерами, что впоследствии подтвердилось. Он был бы удивлен и даже шокирован, узнай он тогда, что подводный флот чаще всего будет использоваться для нападения на безоружные транспорты. Как и большинство моряков того времени, он считал, что роль подлодок должна сводиться к прикрытию надводных кораблей, а также к защите гаваней и побережья. Вспоминается такой курьез: Нимиц предложил «хитрость, с помощью которой можно вынудить противника избегать определенных зон в океане и таким образом увеличивать вероятность попадания неприятельских судов в район дислокации подлодок». Разведывательные самолеты должны были «раскидать большое количество бревен, уравновешенных таким образом, чтобы они могли плавать в вертикальном положении, и раскрашенных под перископы».

Летом 1912 года подводный флот базировался в бухте Провинстауна, у оконечности полуострова Кейп-Код. Как будто по заказу, недавно женившийся Прентис Бассет был приписан к кораблю, базировавшемуся в том же районе. У них с женой был небольшой коттедж на полуострове, и они пригласили сестер Фримэн погостить у них неделю. Разумеется, приглашение было с благодарностью принято, и три пары — Честер с Кэтрин, Хейни с Элизабет и Прентис с супругой — провели вместе несколько замечательных дней. Однако Кэтрин к этому времени уже чувствовала себя взрослой, и ее выводили из себя постоянные одергивания со стороны сестры: «Кэтрин, не делай то, Кэтрин, не делай это».

В один прекрасный день все эти придирки внезапно прекратились. На борту корабля Бассета был званый

обед. Честер и Кэтрин с друзьями усадили за один стол, Элизабет и прочих — за другой. Подали вино. Тут Элизабет вскочила с места, бросилась к столу Кэтрин и сказала так, чтобы все услышали: «Не бери вино. Не смей пить вино!» Кэтрин в смущении отвернулась, а Честер поднялся со стула и посмотрел старшей сестре в глаза. «Элизабет,— сказал он спокойно,— я забочусь о твоей сестре и абсолютно не собираюсь позволять ей много пить. Но один бокал она выпьет». В этот момент между Кэтрин и ее сестрой будто что-то оборвалось; зато между Честером и Кэтрин словно бы протянулась нить. Кэтрин поняла, что с этого момента за помощью и поддержкой она будет обращаться не к отцу, матери или сестре, а к этому молодому человеку, объявившему себя ее защитником.

Вскоре после этого, 28 августа 1912 года, Честер Нимиц написал из Провинстауна в Кервилль, штат Техас, своей матери Анне Нимиц:

«Дорогая мама!

Если ты любишь меня, я хочу, чтобы ты поздравила меня с помолвкой. Мою избранницу зовут Кэтрин Б. Фримэн из Уоллестоуна, штат Массачусетс. Мы собираемся пожениться в апреле-мае 1913 года, после окончания службы на подводной лодке и перед началом службы на берегу. Я несколько раз писал тебе о Фримэнах и присылал тебе их фотографии. Почти всю зиму — с декабря по январь — я провел у них. Перед Рождеством у меня будет отпуск, я навещу тебя, и ты скажешь мне, прав я или нет. Наверно, ты скажешь, что я легкомысленный — ведь два года назад я собирался жениться на другой. Ну что я могу сказать? Два года — долгий срок, и сейчас я уже не тот легкомысленный тип, что был раньше. Не буду тебе больше рассказывать о Фримэнах — я уже много тебе писал о них раньше. Спроси Отто. Он с ними знаком. Так что, если ты хочешь, чтобы я был счастлив, ради бога, напиши Кэтрин что-нибудь ласковое. Не думай, что я совсем

уж не готов к семейной жизни. К апрелю следующего года я накоплю 1500 долларов — мне кажется, для начала этого вполне достаточно. Все, что осталось мне в наследство от дедушки, принадлежит тебе — всецело и без всяких оговорок. Я еще ничего не знаю о своей службе на берегу; не знаю даже, где она будет проходить, но меня, честно говоря, это особенно не волнует. Буду постепенно сообщать подробности. Пожалуйста, напиши, что ты думаешь о моих планах, только не забывай, что я уже не мальчик. Твой сын взрослеет и умнеет с каждым годом.

Огромный привет всей родне.
С нетерпением жду ответа.
Твой сын *Честер*».

Вскоре после этого лейтенант Нимиц, получивший звание коммандера Атлантической подводной флотилии, отправился на юг на борту «Скипджека». В походе также участвовали еще несколько лодок, в том числе «Стерджен» под командованием Хинкэмпа. Зимой флотилия базировалась у побережья Кубы. Не проходило и дня, чтобы Честер и Кэтрин не написали друг другу; с тех пор они всегда писали друг другу, когда были в разлуке. В письмах они обсуждали приготовления к свадьбе, которая должна была состояться сразу же по его возвращении. Честер вернулся в Уоллестоун 8 апреля 1913 года, и на следующий же день они поженились.

Праздновали свадьбу у Фримэнов. Весь дом был украшен нарциссами, а проводил церемонию бородатый священник-унитарий, живший напротив. Элизабет была подружкой невесты, а лейтенант Джордж Стюарт, сосед Честера по комнате в Военно-морской академии,— шафером. Все приглашенные были морскими офицерами, кроме брата Кэтрин. Он был на шесть лет ее старше и учился на горного инженера в Мичигане. О дате свадьбы стало известно в последний момент, и большинство родственников Честера не смогли приехать.

После церемонии молодожены отправились на поезде в Нью-Йорк. Для Кэтрин это путешествие было настоящим приключением — ведь до этого она только однажды выезжала за пределы Массачусетса. Приехав туда, они сняли номер на последнем этаже отеля «МакаАльпин» на Седьмой авеню, который тогда только что открылся. В тот вечер они были поражены, увидев на крыше соседнего здания напротив своего окна неоновую рекламу жевательной резинки «Ригли Сперминт». Гигантская девушка с этой рекламы подмигивала им всю ночь. «Это была просто прелесть», — вспоминала позже Кэтрин.

Нимицы сходили на несколько бродвейских шоу, но большую часть времени они просто гуляли, глазели на витрины и осматривали достопримечательности. Дело в том, что им приходилось экономить на всем: Честеру платили всего 215 долларов в месяц, и из этой суммы он регулярно посылал 25 долларов матери. Вдобавок они планировали длительное путешествие в Техас — Честер хотел познакомить молодую жену со своей семьей.

Путешествие в Техас оказалось просто ужасным. Дедушка Нимица, без сомнения, обрадовался бы приезду Кэтрин, но он умер за два года до этого. Мать Честера радушно встретила невестку, а потом, в своей скромной манере, держалась в стороне, уступив место тетушкам и дядюшкам; они же были не слишком рады девушке из Массачусетса. Они, судя по всему, хотели, чтобы Честер вернулся в родной город и женился на ком-нибудь из многочисленного клана потомков переселенцев из Фридрихсбурга. Они подолгу перешептывались между собой по-немецки, и по всему было видно, что они не очень-то рады принять янки в свою семью.

Реакция родственников для Честера была абсолютно неожиданной и ужасно его раздражала. Он уехал из Кервилля двенадцать лет назад и уже давно чувствовал себя не американским немцем, техасцем или южанином, а просто гражданином Соединенных Штатов. Родные заметили эту перемену в нем, когда как-то вечером, когда собралась вся семья, какая-то из тетушек спросила: «Честер, а если бы Север опять стал воевать с Югом, на чьей

бы стороне ты воевал?» При этом она взглянула на Кэтрин, словно бы говоря: «Вот сейчас ты поймешь, куда попала».

Кэтрин была поражена. С самого детства ее приучили к мысли о том, что Гражданская война давно окончена и былая неприязнь между Севером и Югом была чем-то давно забытым. Да и Честер навряд ли мог предположить, что кому-нибудь придет в голову задавать такие вопросы. «Что за вопрос, — ответил он, — конечно, я воевал бы на стороне Союза». Тетушку ответ вполне устроил, и она бросила на Кэтрин взгляд, который иначе как ядовитым назвать было нельзя.

Нимицы и Хенке были провинциалами с кучей предрассудков, но дураков среди них не было. Они не могли не заметить, что хотя Кэтрин и янки это — не мешает ей быть умной и симпатичной девушкой и что они с Честером друг от друга без ума. К концу визита молодоженов они отбросили предубеждения и приняли Кэтрин в семью.

Из всей семьи Нимиц Кэтрин больше всего понравилась ее свекровь Анна и мать свекрови. Бабушка Хенке приехала из Фридрихсбурга в гости к Кэтрин и Честеру в маленький домик в Кервилле, принадлежавший Анне Нимиц и ее мужу. Она оказалась очень плотной дамой небольшого роста с черными озорными глазами. Кэтрин с нетерпением ждала ее приезда, отчасти потому, что миссис Хенке в семействе Фримэн постоянно обсуждали и в голове девушки царила полная неразбериха по поводу этой таинственной особы. Еще до свадьбы Честер, рассказывая своей будущей теще о родственниках, сказал: «Моей бабушке 96 лет, и она просто замечательная». Потом он добавил: «А знаете, у меня есть дядя, который младше меня. Младшему сыну бабушки Хенке 26 лет».

Кэтрин, взглянув на миссис Хенке, никак не могла поверить, что ей девяносто шесть или хотя бы около того. Она умирала от любопытства: ей ужасно хотелось спросить бабушку, сколько же ей лет на самом деле, но она боялась, что вопрос шокирует пожилую женщину. Вдобавок миссис Хенке плохо говорила по-английски, а

Кэтрин немецкого не знала вообще. Наконец она отвела миссис Хенке в сторону и собравшись с духом, спросила: «Бабушка, сколько вам лет?». Без тени сомнения миссис Хенке ответила: «Шестьдесят девять».

Кэтрин, веселясь по поводу ошибки Честера, попыталась рассказать миссис Хенке, что ее внук рассказывал про нее, и пожилая дама смеялась до слез. В тот вечер бабушка, время от времени поглядывая то на Честера то на Кэтрин, вновь заливалась смехом, а остальные члены семьи, которые не знали, в чем дело, гадали, что же ее так веселит.

Наконец, отпуск Честера подошел к концу, и лейтенант с молодой женой возвратились в Вашингтон. Их медовый месяц закончился, по крайней мере так им казалось. Однако в некотором смысле он только начинался, потому что в Вашингтоне Честер, к своему удивлению и восторгу, получил назначение в Европу.

Командование ВМС, находясь под впечатлением от работы дизельных двигателей на подводных лодках, решило, в порядке эксперимента, оснастить дизелями несколько крупных кораблей. Однако Соединенные Штаты не владели технологией сборки и установки крупных двигателей. Эти вопросы можно было изучить только за границей, главным образом в Германии. Изучать производственные процессы должны были двое гражданских сотрудников военно-морской верфи Нью-Йорка — чертежник Альберт Клоппенберг и инженер Эрнест Дельбозе. Флотское командование посылало лейтенанта Нимица, у которого была репутация лучшего среди военных моряков специалиста по дизелям.

Сначала Нимицы отправились на завод по строительству подлодок в Нью-Лондон, где Честер получил краткий обзор последних разработок в области малых дизельных двигателей, а в мае 1913 года он и Кэтрин уже плыли в Европу на борту лайнера «Императрица Августа».

Глава 9

ВОСХОДЯЩАЯ ЗВЕЗДА

В начале июня 1913 года вся Германия начала праздновать серебряный юбилей императора Вильгельма II. Празднества должны были достигнуть кульминации 15 июня, в годовщину его восхождения на императорский трон. В Гамбурге был еще один повод для празднования, так как там на стапелях верфи «Блом и Фосс» стоял огромный военный корабль, его спуск был намечен на субботу 14 июня, как часть национального празднества. Корабль предназначался для Флота Открытого моря и носил временное название «Крейсер К». Это был линейный крейсер, столь же большой и сильно вооруженный, как и любой линейный корабль. Политики, военные и военно-морские сановники со всей Германии должны были присутствовать на спуске.

Среди десяти тысяч рабочих и наблюдателей на заводе «Блом и Фосс» было три американца — лейтенант Честер Нимиц, Эрнест Дельбоз и Альберт Клоппенберг. Миссия, которую поручило им коман-

дование американского флота по соглашению с немецким правительством, состояла в том, чтобы изучить дизельные двигатели, особенно рабочие чертежи дизелей, строившихся на этой верфи. Нимиц обнаружил, что руководители и весь персонал «Блом и Фосс» готовы к сотрудничеству, однако с немецкими офицерами он мало общался, как на верфи, так и вне ее. Они все вели себя чрезвычайно высокомерно, и большинство из них общалось с ним, неся на лицах печать глубочайшего презрения, по крайней мере пока они не узнавали, что он сам — офицер, переодетый в штатское.

Когда наступил день спуска, Нимица и его людей на церемонию не пригласили, но все же разрешили стоять позади гостей и наблюдать. Честер никогда не видел такое множество красочных парадных военных мундиров, плюмажей, зубчатых шлемов и золотых галунов. Руководил церемонией генерал Август фон Маккензен, командующий 17-м армейским корпусом. Взойдя на платформу, установленную на носу гигантского крейсера, Маккензен щелкнул каблуками и начал хвалебную речь о герое, чье имя должен был принять новый корабль. Этим героем был барон Георг фон Дерффлингер, «самый смелый и непобедимый генерал конницы Великого Курфюрста». Маккенсен выразил искреннюю надежду, что матросы и офицеры, которые будут служить на этом корабле, будут подражать великому фельдмаршалу в своей целеустремленности и упорстве. После этого, повернувшись к крейсеру, он торжественно назвал его «Дерффлингер», разбил бутылку вина о нос корабля и торжественно произнес: «О гордое творение рук человеческих! Я предаю тебя во власть твоей стихии!»

Солдаты взяли на караул, оркестр заиграл «Дойчлянд юбер аллес», и сотни офицеров одновременно вскочили и энергично отсалютовали. Это был чрезвычайно волнующий момент. Когда затихли последние звуки государственного гимна, стало слышно, как рабочие внизу выбивают опоры из-под крейсера. Затем они применили гидравлические толкатели, после чего «Дерффлингер» с глухим грохотом переместился на восемь-десять дюймов.

Давление увеличили, послышался громкий скрежет, но крейсер упрямо отказывался спускаться по стапелю. Генерал Маккензен и другие офицеры опустили руки и наконец сели. Последовало несколько мииут недоуменной тишины, нарушаемой ударами и шипением снизу. Наконец представитель «Блом и Фосс» с краской на лице объявил, что по причине отлива спуск в этот день не состоится.

После этого Нимиц, Дельбозе и Клоппенберг быстро удалились с территории верфи — гораздо раньше, чем все приглашенные военачальники. В свете надвигающейся угрозы войны все немцы были слегка на взводе. Неизвестно, что они могли бы сделать с тремя иностранцами, ставшими свидетелями их неудачи.

Через несколько дней лейтенант Нимиц с женой ненадолго съездили в Нюрнберг, чтобы Честер мог договориться о доступе на местный завод по производству дизелей. Там, по рекомендации одной из немецких теть Честера, Нимицы остановились в «Красном Петухе». Старая гостиница действительно была живописным местом, с обычаями немного странными на американский вкус. Когда Нимицы просили проводить их в ванную, их попросили надеть купальные костюмы и после этого отвели вниз по двум лестничным маршам и мимо всех гостей в фойе. «Ладно,— сказал Честер,— может быть, это очень хорошая гостиница, но мы переедем отсюда при первой же возможности». В тот же день они переместились в более космополитический «Гранд-Отель», где им удалось получить небольшую комнату под самой крышей, но с ванной.

Честер и Кэтрин вернулись в Гамбург к концу июня. Несчастный «Дерффлингер» все еще стоял на стапеле, несмотря на две попытки сдвинуть его с места. 30 числа Честер написал матери в Техас:

«Дорогая мама!

Мы снова в Гамбурге после четырехдневной поездки в Нюрнберг. Мы пробудем в Гамбурге где-то еще месяц, а потом поедем в Нюрнберг снова и ос-

танемся там дольше, чем в прошлый раз. Сейчас мы живем в "Аусcенальтере". Это замечательное место прямо в центре города. У нас две прекрасных комнаты с великолепным балконом, с которого открывается вид на красивый сад. Свободное время мы проводим на озере, ходим под парусом и на веслах.

Гамбург — замечательный город, и я полагаю, что он прекраснее, чем любой другой из виденных мной. Конечно, ни один из наших городов с ним не сравнится. Там гораздо больше садов, парков, и прочих подобных мест и невероятное количество пивных келлеров — так называются баварские пивные залы. За всю жизнь я не видел, чтобы пили так много пива. Даже маленькие девочки за завтраком выпивают по полстакана.

Нам с Кэтрин здесь очень нравится. Мы уже нахватались немецких слов. Я легко понимаю все, о чем говорят вокруг, и она тоже начинает понемногу улавливать смысл. Я никак не мог рассказать тебе обо всем, что здесь происходит, но я пошлю тебе целый альбом с изображениями тех мест, где мы бываем, чтобы ты могла сама увидеть, как тут все здорово.

Я заканчиваю. С большой любовью к тебе от нас обоих,

твой сын *Честер*».

По этому письму можно решить, что лейтенант Нимиц с женой проводили в Германии беззаботный отпуск, но на самом деле у Честера было немного времени для гребли и всех остальных развлечений. Каждое утро приблизительно в 7:30 он шел на верфь «Блом и Фосс», и редко возвращался раньше 7 вечера. 1 июля рабочие верфи наконец спустили «Дерффлингер», но Нимиц на спуске не присутствовал. Очевидно, руководство «Блом и Фосс», будучи в крайнем замешательстве, закрыло доступ к стапелю для всех, кроме основного персонала.

Перед возвращением в Нюрнберг Нимицы остановились в Аугсбурге, где Честер посетил завод, на котором шестнадцатью годами ранее Рудольф Дизель закончил

свой первый двигатель. В Аугсбурге они остановились в известной старой гостинице, где получили огромную комнату, в которой за сто лет до этого останавливался Наполеон. В интерьере ее ничто не было изменено со времен Наполеона, за исключением одного примечательного и сомнительного усовершенствования: угол огромной палаты был преобразован в ванную и туалет. Поскольку санузел был отделен от остальной части комнаты только четырехфутовой стеной, человеку оттуда открывался великолепный обзор, но ни о какой интимной обстановке не могло быть и речи.

К концу того напряженного лета лейтенант Нимиц закончил свои исследования посещением Брюгге и Киля. На торговой ярмарке в Брюгге он провел три дня, скрупулезно изучая большой дизельный двигатель новейшей конструкции, установленный на стапель-блоках, и делая пометки в блокноте. После посещения дизельного завода в Киле он завершил пребывание в Европе увеселительной поездкой с Кэтрин в Данию и южную Швецию. Затем Нимицы сели на корабль, идущий в Соединенные Штаты. Для Кэтрин обратный путь был наполнен одновременно радостным ожиданием и страданием. Она была беременна и потому счастлива, но из-за морской болезни проводила большую часть времени в каюте.

По возвращении в Штаты лейтенанту Нимицу выделили на двоих с другим офицером стол в отделе машин нью-йоркской военно-морской верфи в Бруклине. Его задача здесь состояла в том, чтобы контролировать строительство и установку двух двигателей мощностью 2600 лошадиных сил на новый танкер «Моми», корпус которого был построен на Западном побережье и отбуксирован в Нью-Йорк.

Они с Кэтрин нашли квартиру поблизости, на Вашингтон-авеню, 415,— гостиная, столовая, кухня, три спальни и ванна, за пятьдесят долларов в месяц,— и начали ее обставлять. Здесь они постоянно принимали гостей — ведь в Нью-Йорке всегда стояло несколько субмарин и по воскресеньям все молодые офицеры-под-

водники, которых Нимицы знали до брака, заходили позавтракать к Честеру и Кэтрин.

Нимицы любили принимать их, но чтобы прокормить такую толпу голодных молодых людей на лейтенантское жалование, приходилось все рассчитывать заранее. Они придумали простой план. На рынке они покупали целую баранью лопатку без костей за девяносто центов. Они приправляли ее и варили на медленном огне, затем помещали в форму для пирога, покрывали смородиновым желе и запекали до корочки.

Гости обычно прибывали рано, и Нимицы тут же находили им занятие — чистить картошку, накрывать на стол или просто помочь по дому. Однажды в воскресенье, когда Честер вынимал баранью лопатку из котелка, он уронил ее на пол. Кэтрин была в ужасе, потому что это произошло на глазах у гостей, но Честер только наколол лопатку на вилку, подержал под краном, сказав: «Что-то барашек разрезвился», и бросил в форму — печься. За ленчем она была съедена до последнего кусочка.

Завершение постройки 14 500-тонного танкера, а в особенности сборка и установка его двигателей были нелегким делом. 22 февраля 1914 года Честер был еще на службе, когда родился их первый ребенок, Кэтрин Вэнс. Когда 17 февраля 1915 года появился Честер младший, отец опять был на верфи.

Честер и Кэтрин переехали с Вашингтон авеню на Флэт-Буш. По утрам в воскресенье Честер вместе с другими папашами выводил детей в парк, пока мама готовила обед. В парке их окружали бюсты великих музыкантов — Генделя, Гайдна, Моцарта. Они всегда радовали Честера, да и других папаш с Флэт-Буш, большинство из которых были немцами или евреями и, так же как и Нимиц, были преданы музыке. Честер толкал коляску с Честером младшим перед собой, а маленькую тележку с Кэтрин Вэнс тащил за собой. Честер младший получал бутылку с молоком, а Кэтрин — крекер и уроки в ходьбе. Потом, немного позагорав и полюбовавшись окрестностями, дети отправлялись домой, где ждала мама с воскресным обедом.

К этому времени спрос на дизельные двигатели в Соединенных Штатах существенно возрос, и бизнесмены узнали, что лейтенант Нимиц, вероятно, самый квалифицированный эксперт флота Соединенных Штатов по дизелям. Компания «Буш-Зульцер Бразерз» в Сент-Луисе, первый производитель и продавец дизелей в стране, стремясь заполучить Нимица и его опыт, послала в Бруклин одного из самых отчаянных своих вербовщиков, чтобы попытаться переманить его с флота. Стоит отметить, что в то время жалование Нимица составляло 240 долларов в месяц и еще 48 долларов ему полагалось за работу в штабе. Лейтенант Уолтер С. Андерсон, который занимал соседний с Нимицем стол, рассказывает:

> «Однажды в 1915 году в наш офис вошел мужчина и представился как сотрудник компании из Сент-Луиса, пытающейся производить дизельные двигатели. По ходу разговора я понял, что у них были некоторые проблемы в этой работе. Наконец стало ясно, что они хотели попросту нанять Нимица. Конечно, это означало бы его уход с флота. Посетитель сделал Нимицу недвусмысленное предложение — двадцать пять тысяч долларов в год и пятилетний контракт. Это означало, что Нимиц получал бы эту сумму «чистыми» и не платил бы подоходный налог.
>
> Зная, насколько ценным кадром был Нимиц для флота, я был серьезно обеспокоен, но, к моему огромному облегчению, Нимиц медленно ответил: «Спасибо, я не хочу оставлять флот». Это было действительно приятно слышать. Однако разговор продолжался, и посетитель стал более настойчивым. «Во всяком случае, деньги для нас — не проблема. Назовите Вашу сумму». К этому времени я уже начал всерьез беспокоиться. Нимиц мог сказать: «Мои условия — сорок тысяч в год и десятилетний контракт». Но после краткой паузы Нимиц повторил: «Нет, я не хочу оставить флот». Человек из Сент-Луиса ушел.

Я тут же подбежал к Нимицу и сказал: «Честер, я не мог не обратить внимание на то, что происходит. Я здесь — единственный представитель флота. Вы прекрасно поступили. Слава богу, Вы отказались от этого предложения. Мы нуждаемся в Вас!»

Не стоит думать, что лейтенант Нимиц проводил все время за бумагами. Напротив, он руководил разработкой двигателей, составлением чертежей и участвовал в каждой стадии их сборки и установки, никогда не стесняясь надеть рабочий комбинезон и испачкать руки. Как-то раз, когда он стоял на одной из деревянных платформ, окружающих двигатели, подмостки внезапно обвалились. Нимиц потерял сознание и был засыпан грудой досок. В течение нескольких последующих дней он плохо себя чувствовал, но переломов не было, и он, по всей видимости, не сильно пострадал. Однако свои проблемы со спиной в старости он связывал именно с этим падением.

Поскольку сборка и установка двигателей приближалась к завершению, Нимиц был обязан часто объяснять и демонстрировать их военно-морским и гражданским инженерам. Он обычно проводил демонстрации для посетителей в повседневном обмундировании, но однажды, когда он должен был провести экскурсию для съезда инженеров, он решил, что по такому случаю ему надо надеть белую униформу. Также, чтобы не испачкать руки во время демонстрации, он надел белые холщовые перчатки.

Группа на сей раз была многочисленной, и все слушали очень внимательно. Нимиц, похожий на кинозвезду, демонстрировал работу двигателя и давал пояснения, когда один из посетителей, перебив его, спросил: «Как проверить чистоту выхлопа?» Нимиц ответил, показывая на двигатель: «Видите, вот там...»

Закончить он не успел. На прошлых демонстрациях он указывал на это место так часто, что в тот раз не потрудился даже посмотреть. Он забыл, что пальцы его перчаток были на целый дюйм длиннее его собственных пальцев. «Вот там» вращались шестерни, которые зацепили

его перчатку и втянули вслед за ней и палец. Единственное, что спасло его руку, было кольцо на пальце. Когда оно уперлось в шестерни, он смог освободить руку. Нимица, конечно, тут же увезли в госпиталь. Один молодой моряк подобрал его окровавленную перчатку. Оттуда выпал кусок искромсанного пальца, и моряк упал в обморок.

В госпитале врач очистил то, что осталось от безымянного пальца Нимица, и зашил рану. Никакой анастезии не требовалось, потому что рука совершенно онемела. После того как швы были наложены, Нимиц сказал: «Спасибо. Теперь я должен возвратиться; у меня очень много посетителей».

«Подождите,— ответил доктор,— не будем спешить».

Честер сказал, что он не закончил демонстрацию и что инженеры будут ожидать его.

«Вот что я вам скажу,— сказал доктор,— вы пойдете в эту комнату, останетесь там и если через час вы все еще захотите уйти, мы об этом поговорим». В конце часа у Честера, конечно, начался болевой шок, его рука ужасно болела, и он хотел только одного — лечь.

К середине 1916 года двигатели «Моми» были наконец собранны и установлены. 23 октября того же года танкер был передан под командование лейтенант-коммандера Генри К. Дингера. Лейтенант Нимиц не имел достаточно высокого звания, чтобы командовать таким судном, но он был назначен старшим помощником и главным инженером. Это, на его взгляд, было идеальным сочетанием. Сидя на двух стульях, он мог быть посредником между командой, пытавшейся держать палубы безупречно чистыми, и инженерами, которые то и дело оставляли на них масляные пятна.

После продолжительных испытаний и пробного плавания, в ходе которого двигатели «Моми» работали превосходно, танкер вернулся в порт на Рождество. Нимиц проводил праздник в Бруклине с Кэтрин и детьми. 28 декабря 1916 года «Моми» с сорока пятью членами экипажа на борту отбыл из Нью-Йорка на Кубу. Главная задача состояла в установке буев, ограждающих фарва-

тер в заливе Гуантанамо, глубоко вдающимся в южное побережье острова. В этом заливе планировалось разместить корабли американского Атлантического флота на время маневров. «Моми» находился в заливе, обеспечивая топливом и пресной водой корабли всех классов, от эсминцев до линейных кораблей. В этой работе были свои интересные моменты, но команду не устраивало полное отсутствие на берегах залива «свободных портов» и прочих мест отдыха.

Тем временем в Бруклине Кэтрин Нимиц планировала поездку в Техас, чтобы познакомить детей с бабушкой, приемным дедушкой и остальной частью семьи Нимицев. Она, конечно, уже много раз возила их к своим собственным родителям в близлежащий Уоллестоун. Она немного боялась длинной поездки на поезде почти через весь континент и совсем не была уверена, что ей будут рады, — она еще не забыла холодный прием, оказанный ей в прошлый раз. Наверняка она знала только то, что ей очень обрадуется свекровь, так как за то короткое время они успели очень сильно привязаться друг к другу. С тех пор они ни разу даже не переписывались напрямую, потому что Анна Нимиц, которая всю жизнь говорила, читала и писала в основном по-немецки, никогда не была уверена в своем уровне владения английским настолько, чтобы писать письма.

В Кервилле, в конце ее утомительного путешествия, Кэтрин была радушно принята родней мужа: ведь с ней приехали двое маленьких и симпатичных детей — пополнение в семье. Анна была просто в восторге от невестки и младенцев. Кэтрин позже рассказывала про их недолгую встречу: «Никто, наверное, не был более приветлив со мной, чем моя свекровь. Она была очень, очень красивая женщина, всегда тепло улыбалась и от души смеялась».

Посещение Кэтрин было рассчитано по времени так, чтобы совпасть с прибытием «Моми» на заправку Порт-Артур, штат Техас, который был только в нескольких часах пути на поезде от Кервилля. По настоянию Анны, Кэтрин оставила детей с ней и совершила поездку в

одиночестве. Их встреча с Честером была краткой. Позже, по пути на Кубу, который продолжался с 31 января по 4 февраля 1917 года, Честер написал матери что-то вроде романа. Он, в частности, писал:

«Дорогая мама!

Я надеюсь, что это письмо дойдет до тебя к твоему дню рождения, и мне жаль, что я не могу быть со своей семьей, чтобы отпраздновать этот день. Кэтрин с детьми заменят меня на празднике. Кэтрин, вероятно, давно уже написала вам всем о Порт-Артуре и о поездке. К сожалению, мы были там так недолго, что я не успел добраться до Кервилля.

Мы отчалили вчера утром, и пока все благополучно. Кэтрин сейчас, наверное, садится в поезд на Кервилль. Как бы мне хотелось быть с нею! Надеюсь, дети вели себя хорошо в ее отсутствие? Я надеюсь, что ты не слишком устала от всего этого. То что мне рассказала Кэтрин о вашей жизни, очень меня порадовало. Ты понимаешь, почему я так горжусь своим семейством

Порт-Артур, может быть, неплохое место для заправки, но это — его единственное достоинство. Москиты, даже в это время года, просто свирепствуют, и у меня искусаны шея и лодыжки. Улицы постоянно затоплены, и в течение двух или трех дней после дождя передвигаться по ним можно только на лодке. Перед самым отходом мы встретили очень хороших людей, и я знаю, что если Кэтрин когда-либо приедет туда снова, она хорошо проведет время. Она собирается остановиться в Сан-Антонио и заказать тебе подарок ко дню рождения от нас обоих: надеюсь, это тебе отчасти компенсирует мое отсутствие. Я посылаю тебе чек на двадцать пять долларов, чтобы покрыть любые непредвиденные расходы на Кэтрин и младенцев. Я не хочу, чтобы вы лишний раз тратились, так что, пожалуйста, сообщите мне, если эта сумма слишком мала.

Мы наконец около восточной оконечности Кубы, и если наши двигатели не сломаются, мы бросим якорь в заливе Гуантанамо сегодня в пять часов вечера. Там будет весь флот, и нам всем будет чем заняться. Эта поездка была неудачной для меня, поскольку у нас сломался цилиндр на правом двигателе. Нам пока удается идти на одиннадцати цилиндрах, и мы собираемся попробовать исправить сломанный.

Я надеюсь, что никто из вас не подхватил насморк. Наверное, дети из-за погоды не могут выйти на улицу несколько дней подряд. Я тебе сочувствую, они — настоящая шайка разбойников.

На этом, дорогая мама, я закончу. Большой привет отцу и Доре. Я хочу поздравить тебя с днем рождения и пожелать еще много таких же праздников. Пускай дети поцелуют тебя от меня».

К тому времени, когда «Моми» вернулась в кубинские воды, Германия, несмотря на уверения в обратном, возобновила неограниченную подводную войну. За последующие несколько недель ее подлодки потопили несколько американских торговых судов без предупреждения, не позаботясь о безопасности их команд. В ответ Соединенные Штаты 6 апреля 1917 г. объявили Германии войну.

Вскоре после этого «Моми» было приказано следовать в точку, лежащую приблизительно в 300 милях к югу от Гренландии, чтобы заправить горючим американские эсминцы, идущие к Ирландии.

Нимиц позже написал об этой операции: «Весна и начало лета в тех местах — не время для каникул. Вокруг полно айсбергов и дрейфующего льда. Ветры в основном сильные и пронизывают до кости, и море редко бывает спокойным. Вот в таких условиях и проводились первые работы по заправке в море. Тогда американский флот получил неоценимый опыт, пригодившийся в осуществлении мобильной тыловой поддержки большим флотам, которые пересекли Тихий океан в ходе Второй

Мировой войны и полностью уничтожили японский флот».

В заливе Гуантанамо «Моми» заправлял горючим небольшие корабли, не снимаясь с якоря, а большие — на ходу, пришвартовываясь к ним. Коммандер Дингер и лейтенант Нимиц раньше уже обсуждали преимущества дозаправки на ходу. Вскоре они убедились, что это действительно имеет практический смысл. Пока «Моми» находился в ремонте, офицеры изучали схемы палубы эсминцев, на которых было показано местоположение топливных клапанов, полуклюзов, битенгов и подкреплений корпуса. Они разработали буксирные устройства и составили планы дозаправки на ходу, которые они передали на все эсминцы.

Первыми судами, прошедшими дозаправку на ходу, были шесть эсминцев 8-го дивизиона под командованием Джозефа К. Тоссига. Это были первые корабли американского флота, отправленные за океан для участия в Первой Мировой войне. Выйдя из Бостона 24 апреля, они на протяжении всего пути попадали в шторма. При таких погодных условиях «Моми» не мог осуществлять дозаправку двух эсминцев одновременно на скорости 10 узлов, как было запланировано ранее. Пришлось заправлять эсминцы по одному, пришвартовываясь с подветренной стороны на скорости 5 узлов. Несмотря ни на что, 8-го дивизион завершил заправку менее чем за сутки и поспешил в ирландский Куинстаун. Корабли достигли пункта назначения 4 мая и вскоре начали противолодочное патрулирование. К июлю 1917 года в Куинстауне было уже тридцать четыре американских эсминца, дозаправленные «Моми» в открытом океане.

Из-за наращивания американского флота в военное время «Моми», как и другие военные корабли, был лишен большей части своего экипажа, опытные моряки должны были обучать новичков. К концу 1917 года на борту «Моми» остались лишь несколько человек из старой команды, способных обучить новых членов экипажа обслуживанию больших дизельных двигателей. Двигатели, несмотря на принимаемые меры, изнашивались слиш-

ком быстро. Новые люди не могли поддерживать их в рабочем состоянии, и дизеля постепенно пришли в негодность. Наконец «Моми» был переведен в резерв и отбуксирован на филадельфийскую судоверфь. После Первой Мировой войны дизели танкера были заменены традиционной паровой машиной. «Моми» обслуживал американский флот в течение всей Второй Мировой войны, а затем был передан Народному флоту Китая, где получил название «О-Мет».

Среди членов команды «Моми», переведенных на берег, был и Нимиц, получивший звание лейтенант-коммандера. 10 августа 1917 года он был назначен техническим помощником кэптена Сэмюэля С. Робисона, командующего подводными силами Атлантического флота. Новое назначение оказалось в некотором отношении наиболее удачной ступенью в карьере Нимица, поскольку в лице Робисона он приобрел мудрого советчика, влиятельного покровителя и верного друга. Под влиянием старшего товарища Нимиц оставил карьеру военного инженера, которая могла завести в тупик, и вступил на должностную лестницу, ведущую к верховному командованию. С этого момента он больше интересовался людьми, чем машинами, больше организацией производства, чем сборкой и обслуживанием, и так он нашел свое истинное призвание.

Главной задачей кэптена Робисона была подготовка молодого американского подводного флота к походу через Атлантику для совместных военных действий с союзниками. В конце 1917 года он вместе с Нимицем приступил к службе на базе подлодок в Нью-Лондоне, штат Коннектикут. Штаб находился на старом крейсере «Чикаго», стоявшем тогда на якоре у Государственного пирса. Чтобы быть рядом с Честером, Кэтрин с детьми переехали в Нью-Хейвен. Их воссоединение было кратким, так как в феврале 1918 года Робисон, уже в чине контрадмирала, отбыл в Европу, взяв с собой лейтенант-коммандера Нимица в качестве начальника штаба.

Робисон и Нимиц вместе совершили поездку по британским морским базам и верфям, уделяя особое внимание знаменитым заводам по производству подлодок в

Барроу на Ирландском море. Эта поездка была на редкость скучной для двух таких компанейских людей. В Белфасте, на противоположной стороне Ирландского моря, они однажды вечером обедали в ресторане и увидели группу молодых американских и британских офицеров-подводников за столиком в противоположной стороне зала.

Лицо адмирала Робисона тут же прояснилось. «Пойдем поговорим с теми молодыми офицерами», — сказал он и, прежде чем Нимиц мог остановить его, пошел через зал. Как только он с улыбкой приблизился к их столу, офицеры подняли глаза, заметили его знаки отличия, вскочили на ноги так резко, что стулья разлетелись в разные стороны, и мгновенно выбежали из зала. Нимицу показалось, что двое даже выпрыгнул в окно. Робисон, чувствуя себя полным идиотом, так и остался стоять на месте. «По-моему, это было не очень вежливо», — сказал он Нимицу.

«Адмирал, — сказал Нимиц, — они в самоволке. Они вас испугались». Он напомнил Робисону, что Ирландия находилась на грани восстания против британского правительства и офицеры срочной службы не имели права покидать часть. «Они не имеют права находиться в Белфасте, — объяснил он, — это против правил».

Робисон и Нимиц добрались до Средиземного моря, чтобы осмотреть французские противолодочные средства. Однако большую часть времени они провели в Скапа-Флоу. Там, на Оркнейских островах, к северу от Шотландии, стоял на якоре британский флот, а также американские дредноуты «Нью-Йорк», «Вайоминг», «Флорида» и «Делавэр» под командованием контр-адмирала ВМС США Хью Родмана, из 6-й боевой эскадры. С тех пор как Родман, грубый уроженец Кентукки, в конце 1917 года прибыл в Скапа-Флоу, он успел стать чем-то вроде местной легенды. По прибытии он прочитал небольшую скромную речь, тщательно подготовленную для него Военно-морским департаментом. Он предоставил себя, своих людей и суда в полное распоряжение адмирала сэра Дэвида Битти, главнокомандующего

Гранд-Флитом. Адмирал Битти ответил: «С сегодняшнего дня начинается новая эпоха в истории Англии и Америки!» Родман, который был одним из худших гардемаринов Военно-морской академии выпуска 1880 года, тогда несколько подпортил торжественность случая, заметив: «Знаете, адмирал, я не очень верю в документы. Всякий раз, когда Вы хотите что-то довести до моего сведения, зайдите ко мне».

Хотя Робисон и Нимиц имели неофициальные встречи с Родманом, Битти и другими офицерами Гранд-Флита, их главным делом здесь, как и во всех других местах, были субмарины и подводники. Они проводили многочисленные беседы с командирами подводных лодок, делали записи об особенностях их тактики, методов атак и уклонения от ударов с поверхности. Они осмотрели британские субмарины всех типов, включая тяжелые лодки типа «К» с паротурбинными установками, предназначенные для действий в составе Гранд-Флита. Самая крупная из них называлась М-1. Это был настоящий монстр с 12-дюймовым орудием. Командир М-1, в чине коммандера, рассказал об ужасной проблеме. Она состояла в том, что что при такой конструкции было очень сложно закрыть все герметичные люки перед погружением. Он не имел ни малейшего понятия, почему такая лодка вообще была построена, но слышал, что была идея использовать ее для обстрела бельгийского побережья.

Робисон и Нимиц собрали огромное количество информации и идей, которые могли быть использованы на американских подлодках, но прежде, чем американские субмарины могли внести какой-либо существенный вклад в победу, война уже закончилась, и альянс Робисон—Нимиц распался. Расставаясь со своим начальником штаба, адмирал проследил, чтобы Нимиц получил благодарственное письмо от морского министра за «примерную службу».

В течение осени и зимы 1918–1919 года лейтенант-коммандер Нимиц служил в аппарате руководителя военно-морских операций в специальной должности председателя совета по проектированию подводных лодок.

Это назначение сопровождалось годовой службой в должности старшего помощника на линейном корабле «Саут Кэролайн», на котором он совершил два похода в Европу, доставляя обратно американских солдат. Для молодого перспективного офицера это был превосходный вариант — шесть месяцев в Вашингтоне, где его способности могли быть замечены верховным командованием, а затем — год службы на море, необходимый для его карьеры.

Странствующее семейство Честера присоединилось к нему в Вашингтоне и провело с ним День благодарения и Рождество 1918 года. Ему было очень тяжело без них весь последующий год, особенно когда Кэтрин 13 сентября 1919 года подарила ему еще одну дочь. Они назвали ее Анной в честь бабушки, но очень скоро выяснилось, что маленькая Анна, активная, любознательная и напористая, ничем не была похожа на нежную застенчивую женщину, в честь которой ее назвали. Поэтому в семье ее прозвали Нэнси, и под этим именем ее все и знали с тех пор.

Честер получил от матери носки, которые она специально связала для него. Они были ему не совсем по размеру, но все равно ничто не было столь же приятно для него. 18 ноября 1919 года, находясь на борту «Саут Кэролайн» на норфолкской военно-морской верфи, он написал ей:

> «Сегодня я получил твое письмо и три пары замечательных носков. Я немедленно сел, снял ботинки и надел черные носки. Они самые удобные и замечательно мне подходят. Спасибо тебе огромное, мама; поверь мне, они — самый подходящий подарок из всего, что ты могла прислать мне. Я очень люблю черные носки и могу носить их и летом, и зимой. Если ты еще будешь вязать их для меня, то, наверное, стоит делать их чуть побольше, так как они могут сесть при стирке.
>
> Я удивлен, что распоряжения Отто не появились в газетах. Я уверен, что он на пути домой, и мне кажется, что он может все же успеть ко Дню благодарения, а на Рождество — уже наверняка. Я

бы хотел, чтобы на праздниках собралась вся семья, но боюсь, что в это Рождество ничего не выйдет. Но я знаю, что мы как-нибудь очень скоро все равно соберемся на Рождество.

Из школы пришлось забрать не Честера младшего, а маленькую Кэтрин — из-за ее глаз. С Честером все в порядке, вот только простужается легко. Что до Кэтрин, то я уверен, что ее глаза будут здоровы самое большее через год. Мой бронхит наконец прекратился, и я чувствую себя замечательно. Единственное, что теперь меня расстраивает,— то, что поблизости абсолютно невозможно снять даже две комнаты с ванной, куда бы могла приезжать Кэтрин с детьми, чтобы повидаться со мной. Как жалко, что я никуда не могу деться с этой войны и она не может меня навестить. Даже если бы я постоянно уходил в море, это было бы легче — тогда, по крайней мере, разлуки не были бы такими неожиданными.

Адмирал Робисон, у которого я служил начальником штаба в отделе обслуживания подлодок, теперь — начальник бостонской военно-морской судоверфи, и он предложил мне стать его помощником по производственным вопросам, что бы это ни означало. Я сказал ему, что я с радостью приеду, если он сможет заставить Бюро навигации командировать меня туда. Я не получал от него никаких вестей с моего вступления в должность. Если я буду там работать, то я получу маленький домик на верфи и могу по крайней мере встречаться с женой и детьми рядом с работой. Если я действительно буду там работать, я могу сделать так, чтобы ко мне в гости приехал дедушка — это бы меня очень порадовало. А вам с папой разве не хотелось бы поехать по Мэлори-Лайн? Мы от всей души надеемся, что адмиралу Робисону удастся переправить мои документы на бостонскую верфь. Передай Доре, что она может приехать в любой момент, когда у нее будет время. Я ужасно рад, что школа ей нравится.

Льда у нас здесь пока нет, но уже была пара очень холодных и неприятных дней. Сейчас здесь тепло и приятно. Народу по-прежнему не хватает — где нужна тысяча людей, у нас только двести. Вместо одного дела каждый делает все пять.

Я знаю, что если бы Кэтрин и дети были здесь, присоединились бы ко мне и пожелали бы всего самого лучшего. Я, скорее всего, увижу их на День благодарения. Надеюсь, что у вас всех все хорошо и что Отто скоро приедет.

С самой нежной любовью,
Честер».

В Бостон Нимица не перевели. Вместо этого Военно-морской департамент дал ему одно из самых важных заданий в его карьере. В июне 1920 года ему было приказано построить базу подводных лодок в Перл-Харборе, используя материалы, предназначавшиеся для Первой Мировой войны. Для 35-летнего лейтенант-коммандера это было настоящим событием.

Вначале у Нимица только и было, что карта района и четверо главных старшин, готовых выполнять его приказания. Старшины, как и все, кто когда-либо служил под началом у Нимица, очень скоро стали искренне преданны ему, благодаря чему их усилия удвоились.

На базе, помимо прочего нужно было оборудовать механический цех и целый литейный завод. Материалы пришлось собирать по четырем верфям Восточного побережья. Нимиц, несмотря на то что имел на руках соответствующие документы, столкнулся со значительным сопротивлением со стороны начальников и офицеров, которые отказывались признавать лишним то, что могли хоть как-то использовать сами. Они ничуть не стеснялись лишний раз придраться к простому лейтенант-коммандеру.

Нимиц обошел этот тупик благодаря своему умению убеждать, которое его всегда отличало, а его старшины сделали все остальное. Заводя дружбу с местными старшинами и мичманами, они умудрялись вывезти — ино-

гда даже на грузовике под покровом ночи — материалы, в которых официально Нимицу было отказано. Обычно «ограбление» проходило настолько гладко, что командиры замечали это (если вообще замечали) только тогда, когда оборудование давно уже стояло в Перл-Харборе.

Позже Честер любил говорить, что база в Перл-Харборе была построена в основном из украденных материалов. Это не совсем так, потому что оборудование, несмотря на перемещение, оставалось собственностью американского правительства. Никто не заявлял о краже, потому что всем «пострадавшим» командирам приходилось иной раз участвовать в таком «внутреннем» воровстве, и они поневоле восхищались той ловкостью и непринужденностью, с которой Нимиц и его старшины тянули то, что им было нужно, причем на абсолютно законном основании. Всем пришлось признать, что кража целой военно-морской базы из-под носа ее хранителей была настоящим шедевром воровского искусства.

Собранный багаж Нимицев был отвезен на грузовике к Хэмптон-Роуд и погружен на борт судна для долгого пути через Панамский канал и Тихий океан в Перл-Харбор. Семья Нимица двигалась более прямым путем — через всю страну и от Западного побережья пассажирским лайнером. Первое впечатление Честера от базы было далеко не обнадеживающим. Полуостров, выдающийся в юго-восточный залив Перл-Харбора, весь зарос кактусами, некоторые из которых были целых двенадцать футов в высоту. Там, где заканчивались кактусы, начинались плотные джунгли. Единственными признаками жизни были несколько пирсов около устья залива. Новая верфь, даже по тем временам была довольно примитивной.

Вскоре начали прибывать оборудование и персонал. Крейсер «Чикаго», на котором Честер квартировал некоторое время в Нью-Лондоне, встал на якорь у берега полуострова. Теперь он должн был служить жилищем для молодых офицеров. Старым крейсером когда-то командовал прославленный Альфред Тайер Мэхэн, но Нимиц ничуть не гордился тем, что его назначили командиром этого корабля: двигатели давно бездействовали, а

винты вообще отсутствовали. Остальной личный состав поселили в бараках, привезенных в демонтированном виде из Европы. Для себя и своей семьи Нимиц арендовал большой старый дом в Миноа-Вэлли.

Старшины предвидели проблемы с передвижением своего командира от дома до места строительства базы. При сборе материалов в Соединенных Штатах они втихомолку забрали служебный автомобиль одного командира базы прямо из-под окон его кабинета и, не сообщив об этом Нимицу, отправили его вместе со всей остальной техникой. Когда автомобиль прибыл в Перл-Харбор, Честер был удивлен и потребовал объяснений. Узнав «ужасную правду», он конфиденциально сделал выговор чрезмерно рьяным старшинам, но решил не подавать рапорт. В конце концов, адмиралу легче получить новый автомобиль, чем лейтенант-коммандеру — убедить власти выслать автомобиль для личных целей на остров в середине Тихого океана. Нимицу, как и предполагали старшины, действительно нужен был транспорт.

Даже просто очистка участка под базу оказалась задачей не из легких. Справиться с одним кактусом можно было только вчетвером. Нужно было обломать ветви цепями и отломить их, затем рубить ствол топорами. Кактусы поменьше можно было срубить мачете, но это была тяжелая утомительная работа. Она была настолько неприятной, что Нимиц использовал ее как наказание. Всякий получивший взыскание должен был вырубить кактусы на площади двадцать квадратных футов.

Собственно в постройке базы Нимицу, конечно, помогали инженеры-строители. Однако он все равно нес полную ответственность как командир, а это включало способность к прогнозированию и координирование всех действий. В конце года строительство базы было закончено, и Нимиц остался ее начальником. Сидя в своем новом кабинете, он и не предполагал, что двадцать лет спустя он вернется на то же самое место как командующий Тихоокеанского флота.

По совместительству Нимиц был командиром 14-го дивизиона подводных лодок. Снова, как раньше в Брук-

лине, Нимицы оказывали гостеприимство легиону молодых офицеров-подводников. Гостеприимный большой дом в Миноа-Вэлли скоро стал чем-то вроде местной легенды.

У Нимица на всю жизнь сохранились приятные воспоминания о первом пребывании в Перл-Харборе. Он работал там так же усердно, как и всю свою жизнь, успешно поборол все трудности и оставил после себя достроенную базу. Не менее важным для него было то, что в течение довольно продолжительного периода у него был настоящий дом, где он мог принять друзей и просто побыть с семьей.

Нэнси была все еще совсем маленькой, но Чету и маленькой Кэтрин уже скоро надо было идти в школу. Коммандер Нимиц или миссис Нимиц каждый вечер читали им перед сном. Однажды, когда у обоих старших детей была ветрянка, Нимиц сидел на краю кровати и долго читал им. Так он помог им забыть про мучавший их зуд, но они потом никогда не забывали, как он читал. «Я помню, как тогда в Гонолулу мой отец сидел на стуле с прямой спинкой в зале рядом с нашими двумя комнатами на первом этаже и читал нам «Робинзона Крузо», — вспоминала спустя годы Кэтрин. — Он прочитал всю книгу от начала до конца. Другой книгой, которую он тогда пробовал почитать нам, было адаптированное издание «Синей Птицы» Метерлинка, которое послала нам наша тетя из Кембриджа. И он дочитал ее только до половины, нет, даже меньше, чем до половины, — больше он не смог выдержать. Теперь, когда я выросла, я понимаю, что у него был безупречный вкус. Я и сама Метерлинка терпеть не могу».

В конце весны 1922 года коммандер Нимиц получил новое предписание. Он был ужасно рад, поскольку там было сказано, что он должен пройти обучение в Военно-морском колледже. Военный колледж, как Честеру было очень хорошо известно, был важной ступенькой на пути к верховному командованию.

Глава 10

ТАКТИК И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Путь семейства Нимиц от Гонолулу до Ньюпорта был чем-то вроде одиссеи, которая для коммандера Нимица стала настоящими каникулами. Вся семья — большой и маленький Честеры, большая и маленькая Кэтрин, малышка Нэнси и Полли, маленький бостонский бульдог, заняли двухкомнатную каюту с ванной на транспорте «Аргонна» и со всеми удобствами плыли в Сан-Франциско.

По предложению Департамента ВМС Нимицы остались на «Аргонне» на два месяца, пока она проходила капремонт на верфи острова Мэр. Эта неожиданная остановка послужила замечательной передышкой для всех и вдобавок позволила им провести весну 1922 года неподалеку от Сан-Франциско, где жили многие их друзья. В течение этого периода Честер младший носил настоящую матросскую форму, и каждый раз, когда он шел на берег, вахтенные матросы в шутку подвергали его осмотру. Время от времени матросы отправляли его назад — устранить какое-нибудь несоответствие ус-

таву, например, завязать галстук надлежащим образом. Честер старший поддерживал себя в хорошей физической форме, совершая долгие прогулки и играя в теннис и гольф.

Когда «Аргонна» снова отправилась в путь к Восточному побережью через Панамский канал, на борту было еще несколько морских офицеров с семьями в качестве пассажиров. Большинство офицеров направлялось в Военно-морской колледж. Переход был долгим, и было много времени для чтения, бесед и неисчислимых партий в криббедж, который стал одним из любимых развлечений Нимица.

Когда «Аргонна» в конце концов достигла Ньюпорта, их уже ждала миссис Фримэн. Она тут же отвезла их на машине в Уоллестоун. Коммандер Нимиц скоро возвратился в Ньюпорт с великой миссией — найти дом. Для мужчины с тремя маленькими детьми и собакой это удалось ему на удивление легко. Он арендовал большой старый дом, где было целых восемь спален, буфетная, судомойня и кухня с такими большими плитами, что на них можно было приготовить обед на целый отель.

Семейство Нимицев замечательно провело лето в трехэтажном жилище с просторным двором. Однако когда наступила холодная погода, оказалось, что дом был изначально построен только для летних каникул и на скорую руку приспособлен к зимнему сезону. Печь отапливала только три спальни, и она была слишком маленькая для такого огромного здания. При холодной погоде третий этаж и большая часть остального дома были непригодны для жилья.

Из-за забастовки той зимой было мало угля, и его продавали только партиями по полтонны. Весь уголь, который можно было купить, был мягким и сильно крошился. Когда такой уголь кидали в печь или кухонную плиту, образовывалось облако черной пыли, которое в любой момент могло вызвать взрыв. Взрывов не случилось, зато пыль оседала по всему дому, на мебели и на всех его обитателях. Запасы угля постоянно кончались, так как для печи и плиты требовалось полтонны в месяц.

В холодной пыльной атмосфере дети переболели всеми детскими болезнями, которых у них еще не было, а Честер младший как-то раз слег с таким серьезным бронхитом, что ему было тяжело кашлять, и мать не на шутку за него испугалась. Миссис Нимиц и дети всю жизнь с ужасом вспоминали зиму, проведенную в Ньюпорте, в «кошмарной громадине».

Честер старший, напротив, всегда хранил память о его службе в Ньюпорте как об «одном из самых важных назначений» в его карьере. Безусловно, он вместе с Кэтрин волновался о больных детях, и он всегда, когда мог, участвовал в ведении домашнего хозяйства, но в основном его ум был поглощен занятиями. Он проводил в Военном колледже большую часть своего времени, посещая занятия, участвуя в военных играх, или, спрятавшись в отведенной ему каморке, читал конспекты или работал над диссертацией. Вечером он погружался в книги, читая (как всегда быстро) работы по тактике и стратегии, военной и военно-морской истории и биографии военачальников. Потом он всегда говорил, что одиннадцать месяцев в Ньюпорте подготовили его к руководящей работе больше, чем все годы службы. В письме, написанном приблизительно сорок лет спустя вице-адмиралу Чарльзу Л. Мельсону, президенту Военно-морского колледжа, он рассказывал о том, как занимался тогда:

> «Врагом в наших военных играх всегда была Япония, и наши занятия были настолько тщательными, что ничего из того, что случилось в Тихом океане после начала Второй Мировой войны, не было для нас странным или неожиданным. От каждого слушателя требовалось спланировать тыловую поддержку наступления через Тихий океан — и мы были хорошо готовы к тем невероятным усилиям, которые потребовались тылу для поддержки военных действий. Я считаю, что все успехи, которых я добился в стратегии и тактике, в мирное время и на войне, — заслуга Военно-морского колледжа».

Возможно, Нимиц, растроганный теплыми воспоминаниями прошлого, немного преувеличил, но в основном сказанное в письме — правда. Очевидно, что благодаря его занятиям в Колледже ему удалось собрать в систему все знания, полученные за долгие годы из специальной литературы, и что они также дали ему превосходное знание географии и стратегических и логистических проблем войны на Тихом океане.

Диссертация коммандера Нимица, над которой он так старательно трудился, была посвящена Ютландскому бою — последнему крупному сражению между крупными надводными кораблями, происшедшему на Северном море в 1916 году. В этом сражении участвовало 250 кораблей британского Гранд-Флита и германского Флота Открытого моря. Ютландским боем интересовался не только Нимиц. После Первой Мировой войны это сражение тщательно изучалось морскими офицерами всех стран, так как бытовало ошибочное мнение, что это — образец будущих сражений в море.

Особенно привлекала внимание исследователей экстраординарная сложность британских боевых порядков и трудности, возникавшие при маневрах. В походном порядке боевой флот адмирала Джона Джеллико состоял из двадцати четырех линейных кораблей в шести кильватерных колоннах на траверзе друг у друга. При этом каждая пара колонн находилась под прикрытием эсминцев для защиты от субмарин. Ряды крейсеров и эсминцев растягивались на двадцать миль в поисках надводных сил противника. Даже для того, чтобы просто развернуть такое множество кораблей, требовалось много сложных вычислений и весь набор сигналов. Развертывание линейных кораблей в единую колонну для сражения было безумно сложной задачей в плане распределения операций по времени и согласования направления движения судов и справедливо считалось решающим маневром в ходе любого крупномасштабного морского сражения. Один офицер, описывавший развертывание сил в ходе Ютландского боя говорил, что «там кораблями управляли так, как до этого никто на флоте и не мечтал».

Корабли противоборствующих флотов время от времени буквально набрасывались друг на друга со скоростью экспресса в дыму и тумане, и искусные маневры — это все, что Джеллико мог сделать, чтобы избежать аварий, уклониться от торпед и держать врага в поле зрения. Что действительно было нужно утомленному адмиралу, так это более высокий уровень разведки, более своевременные сообщения о действиях противника и большее количество зорких глаз; всего этого сильно недоставало в его флотилии легких крейсеров. Благодаря всем тяготам этого сражения командование Британского флота Его Величества осознало необходимость создания авианосца. На американском флоте признали рациональность идеи и последовали примеру англичан, переделав угольщик в небольшой авианосец «Лэнгли», который был введен в строй в 1922 году.

Вскоре стало очевидно, что авианосец с самолетами — не только превосходное средство разведки, но и мощное средство нападения. Летчики генерала Билли Митчелла доказали это уже в 1921 году, разбомбив и утопив бывший немецкий линейный корабль «Остфрисланд» во время учений у мыса Вирджиния. Безусловно, большинство морских офицеров насмехались над демонстрацией Митчелла, указывая, что «Остфрисланд» стоял на якоре без охранения, без экипажа на борту и был абсолютно беззащитен. Однако немало было и таких, кто заключил, что такой класс судов, как линейный корабль, устарел. Даже те, кто резко осуждал эту точку зрения, должны были признать, что защита линейных кораблей от атаки с воздуха, а также от подводного нападения, представляла серьезную проблему. Видимо, для этого требовалось создать заслон из множества крейсеров, эсминцев, а теперь еще и авианосцев, более сложных и крупных, чем те, что использовались в Ютландском бое.

Среди офицеров, отправивших линейный корабль «на свалку истории», был контр-адмирал Уильям С. Симс. Он был ректором Военно-морского колледжа, когда Честер Нимиц прибыл туда в 1922 году в качестве слушателя. Начав службу в Ньюпорте, Симс продолжал

вести себя так же, как и до этого,— постоянно сердил своих сослуживцев тем, что часто бывал прав, и всегда во всеуслышание обсуждал ошибки других. Еще до того как Митчелл потопил «Остфрисланд», Симс использовал авианосцы в оперативно-штабных играх в Колледже. В этих играх он старался продемонстрировать, хотя бы для собственного удовольствия, что именно авианосцы станут главенствовать в иерархии боевых кораблей, заменив линейные корабли. Так должно было случиться хотя бы потому, что радиус действия самолетов авианосца был гораздо больше дальности стрельбы орудий любого линейного корабля. Симс, как всегда значительно опередив современников, предвидел морские сражения, в которых противоборствующие флоты, находясь вне поля зрения друг друга, находясь за сотни миль, нападали и контратаковали бы только с помощью самолетов.

Не все офицеры в Военном колледже соглашались с симсовской интерпретацией оперативно-штабных игр. Некоторые из них, безраздельно преданные идее линейного корабля как властителя морских битв, не могли согласиться с тем, что мощный дредноут когда-нибудь можно будет заменить чем-нибудь столь новым и столь хрупким на вид. Нимиц не оставил нам никаких записей о своей собственной реакции в то время, но, судя по тому как он вел себя впоследствии, он, по крайней мере, был готов к восприятию нового и желал работать над этим вопросом дальше.

Благодаря оперативно-штабным играм в Колледже было найдено также решение проблемы громоздких боевых порядков. На этом поприще новатором был командер Роско К. Макфолл, однокашник Нимица по Военному колледжу и по Военно-морской академии. Однажды, расставляя фигурки обозначавшие корабли, по доске для одной из оперативно-штабных игр, Макфолл поместил крейсера и эсминцы охранения концентрическими кругами вокруг линейных кораблей. Очевидные преимущества такой расстановки сил состояли в том, что она позволяла концентрировать зенитный огонь и что направление движения всего порядка могло

быть изменено простым сигналом поворота, так как все корабли могли поворачивать одновременно. Эксперименты показали, кроме того, что развертывание в колонну было намного проще и быстрее осуществить из кругового ордера, чем из прямоугольного, когда эшелоны кораблей охранения вытягиваются вперед подобно антеннам. Нимиц позже вспоминал: «Мы все были поражены преимуществами, которые давал круговой ордер». Однако именно Нимицу выпал жребий внедрить это новшество на флоте.

Это произошло потому, что адмирал Робисон был назначен верховным главнокомандующим Линейным флотом. Это был второй по значению командный пост на флоте, и, в преддверии вступления в высокую должность, он смог воспользоваться своими связями, чтобы еще раз помочь своему любимому молодому офицеру в продвижении по служебной лестнице. Нимиц получил приказ — после окончания обучения в Военном колледже прибыть для дальнейшей службы в Сан-Педро на борт линейного корабля «Калифорния», флагмана Линейного флота.

После краткого отпуска в Уоллестоуне семейство Нимицев упаковало вещи и уже собиралось отправиться на поезде к западному побережью, когда Честер младший, которого вся семья называла Бедолага Джо за его нескончаемые болезни и травмы, упал с крыши гаража и проломил себе череп. Нимиц отменил поездку и оставался в Уоллестоуне, пока кризис не прошел. Потом он поспешил один через всю страну, чтобы успеть к 30 июня 1923 года, когда Робисон поднял свой флаг на «Калифорнии», сменив на посту адмирала Э.В. Эберла. Робисон назначил Нимица своим помощником и помощником начальника штаба по тактическим вопросам.

В 1920 году новые американские линейные корабли вместе с крейсерами, эсминцами и вспомогательными судами постоянно дислоцировались у западного побережья, вместе составляя Линейный флот. Подразумевалось, что их наиболее вероятный потенциальный противник — японский флот. Другие крейсера и эсминцы вместе с двумя-тремя старыми линейными кораблями составля-

ли Разведывательный флот, который действовал в Атлантическом океане и Карибском море. Вместе Линейный и Разведывательный флоты составляли Американский флот, или, неофициально, Объединенный флот. Азиатский флот, не такой многочисленный, базировался на Филиппинах.

Когда Честер младший стал чувствовать себя достаточно хорошо для путешествия, семья решила присоединяться к Нимицу. Они решили не ехать в Калифорнию поездом, а выбрали медленный окольный путь по морю, на сей раз на транспорте «Шемон». Не успели они далеко отойти от причала, как маленький Честер обжег лодыжку об открытую паровую трубу, и ожог никак не хотел заживать, очевидно, потому, что организм мальчика израсходовал все силы, приходя в себя после травмы черепа. Нагноение все еще не спало, когда миссис Нимиц и дети достигли Сан-Педро, который тогда был пыльным молодым городом, где на каждом углу шло какое-нибудь строительство.

Поскольку Линейный флот проводил много времени в море или в различных портах западного побережья, бремя поисков дома и ухода за больным сыном легло на миссис Нимиц. Она сняла маленькую меблированную квартиру недалеко от миссис Робисон. Оттуда она часто водила сына в амбулаторный пункт, однако у местных врачей вообще ничего не удавалось сделать с его сожженной лодыжкой. «Ребенок понемногу падал духом, и я вслед за ним», — рассказывала Кэтрин. К счастью, военный врач, живший в соседней с ними квартире, сделал замечательное предложение. «Давайте укладывать его спать в той комнате, где больше солнца, — сказал он, — снимем все бинты и просто позволим солнцу сделать все остальное». За неделю такого лечения лодыжка наконец зажила.

Когда Линейный флот зашел в порт Сан-Педро, семьи Робисонов и Нимицев собрались вместе, возобновив старую дружбу. У Сэма и Мэри Робисонов не было собственных детей, и они фактически стали приемными бабушкой и дедушкой для детей Нимица. Адмирал Робисон и коммандер Нимиц во время недолгих пребываний

на берегу подолгу гуляли вместе на холмах и часто брали с собой собак. К сожалению, Полли и Макинтош, тоже бульдог, оба были слишком толстые, наверное, потому, что дети Нимица их постоянно перекармливали. Прогулки, которые были прекрасной физической нагрузкой для мужчин, иногда оказывались слишком тяжелы для жирных собак. «Очень часто,— вспоминала позже маленькая Кэтрин,— Макинтош или Полли попросту отключались, и их приходилось нести домой на руках».

Коммандер Нимиц редко бывал дома, и миссис Нимиц постепенно брала управление семейными финансами в свои руки, а в конце концов, подобно многим другим женам моряков, она начала распоряжаться ими единолично. Она экономила каждый цент — возможно, это было реакцией на воспоминания о расточительности отца. Прежде всего она считала, что брать в долг — один из смертных грехов. За всю семейную жизнь единственной вещью, которую Нимицы купили вовремя, была стиральная машина, крайне необходимая в доме, где столько детей.

Как только Нимиц освоился на новом месте службы, он тут же предложил круговой ордер. Он был удивлен сопротивлению, на которое натолкнулось его предложение. «Моей самой большой проблемой,— говорил он,— было убедить старших командиров флота, что это — наиболее практичный тип построения. Мне пришлось убеждать даже моего собственного адмирала после того, как он имел беседу с офицерами, которым казалось, что при таком построении каждый корабль предоставлен сам себе».

Однако в «своем адмирале» Нимицу разочароваться не пришлось. Как он и ожидал, Робисон, увлеченный исследователь тактики и прирожденный экспериментатор, несколько дней взвешивал все «за» и «против», а затем приказал, чтобы командиры попробовали применить круговой ордер. На предварительной схеме в центре построения в качестве флагманского корабля должна была находиться «Калифорния», окруженная двумя рядами кораблей. Внутренний круг должен был состоять из ли-

нейных кораблей, а внешний — из более легких сил. Каждый корабль должен был соблюдать определенное расположение и расстояние относительно флагмана.

Адмирал и его командиры поразились той непринужденности и быстроте, с которой могло маневрировать так построенное соединение. Уклоняясь от подводной атаки, весь флот мог быстро полностью изменить курс или сдвинуться в сторону. При этом все корабли поворачивали одновременно, сохраняя постоянное расположение и расстояние от центра ордера. Таким образом противолодочная и зенитная оборона не ослабевала ни на минуту, а также сохранялось общее направление движения флота в сторону кораблей противника. При развертывании в боевой порядок один из линейных кораблей выходил из круга, а крейсера и эсминцы располагались по бокам.

Главный недостаток кругового ордера заключался в трудности удержания заданной позиции. Для всех кораблей, кроме находящихся непосредственно спереди, сзади или на траверзе флагмана, точно соблюдать пеленг и дистанцию до флагмана было тонкой, трудоёмкой задачей, которая требовала почти постоянного контроля не только курса, но и скорости. Ночью, без радара, который тогда еще не был изобретен, точное удержание позиций в круговом ордере было признано невозможным, так как вероятность столкновения при этом была чрезвычайно высока. Можно сказать наверняка, что осенью 1923 г. лишь немногие офицеры Линейного флота могли предвидеть, что круговой ордер со временем станет стандартным, особенно для дневных переходов.

Наступила зима, и Бедолага-Джо опять заболел. На сей раз его недуг возник после того, как ему неудачно прооперировали мастоидит. Сначала мальчик оглох на одно ухо; теперь врачи обнаружили, что нагноение, вызванное продолжающейся инфекцией, начало проникать внутрь. Так как состояние Честера младшего ухудшилось, его поместили в больницу в Лонг-Биче и прооперировали. Честер старший, к своему глубокому огорчению, в день операции должен был выйти в море с

Линейным флотом и несколько недель оставался в неведении относительно судьбы сына. К счастью, операция прошла успешно. Удалось не только устранить нагноение, но и полностью восстановить слух. Таким образом, заветная мечта Нимица — послать сына на учебу в Военно-морскую академию снова стала осуществимой.

Линейный флот при полном радиомолчании вышел в море, чтобы участвовать в объединенных учениях армии и флота под названием «Задача номер 2». В ходе этих учений проверялась оборона Панамского канала. Зимой Линейный флот присоединился к Разведывательному флоту в тактических маневрах в Карибском море. Отличительными особенностями этих учений была отработка поддержки флотом высадки морских пехотинцев в Зоне Канала и на острове Кулебра, а также участие в них единственного тогда американского авианосца «Лэнгли».

Маленький авианосец участвовал в оборонительном патрулировании и разведке, и его самолеты имитировали воздушные бои, нападения на торговые суда и на Канал. Для того, чтобы иметь возможность быстро поднять самолеты, авианосец должен был идти отдельно от основного флота, шедшего в обычном прямоугольном построении, и маневрировать свободно в пределах дальности тактической связи, в сопровождении только пары эсминцев, предназначенных для спасения летчиков, если какой-то из самолетов упадет в воду.

Коммандера Нимица этот вариант действий абсолютно не устраивал. Он полагал, что для максимальной взаимной защиты как от субмарин, так и от и самолетов надводный флот и авианосец должны были действовать согласованно. Он настоял на вводе «Лэнгли» в состав Линейного флота для обширных маневров.

Робисон отправил предложение Нимица в Военно-морской департамент за своей подписью, но Бюро авиации еще не было готово расстаться с единственным авианосцем. Еще не были решены проблемы конструкции самолета, взлета и посадки, аэрофинишера и катапульты, а также нахождения самолетами авианосца после выполнения задачи на большом удалении от

корабля. В 1924 году летчики все еще поддерживали связь с авианосцем с помощью почтовых голубей! Однако благодаря настойчивости Нимица Робисон оказал на штаб такое давление, что в ноябре 1924 года «Лэнгли» вошел в состав Линейного флота. Некоторые авиаторы и тогда, и позже утверждали, что такое переподчинение было преждевременным, что Нимиц фактически задержал развитие военно-морской авиации, слишком рано внедрив во флот одиночный авианосец.

Нимиц в свою очередь никогда не сомневался, что именно тогда настало время авианосца. Он попробовал использовать «Лэнгли» в круговом ордере и достиг полной согласованности в действиях кораблей. Когда авианосец разворачивался против ветра, чтобы поднимать или принимать самолеты, весь ордер поворачивал вместе с ним. Надводные корабли постоянно находились под защитой самолетов, а авианосец — под защитой орудий и торпед всего ордера. Рядом с авианосцем всегда находилось множество эсминцев, которые подбирали катапультировавшихся летчиков.

Адмирал Робисон был под таким сильным впечатлением от совместных учений Линейного флота и «Лэнгли», что он убедил Морской департамент ускорить строительство больших авианосцев — «Саратога» и «Лексингтон». Нимиц почти сорок лет спустя говорил: «Я считаю, что тактические учения, которые мы проводили тогда, заложили основу тех походных ордеров, которые мы использовали во время Второй Мировой войны в группах авианосцев и фактически во всех остальных оперативных соединениях».

В течение весны и лета 1925 года объединенный американский флот выполнял учения, направленные на проверку обороноспособности Гавайских островов. После учений Линейный флот и крейсерский дивизион Разведывательного флота отправились в поход через острова Самоа к Австралии, Новой Зеландии и Тасмании, возвратившись к Западному побережью США в конце августа.

В октябре Робисон был назначен на высшую руководящую должность — главнокомандующий Американским

флотом, взяв Нимица в качестве личного помощника, помощника начальника штаба и тактического офицера. Год спустя оба были переведены на береговые должности. Позже концепция кругового ордера и опыт внедрения авианосцев были преданы забвению — то ли по небрежению, то ли потому, что достоинства их не были признаны до конца.

В 1930 году лейтенант-коммандер Форрест П. Шерман реабилитировал круговой ордер для оперативного соединения с авианосцем в центре, такое построение позже стало стандартным. Однако авианосцы были признаны основной защитой крейсеров и эсминцев только после нападения японцев в декабре 1941 года на линейные корабли в Перл-Харборе. Тогда авианосцы стали важнейшими боевыми кораблями Тихоокеанского флота. Когда появились новые быстрые линейные корабли, их роль была сведена к защите авианосцев. Перед концом Второй Мировой войны все действующие флоты последовали примеру американского флота и приняли круговой ордер, по крайней мере для дневных операций. Впоследствии такое построение соединения кораблей было официально принято для военно-морских сил Организации Североатлантического Договора (НАТО).

Тактические новшества, введенные в американском флоте Честером Нимицем, столь же эпохальны, как строй кильватера, который впервые применили генералы Оливера Кромвеля в английском парусном флоте в семнадцатом столетии. Однако даже адмирал Робисон не смог прочувствовать истинное значение ни кругового ордера, ни даже авианосцев. Выйдя в отставку, он написал, с участием миссис Робисон, «Историю военно-морской тактики с 1530 до 1930 год». В этой огромной книге, изданной в 1942 г. и насчитывающей почти тысячу страниц, круговой ордер не упоминается вовсе. Робисон много цитирует Нимица, но только в связи с подводными лодками. Разговор об авианосцах он заканчивает таким двусмысленным утверждением: «Авианосцы появились в последнюю войну. Орудия, установленные на их борту, предназначены для обороны. Эти корабли имеют на борту как бомбар-

дировщики, так и истребители и входят теперь в состав всех крупных мировых флотов. Их самолеты эффективно атакуют противника на суше и на море. Неэффективность морской авиации в ходе сухопутных и морских сражений последней войны обсуждается в главе 50. В этой войне самолет являлся главным оружием».

Хотя Честер Нимиц младший утверждает, что должность помощника начальника штаба Робисона была решающей в продвижении его отца по служебной лестнице, Честер старший считал более судьбоносным свое следующее назначение. Коммандер Нимиц был одним из шести офицеров, которым было поручено организовать первые центры Корпуса обучения военно-морских офицеров запаса в американских университетах.

Организованный при поддержке Морского департамента как мера укрепления национальной обороны, Корпус был утвержден Конгрессом в марте 1925 года, и средства на его финансированиеначали поступать 1 июля 1926 г. Центры должны были быть организованы в Гарварде, Северо-Западном университете, Университете Вашингтона, Йельском университете, Технологическом институте Джорджии и Калифорнийском университете.

«В каждый из этих университетов командируется офицер в чине кэптена или коммандера на должность профессора военно-морской науки и тактики», — говорилось в распоряжении Бюро навигации. «Он отвечает за обучение студентов в военно-морском центре. У каждого офицера должен быть один помощник. Прочие офицеры, командированные в эти университеты, становятся сотрудниками факультета, а профессору военно-морской науки и тактики присваивается статус декана».

В каждом центре должны были обучаться приблизительно пятьдесят или шестьдесят студентов. Им надо было преподавать управление кораблем, навигацию, артиллерийское дело, военное и международное право, стратегию и тактику, электротехнику и инженерное дело. Дипломированные специалисты должны были получать звание офицера запаса добровольных военно-морских сил.

Коммандеру Нимицу приказали организовать такой центр в Беркли, в университете штата Калифорния. Морской департамент выбрал его по рекомендации кэптена Уильяма Д. Пулстона, одного из флотских интеллектуалов и будущего биографа Альфреда Тэйера Мэхэна. Пулстон был одним из множества влиятельных офицеров, обративших внимание на рост репутации Нимица.

Нимиц получал назначение со смешанными чувствами. Он не был уверен, что эта должность послужит продвижению его карьеры. С другой стороны, то, что он оказывался у истоков принципиально новой программы, не могло не привлечь внимание. Во всяком случае, работа с персоналом постепенно становилась одним из его основных профессиональных интересов, а эта работа могла дать ему новый опыт в этой сфере. На самом деле, всякий новый опыт наполнял его глубоким и стойким интересом к обучению. Многие из его студентов остались его друзьями на всю жизнь, и он с отеческим интересом наблюдал за развитием их карьеры. Для его семьи этот трехлетний период береговой службы, безусловно, был благословенным временем. Нэнси только недавно пошла в школу, а у Честера и Кэтрин уже началась беспокойная пора отрочества, когда твердая рука отца особенно необходима.

Коммандер Нимиц учредил Военно-морской центр по подготовке офицеров запаса в университетском городке Беркли университета Калифорнии осенью 1926 года. Его помощниками были лейтенант-коммандер Эрнест Гюнтер и четыре старшины. Университет выделил им классные комнаты и скудно обставленный офис. Оборудование, выделенное правительством, включая пишущие машинки, прибыло намного позже начала семестра.

Поначалу Нимиц боялся, что он не сможет привлечь количество студентов, достаточное для формирования центра. Зарегистрировавшимся в центре выдавалась униформа, но они не получали ни стипендии, ни платы, ни пособий. Тем не менее они должны были три раза в неделю проходить строевую подготовку и помимо обязательных университетских занятий брать на себя тяже-

лый груз различных военно-морских дисциплин. Однако, с другой стороны, летом они выходили в море с оплатой 1 доллар в день и после четырех лет обучения им присваивалось звание лейтенанта запаса ВМС США.

К тому времени, когда был произведен очередной набор студентов и начался осенний семестр, Нимиц и его помощники развесили объявления об открытии центра на всех стендах университетского городка и в других соответствующих местах. Старшины в офисе принимали претендентов, а Нимиц и Гюнтер, в накрахмаленных белых кителях, сидели за специально взятыми напрокат столами в центральном проходе, чтобы привлекать внимание студентов, отвечать на вопросы, и пытались завербовать кого-нибудь подходящего. Когда за столами дела шли плохо, Нимиц ходил по городку пешком в поисках подходящих кандидатов. Перед Старым Северным залом он заметил первокурсника Джеймса Арчера и провел с ним краткую деловую беседу. Арчер заинтересовался, но спросил, имеет ли значение то, что его отец — армейский полковник. Нимиц рассмеялся и уверил его, что не имеет. Арчер не только записался сам, но и уговорил записаться своего соседа по комнате Трейси Д. Каттла. «Конечно же, мы хотели попасть на флот, а не в армию», — рассказывал Арчер.

В офисе призыв тоже шел полным ходом. Когда Нимиц подсчитал количество записавшихся, оказалось, что у них перебор — восемьдесят претендентов. Он тщательно изучил данные каждого претендента и выбрал шестьдесят лучших. На первом собрании он принес извинения за невозможность принять всех желающих. К сожалению, по закону можно было допустить до занятий только шестьдесят человек. «Господа, я очень сожалею, — сказал он, — но я должен назвать двадцать имен, и этим людям придется уйти».

С этого момента Нимиц постоянно находился в компании профессоров и дома, и на работе, поскольку он снимал дом на Бэй-Вью-плэйс и большинство его соседей были преподавателями. Впервые в ближайший круг общения Нимицев входили не только моряки. Общение

с новыми знакомыми оказалось весьма занятным. Эти люди специализировались в самых разнообразных областях. Некоторые были чрезвычайно узкими специалистами, другие — удивительными чудаками, но так или иначе все они были добры и дружелюбны, и общаться с большинством из них было приятно.

Некоторые сотрудники университета, что и говорить, поначалу немного обижались на Нимица. Они зарабатывали степень доктора многолетними исследованиями и многочисленными публикациями и постепенно продвигались от преподавателя к доценту, от доцента к адъюнкт-профессору, и пока получили статус профессора, уже успели поседеть. И вот появляется этот 41-летний коммандер без всякой ученой степени — в Военно-морской академии не присуждали степеней, когда Нимиц там учился,— и получает по велению правительства должность профессора и статус декана Отдела военно-морской науки и тактики! Принять такое было трудновато.

Негодование против чужака достигло пика, когда заведующий кафедрой астрономии университета узнал, что Нимиц собирается преподавать навигационную астрономию в составе курса. Ученый муж заорал так, что чуть не сорвал заседание:

— Никто не будет учить астрономии в этом университете, кроме людей, которых выбираю я!

Нимиц, вместо того чтобы ответить в том же ключе, сказал:

— Вы сможете прочитать курс астрономии так, как это необходимо для морских офицеров?

Заведующий мрачно ответил, что сотрудники его кафедры прочитают курс.

— Это замечательно,— сказал Нимиц,— потому что нам разрешают занимать только определенное число часов в учебной программе студентов. Если курс астрономии переходит к университету, это дает нам больше учебных часов в неделю.

Нимиц считал себя не военно-морским выскочкой в незнакомой враждебной среде, но равноправным преподавателем Калифорнийского университета. Преподавате-

ли факультета любили его неизменно бодрое настроение и признали его широкую эрудицию, приобретенную за годы разборчивого чтения книг. Наконец он был принят как коллега. Всякий раз, когда декан Болдуин Вудс, светило аэронавигационной науки, был в отъезде, он просил Нимица взять его лекционные часы. «Вы можете дать моим студентам многое из того, что они должны знать», — говорил он.

Вот наиболее примечательный факт. Зная о способности Нимица точно и беспристрастно оценивать людей, его пригласили к участию в одной из аттестационных комиссий университета, а также в одной из его комиссий по кадрам, организованной для выборов нового профессорско-преподавательского состава. В обе комиссии он привнес свежий, несхоластический набор критериев оценки профессиональных качеств и перспективности сотрудников. Он не понимал, почему за профессорами в обоих комитетах всегда оставалось последнее слово, и постоянно публиковал статьи по этому поводу (как говорят в академических кругах, «публикуйся или погибнешь»). Он никогда не мог понять, почему опытного преподавателя нельзя оценивать только по его преподавательским навыкам, и он никогда в полной мере не принимал аргумент, что владение материалом, необходимое для исследования, написания работ и их публикации, является основным фактором и в преподавательской деятельности.

Нимиц по-отечески заботился о каждом своем студенте. Он играл с ними в гандбол и теннис и обычно выигрывал. По субботам он часто приглашал некоторых студентов домой к обеду. В таких случаях миссис Нимиц, учитывая стоимость продуктов и аппетиты молодежи, готовила супы; ее фирменным блюдом был куриный суп с лапшой.

Молодые люди, обучавшиеся в Центре, организовали клуб «Квартердек» и обычно приглашали Нимицев на танцы. Они приходили при любой возможности; миссис Нимиц танцевала с гардемаринами, а коммандер — с их девушками.

Онни П. Латту, молодой финн, которому по недосмотру, позволили учиться в Центре прежде, чем он получил американское гражданство, крепко подружился с Нимицами. Как-то раз он пригласил Нимицев и Гюнтера в дом финского землячества на обед. Оба офицера в великолепных белых мундирах прибыли в новом «родстере» Гюнтера. Студенты в это время увлеченно кидались друг в друга мешками с водой. Один такой мешок летел как раз в Латту. Тот спрятался, и мешок попал прямо в грудь Нимица. К всеобщему изумлению, Нимиц ничего не сказал. Он не только не остановился, но даже и бровью не повел. Он зашел в дом, дружелюбно поболтал с его хозяевами и, все еще мокрый, сел обедать. Обед ему, похоже, даже понравился.

Когда часть оборудования, выделенного правительством, наконец-то дошла до офиса Центра подготовки, и Нимиц следил за распаковкой, в офис вошел серьезный молодой человек, Джордж С. Перкинс. Он сказал, что учился раньше в Калифорнийском университете, только что получил бумаги, которые по оформлению дадут ему право на звание лейтенанта, и не мог устоять перед возможностью принять присягу в alma mater у действующего офицера ВМС. Не мог бы коммандер Нимиц помочь ему? Перкинс извинился за сентиментальность.

Нимиц взял бумаги. «Перкинс,— сказал он,— никогда не забывайте, что сентиментальностью заполнена большая часть жизни морского офицера». К сожалению, объяснил он, печатные машинки еще не распакованы. «Старшина,— сказал он писарю,— я думаю, что мы можем подготовить эти бумаги без пишущей машинки». Так, среди полуразгруженных коробок, писарь заполнил бумаги, и Нимиц, подписав их, выполнил желание Перкинса принять присягу. Эту церемонию Нимиц назвал «присяга на ящиках» и впоследствии обычно представлял Перкинса как «Перкинса, присягнувшего на ящиках».

Анну теперь всегда называли Нэнси, а двух старших детей часто называли Кейт и Чет, чтобы отличать от родителей. Их неуемный характер и постоянное соперничество с младшим братом постоянно приводили к се-

рьезным скандалам. «Кровавая развязка» наступила, когда однажды Нимицы были в гостях у Гюнтеров и дети играли на заднем дворе. Чет экспериментировал на протестующей Нэнси, сжимая заднюю часть ее шеи и добиваясь, чтобы она потеряла сознание. Нэнси схватила ржавый автомобильный номер, который случайно попался под руку, и ударила им брата по голове. «Хлынула кровь. О, сколько было крови!» — вспоминала Нэнси много лет спустя. «Это — самое приятное воспоминание детства. Конечно, он тут же побежал в дом, вопя и истекая кровью. Родители собрались за двадцать минут, сгребли нас в охапку и поспешили домой. «Конечно же, Нэнси была наказана.

Кейт вспоминает: «И папа, и мама всегда старались дать нам почувствовать, как они нами гордятся. Они шлепали нас за плохое поведение, но тем не менее всегда нас поддерживали и старались придать нам уверенность в себе». На самом деле Нимицы в наказание детей, как правило, не шлепали, а лишали всевозможных удовольствий.

Нимиц продолжал читать детям вслух. Вскоре после переезда в Беркли он стал читать им перевод «Одиссеи». Он также находил время, чтобы помочь им со школьными уроками. После одного случая Кейт поняла, что ее отец в этом плане иногда даже слишком полезен. Однажды вечером, когда они убирали со стола после обеда, она случайно упомянула, что должна подготовить сообщение о Ютланском бое. Она упустила из виду, — если она вообще об этом знала, — что ее отец провел месяцы, исследуя историю этого сражения в Военном колледже, и даже написал диссертацию на эту тему. «Это было все равно что подлить бензина в огонь», — говорила она потом.

Когда она возвратилась в комнату с томом Британской Энциклопедии, она обнаружила, что на столе уже нет ничего, кроме множества солонок и перечниц. Это было странно, потому что после обеда отец обычно оставлял стол накрытым до завтрака.

— В чем дело? — спросила она.

— Разве тебе не нужно сделать сообщение о Ютландском бое?

— О да, конечно. Всего полстраницы.

— Я тебе расскажу об этом сражении.

Кейт вспоминала: «Позже этот вечер ассоциировался у меня со старым анекдотом про книгу о пингвинах — «Спасибо за книгу; она рассказала мне о пингвинах больше, чем я хотел знать». Солонки у нас были немецким флотом, а перечницы — британским. Мы повторили все маневры и столкновения флотов от начала до конца, а я только и могла, что повторять слабым голосом: «Половина страницы...» Но я запомнила рассказ отца на всю жизнь, и мне ни разу больше не приходилось специально учить ход Ютландского боя».

У работы в университете было одно важное преимущество — полноценные каникулы. Отпуска, которые имел Нимиц на предыдущих местах службы, все ушли на переезды из одного дома в другой, причем часто эти дома находились на разных континентах. Теперь каждым летом было несколько недель беззаботного отдыха, и, так как важнее всего были интересы молодого поколения, большая часть каникул проходила в походах. Летом 1927 года Нимицы путешествовали вверх по тихоокеанскому побережью до штата Вашингтон. В 1928 году они разбили лагерь в горах Сьерра-Невада и провели по неделе у озер Эхо и Тахо.

Подготовка к этим поездкам была проведена с обычной для Нимица тщательностью.

Снаружи к седану «Шевроле» 1926 года выпуска была привязана палатка, складной столик и гамаки для детей. Автомобильные сиденья раскладывались в двуспальную кровать для мамы и папы. В багажном отделении была устроена небольшая кухня, где миссис Нимиц всего за полчаса могла приготовить ужин. Гамаки были холщовые, матросские, а чтобы дети не выпадали из них, Нимиц взял иглу и пришил одеяла к гамакам.

Поездки начинались весело: мать и отец на переднем сидении, дети — на заднем. Постепенно из-за вынужденного бездействия на заднем сиденье начинались

сначала препирательства, затем скандалы, а потом и настоящие драки, которые вполне могли дойти до кровопролития. Тогда автомобиль останавливался, один ребенок пересаживался на переднее сиденье, а кто-нибудь из родителей садился на заднее между двумя драчунами. Устанавливалось шаткое перемирие, но напряжение не спадало, пока не появлялась возможность вылезти из машины и немного остыть. Однажды на пути домой, когда драчунов на заднем сиденье не успели вовремя разделить, Чету удалось разбить Кейт очки. Нимиц, сидевший тогда за рулем, просто сказал спокойным голосом: «Честер, когда мы доберемся домой, я тебя выпорю». И он сделал это. Много лет спустя Нэнси сказала: «Я часто вспоминаю те замечательные поездки. Нам, детям, они доставляли такое удовольствие... Но интересно, удавалось ли отдохнуть маме с папой?»

Нимиц отдавал все силы организации Центра подготовки, и это, конечно, не могло не способствовать его продвижению по службе. В сентябре 1927 года ему было присвоено временное звание кэптена со 2 июня 1927 г., а в январе следующего 1928 г. — постоянное звание кэптена с того же числа.

К досаде некоторых студентов, Нимиц исправлял и оценивал их работы не только по верности содержащейся в них информации, но и с точки зрения английского языка. С его чувством английского языка и мастерским владением речевыми конструкциями и синтаксисом он едва ли мог поступать иначе.

Нимиц безумно восхищался Калифорнийским университетом. Чета он хотел отдать в Военно-морскую академию, но он говорил, что, если он поймет, что это имеет практический смысл, он, конечно же, пошлет своих девочек учиться в Беркли. Однако он не одобрял некоторые из академических свобод гражданских университетов, где студенты учатся по собственному графику и сдают экзамены только ежемесячно или даже всего раз в семестр. Помня свою учебу в Военно-морской академии, он проверял уровень подготовки студентов в начале каждого занятия. «Средний гардемарин, — писал он адмиралу

Робисону,— получает больше информации, работает и учит больше и усерднее и достигает лучших результатов, чем средний университетский студент — и причина этого состоит в том, что он может надеяться только на свои собственные знания: либо он узнает все, что нужно, либо потопит корабль».

В начале занятия у Нимица студенты тянули билеты, каждый из которых содержал вопрос по домашнему заданию. Потом, вместо того чтобы выходить к доске, как в Военно-морской академии, они рассаживались по местам и писали ответы на бумаге. Через двадцать минут Нимиц собирал ответы и начинал тридцатиминутную лекцию, позволяя студентам перебивать и задавать вопросы. Потом, сразу после занятия, Нимиц внимательно проверял работы, раскладывал их по ящикам, чтобы гардемарины могли их забрать, и вывешивал оценки за день.

Преимущества системы Нимица по сравнению с системой Военно-морской академии, по его собственному мнению, состояли в том, что письменные ответы можно было более тщательно проверять и оценивать и что работы с исправлениями можно было вернуть студенту для просмотра. Также готовая лекция, основанная частично на собственном или чужом опыте службы, была более эффективной, чем спонтанная беседа, во время которой преподаватель сновал от доски к доске, исправляя, оценивая и объясняя.

Робинсон после ухода с поста главнокомандующего, вновь получил звание контр-адмирала и был назначен начальником 13-го морского округа со штабом в Сиэтле, штат Вашингтон. С этой выигрышной позиции он с интересом наблюдал за экспериментами своего протеже Нимица в области образования и убедился, что его методы были идеальны для подготовки студентов. Весной 1928 года Робисон был назначен руководителем Военно-морской академии и поехал в Аннаполис, решив внедрить систему Нимица. Из письма, которое Нимиц написал Робисону 9 июля 1928 года, ясно, что он имел некоторые дурные предчувствия относительно намерений адмирала.

«Моя схема проведения лекций не очень хорошо приспособлена к преподаванию всех предметов. Она лучше всего соответствует таким предметам, как управление кораблем, устройство корабля, материально-техническая база артиллерии, артиллерийское дело, кораблевождение и лоцманское дело, где преподаватель может объяснить классу преимущества тех или иных действий на основании собственного опыта. Схема не очень хорошо подходит для преподавания языков и математики, хотя я полагаю, что даже по этим предметам преподаватель может тратить небольшую часть каждого занятия на обсуждение.

Когда Вы представите методику на обсуждение Совета Академии, я надеюсь, что Вы проясните вышеупомянутые вопросы. Главная идея — сделать опыт службы преподавателей доступным для студентов».

Хотя методика обучения в Военно-морской академии претерпела некоторые изменения с тех пор, как Нимиц был гардемарином, они не имели никакого отношения к методике Нимица. Опытных преподавателей оскорбило, что им предлагают использовать методы обучения неопытного чужака. Нимиц, изучив их возражения, защитил свою схему с меньшим количеством оговорок, чем в письме 9 июля. В письме Робисону, датированном 30 мая 1929 года, он писал:

«Многие утверждают, что [мой план] требует слишком большого количества времени преподавателя. Возможно, это и так, тем не менее методика дает результаты в большинстве предметов. Также можно утверждать, что такая схема не может применяться к любому преподаваемому предмету. Возможно, и это верно — но даже в преподавании языков может использоваться какая-нибудь ее модификация, и, конечно, преподаватель должен каждый день проводить с группой по крайней мере

короткую беседу, охватывающую произношение, грамматику, и т.д., и т.п.

Вышеупомянутое — не университетский метод. Это метод, к которому мы пришли для того, чтобы подавать максимальное количество материала за тот ограниченный промежуток времени, которое предоставлено студентам для обучения у нас. Мы пробовали применять традиционную университетскую методику при преподавании ряда тем, и мы не были удовлетворены результатами».

Некоторые из руководителей, сменившие Робисона, пытались применять методы Нимица в Военно-морской академии. Влиянием этих методов можно объяснить появление в программе ежедневной проверки и ежедневной аттестации, которая была распространена в Академии даже после Второй Мировой войны. Однако постепенно старая система уступила дорогу проверенным университетским процедурам, поскольку победило мнение, что постоянный контроль и проверка знаний снижали уверенность в себе и независимость мышления обучаемых. К 1970 году Военно-морская академия США уже была реорганизована по образцу университета и использовала университетские методы обучения. Однако кое-что от методики Нимица все же осталось — занятия были короче традиционных университетских и над лекциями преобладали дискуссии.

Когда кэптен Нимиц в июне 1929 года передал бразды правления центром в Беркли своему старому другу Брюсу Канаге, там обучалось приблизительно 150 зарегистрированных студентов, работало шесть офицеров и шесть старшин. Для Нимица это было трудное, но полезное время, которое он вспоминал всю оставшуюся жизнь. Он никогда не терял интерес к образованию и к Калифорнийскому университету и не забывал студентов, которых учил. Среди них были такие, за карьерой которых он следил наиболее внимательно, помогая при любой возможности.

Глава 11

«РИГЕЛЬ» И «ОГАСТА»

В конце 1929 года, когда кэптен Нимиц был командующим 20-м дивизионом подводных лодок, базировавшимся в Сан-Диего, он получил письмо от своего однокашника по Военно-морской академии Уильяма Р. Фарлонга Билла. Билл готовил юбилейный, 25-й, ежегодник — «Военно-морская академия США, выпуск 1905 года», который должен был быть издан через год. Для книги от каждого сокурсника он хотел фотографию и рассказ о карьере. Нимиц написал небольшое резюме, которое заканчивалось следующим параграфом:

> «Оглядываясь назад на прошедшие моменты моей жизни, трудно решить, что из того, чем я занимался, было для меня наиболее важным. Мне нравились все должности, которые я занимал. Я думаю, что причина этого — в моем стремлении интересоваться каждым делом так глубоко, как это только возможно. Моя жизнь во флоте сложилась очень удачно, и я не знаю ни одну профессию,

ради которой я оставил бы службу на флоте. Моя старшая дочь Кэтрин Вэнс, 16 лет, скоро пойдет в колледж, а мой сын Честер Уильям младший, 15 лет, надеется весной 1931 года поступить в Военно-морскую академию. Мой третий и последний ребенок — дочь, Анна Элизабет, 10 лет от роду. Моя жена, мои дети, моя профессия морского офицера и хорошее здоровье — все это делает меня счастливым человеком».

Далее Нимиц пишет о том, как он добился успеха и как он доволен своей карьерой. Правда, кое о чем из того, что он написал, ему через короткое время пришлось пожалеть. Вскоре после того как его слова «мой третий и последний ребенок» появились в книге, все его друзья узнали, что скоро появится четвертый, и ему пришлось услышать по этому поводу немало острот от его сослуживцев. Мэри Мэнсон Нимиц родилась 17 июня 1931 года.

Появление Мэри в точности совпало у Нимица с очередной сменой места службы. Его назначили командовать приблизительно тридцатью пятью выведенными в резерв законсервированными эсминцами[1] на базе в Сан-Диего. 16 июня 1931 года семья Нимицев переехала из квартиры в Сан-Диего на «Ригель», плавучую базу, пришвартованную к бездействующим эсминцам. С этого дня она должна была служить одновременно флагманским кораблем для кэптена Нимица и жильем для его семьи.

«Ригель» оказался красивым и удобным жилищем, потому что жена предыдущего командира наняла для переделки жилых помещений профессионального декоратора. У Нимицев была отдельная кровать, а детям пришлось спать в корабельных койках с занавесками. Спальней Чета стала штурманская рубка. Обслуживающий персонал состоял из повара, стюарта и двух помощников повара.

---

[1] Консервация кораблей — совокупность организационных и технических мероприятий, проводимых для сохранения выведенных из боевого состава кораблей в исправном состоянии с определенной готовностью к использованию по прямому назначению.

Элегантность апартаментов несколько портили бельевые веревки над палубой, на которых обычно висели подгузники и прочее белье Мэри.

Серьезную проблему представляли крысы. Им каким-то образом удавалось пробираться на борт, несмотря на специальные щитки-«крысооотбойники» на швартовых тросах. В результате судно приходилось периодически окуривать, после чего крысы дохли прямо в помещениях, таким образом серьезно, хотя и временно, нарушая комфорт плавучего жилища. В качестве нового средства устрашения крыс Нимицы переманили жившую на базе кошку по имени Сувенир. Она оказалась не особенно удачливой охотницей, зато как-то раз отличилась, родив семерых котят под столом во время званого обеда.

Старшие дети были просто в восторге от нового дома, а Чета больше всего радовали котята. Чет и Нэнси с гордостью переводили своих друзей с палубы на палубу до самого последнего эсминца или приглашали покататься на катерах, поднимаемых из воды на берег по рельсам. В таких экспедициях их часто сопровождала постаревшая Полли. Собака имела смущавшую всех привычку отрывать от днищ кораблей то, что Кейт называла «очень, очень дохлые устрицы» и прятать эти раковины в жилых помещениях «Ригеля», где они распространяли чудовищную вонь.

Любимым развлечением Нэнси стали походы в механический цех или плотницкую мастерскую, где она проводила большую часть своего времени. Рабочие с радостью ее принимали, и, к тревоге матери, она стала весьма ловко обращаться с инструментами. Однажды, когда миссис Нимиц гуляла по базе с Мэри, один из старшин, думая обрадовать ее, встал и с энтузиазмом отрапортовал: «Знаете, мэм, Нэнси владеет ацетиленовой сваркой лучше, чем кто-либо в мастерской». Миссис Нимиц сухо ответила: «Просто замечательно».

Как-то раз Нэнси дали филиппинский кинжал с тяжелым лезвием и легкой ручкой, замечательно приспособленный для метания, но стальные палубы и стальные переборки «Ригеля» не слишком подходили

для подобных развлечений. Оглядевшись вокруг, Нэнси натолкнулась на деревянный ящик — холодильник, стоявший возле кухни. Превосходно! Кинжал входил в стенку ящика так хорошо, как только можно было пожелать. Нэнси несколько раз приходила к ящику пометать кинжал и уходила страшно довольная. И вот наступил день адмиральской проверки. Кэптен Нимиц произвел предварительный обход судна, чтобы удостовериться, что все в порядке, и натолкнулся на ящик, изуродованный бесчисленными проколами.

— Кто это сделал? — гневно спросил он.

Моряки, стюарт, поварята — а они все обожали Нэнси — всем видом выражали неведение. Все, включая повара, настаивали на наименее правдоподобном варианте — на том, что они никогда не замечали «эти странные отверстия» прежде. У Нимица все же были определенные подозрения и, когда Нэнси пришла домой, он сказал: «Пошли со мной» и отвел ее к морозильнику.

— Это ты сделала?

— Да.

— По-твоему, это умно? — И ушел. Ни наказания, ни выговора. «Это было намного лучше, чем какая-нибудь тирада,— вспоминала Нэнси,— Эта фраза прозвучала почти презрительно. Как можно быть настолько глупым? Как мой собственный ребенок мог быть настолько глуп?»

«Он очень строгий,— заметил один из кухонных работников с "Ригеля".— но этим деткам у него и убийство сойдет с рук». На самом деле Нимиц просто предпочитал влиять на поведение детей, беседуя с ними, и часто они спорили с ним. Для матросов, воспитанных в другой атмосфере, это выглядело как грубая непочтительность, но Нимиц, уважая интеллект детей, признавал их право на дебаты. Конечно, были определенные пределы, и они об этом знали, и когда пределы превышались, кэптен начинал свои увещевания с такой преамбулы: «Неужели у вас, дети, нет никакого уважения к родителям?» Ругая Чета, он начинал так: «В Аннаполисе тебе не разрешат...» или «В Аннаполисе тебе придется..».

Однажды за столом кэптен нахмурился и прочистил горло. Очевидно, детям грозил очередной выговор. Прежде чем он успел начать, Чет спросил ясным голосом: «Ну и что это будет на сей раз, папа?»

«Что ты имеешь в виду?»

«В Аннаполисе...» или «Неужели у вас, дети, нет никакого уважения к родителям?».

Кэптен пытался выглядеть строгим, но миссис Нимиц чуть не лопнула от смеха. Нимиц поворчал немного, потом тоже расхохотался, и, к возмущению матросов, вся семья хохотала во все горло. Ни одному Нимицу, пусть даже и кэптену, непозволительно было говорить такими избитыми фразами.

Старшие дети к этому времени поняли, что их родители были выдающимися фигурами в нескольких смыслах. Взять хотя бы то, что они никогда не ссорились. Дело было не в том, что они просто воздерживались от выяснения отношений в присутствии отпрысков. Просто Честер и Кэтрин достигли такого взаимопонимания и гармонии, что у них не было причины для препирательств. Также дети не могли не заметить то, что их отец никогда не повышал голос и всегда использовал вежливые слова, даже когда он хотел выразить сильное недовольство. И он никогда ни при каких обстоятельствах не ругался и все же мог поставить злодея на место с помощью слов — причем делал это лучше, чем другие — с помощью злости и ругательств.

Нимиц использовал непристойные выражения только в качестве изюминок в многочисленных рассказах, которые он собрал, а иногда и сам придумывал, чтобы иллюстрировать какие-нибудь скучные объяснения или чтобы развлечь друзей. Он был замечательным рассказчиком, и во время Второй Мировой войны его неисчислимые истории — применительно к любой жизненной ситуации — прославились на весь Тихий океан.

Будучи в Сан-Диего, Нимицы возобновили многие из своих старых знакомств, и их светская жизнь была настолько богатой, насколько позволяло присутствие маленькой Мэри. Кэптен Нимиц по своей старой привычке

много гулял. Излюбленным его спутником в пеших прогулках был кэптен Раймонд Спрюэнс, который тогда был начальником штаба командующего эсминцами Разведывательного флота. Спрюэнс был таким же большим любителем пройтись, как Нимиц. Они вдвоем часто шли пешком до Сан-Маркос-авеню и заходили к их общему другу коммандеру Джеймсу Файфу, который потом отвозил из обратно на базу.

Кульминацией светской жизни 1931–1932 года в Сан-Диего стал костюмированный бал 11-го военно-морского округа. Заправляла балом миссис Томас Джоунс Сенн, жена командующего округом, строгая достойная дама со внешностью императрицы, «идеальная адмиральская жена», как говорила миссис Нимиц.

Кейт, учившаяся на первом курсе в университете Калифорнии в Беркли и приехавшая погостить домой, согласилась посидеть с Мэри. Кэптен и миссис Нимиц оделись для бала и пообедали перед выездом.

— Я хочу, чтобы вы знали, — сказал Нимиц, — это — мой парадный мундир времен обучения в Академии; я только пришил новые золотые галуны. Не думаю, что многие кэптены смогли бы влезть в свой парадный мундир гардемарина.

— Это замечательно, — сказала Кейт, и ее родители отправились на бал. Мэри тут же заснула. Кейт долго сидела, читая детектив, и наконец начала клевать носом. Ее разбудил звук приближающихся шагов по палубе «Ригеля». «Когда они подошли к каюте, я услышала, как хихикает мама, — рассказывала Кейт. — Они вбежали внутрь, и папа пошел прямо через столовую в спальню, а у мама смеялась так, как будто у нее настоящая истерика. Я спросила: «Что случилось такого смешного?» Мать едва смогла успокоиться и рассказала мне, что госпожа Сенн в начале бала уронила лорнет, а отец наклонился, чтобы подобрать его, и его брюки лопнули по шву сзади. Остальную часть вечера он простоял у стены. Ну, в общем, у него хорошее чувство юмора, и на следующее утро он и сам счел это довольно забавным и за завтраком сказал матери: «Я собираюсь позвонить

госпоже Сенн и сказать ей, что этот жест галантности стоил мне 90 долларов»».

Осенью 1931 года Чет поехал в Аннаполис, где он поступил в Севернскую школу, чтобы повторить математику перед вступительными экзаменами в Военно-морскую академию. После успешной сдачи экзаменов он был приведен к присяге летом 1932 года. Кейт уехала в университет, а Нэнси большую часть дня была в школе. На полупустом «Ригеле» наступила непривычная тишина. Не было даже Полли — она умерла, не перенеся астмы. Как настоящая собака моряка, она была вынесена на палубу, и ее тело было предано морю.

Кэптен Нимиц провел еще один год, нянчась с выведенными в резерв эсминцами. Из всех этапов его карьеры именно тогда ему было труднее всего «интересоваться делом... так глубоко, как это только возможно». Облегчение наступило в конце лета 1933 года, когда ему приказали принять командование новым тяжелым крейсером «Огаста» и перевести его в Шанхай, где «Огаста» должна была стать флагманским кораблем Азиатского флота. Он был счастлив снова выйти в море и возвратиться в ту западную часть Тихого океана, где он счастливо служил в юности, но новое назначение вызвало осложнения и разлад в его семье.

Миссис Нимиц, намереваясь присоединиться к мужу на востоке, быстро съездила в штат Массачусетс, чтобы навестить сестру, которая только что перенесла операцию, и впервые показать Мэри ее тезке, бабушке Фримэн. Чет, возвращаясь в Военно-морскую академию после летнего отпуска, сопровождал мать на восток до Чикаго, затем в одиночестве вернулся в Аннаполис. Прощание было печальным, так как Чет знал, что он не сможет приехать к родителям на восток. Кейт смогла присоединиться к ним только в июне следующего года, когда она получила диплом университета Калифорнии. Таким образом, подобно всем семьям моряков, Нимицам пришлось снова пережить длительную разлуку; в большинстве «сухопутных» семей такое случается лишь однажды или дважды в жизни.

Миссис Нимиц, после поездки на Восточное побережье, встретилась с мужем и дочерью в Беркли. После этого кэптен поспешил в Бремертон, штат Вашингтон, где 16 октября 1933 года на верфи Пьюджет-Саунд он принял командование крейсером. «Огаста» считалась счастливым кораблем, и на ней всегда служили удачливые командиры. Нимиц, будущий главнокомандующий Тихоокеанским флотом, ее третий командир, сменил на этом посту кэптена Джеймса О. Ричардсона, будущего главнокомандующего Американским флотом, а первым командиром был кэптен Ройал Ингерсолл, ставший позднее командующим Атлантическим флотом. Нимиц сменил Ингерсолла раньше срока, потому что у последнего кто-то в семье тяжело заболел и по его просьбе его перевели служить на корабль, базирующийся в американских территориальных водах.

Когда Нимиц принял командование «счастливой» «Огастой», удача стала ей понемногу изменять. На ней только что почти на 100% сменилась команда, включая всех офицеров, из прежнего экипажа остались только пятеро лейтенантов. Большинство новых офицеров прибыли сразу после длительной береговой службы; лишь шестой лейтенант, Джеймс Т. («Юниор») Лэй, по собственному желанию перешел с крейсера «Портленд», потому что хотел служить на востоке.

Перспективы самого крейсера были не слишком радужные. Он только что подвергся ускоренному капремонту (два месяца вместо обычных трех). Пробное плавание или испытания даже не планировались; было назначено только несколько дней испытательных пробегов, и после этого корабль направился в Китай, где не было надлежащих средств для обслуживания корабля. Выглядел крейсер, как обычно бывает после ускоренного капремонта, весьма потрепанным, вся краска в местах замены трубопровода была покрыта сальными отпечатками рук. Бурное 21-дневное плавание по дуге большого круга от Сиэтла до Шанхая также не слишком способствовало улучшению состояния корабля или повышению компетентности ее команды.

Утром 9 ноября «Огаста» встала на якорь на реке Вампу, у Шанхая. Были должным образом выполнены все положенные приветствия и церемонии. Затем с тяжелого крейсера «Хьюстон», предыдущего флагманского корабля, стоявшего поблизости, начал перемещаться штаб главнокомандующего Азиатского флота вместе со своим имуществом. В 5:00 пополудни 14 ноября командующий поднял свой флаг на «Огасте». Это был адмирал Фрэнк Б. Апхэм, способный и уважаемый офицер, прозванный «Коротышка Апхэм» из-за его небольшого роста. Четыре звезды, которые были у него на погонах, отражали только временный ранг, позволявший ему общаться, социально и профессионально, с другими командующими на востоке, большинство которых были британцами. Фактически флот адмирала Апхэма состоял только из его флагманского крейсера, эскадры эсминцев, эскадры субмарин, нескольких вспомогательных судов и некоторых канонерских лодок. Значительная часть американских военных кораблей находилась в портах Западного побережья США, в составе того, что все еще называлось просто Американским флотом.

Вновь прибывшие на борт «Огасты» (приблизительно сто офицеров и матросов) быстро начали изводить экипаж «Огасты» оскорбительными сравнениями с «Хьюстоном» относительно быстроты проведения процедур, эффективности работы и чистоты. Офицеры «Огасты» поклялись заставить штабных взять свои слова обратно, но понимали, что для этого потребуется некоторое время. Тем временем они узнали один из секретов команды «Хьюстона», с помощью которых они поддерживали корабль в безупречном состоянии. Офицеры штаба использовали местную рабочую силу. Наемные рабочие полировали и чистили стальные палубы, до блеска отдраивали медные трубопроводы и делали уборку в труднодоступных местах. Самое удобное во всем этом было то, что рабочая сила ничего не стоила. Китайцы работали в обмен на корабельный мусор — он содержал различные вещи и материалы, которые они могли использовать или продать. Конечно, эксплуатируя иностранную рабочую силу

на борту военного корабля, офицеры «Хьюстона» нарушали законы Соединенных Штатов и бросали вызов должностным инструкциям. Это было просто возмутительно... — и офицеры «Огасты» решили при первой же возможности поступить точно так же.

Функция флагманского корабля Азиатского флота заключалась в плавании вдоль побережья Китая, и «демонстрации флага», то есть крейсер должен был посещать порты, производить салюты, а команда крейсера — поддерживать контакт с местными должностными лицами и с офицерами иностранных кораблей. Как правило, корабль находился у Шанхая весной и осенью, у Манилы зимой и у Цындао летом.

Семьи женатых офицеров вообще двигались вместе с флагманским кораблем, но миссис Нимиц действовала по своему плану. Поскольку в Цындао иностранцам было дорого жить, а в Шанхае чрезвычайно жарко в июле и августе, они с дочерьми провели лето 1934 года в небольшом городе Унзэн в Японии, в холмах за Нагасаки. Зимой 1934–1935 года миссис Нимиц оставалась в Шанхае, чтобы не забирать Нэнси из шанхайской американской школы, где она хорошо освоилась. Когда «Огаста» и миссис Нимиц оказывались в одном и том же порту, кэптен Нимиц жил частично на плаву, частично на берегу с семьей. Он много играл в теннис и вел активную светскую жизнь. Больше всего Нимицы любили принимать у себя младших офицеров, большинство которых было холостяками, и угощать их обедом. Миссис Нимиц баловала их так же, как студентов ее мужа в университете Калифорнии.

Под командованием кэптена Нимица «Огаста» быстро превратилась из неряшливого корыта в великолепный сверкающий крейсер. Свидетели ставят превращение корабля в заслугу непосредственно Нимицу, хотя он, конечно, не достиг бы этого без способного экипажа. Однако и команда также была в какой-то мере созданием Нимица, поскольку он всегда без колебаний заменял офицера или матроса, который не соответствовал занимаемой должности, и у него были друзья в Вашингтоне,

которые следили, чтобы взамен он получал таких людей, которые были ему нужны. Нимиц дал подчиненным понять, что он хочет, чтобы каждый член экипажа старался изо всех сил. Он не высказывал свои пожелания при всех. Он знал всех офицеров поименно и свои просьбы передавал индивидуально каждому офицеру, а через офицеров обо всем узнавали и матросы. Это делалось не ради Нимица, и даже не ради корабля или флота, но прежде всего ради самих людей, их гордости и реализации всех их возможностей.

Стремясь довести корабль и команду до совершенства, Нимиц сначала направил все усилия на работу с младшими офицерами, в особенности с шестью лейтенантами. Все они закончили Военно-морскую академию в 1931–1932 годах и, по крайней мере только что, отслужили более года на море. Нимиц был настроен как можно быстрее сделать из них квалифицированных мореплавателей и высококлассных дивизионных офицеров.

Принцип плана обучения Нимица состоял в том, чтобы возложить на каждого самую большую ответственность, какую он сможет выдержать. Часто это была гораздо большая ответственность, чем та, на которую рассчитывал сам человек. Повышая компетентность своих младших офицеров, он мог возлагать на них обязанности, которые выполняли их непосредственные начальники; последние, таким образом, выполняли какую-нибудь еще более ответственную работу до тех пор, пока сам он наконец не мог ограничить свои собственные задачи общими вопросами командования, административной работы и проведением церемоний, то есть тем, что только он, как командир, мог выполнить. Нимиц всегда твердо придерживался того правила, что он никогда не должен делать ничего, что могли сделать его подчиненные, а кораблевождением он должен заниматься в самую последнюю очередь. «Управление судном,— говорил он,— это работа младших офицеров».

В первые дни службы на Китайской станции Нимиц время от времени приказывал бросить за борт ящик, а затем требовал, чтобы младшие офицеры под его личным наблюдением самостоятельно развернули

корабль и подвели его к этому ящику как к причалу. Во время этих маневров он никогда не повышал голос. Если офицер делал совсем уж грубую ошибку, он мог сказать: «Ну, на Вашем месте я сделал бы это вот так».

Затем он переходил от условностей к реальным действиям. Он вел строгий учет и следил за тем, чтобы каждый из младших офицеров имел опыт самостоятельного управления кораблем при входе в гавань и выходе из нее. Любой из них мог услышать, как его называют по имени по внутрикорабельной связи и приказывают подняться на мостик. Там Нимиц мог сказать: «Мистер такой-то! Возьмитесь за штурвал и дайте полный вперед» или «Примите управление кораблем и поставьте его на якорь».

Однажды, при входе в гавань, лейтенант Одэйл Д. («Мадди») Уотерс перепугался и не сумел своевременно снизить скорость. В результате, чтобы остановить корабль, пришлось давать полный задний ход и выпустить 90 фатомов якорной цепи, а затем выбирать якорь-цепь до 60 фатомов. Кэптен Нимиц молчал, пока крейсер не остановился. Потом он сказал:

— Уотерс, Вы знаете, что Вы сделали неправильно, не так ли?

— Да, сэр, конечно, знаю. Я шел слишком быстро.

— Ну и прекрасно! — сказал Нимиц, и на этом разговор закончился.

Даже когда Нимиц ошибался сам, он превращал эти ошибки в уроки для своих офицеров. Однажды при сильном, порывистом ветре «Огаста» подошла вплотную к стоявшему на якоре танкеру «Пекос». Плавание крейсера только начиналось, на борту не было достаточно опытных офицеров, и в сложившейся ситуации Нимицу оставалось лишь самому взяться за штурвал.

«Нимиц, как всегда, пришвартуется безупречно», — заметил помощник командира лейтенант Э.М. («Томми») Томпсон старшему боцману.

«Все швартовые концы были наготове, — вспоминал Томпсон, — но ветер внезапно переменился, толкнув "Огасту" в обратную сторону, и крейсер на полном ходу

налетел на "Пекос". Высокий, выдающийся вперед нос «Огасты» снес мостик и шлюп-балки танкера. Нимиц крикнул с мостика: "Отдать все концы, я отхожу".

Слегка потрясенный произошедшим, я крикнул в ответ так, что звук разнесся эхом по всему кораблю:

— Кэптен, Вы не сможете сделать это — якорь воткнулся в "Пекос".

— И что же Вы предлагаете? — с сомнением спросил командир.

— Позвольте мне усилить натяжение на тросе номер 3,— ответил я.

— Давайте,— последовал быстрый ответ.

Я натянул трос номер 3, и, возможно, благодаря небольшому изменению ветра и не без Божьей помощи, "Огаста" освободилась, к нашему облегчению и изумлению. Не успели мы толком закрепить швартовые концы по бортам, когда командир прислал за мной.

—Томпсон, что я делал неправильно? — спросил он резким тоном.

— Ну, сэр,— ответил я,— Вы были слишком самонадеянны и недооценили воздействие ветра на корабль, испытывающий небольшую качку.

— Правильно,— согласился он.— Теперь, Томпсон, скажите, что я должен был сделать?

Стараясь среагировать очень быстро, я ответил:

— Вероятно, самое безопасное, что можно было бы сделать, сэр,— пройти вперед, отдать якорь по правому борту и слегка подать назад.

— Правильно,— сказал кэптен Нимиц, тыча в меня пальцем,— и никогда не забывайте это, Томпсон!»

Кэптен Нимиц начал проводить артиллерийские учения вскоре после того, как его крейсер достиг Манилы. Для упражнений «Огаста» прошла в залив Сулу, а оттуда — в Южно-Китайское море, где можно было практиковаться в стрельбе как из зениток, так и из орудий главного калибра. На борту имелось специальное записывающее оборудование для последующего анализа стрельб. Нимиц был одним из немногих американских командиров того времени, которые настаивали на целесообразности

проведения наряду с дневными ночных учебных стрельб. Из-за недавнего прибытия «Огасты» на восток и планов будущего ее использования команде пришлось осваивать два летних цикла обучения артиллерийскому делу в сжатые сроки. Тем не менее она выиграла призовые стрельбы в 1934 году.

Команда «Огасты» также победила в соревнованиях по легкой атлетике среди команд крейсеров. Нимиц с самого начала поощрял занятия офицеров спортом и следил за тем, чтобы организовывались команды по различным видам спорта. Одна команда даже научилась играть в регби и бросила вызов британцам в их же собственной игре. И команда «Огасты» победила. Сам Нимиц любил теннис и часто играл с подчиненными, для пользы их и своего собственного здоровья.

Кэптен Нимиц не был бы самим собой, если бы не замечал и не использовал способности подчиненных. Например, когда он узнал, что «Юниор» Лэй был награжден именным секстаном в Военно-морской академии за лучшие результаты по навигации, он тут же сделал его помощником штурмана. Лейтенант Дж. Уилсон («Билл») Левертон, будучи дежурным по кораблю, отослал горниста спать и ради куража протрубил вечернюю зорю и отбой самостоятельно. Это было виртуозное исполнение, поскольку Левертон играл на горне еще тогда, когда был бойскаутом. Ему в свое время даже поручили играть сигналы на могиле неизвестного солдата в Вашингтоне. Нимиц послал за Левертоном. «Вы — прекрасный горнист! — сказал он.— Это я Вам говорю как командир. Остальные горнисты здесь не настолько хороши. Я даю Вам месяц, чтобы они достигли Вашего уровня».

«Вот так, черт побери,— вспоминает Левертон,— я должен был собрать вместе всех горнистов (там их было всего трое или четверо) и заниматься с ними каждый день. Ну и шумное это было занятие, скажу я вам! Нас начали прогонять все дальше и дальше к корме, и довольно скоро мы стали заниматься в румпельном отделении. Каждый день в течение часа я занимался с этими чертовыми горнистами».

В портах Нимиц устроил ряд семинаров, чтобы его офицеры больше узнали о Китае. Офицеры собирались в кают-компании «Огасты», чтобы прослушать лекции, за которыми следовало обсуждение. Среди лекторов, приглашенных Нимицем, был Нельсон Джонсон, министр правительства Соединенных Штатов и позже первый американский посол в Китае, Джулиан Арнольд, коммерческий атташе посольства США, и министры просвещения и финансов Китайской республики, они оба владели английским.

Эти семинары, которые были собственной идеей Нимица и не проводились на других кораблях, пробудили в офицерах «Огасты» такой интерес к Китаю, что большинство из них провело отпуска, путешествуя в глубь страны. Многие, включая адмирала Апхэма и Нимица вместе с семьями, посетили Пекин. Некоторые офицеры доехали до Харбина в Маньчжурии и возвратились на крейсер через Корею пароходом.

В июне 1934 года «Огаста» нанесла официальный визит в Японию. Крейсер прибыл в Йокогаму 4-го числа. Множество салютов было дано в тот день: в честь японского легкого авианосца «Хосю» салютовали 17 залпами, в честь японского линейного корабля «Хиэй» — 21 залпом, в честь адмирала Осами Нагано — 17 залпами, и 17-ю — в честь французского крейсера «Примоге». На все выстрелы «Огасты» последовали такие же ответные салюты.

Прибытие «Огасты» в Токийский залив совпало со смертью адмирала флота Того, победителя российского флота при Цусиме в 1905 году. Нимиц при первом посещении Японии встречался с Того и позже не уставал им восхищаться. В день общественных похорон, 5 июня, несколько иностранных военных кораблей в Токийском заливе направили делегации на берег для участия в процессии. «Огаста» послала группу самых представительных матросов и морских пехотинцев, все — ростом по шесть футов. В заливе иностранные корабли приспустили флаги — своих государств и японские. Все по очереди, через минутный интервал произвели 19 залпов

в честь умершего адмирала. Апхэм и Нимиц присутствовали на церемонии на берегу. На следующий день они участвовали в восточных похоронных обрядах в доме Того. Это был простой дом с пятью комнатами в лесу под Токио.

Однако в тот день спокойствие Нимица было серьезно потревожено. Китай прислал корабль «Нинь-Хай», который под флагом контр-адмирала вошел в Токийский залив. Они с «Хиэй» должным образом обменялись приветственными залпами, но атмосфера была напряженной, поскольку все знали, что Китай и Япония — враги, соблюдающие временное перемирие в необъявленной войне. Когда «Нинь-Хай» проходил по заливу, «Огаста» произвела приветственный салют из 17 залпов. После первого залпа, как требовала традиция, на мачте «Огасты» должен быть поднят флаг приветствуемого государства. Офицеры, взглянув вверх, были ошеломлены, увидев не китайский, а японский флаг. На его крае по трафарету вроде бы было написано «китайский» (это был производственный брак), но сигнальщику и дежурному офицеру все равно не было никакого оправдания в том, что они умудрились перепутать восходящее солнце флага Японии с разноцветными полосами китайского флага, который они видели каждый день в Шанхае на множестве судов и зданий.

Как только приветственный салют из 17 залпов был произведен, тут же начался следующий, уже с китайским флагом. Но неприятность уже произошла. И японцы, и китайцы были оскорблены, и «Огасту» подняли на смех на всех кораблях в заливе. На «Хиэй» и «Нинь-Хай» были посланы офицеры «Огасты», чтобы принести извинения и объяснить ошибку.

Нимиц был известен своим спокойствием, но это было уже слишком даже для него. Он немедленно послал за связистом и дежурным офицером, первым лейтенантом Стюартом Макафи, и, против обыкновения, высказался о них и об их глупости в отборных выражениях, которые разносились по всему кораблю. Он прогнал их с мостика, отдавая приказы, которые никогда и ни при каких обстоятельствах не могли быть выполнены. Вскоре лейте-

нант Макафи подал рапорт о переводе в Резервный корпус. «Я тогда правильно поступил,— говорил Макафи позже,— потому что иначе, я думаю, кэптен Нимиц просто бросил бы меня за борт».

13 июня по пути назад в Китай «Огаста» посетила японский порт Кобэ. По совпадению, в то же самое время туда зашел лайнер «Президент Джонсон». На его борту была Кейт Нимиц, которая недавно закончила Университет Калифорнии и была на пути в Китай, чтобы присоединиться к матери и сестрам. На приеме на борту «Огасты» она встретилась с «Юниором Лэем», который к тому времени был младшим лейтенантом. Неизвестно, когда именно они успели произвести такое сильное впечатление друг на друга, и, конечно, никто не мог предполагать, что мисс Нимиц в конечном счете станет миссис Лэй.

«Огаста» достигла Цындао 18 июня. Вскоре кэптен Нимиц провел совещание, на котором разбирал различные нарушения и проступки. Один из подчиненных Мадди Уотерса, матрос третьего класса по имени Вулли, во время патрулирования берега был застигнут своим начальником в полураздетом виде на втором этаже кабаре, в квартире одной из девочек. Он был обвинен в нарушении формы одежды и в нарушении устава во время берегового патруля.

— Вулли,— сказал Нимиц серьезным тоном,— что Вы можете сказать в свое оправдание?

— Вообще-то, сэр, дело было так,— ответил Вулли с еще большей серьезностью.— Я был на береговом патруле, и когда шел по улице, чем-то прищемил мою форму и порвал ее. Я знаю, что когда заступаешь в береговой патруль, то должен быть полностью одет во всех смыслах, и рваная форма — это очень плохо для матроса в береговом патруле. Эта молодая леди — моя подруга, и она предложила мне зайти в ее комнату, чтобы зашить дыру. Вот почему я был там без форменного джемпера. Она зашивала его, и именно поэтому я и был там.

«Кэптен Нимиц едва мог удержаться от смеха,— вспоминал Уотерс,— но было видно, что он считает это

очень находчивым ответом, и, желая вознаградить матроса за хорошую историю, он снял обвинение».

Далее ждал своей участи один из подчиненных лейтенанта морской пехоты Льюиса Паллера. В подобных случаях рядом с обвиняемым всегда стоял его начальник-офицер. Он мог в случае чего мог замолвить слово за человека, сказать что-нибудь вроде: «Командир, этот человек, который был обвинен в том-то и том-то, хорошо работает. На него можно положиться в плавании. Он иногда попадает в переделки на берегу, но вообще он ведет себя безукоризненно и на корабле просто незаменим».

Подчиненный Паллера провинился в том, что спал на вахте. Нимиц спросил, есть ли у Паллера какие-нибудь комментарии. К удивлению Нимица и всех остальных, Паллер выпалил: «Конечно, есть, командир. Избавьтесь от этого сукина сына. Он — не моряк, если он спит на вахте. Я больше не хочу его видеть».

Этот неожиданный ответ не оставил Нимицу иного выбора, кроме как отдать морского пехотинца под трибунал. Лейтенант Паллер был третьим по счету командиром морской пехоты «Огасты» в течение командования Нимица — предыдущие два были разжалованы за профессиональную непригодность. Он завоевал доверие Нимица, который позже говорил: «Работа лейтенанта Паллера на борту этого корабля была безупречна». Позже он завоевал известность на Гуадалканале как полковник «Чести». Паллер и наконец ушел в отставку в звании генерал-лейтенанта. Он был одним из самых прославленных морских пехотинцев в истории этого рода войск и героем биографического романа Берка Дэвиса «Морской пехотинец».

Осенью 1934 года «Огаста» предприняла поход в Австралию для того, чтобы присоединиться к гражданам Мельбурна в праздновании столетия города. Во всех портах, посещенных крейсером,— Сиднее, Мельбурне, Фримантле — гостеприимство достигло таких фантастических размеров, что Нимицу пришлось отправить в кают-компанию записку, в которой он просил офицеров принимать как можно меньше приглашений. В свободное

от исполнения служебных обязанностей время каждый из них совершал по четыре светских визита в день.

Обратный путь «Огасты» пролегал мимо Нидерландской Ост-Индии. Корабль заходил на Яву, Бали, Целебес и Борнео, а оттуда направился через южные Филиппины к Маниле и прибыл туда 23 декабря. Перед смотром, состоявшимся несколько дней спустя, офицеры на кораблях и береговых базах в районе Манильской бухты предсказывали, что «Огаста» после такого длительного похода будет грязной, и общее состояние корабля будет признано неудовлетворительным. Вместо этого «Огаста» получила наивысшие оценки по всем показателям.

Той зимой экипаж «Огасты» снова занял первые места в легкой атлетике и артиллерийском деле. Корабельным плотникам пришлось построить специальный ящик, чтобы было где держать все награды. Уотерс сказал: «Мы были первыми во всем, за что брались. Мы были на самой вершине. «Огаста» была великолепным кораблем, и на ее борту находилась опытная команда». Вице-адмирал Ллойд М. Мастин, вспоминая много лет спустя свое плавание с Нимицем, добавлял: «Я думаю, можно без преувеличения сказать, что вся команда «Огасты», от офицеров до последнего поваренка на камбузе, отличалась высокой нравственностью, достоинством и компетентностью».

В Шанхае миссис Нимиц и ее дочери жили во французской концессии. Поскольку у маленькой Мэри была добросовестная китайская няня — «ама», миссис Нимиц могла посвятить себя живописи. Нэнси училась в американской школе. Кейт посещала занятия в женском институте коммерции Фармера. Ее мать была убеждена в необходимости этого образования. Она любила повторять, что «праздность — корень всех несчастий».

Как всегда, кэптен Нимиц и его жена вели постоянную переписку. Поскольку плавание Нимица на «Огасте» должно было закончиться весной 1935 года, они решили послать Кейт и Нэнси назад в Соединенные Штаты, к бабушке и дедушке в Массачусетс, с тем чтобы Нэнси могла не прерывать второй семестр учебы в школе. Девочки покинули Шанхай в середине февраля

1935 г. на борту лайнера «Президент Пирс». «Огаста» прибыла в Шанхай в марте. Нимицы решили возвращаться в Соединенные Штаты на лайнере «Президент Линкольн».

В вечер перед отъездом Нимица офицеры «Огасты» арендовали целый клуб в Шанхае, чтобы устроить Нимицу прощальный вечер. Был обед, были танцы, но прежде всего было произнесено множество благодарственных речей в честь отбывающего командира. Нимиц не ожидал таких эмоциональных проводов и даже прослезился. Мадди Уотерс говорил: «Это было одно из самых величественных мероприятий, на которых я когда-либо присутствовал».

На следующий день, 12 апреля 1935 года, команда «Огасты» была собрана на квартердеке. В 13:30 кэптен Гигакс официально сменил Нимица на посту. Когда Нимиц начал спускаться по трапу, он был удивлен и восхищен, увидев, что его ожидает вельбот с двенадцатью младшими офицерами в полной парадной форме — брюках с золотыми лампасами, эполетах и треуголках. Они были готовы доставить его вверх по реке к «Президенту Линкольну», на борту которого его ждали жена и дочь. Нимиц, провозглашенный почетным рулевым шлюпки, взялся за румпель, и вельбот двинулся по направлению к судну.

Когда вельбот достиг лайнера, кэптен настоял, чтобы гребцы закрепили лодку у трапа и поднялись на борт, чтобы выпить с ним. Отчалив от лайнера, они трижды салютовали своему прежнему командиру. Однако это не было их последней встречей с Нимицем. Он всю оставшуюся жизнь поддерживал этих молодых людей, и ему доставляло удовольствие способствовать их продвижению по служебной лестнице. Некоторые из них позже снова служили с ним; кое-кто дослужился даже до адмирала. Все они при любой возможности заходили к Нимицам, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Для Честера и Кэтрин некоторые из них стали почти сыновьями.

Глава 12

АДМИРАЛЬСКИЙ ЧИН

По прибытии на Восточное побережье кэптен, миссис Нимиц и Мэри сначала нанесли визит родителям миссис Нимиц, которые тогда проживали в Уэллфлите, на полуострове Кейп-Код. Нэнси посещала Си-Пайнс, частную школу в близлежащем Брустере. Кейт, к тревоге ее матери, просто бездельничала в доме бабушки и дедушки. Старшие Нимицы, после краткого пребывания в Уэллфлите, уехали в Вашингтон, где Честер приступил к службе в Морском департаменте. Они долго искали жилье и наконец нашли, как им показалось, то, что они хотели, в Чеви-Чейз, на 34-й Уэст-Кирк-стрит. Это был дом, принадлежащий журналисту Дэвиду Лоренсу.

По уикэндам к родителям на их новом месте жительства присоединялся Чет, второй по успеваемости на третьем курсе Военно-морской академии. Вскоре стало очевидно, что за два года разлуки между отцом и сыном возник психологический барьер. Молодой человек в форме, который появился перед недавним командиром «Огасты»,

был его сыном, но в то же время он был и младшим офицером. Хотя кэптен Нимиц испытывал к Чету более глубокие и теплые чувства, чем к любому из молодых людей, которые служили под его началом на крейсере, он подсознательно поместил сына в ту же самую категорию, что и своих лейтенантов, и соблюдал дистанцию, как старший офицер, который должен быть готов, в случае необходимости, наказать подчиненного. Никогда снова Чет не смог наладить те легкие дружеские отношения с отцом, которые были между ними на борту «Ригеля». У молодого человека подчеркнутая сдержанность старшего офицера вызывала раздражение и он никак не мог избавиться от этого чувства.

Новая должность Нимица — заместитель начальника Бюро навигации — подразумевала главным образом бумажную работу. По сравнению со счастливыми днями на «Огасте» это был просто кошмар. Вместо духа товарищества, который связывал офицеров на крейсере, здесь царила утомительная политическая борьба. Отношения Нимица с руководителем бюро, контр-адмиралом Адольфусом («Долли») Эндрюсом, который тоже был родом из Техаса, были предельно корректными, но отнюдь не дружескими. В отличие от Нимица, Эндрюс был высокомерным человеком с сенаторскими манерами, основным видом деятельности которого была дружба с президентами.

Так как Эндрюс часто отсутствовал на рабочем месте, выполняя поручения своего большого друга президента Рузвельта, Нимицу то и дело приходилось выступать в качестве руководителя бюро. А поскольку министр ВМС Клод Свенсон часто болел, Нимиц время от времени замещал и его. Из-за этих дополнительных обязанностей Честеру приходилось много работать, но благодаря им он узнал такие детали и подробности деятельности Морского департамента, которые позже оказались бесценными.

Чтобы скрыться от чудовищной жары вашингтонского лета, дочери Нимица оставались до августа в Уэллфлите с бабушкой и дедушкой. По их прибытии в Вашингтон миссис Нимиц, следуя своей теории о вреде «праздности», предложила Кейт либо найти работу, либо

опять пойти учиться. Тогда Кейт решила изучить программу библиотечного дела в университете Джорджа Вашингтона. Нэнси поступила в среднюю школу Бетесда в Чеви-Чейз, а Мэри была помещена в детский сад мисс Анджел. Мэри была сначала несчастна, потому что ее одноклассники считали тот диалект, который она переняла от ее китайской «амы», совершенно изумительным и очень, очень забавным.

В конце осени окруженный деревьями дом Нимицев был наводнен листьями, которые забили желоба и водосточные трубы, и кэптену каждый уикэнд приходилось в поте лица расчищать лужайки. Прежде, чем упал последний лист, Нимиц начал искать жилье с меньшим количеством деревьев вокруг. Он нашел то, что хотел, за пределами округа Колумбия, на 39-й стрит, 5515. Новый дом, в который семейство переехало зимой 1935–1936 года, имел еще одно преимущество: рядом находился дом старого друга Честера — Брюса Канага. Поскольку оба работали в Морском департаменте на Конститьюшн-авеню, они могли пользоваться одним служебным автомобилем. Если машина приходила за ними достаточно рано, Честер и Брюс обычно просили высадить их чуть раньше места назначения так, чтобы они могли последнюю милю пройтись вместе.

Для старших Нимицев пребывание в Вашингтоне не было напрасным. Они встречались и общались со многими старыми друзьями. Они могли ездить в Аннаполис, до которого было всего 35 миль, на футбольные матчи и другие спортивные состязания. В Вашингтоне они могли утолить свою страсть к хорошей музыке, постоянно посещая концерты. Музыкальные вкусы Кэтрин были эклектичны, но Честер в основном находил удовольствие в классической инструментальной музыке. Большинство современных музыкальных произведений раздражали его, а опера вгоняла в сон.

Нимиц обнаружил, что в предместьях и окрестностях Вашингтона имеются превосходные места для пеших прогулок. На выходных можно было совершать по-настоящему длинные переходы — по восемь или десять

миль. На эти прогулки Нимиц обычно брал с собой друга или кого-нибудь из детей. Иногда он договаривались с женой, чтобы она выехала и подобрала бродяг в конце прогулки или, наоборот, вывезла их, если они хотели вернуться назад пешком.

Вот что Нэнси рассказывала о походной одежде отца: «Задолго до того, как мужчины в Америке начали носить шорты, папа уже носил «бермуды», носки, доходившие до колен, шерстяную рубашку, и довольно засаленную фетровую шляпу с волнистыми полями, которую в жаркую погоду заменяла старая соломенная шляпа».

Прогулки служили не только для укрепления здоровья и для хорошего разговора; еще по дороге можно было собрать множество цветов и грибов. В частных владениях Нимиц, ничуть не смущаясь, нагло выходил прямо на лужайку перед домом, чтобы сорвать интересный экземпляр, при этом хозяева дома вполне могли сидеть на крыльце и с удивлением наблюдать за происходящим. Заметив их, нарушитель оборачивался к ним с обезоруживающей улыбкой, спрашивал, знают ли они о том, что растет у них на лужайке, и вскоре начиналась приятная беседа. Нэнси говорила: «Он был человеком, на которого, я думаю, было невозможно обидеться».

Однажды, на прогулке с приятелем, морским офицером Джорджем В. Бауэршмидтом, в парке Рок-Крик в Вашингтоне, проявило себя своеобразное чувство юмора Нимица. «Мы сошли с шоссе,— вспоминал Бауэршмидт,— и брели по тропинке. За поворот уходила свежая колея. Повернув, мы увидели над дверью припаркованного автомобиля макушки голов двух людей. Как и любой на моем месте, я собирался осторожно пройти мимо. Но нет, только не с Честером Нимицем. Он подошел, засунул голову в автомобиль и сказал: «Хороший день, не правда ли?» и ушел, оставив позади двух пораженных людей».

На экскурсии Нимиц обычно брал с собой трость, и не только для того, чтобы опираться на нее. «Она замечательно стучала о тротуар,— рассказывала Нэнси,— ее можно было использовать, чтобы указывать на предметы, чтобы раздвинуть траву, закрывающую цветок или что-

нибудь вроде этого, а самое главное — чтобы подцепить ветвь дерева, растущего у забора в чужом саду, и сорвать то, что на ней есть. Это была одна из особенностей отца, которые обычно очень смущали нас с сестрой». Честер Нимиц-младший говорил, что отец «абсолютно не стеснялся украсть пару яблок, если мог дотянуться до них через забор».

На самом деле Нимиц не считал, что сорвать то, что можно достать, — это воровство. Надо сказать, что делиться с путешественниками — традиция Техаса или, по крайней мере, той части штата, откуда Нимиц был родом. Он был бы рад, если бы какой-нибудь бродяга смог дотянуться до плода на любом дереве его собственного сада.

Конечно, не все владельцы деревьев, у которых он воровал плоды, знали о техасских традициях или разделяли взгляды Нимица на великодушие. Был, например, такой случай. Нимиц с другом, гуляя как-то раз, проходили через двор, в котором было дерево, увешанное зрелыми вишнями, причем одна ветка свисала через забор. Нимиц без колебаний потянул и нагнул тростью ветку. Когда он и его приятель были поглощены поеданием вишен, вышла хозяйка дома и начала их ругать, как обычных воров.

Пока леди кричала, на лице Нимица было выражение подлинного сожаления. Потом, когда выговор окончился, он вышел вперед и начал восхищаться ее превосходными вишнями. Потом похвалы переключились на ее дом и земельный участок. Брови леди постепенно перестали хмуриться; ее хмурый взгляд исчез, она начала улыбаться, он улыбнулся в ответ, а потом она предложила ему и его другу столько вишен, сколько они пожелают.

В июне 1936 года Чет закончил Военно-морскую академию и после отпуска ушел в море на крейсере «Индианаполис». Кейт получила диплом по библиотечному делу и получила работу в отделении публичной библиотеки округа Колумбия. Нэнси выдали диплом средней школы, а Мэри, преодолев в значительной степени тенденцию говорить по-английски с китайским синтаксисом, удачно завершила год в детском саду.

Вскоре после окончания членами семьи Нимицев различных учебных заведений их постигло горе. Умерла мать Кэтрин, миссис Фримэн. Из-за этого сорвались намеченные празднества, и не смогли прийти в гости одноклассники Чета. Большая часть семьи уехала в Уэллфлит, а Кейт с отцом остались дома, так как не могли бросить работу. Также на их «попечении» остался огромный окорок, предназначавшийся для отмененных празднеств. Кейт, не слишком опытная в кулинарии и не знавшая, что ветчина может долго храниться, каждый вечер отрезала кусок ветчины к салату. Кейт рассказывала: «Я просто резала и подавала ее к каждому обеду». Потом Кейт с отцом пригласил на обед Канага, и у них, как назло, тоже была ветчина. Нимиц был не слишком разборчив в еде и абсолютно не жаловался. «Он был просто чудо,— продолжала Кейт.— Чем бы его ни кормили, для него это был замечательный обед, лучшая еда на свете». Однако ситуация стала настолько мрачной, что Кейт и ее отец послали миссис Нимиц открытку: «Посетите ветчинную лавку старого Нимица. У нас праздник — Неделя старой ветчины». Кейт говорила, что после этого вообще всю жизнь не могла даже видеть ветчину.

Осенью 1936 года Нэнси начала учиться в университете Джорджа Вашингтона, а Мэри поступила в детский сад при школе Э.В. Браун. Однако у Мэри вскоре заболели уши, и миссис Нимиц пришлось учить ее дома по материалам Кэлверт-Скул. Следующей осенью Мэри, окончательно поправившись, поступила в первый класс школы Сидвелл-Френдз в Вашингтоне. Кейт тем временем перевели в отдел книгооборота главной публичной библиотеки на углу 8-й стрит. Затем она была назначена помощником руководителя музыкального отделения, затем исполняющим обязанности руководителя отделения и, наконец, постоянным руководителем. Получив высокий пост, она помчалась домой вне себя от радости. Подбежав к отцу, подстригавшему лужайку, она воскликнула: «И что ты думал? Я получила постоянную работу!»

С довольным видом Нимиц сунул руку в карман и извлек пятидолларовую бумажку. «Вот,— сказал он.—

Сбегай за угол и возьми бутылку джина — отпразднуем!»

На следующий день начальник Кейт в библиотеке, чопорный тип из Новой Англии, спросил: «О мисс Нимиц, что сказал Ваш отец, когда Вы сказали ему, что Вас назначили новым руководителем музыкального отделения?»

Учитывая обстоятельства, Кейт решила не приводить прямую цитату. «О,— сказала она скромно,— он был очень доволен».

Весной 1938 года Нимиц получил звание контр-адмирала и с радостью узнал, что ему скоро опять предстоит выйти в море. Он намеревался получить адмиральский чин и сожалел, что в его послужном списке нет летной практики. Он подавал заявку на обучение в Пенсаколе, но начало занятий там и его перерывы между назначениями никогда не совпадали.

В середине мая Нимиц получил назначение. В начале июля он должен был прибыть в Сан-Диего, чтобы принять командование 2-й дивизией крейсеров. Выбор времени был хорош в том отношении, что Мэри могла окончить первый класс и поехать на Западное побережье вместе с родителями. Ее сестры остались в Вашингтоне, где они нашли подходящую квартиру с любопытным адресом: «Кью-стрит, 2222».

В других отношениях выбор времени для нового назначения был чрезвычайно неудачен, потому что миссис Нимиц 6 июня должна была присутствовать на спуске субмарины «Сарго» в Гротоне и согласилась быть крестной матерью нового корабля. 18 июня Чет должен был венчаться в часовне верфи острова Мэр, около Сан-Франциско. Чтобы упаковаться, ехать и успеть на все три события, надо было сделать очень многое и сделать быстро.

«Сарго» должным образом окрестили 6 числа. Миссис Нимиц вспоминает: «Бедная семилетняя Мэри была ужасно напугана сиренами, поэтому ей там очень, очень не нравилось,— и еще она хотела в туалет.

Лучше всего из этой суматошной поездки через континент,— продолжала миссис Нимиц,— я помню тот день, когда мы попали под ливень, и воды было

видимо-невидимо. Когда нас всех заботило только то, проедем мы или нет, с заднего сиденья послышался тихий голосок. Мы проезжали кладбище, и из-за дождя цветы на могилах выглядели свежими и великолепными. Мэри сказала: «Правда, здорово, что на могилах цветы? Теперь мы знаем, что, когда мы умрем, у нас тоже будут цветы на могилах». Если бы ситуация ухудшилась, у нас, возможно, очень скоро появились бы такие цветы. Мы с Честером от души смеялись, и это отчасти помогло снять напряжение».

Кэптен, миссис Нимиц и Мэри спешили на свадьбу. Чет вытерпел только две недели сверх двух лет холостяцкой жизни, требовавшихся тогда от выпускников Военно-морской академии. Его невестой была Джоан Лейберн, уроженка Джерси, Нормандские острова. Он встретил ее на приеме на острове Мэр. Она тогда изучала ортодонтию в стоматологической школе Университета Калифорнии в Сан-Франциско.

Честер и Кэтрин дали молодоженам свое сердечное благословение и затем поспешили в Сан-Диего. Там они встретили лейтенанта Престона Мерсера, нового адъютанта Нимица, который также прибыл с Восточного побережья. 9 июля 1938 года кэптен Нимиц взошел на борт флагманского корабля «Трентон» и принял командование дивизией, входившей в состав Американского флота, которым тогда командовал адмирал Клод Блох. 30 июля Нимицу было присвоено временное звание контр-адмирала; отсчет срока службы велся с 23 июня. В этот знаменательный момент его карьеры Честер Нимиц был поражен грыжей, и ему пришлось лечь на операцию. Он должен был остаться в больнице на месяц, и считался негодным к воинской службе в течение нескольких недель после этого. Он стал мрачным и раздражительным. Единственное, что он не мог выдержать — бездействие. Он чувствовал, что из-за внезапного недуга он упускает поистине золотую возможность.

Но удача Нимица не покинула его. Он потерял командование крейсерами, но по выздоровлении получил вместо этого намного более значительный пост команди-

ра 1-го дивизиона линейных кораблей. Он принял командование 17 сентября, на борту его нового флагманского корабля «Аризона», в Лонг-Бич. Нимицы, Мерсеры и кэптен Айзек Кидд, командир «Аризоны» — все проживали в районе Оушн-Бульвар, где у Нимицев была квартира на самом берегу. Лейтенант Мерсер и кэптен Кидд скоро узнали, что служба с Нимицем таила в себе неизбежную повинность — прогулки. Каждое утро, когда корабли дивизии стояли в базе, они присоединялись к нему в энергичной обширной экскурсии от домов до пирса.

К этому моменту карьеры Нимиц приобрел заслуженную репутацию человека, который никогда не забывает имена и лица и всегда посылает друзьям открытки или письма с поздравлениями по случаю дня рождения, годовщины или продвижения по службе. Многие поражались больше даже не его доброте, а памяти. Возможно, они не знали, что у Нимица была папка с картами, на которых были записаны важные даты, которые, как думали многие, он держал в голове. На каждой базе или судне какому-нибудь секретарю, писарю или помощнику поручалось хранить эту папку, а также постоянно сообщать Нимицу нужные даты и уведомлять о продвижениях по службе или других почестях, которые выпали на долю внесенных в список.

Однако способность Нимица запоминать людей действительно была уникальна. Доступные источники указывают только один случай, когда он не смог признать и немедленно назвать знакомого. Это было осенью 1938 года, когда Нимицы жили в той береговой квартире в Лонг-Бич. Чет и его жена Джоан, приехавшие в гости на уикэнд, только что возвратились после купания, а адмирал был на кухне и готовил коктейли на всю семью. Зазвенел дверной звонок. В дверях стоял старый седовласый джентльмен.

— Здесь живет адмирал Нимиц? — спросил он.

— Да.

— Хорошо, я как раз очень хочу его видеть.

Вошедший нисколько не смутился при виде молодых людей, чувствовавших себя неловко во влажных

купальных костюмах. Те посмотрели на Кэтрин, память которой на имена и лица была почти столь же хорошей, как у мужа. Но она явно не признала гостя. Чет позже задавался вопросом, почему сам он сразу не спросил незнакомца, как его зовут. Так или иначе, его сдерживала неловкость ситуации.

Посетитель, дождавшись приглашения, сел. Он держался с большим достоинством и был очень молчалив. Кэтрин попробовала разговорить его, но без особого успеха. Наконец вошел адмирал с четырьмя бокалами на подносе. Семья вздохнула с облегчением. Сейчас тайна раскроется! Как бы не так. Адмирал Нимиц бросил на посетителя изучающий взгляд и явно потерпел неудачу. Последовала неловкая тишина.

Наконец адмирал спросил: «Хотите коктейль?» Утвердительный ответ дал ему возможность убежать назад на кухню — стратегическое отступление, чтобы все обдумать. Однако когда он возвратился с пятым бокалом и вручил его гостю, семье стало понятно, что адмирал все еще в недоумении.

Обычные люди, привыкшие забывать имена, знают, как справляться с такими ситуациями. Однако для Нимица это был новый волнующий опыт. Никто в семье прежде никогда не видел его таким растерянным. К их смущению, вместо того чтобы оставаться нормальным и дружелюбным, как обычно, он стоял и в упор смотрел на старика. Наконец в глазах адмирала появился радостный блеск.

— Я знаю, кто вы! — воскликнул он,— Вы — начальник Крочетт. Вы были боцманом на канонерке «Пэнэй», когда я был ее командиром на Филиппинах в 1906 году!

— А кто же еще! — сказал старый джентльмен таким тоном, как будто бы вспомнить имя и лицо по прошествии 32 лет — самое обычное дело.

В начале января 1939 года большая часть Американского флота отбыла для проведения учений под кодовым названием «Задача Флота-20» в Карибском бассейне. Адмирал Нимиц остался в качестве старшего морского офицера на Западном побережье. Он командовал 7-м

оперативным соединением, состоящим из «Аризоны», большого авианосца, крейсера, нескольких эсминцев, вспомогательных судов и танкера. Это подразделение было оставлено главным образом для отработки таких операций, как дозаправка на ходу и высадка десанта.

> «Для меня, как для новоиспеченного контр-адмирала, было большим везением,— писал позже Нимиц,— командовать 7-м оперативным соединением и проводить дозаправку в море со всеми типами судов и при любой погоде. Также надо отметить, что при высадке на остров Сан-Клементе у Калифорнийского побережья наши морские пехотинцы приобрели ценнейший опыт, заключавшийся хотя бы в понимании того, что обычные шлюпки были абсолютно непригодны для такой работы. Потеря нескольких сотен шлюпок в ходе этих учений показала необходимость в разработке десантной техники принципиально новой конструкции, которая отвечала бы требованиям, предъявляемым к десантированию во Второй Мировой войне».

Адмирал Нимиц был доволен, заметив прогресс в методах дозаправки на ходу, который наметился с тех пор, как он и лейтенант-коммандер Динджер разработали эту методику в 1917 году. Теперь он внедрил некоторые новые усовершенствования.

> «Учитывая накопленный опыт,— писал он,— и имея более надежные и чувствительные системы контроля скорости и рулевого управления и квалифицированную команду на обоих судах, от канатов между танкером и заправляющимся судном можно избавиться. Танкер ложится на желаемый курс, заправляющееся судно подходит с определенной стороны, и оба судна идут с одинаковой скоростью, соединенные только топливными линиями».

Также Нимиц глубоко интересовался десантированием, поскольку он давно осознал, что основными операциями

в вооруженном конфликте между Соединенными Штатами и Японией будет ряд десантных атак, направленных на захват тихоокеанских островов. Морские пехотинцы, которых он вызвал на учения в Сан-Клементе, служили во 2-й бригаде морской пехоты, которая являлась ядром 1-й дивизии морской пехоты, и он фактически готовил их к сражениям на Гуадалканале, мысе Глостер, Пелелу и Окинаве.

В море адмирал Нимиц совмещал работу и физические упражнения, так как, прогуливаясь по палубе «Аризоны», обычно проводил серьезные беседы с одним или несколькими офицерами своего штаба. По привычке он добавлял непринужденности даже в профессиональные разговоры с помощью его бесконечного запаса веселых историй. Офицеры заключали пари на то, что никто не сможет принести Нимицу историю, которую бы он не слышал, и не сохранилось никаких сведений о том, что кто-нибудь из них когда-либо выигрывал пари.

Адмирал Нимиц набрасывался на работу с каким-то радостным энтузиазмом, который оказался весьма заразительным. Офицеры, которые служили с ним тогда, вспоминают, что никогда они не работали усерднее и не веселились так, как в ходе тех учений. Весной 1939 года все оперативное соединение было разочаровано не меньше, чем сам адмирал, когда Нимиц получил распоряжение сдать командование. Он должен был возвратиться в Морской департамент как начальник Бюро навигации.

В краткости службы Нимица на плавающем соединении не было ничего необычного, так как старшие и высшие офицеры тогда быстро и регулярно меняли места службы, ни один не служил в одной должности больше года. Многие считали, что командные посты на боевых кораблях передавались по кругу среди самых многообещающих контр-адмиралов, чтобы дать им опыт, необходимый в том случае, если Соединенные Штаты будут вовлечены в войну. И если командование 1-й дивизией линейных кораблей и 7-м оперативным соединением было испытанием способностей Нимица, он прошел его с честью.

В июне 1939 года адмирал Нимиц с женой и Мэри вернулись в Вашингтон. Они, к счастью, обнаружили, что в квартире на Кью-Стрит 2222 до сих пор живут их две старших дочери. Кейт и Нэнси, приходя домой — одна после школы, другая после работы,— теперь обычно обедали с родителями. Нимица серьезно беспокоил тот факт, что в его отсутствие Нэнси приобрела крайне левые, даже просоветские, убеждения. В университете Джорджа Вашингтона она даже просила принять ее в Лигу Молодых Коммунистов, и, к ее ужасу, ей было отказано из-за ее «буржуазного происхождения». Адмирал решил не спорить, веря, что природный ум Нэнси направит ее снова на рациональный путь. Были, однако, и трения. Как-то раз, вскоре после начала Второй Мировой войны, Нэнси за обедом с удовольствием пересказала слух о том, что линейный корабль «Роял Оук», недавно потопленный немецкой подлодкой, был на самом деле уничтожен самими британцами, чтобы вызвать сочувствие со стороны других государств. Для Нимица это было уже слишком. С чем-то вроде отвращения на лице он положил его вилку и холодно сказал: «Люди, которые верят такому, поверят чему угодно».

В тот же период семья Нимицев однажды совершала плавание по реке Потомак на яхте «Секвойя» в качестве гостей морского министра. Идя вниз по течению, «Секвойя» встретила президентскую яхту «Потомак», над которой развевался президентский флаг. «Конечно,— говорила Нэнси, вспоминая случай несколько лет спустя,— все на «Секвойе» выскочили на палубу и стояли по стойке "смирно", пока проходила президентская яхта. Мы все были в каюте, когда спустился старшина и сообщил, что проходит "Потомак". Папа пошел на палубу, а я сказал довольно грубо: "Я не уверена, хочу ли я приветствовать Рузвельта". Он сказал: "Приветствуешь ты Рузвельта или нет — твое личное дело, но президента ты приветствовать будешь"».— «Это запомнилось»,— добавила Нэнси.

Когда адмирал Нимиц стал начальником Бюро навигации, Соединенные Штаты вели самую крупномасштабную гонку военно-морских вооружений в истории. В первом

акте Винсона (1934 год) предусматривалось строительство более чем ста кораблей и судов, включая те, что строились на замену старым. Второй акт Винсона, принятый в 1938 году в ответ на вторжение Японии в Китай и аннексию Германией Австрии, устанавливал финансирование военно-морской программы судостроения в размере миллиарда долларов в год. Задачей бюро было обеспечение призыва, обучение моряков и назначение их на службу в этот быстро растущий флот.

Нимиц начал с нещадной борьбы с бюрократизмом и упрощения процедур. Одновременно он начал наращивание сил. Так как большинство предложенных им мер требовало утверждения в конгрессе, он должен был часто появляться в здании Комитета по военно-морским делам. Там ему посчастливилось завоевать дружбу и огромную поддержку председателя, Карла Винсона.

Чтобы привлечь кандидатов, Нимиц поместил в газетах рекламные объявления и вдохновенные истории, рассказывающие о преимуществах службы на флоте. Он ускорил поступление военнослужащих на службу, увеличив учебные базы в Сан-Диего, Норфолке, Ньюпорте и на Великих озерах и сократив основной курс подготовки призывников с восьми до шести недель.

В Военно-морской академии, главном поставщике строевых офицеров для регулярного флота, он увеличил контингент учащихся, главным образом за счет разрешения каждому конгрессмену ежегодно назначать пять вместо обычных четырех кандидатов. В то же самое время он временно сократил курс обучения с четырех до трех лет. Выпускникам учебных центров по подготовке офицеров запаса было разрешено переходить из запаса в регулярный флот, и число центров в колледжах и университетах было увеличено с 8 до 27. Также разрешение на переход в регулярный флот было дано летчикам-резервистам и отдельным мичманам, старшинам и лейтенантам.

С началом войны в Европе президент объявил состояние ограниченного чрезвычайного положения и призвал офицеров запаса на добровольной основе. После падения Франции он объявил неограниченное чрезвычайное по-

ложение и призвал к действительной службе всех оставшихся резервистов и выпускников военно-морских училищ, Военно-морской академии и центров подготовки.

Неиссякаемым источником морских офицеров запаса была новая программа «V-7» Бюро навигации, в ходе которой кандидаты, в основном недавние выпускники колледжей, обучались месяц в море и три недели на берегу, а затем увольнялись в запас в звании лейтенанта. Чтобы помочь управлять учреждениями на берегу и тем самым допустить офицеров регулярного флота служить в море, во флот вернулись отставные офицеры, и некоторые классы специалистов призывались непосредственно из запаса ВМС.

Делопроизводителей и прочих невоенных работников Нимиц предпочитал набирать из персонала государственной службы. Он отказался возрождать практику Первой Мировой войны, когда офицеры запаса — мужчины и женщины — выполняли гражданскую работу. В течение той войны почти 13 000 женщин, которых называли писарями, были призваны для выполнения лишь конторских работ.

> «Хоть этот план тогда и соответствовал потребностям Бюро и Департамента,— писал Нимиц,— за почти четверть века он обошелся флоту в круглую сумму. Эти писари и другие, которые выполняли обязанности, возложенные теперь на клерков государственной службы, имели право на все правительственные льготы, полагавшиеся военнослужащим,— премии, пенсии, медицинское обслуживание и т.д., на что уходили тысячи долларов государственных средств уже после окончания их службы».

Нимиц был особенно оппозиционно настроен к возобновлению призыва женщин-писарей. Он заключил, что они были вообще худшими работниками, нежели клерки государственной службы. Другая, более личная, причина для его возражений заключалась в его стойком

отвращении к женщинам в военной форме. Едва ли стоит уточнять, что он не имел никакого отношения к учреждению в 1942 году организации женщин-добровольцев.

В период между назначением Нимица на пост руководителя Бюро навигации и 15 мая 1941 года численность персонала государственной службы в Бюро повысилась с 280 до 950 человек. О них Нимиц писал: «Для меня является большим удовольствием увековечить на этих страницах благодарность за лояльную работу большинства служащих, как старых, так и новых. Мало кто из них не был исполнен желанием защищать свою страну. Многие на добровольных началах работали сверхурочно, не только после рабочего дня, но и по воскресеньям».

Представительницей лояльной «старой гвардии» служащих была миссис Горман, пожилая леди, которая хромала и ходила, опираясь на трость. Ее одеяние, которое выглядело бы модным в годы ее юности, включало высокие ботинки на шнуровке и высокий жесткий воротник, поддерживаемый в прямостоячем положении полосками кости с каждой стороны. Короче говоря, она выглядела абсолютно карикатурно, но у адмирала Нимица она вызывала почтение и симпатию. Он говорил жене: «Самой зарабатывать себе на жизнь — настоящий подвиг для женщины в таком возрасте».

Миссис Горман, чувствуя отношение адмирала к ней, взяла за правило подстерегать его в коридоре. Когда она заметила, что он проходит мимо ее офиса в одно и то же время каждый день по пути к комнатам отдыха, она регулярно брала трость и стакан для воды и шла в том же направлении, и ей обычно удавалось перехватить его на обратном пути и завязать разговор. «Черт побери,— сказал в конце концов адмирал, не подозревающий, что встречи спланированы заранее.— Мне придется сменить время приема пищи, потому что мне просто не о чем говорить с миссис Горман».

Адмирал Нимиц, предвидя, что Бюро скоро перерастет выделенные ему кабинеты, заранее начал добиваться помещений большей площади. Наконец в 1941 году под Бюро были отданы просторные помещения в Арлингто-

не, штат Вирджиния. Сам Нимиц задержался с переездом из старого здания до тех пор, пока в смежном с его новым арлингтонским офисом помещении не был по специальному заказу оборудован туалет — как говорят, для того, чтобы избегать встреч в коридорах с разными восхищенными старыми леди. Нимиц таким образом оказался физически отделен от его бюро во время нападения на Перл-Харбор. Ему приходилось постоянно пересекать Потомак то в одну, то в другую сторону, когда к проблемам, связанным с быстрой мобилизацией, прибавились проблемы с убитыми и ранеными. 16 декабря 1941 г. измученный руководитель Бюро навигации получил от морского министра Нокса ужасную новость о назначении его командующим Тихоокеанским флотом.

По приезде домой, как мы помним, он расказал новости миссис Нимиц. На обеде тем вечером, помимо Кейт, Нэнси и Мэри, была Джоан, которая приехала к свекру и свекрови, пока Чет был в море на подводной лодке «Стерджен».

Адмирал был непривычно молчалив. Атмосфера была наполнена торжественностью. Наконец Нимиц заговорил, и его голос был мрачен.

— Теперь у меня есть некоторые новости,— сказал он,— но это не для печати.

Звонко, в унисон, Кейт и Нэнси воскликнули:

— Ты едешь в Перл-Харбор!

Тяжелая атмосфера сразу рассеялась.

— Я же говорила тебе, что они догадаются,— сказала миссис Нимиц со смехом.

В конце обеда командующий флотом взял блокнот и карандаш. Ожидая, что его разыщет пресса, как только о его назначении будет объявлено, он обдумывал публичное заявление. Наконец он написал: «Это — большая ответственность, и я сделаю все, чтобы оправдать оказанное мне доверие». Он передал блокнот по кругу: «Это нормально звучит?» Все подтвердили, что это было прекрасно. Когда блокнот дошел до Кейт, она вырвала лист. «Я уверена, что это — история,— сказала она, кладя его в карман,— так что сделай еще копию».

Нимиц снова написал: «Это — большая ответственность, и я сделаю все, чтобы оправдать оказанное мне доверие».

Нэнси вырвала и этот лист, сказав:

— А это оставлю себе я.

— А мне копию?! — потребовала Джоан, и адмирал, снова выписав слова, вручила лист ей.

Тогда, наконец, будущему командующему на Тихоокеанского флота разрешали написать копию заявления для себя и для прессы.

Глава 13

БОРЬБА ЗА ГУАДАЛКАНАЛ

В конце дня субботы 25 июля 1942 года трое молодых офицеров штаба Тихоокеанского флота поднялись на холм Макалапа к неподалеку от места жительства старших офицеров со смешанными чувствами рвения и тревоги. Лейтенанты Артур Бенедикт и Джон Г. Роенигк, переводчики с японского языка, и лейтенант резерва ВМС Джеймс Бассет, помощник офицера по связям с общественностью, собирались обедать с шефом в его апартаментах, большом обшитом вагонкой доме, который адмирал Нимиц занимал вместе с адмиралом Спрюэнсом, его новым начальником штаба, и с кэптеном Жендро, флотским хирургом.

Как только молодые люди повернули к дому, подъехал знакомый длинный черный «бьюик», и из него вышел адмирал Нимиц в белом кителе. Он возвращался со свадьбы. Лейтенанты решили погулять некоторое время неподалеку, чтобы у их начальника было время освежиться и, возможно, переодеть форму. Наконец они поднялись по трем лестничным пролетам, ведущим к дому,

и были пропущены караульным морским пехотинцем и филиппинским поваром. Нимиц поспешил через комнату, поздоровался с гостями, сказав повару: «Сообщите мне, когда наверху будет готово».

Нимиц вывел гостей наружу через задний ход, чтобы показать домашнюю живность — собаку-полукровку и четырех мангуст в клетке. Последних поймали для того, чтобы Перес, филиппинский стюард, увлеченный таксидермист-любитель, набил из них чучела. Собака так и норовила откусить мангустам носы, лаяла и тянула влажную морду к клетке, а они повизгивали и рычали на неё.

Вернувшись внутрь, адмирал показал образец искусства стюарта, довольно коряво набитое чучело мангуста. Он сказал, что как-то раз у него в гостях было трое штабных офицеров, и Перес никак не мог поучаствовать в разговоре. Стюард был расстроен, но обещал кое-что смастерить, и вот что он сделал.

— Мы ели этого зверя,— сказал Нимиц.— Следующим утром мангуста, уже набитая, появилась на буфете. Мы и не знали, что мы едим.

Вошел повар и объявил, что «наверху» готово, после чего адмирал спросил лейтенантов, не хотят ли они выпить. Они, конечно, не отказались, и он повел их вверх по лестнице. По пути они прошли мимо рабочего стола адмирала и карт Тихоокеанского региона, закрепленных на чертежной доске, подпертой козлами. «Это — хобби»,— сказал Нимиц с улыбкой.

Они вошли в маленькую затемненную комнату с пятью стульями с прямыми спинками и столом, на котором стояло две бутылки ликера, бутылка горькой настойки, фрукты для коктейля, ковш со льдом и поднос с закусками. «Бурбон или оке?» — спросил Нимиц.

— Я — поклонник бурбона,— сказал Бассетт. Бенедикт и Роенигк заказали оке — сокращение от «околехао», крепкого гавайского ликера. Нимиц выбрал бурбон, а из обоих ликеров приготовил коктейли, причем на ликер не поскупился. Позже они выпили еще по одной. «Крепкий, как пинок мула,— вспоминал Бассетт,— но великолепный».

Вскоре к ним присоединился адмирал Спрюэнс. Он взял приготовленный для него бокал томатного сока. Нимиц предложил подкрепить сок глотком оке. «Нет, — сказал Спрюэнс, — я не думаю, что это хорошо. Яд и противоядие в одном стакане? Нет, пожалуй, воздержусь».

Нимиц вспомнил, что Объединенная организация обслуживания (USO) хотела привезти на Гавайи актеров театра и кино, чтобы развлечь войска. Радоваться этому Нимицу не давало его предубеждение против женщин в зоне боевых действий. «Когда Эммонс сделает письменное заявление о том, что по его мнению, это место достаточно безопасно для присутствия посторонних, — сказал он, — вот тогда я дам добро на приезд этих кинозвезд, но не раньше».

«Говорю вам как старый подводник, — продолжал Нимиц, — Нет ничего в мире, что могло бы помешать японской лодке всплыть как-нибудь темной ночью у Гонолулу, выпустить 25–30 снарядов по береговым постройкам, а потом погрузиться и уйти малым ходом. Мы бы никогда ее не поймали. Конечно, я думаю, что *сюда* они никогда не доберутся, — здесь он имел в виду Перл-Харбор. — Я бы, например, не смог».

Спрюэнс согласился, что вражеские субмарины вряд ли проникнут в гавань. Нимиц проворчал: «Черт, я не знаю, чем эти японцы руководствуются на своих подлодках. Кажется, что они больше интересуются разведкой, чем потоплением наших судов, по крайней мере сейчас».

Кто-то вспомнил, что на островах проживают девять тысяч молодых людей японского происхождения. Нимиц высказал мнение, что их нужно призвать и послать на африканский фронт, где им не пришлось бы воевать с японцами. «Они — хорошие бойцы», — сказал он.

Филиппинский повар появился внизу лестницы и кивнул. Нимиц кивнул в ответ, и они, наспех выпив по последнему коктейлю, спустились в столовую. Нимиц гордо объявил, что к обеду будет подан специальный бефстроганов, приготовленный по рецепту его дочери.

Гости согласились, что главное блюдо было восхитительным, но еще их ждал десерт — мороженое с авокадо.

После обеда Нимиц снова начал разговор. Он вспомнил несколько анекдотов, тут же признавшись, что когда он получил звание кэптена, его жена сказала ему, что рассказывать «эти ужасные истории» — ниже его достоинства. Однако он все равно рассказал — о китайских распутных девках, которым нравились мужчины с татуировками в виде драконов на груди, и о молодом моряке, испугавшемся первого прыжка с парашютом. Последняя история явно была свежей. Сержант сказал ему: «Не волнуйся, просто дерни за вытяжной трос. Если парашют не откроется, потяни вытяжной трос запасного парашюта. После приземления фургон с базы заберет тебя в лагерь». Моряк прыгнул. Когда он потянул первый трос, ничего не случилось. Когда он потянул второй, опять ничего не случилось. Глядя вниз, он сказал: «Держу пари, что этого проклятого фургона там тоже не будет».

Один из лейтенантов вспомнил, как он выезжал в один из армейских лагерей на Оаху и обнаружил, что войска скучают и тоскуют по дому.

«Мягкие, они слишком мягкие,— сказал Нимиц.— Они должны учиться быть твердыми. У них нет никаких проблем. Им только кажется, что они есть. Мы собираемся остаться здесь надолго, и им придется привыкнуть к этой мысли».

Около девяти часов вечера обедающие отодвинулись от стола, и Нимиц сказал: «Пойдемте подышим свежим воздухом» — так он обычно давал понять, что вечер закончен. Они вышли. Молодые люди тут же надели фуражки, но адмирал Нимиц был без головного убора, и его седые волосы отливали серебром в лунном свете. Было слышно, как насосы перекачивают жидкую грязь из гавани в кратер потухшего вулкана Макалапа. Нимиц сказал Спрюэнсу: «Как будто дождь стучит по жестяной крыше, правда, Рэй?». Спрюэнс кивнул.

Нимиц продолжал: «Под эти звуки, наверное, хорошо засыпается?» Спрюэнс снова кивнул.

Молодые лейтенанты уже собирались уезжать, и Бассетт спросил Нимица:

— Я слышал, Вы много читаете ночью, сэр. Это правда?

— Совершенно верно, — ответил адмирал. — Я читаю с трех до пяти каждую ночь.

— С трех до пяти! Когда же Вы спите, сэр?

— Ну, я ложусь в десять и сплю до трех, а потом я позволяю себе еще вздремнуть — с пяти до без пятнадцати семь.

Бассетт, будущий романист и редактор, той ночью записал в его дневнике:

> «Так вот каково это — быть адмиралом. Адмирал Нимиц — человечный, приятный, сердечный, оригинальный, доброжелательный человек — лучший штабной офицер, с которым я когда-либо встречался, но на этих широких, ссутуленных плечах лежит такая ответственность, которую и представить сложно. Я заметил за столом, когда он рассуждал о проблемах, как он складывал свою салфетку красивыми складками. Он — замечательный человек. Боже, дай ему сил и направь его. Мы так нуждаемся в нем».

Как-то позже Нимица спросили, какой период в Тихоокеанской войне доставил ему самое большое беспокойство. Он ответил: «Все первые шесть месяцев». Эти месяцы прошли, и разгар лета 1942 года был своего рода передышкой для адмирала. Американский Тихоокеанский флот потеснил японцев в Коралловом море и разбил их при Мидуэе. Теперь верховное командование Тихоокеанскими секторами столкнулось с задачей перехода к наступлению против превосходящих сил противника. Перспективы были весьма туманными, японская угроза оставалась, но ситуацией можно было управлять гораздо в большей степени, чем прежде. Нимиц, естественно, был наполнен оптимизмом и с уверенностью смотрел в будущее.

К тому же к этому времени он окружил себя людьми, с которыми ему было легко работать. В штабе, унаследованном им от предыдущего командующего, что и говорить, были способные офицеры и некоторых из них он позже снова возьмет в свой штаб, но им на смену пришли

люди, с которыми у него было полное взаимопонимание. Руководил штабом Спрюэнс, тихий, осторожный и компанейский человек, который разделял страсть Нимица к прогулкам, плаванию и симфонической музыке. Нимиц обнаружил, что Спрюэнс постоянно подает свежие идеи и замечательно реализует его собственные. Они совещались за завтраком, во время прогулок от дома до штаба и обратно, несколько раз в течение рабочего дня, а иногда — во время их долгих пеших походов. По вечерам, когда они обычно принимали гостей, их беседы были менее серьезными и более непринужденными.

Спрюэнс перед службой в Перл-Харборе недооценивал Нимица, с которым он сталкивался только в неофициальной обстановке дружеских компаний, а на мероприятиях такого рода Нимиц всегда держался в простой, даже несколько фамильярной манере, за которой скрывался острый, целеустремленный ум и богатейшая эрудиция. Теперь, когда Спрюэнс служил вместе с ним, перед ним предстал абсолютно другой Нимиц. «Чем лучше я его узнавал, — говорил он, — тем больше я восхищался его умом, непредубежденностью и его готовностью воспринимать новые или оригинальные идеи и прежде всего его непоколебимым бесстрашием и решительностью в ведении боевых действий». В другом случае он заметил: «Он — один из тех немногих людей, которых я знаю, кто никогда не знал, что значит страх. Очень характерной для него была его реакция каждый раз, когда мы подолгу думали о том, как победить японцев. В таких случаях он всегда говорил: «Давайте пойдем и сделаем это!»»

В августе в Перл-Харбор прибыл лейтенант Артур Ламар, личный помощник адмирала Нимица. Нимиц был очень рад, что с ним опять работает его прежний адъютант. Он пытался вызвать Ламара начиная с января, но адмирал Джекобс не позволял ему оставлять Бюро навигации, которое теперь называлось Бюро персонала ВМС. Ламар быстро начал заботиться об адмирале, предугадывая его запросы и ограждая его от ненужных посетителей, и проявлял такую преданность,

что заработал неприязнь у кадровых военных, которых раздражал сам тот факт, что резервист оказался так близко к трону.

Вскоре после прибытия Ламара было наконец достроено и занято новое здание штаба верховного командования, строительство которого на холме Макалапа продолжалось с самого начала года. Это было надежное здание из белого бетона, с двумя наземными и одним подземным этажом. По периметру обоих наземных этажей проходили широкие веранды, или ланаи, заменявшие коридоры, из которых был доступ к офисам и залам заседаний. Этаж под землей, где находился отдел связи, был оборудован насосными установками для воды и воздуха и предназначался для того, чтобы сопротивляться осаде, которая не казалась невозможной, когда строительство только начиналось.

Адмирал Нимиц был доволен переездом с задымленной базы подлодок в продуваемый всеми ветрами штаб на холме. В его новом кабинете было два окна, из которых открывался вид одновременно на часть залива Перл-Харбор внизу и на красочную горную цепь Кулау в отдалении. Адмирал сидел в углу за плоским двойным столом. Кроме стола, в офисе были только стулья из расщепленного бамбука.

Сразу около здания морские пехотинцы, по рекомендации доктора Жендро, оборудовали пистолетный тир. Доктор заметил, что у его соседа по дому слегка дрожат руки. Поставив диагноз — нервное перенапряжение, Жендро проконсультировался со специалистами-неврологами, которые рекомендовали для расслабления учебную стрельбу, потому что во время стрельбы из пистолета нельзя думать ни о чем ином, кроме нажатия на курок. Сразу после утреннего заседания Нимиц обычно отдыхал в тире, чаще всего в сопровождении Ламара. Однако в любое время дня можно было слышать, как он стреляет где-то в отдалении. Это означало, что он решает какую-то неприятную проблему и ему нужно прочистить мозги. Спрюэнс часто присоединялся к Нимицу в стрельбе, но в «подковки» с ним играть не любил. «Я никогда толком

не умел играть в эту игру,— рассказывал Спрюэнс.— Он всегда побеждал, с любой руки».

Присоединиться к Нимицу в любой игре в любое время был готов только один человек — кэптен Джон Рэдмэн. Он заменил коммандера Картса на должности офицера связи в штабе и всегда любил спорт и всевозможные игры. Его квартира находилась по соседству со штабом, и Нимиц часто звал его в конце дня поиграть в «подковки». Рэдмэн в свою очередь обнаружил в военно-морском госпитале в Айеа на склоне холма неподалеку от Макалапа прекрасный кегельбан. Нимиц, Рэдмэн и другие штабные офицеры периодически поднимались на холм, чтобы поиграть в боулинг против команды врачей; проигравшая команда платила за кока-колу.

Главной задачей Нимица и Спрюэнса был переход от оборонительной тактики к наступлению и подготовка к предстоящему вторжению на острова Санта-Круз и на занятые японцами Гуадалканал и Тулаги (Соломоновы острова). Занятие этих южных позиций американскими силами составляло первую задачу плана Объединенного комитетов начальников штабов по продвижению к японской базе Рабаул на островах Бисмарка.

Полное стратегическое командование выполнением первой задачи осуществлял подчиненный Нимица, вице-адмирал Гормли, командующий вооруженными силами в южной части Тихого океана. Нимиц стремился предоставлять ему всю возможную поддержку, не вмешиваясь при этом в его дела. Он поддержал предложение Гормли организовать авиабазу на Эспириту-Санто (Новые Гебриды), откуда бомбардировщики командующего ВВС Южно-Тихоокеанского сектора контр-адмирала Джона С. («Слу») Маккейна смогут достичь Гуадалканала и его окрестностей. Нимиц предоставлял силы огневой и авиационной поддержки. Последние включали «Энтерпрайз», «Саратогу» и «Уосп», который только что прибыл из Атлантики. К «Энтерпрайзу» он добавил новый быстроходный линейный корабль «Норт Кэролайн», который только что прибыл на Тихий океан. Для

защиты Гавайев он оставил только бомбардировщики и старые линейные корабли Пая.

Так как связаться с адмиралом Хэлси было все еще невозможно, Нимиц приказал Фрэнку Джеку Флетчеру принять командование экспедиционным корпусом и наконец выхлопотал для него у адмирала Кинга повышение до вице-адмирала. Под началом Флетчера, но фактически независимо от него, контр-адмирал Ричмонд Келли Тернер должен был командовать силами десанта. Высаживать предполагалось 1-ю дивизию морской пехоты под командованием генерал-майора А. Арчера Вандегрифта. Ее доставляли из Новой Зеландии кораблями из состав сил генерала Макартура, среди которых были три австралийских крейсера. Генерал Макартур также должен был обеспечить дополнительную воздушную разведку с Новой Гвинеи.

План вторжения носил кодовое название «Уочтауэр» (Сторожевая башня), но ввиду того, что силы союзников были ограничены, а сопротивление предполагалось серьезное, расстроенные разработчики и участники начали называть ее «Операция Шнурок». Гуадалканал и Тулаги были в пределах досягаемости японских самолетов, базировавшихся в Рабауле и на верхних Соломоновых островах. Японский флот, несмотря на его потери при Мидуэе, был все еще достаточно мощным; помимо эсминцев, крейсеров и быстроходных линейных кораблей, он включал авианосцы «Секаку», «Дзуйкаку», «Дзунье» и «Хийо» и легкие авианосцы «Хосе», «Дзуйхо» и «Рюдзе». Было известно, что на одном Гуадалканале были больше чем пять тысяч японских «бойцов джунглей». Такие отряды в свое время разбили американцев на Филиппинах, британцев в Малайе и голландцев на Яве.

Адмирал Гормли и генерал Макартур встретились в Мельбурне на второй неделе июля, чтобы обменяться соображениями и скоординировать планы. Их встреча не была продиктована какими-то безосновательными страхами. Выражая свое мнение, Гормли с Макартуром возражал Кингу и Нимицу — как против самой операции, так и против назначенной даты ее проведения — 1 августа.

Начинать операцию «Уочтауэр» без наращивания сил союзников в регионе было, по их мнению, равносильно провалу.

Кинг взорвался. Он сказал генералу Маршаллу: «Три недели назад Макартур заявил, что, если бы ему были предоставлены десантные подразделения и два авианосца, он мог бы пробиться прямо к Рабаулу... Теперь ему кажется, что он не сможет не только провести такую крупномасштабную операцию, но даже занять Тулаги». Гуадалканал должен быть взят, настаивал он, прежде, чем японцы смогут подготовить свое летное поле и использовать его для поддержки наступления через Новые Гебриды на Новую Каледонию, чтобы перерезать линию поставок из Австралии в Соединенные Штаты. Адмирал Нимиц и Объединенный комитет начальников штабов согласились с Кингом. Их единственной уступкой Гормли была отсрочка начала операции до 7 августа.

То, что пессимистичный Гормли остался со своим штабом на своем флагмане — старом вспомогательном корабле «Аргонна», в Нумеа, далеко от места проведения боевых действий, было, возможно, даже к лучшему. Ключевыми фигурами в командовании первой крупномасштабной десантной операцией вооруженных сил США в войне были Флетчер, Тернер и Вандергрифт. Ввиду того что силы были неравны, было очевидно, что их главная надежда на успех — во внезапности. Нужно было закрепиться на Гуадалканале и близлежащем Тулаги прежде, чем враг сможет серьезно среагировать. С Санта-Круз пришлось немного подождать. Задача достижения внезапности сильно усложнялась тем, что японцы 1 августа произвели большие изменения военно-морского кода JN25, очевидно, перемешав кодовые группы. Тем вечером в сводке верховного командования Тихоокеанским флотом было записано: «Чтобы выяснить направление развертывания сил противника, мы должны произвести почти полный анализ перемещений вражеских формирований».

Адмирал Нимиц тем временем подготовил подразделение подполковника Эванса Ф. Карлсона из 2-го рейнджерского батальона морской пехоты к высадке на удер-

живаемый врагом атолл Макин, один из островов Гилберта. Для транспортировки и поддержки десантников использовались 2700-тонные субмарины «Аргонаут» и «Наутилус». Цель этой операции по замыслу командования заключалась в том, чтобы одновременно и отвлечь внимание японцев от операции Гуадалканал—Тулаги, и воспрепятствовать возможным планам японцев провести наступление от островов Гилберта через острова Эллис к Самоа или Фиджи, чтобы разорвать коммуникации США—Австралия в одной из этих точек.

В районе Фиджи экспедиционный корпус провел репетиции высадки десанта, а его командование провело свое единственное совещание. С Фиджи корпус должен был взять курс на запад к Коралловому морю, а затем к северу, приблизившись к цели в ночные часы. Обстрел побережья островов должен был начаться при первых лучах солнца. Морские пехотинцы должны были начать высадку в 8:00 утра по местному времени, 7 августа 1942 года, по восточной долготе. В Перл-Харборе это было бы 10:30 утра 6 августа.

Утром 6 августа офицеры штаба были в своих кабинетах в ожидании новостей, но проходили часы, и никаких сообщений из южной части Тихого океана не поступало. Радиоприемники штаба передали первую информацию, но полученную не из своих источников, а из японских передач, постоянно транслировавших призывы о помощи к своему командованию в Тулаги. Гарнизон острова был потрясен американским нападением[1]. Адмирал Нимиц передал информацию адмиралу Кингу в Вашингтон, добавив: «Наконец-то началось!» В 16:00 Нимиц снова телеграфировал Кингу: «От Гормли никаких вестей. Наши силы высадились на Тулаги приблизительно в 8:30, и с тех пор радио молчит. Радио Гуадалканала тоже не слышно. Противник выслал 18 бомбардировщиков из Рабаула, и, очевидно, к Тулаги движутся подлодки». В результате анализа передвижений не было обнаружено никаких

[1] На Гуадалканале не было японского гарнизона, здесь находились только строительные части. *(Прим. ред.)*

крупных формирований противника на переходе морем. Очевидно, японцы решили, что вторжение на Тулаги—Гуадалканал было не более чем единичным набегом. Радиоразведка, временно неспособная читать JN25, тем не менее давала полезную информацию.

Качество связи, с другой стороны, оставляло желать лучшего. 7 августа, на второй день вторжения, до штаба доходили только фрагменты сообщений, но и по ним Нимиц мог заключить, что операция проходила удовлетворительно. Однако в конце дня было получено два тревожных сообщения: вылетевшие на разведку самолеты обнаружили группу вражеских кораблей, точный состав которой установить не удалось. Корабли шли в направлении Гуадалканала—Тулаги, в то время как адмирал Флетчер, сославшись на необходимость пополнения запасов топлива, убрал из района все три группы авианосцев, оставляя морскую пехоту и десантные корабли без какого-либо прикрытия с воздуха.

Вскоре после рассвета 8 августа[1] на флагманском корабле Флетчера «Саратога», который к тому времени ушел далеко на юго-восток от Гуадалканала, был принят обрывок тревожного радиосообщения. Радиограмма, похоже, была от Тернера, который был одним из командующих боевыми действиями, и сообщала, что ночью произошло сражение у острова Саво, к северу от Гуадалканала.

Весь день радиостанции штаба верховного командования перехватывали радиограммы Гормли на различных частотах и пытались различными способами установить контакт с Тернером. Невозможность наладить связь могла объясняться атмосферными условиями в районе Гуадалканала, которые были неблагоприятны для радиоволн, неполадками в передатчике на флагмане Тернера или, что было наиболее вероятным, дезоргани-

---

[1] В этом отчете использована датировка по западной долготе (Перл-Харбор) — дата, которая на один день отстает от даты на долготе проведения операции (Гуадалканал), находящейся по другую сторону линии перемены даты.

зацией радиокоммуникаций в южной части Тихого океана. Радио Токио тем не менее прослушивалось достаточно ясно, и по нему объявили, что к настоящему времени в ходе кампании на Соломоновых островах японские силы потопили или повредили одиннадцать транспортов и семнадцать «англо-американских военных кораблей», включая несколько крейсеров. Один свидетель вспоминает, что в то утро адмирал Нимиц много стрелял в тире.

Без сомнения, в течение следующих трех дней Нимиц стрелял еще больше, потому что только вечером 11 августа в штабе командования ВМС южной части Тихого океана было получено сообщение, которое Тернер отправил ранним вечером 8-го (по времени Перл-Харбора). В течение предыдущей ночи, согласно сообщению Тернера, в ходе боевых действий, позже названных сражением у острова Саво, японские корабли, ведя огонь из орудий и используя торпеды, прорвались сквозь двойной строй союзнических кораблей, которые охраняли входы в пролив Саво.

Тернер доносил:

> «Тяжелый бой продолжался приблизительно 40 минут. Сколько потерял противник — неизвестно.... Мы потеряли [тяжелые крейсера] «Астория», «Винсеннес», «Куинси», «Канберра»; [тяжелый крейсер] «Чикаго» был поражен торпедой в носовую часть; [эсминцы] «Ральф Талбот», «Паттерсон» были серьезно повреждены. Мы понесли серьезные потери, однако большую часть людей удалось спасти. Атака не достигла ни транспортов, ни десанта.
>
> Транспорты остались здесь для выгрузки продовольствия и боеприпасов; разгрузка займет 30 дней. У нас осталось всего четыре боекомплекта. Ушли сегодня вечером через пролив Лунго, опасаясь нового серьезного нападения».

Другими словами, вражеские силы, состоявшие, как выяснилось позже, из пяти тяжелых и двух легких

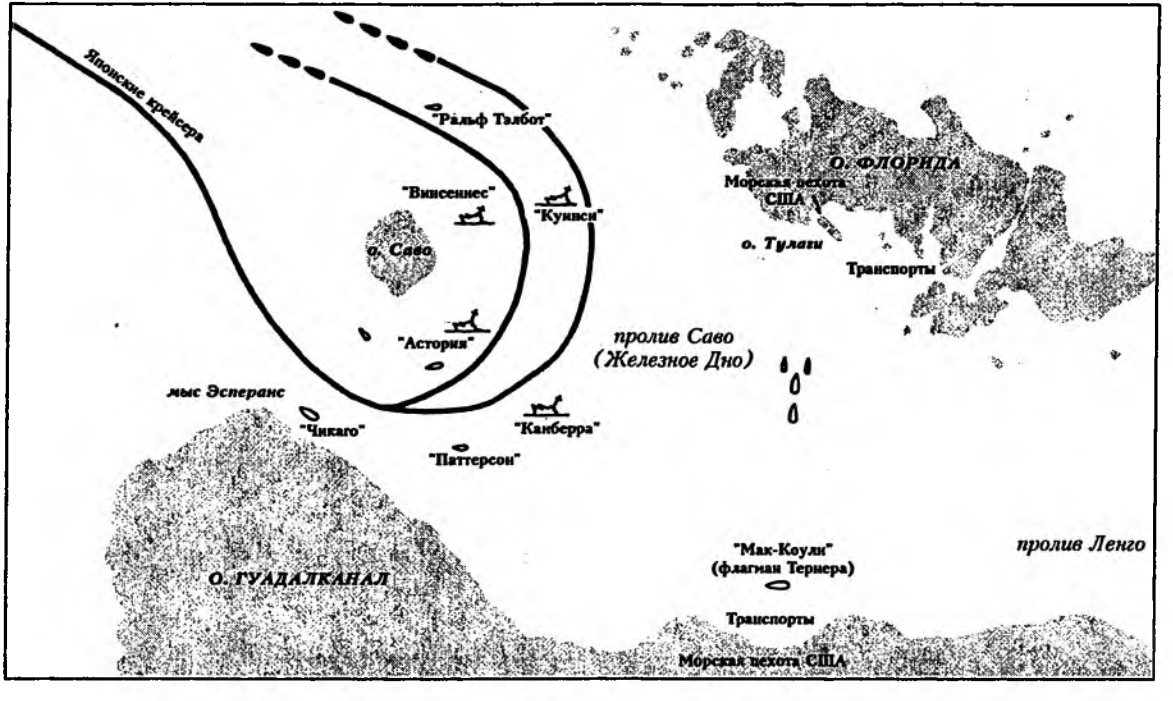
крейсеров, совершили ночное нападение, потопив один австралийский, три американских тяжелых крейсера и повредив три других американских военных корабля. Это был самый серьезный урон, когда-либо нанесенный американскому флоту.

Следующим вечером Тернер вывел все оставшиеся силы из района Гуадалканала и прибыл в штаб командования Южно-Тихоокеанским флотом в Нумеа. Без прикрытия с воздуха выбора у него не было, но его отход подразумевал, что морские пехотинцы остались с теми запасами, которые удалось разгрузить с транспортов за три дня между воздушными нападениями. Это также подразумевало, что ничто не мешало японцам придти с превосходящими силами и забрать обратно острова вместе со внушительным количеством американских военнопленных.

Когда дурные вести от Тернера дошли до Перл-Харбора, адмирал Нимиц был в его офисе с офицерами его штаба и ждал вестей с юга. Дежурный офицер, коммандер Ральф Офсти, принес сообщение из отдела связи. Нимиц прочел его вслух. Он ничем не выдал ни потрясения, ни гнева, но всем присутствующим было видно, что его оптимизм был поколеблен.

Морским пехотинцам на Гуадалканале и Тулаги адмирал Нимиц послал ободряющую радиограмму. Для Тернера и его десантного корпуса он также нашел слова утешения. Головы могли полететь — но позже, только тогда, когда будут выяснены все обстоятельства ужасного поражения, чтобы никто не был наказан несправедливо. Генералу Макартуру Нимиц тоже послал радиограмму:

> «Пожалуйста, передайте австралийскому правительству глубокие соболезнования командования Тихоокеанским флотом по поводу потерь, понесенных нашими австралийскими братьями по оружию в ходе операции «Уочтауэр», а также наше восхищение поведением и искренним сотрудничеством всего австралийского контингента».



Бой у острова Саво

Следующие несколько дней были потрачены штабом на оценку обстановки и корректировку планов операции с учетом понесенных потерь. Наибольшее опасение вызывало то, что японцы обнаружат отсутствие американских кораблей и вступят в бой с практически незащищенными морскими пехотинцами на Соломоновых островах. Когда беспокойство достигло пика, была получена радиограмма от главнокомандующего с требованиями объяснений и дополнительных сведений. Командование Южно-Тихоокеанским сектором, похоже, страдало от недостатка информации и было измучено проблемами с радиосвязью. Нимиц телеграфировал Кингу: «Сообщения командования Южно-Тихоокеанским сектором, посланные Вам, отражают мое представление о сложившейся ситуации. Мы испытываем чрезвычайные трудности со связью».

Министр Нокс, более терпеливый, чем Кинг, написал Нимицу: «Конечно, мы с нетерпением и беспокойством ждем сообщений от Гормли и Вас относительно обстановки на Соломоновых островах. Потери, понесенные до настоящего времени, хотя и тяжелы, но не сравнимы с теми, что мы можем иметь, когда перейдем от обороны к наступлению».

После того как Тернер прибыл в Нумеа 13 августа, Гормли наконец смог сообщить больше деталей операции «Уочтауэр» Нимицу, который немедленно отправил информацию Кингу. Оказалось, что Гуадалканал не был так уж хорошо защищен, так как большинство японцев там были строительными рабочими. Американские морские пехотинцы достигли летной полосы через день после высадки, и быстро подготовили ее к использованию. Меньший по размеру Тулаги, лежащий в 19 милях к северу от Гуадалканала, был хорошо защищен, но морские пехотинцы разбили врага и там, и на соседних островках. Вражеские воздушные налеты замедляли разгрузку, один из транспортов почти полностью сгорел, были серьезно повреждены два эсминца. В районе Гуадалканала — Тулаги было оставлено около 16 000 морских пехотинцев с ничтожно малым количеством боеприпасов.

Что касается ночного сражения у острова Саво, причинами поражения союзников явились, по-видимому, усталость, неопытность и, возможно, неправильное развертывание сил. Еще одной причиной, возможно, было то, что во время удара японцев командир группы атакуемых судов, контр-адмирал британского Королевского флота В.А.К. Крачли, был на совещании у адмирала Тернера на его флагманском судне — транспорте *«Мак-Коули»*, на расстоянии 15–25 миль от места боя. Потери союзников в сражении были оценены в 1000 убитых и 700 раненых.

Ни одно из объяснений не удовлетворило Нимица. Он не мог понять, как его корабли, на которых были радиолокаторы, в распоряжении которых имелась воздушная разведка, были настолько не готовы отразить нападение или почему они реагировали так вяло,— но он намеревался это узнать. Уже 19 августа в сводке командования Тихоокеанским флотом отмечалось: «Наши потери были тяжелы, и до сих пор мы не можем объяснить, почему. Противник, видимо, понес незначительный ущерб или вообще не понес никакого».

Тем временем, 16 августа было перехвачено сообщение японского радио о высадке американских рэйнджеров на аттол Макин. Хотя морские пехотинцы явно столкнулись с более ожесточенным сопротивлением, чем ожидали, 19 августа с подводной лодки *«Аргонаут»* по пути назад в Перл-Харбор сообщили, что операция была успешной. Однако не было ни намека на то, что нападение как-то повлияло на японцев и заставило их перераспределить силы.

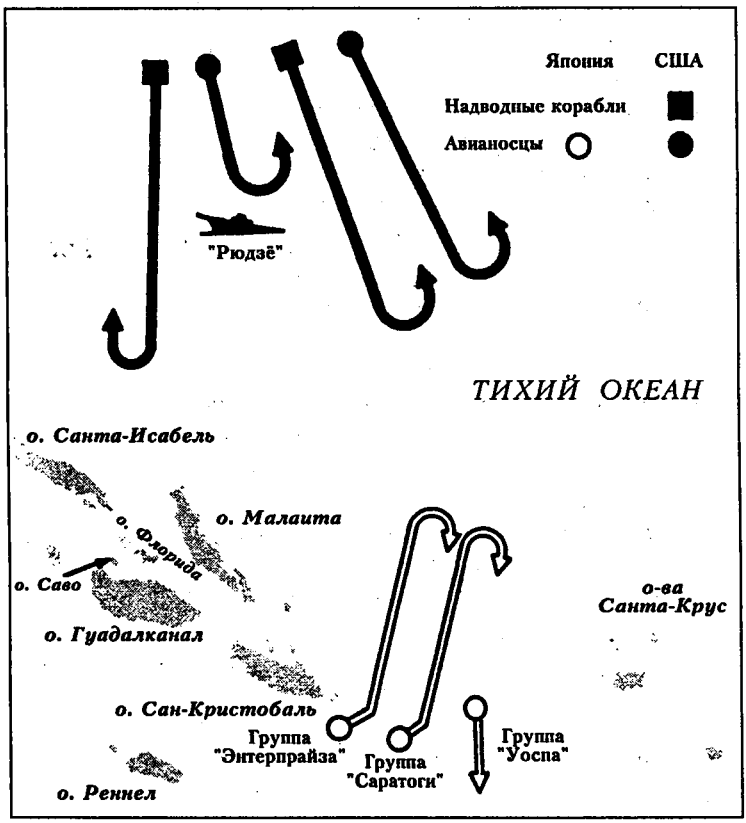
Генерал Макартур был предупрежден радиоразведкой о намерении японцев перейти горы Оуэн-Стэнли и захватить Порт-Морсби, но его силы не были достаточно многочисленны, чтобы противостоять продвижению противника. В конце июля несколько тысяч японцев высадились в порту Буна, отделенном от Морсби горной цепью. Именно поэтому Макартур обратился к Комитету начальников штабов с просьбой выделить ему достаточно войск, чтобы позволить ему удержать позиции в Новой Гвинее. В то же самое время Тернер убеждал

Гормли в необходимости немедленно прислать подкрепление, чтобы сохранить американскую базу на Соломоновых островах.

Ночью 18 августа с японских эсминцев к востоку от американских позиций на Гуадалканале высадилось приблизительно 900 человек, а затем была произведена краткая бомбардировка расположения американских морских пехотинцев на Гуадалканале и Тулаги. 21 августа вскоре после полуночи японский десант предпринял атаку, но был полностью разбит в результате продолжавшегося весь день боя с морскими пехотинцами. По небольшой численности десанта было понятно, что японцы сильно недооценили число морских пехотинцев на островах. Теперь, когда они узнали правду, надо было ждать прибытия гораздо более многочисленных сил.

В середине августа, в результате анализа разведданных о передвижениях сил противника, американцы выяснили, что в Труке, японской базе в 700 милях к северу от Рабаула, дислоцируется обновленный флот авианосцев. В штабе командования Тихоокеанским флотом много размышляли относительно того, предназначались ли эти корабли для поддержки японского десанта в порту Буна или будут использованы для возвращения Гуадалканал, или и для того, и для другого.

15 августа четыре американских эсминца, загруженные бензином, боеприпасами и командами обслуживания вышли в направлении острова Саво, в пролив Железное Дно — так его прозвали потому, что там затонуло множество судов. 20 августа с юго-востока подошел эскортный авианосец, и самолеты с него перебазировались на захваченную летную полосу Гуадалканала, которая теперь называлась Гендерсон-филд. Тем временем адмирал Флетчер со своим соединением, состоящим из трех авианосцев, в том числе из *«Энтерпрайза»*, прикрываемого линкором *«Норт Кэролайн»*, осуществлял патрулирование к юго-востоку от Гуадалканала, охраняя морские коммуникации, но оставаясь по возможности вне зоны действия вражеских разведывательных самолетов.



Бой у Восточных Соломоновых островов, 24 августа 1942 года.

Несмотря на предосторожности Флетчера, японцы явно знали о его присутствии, поскольку они направили из Трука к Гуадалканалу несколько своих авианосцев для удара по американскому оперативному соединению. В результате 24 августа произошел бой при Восточных Соломоновых островах. Соединение Флечера было ослаблено, так как накануне группа кораблей во главе с авианосцем «Уосп» ушла на юг для заправки топливом. Тем не менее Флетчер справился с ситуацией и атаковал японцев, потопив легкий авианосец «Рюдзе». Самолеты с *«Секаку»* и *«Дзуйкаку»* тремя бомбами поразили *«Энтерпрайз»*, уничтожив подъемники, разрушив жилые помещения, пробив обшивку борта и убив 74 человека. Но несмотря на повреждения, корабль смог дойти до Перл-Харбор своим ходом и встать на ремонт. После этого сражения адмирал Гормли приказал, чтобы авианосцы пересекали 10-ю параллель, только преследуя неприятеля.

В последний день августа *«Саратога»*, флагманский корабль адмирала Флетчера, патрулировавший к востоку от Сан-Кристобаля, был поражен торпедой, выпущенной с японской субмарины. Второй раз за один год! *«Саратога»* также проследовала в Перл-Харбор для ремонта. Поскольку Флетчер был легко ранен, Нимиц смог предоставить ему отпуск, чтобы у него появилось хоть немного времени для необходимого отдыха. Позднее он оставил морскую службу с репутацией неудачника. Некоторые (только не Нимиц) даже считали его неудачи следствием некомпетентности. Под его командованием два авианосца были потеряны, и еще два получили серьезные повреждения. В его единственном безусловно победном сражении, при Мидуэе, ему пришлось отказаться от командования, и почти все лавры досталось адмиралу Спрюэнсу. После отпуска Флетчер должен был временно отбыть в Вашингтон, чтобы на него мог взглянуть скептик Кинг.

Адмирал Нимиц уже послал *«Хорнет»* на юг. Он и *«Уосп»* были единственными американскими авианосцами на Тихом океане, оставшимися к сентябрю в боеспособном состоянии. Нимиц в письме к главнокоманду-

ющему высказывал мысль, что авианосцы не должны использоваться при выполнении второй и третьей задач наступления на Рабаул. В противном случае, указывал он, оказавшись в ограниченном пространстве Кораллового и Соломонова морей, они были бы легко досягаемы с вражеских аэродромов, и для вражеских субмарин определить их местонахождение также не составит труда. Он настаивал, что поддержка этих операций должна обеспечиваться авиацией наземного базирования, и он требовал, чтобы больше самолетов, особенно пикирующих бомбардировщиков, дислоцировалось на береговых базах. Завершил он письмо так: «Слишком много задач предстоит решать в будущем с помощью наших слишком немногочисленных авианосцев, чтобы посылать их почти что на верную гибель ради задач, которые могут быть решены другими средствами».

На фоне всех сложностей в сентябре все же были и забавные моменты, один из которых пришелся на середину ночи. Однажды в три часа дежурный офицер штаба вызвал лейтенанта Ламара, чтобы спросить, стоит ли разбудить адмирала Нимица. С Гуадалканала от генерала Вандегрифта только что было получена очень странная радиограмма. Генерал просил прислать сто двадцать дюжин презервативов, то есть 14 400 штук. Требование было довольно неожиданным, так как единственными женщинами на Гуадалканале были местные жительницы, и навряд ли кто-нибудь из них заходил за передний край круговой обороны. Так как во флоте контрацептивы распределялись медицинским отделом, Ламар, вместо того чтобы будить адмирала, позвонил доктору Жендро, который случайно оказался той ночью на дежурстве.

Жендро проверил и тут же перезвонил. Выяснилось, что на острове Оаху не наберется ста двадцати дюжин презервативов, по крайней мере во флотских запасах. В любом случае, на кой черт они понадобились генералу? Ламар, решив, что пора действовать, надел китель, и пошел к дому Нимица, разбудил его и пересказал радиограмму Вандегрифта. Нимиц, нисколько не удивившись, улыбнулся и объяснил: «Генерал Вандегрифт, вероятно, собирается

надеть их на стволы винтовок морских пехотинцев, чтобы защитить их от дождя и грязи».

Сентябрь 1942 года был для верховного командования месяцем визитов, инспекций и смотров. Первым в Южно-Тихоокеанский сектор прибыл заместитель морского министра Джеймс Форрестол, ответственный за снабжение флота, чтобы изучить ситуацию с поставками. По пути назад в Соединенные Штаты он остановился в Перл-Харборе. Утром 6 сентября лейтенант Бассетт увидел тощего маленького человечка с приплюснутым носом, в спортивной рубашке с открытой шеей, печатающего на штабной пишущей машинке, и подумал, это мастер по ремонту машинок. Но это и был замминистра, печатающий личные заметки. Той же ночью Форрестол вместе с Нимицем и офицерами штаба Тихоокеанского флота улетели в Сан-Франциско, где Нимицу нужно было провести очередное совещание с адмиралом Кингом.

Возможно, именно на этой встрече Кинг появился в отеле «Сент-Фрэнсис» в одной из серых тужурок нового образца с черными полосами на рукавах и фуражке с простым черным козырьком и ремешком. Эту форму, сшитую по личному эскизу строгого Кинга, вообще не любили во флоте, а Нимиц ее просто презирал, поэтому пришел, как обычно, в темно-синей с золотом. Когда они с Кингом вместе вышли из отеля, моросил дождь, и они оба были в форменных плащах, на которых в те дни не было никаких знаков различия. Их ждали фоторепортеры. Один из них сказал Кингу, который в его тусклом обмундировании смахивал на старшину: «Отойди, старшина. Я хочу сфотографировать адмирала Нимица».

Адмирал Кинг навестил адмирала Хэлси, к этому времени полностью вылечившегося от дерматита и жаждавшего вернуться на службу. Тут же начались рукопожатия и сердечные поздравления, так как грубоватый и дружелюбный Хэлси были одним из самых популярных офицеров на флоте. Он должен был участвовать в каких-то приближающихся совещаниях начальников штабов, как и замминистра Форрестол.

Адмирал Кинг открыл первую встречу утром 7 сентября, объявив, что он собирается требовать возвращения долга благодарности. Дело в том, что именно ему Нимиц был обязан избавлением от адмирала Блоха. Как в свое время Нимиц хотел убрать Блоха из Перл-Харбора, так теперь и Кинг мечтал избавиться от контр-адмирала Джона Х. Тауэрса в Вашингтоне. Кинг предлагал послать Тауэрса в Перл-Харбор. Нимиц застонал про себя от мысли, что рядом постоянно будет находиться его старый недруг и старая вражда снова может причинить неприятности. Тауэрс все еще был руководителем Бюро авиации и все еще продолжал бороться с Бюро персонала ВМС, постоянно пытаясь протолкнуть летчиков на руководящие посты. Кинг не имел никакого контроля над Тауэрсом, пока тот был руководителем бюро, но он мог предложить Тауэрсу заманчивый пост в другом месте, а затем поставить одного из своих людей на пост руководителя Бюро. Так, Кинг предложил Тауэрсу пост командующего ВВС Тихоокеанского флота, что давало ему полномочия командовать всеми авианосцами. Должность была весьма перспективной, так как на американских верфях на тот момент строился огромный флот авианосцев, предназначавшийся для будущих действий в Тихом океане. Тауэрс должен был получить повышение до вице-адмирала. Контр-адмирал Обри Фитч, тогдашний командующий ВВС Тихого океана, сменил бы контр-адмирала Маккейна на посту Командующего ВВС Южно-Тихоокеанского района, а Маккейн, человек Кинга, перейдет в Вашингтон как новый руководитель Бюро авиации. Все участники этой веселой перетасовки получат кое-что, а Кинг будет освобожден от занозы в боку.

Адмирал Хэлси должен был возвратиться в Перл-Харбор с Нимицем, а затем двинуться на юг, чтобы вновь занять прежнюю должность командира соединения *«Энтерпрайза»*. Он таким образом сменял Флетчера на посту старшего тактического офицера и получал право командовать всеми американскими силами в любых будущих сражениях авианосцев на Юге Тихого океана. Он служил бы административно под началом вице-адмирала Тауэрса,

а стратегически — под началом вице-адмирала Гормли. Так как Хэлси сам был вице-адмиралом, ситуация была довольно курьезная, но ни у кого не хватало духу предложить Биллу Хэлси убрать одну звезду с погон.

На совещании обсуждались так же взаимоотношения командования на Алеутских островах. Было ясно, что имеются серьезные разногласия между адмиралом Теобальдом и генералами Саймоном Боливаром Бакнером из командования силами обороны Аляски, и Уильямом О. Батлером из армейских ВВС. Последний в ряде споров пытался выяснить, распространялись ли полномочия Теобальда на гарнизоны островов Прибылова, к северу от Алеутских островов и к западу от Аляски. Нимиц сделал заявление о том, что он и Кинг интерпретировали директиву Объединенного комитета начальников штабов как предоставление Теобальду таких полномочий. Нимиц и Кинг решили поддержать Теобальда, но они признавали, что, если взаимоотношения армии и флота на Алеутском театре военных действий не улучшатся, будет необходимо сменить кого-то из командования.

Кинг, Нимиц и их штабы проанализировали сражение при острове Саво. Они подвергли критике состояние разведки и боеготовность, странное для ночного времени построение сил, отсутствие старших офицеров на вахте во время начала неприятельской атаки. Их обсуждение переросло в разбор деятельности командования Южно-Тихоокеанского сектора в целом. Кинг начал задаваться вопросом о способности адмирала Гормли осуществлять командование. Каково состояние его здоровья, может ли он физически выдержать подобное напряжение? Нимиц сказал, что он проверит данные медосмотра Гормли и доведет информацию до сведения Кинга.

Третье заседание, 9 сентября, было посвящено деталям, наиболее важной из которых была возможность использования новозеландских войск. Все такие войска будут служить под началом Гормли как часть сил Южно-Тихоокеанской группы войск, так же, как австралийцы воевали под началом Макартура в составе Юго-Западный Тихоокеанской группы войск. Однако большинство солдат Но-

вой Зеландии воевало в Египте под началом генерала Монтгомери. Было неясно, сколько новозеландцев можно было бы предоставить в распоряжение Гормли.

В беседе с Форрестолом Нимиц сказал, что, с одной стороны, он рад, что в его распоряжении имеются новые быстроходные линейные корабли *«Норт Кэролайна»*, *«Саут Дакота»* и *«Вашингтон»*, но с другой — он не представляет, как они могут заменить потерянные тяжелые крейсера в качестве эскорта авианосцев. Кроме того, у флота нет достаточного количества танкеров, чтобы удовлетворять потребности таких «нефтяных боровов» в топливе. Форрестол обещал сделать все, что в его силах, чтобы исправить ситуацию.

После совместного полета до Сан-Франциско у части офицеров штаба Тихоокеанского флота сложилось впечатление о Форрестоле, как о человеке необщительном, и они потеряли было интерес к этому мрачному отшельнику. Однако позже им пришлось признать, что он умеет держать слово и выполнять обещания. Прежде чем покинуть западное побережье, чтобы возвратиться к Вашингтону, замминистра использовал свои полномочия, чтобы раздобыть танкеры, в которых так нуждался Нимиц. Офицеры штаба поразились бы еще больше, если бы слышали, как Форрестол делал устное сообщение перед президентом и кабинетом. Он в самых решительных выражениях убеждал их, что все усилия должны быть направлены на поддержку сил в южной части Тихого океана. Министр обороны Генри Л. Стимсон, глубоко озабоченный проблемами предстоящего вторжения англо-американских сил в Северо-Западную Африку, сказал, улыбаясь: «Джим, у Вас тяжелый случай локалита, вы слишком привязаны к тем местам». Форрестол ответил с жаром: «Господин министр, если морских пехотинцев на Гуадалканале японцы сметут в море, вся страна среагирует так, что у вас случится локалит пониже спины».

После совещания адмирал Нимиц взял выходной, и дал офицерам штаба небольшой отпуск, а сам смог навестить миссис Нимиц. 11 сентября Нимиц, штаб и адмирал Хэлси вернулись в Перл-Харбор, где в доке стоял

«Энтерпрайз», долго бывший флагманским кораблем Хэлси. 12-го числа Нимиц пригласил Хэлси на борт авианосца.

Встреча была обставлена превосходно. Все стояли наготове на полетной палубе, когда адмиралы прибыли на корабль. Хэлси вспоминал: «Честер подошел к микрофону, вывел меня вперед, и сказал: «Ребята, у меня для вас сюрприз. Билл Хэлси вернулся!» Они приветствовали меня, и мои глаза наполнились слезами».

Затем адмирал Нимиц снова обратился к экипажу: «Я знаю, что вам обещали отдых, и видит бог, что вы его заслужили, но вы также знаете, что мы в последнее время понесли серьезные потери в кораблях и людях. Мне ничего не остается, кроме как снова послать вас в бой».

«Конечно же, — рассказывал офицер, бывший там, — флот — военная организация, и поэтому стояла мертвая тишина, но я знаю, что если бы ситуация позволяла, то раздались бы аплодисменты».

Тем днем, на вечеринке в баре «У Уолтера Диллингемса» в Гонолулу Нимиц обрадовал Хэлси, приведя туда молодого Билла Хэлси, лейтенанта резерва корпуса снабжения, который, втайне от отца, недавно прибыл в Перл-Харбор.

Газеты от 15 сентября обсуждали историю кадровых перестановок и новых назначений Тауэрса и Маккейна. Адмирал Нимиц помнил, что миссис Нимиц знает о его негативном отношении к методам Тауэрса, и поспешил написать ей: «Так или иначе, мне нужен новый советник по авиации. Неважно. Мы прекрасно уживемся». По его уверенности в своей способности поладить с новыми людьми можно судить о том, насколько выросла его уверенность в себе по сравнению с его первыми днями в Перл-Харбор, когда он не знал, что делать с чрезмерно щедрым на советы Блохом.

Тем временем японцы на Гуадалканале восстановили свои силы. На Гендерсон-филд базировалось значительное число самолетов, и вражеские корабли не решались приближаться к острову в дневное время, но ночью транспорты с десантом шли проливом Слот (Щель) —

проходом между центральными островами архипелага — с таким профессионализмом, что злые сами на себя морские пехотинцы назвали их «Токийским экспрессом». В середине сентября японцы организовали массированное наступление на аэродром Гендерсон-филд. Это столкновение, известное как Битва у Блуди-Ридж (Кровавого Хребта), дорого обошлось нападавшим, в то время как потери морской пехоты были сравнительно невелики. Очевидно, японцы все еще недооценивали численность американских сил на Гуадалканале. Японский десант на остров насчитывал не более 6000 человек, в то время как американских морских пехотинцев было около 11 000, и еще 5000 на островках к северу.

За тысячу миль к западу, на Новой Гвинее, японские войска, хлынувшие через перевал горной цепи Оуэн-Стэнли вниз по южному склону, отбросили бесстрашных австралийцев Макартура назад и подошли к Порт-Морсби почти вплотную. Потом, когда падение базы казалось неизбежным, японцы совершили необъяснимое — опять отступили за горы. Одно из возможных объяснений случившегося заключалось в том, что, наконец правильно оценив силы американцев, они перешли к обороне на Новой Гвинее, чтобы сконцентрировать свои силы для возвращения Гуадалканала. Когда с новой силой началась операция по укреплению «линии Токио-Экспресс», создалось впечатление, что эта версия подтверждается.

Во время переброски 7-го полка морской пехоты с Эспириту-Санто на Гуадалканал вражеские подводные лодки прорвались через корабли охранения и за пятнадцать минут торпедировали авианосец *«Уосп»*, линкор *«Норт Кэролайн»* и эсминец *«О'Брайен»*. *«Уосп»* горел как факел, и его пришлось затопить. *«О'Брайен»* развалился и затонул. *«Норт Кэролайн»*, с 32-футовой пробоиной ниже ватерлинии, отправилась в ремонтные доки Перл-Харбора. После гибели *«Уоспа»* *«Хорнет»* остался единственным действующим американским авианосцем в Тихом океане. 20 сентября в Перл-Харбор с целью расследования прибыл генерал Хэп Арнольд, командующий армейских ВВС и член Объединенного комитета начальников

штабов. Он был встречен генералом Эммонсом, который только что возвратился с Юга. Генерал был заражен пессимизмом, охватившим Южно-Тихоокеанский и Юго-Западный Тихоокеанский штаб. Ни Гормли, ни Макартур не верили, что Гуадалканал удастся удержать, и они убедили в этом и Эммонса.

Однако Нимиц сохранял уверенность в том, что удержать Гуадалканал *все-таки можно*. Нимиц указал, что японцы уже направили все имеющиеся в их распоряжении силы на Гуадалканал и несут потери в людях, кораблях, судах и, прежде всего в авиации намного быстрее, чем они могли их восполнять. Силы же союзников, реальные и потенциальные, только начинали подтягиваться в этот район. Если морская пехота протянет еще немного, ход битвы обязательно удастся переломить.

Могла ли морская пехота «протянуть еще немного»? Хотя бойцы и были в плохой физической форме, утомленные боями, малярией, бессонницей и неправильным питанием, их офицеры полагали, что держаться еще можно. Страх, охвативший Нумеа и Брисбен, пока не достиг Гуадалканала. Хэнсон Болдуин, корреспондент «Нью-Йорк таймс», спросил Вандегрифта:

— Вы собираетесь удерживать этот береговой плацдарм, генерал? Вы собираетесь оставаться здесь?

— Да, черт возьми,— выпалил Вандегрифт в ответ.— Почему бы и нет?

Адмирал Нимиц решил, что пришло время ему самому отправиться на юг, чтобы изучить ситуацию. 25 сентября он отбыл из Перл-Харбор на гидросамолете *«Коронадо»* в сопровождении офицеров штаба, в том числе полковника Омара Т. Пфайфера, командовавшего силами морской пехоты, кэптена Рэдмана, начальника службы связи; коммандера Офсти, командовавшего силами авиации; коммандера Уильяма М. Келлагена, специалиста по горючему и танкерам, и лейтенанта Ламара, его помощника.

Нимиц послал радиограмму Макартуру, приглашая генерала встретиться на совещании в Нумеа. Макартур в свою очередь предложил адмиралу продлить его поез-

дку и присоединиться к нему в Брисбене, но ни один из них не считал себя вправе оставлять свой командный пункт надолго. Генерал сказал, что он пошлет в Нумеа несколько старших офицеров, которые будут его представлять.

В одном из двигателей *«Коронадо»* сгорел подшипник, поэтому Нимиц и компания вынуждены были провести ночь на острове Кантон в ожидании нового самолета из Перл-Харбора. Время не было потрачено впустую, потому что, по предварительной договоренности, они встретились там с адмиралом Слу Маккейном, который двигался с Юга в Вашингтон, где получил новое назначение. Нимиц стремился узнать мнение Маккейна относительно состояния сил союзников в Южной части Тихого океана. На Кэнтоне Маккейн и команда Нимица были расквартированы в роскошной гостинице «Пан-Американ», которая была построена накануне войны для привлечения туристов. Каждый офицер имел отдельную спальню со смежной ванной комнатой.

Маккейн, как уже говорилось, служил с Нимицем на Филиппинах в 1906 году на канонерской лодке *«Пэнэй»*. Он был только на год старше Нимица, но выглядел на десять лет старше, главным образом из-за его сухопарого телосложения, крючковатого носа и впалых щек[1]. Он сказал Нимицу, что Гуадалканал может быть удержан только при достаточном количестве истребителей и пилотов — иначе прекратить постоянную вражескую бомбежку представлялось невозможным.

Той ночью на Кантоне была объявлена воздушная тревога, и все бросились к убежищу. Когда адмирал Нимиц добрался до туда, он сразу же спросил, где адмирал Маккейн. Быстрая проверка показала его отсутствие, после чего Ламар поспешил назад в гостиницу. Весь свет был выключен, и ему пришлось на ощупь пробираться к комнате потерявшегося адмирала. Ламар вспоминает:

---

[1] Младшие офицеры и матросы называли Маккейна «Моряк Папай» за его сходство с героем мультфильма.

«Когда я добрался туда, я постучал в дверь и спросил адмирала Маккейна, все ли в порядке. Я не мог разобрать, что он бормочет, поэтому открыл дверь и вошел. У адмирала Маккейна была вставная челюсть, которую он положил в стакан и поставил на сливной бачок. В суматохе, вызванной воздушным налетом, зубы свалились в унитаз. Я извлек их, и мы побежали к бомбоубежищу, но вскоре услышали сигнал отбоя. На следующее утро в медицинском отделе полностью стерилизовали зубы Маккейна, и только после этого он поместил их обратно в рот. До этого момента он был фактически отрезан от внешнего мира и мог лишь чавкать и бормотать».

Гидросамолет Нимица достиг Нумеа днем 28 сентября (по времени к востоку от линии перемены дат). В маленькой гавани толпились не меньше 80 грузовых судов. Времени на разгрузку было отчаянно мало, вскоре должно было начаться вторжение в Северную Африку. Суда, стоявшие в Нумеа, нельзя было отправлять на передовую, потому что в пунктах отправки, в основном в Соединенных Штатах, они не были подготовлены к боевым действиям; изделия, используемые вместе, например оружие и боеприпасы к нему, не грузились вместе, а чаще всего находились на разных судах. Суда не могли быть перезагружены в Нумеа, потому что не хватало пирсов, подъемных кранов, барж, грузовиков и рабочих. Единственным выходом было разворачивать суда сразу по прибытии и посылать их в Новую Зеландию для перезагрузки. Процесс значительно осложняла забастовка докеров в Уэллингтоне. Ответственность за эту ситуацию, так же как и за все остальные затруднения, была возложена на Гормли, хотя на самом деле это был просчет Вашингтона.

Нимиц застал Гормли измученным и обеспокоенным. Адмирал занимал маленький раскаленный кабинет на штабном судне «Аргонна», на которым вообще не было кондиционирования. Он ни разу не покинул судно с тех пор, как добрался до Нумеа как раз перед вторжением в Гуадалканал. Нимиц поинтересовался, почему у

Гормли нет более удобного и просторного штаба на берегу. Оказалось, что местные французские власти ничего не предлагали, а Гормли не настаивал.

Совещание, главная причина вылета Нимица в Новую Каледонию, началось на борту «Аргонны» в тот же день в 16:30 и продолжалось до 20:00, в дежурном помещении за столом, покрытым зеленым сукном. Присутствовали, помимо адмиралов Нимица и Гормли, офицеры их штабов, генерал Арнольд и его помощник, бригадный генерал Сент-Клер Стритли, начальник штаба Макартура, генерал-майор Ричард К. Сазерленд, и его командующий авиацией, генерал-лейтенант Джордж К. Кенни, адмирал Тернер, и генерал-майор Миллард Ф. Хэрмон, командующий сухопутными войсками Южной части Тихого океана. Полковники Де Витт, Пек и Пфайфер представляли морскую пехоту.

Открыл встречу адмирал Нимиц. «Цель моего приезда,— сказал он,— состоит в том, чтобы я и мой штаб могли ознакомиться с состоянием дел в Южно-Тихоокеанском секторе, а также в том, чтобы я мог уяснить для себя проблемы адмирала Гормли и генерала Макартура. Мы начнем совещание с сообщения Гормли или Хэрмона о ситуации в секторе».

Адмирал Гормли описал программу и планы предстоящих военных операций в южной части Тихого океана. Генерал Сазерлэнд рассказал о взглядах генерала Макартура на ситуацию. Адмирал Тернер говорил о стратегии предстоящих сражений. Генерал Арнольд рассматривал вопросы глобальной стратегии и планы относительно проведения кампаний в различных точках земного шара, подчеркивая то, что самолеты, танки и корабли требуются на всех театрах военных действий. Сущность его замечаний сводилась к тому, что южная часть Тихого океана — только один небольшой фрагмент мировой военной картины и заслуживает гораздо меньшего внимания, чем некоторые другие. Особенно резко Арнольд осуждал факт обнаруженного им огромного количества самолетов в резерве, подчеркивая, что, пока в военных действиях не начнут участвовать резервные

самолеты, новой техники для данного сектора выделено не будет.

Постепенно совещание переросло в общее обсуждение, в ходе которого Нимиц задал множество резких вопросов. Если были сомнения в том, что Первая дивизия морской пехоты сможет удержать Гуадалканал, почему в качестве подкрепления на были отправлены армейские подразделения из Новой Каледонии? Почему не была рассмотрена возможность использования новозеландских подразделений и самолетов? Почему военно-морские силы не пустили под откос «Токио-Экспресс» той ночью? Дважды за время совещания офицер штаба Южно-Тихоокеанских сил приносил срочные радиограммы и вручал их Гормли. Примерное их содержание стало ясно по реакции Гормли — вместо того чтобы выполнять указания (которые могли содержаться в радиограммах), Гормли оба раза лишь пробормотал: «Боже мой, что мы собираемся делать со всем этим?»

На следующий день после заседания Нимиц вручил адмиралу Тернеру «Морской Крест». Потом с генерал-майором Александром Пэтчем, командующим сухопутными силами на островах Новая Каледония, он проверил обороноспособность района Нумеа. В тот же день он вылетел на своем гидросамолете в Эспириту-Санто, где вручил награды, в том числе медаль «За отличную службу» Джеки Фитчу.

Нимиц и его офицеры штаба должны были лететь в Гуадалканал на следующий день. Так как безопасных мест для посадки гидросамолета на воду в пункте назначения не было, адмирал Фитч предоставил им В-17. «Летающая крепость» взлетела с армейского аэродрома под управлением молодого капитана, который, не имея карт Соломоновых островов, тем не менее повел самолет в правильном направлении. Когда они были над Гуадалканалом, шел дождь, видимость была плохой, и он не мог найти аэродром Гендерсон-филд. Коммандер Офсти, который летел вместе с экипажем самолета, вспомнил, что у лейтенанта Ламара есть карта Южного Тихого океана из журнала «Нейшенал Джиогрэфик». Ламар

порылся в мешке и дал карту Офсти, а тот по карте провел В-17 к аэродрому.

Когда адмирал Нимиц спускался по трапу, дождь лил как из ведра. Нимица эффектно приветствовал генерал Вандегрифт, и они обменялись рукопожатием. Несмотря на ливень, Нимиц в тот же день осмотрел штаб авиации в Проклятых Горах и некоторые опорные пункты в периметре обороны морских пехотинцев. Он попросил также проводить его в импровизированный госпиталь, где Нимиц поговорил с ранеными, больными малярией и зараженными грибком, которых должны были перевести на острова, находящиеся южнее — в отдалении от зоны боевых действий.

После обеда Нимиц провел совещание с Вандегрифтом и его старшими офицерами, а затем с одним Вандегрифтом. Он был рад, почувствовав в последнем твердое намерение удержать Гуадалканал и сильное убеждение в том, что он, на месте генерала действовал бы также. Нимиц отметил, вслед за Арнольдом, что чем ближе человек находится к переднему краю, тем больше у него веры в победу. Пораженчество, похоже, царило в основном в штабах в Нумеа и Брисбене.

Вандегрифт был обеспокоен тем, что Келли Тернер упорно желал начать наступление по нескольким направлениям вдоль побережья Гуадалканала. В ситуации, когда силы ограничены, Вандегрифт считал самой мудрой стратегией поддержание круговой обороны вокруг Гендерсон-филд. Эта взлетно-посадочная полоса была ключом к ситуации в целом. Кто владел ей, владел Гуадалканалом, и темпы, с которыми происходило наращивание сил противника, указывали, что он снова собирается предпринять нападение на аэродром. В сложившейся ситуации Вандегрифту казалось серьезной ошибкой распыление сил. Прежде всего он нуждался в большем количестве людей, чтобы поддерживать линию обороны, и большем количестве истребителей, чтобы отбивать атаки бомбардировщиков, постоянно совершавших налеты на аэродром и его оборонительные сооружения. Адмирал Нимиц вначале отвечал генералу уклончиво, но по

его последующим действиям стало ясно, что он согласился со стратегией Вандегрифта.

Поздно вечером, за бокалом коктейля, Нимиц сказал: «Вы знаете, Вандегрифт, когда эта война закончится, мы собираемся писать новый свод *«Морских Правил»*. Так что просто постарайтесь об этом не забыть, потому что мне бы хотелось знать, что именно, по Вашему мнению, должно быть изменено».

«Одно могу сказать прямо сейчас. Выбросите всякое упоминание о том, что того, кто сажает судно на мель, ждет участь худшая, чем смерть. Здесь слишком много командиров были от этого весьма недалеки». Нимиц улыбнулся. Возможно, он вспоминал, как за много лет до этого он посадил на мель *«Декейтер»* и отпущен с наименее строгим из выговоров.

Следующим утром Нимиц снова вручал награды, включая Морской Крест для Вандегрифта. По мере того как лейтенант Ламар зачитывал список, они с адмиралом перемещались вдоль линии изможденных фигур, и адмирал цеплял медали на грудь. Они подошли к мускулистому широкоплечему сержанту, и Ламар зачитал: «За непоколебимую отвагу под огнем противника». Как Нимиц протянул руку с медалью к мундиру сержанта, награждаемый упал в обморок. Вандегрифт был поражен. Оказалось, что сержант перепугался до смерти, оказавшись так близко к адмиралу с четырьмя звездами на погонах.

Поскольку взлетно-посадочная полоса Гендерсон-филд была коротковата для тяжелых бомбардировщиков, было решено облегчить взлетный вес, разделив команду Нимица между двумя В-17. Адмирал Нимиц должен был находиться в первом самолете. По пути к летной полосе под моросящим дождем он пообещал Вандегрифту «максимальную поддержку. «Гендерсон-филд тогда была грязной полоской, 2000 футов которой были покрыты листами железа с отверстиями. 1000-футовый дополнительный участок, добавленный для размещения В-17, не имел никакого покрытия. Этот участок был весь усеян воронками от вражеских бомб. Кратеры были закопаны, но после двух дней дождя открытая полоса

практически полностью превратилась в болото. Пилот, ожидавший пассажиров в самолете, производил впечатление не намного лучшее, чем грязная взлетная полоса. Это был майор авиации берегового базирования, босой, с длинной черной бородой, и на нем не было ничего, кроме рабочего комбинезона на молнии. Увидев его, некоторые офицеры штаба Тихоокеанского флота решили подождать следующего самолета.

Нимиц, которого больше интересовало состояние взлетной полосы, чем состояние пилота, спросил бородача, как он планирует взлетать.

— Адмирал,— ответил пилот,— я думаю, что я начну разгон в этом конце, несмотря на то что это подветренное направление. Я легко смогу достичь взлетной скорости здесь, на металлическом покрытии. Я, вероятно, достаточно разгонюсь прежде, чем мы доедем до этого болота.

— Хорошо,— сказал Нимиц и всех удивил, поднявшись вверх на место бомбардира, в покрытый плексигласом нос самолета. Очевидно, он хотел иметь хороший обзор. Несколько офицеров штаба последовали за ним, но остальные предпочли лететь в салоне. Бородач поднялся на борт, дал полный газ, и самолет тронулся с места. Когда самолет добежал до конца покрытия, пилот решил, что взлететь все же не получится. Он отключил моторы и нажал на тормоз. Бомбардировщик заскользил вниз по непокрытой полосе, разбрызгивая фонтаны грязи. В конце поля самолет сделал крутой поворот и остановился. Его хвост завис над оврагом с крутыми склонами, спускавшимся вниз к притоку реки Лунгга.

Все зрители стояли как вкопанные, с комом в горле, а пилот включил двигатели, увел бомбардировщик от опасного обрыва и поехал обратно по полосе. Когда самолет остановился, адмирал Нимиц поднялся и сказал: «Давайте все пойдем в дом генерала и позавтракаем. А после завтрака попробуем еще раз».

Дождь прекратился, так что к концу завтрака взлетная полоса успела немного просохнуть. Однако задерживаться слишком долго было опасно, потому что освещение на аэродроме в Эспириту-Санто, как и на всем

острове, отсутствовало, и было жизненно важно долететь до места назначения засветло.

Первую группу «путешественников» ожидал тот же самый самолет с тем же самым пилотом. На сей раз Ламар проворно провел адмирала в хвостовую часть самолета, где ему и следовало находиться. Поскольку с противоположного конца взлетно-посадочной полосы теперь дул легкий ветерок, пилот подвел самолет к оврагу, начал разгон в грязи, и самолет наконец взлетел в самом конце покрытого листами железа участка. Второй B-17 с оставшимися членами штаба взлетел двадцатью минутами позже.

B-17 Нимица был в Эспириту, когда солнце уже садилось. Час спустя, когда остров стремительно окутывала темнота, второй самолет еще не прибыл. Было очевидно, что он сбился с курса. Нимиц сказал Фитчу: «Скажите, чтобы на *«Кертисе»* светили вверх самым большим прожектором. Прямо вверх». Несмотря на то что на острове не должно было быть ни огонька, Нимиц был твердо настроен вернуть сослуживцев. Фитч не только включил прожектор; он также положил вдоль взлетной полосы бензиновые бочки с нефтяными отходами, чтобы поджечь их при появлении самолета.

Во втором B-17 коммандер Офсти первым заметил тонкий вертикальный луч света далеко на западе. Он приказал развернуть самолет и лететь в направлении луча. Когда они подлетели к Эспириту, были зажжены бочки вдоль летной полосы, и пилот благополучно произвел посадку.

После возвращения в Нумеа адмирал Нимиц снова провел совещание с адмиралом Гормли. Без сомнения, их совещание касалось главным образом проблем, связанных с укреплением Гуадалканала и остановкой «Токийского экспресса». Вероятно, именно тогда Нимиц предложил собрать гарнизоны южных островов и переправить их на Гуадалканал, таким образом облегчая задачу 1-й дивизии морской пехоты согласно первоначальному плану. Дивизия все еще находилась на Гуадалканале и Тулаги и была усилена только одним-единственным

полком морской пехоты. Вывод войск с южных островов не был слишком большим риском, потому что пока японцы пытались удержать Буну и возвратить Гуадалканал, у них едва ли имелось достаточно сил для того, чтобы организовать десантное нападение в другом месте.

В ответ на предложение Нимица, Гормли послал на Гуадалканал полк солдат из Новой Каледонии. Тернер командовал конвоем, «Хорнет» и «Вашингтон» прикрывали фланги, и группа эсминцев и крейсеров под командованием контр-адмирала Нормана Скотта выступила, чтобы пустить под откос «Токийский экспресс», который, по сообщениям летчиков, в это время проходил через пролив Слот. Как оказалось, этот специфический «экспресс» состоял не из транспортов с подкреплением, а из крейсеров и эсминцев, шедших обстреливать Гендерсон-филд. В ночь с 11 на 12 октября силы Скотта и этот «экспресс» столкнулись к северо-западу от Гуадалканала в сражении у мыса Эсперанс. Американцы потопили один крейсер и один эсминец противника, потеряв один эсминец, но Скотт в первом сообщении по ошибке сообщил о потоплении «приблизительно 15» вражеских кораблей. Он таким образом сильно, хотя и временно, взбодрил удрученное командование Южно-Тихоокеанского флота.

Американское подкрепление достигло Гуадалканала 13 октября, и конвой, который доставил войска на остров, благополучно вернулся назад. Однако той ночью в район отмели Айрон — Боттом (банка Железное Дно) подошли два японских линейных корабля и обстреляли Гендерсон-филд снарядами главного калибра, которые разворотили взлетную полосу и уничтожили половину самолетов на острове. Два налета бомбардировщиков на следующий день и обстрел с крейсера следующей ночью лишили американцев большей части оставшихся самолетов. Ранним утром 15 октября Гуадалканала достигли шесть японских транспортов, и с них почти беспрепятственно высадились солдаты. По предварительной оценке, теперь на острове было столько же японцев, сколько американцев. Кроме того, японцы были, вне сомнения, свежие

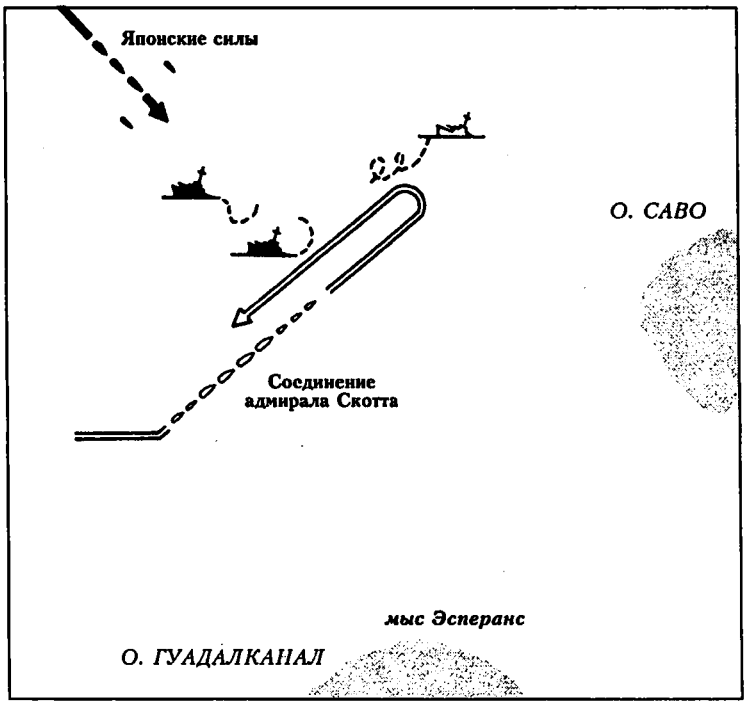
и отдохнувшие, в то время как большинство американцев были измотаны малярией и сражениями.

Борьба за Гуадалканал, по всей видимости, приближалась к критическому моменту. Сводка командования Тихоокеанского флота выражала безрадостную оценку ситуации Нимицем и его штабом: «Теперь становится очевидным, что мы неспособны контролировать море в области Гуадалканала. Таким образом, материально-техническое снабжение занятых позиций может осуществляться только ценой невероятных потерь. Ситуация не безнадежна, но она, безусловно, критическая».

Пришлось прибегнуть к крайним мерам. Ремонтные работы на *«Саут Дакоте»*, которая налетела на подводную скалу, и на *«Энтерпрайзе»* были наскоро закончены, и оба корабля двинулись в южную часть Тихого океана.

В соответствии с директивой Нимица и по согласованию с Кингом, все самолеты из центральной части Тихого океана были направлены на защиту Гуадалканала, а 25-я пехотная дивизия, базирующаяся на Оаху, была поднята по тревоге, чтобы подготовиться к броску на юг. Хэлси в сопровождении офицеров штаба вылетел на гидросамолете в Нумеа в преддверии принятия командования авианосным соединением.

Вечером 15 октября Нимиц созвал специальное совещание. Вызваны были главным образом офицеры штаба, которые сопровождали его в южную часть Тихого океана. Присутствовавшие там вспоминали, что его глаза в тот вечер, казалось, изменили цвет — из сияющих синих они превратились в серые, ледяные. Совещание началось с краткой лекции. «Я не хочу ни слышать, ни видеть этот пессимизм,— сказал он.— Помните, враг также понес потери». Японцы, очевидно, готовились к крупной атаке, и именно по этой причине он созвал группу вместе, чтобы услышать их мнение о ситуации в командовании Южно-Тихоокеанского флота. Адмирал Гормли был умным и преданным офицером, но был ли он достаточно тверд, чтобы выдержать все предстоящие трудности? И, что более важно, обладал ли он достаточным



Бой у мыса Эсперанс 11–12 октября 1942 года.

авторитетом, чтобы вдохновить своих подчиненных на решение сверхзадач?

Все присутствовавшие офицеры выразили мнение, что командующий не имел требуемых качеств и что атмосфера в штабе командования Южно-Тихоокеанским флотом была невыносима. Когда один офицер рискнул критиковать адмирала Гормли как личность, Нимиц быстро заставил его замолчать, назвав подобные замечания «мятежом».

— Хорошо,— сказал Нимиц наконец.— Я собираюсь провести голосование.

Он указал на каждого офицера по очереди, задавая один и тот же вопрос: «Мне пора освободить адмирала Гормли с занимаемой должности?»

Каждый ответил: «Да». Потом Нимиц обсудил возможные кандидатуры на пост. Первым пришел на ум Тернер. Этот седой и громогласный воин был, без сомнения, лидером, но слишком деятельным и беспокойным, за что и заработал прозвище «Ужасный Тернер». Его нерешенный спор с Вандегрифтом говорил о том, что он нуждался в руководстве более высокопоставленного офицера. Этим офицером мог бы быть Хэлси — он был популярен и имел необходимый ранг, но он был более необходим как командир авианосного соединения. Кроме того, у него было мало опыта административной работы и он никогда не считался хорошим штабным «конторским» работником.

Не объявляя никакого решения ни о смещении, ни о замене, Нимиц поблагодарил присутствовавших и закрыл совещание.

Тем же вечером, когда адмирал уже разделся и собирался ложиться, его дежурному позвонили по телефону от имени небольшой группы офицеров штаба, которые не были на встрече и не знали, что произошло там. Не мог бы адмирал выслушать их неофициально? Нимиц сказал, что в их распоряжении пять минут.

Он принял офицеров в пижаме и халате. Представитель группы сказал, что адмирал Хэлси скоро должен прибыть в Южно-Тихоокеанский сектор. Он убеждал Нимица отбросить любые мысли о симпатии или понимании в отношении Гормли, брата по оружию, и приказать, чтобы Хэлси принял командование Южно-Тихоокеанским сектором по прибытии в Нумеа. Нимиц сказал, что он рад их визиту, верит в их благие намерения и в ближайшее же время рассмотрит этот вопрос.

На самом деле он уже решил. После того как группа уехала, он послал Хэлси, тогда находившемуся на острове Кантон, радиограмму, приказывая ему отменить его предполагаемую остановку на Гуадалканале и как можно скорее двигаться в направлении Нумеа.

Следующим утром, 16 октября, адмирал Нимиц запросил у адмирала Кинга разрешение на то, чтобы Хэлси сменил Гормли, и получил быстрый ответ: «Разрешаю».

Тогда Нимиц отправил Гормли депешу следующего содержания:

> «После осторожного взвешивания всех факторов решили, что таланты и предыдущий опыт Хэлси могут лучше всего быть применены к ситуации при вступлении его в должность командующего Южно-Тихоокеанским флотом сразу по прибытии в Нумеа 18 октября по Вашему меридиану. Я высоко ценю Ваши самоотверженные усилия, приложенные к выполнению труднейшей задачи. Я приказываю Вам рапортовать Хэлси по поводу сегодняшнего положения дел, поскольку я полагаю, что ему будет необходимо Ваше знание ситуации и Ваша дружеская помощь. Замена одобрена главнокомандующим. Распоряжения будут отданы в ближайшее время».

Затем адмирал Нимиц подготовил приказы для Хэлси, которые должны были быть вручены последнему по его прибытии в Нумеа. Миссис Нимиц он писал:

> «Сегодня я заменил Гормли на Хэлси. Это была напряженная умственная борьба, и решение было принято после часов мучительных раздумий. Причина (личная): Гормли слишком погружался в детали и был недостаточно смел и инициативен в нужные моменты. Теперь, когда это было сделано, я чувствую себя лучше. Я очень люблю Г. и надеюсь, что не нажил себе кровного врага. Надеюсь, что нет. Интересы нации — превыше личных».

Глава 14

ГУАДАЛКАНАЛ ЗАВОЕВАН

В 14:00 18 октября, как только гидросамолет адмирала Хэлси остановился после посадки на воду в гавани Нумеа, к нему подошел вельбот. Когда Хэлси сел в вельбот, флаг-адъютант адмирала Гормли приветствовал его и вручил ему запечатанный конверт. Поскольку Хэлси уже через несколько минут должен был быть на борту *«Аргонны»*, он понял, что сообщение, доставленное подобным образом, должно иметь первостепенную важность. Он сразу открыл внешний, а затем внутренний конверты с грифом «Секретно». Внутри была радиограмма от командующего Тихоокеанским флотом: «Немедленно по прибытии в Нумеа Вы смените вице-адмирала Роберта Л. Гормли на посту Командующего Южно-Тихоокеанским сектором и Южно-Тихоокеанским флотом».

Хэлси с недоверием прочел сообщение снова. «Иисус Христос и генерал Джэксон! — воскликнул он.— Ощущение такое, как будто выхватил из золы горячую картошку!

Адмирал Гормли приветствовал Хэлси, когда тот ступил на квартердек *«Аргонны»*. «Он был такой же сердечный и дружелюбный, как всегда, — вспоминал Хэлси, — но мы оба чувствовали себя неловко».

Гормли сказал:

— Тяжелую работенку тебе подкинули, Билл.

— Черт возьми, я слишком хорошо это знаю, — ответил Хэлси.

Билл Хэлси славился своей напористостью, и весть о его назначении была воспринята на кораблях и береговых базах с диким энтузиазмом. Офицер на Гуадалканале вспоминал реакцию людей на базе:

> «Я никогда этого не забуду: в первую минуту мы, слишком ослабевшие от малярии, просто не смогли выползти из наших нор; но уже через мгновение мы все бегали и кричали как дети».

Хэлси обнаружил, что ни Гормли, ни кто-либо из офицеров его штаба не могли дать ему четкую картину ситуации на Гуадалканале. Все слишком увязли в бумажной работе, чтобы куда-либо выходить с *«Аргонны»*. Поэтому Хэлси послал генералу Вандегрифту радиограмму с просьбой прибыть в Нумеа, как только позволят дела. Вандегрифт прибыл 23-го числа в сопровождении генерал-лейтенанта Томаса Холкомба, командира корпуса Морской пехоты. Как только обед был закончен, Хэлси провел с приехавшими совещание. Среди присутствовавших на встрече были генералы Пэтч, Хэрмон и адмирал Тернер.

Хэлси открыл совещание, попросив Вандегрифта описать ситуацию на Гуадалканале. Вандегрифт доложил текущую обстановку и высказал свои предположения относительно сил и намерений врага. Он подчеркнул отчаянное состояние своих людей, ослабленных малярией, плохим питанием и ночами, проведенными без сна во время бомбардировок. По его словам, назрела острая необходимость в безотлагательном укреплении наземной и противовоздушной обороны. Генералы Хэрмон и Холкомб настоятельно поддержали его заявление.

Хэлси сидел и стучал пальцами по столу. Потом он посмотрел на Вандегрифта и спросил:

— Вы можете удерживать позиции?

— Да, я могу удерживать позиции,— ответил генерал»,— но я должен получать более активную поддержку, чем до сих пор.

Келли Тернер возразил, что флот и так старается изо всех сил. Он ужасающими темпами терял транспорты и грузовые суда, потому что у него было недостаточно боевых кораблей для их защиты. Когда Тернер закончил свою горькую тираду, Хэлси снова обратился к командиру 1-й дивизии морской пехоты.

— Возвращайтесь обратно, Вандегрифт,— сказал он.— Я обещаю обеспечить Вас всем, что я имею.

В Перл-Харборе адмирал Нимиц переживал один из редких периодов депрессии. Он боялся приезда Гормли почти так же, как приближающегося японского нападения. Его настроение несколько улучшилось после письма министра Нокса, которое заканчивалось словами: «Все мы очень горды тем, как Вы справляетесь с Вашей работой». Нимиц пересказал этот хвалебный отзыв миссис Нимиц. «Хорошие новости,— добавил он.— Возможно, я смогу продержаться до конца года».

В последующем письме Нокс поддержал действия Нимица в отношении командования Южно-Тихоокеанского флота. «Хотя я придерживаюсь самого высокого мнения об адмирале Гормли,— писал он,— я получал многочисленные сообщения о плохом состоянии его здоровья, которые очень меня беспокоили, и я считаю, что Вы действовали наиболее мудро и с самыми благими намерениями, приказав Хэлси сменить его».

Когда Нимицу сообщили, что Гормли собирается покидать Нумеа, он написал миссис Нимиц, что бывший командующий «будет здесь через три или четыре дня. Это будет тяжело для Г. и, вероятно, для меня тоже, но мы должны выдержать это испытание».

Как назло, история об отставке Гормли была опубликована в газетах в тот самый день, 24 октября, когда смещенный с поста адмирал прибыл в Перл-Харбор. Горм-

ли и издаваемая в Гонолулу газета *«Стар-Бюллетин»*, с сообщением о его отставке на первой странице, появились в штабе Тихоокеанского флота практически одновременно. Вежливым, но мрачным тоном Гормли спросил у Нимица о причинах его отставки.

— Боб,— сказал Нимиц, и в его голосе слышалось сочувствие,— из всего флота я должен был выбрать человека, который лучше всего подходит для того, чтобы справиться со сложившейся ситуацией. Как ты думаешь, ты — такой человек?

— Нет,— сказал Гормли.— Раз ты так ставишь вопрос, значит — нет.

Тем вечером Нимиц написал Кэтрин: «Г. воспринял все в своей обычной легкой манере, что в значительной мере спасло меня от смущения».

Нимиц пригласил Гормли остаться в Перл-Харборе на несколько дней в качестве гостя, но тот решил поспешить в Вашингтон, где он получил временное назначение. Кинг призвал его туда для того, чтобы, как он это называл, «посмотреть его».

> «Гормли отбыл в 14:00,— написал Нимиц Кэтрин,— и хотя он был не слишком весел, я уверен, что никто не смог бы перенести разочарование более стойко. Какое чудовищное невезение — о его отставке было объявлено, как нарочно, именно тогда, когда он прибыл сюда. Ему пришлось прочитать о своей неудаче два раза — сначала во вчерашней вечерней газете, а потом — сегодня, в утренней, которая догнала его в Перл-Харбор. К счастью, статьи в обоих случаях были написаны очень деликатно. За время его пребывания на посту никаких катастроф не произошло, так что это все скоро утихнет».

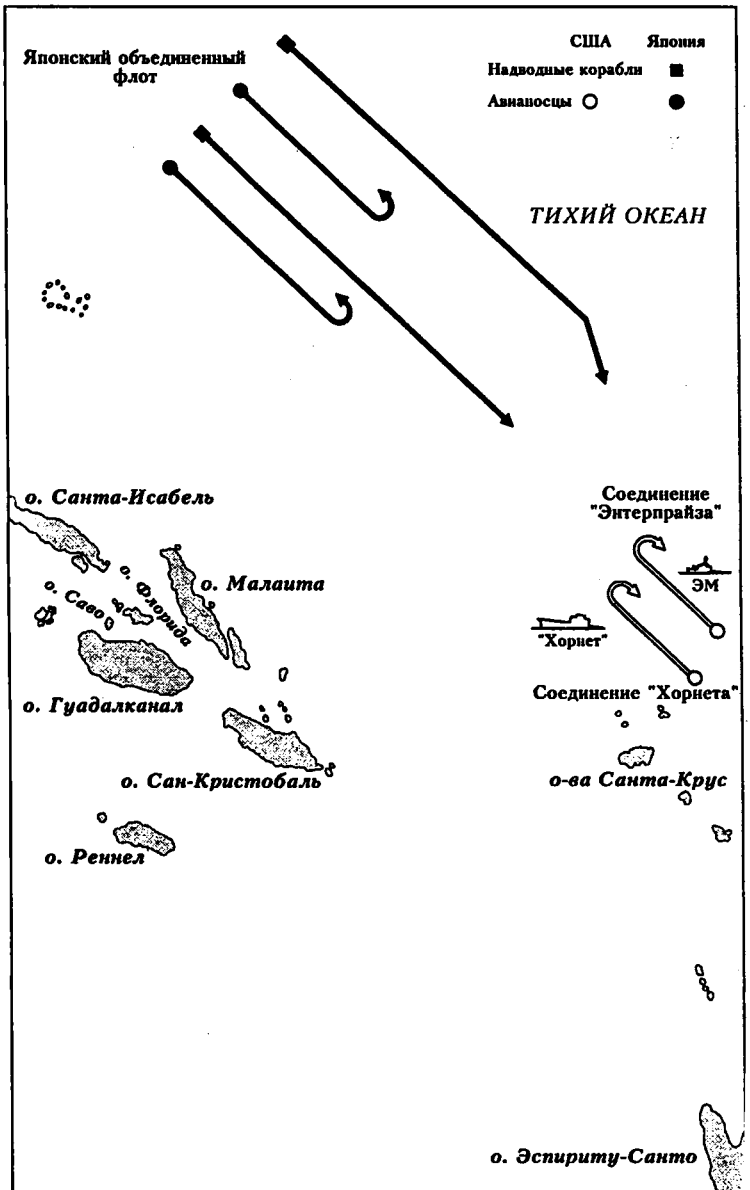
Настала пора заменить и других офицеров, которые к этому времени успели продемонстрировать как профессиональные достоинства, так и недостатки. Вице-адмирал Пай был назначен президентом Военно-морского колледжа. Там он мог применять свои стратегические

способности, и, с другой стороны, там не возникало повода сомневаться в его настойчивости. С юго-запада ему на смену прибыл вице-адмирал Лири, чтобы принять командование 1-м оперативным соединением, состоявшим из старых линейных кораблей, а вице-адмирал Артур С. Карпентер заменил его на посту командующего военно-морскими силами Юго-Западной части Тихого океана, под непосредственным началом Макартура. Вице-адмирал Флетчер подал запрос на возвращение к морской службе, и Нимиц его запрос поддержал, но Кинг назначил его командующим 13-м Военно-морским округом и Северо-Западным морским пограничным округом в Сиэтле.

Когда генерал Вандегрифт вернулся в Гуадалканал из Нумеа, японские солдаты уже начали новое наступление на взлетную полосу, и гидросамолеты Фитча засекли японские авианосцы, идущие с севера. Наступление на взлетную полосу переросло в сражение при Гендерсон-филд. Продвижение японского флота привело к бою у островов Санта-Круз.

24 октября группа кораблей во главе с *«Энтерпрайзом»*, прибывшая из Перл-Харбора на юг Тихого океана, установила контакт с другой группой, во главе с *«Хорнетом»*, находящейся к востоку от острова Эспириту-Санто. Хотя каждый авианосец действовал только в пределах его собственного района, обе группы находились под тактическим командованием контр-адмирала Томаса К. Кинкейда, который ранее командовал крейсерами в сражениях в Коралловом море и при Мидуэе. Хэлси, игнорируя ограничения, установленные Гормли, решительно приказал двум группам кораблей под командованием Кинкейда обойти острова Санта-Круз с севера, чтобы иметь возможность ударить с фланга по любым силам противника, приближающимся к Гуадалканалу с севера или северо-запада.

В связи с тем, что командовал операцией Хэлси, нельзя не провести параллель с Мидуэем. Впрочем, сходства было гораздо больше, чем можно было предположить, так как японским оперативным ударным соединением командовал тот самый адмирал Нагумо, который командовал вражескими авианосцами при Мидуэе.



Бой у островов Санта-Круз 26 октября 1942 года.

В его соединении были теперь авианосцы *«Секаку»* и *«Дзуйкаку»* и легкий авианосец *«Дзуйихо»*. Отдельная ударная группа включала авианосец «Юньо». Как и при Мидуэе, американцы уступали в численности, и для них было важно иметь преимущество в инициативе перед врагом. С этой целью Хэлси на рассвете 26 октября дал всем имеющимся у него в распоряжении военно-морским силам долгожданную команду: «Наступление! Повторяю — наступление!»

Приблизительно в 6:30 утра американские станции радиоперехвата засекли знакомые японские авиационные позывные: ТЕ-ТЕ-ТЕ, от *тэки* (враг), сопровождаемые кодовыми позывными. Очевидно, японцы успели обнаружить американцев прежде, чем были замечены сами. Штаб переслал эту информацию адмиралу Кинкейду. Вскоре после этого из кратких японских незашифрованных сообщений адмиралу Нимицу стало ясно, что сражение авианосцев идет полным ходом.

Днем в Перл-Харборе стало известно, что *«Хорнет»* поврежден и оставлен экипажем, и, по данным радиопеленгаторных станций, в его направлении двигалась по крайней мере часть японского флота. Эту информацию штаб также передал адмиралу Кинкейду, который приказал затопить *«Хорнет»*, чтобы авианосец не достался врагу.

Как обычно, полная информация о ходе сражения появилась в штабе только через несколько дней. В подробном сообщении приводились следующие дополнительные факты. Японские разведывательные самолеты действительно обнаружили противника первыми, когда противостоящие флоты находились друг от друга в пределах радиуса действия палубной авиации. Таким образом японцы получили преимущество перед американцами, которые были вынуждены принять удары по собственным палубам прежде, чем их истребители смогли взлететь. Первая японская атака была направлена исключительно на *«Хорнет»*, и корабль был выведен из строя попаданием пяти бомб и двух торпед.

В ходе второго удара японской авиации был тяжело поврежден *«Энтерпрайз»* — в корабль попали три

бомбы, а затем в эсминец охранения врезался самолет с пилотом-камикадзе, что вызвало пожар на борту. Во время третьего удара были повреждены линкор *«Саут Дакота»* и крейсер. Оперативная группа во главе с *«Энтерпрайзом»*, после потери эсминца, который был потоплен торпедой с японской субмарины, ушла в юго-восточном направлении. Тем временем американские самолеты с авианосцев нанесли незначительные повреждения *«Дзуйхо»* и крейсеру, а также очень тяжело повредили *«Секаку»*.

«Хорнет», оставшись без воздушного прикрытия, стал целью нескольких дневных атак с воздуха. После того как экипаж оставил корабль, Кинкейд приказал двум оставшимся эсминцам затопить его. Они израсходовали все свои торпеды и более 400 снарядов, что не привело к каким-либо результатам, кроме новых пожаров. Следующим утром американский самолет, облетая район боя, заметил над поверхностью только надстройку корабля.

Хотя тактически американцы уступили японцам, они немного утешились, подсчитав, что японцы потеряли почти вдвое больше самолетов, чем они. Отчасти причины неравных потерь были в том, что у американцев пилоты истребителей были лучше подготовлены к воздушному бою, и флот значительно улучшил точность корабельной зенитной артиллерии. Но дело было также и в том, что японцы уже потеряли почти всех хорошо обученных и опытных пилотов и не смогли подготовить пилотов им на смену достаточно быстро.

Ситуацию на Гуадалканале спасли американские солдаты и морские пехотинцы — они стояли насмерть. Вражеские атаки достигли наибольшей силы, и затем сошли на нет 26 октября. Гендерсон-филд остался в руках американцев, а японские потери были примерно в десять раз больше американских. Генералу Вандегрифту адмирал Нимиц послал слова благодарности:

> «Сообщения о Ваших успешных действиях на суше взволновали всех нас. Выразите мою благодарность Вашим морским пехотинцам на переднем

крае и вашим армейским отрядам за то, как они удержали и восстановили линию обороны с помощью контратак. Мы чувствуем, что Вы собрали вместе такую силу, победить которую врагу будет непросто».

Даже в самые сложные моменты октябрьского кризиса Нимиц считал важным для себя заниматься общественной и околопрофессиональной деятельностью. 16 октября он посетил обед в ресторане Уолтера Диллингемса, который давал губернатор Гавайев и миссис Стэйнбэк.

«Мне бы понравилось там гораздо больше,— написал он миссис Нимиц,— если бы мои мысли не возвращались постоянно к Соломоновым островам. Я вернулся в мой штаб и читал депеши до 11 часов вечера. Новости были хорошие, и я смог, наконец, заснуть спокойно». Позже он выступал на инаугурации президента Университета Гавайев доктора Синклэйра. «Похоже, моя речь понравилась»,— писал он. «По крайней мере, многие подходили поздравить меня».

Кризис на Гуадалканале совпал с проявлениями военной мощи союзников по всему миру. Русские, получившие материально-техническую поддержку от союзников через Мурманск и Персидский залив, удержали позиции и перешли в наступление под Сталинградом. Три союзнических экспедиционных корпуса в конце октября морем направились к Северной Африке. Подводная война в Атлантике достигла кульминации — в октябре немецкие подводные лодки отправили на дно почти 600 000 тонн союзнических грузов, а в ноябре эта цифра была еще больше. Продолжали союзнические поставки британским войскам в Египте через мыс Доброй Надежды и Суэцкий канал. Там генерал Бернард Монтгомери был уже готов к решающему сражению при Эль-Аламейне, которое началось 23 октября. В Великобритании формировались силы для «прыжка» через Ла-Манш на «европейскую цитадель» Гитлера, запланированного на 1943 год. Генерал Арнольд концентрировал

союзническую авиацию в Англии для стратегической бомбежки Германии.

В сложившейся ситуации утомленный Объединенный комитет начальников штабов, за исключением адмирала Кинга, был склонен не придать большого значения информации о тяжелой ситуации в южной части Тихого океана. Для того чтобы обратить внимание на происходящее в секторе, потребовалось вмешательство Президента Рузвельта. 24 октября он послал Объединенному комитету меморандум, в котором он высказывал пожелание «удостовериться, что все возможные резервы направлены на то, чтобы удержать Гуадалканал, и что группы материально-технического обеспечения, авиация и команды кораблей собираются воспользоваться всем этим для того, чтобы Гуадалканал остался в наших руках».

В результате накануне вторжения в Северную Африку на осажденный остров были отправлены орудия и самолеты, а Хэлси смог получить еще 6000 солдат и морских пехотинцев для переброски туда. Все это делалось в последнюю минуту, так как японцы, видимо, решили компенсировать октябрьскую неудачу победой в ноябре. Почти каждую ночь их эсминцы проходили через пролив Слот, доставляя подкрепление для нового нападения на Гендерсон-филд.

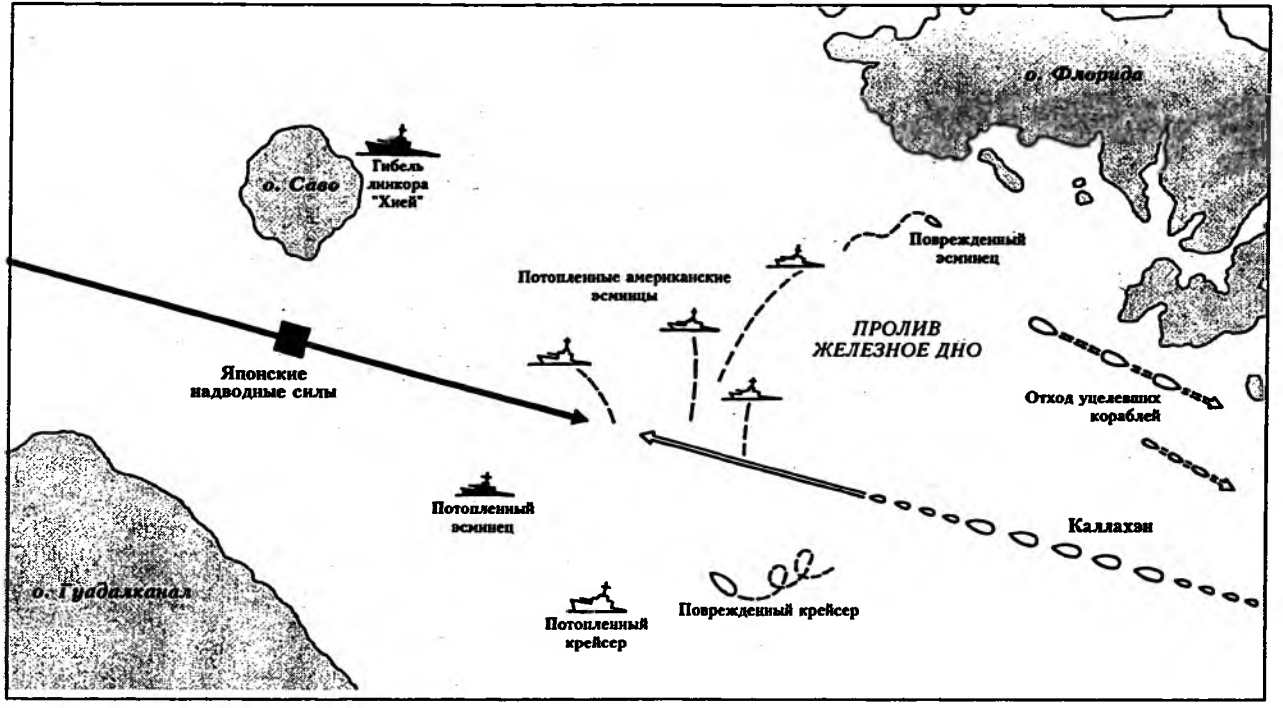
Несмотря на постоянные усилия, прилагаемые для переброски боеприпасов и людей на Гуадалканал, штаб командования Южно-Тихоокеанским флотом сумел найти время, чтобы перебраться из тесных кают *«Аргонны»* в город Нумеа. Когда французские власти начали возражать, Хэлси жестко настоял на перемещении штаба, вынудив губернатора предоставить место, где его офицеры и матросы смогли бы жить и работать с большим комфортом и эффективностью. Под офис ему удалось получить строение, напоминающее склад, а для проживания — освободившееся японское консульство, которое он дополнил сборными бараками.

Хэлси также успел совершить краткую поездку на Гуадалканал, чтобы более глубоко ознакомиться с проблемами обороны острова и, что более важно, поднять

боевой дух, показавшись защитникам. На острове он провел пресс-конференцию и дал свой рецепт победы: «Убивайте японцев, убивайте японцев, и продолжайте убивать японцев!» Один неуклюжий корреспондент спросил адмирала, как долго, по его мнению, японцы могут протянуть. Хэлси сердито ответил: «Как вы думаете, как долго они смогут выдерживать такой натиск?» По пути назад в Нумеа он посетил госпиталь базы на Эфате, и новость об этом распространилась по всей южной части Тихого океана. Таким визитом было продемонстрировано, что теперь в секторе был командующий, который, в отличие от предыдущих, проявлял заботу о подчиненных.

Тем временем радиоразведка Op-20G снова каким-то образом расшифровала японский военно-морской код. Все разведданные из этого источника штаб Тихоокеанского флота быстро переправлял в Южно-Тихоокеанский сектор. Таким образом, когда Хэлси возвратился в Нумеа 9 ноября, его начальник штаба, кэптен Браунинг, смог предоставить ему расписание предстоящих японских действий. Должно было повториться октябрьское нападение, но в большем масштабе: на 11 ноября была назначена бомбардировка Гуадалканала с воздуха; корабли должны были обстрелять Гендерсон-филд ночью 12 ноября; авианосцы должны были нанести удар 13 ноября, и в конце дня на остров планировалось высадить крупный десант. Анализ передвижений, наблюдение за побережьем и разведка с воздуха показали, что японские военные корабли в больших количествах собираются в Труке, Рабауле на острове Шортленд и на Северных Соломоновых островах.

У Южно-Тихоокеанского флота не было времени, чтобы послать поврежденные корабли на ремонт в Перл-Харбор, и их наскоро ремонтировали в Нумеа. На *«Энтерпрайзе»* все еще был неисправен носовой подъемник, а *на «Саут Дакоте»* не действовала орудийная башня. Несмотря ни на это, Хэлси послал оперативное соединение во главе с *«Энтерпрайзом»* под командованием Кинкейда на север. Помимо *«Саут Дакоты»*, в него входили линкор *«Вашингтон»*, один тяжелый и



Морское сражение при Гуадалканале: ночная операция крейсеров, 12–13 ноября 1942 г.

один легкий крейсера и восемь эсминцев. Хэлси, наученный опытом сражения у островов Санта-Круз, предписал Кинкейду ни в коем случае не заходить в воды к северу от Соломоновых островов.

Тем временем, 6000 человек подкрепления, которых Хэлси направил на Гуадалканал, были доставлены на остров конвоем из двух групп транспортов, в сопровождении крейсеров и эсминцев. Транспорты попали под тяжелую бомбежку в районе отмели Железное Дно, но высадка подкрепления была благополучно завершена к концу дня 12 ноября. На закате Тернер направил корабли эскорта в Нумеа, но пять крейсеров и восемь эсминцев под командованием контр-адмирала Дэниэла Дж. Каллахэна послал назад к Железной банке, чтобы предотвратить надвигающийся артиллерийский удар по Гендерсон-филд японской группы кораблей, куда входили линейные корабли *«Хией»* и *«Кирисима»*. Продвижение последних с севера засекли американские самолеты.

В темноте безлунной ночи две силы столкнулись в водах к северу от Гуадалканала. Последовал ожесточенный полуночный бой, в котором были нарушены все построения и обе стороны время от времени стреляли по собственным кораблям. Американцев спасло от поражения только то, что японские линейные корабли были обеспечены боеприпасами для артобстрела берега, а не бронебойными снарядами. На рассвете один японский эсминец был потоплен, другой тонул, а *«Хией»*, пораженный более чем 50 снарядами, абсолютно беззащитный, стоял к северу от острова Саво, и самолеты с Гендерсон-филд снова и снова наносили по нему удары, пока он не затонул. Американцы потеряли два крейсера и четыре эсминца; адмиралы Скотт и Каллахэн, большинство офицеров штаба погибли. Несмотря на подавляющий перевес японцев в кораблях, американцам удалось сорвать планы врага. Они остановили его линейные корабли и вынудили его транспорты возвратиться на базу на островах Шортленд.

На закате 13 ноября В-17 засек дюжину японских эсминцев, сопровождавших 11 транспортов, каждый из которых мог вместить по крайней мере 1000 человек. Конвой

уходил с островов Шортленд. Очевидно, японцы намеревались как можно ближе подойти к Слоту под покровом темноты. Той ночью шесть крейсеров вошли в пролив Железное Дно и обстреляли Гендерсон-филд, причинив значительно меньший урон, чем могли бы причинить *«Хией»* и *«Кирисима»* с их 14-дюймовыми орудиями.

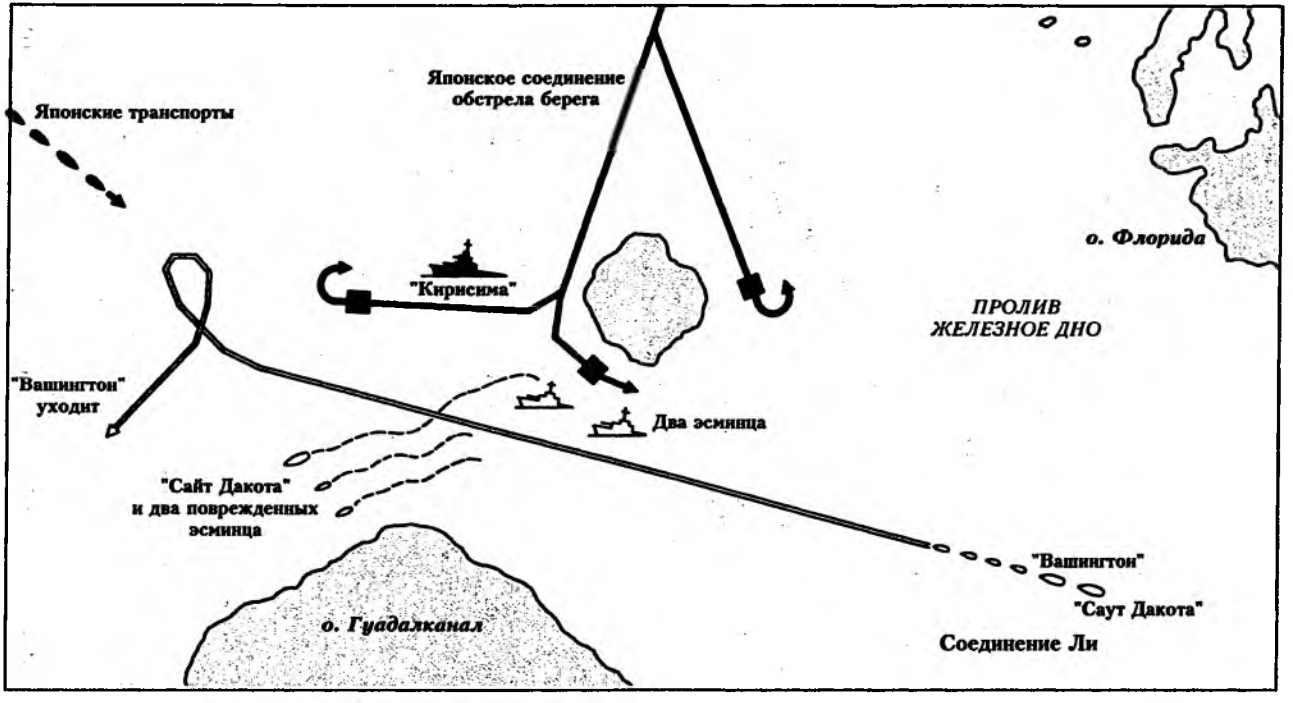
На рассвете 14 ноября американским разведывательным самолетам открылись две группы японских кораблей: крейсера, которые обстреливали Гуадалканал предыдущей ночью, вместе с кораблями эскорта удалялись в западном направлении к югу от острова Нью-Джорджия в центральной части Соломоновых островов; транспорты, накануне оставившие острова Шортленд, были в Слоте и приближались к Гуадалканалу. Бомбардировщики с аэродрома Гендерсон-филд, с Эспиритуо-Санто и с *«Энтерпрайза»*, возвращавшегося с юга, нанесли несколько ударов по обеим группам, потопив один крейсер группы артиллерийской поддержки и повредив три других, а также послав шесть из загруженных войсками десанта транспортов ко дну и вынудив один повернуть назад.

Тем временем *«Вашингтон»*, *«Саут Дакота»* и четыре эсминца под командованием контр-адмирала Уиллиса А. Ли отделились от соединения *«Энтерпрайза»*, чтобы защитить Гендерсон-филд от следующей ночной бомбардировки. Той ночью к северу от Гуадалканала группа японских кораблей, состоящая из *«Кирисимы»*, четырех крейсеров и девяти эсминцев, атаковала американцев, потопив два эсминца и выведя из строя *«Саут Дакоту»* и еще два эсминца. *«Вашингтон»*, оставшийся без прикрытия, перенес весь огонь на *«Кирисиму»* и нанес ей такие серьезные повреждения, что она затонула. Оставшиеся японские корабли ушли; остались только четыре уцелевших транспорта, которые, пройдя через «поле сражения», сели на мель у Гуадалканала, где были немедленно атакованы эсминцем и самолетами с Гендерсон-филда. Так закончился ряд действий враждующих флотов, известных как сражение при Гуадалканале.

Первые отрывочные сообщения о трехдневном сражении воспринимались в Перл-Харборе и в Вашингтоне с некоторым скептицизмом, но, по мере того как информация подтверждалась, скептицизм сменился восторгом. Министр Нокс в конце концов отбросил свои глубокие сомнения и заверил прессу: «Мы можем побить их. Я не сомневаюсь в этом. Мы победим их». Генералу Вандегрифту, который так долго критиковал флот за робость, оставалось только похвалить адмиралов Скотта, Каллахэна, Кинкейда и Ли и их подчиненных. Он послал такую радиограмму: «Бойцы Гуадалканала снимают свои разбитые каски в глубочайшем восхищении». Адмирал Нимиц выразил мнение, что критическая стадия борьбы за Гуадалканал прошла. Признавая, что новый дух обдуманного риска в южной части Тихого океана появился главным образом благодаря новому командующему, он сказал о Хэлси: «Он имеет редкое сочетание глубокого ума и боевой отваги и может с предельной точностью просчитать возможный риск».

В восточной Новой Гвинее, в 700 милях к западу от Гуадалканала, силы союзников перешли в наступление. Войска генерала Макартура прогнали японцев назад за горы и окружили их в Буне. С другой стороны земного шара союзники также одерживали победы. Под Сталинградом русские заманили в ловушку немецкую Шестую армию. Монтгомери одержал победу при Эль-Аламейне и преследовал Роммеля через всю Северную Африку. Американцы и британцы удачно высадились в северо-западной Африке и заключили перемирие с французами. Президент Рузвельт сказал: «Похоже, что поворотный момент войны наконец наступил». Премьер-министр Черчилль описал ситуацию как «начало конца» Рузвельт, с учетом успеха Хэлси и высокой результативности его командования, представил его к званию адмирала, и Конгресс быстро одобрил это решение.

После сражения при Гуадалканале японцы на Соломоновых островах, казалось, полностью перешли к обороне. Когда было обнаружено, что они строят аэродром в

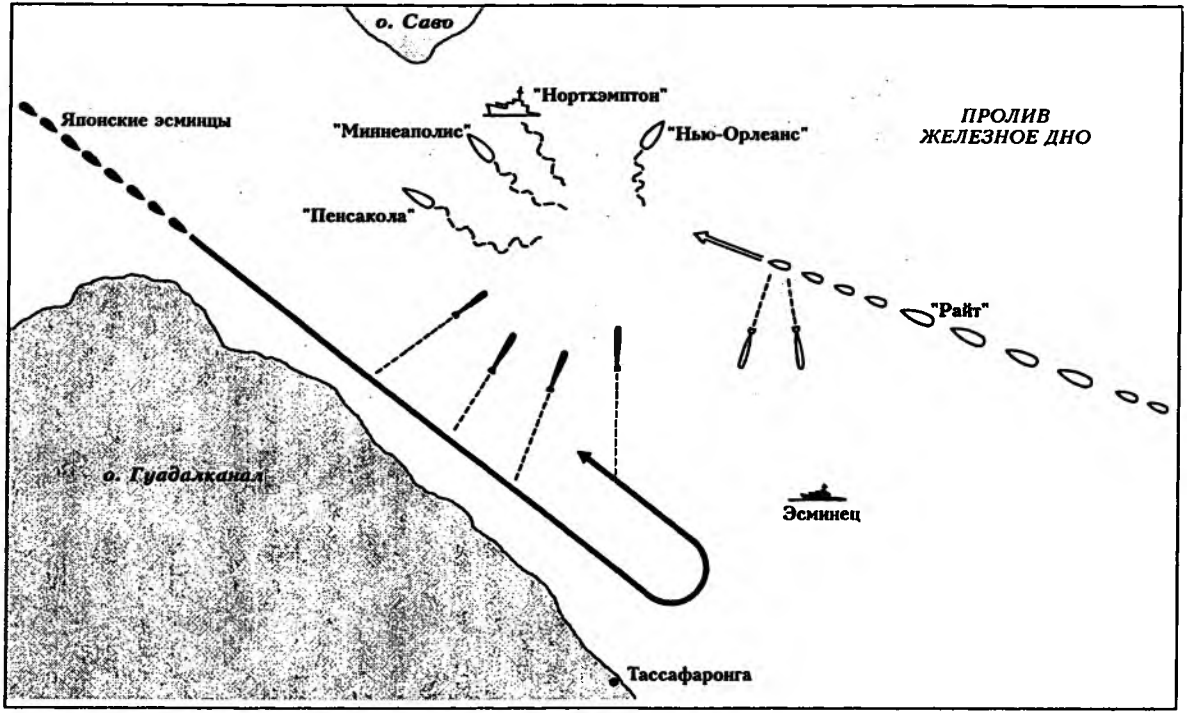


Морское сражение при Гуадалканале: действия боевых кораблей, 14–15 ноября 1942 года.

Мунда-Пойнт на острове Нью-Джорджия, мнения разделились: одни считали, что это предвещает новое наступление, а другие склонялись к мнению, что японцы создают новую линию обороны взамен Гуадалканала.

Безотносительно намерений врага, американцы, поскольку их военная мощь увеличилась, намеревались нарушить коммуникации, по которым шло снабжение японцев на Гуадалканале и захватить, уничтожить или вытеснить оставшиеся там японские войска. Но конце ноября, как будто в напоминание американскому флоту, что ему еще надо поучиться тактике ведения ночного боя, военно-морские силы Южно-Тихоокеанского сектора потерпели серьезное поражение в сражении у мыса Тассафаронга. Американское соединение из пяти крейсеров и шести эсминцев, второпях собранное, чтобы заменить уничтоженное соединение Каллахэна, вошло в район пролива Железное Дно. Командовал соединением контр-адмирал Карлтон Райт, который был плохо знаком и с подчиненными ему кораблями, и с особенностями района. Задача этой собранной наспех команды состояла в том, чтобы пустить под откос «Токийский экспресс», который, как было обнаружено накануне, приближался к Гуадалканалу и, очевидно, вез боеприпасы. Корабельными средствами японцев своевременно обнаружить не удалось. «Экспресс» этой ночью состоял только из восьми эсминцев. Наткнувшись, наконец на строй японских эсминцев, американцы открыли орудийный огонь, вызвавший пожар на одном из эсминцев, но другие, прицелившись по вспышкам от залпов орудий на американских кораблях, выпустили по ним торпеды, а затем благополучно скрылись. В результате был потоплен крейсер *«Нортхемптон»*, тяжело повреждены крейсера *«Миннеаполис»*, *«Нью-Орлеанс»* и *«Пенсакола»*. К счастью для их боевого духа, американцы не поняли, что потерпели одностороннее поражение, поскольку, по оценке штаба, соединение Райта потопило четыре вражеских эсминца и повредило два или более.

На пресс-конференции, проведенной в Перл-Харборе 7 декабря, в годовщину неожиданного нападения,



Бой у мыса Тассафаронга, 30 ноября 1942 года.

корреспондент попросил, чтобы адмирал Нимиц высказал «официальное предположение» относительно того, когда закончится война. Нимиц ответил: «Дату не назову. Но я могу показать вам на карте». Он сделал широкий жест вдоль множества карт, прикрепленных кнопками к стене. «Война закончится,— сказал он,— когда японцев вытеснят со всех их позиций и их боевая сила будет уничтожена».

9 декабря генерал Вандегрифт передал командование американским гарнизоном на Гуадалканале генералу Пэтчу, а 25-z армейская дивизия и 2-я дивизия морской пехоты постепенно заменили измученных малярией ветеранов 1-й дивизии морской пехоты, которая была эвакуирована в Австралию. К началу января Пэтч имел под своим началом 50 000 солдат и морских пехотинцев, и в середине месяца он начал продвижение на запад от американской линии обороны, чтобы смести то, что оставалось от японского гарнизона.

Адмирала Кинга беспокоил темп боевых действий на Юге. Он особенно выступал против «Задачи-2», в ходе которой войска Южно-Тихоокеанского сектора должны медленно, шаг за шагом продвигаться по Соломоновым островам к Рабаулу. Такая стратегия будет постепенно сокращать длину коммуникаций противника, толкая его назад, в те районы, откуда он получает снабжение и подкрепление. Кроме того, судя по тому, сколько уже заняла операция на Гуадалканале, каждый следующий шаг будет требовать, по меньшей мере, месяцев, давая врагу время, чтобы создать новые сильные укрепленные пункты на пути наступления американцев,— и война могла тянуться бесконечно. Кинг предложил небольшую хитрость. В частности, он рекомендовал пересмотреть «Задачи-2» и 3, обойдя Соломоновы острова и острова Бисмарка и захватив сразу острова Адмиралтейства. Оттуда Союзники смогли бы блокировать главную коммуникацию снабжения Рабаула и занять превосходную позицию для обстрела базы вплоть до полного уничтожения сил ее обороны, и затем захватить базу.

Адмиралы Хэлси и Нимиц не были согласны ни с одной из частей плана Кинга. Нимиц изложил возражения

и встречные предложения в докладе «Будущие действия в районе Соломоновых островов», который он взял в Сан-Франциско для другого ряда встреч с Кингом, который должен был начаться 9 декабря. Нимиц указал, что, учитывая ограниченные силы Союзников, будет фатальной ошибкой пытаться обойти многочисленные скоординированные японские базы на островах Бисмарка и верхних Соломоновых островах и что, даже если бы Союзникам удалось занять Рабаул или острова Адмиралтейства, их коммуникации с флангов были бы сжаты японскими базами в Кавиенге, Буке, Киете, Буине и Гасмате.

Адмирал Нимиц полагал, что наступление нужно осуществлять шаг за шагом и что ни один шаг нельзя было предпринимать вне зоны покрытия истребителей наземного базирования. Самый резкий бросок может быть сделан к Буину, на Бугенвиле, в 300 милях от Гендерсон-филда. Более практично было бы захватить здание вражеского аэропорта в Мунда-Пойнт, в 180 милях от Гендерсон-филда. Однако ни о каком наступлении не могло быть и речи, пока японцы не были изгнаны с Гуадалканала, пока в районе Гуадалканала—Тулаги не были построены военно-морская и авиабаза, и пока в этот район не будут переброшены более значительные сухопутные силы союзников, в особенности десантные войска. Он предсказал, что наступление Союзников ускорится главным образом из-за растущего превосходства американской авиации. Наконец, Нимиц рекомендовал, чтобы структура командования Южно-Тихоокеанским флотом, только теперь достигшая максимальной эффективности, была сохранена без изменений.

Адмирал Кинг полностью принял предложения Нимица и обещал приложить все усилия, чтобы изыскать для него и Макартура дополнительные силы для поддержания и ускорения их кампаний. В частности, он обещал постараться, чтобы доля общего количества ресурсов союзников, выделенная Объединенным комитетом начальников штабов Тихоокеанскому театру военных действий, возросла с 15 до 20–35%.

Адмирал Нимиц принес на встречу еще один меморандум: «Обзор ситуации на Алеутских островах», в

котором он рекомендовал, чтобы армия заняла Амчитку, чтобы оборудовать аэродромы ближе к занятым врагом Алеутским островам, и что войска должны быть подготовлены к ведению десантной войны на этих островах. Нимиц пригласил на совещание адмирала Кинкейда, потому что Кинкейд должен был принять командование Северо-Тихоокеанским сектором, заменив адмирала Теобальда, который продолжал препираться с командованием Армией. Теобальд, у которого был один из лучших умов и один из худших характеров во флоте, должен был перебраться в Бостон в качестве командующего Первым Военно-морским сектором. Была надежда, что Кинкейд, такой же превосходный дипломат, как и воин, излечит отношения флота с армией и подготовится к наступательным действиям против Киска, намеченным на 1 марта 1943 года.

Кинг и Нимиц говорили о будущем Тихоокеанского флота. Двадцать два американских авианосца, которые были на стапелях или уже готовились к вступлению в строй, с их судами сопровождения и десантными кораблями, будут представлять силу беспрецедентной мощи, для которой потребуется еще тридцать штабных офицеров. Нимиц предвидел это и имел наготове список кандидатов.

Как главнокомандующий, так и командующий Тихоокеанским флотом не хотели, чтобы обновленный большой флот с авианосцем во главе был привязан к предстоящему наступлению Макартура по северному побережью Новой Гвинеи. Они предложили восстановить план «Апельсин», который в течение почти тридцати лет являлся гипотетической американской стратегией возвращения Филиппин, которые были захвачены Японией. Этот план предусматривал бросок прямо через центральную часть Тихого океана, через Маршалловы и Каролинские острова. После возвращения Филиппин у американцев появились бы базы, с которых могла быть блокирована жизненно важная для японцев «нефтяная линия» из Ост-Индии. После закрепления на побережье Китая у Союзников появилась бы возможность вторг-

нуться на территорию самой Японии. Кинг и Нимиц также рассмотрели Южные Марианские острова, которые можно было занять вместе с Труком на Каролинских островах или, скажем, вместо него. С Марианских островов американцы смогли бы блокировать коммуникации японцев между севером и югом с тем же успехом, что и с Филиппин, и предотвратить переброску самолетов из Японии на юг, через ее цепь островных аэродромов.

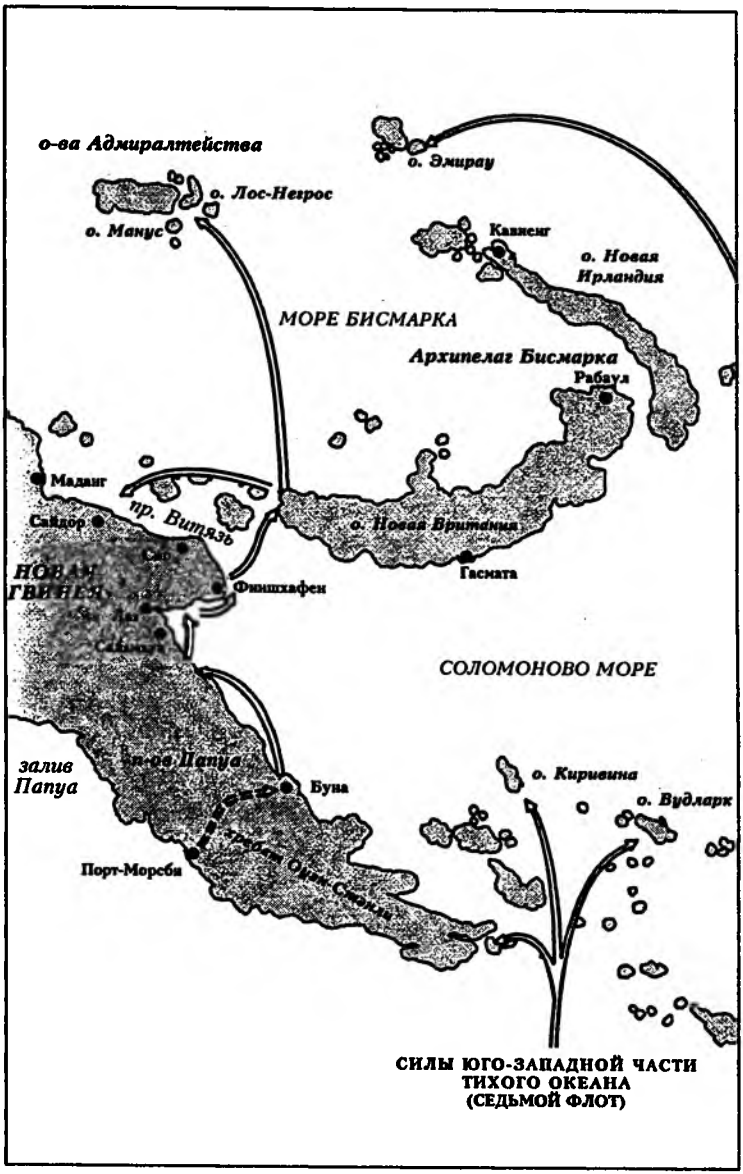
Кинг, к тревоге Нимица, был настроен заменить разведывательную станцию «Гипо» большим объединенным армейско-флотским разведцентром. Кинга раздражали препирательства между «Гипо» и Секцией безопасности связи в Вашингтоне по поводу того, кто из них более способствовал победе при Мидуэе. В октябре 1942 года он перевел Рошфора на материк на службу, никоим образом не связанную с расшифровкой. Нимиц возразил против предложения Кинга об объединенном центре на том основании, что большая и, возможно, бюрократическая организация, вряд ли сможет проводить разведку с той же скоростью, что и старая, более простая структура, но Кинг сказал, что решение принято, и на этом дискуссия закончилась.

По его возвращении в Вашингтон Кинг вместе с генералом Маршаллом занялся вопросами взаимоотношений в рядах командования. В ходе выполнения «Задачи-2» возникла неловкая ситуация: подчиненный Нимица, адмирал Хэлси, командуя судами, отрядами, и самолетами, предоставленными Нимицем, должен был бы наступать и действовать в область командования Макартура. Были предложены различные решения, от помещения всего Тихоокеанского театра под командование одного человека до продления Южно-Тихоокеанского сектора на запад к экватору и затем на юго-восток, чтобы присоединить острова Адмиралтейства, острова Бисмарка и Соломоновы острова. Первое решение было признано невыполнимым, потому что слишком многие высокопоставленные лица, военные и штатские, стали бы возражать против перехода Макартура под начало Нимица или Нимица — под начало Макартура. Генерал Маршалл

был, вероятно, единственным американским офицером с достаточно высоким престижем, который мог бы командовать обоими или же обоих заменить, но Маршалл был начальником штаба армии и членом Объединенного и Совмещенного комитета начальников штабов и не мог взять на себя еще одну должность. Что касается второго решения, Макартур наверняка стал бы бороться не на жизнь, а на смерть против любого уменьшения его области командования, и Маршалл, несомненно, поддержал бы его. В конце концов Объединенный комитет начальников штабов возвратился к их первоначальному плану: Хэлси должен был подчиняться общим стратегическим директивам Макартура, но тактическая политика у него будет собственная.

Генерал Маршалл указал, что расположение японских сил на Соломоновых островах, Новой Гвинее и островах Бисмарка напоминало перевернутую букву «V» с Рабаулом на вершине. Против левой, или западной, оконечности «V» Макартур разместил Юго-западные Тихоокеанские силы. Против правой, или восточной, оконечности Хэлси поместил Южные Тихоокеанские силы. «Квалифицированное стратегическое руководство, координирущее действия двух Союзнических доступных сил,— сказал Маршалл,— представляется необходимым, чтобы компенсировать преимущества японцев в расположении и направлении».

В январе 1943 года на Касабланкской конференции адмирал Кинг представил проблемы Тихоокеанского театра на рассмотрение Объединенного комитета начальников штабов, президента Рузвельта и премьер-министра Черчилля. Хотя Соединенные Штаты пообещали в первую очередь присоединиться к Англии в войне с Германией, Кинг привел некоторые убедительные аргументы в поддержку своей точки зрения, которая заключалась в том, что большая часть союзнических военных ресурсов должна быть переброшена на Тихоокеанскую войну. Во-первых, британцы очень недооценили японское военное мастерство. Благодаря экстраординарной доблести союзникам, в основном американцам, удалось



Обход Рабаула.

минимальными силами заставить японцев перейти к обороне. Для того чтобы использовать в своих интересах эту благоприятную ситуацию, нужна была гораздо большая военная мощь. На Европейском театре военных действий американцы отложили свои давние планы об организации в 1942 году, по меньшей мере, опорной базы в Западной Европе и приняли британскую стратегию вторжения в Северную Африку. Теперь британцы хотели, чтобы американцы присоединились к ним во вторжении на Сицилию, что потребует отсрочки вторжения в Западную Европу до 1944 года. До сих пор американцы отказывались от собственной стратегии в пользу британской. В их намерения не входило отказываться от соглашения о первоочередности победы над Германией, но Кинг настаивал, что пришло время для небольшого компромисса. Британцы неохотно согласились на некоторое усиление частей, воюющих против Японии, но Объединенный комитет начальников штабов не был готов принять запрос Кинга по поводу увеличения доли военных ресурсов, предназначенной для Тихоокеанского театра военных действий, до 35 процентов.

Тем временем в Перл-Харбор адмирал Нимиц заключил, что настало подходящее время для очередного осмотра передового края обороны и Южного Тихого океана. Так как министр Нокс должен был прибыть в Перл-Харбор 12 января и сопровождать Нимица в его инспекционной поездке, последний предложил генералу Макартуру встретиться и провести совещание с ними обоими в Нумеа. Если Макартур не сможет прибыть туда, Нимиц, Хэлси и, несомненно, Нокс прилетят в штаб Макартура в Брисбене. Макартур ответил длинной депешей, описывающей его ситуацию и его стратегические планы, близко совпадающие с таковыми Нимица. «Я дал вышеупомянутые факты и выразил мои взгляды,— говорилось в конце депеши,— чтобы Вы могли иметь ясную картину ситуации. Обмен мнениями может устранить потребность в непосредственной встрече, которая требует длинных поездок и длительного отсутствия главнокомандующих на посту». Другими словами, Ма-

картур тогда не видел никаких веских причин для проведения встречи на высшем уровне.

Министр Нокс в сопровождении специального помощника Адлэя Стевенсона и нескольких других офицеров прибыл воздушным путем в Перл-Харбор и вместе с адмиралом Нимицем и частью его штаба отбыл 14 января в Мидуэй. Они вылетели с Перл-Харбора в гидросамолете с четырьмя двигателями, который был оборудован как штабной самолет и был загружен бифштексами и другим отборным провиантом; на борту был даже адмиральский фарфоровый сервиз и столовое серебро, чтобы облегчать возможные тяготы на передовой.

Едва самолет взлетел, как пилот, лейтенант-коммандер Маклауд, сказал пассажирам, что два двигателя не функционируют. Он мог бы слить бензин и сделать попытку приземления в заросли тростника на «брюхо», или совершить посадку на воду. Что выбирают пассажиры? В результате краткого опроса в салоне офицеры решили, что посадка на воду, конечно, будет более мягкой и, вероятно, менее опасной. Адмирал Нимиц отдал приказ. Маклауд профессионально посадил самолет в Перл-Харбор, но он не смог избежать удара о воду. Удар был таким сильным, что гидроплан получил пробоину в днище и начал погружаться.

Единственно возможный путь к спасению вел через люк на крыло. Несколько офицеров выбрались без труда, но Нокс, который был немного широк в бедрах, застрял в люке. Совместными усилиями — те, что были снаружи, тянули, а те, что изнутри,— подталкивали — удалось в конце концов освободить министра. Пассажиры и команда держали самолет на плаву, стоя на одном крыле, пока не подошли спасательные шлюпки, посланные адмиралом Тауэрсом с острова Форда.

По прибытии на остров Форда адмирал Нимиц попросил у Тауэрса другой самолет, чтобы группа могла бы возобновить полет к Мидуэю. Тауэрс смог предложить только одну из четырех амфибий с неопытным экипажем, которые только что прибыли с материка. Нимиц попросил немедленно прислать лучший из этих самолетов,

добавив, что он оставит коммандера Маклауда в качестве консультанта для команды.

Когда самолет уже был в воздухе несколько часов, адмирал Нимиц, который не снимал фуражку во время несчастного случая и позже, отозвал Ламара в сторону и попросил его осмотреть ему голову. Нимиц снял кепку, и помощник пришел в ужас: белые волосы адмирала были в крови. Осмотр показал, что в его скальпе была полуторадюймовая рана. Ламар нагрел немного воды, промыл рану и состриг немного волос. Единственным антисептиком на борту был йод, который был явно слишком концентрированным, так что Нимиц предложил растворить его в воде. Ламар, не зная, что йод не растворяется в воде, последовал этому совету. Когда он протер раствором голову Нимица, адмирал заревел от боли и чуть не пробил крышу самолета. По прибытии в Мидуэй на рану наложили несколько швов, и она была должным образом забинтована.

Командующий острова и его штаб развлекали группу Нокса—Нимица за обедом. Наконец все вроде бы было в порядке, но дурные предчувствия не исчезали. Обед был прерван мрачной новостью о том, что заправочный катер пробил один из понтонов амфибии. Группа не могла вылететь на следующее утро, как было намечено.

16 января стало ясно, что атолл Мидуэй был слишком маленький для двух таких активных людей, как министр ВМС и главнокомандующий Тихоокеанского Флота и Тихоокеанского района. Они проверяли обороноспособность острова, опрашивали его защитников и, когда со всеми хозяйственными вопросами было покончено, наблюдали за проделками альбатросов. Прежде чем закончился день, министру и главнокомандующему надоело как общество друг друга, так и Мидуэй, и у них начался тяжелый приступ островной клаустрофобии.

Наконец другой самолет прибыл из Перл-Харбора, и офицеры полетели на юг, останавливаясь на островах, огибая занятые японцами Маршалловы острова и острова Гилберта. Когда экипаж самолета узнал, что Стевенсон прежде не пересекал экватор, они попросили у Ни-

мица разрешения приобщить «салагу» к Древнему Обычаю Морских Волков, и адмирал согласился. Стевенсон воспринял краткую инициацию добродушно. Он даже сделал несколько глотков предложенного ему коктейля Царя Нептуна, который состоял из моторного масла, кетчупа, острого соуса, соли и перца. Ему было плохо весь оставшийся день.

20 января, по восточной долготе, группа Нокса–Нимица достигла Эспириту-Санто. Там их встречали адмиралы Хэлси и Маккейн, прилетевшие из Нумеа, чтобы присоединиться к ним. Слу Маккейн, теперь руководитель Бюро аэронавтики, прибыл из Вашингтона, чтобы оценить потребность Южно-Тихоокеанского сектора в военно-морских авиаторах и самолетах. Хэлси только что вернулся из Новой Зеландии, где он был с официальным визитом, пооообщался с американским персоналом и осмотрел американское оборудование. Его уверенный, чтобы не сказать — агрессивный, характер и его соленые и дерзкие заявления привели новозеландцев в восторг. Он повторил его опубликованное ранее мнение, что Союзники будут в Токио в течение года. На сей раз он добавил: «Когда мы начали с ними воевать, я считал, что один наш солдат стоит трех японцев. Теперь я увеличил бы эту цифру до двадцати». В Морском департаменте все были ошеломлены, услышав, как Хэлси публично предсказал неизбежный конец войны, а когда он заявил, что имена японских премьер-министра и императора непроизносимы, Государственный департамент был просто потрясен, потому что эти люди, возможно, в конечном счете могли пригодиться при мирном урегулировании.

Видимо, из-за того, что Хэлси уже не раз приходилось выслушивать критику за слишком вольные публичные высказывания, Нимиц не стал высказывать собственные замечания. Однако он деликатно вмешался в продолжающуюся вражду Хэлси с Бюро персонала по поводу назначения его старого друга, коммандера Оливера Оуэна («Скрэппи») Кессинга, командующим морской базой в Тулаги при условии получения им временного звания капитана. После обмена сердитыми радиограммами

Скрэппи наконец прибыл, но без требуемого временного звания. Хэлси сказал Нимицу, что он был сыт по горло и что, если бы продвижение по службе не было подтверждено ко времени его возвращения в Нумеа, он послал бы Скрэппи сообщение, с информационной копией в Бюро персонала: «Ты получишь чин, мундир и звание кэптена американского флота».

Нимиц всплеснул руками.

— Нет! Ради бога, не делай это! — воскликнул он.— Ты все испортишь.

— Подожди и увидишь,— ответил Хэлси.

К счастью, подтверждение о получении звания пришло как раз вовремя, что предотвратило откровенный обмен мнениями между командующим Южно-Тихоокеанским флотом и Бюро.

В Эспириту обе группы офицеров были расквартированы на борту флагманского судна адмирала Фитча *«Кертисс»*. Едва они успели взойти на борт корабля, как начали падать вражеские бомбы. Нападение длилось недолго, и после него остались только несколько воронок на пляже, но, так как это было первым налетом на Эспириту за несколько недель, появились предположения относительно того, что у врага имеется какая-то информация о встрече высокопоставленных офицеров.

На следующий день группа, включая Хэлси и Маккейна, вылетела в Гуадалканал. Остров, что и говорить, был еще мало похож на курорт, но адмирал Нимиц сразу почувствовал, что состояние сооружений и самих людей сильно улучшились с его последнего посещения. Гендерсон-филд стал представительной всепогодной взлетной полосой, также добавилась полоса для истребителей. Малярия все еще представляла серьезную проблему, но люди, которых увидел Нимиц, не слишком напоминали измученные привидения, бродившие по острову предыдущим сентябрем. Хотя Гуадалканал все еще время от времени бомбили, можно было сказать, что американцы теперь контролировали воздушное и водное пространство в районе Гуадалканала и Тулаги.

Той ночью японцы бомбили американские сооружения на Гуадалканале с 20:30 до рассвета. Это «совпадение» убедило почти всех, что японцы преследовали больших начальников — и знали, где их можно было найти.

> «От бомб меня просто тошнит,— говорил Хэлси.— На *"Кертиссе"* не было ни одной дырки, но зато на Гуадалканале их было полно. Как только я услышал первый "бум!", я оставил мою уютную хижину и зарылся в землю вместе с мистером Ноксом и "Слу" Маккейном. Но не Честер. Он сказал, что он не вообще не спал предыдущей ночью; он собирался догнать; кроме того, он сказал, он боится москитов. Честер провел ночь под навесом, за москитными сетками. Остальные трое из нас провели ее в полуголом виде, под открытым небом. И Честер был единственным из нас, кто подхватил малярию».

На следующий день путешественники вылетели в Нумеа, и офицер связи Гуадалканала подготовился зарегистрировать обычную депешу отъезда. «Окажите мне услугу, хорошо? — сказал его испуганный помощник.— Пошлите это на японском. Я хочу, чтобы они знали наверняка, что эти дорогостоящие наемные советчики уехали отсюда!»

Днем 23 января адмирал Нимиц, министр Нокс и адмирал Хэлси сели за стол переговоров в штабе Хэлси в Нумеа. Присутствовали также адмирал Маккейн и Де Витт Пэк, теперь бригадный генерал морской пехоты, и члены штаба Тихоокеанского и Южно-Тихоокеанского флотов. Генерал Хэрмон присоединился к группе немного позже.

Адмирал Нимиц открыл встречу в 15:20.

> «Цель этого совещания,— сказал он,— рассмотреть ситуацию в Южном Тихом океане и обменяться мнениями. Ни к какому решению мы не

придем. Действительно, мы не сможем договориться по всем пунктам. Сначала относительно Гуадалканала. Каково мнение командования Южно-Тихоокеанского флота по поводу развития событий, можете ли вы назвать приблизительную дату, когда японцы будут разбиты? Будем ли мы нуждаться в большем количестве людей? Сколько людей нужно оставить в качестве гарнизона для завершения операции?»

Хэлси, который вдоволь наговорился в течение поездки в Гуадалканал, теперь позволил его подчиненным отвечать за Южно-Тихоокеанский флот. По оценке генерала Пэка, японцев удалось бы прогнать с острова к 1 апреля; на Гуадалканале было уже достаточно много американских отрядов; двух дивизий в совокупности с отрядами обслуживания должно было хватить, чтобы занять базу до следующего наступления.

Нимиц сказал, что он полагает, что остров мог быть освобожден немного ранее, чем 1 апреля. Пэк ответил, что его оценка была основана на вероятности использования японцами выжидательной тактики. Он вкратце описал схему, которую штаб командования Южно-Тихоокеанского флота разработал в отсутствие Хэлси: занять маленькие острова Расселла, в тридцати милях к северо-западу от Гуадалканала, в основном как базу торпедных катеров и как пункт дислокации десантных сил.

— Это кажется мне разумным,— сказал Хэлси.

— Настало время решить вопрос о поставках самолетов. Маккейн пообещал больше военно-морских самолетов и предложил свою помощь в оказании давления на армию, чтобы обеспечить большее количество армейских самолетов. Они также говорили об улучшении средств обслуживания аэродрома на Гуадалканале. Адмирал Нимиц спросил, когда будет закончена новая взлетная полоса, которая тогда только строилась.

— Она должна быть готова к принятию тяжелых бомбардировщиков к концу февраля,— ответил Хэлси,— но при возникновении критической ситуации ее можно будет использовать уже в середине февраля.

Адмирал Нимиц спросил, как Гуадалканал будет использоваться потом. Пэк ответил:

— Он будет использоваться как вспомогательная база для дальнейших наступательных маневров на Соломоновых островах.

— Моя идея заключается в том,— сказал Нимиц,— что там нельзя устанавливать никаких постоянных сооружений. Строить нужно только строения первой необходимости, и необходимо уменьшить тыловые районы. Все должно основываться на продвижении вперед.

Большая часть оставшегося времени совещания была посвящена осуществлению «Задачи 2».

Южно-Тихоокеанским силам была назначена задача вторжения в Бугенвиль, на верхних Соломоновых островах, чтобы создать аэродромы как можно ближе к Рабаулу. Однако сначала надо было захватить новый японский аэродром в Мунда-Пойнт, на Нью-Джорджии.

— Как Вы полагаете, когда Вы можете выступить в направлении Мунда-Пойнт? — спросил Нимиц.

— Первого апреля,— сказал Пэк, но, добавил он, продвижение будет зависеть от готовности десантной дивизии.

Так как на совещании присутствовал генерал Хэрмон, обсуждались подробности относительно монтажа средств обслуживания авиабазы и надводных судов в районе Гуадалканала-Тулаги и предполагаемого вторжения на острова Рассела и захвата Мунда-Пойнт.

Присутствовавшие на обоих совещаниях командования Тихоокеанским и Южно-Тихоокеанским флотами не могли не обратить внимание на резкий контраст между раздраженной, беспокойной атмосферой сентябрьской и уверенного, оптимистичного тона январской встречи. Различие было не просто результатом значительного улучшения перспектив; налицо было очевидное улучшение руководящей политики, которое произошло главным образом благодаря тому, что Хэлси отдал руководящие посты способным людям, которых он искренне поддерживал. Адмирал Нимиц немало помог ему в этом, направив к Хэлси двум самых способных экспертов, кэптена

Редмана и контр-адмирала Уильяма Л. Колхауна, командующего силами обслуживания Тихоокеанского флота. Первый выпрямил линии коммуникации в южной части Тихого океана, а последний разобрался в логистической путанице.

Министр Нокс, который не присутствовал на сентябрьском совещании, отбыл из Южно-Тихоокеанского сектора с некоторыми сомнениями относительно административных способностей Хэлси, но ничуть не сомневаясь в его высоких качествах воина и лидера. Вернувшись в Вашингтон, он любил рассказывать историю про двух военнослужащих, которые прогуливались по коридору и говорили о Хэлси. «Я пошел бы хоть в пекло ради этого старого сукина сына»,— сказал один из них и тут почувствовал, как жесткий палец ткнул его в спину. Это был Хэлси. «Молодой человек,— сказал он,— я не такой уж и старый».

Самое бледное впечатление на Нокса произвел темпераментный начальник штаба Хэлси, кэптен Майлс Браунинг. Этот мрачный тип оскорбил Нокса, как, впрочем, и многих других. Во всяком случае, Нокс решил, что Браунинг работает неэффективно, и начал кампанию по его отстранению от должности.

Нокс отметил тяжелую ситуацию с воздушным транспортом в штабе командования Тихоокеанского флота. Он пообещал Нимицу приличный штабной самолет, и вскоре в Перл-Харбор появился блестящий R-5D с отдельной каютой для адмирала и подходящими салонами для штабных офицеров и для важных гостей.

По возвращении в Перл-Харбор 28 января адмирал Нимиц был опечален, узнав об исчезновении самолета компании «Пан Америкен» с несколькими офицерами Тихоокеанского флота на борту по пути к Сан-Франциско. Обломки были в конечном счете найдены в горах Калифорнии. Никто не выжил. Возможно, наиболее ощутимой была потеря адмирала Инглиша, смерть которого потребовала нескольких перестановок в командовании. Контр-адмирал Чарльз А. Локвуд прибыл в Перл-Харбор из Австралии, чтобы заменить Инглиша на посту коман-

дующего подводными силами Тихоокеанского флота. Кэптен Ральф Кристи был повышен до контр-адмирала и заменил Локвуда на посту командующего подводными силами юго-западной части Тихого океана.

Острую реакцию Нимица на затопление *«Чикаго»* к югу от Гуадалканала через день после его возвращения в Перл-Харбор можно объяснить тем, что у адмирала начиналась малярия, хотя это еще не проявилось полностью. С другой стороны, у него были веские причины для гнева, поскольку эта потеря произошла в результате явной некомпетентности со стороны защитников судна. Ночью *«Чикаго»* подвергся нападению японских самолетов, использовавших осветительные ракеты и плавучие маяки. На следующий день корабль буксировали в ремонтный док, когда вражеские самолеты снова атаковали его и послали его на дно. В это время она была окружена шестью эсминцами и прикрыта боевым патрулем из десяти истребителей с находящегося поблизости *«Энтерпрайза»*. Все вовлеченные суда были обеспечены новыми, суперсекретными снарядами с дистанционным взрывателем, которые были смертельны для самолетов.

Как бы это событие ни потрясло и возмутило Нимица, ничего нельзя было сделать, чтобы вернуть *«Чикаго»*; но он был настроен по возможности скрыть факт ее потери от общественности и от врага. Он был сильно раздражен, когда главнокомандующий сообщил прессе о потере *«Уоспа»* прежде, чем мог быть уведомлен кто-либо из семей убитых. Он был встревожен, когда президент — чтобы не быть обвиненным в отказе от плохих новостей перед ноябрьскими выборами — преждевременно объявил о потере *«Хорнета»*. Президентское объявление, возможно, достигло его политической цели, но Нимиц полагал, что это также сообщало японцам, что у американцев остались только с одним, только частично рабочим авианосцем в Тихом океане. После потери *«Чикаго»*, в одной из его редких вспышек гнева, он сказал на утреннем освещании: «Я никогда прежде в моей жизни не говорил так, но если кто-нибудь проговорится о потере

"Чикаго", я расстреляю его!» Немногим позже он уступил малярии и лег в больницу Алеа.

Хотя госпитализация адмирала не была тайной для его штаба, он приказал, чтобы его флаг продолжал развеваться над зданием штаба. Он боялся, что, если о его болезни вообще станет известно, кто-нибудь передаст информацию в Южно-Тихоокеанский штаб и непредсказуемый Хэлси, единственный другой американский адмирал с четырьмя звездами на Тихом океане, мог бы очевидно осуществить прерогативу его старшинства и объявить себя временным главнокомандующим Тихоокеанского флота. Результатом был бы хаос.

Недееспособность Нимица сделала его нетерпеливым и раздражительным. Ламар и Мерсер посетили его в больнице и взяли с собой горшок цветов, чтобы ободрить его. Адмирал принял цветы с благодарностью, но, как это показалось его посетителям, довольно прохладно и с раздражением. После того как они уехали, два посетителя вернулись в коридор, ведущий к комнате адмирала, чтобы взглянуть. Как они и подозревали, злополучный горшок с цветами уже стоял за дверями.

Хорошие новости, дошедшие до Перл-Харбор 9 февраля, сразу помогли Нимицу встать на ноги. Отряды генерала Пэтча, войдя на Гуадалканал с запада, обнаружили только признаки поспешной эвакуации. На острове больше не было ни одного живого японца.

В восточной Новой Гвинее борьба также была закончена. Там генерал Макартур в конце концов направил почти 30 000 человек, половина из которых были австралийцами, а половина — американцами, против приблизительно 12 000 врагов, но японцы продержались в Буне до конца января 1943 года. Тогда, наконец, их силы иссякли, как от голода и болезней, так от внешнего давления. В ходе боев в восточной Новой Гвинее погибли 3095 человек со стороны союзников, почти вдвое больше, чем на Гуадалканале.

Адмирал Хэлси в повсеместно распространенных заявлениях называл японцев «ублюдками» и «обезьянами» и продолжал предсказывать скорый конец войны.

Генерал Кенни в сообщении генералу Арнольду более точно отразил оценку союзниками огромных сил противника:

«Я боюсь, что людей, которые думают, что победить японцев после падения Германии будет пустяковым делом, постигнет глубокое разочарование. Чтобы победить, мы должны будем призвать весь наш патриотизм, стойкость, мужество и, возможно, боевой дух или религиозный пыл. Любительскими методами нам этих ребят не разбить. Мы должны стать профессионалами. И еще одно: нет никаких тихих секторов, в которых можно постепенно усиливать наступление, как это было в последней войне. В нашем графике нет никаких передышек. Если уж вы на сцене, придется доиграть пьесу до конца!»

Глава 15

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ И ЕГО ШТАБ

В 7:30 утра, после завтрака и короткой прогулки адмирал Нимиц обычно уже сидел за столом, читая депеши, которые пришли в течение ночи. Сообщения, требующие его внимания, или те, которые он ждал, получали гриф 00 (ноль-ноль), в его штабном указателе. В светлом, полном воздуха офисе адмирала подушки в цветочек на предназначенных для посетителей стульях из расколотого бамбука были подобраны в тон занавескам. К стенам были кнопками прикреплены карты, а на трубе позади стола адмирала висел барометр. Под столом, в ногах у хозяина, обычно лежал шнауцер Макалапа; эту породу посоветовал Нимицу адмирал Спрюэнс. Макалапа слыл неприветливым парнем, но он обожал Нимица и вообще всегда был рядом.

Снаружи над дверью Нимица висел лозунг:

> «Нации, подобно людям, должны научиться приходить на вокзал за

пять минут до отправления, а не прыгать на подножку последнего вагона».

На внутренней стене у него была табличка с тремя вопросами, на которые его подчиненные должны были ответить в связи с любым предложением, которое они выдвигают:

1. Может ли предложенное действие успешно завершиться?
2. Каковы могли бы быть последствия неудачи?
3. Хватит ли на это материалов и ресурсов?

На столе адмирала был набор ручек, несколько сувенирных пепельниц, миниатюрный автомат и металлический шмель, символ инженерно-строительных частей ВМС, которых он ценил и которыми восхищался. На столе также был портрет генерала Макартура в рамке, очевидно, вырезанный из газеты. Последний предмет многих несколько озадачивал, так как все думали, что Нимиц, подобно другим офицерам штаба Тихоокеанского флота, осуждал неприкрытое тщеславие генерала и его привычку к высокопарным высказываниям. Одному другу Нимиц однажды по секрету сказал, что он держит на столе фотографию просто для того, чтобы напоминать себе «не вести себя как Юпитер и не метать молнии почем зря»[1].

---

[1] Независимо от того, что Нимиц лично думал о Макартуре, он никогда не разрешал в своем штабе откровенно осуждать генерала и его стратегию, в то время как в морском министерстве это было обычным делом. Контр-адмирал Рэймонд Д. Тэрбак описал контраст, который он почувствовал в 1943 году, когда, по пути из Вашингтона в Австралию, куда он направлялся, чтобы присоединиться к штабу Макартура, он остановился в Перл-Харборе и зашел к Нимицу, чтобы засвидетельствовать свое почтение. «Очень странная вещь случилась со мной, когда я прибыл в Вашингтон для инструктажа, — сказал Тэрбак Нимицу. — Люди, с одной стороны, пытались настроить меня против генерала Макартура, а с другой — приказывали мне стать членом его штаба».
Нимиц попросил Тэрбака объясниться. Последний продолжал: «Они сказали, чтобы я не слишком доверял Макартуру, что большой флот, Центральный Тихоокеанский, ведет сейчас

Под стеклом на столе Нимица были несколько карточек с военными лозунгами, а в центре — одна маленькая карточка со списком: «Цель, наступление, неожиданность, превосходство по силе в точке контакта, простота, безопасность, движение, экономия сил, взаимодействие». Некоторые люди называют такие списки «принципами войны», но Нимиц воспринимал просто как напоминания, шпаргалку с вещами, которые необходимо принять во внимание перед началом операции, начиная с четко определенной цели и кончая полным взаимодействием вовлеченных сил — это последнее было особенно важным в данном театре военных действий, в котором командование осуществлялось с двух сторон — им и Макартуром.

Адмирал Нимиц всегда оперативно отвечал на письма и депеши и давал письменные указания офицерам штаба. Короткие письма он писал от руки. Для более длинных писем или меморандумов он обычно вызывал Адамса, лихого писаря, обладателя медали по стенографии, бывшего протоколиста суда и вероятно лучшего писаря на Тихоокеанском флоте.

Рано утром Нимиц принимал офицеров, у которых были сообщения и проблемы, требующие его непосредственного внимания. Обычно заходил коммандер Лейтон с разведданными, которые были слишком секретными или слишком срочными для общего совещания.

Утреннее совещание начиналось в девять часов, в кабинете Нимица или в соседнем зале заседаний, в зависимости от того, сколько человек присутствовало. Для проведения совещаний в кабинете имелись складные стулья. Желанными гостями всегда были высокопоставленные офицеры, приезжавшие или жившие на Оаху. Часто за-

---

войну... Проще говоря, мне промывали мозги, настраивая меня против человека, к которому я, как предполагается, должен быть лояльным».

Нимиц вскочил из-за стола и, указывая пальцем в Тэрбака, резко сказал: «Молодой человек, эти слова никогда не покинут пределов этого кабинета, и я хочу, чтобы вы это зарубили себе на носу!»

езжал генерал Эммонс. После февраля 1943 года также часто присутствовал адмирал Гормли. По просьбе Нимица он был возвращен на Тихий океан в качестве командира 14-го округа ВМС и таким образом стал близким соседом. Выяснилось, что у него был пародонтоз — в чем, возможно, заключалась главная причина его недостатков как командующего. Все зубы у него вырвали, и теперь здоровье у него было превосходное.

На утренних совещаниях должны были присутствовать ключевые фигуры штаба командования Тихоокеанским флотом; иногда заходили командиры соединений и оперативных групп, а также высший офицерский состав — участники недавних или предстоящих военных действий. Коммандер Лейтон открывал слушания кратким изложением разведданных. Представителей различных подразделений и служб просили сделать сообщения. Обсуждение проходило под общим руководством Нимица. Так как эти встречи служили скорей для обмена информацией, чем для планирования или принятия решений, атмосфера была неофициальная, и Нимиц мог в любой момент подняться и закрыть совещание.

В 10:00 утра Нимиц часто устраивал себе небольшую передышку и вместе с Ламаром, Мерсером или другими офицерами либо в одиночестве немного упражнялся в стрельбе. Потом он возвращался в свой кабинет, где много работал или проводил совещания.

В 11:00 было время для посетителей. Командующий был радушным хозяином.

После того как Нимиц переехал в свою «цементную крепость» — в новое здание штаба, он отметил, что количество посетителей уменьшилось. «Я хотел бы знать, как идет переработка "Морского Устава",— сказал он,— и лично побеседовать с командирами всех кораблей и судов, подчиненных мне». После этого его помощники обзвонили все корабли и приняли необходимые меры. Командиры всех рангов, от младших лейтенантов, командовавших небольшими танко-десантными судами, до командиров новых линкоров сразу по прибытии в Перл-Харбор являлись к командующему к одиннадцати часам

и докладывались в течение пятнадцати минут. «Самые важные советы, которые я когда-либо получал,— говорил Нимиц,— приходили от младших офицеров и матросов».

Точно в одиннадцать Ламар приводил посетителей в кабинет Нимица и пытался представить их — но, как правило, офицеры представлялись сами:

— Я — Джон Смит (или кто-нибудь еще) с такого-то военного корабля США

— Рад видеть вас,— отвечал Нимиц, пожимал вновь прибывшим руки и усаживал на стулья.

Адмирал Нимиц открывал каждую встречу несколькими замечаниями о том, что он обдумывал или планировал сделать. Его посетители зачарованно слушали мысли о высокой стратегии из первых уст. «Теперь расскажите мне, что делаете вы»,— говорил он некоторое время спустя, глядя на человека, которого он хотел услышать. Обычно он ходил по кругу, слушая такие неофициальные сообщения. Он спрашивал у каждого из них, не случилось ли у них какое-нибудь несчастье и не мог ли он как-то помочь. Когда отведенное для доклада время заканчивалось, он поднимался, подходил к двери и снова обменивался рукопожатием с каждым офицером по очереди, пока они выходили один за другим.

Молва про такие утренние приемы у главнокомандующего быстро распространилась по флоту, все видели, что «большой босс» интересуется всем и всеми и активно сотрудничает с подчиненными. Такие встречи позволяли Нимицу точно наметить фронт работ, что он считал просто бесценным моментом. Кроме того, они позволяли ему увидеть его будущих лидеров. «Есть офицер, за карьерой которого мы должны следить,— говорил он Ламару, когда посетители уезжали.— Из такого-то выйдет толк».

«Для него это была возможность оценить их,— вспоминал другой офицер штаба,— а для них — узнать, что у них есть точки соприкосновения с командующим флотом. Это было важно для поднятия боевого духа».

Когда на утреннем или каком-нибудь другом приеме посетитель оставался дольше положенного ему времени, Нимиц, если предмет разговора был важен, обычно дослушивал его, а потом вежливо давал понять, что разговор окончен. Если это не срабатывало либо посетитель заслуживал особого внимания, Нимиц вел его в кабинет начальника штаба и передавал Спрюэнсу. В этом кабинете посетители не задерживались надолго, так как там не было никаких стульев. Спрюэнс редко сидел в течение дневного времени и делал всю бумажную работу за конторкой.

Вообще, любой, у кого был достаточно веский повод, мог встретиться с Нимицем в обычное время — в одиннадцать часов или в любое другое время, свободное от совещаний. Некоторые визитеры проскальзывали мимо Ламара даже тогда, когда их повод был менее чем веским. Например как-то раз в штабе объявился матрос с «Энтерпрайза», который хотел «засвидетельствовать свое почтение» командующему. Стоявшие в карауле морские пехотинцы сообщили о его прибытии Ламару, «Это было тяжелое утро,— рассказывал Ламар.— Дела шли неважно, так что я подумал, что это его позабавит. Я всегда искал что-нибудь, чтобы нарушить монотонность его будней, так что я вошел и сказал ему, что этот молодой парень просит о встрече, и адмирал сказал: "Пустите его"».

В присутствии адмирала моряк быстро стушевался. Посетитель признался, что побился об заклад с товарищами из экипажа, что сможет зайти к командующему. Они сказали, что он не сможет. Они были так уверены, что заключили с ним пари на несколько сотен долларов.

— Хорошо,— сказал адмирал Нимиц,— чтобы получить выигрыш, у вас должно остаться какое-нибудь свидетельство.— Он вызвал Ламара и попросил прислать штабного фотографа.

Адмирал сфотографировался с молодым моряком и отдал ему несколько снимков, чтобы он на «Энтерпрайзе» смог доказать, что выиграл пари.

Потом был случай с Маккэлебом, оператором радиолокационной установки эсминца «Шоу». Пока «Шоу»

проходил обширный ремонт в Перл-Харборе, команду отправили в отпуск на материк, и Маккэлеб тоже поехал домой — в Кервилль, штат Техас. Там в доме его тети гостила сводная сестра адмирала Нимица — Дора. Когда Дора узнала, что моряк прибыл из Перл-Харбора, она спросила: «Мистер Маккэлеб, вы видели Честера?».

«Нет, миссис», — ответил Маккэлеб. Он был потрясен, услышав, как командующего называют по имени, и смутился, представив, как он, простой старшина, запанибрата общается с адмиралом с четырьмя звездами на погонах.

«Вот это да! — воскликнула Дора. — Вы были там, на Тихом океане, больше года, и не видели Честера! Это ужасно! Теперь, когда вы возвратитесь на ваше судно, я хочу, чтобы вы навестили его. Кроме того, я напишу, чтоб он ждал вас».

Когда Маккэлеб возвратился в Перл-Харбор, он должным образом написал командующему. Его письмо было перехвачено цензором, и матроса вызвали к командиру эсминца, которому он и рассказал всю историю. «Так что Вы видите, — закончил Маккэлеб, — она поставила меня в неловкое положение. Я должен был написать это письмо. Я действительно смущен, но я не знаю, что еще сделать».

В итоге командир одобрил письмо, оно было отправлено, и несколько дней спустя Маккэлеб получил извещение, что адмирал Нимиц будет рад видеть его через три дня в 10:00 утра. Старшему помощнику «Шоу» удалось достать автомобиль с водителем, чтобы доставить старшину к зданию штаба на горе Макалапа достойным образом. Когда он сходил на берег по трапу, его товарищи, как по команде, выстроились вдоль бортов эсминца. «Ладно, — сказал Маккэлеб, — по крайней мере я, может быть, смогу узнать, куда "Шоу" пойдет после ремонта».

Доехав до штаба, Маккэлеб был быстро проведен к командующему. Адмирал Нимиц тепло пожал ему руку. «Кстати, Маккэлеб, — спросил адмирал, прощаясь, — а куда пойдет ваш эсминец после ремонта?»

Во время второго завтрака Нимиц часто продолжал совещание, хотя к 1943 году, чтобы не набирать лишний

вес, он часто пропускал ленч — отдыхая, прогуливаясь или загорая.

Полдень проходил вне расписания, хотя у Нимица в это время суток всегда было полно дел, включая интенсивные сессии планирования со штабными офицерами и с офицерами, вовлеченными в предстоящие действия. Именно на стадии планирования адмирал был наиболее дотошным. Он тщательно выбирал наиболее подходящий план операции, обращая особое внимание на эпизоды, связанные с десантными действиями, и часто отправлял их назад для пересмотра.

На сессиях планирования адмирал Нимиц действовал подобно председателю правления — руководил сам и позволял другим руководить собой. Это не значит, что война управлялась подобно собранию избирателей. Окончательные решения принимал сам Нимиц, иногда несмотря на противоположное мнение остальных, но сначала он выслушивал все советы и тщательно все взвешивал. Он знал, что Вторая Мировая война была слишком сложна, чтобы один человек на любом театре военных действий мог самостоятельно продумывать все ответственные вопросы, совещаться только с самим собой, а потом выдавать наполеоновские решения.

Когда в полдень выдавалось несколько спокойных часов, Нимиц прогуливался по штабу, заходя к разным штабным офицерам, интересуясь их планами и давая советы. Также он мог поинтересоваться ходом дел в районе Оаху. Если визит был официальным, он выезжал в своем большом черном служебном «Бьюике» с водителем и с собственным флажком на капоте. В противном случае он путешествовал в небольшом автомобиле без опознавательных знаков с Ламаром за рулем.

Нанося официальные и неофициальные визиты, адмирал Нимиц всегда приезжал вовремя. «Он был наиболее пунктуальным человеком, с которым я когда-либо имел дело,— рассказывал Ламар.— То есть если уж командующий куда-то собирался, все должно было происходить точно по графику. Если он должен был посетить новый корабль, приходящий в Перл-Харбор в 10 утра,

я всегда отсылал адмиральский катер рано утром, чтобы подгадать точно к десяти. Если мы были приглашены во дворец губернатора Гавайев к 6:45, он хотел, чтобы его автомобиль подъехал туда в 6:45, ни минутой раньше, ни минутой позже».

Адмирал и от других ожидал такого же строгого соблюдения графиков и инструкций. Однажды его при полном параде везли по Британия-стрит в Гонолулу в его официальном седане с флагом. Он проезжал мимо сотен матросов, и ни один не отдал честь. Очень раздраженный, по возвращению в Перл-Харбор Нимиц послал за адмиралом Гормли, под чьей юрисдикцией были такие вопросы, и предложил, чтобы он послал в город офицеров с автобусами, дабы собрать всех военнослужащих, которые не отдали честь, отобрать у них увольнительные на берег и возвратить их на корабли. Это было не очень серьезным наказанием, просто люди теряли часть выходного, — но и его оказалось вполне достаточно. После того как в течение нескольких дней из Гонолулу вывозились полные автобусы матросов, слухи об этом распространились по флоту, и отдание чести снова вошло в привычку.

В тихие дни Нимиц прекращал работу в 4:00 или 4:30. Оставалось время для длинных прогулок, часто со Спрюэнсом, до госпиталя в Алеа и обратно, либо для короткой партии в теннис, за которой обычно следовала партия в «подковки». Потом — ванна и обед. Почти всегда, когда Нимиц обедал дома, у него были гости. Он любил точность, и когда его гостями были офицеры, они всегда приходили в назначенное время. Позже по ходу войны, когда Тихоокеанский регион посещали многочисленные гражданские высокопоставленные особы и их нужно было развлекать, Нимица часто расстраивала их небрежность и непунктуальность.

Перед обедом Нимиц предлагал гостям по два коктейля, и не больше, и выпивал два сам; обычно это был коктейль из виски с горьким пивом. Спрюэнс, часто мешавший напитки, брал для себя не больше одного наперстка ликера, иногда смешанного с имбирным пивом, в бокале для коктейля и мусолил одну порцию в течение часа. Он

не был против того, чтобы выпить за компанию, но в молодости на собственном горьком опыте узнал, как на него действует крепкий ликер, и поэтому не искушал судьбу.

Обед обычно стоил самых долгих ожиданий. Стюард адмирала был превосходным поваром, он использовал продукты наилучшего качества, а его излюбленным блюдом был бифштекс из вырезки. У него был сад, в котором он выращивал свежие овощи и зеленый салат для стола адмирала. На десерт он подавал тропические плоды — ананас, авокадо, папайю и китайский крыжовник из Новой Зеландии; а также мороженое, часто с таким экзотическим наполнителем, как манго или авокадо. В конце обеда на столе появлялись свежие местные орехи *литчи*. После обеда Нимиц присоединялся к гостям с сигаретой, но Спрюэнс от курения воздерживался.

Иногда после обеда Нимиц показывал гостям кино или, чаще всего, навевая скуку на некоторых посетителей, ставил пластинки с классической музыкой, выключая при этом свет и отдергивая шторы. После беседы Нимиц, Жендро или Спрюэнс обычно предлагали всем немного прогуляться, «подышать свежим воздухом» и желали гостям спокойной ночи по возвращении домой. Во время проведения важных операций Нимиц перед сном шел в штаб и читал последние депеши.

Однажды вечером, возвращаясь с Ламаром после званого обеда в Гонолулу, Нимиц увидел, что очень пьяный моряк стоит на обочине дороги и голосует. Адмирал приказал водителю остановиться и пригласить моряка ехать с ними. Моряк — который, как оказалось, был из инженерно-строительных войск — с благодарностью сел в автомобиль, не имея ни малейшего понятия, с кем он ехал, поскольку дорога была не освещена, все тонуло в темноте и единственный свет исходил от пары горизонтальных щелей в фарах автомобиля, прикрытых специальными насадками.

В ответ на вопросы адмирала матрос излил все свое недовольство лагерем батальона — он был грязный, плохо организованным, кормили тоже плохо, а начальник был слишком придирчив. Нимиц высадил матроса около

входа в его лагерь, и парень, не подозревая, кому он только что жаловался, пошел, спотыкаясь, прочь.

Следующим утром Нимиц зашел к Ламару и сказал ему, что он намеревается осмотреть батальон инженерных войск, о котором шла речь, в одиннадцать часов. Ламар в 10:00 позвонил одному из офицеров батальона. Это, конечно, не давало батальону много времени на подготовку — что Нимицу и было нужно. Он доехал до лагеря точно вовремя и увидел, что условия в лагере именно такие, как описывал давешний ночной попутчик: грязь, беспорядок, а люди — запуганные и голодные. Нимиц довел свое неудовольствие до сведения командира и проследил, чтобы тот был должным образом наказан.

Примерно раз в неделю, когда все было спокойно, адмирал Нимиц организовывал экспедицию через весь остров в местечко Кайлуа, что на восточном берегу, чтобы там весь день бродить по окрестностям и купаться. Компания приезжала в большом семиместном седане. Плавки переодевали в доме на берегу, который носил неофициальное название «хижина Дамона» (или «Отдых простаты»). Этот дом был специально арендован для проживания старших офицеров между выходами в море, но редко использовался ими, потому что был слишком изолирован для людей, которые предпочитали бывать в обществе, когда находились на берегу.

В письме Кэтрин Нимиц описал одну такую экскурсию: «Вчера днем в нашу со Спрюэнсом машину набились Ламар, [коммодор Том Р.] Хилл, Жендро и [коммандер Эрнест М.] Эллер, и мы отправились в дом на берегу — походить по пляжу и поплавать. Ж. натер мозоль на босой ноге, но в остальном оздоровительная поездка ему понравилась».

Пикник состоял главным образом из экскурсии по пляжу в плавках — на две мили, согласно адмиралу Спрюэнсу, который всегда принимал участие в прогулках, и на пять миль — по воспоминаниям офицеров с менее толстокожими ступнями; далее следовал заплыв. Мэлл А. («Пит») Питерсон, тогда бывший в звании коммандера, мрачно вспоминает последствия пеших походов по песку:

«Вы теряете слой кожи на подошвах, которые потом в течение двух или трех дней чувствуют каждое прикосновение». В конце экскурсии Нимиц, Спрюэнс и Ламар обычно проплывали обратную часть пути — примерно около мили. Менее опытные пловцы выходили на берег совершенно измученные уже примерно после четверти мили.

Конечно, эти походы были полезны для здоровья и поднимали тонус, но они не были так уж популярны среди офицеров штаба, как казалось Нимицу. Пикники всегда организовывались как сюрприз, потому что из соображений безопасности не существовало никакого определенного расписания,— то есть они редко приходились на один и тот же день недели. Однако как только морские пехотинцы или помощник адмирала начинали обходить веранды или последний садился на телефон, приглашая офицеров пройтись, вести распространялись подобно лесному пожару, и офицеры штаба быстро «рассредоточивались». Джек Редман рассказывал, что некоторые прятались в чуланах или под столами.

Штаб работал семь дней в неделю, часто до поздней ночи, но никто не возражал, если офицеры прекращали работу в середине дня и шли играть в теннис. Конечно, адмиралы Нимиц и Спрюэнс никогда не отказывались размяться или расслабиться, когда дел было не слишком много. Если возникали какие-нибудь вопросы к Нимицу, Спрюэнсу или кому-нибудь еще, на теннисные корты посылали ординарца с вопросом в письменном виде и чистым блокнотом для ответа.

Адмирал Нимиц считал, что штаб должен усердно работать и офицеров в нем должно быть как можно меньше. Но он также хотел, чтобы в штабе все были здоровы и работали эффективно. Он полагал, что при необходимости его люди должны работать круглые сутки — но, если позволяло время, надо было все-таки поддерживать тело и нервы в форме, занимаясь спортом и отдыхая. Он не мог забыть обеспокоенные взгляды и нервную обстановку в штабе Южно-Тихоокеанского сектора в первые дни на борту «Аргонны»,

когда они тонули в разведданных и заражали весь сектор пораженческими настроениями.

Когда субботним вечером адмиралу Нимицу хотелось по-настоящему отдохнуть, он шел в гости к старым друзьям — мистеру и миссис Александр Уокер, которые обычно проводили уик-энд в небольшом домике на другой стороне Оаху. Нимица просили привести с собой еще какого-нибудь офицера, и с ним обычно приходил Ламар или Спрюэнс. Они надевали шорты и гавайки, ели бифштекс на обед, а потом слушали симфонии, стоя у океана и любуясь звездным небом. Болтали о чем угодно — об орхидеях и прочих пустяках. Запрещено было разговаривать только на военные и служебные темы.

Они проводили у Уокеров всю ночь — они часто ходили в гости во время затемнения, — но Нимиц всегда возвращался в Макалапа в воскресенье утром и в 10:00 утра был в кабинете, потому что в это время по радио начинался час классической музыки из Сан-Франциско. Можно было всегда говорить, какими офицерами он оставался особенно доволен за неделю: Нимиц включал селекторную связь с их кабинетами и вместе с ними слушал музыку — громко, из-за некоторой глухоты адмирала. Когда генерал-майор Эдмонд Ливи прибыл на Оаху в качестве представителя армии, он был поражен, когда в одно из его первых воскресений на службе его кабинет внезапно утонул в звуках музыки. Он в недоумении позвонил Ламару.

— Что, черт побери, здесь творится? — воскликнул он. — Откуда идет вся эта музыка?

— Это адмирал благодарит Вас за отличную службу, — ответил адъютант, — разрешая Вам насладиться вместе с ним утренним воскресным концертом.

Нимиц мог тягаться с любым в его штабе в способности упорно трудиться и проводить долгие часы за работой, но он отказывался брать на себя вопросы, с которыми могли справиться другие. Как и в то время, когда он был командиром «Огасты», он всегда старался не делать ничего, что мог сделать кто-нибудь еще. Он экономил силы для принятия важных решений, а также для вы-

полнения официальных и общественных обязанностей, которые лежали исключительно на командующем. Как всегда, он передавал большие полномочия своим подчиненным, так как он считал, что они тоже должны уметь руководить. Если оказывалось, что они не могут, их выгоняли — осторожно, если офицер страдал чрезмерным чинопочитанием, и грубо, если они были молоды и нуждались во встряске. «Молодой человек, — говорил в таких случаях Нимиц, — вы не оправдали моих надежд, и я впредь обойдусь без ваших услуг».

Хотя адмиралы Нимиц и Спрюэнс мыслили одинаково, особенно в вопросах стратегии, характеры у них были абсолютно разные. Спрюэнс был не менее добросердечен, чем Нимиц, но он труднее сходился с людьми. Мелл Петерсон называл его «чопорным», а некоторые младшие офицеры между собой именовали «Старое Замороженное Лицо».

Петерсон рассказывал: «Адмирал Нимиц был довольно добродушен и любезен, этакая старая калоша. Адмирал Спрюэнс был опрятным, твердым и приземленным человеком, который вечно находился в делах». Близкое знакомство Спрюэнса с Нимицем и вечера, проведенные в компании друг друга, видимо, благотворно влияли на начальника штаба. Во всяком случае, позже, общаясь с людьми, Спрюэнс был менее жесток и формален.

Адмирал Спрюэнс имел две функции в Перл-Харборе — как начальник штаба и как советник адмирала Нимица. В первом качестве он не был типичным начальником штаба — ярким, беспокойным, кусающим ногти. То есть, ярким-то он был, но он никогда не позволял себе беспокоиться. Он был, с собственного попустительства, склонен к лени — сильный, но ленивый характер, как говорят — идеальный вариант для командира. Когда Нимиц передавал решение какой-то проблемы Спрюэнсу, тот быстро спускал задание дальше вниз по служебной цепочке. Подобно Нимицу, он являлся чрезвычайно дисциплинированным и занимался самодисциплиной всерьез, чем действительно сильно выделялся на фоне остального штаба. Также подобно Нимицу, он превосходно умел выбирать

подходящего подчиненного, перекладывать полномочия со своих плеч на его, а потом оставлять его выпутываться самостоятельно.

Спрюэнс для Нимица был в первую очередь источником идей и резонатором собственных идей командующего. Фактически все эти обмены идеями были устными, поскольку Спрюэнс мог лучше всего проявить себя, когда говорил (сам он назвал это «мысли вслух»), и к тому же он любил как можно больше находиться на ногах. На словах он был способен прясть самые изобретательные и запутанные стратегические планы, но не выносил скучной работы — например, не любил обстоятельно излагать сложные детали на бумаги. Такие вещи он, насколько возможно, поручал другим. То, что не получалось передать, он небрежно делал сам — за той самой конторкой.

Одна из самых ранних идей, которые Спрюэнс подкинул Нимицу, появилась вследствие потрясения от тяжелых потерь американских летчиков в сражении при Мидуэе. Как говорили Спрюэнсу некоторые из оставшихся в живых пилотов, у них и их товарищей практически не было никакого будущего: если они будут участвовать во всех операциях подряд, то все они будут в конечном счете уничтожены — из-за накопленной усталости или просто по теории вероятности. Предложением Спрюэнса поддержанным Нимицем, был план ротации, заключавшийся в том, что летчики-резервисты по мере надобности сменяли тех, кто сейчас находился на передовой. Благодаря такому плану у эскадрильи появилось время для отдыха и восстановления сил между боевыми вылетами. Таким образом, все летчики оставались со свежей головой и ясным умом, и у них появлялось больше надежд на выживание.

Когда Спрюэнс присоединился к Нимицу в 1942 году, штаб Тихоокеанского флота и секторов Тихого океана насчитывал сорок пять офицеров. Хотя Спрюэнс, так же как и Нимиц, считал, что штаб должен быть как можно меньше, к середине 1944 года в штабе было приблизительно 250 офицеров. Главной причиной для роста было планирование и обслуживание наступления Централь-

но-Тихоокеанских сил через Тихий океан, особенно в точках снабжения и поддержки сил и ввода войск на занятые острова.

Характер войны на Тихом океане обусловил уникальную проблему освобождения флота от зависимости от тыловых баз, так, чтобы он мог двигаться через океан, занимая по пути острова, не испытывая необходимости возвращаться для пополнения запасов и текущего ремонта. Только таким образом можно было поддерживать стратегический импульс, достаточный для того, чтобы не дать врагу опомниться.

Наиболее важными для выполнения этой задачи были «бродячие эскадры» сил обслуживания Тихоокеанского флота под командованием вице-адмирала Колхауна. Одна эскадра обслуживания занималась дозаправкой флота в море. В разработке этого метода адмирал Нимиц сам принимал участие, и поэтому испытывал к нему самый жгучий интерес. Ударные оперативные соединения сопровождались танкерами, на каждом из которых было до 80 000 баррелей мазута, 18 000 баррелей авиационного бензина и почти 7000 баррелей дизельного топлива. Другие танкеры курсировали согласно заданному графику, описывая петли вокруг «сцены действия», так, чтобы на боевых кораблях знали, где и когда можно при необходимости осуществить дозаправку. Имелись также передвижные группы пополнения запасов, готовые передавать на корабли боеприпасы, продовольствие, запасные части, самолеты и персонал. Посыльные корабли поставляли почту на корабли в море и эвакуировали серьезно раненных в плавучие госпитали. Отряды посыльных, ремонтных судов, плавучие сухие доки образовали временные плавучие базы в лагунах атоллов или других замкнутых водах и были готовы предоставить флоту любое обслуживание, кроме капитального ремонта.

В течение кампании на Гуадалканале, когда множество судов накопилось в гавани Нумеа, адмирал Кинг обратился к сухопутным силам за помощью в решении проблемы снабжения в южной части Тихого океана. Генерал-лейтенант Брехон Сомервелл, командующий

силами обеспечения армии, послал своего главного планировщика генерал-майора Лероя Льютса с целью изучения ситуации. Среди прочих полезных предложений Льютс ускорил учреждение логистической организации для контроля поставок.

Как шаг к выполнению предложения Льютса относительно всех областей Тихого океана, Сомервелл послал в Перл-Харбор своего помощника, генерала Ливи, но Нимиц просто приставил Ливи в качестве советника к штабу адмирала Колхауна. Ливи протестовал, сообщая Сомервеллу, что это было совершенно не то, что нужно. Силы обслуживания, писал он, предназначались только для снабжения флота. По его мнению, нужно было также учредить штаб снабжения театра военных действий, составленный из военно-морских, воздушных и сухопутных офицеров, и этот штаб должен находиться непосредственно при главнокомандующем в регионе, адмирале Нимице.

Генерал Маршалл поддержал предложение Ливи, добавив в заключение, что в секторах Тихого океана командование флота и командование секторов должны теперь быть разделены. Адмирал Нимиц командовал бы секторами Тихого океана, так же как генералы Эйзенхауэр и Макартур командовали своими секторами, но командующим Тихоокеанским флотом должен стать другой офицер, вероятно, Хэлси. Кинг и Нимиц согласились, что идея относительно объединенного штаба имеет смысл, но Кинг был оппозиционно настроен к разделению постов командующего флотом и главнокомандующего силами в секторе, так как это прерывало командную иерархию между ним и флотом. «Я планирую, — сказал он Нимицу, — сосредоточить командование Тихоокеанского флота и областями Тихого океана в руках одного человека — вас».

После месяцев изучения, включая изучение графика поставок и систем планирования в областях Эйзенхауэра и Макартура, адмирал Нимиц 6 сентября 1943 года наконец объявил о формировании Объединенного штаба в Перл-Харборе. Он первоначально имел четыре секции: планирования (J-1), разведки (J-2), операций (J-3)

и логистики (J-4). Генерал Ливи возглавлял секцию логистики, которая близко сотрудничала с войсками обслуживания. До конца войны секция логистики оставалась в здании штаба, где генерал Ливи много раз снова оказывался «подключенным» к главнокомандующему во время воскресных утренних концертов, но войска обслуживания стали настолько большими, что секции пришлось переехать в отдельное здание, установленное для него рядом со зданием штаба.

Новая секция разведки тесно сотрудничала с Объединенным разведцентром областей Тихого океана (JICPOA), который был сформирован по воле адмирала Кинга. Разведцентр занимал здание прямо к северу от здания штаба. Донесения из центра обычно поступали к адмиралу Нимицу через коммандера Лейтона, который оставался офицером разведки штаба Тихоокеанского флота. Лейтон просил о службе на кораблях, но Нимиц отказал ему. «Работая за вашим столом, вы можете убить больше врагов,— сказал Нимиц,— чем если бы вы командовали дивизией крейсеров».

Рядом с разведцентром было еще одно абсолютно такое же здание, в котором размещался центр радиоразведки Тихоокеанского флота — станция «Гипо», которая так и не была заменена, несмотря ни на что. Возглавляемое со дня отъезда Рошфора коммодором Уильямом Б. Гоггинсом, она сменила название и переехала из подвала в более просторное помещение, имея в штате более тысячи операторов.

Радиоразведка занималась почти исключительно отслеживанием и анализом радиообмена противника. Как и прежде, ее действия включали анализ перемещения сил, криптологический анализ и перевод японских военно-морских сообщений. Ее криптологи постепенно учились справляться с постоянными изменениями позывных и кодов Японии, особенно с частыми заменами групп случайных чисел; они также взломали другие японские коды. Одним из наиболее полезных для американцев была расшифровка кода, которым пользовались японцы при организации морскими перевозками. Этим

кодом не только направлялись караваны судов с сопровождением, но и назначались заранее их дневные позиции. Эта жизненно важная информация передавалась штабному офицеру-оператору командующего подводными лодками Тихоокеанского флота, который наводил субмарины на японские конвои, таким образом увеличивая эффективность их действий.

Однако это преимущество сводилось практически на нет недостатками американских торпед, боевые части которых имели тенденцию преждевременно взрываться — если вообще взрывались. Проблема осложнялась фактом, что взрыватель Mark-6, использовавшийся в торпедах подводных лодок, срабатывал либо при ударе, либо дистанционно от воздействия магнитного поля, когда торпеда проходила под стальным корпусом судна или около него. Подводникам советовали использовать магнитный взрыватель, потому что взрыв под килем мог быть весьма разрушительным, а также потому что часть торпед не попадала прямо в цель, а проходила рядом с ней.

К сожалению, взрыватель часто не срабатывал — особенно когда торпеда была направлена так, чтобы пройти под судном. Адмирал Локвуд, все еще находившийся в Австралии, обнаружил одну из причин этого. Стреляя торпедами через противолодочную сеть, он доказал, что они шли на одиннадцать футов ниже заданной глубины. Когда этот недостаток был устранен, невзорвавшихся торпед стало меньше, но преждевременных взрывов — больше.

Когда Локвуда перевели в Перл-Харбор, он был тепло, но несколько скомканно принят адмиралом Нимицем, который все еще лежал в госпитале с малярией. Локвуд и Нимиц долго работали бок о бок, и их дружба продолжалась всю оставшуюся жизнь. Нимиц, внесший огромный вклад в развитие субмарин, был убежден, что подводный флот мог оказаться решающим в войне против островной нации типа Японии, при том условии, что американцы смогут устранить дефекты своих торпед.

Локвуд отослал в Бюро вооружения целый ряд жалоб, подтвержденных Нимицем,— но без особого результата. Приехав в Вашингтон, он вызвал гнев Бюро, выступив пе-

ред аудиторией офицеров-подводников. «Если Бюро артиллерии,— сказал он,— не может обеспечить нас торпедами, которые поражают цели и взрываются, или более серьезными орудиями, чем эти "духовые трубки", тогда, ради бога, пускай они заставят Бюро судостроения разработать корабельный абордажный крюк, которым мы сможем отрывать листы от бортов неприятельских судов!»

Бюро вооружения возлагало ответственность за неудачи на командиров подводных лодок, которые смотрели в перископы и предоставляли данные для прокладки курса субмарин и наведения торпед. Команды теряли доверие к своим командирам, а некоторые из командиров, раздосадованные и сбитые с толку, заключали наконец, что командовать субмаринами — не их призвание, и просили о другом назначении.

Локвуд, однако, оставался убежденным, что главной причиной неприятностей были взрыватели Mark-6. Того же мнения придерживался коммодор Том Хилл, ответственный за артиллерию. Вместе они пошли к адмиралу Нимицу, который, услышав их аргументы, предписал Локвуду оформить приказы о снятии с боевых торпед магнитных взрывателей. Впредь подводники стреляли прямо по целям — так, чтобы взрывы происходили при непосредственном контакте с целью. Число преждевременных взрывов уменьшилось, но процент неразорвавшихся торпед резко увеличился. «Вот видите,— сказали в Бюро вооружения после этого,— все ваши неприятности — результат неправильного наведения». Опять последовали просьбы расстроенных командиров подводных лодок о переводе.

Но не таков был лейтенант-командер Лоренс Р. Дэспит. Его субмарина «Тиноза» остановила вражеский танкер двумя торпедами, запущенными с неблагоприятного угла. После этого Дэспит лег на траверз неподвижного танкера, и с этой великолепной позиции запустил девять тщательно проверенных торпед. Все девять попали в цель — и ни одна из них не взорвалась. Дэспит забрал оставшуюся торпеду в Перл-Харбор и гневно потребовал, чтобы ее осмотрели и исправили дефект.

Экспертиза торпеды Дэспита показала, что все в полном порядке. С разрешения адмирала Нимица Локвуд вышел в море и запустил три торпеды в утес, который вертикально торчал из моря. Две взорвались, а третья — нет. Эту последнюю они выловили и забрали на базу. Тогда наконец была выяснена окончательная причина отказа. При контакте с целью высвобождался боек взрывателя, который с помощью пружины выдвигался в поперечном направлении между парой направляющих к колпачку взрывателя. При сильном лобовом контакте инерция так плотно прижимала боек к передней направляющей, что он не доходил до боеголовки. Облегчив боек и таким образом уменьшив трение о направляющую, удалось решить проблему. Наконец на американских субмаринах появились надежные торпеды. Но это было уже в сентябре 1943 года — спустя почти два года после объявления войны.

Самый поразительный радиоперехват состоялся рано утром 14 апреля 1943 года. Расшифрованная и переведенная японская депеша была быстро передана коммандеру Лэйтону, который поспешил с ней в кабинет адмирала Нимица. Он пришел туда в 8:02 утра. Лэйтона пропустил Ламар, объявивший: «"Ноль-ноль" на месте и сейчас примет вас».

Войдя во внутренний кабинет, Лэйтон вручил депешу Нимицу. «Наш старый друг Ямамото», — сказал он. Адмирал поглядел на сообщение и прямо-таки подскочил. Там было написано:

> «Главнокомандующий Объединенным флотом посетит Балале, Шортленд и Буин 18 апреля... В 6 утра отбывает из Рабаула в среднем бомбардировщике в сопровождении шести истребителей... В 8 утра адмирал прибывает в Балале...»

Далее был описан полный маршрут адмирала Ямамото в течение дня.

Нимиц повернулся и изучил настенную карту. В ходе поездки Ямамото должен был оказаться в пределах 300 миль от аэродрома Гендерсон-филд. Известная страсть японского адмирала к точности гарантировала, что он будет следовать графику минута в минуту.

— Как вы думаете,— спросил Нимиц,— мы можем попытаться взять его?

— Он уникальный человек,— ответил Лэйтон.— Его боготворят младшие офицеры и матросы. Кроме императора,— продолжал он,— вероятно, ни один человек в Японии настолько не важен для поддержания боевого духа населения страны. И если его уничтожить, это деморализует флот противника. Вы знаете японскую психологию; это ошеломило бы нацию.

— Единственное, что меня беспокоит,— сказал Нимиц,— не смогут ли они в случае нашей удачи найти более успешного командующего флотом.

Рассуждения о старших японских адмиралах Лэйтон закончил словами: «Ямамото на голову выше их всех». Потом он провел интересную параллель: «Знаете, адмирал Нимиц, это все равно, как если бы они подстрелили вас. Никто не сможет вас заменить».

Нимиц улыбнулся.

— Эта операция — в сфере компетенции Хэлси. Если есть способ, он найдет его. Хорошо, мы попробуем.

Взяв блокнот, Нимиц написал депешу для Хэлси, в которой описал маршрут Ямамото и предложил, чтобы защитить кодовый перерыв, передать информацию австралийскому береговому патрулю, курсирующему вокруг Рабаула. Он закончил так: «Если вверенные Вам силы в состоянии уничтожить Ямамото и его штаб, Вам разрешается начать предварительное планирование».

Поскольку убийство столь выдающегося персонажа могло иметь далеко идущие политические последствия, из предосторожности адмирал Нимиц решил согласовать операцию с Вашингтоном и получил добро от министра Нокса и президента Рузвельта. Из Гуадалканала, через штаб Хэлси в Нумеа, прибыла депеша от контр-адмирала Марка А. («Пита») Митшера, командующего ВВС Соломоновых островов. Контр-адмирал сообщал, что его летчики будут готовы устроить засаду 18 апреля, используя истребители дальнего действия Р-38. В заключение Нимиц дал некоторые распоряжения относительно операции, добавив лично от себя: «Удачи и доброй охоты».

18 апреля! Нимиц, должно быть, поразился этому совпадению. Ровно за год до этого Митшер, в должности командира «Хорнета», и Хэлси, как командующий оперативной группы, участвовали в атаке на Токио.

Днем 18 апреля, в Вербное воскресенье, Митшер послал Хэлси сообщение, а Хэлси в свою очередь передал его Нимицу:

> «Р-38 во главе с майором Джоном В. Митчеллом, США, вошли в воздушное пространство района Кахили приблизительно в 9:30. Сбиты два бомбардировщика, сопровождавшиеся сомкнутым строем истребителей Мицубиси "Зеро". Один из бомбардировщиков, по всей вероятности, совершал испытательный полет. У каждого бомбардировщика находилось по три истребителя, что в сумме дает шесть. Потери с нашей стороны — один Р-38. Похоже, 18 апреля — наш день»[1].

Хэлси ответил: «Поздравления вам, майору Митчеллу и его охотникам. Похоже, одна из уток в их мешке оказалась павлином».

Тем вечером — в Перл-Харборе это было 17 апреля — в сводке командования Тихоокеанского флота появилась запись: «Представляется вероятным, что главнокомандующий Объединенным флотом был сбит сегодня в самолете в районе Буина армейскими Р-38».

Американцы не были уверены в своем успехе до 21 мая, когда пепел адмирала Ямамото был доставлен в Японию на суперлинкоре «Мусаси». Тогда диктор токийского радио объявил прерывающимся эмоциональным голосом, что Ямамото «при разработке общей стратегии на передовой линии в апреле этого года вступил в бой с врагом и пал смертью храбрых на военном самолете».

---

[1] На счет эскадрильи Митчелла в этом бою были записаны три японских бомбардировщика и шесть истребителей. В действительности же бомбардировщиков вообще было только два, истребители эскорта потерь не понесли. *(Прим. ред.)*

Глава 16

НАЧАЛО ЦЕНТРАЛЬНО-ТИХООКЕАНСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ

В начале 1943 года, после возвращения Буны и Гуадалканала, на Тихоокеанском театре военных действий наступил один из редких периодов относительного бездействия. Для всего союзнического тихоокеанского командования это было главным образом время планирования и подготовки к дальнейшему наступлению.

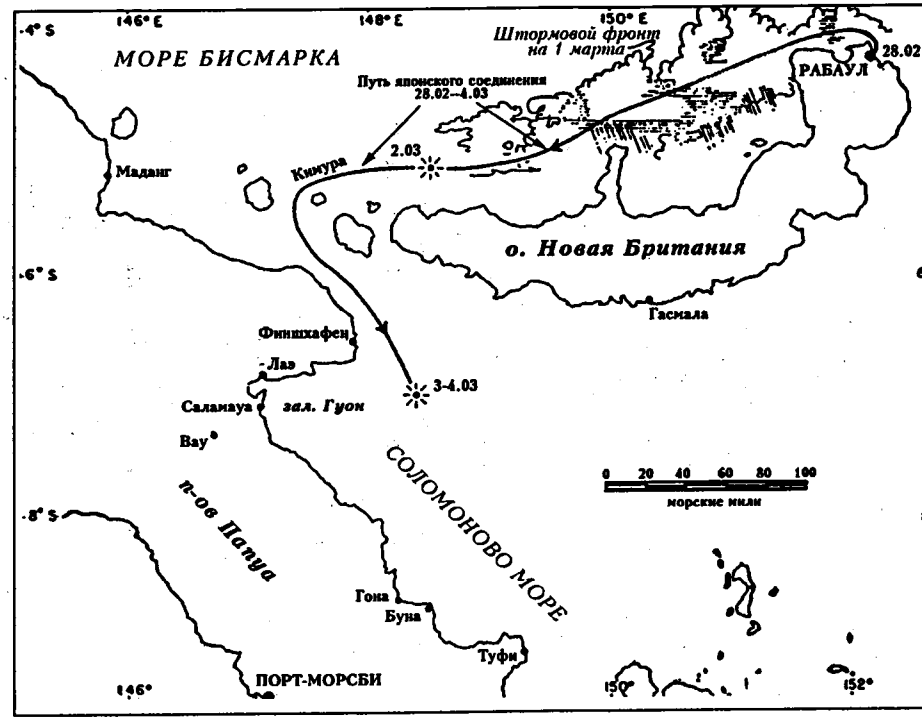
На Алеутских островах, где адмирал Кинкейд наладил превосходные взаимоотношения с армией, американцы построили на дальних западных островах Адак и Амчитка аэродромы, с которых бомбардировщики скоро перерезали все надводные пути между Кыской и Японией. Пытаясь подобным образом изолировать остров Атту, отряд из эсминцев и крейсеров под командованием контр-адмирала Чарльза Макморриса, бывшего офицера планирования штаба Тихоокеанского флота, в конце

марта столкнулся с японской эскадрой, вдвое превосходящей отряд по огневой мощи. Этот бой получил название сражения при Командорских островах. Он представлял собой преследование, в ходе которого убегающие американцы, упорно отстреливаясь от противника, спаслись при помощи дымовых завес, отличного маневрирования и определенной доли блефа. Японцы, опасаясь воздушного нападения, в конце концов прекратили погоню и ретировались. В этом сражении, как оказалось потом, победили американцы — поскольку после этого японцы использовали для поставок на Атту только субмарины.

Кинкейд, желая начать наступление, но испытывая нехватку и кораблей, и людей, решил временно обойти остров Кыска и попытаться возвратить более отдаленный, но хуже защищенный Атту. Он ждал только, пока соберутся его скудные силы и поступит сигнал от адмирала Нимица и Объединенного комитета начальников штабов.

В первые месяцы 1943 года война в южных и юго-западных областях Тихого океана состояла главным образом из взаимных воздушных бомбежек и из ночных обстрелов Южно-Тихоокеанскими надводными силами японских взлетных полос на островах Коломбангара и Нью-Джорджия. Японцам удалось уничтожить некоторые корабли и береговые сооружения в ходе воздушных налетов, но они теряли самолеты в совершенно недопустимых количествах. Было выяснено, что некоторые из атаковавших самолетов были самолетами с авианосцев, которые обычно не использовались для подобных целей; это показало, что Япония испытывает серьезную нехватку авиации.

Попытка японцев в начале марта укрепить опорные пункты в Лаэ и Саламауа в Новой Гвинее закончилась сражением в море Бисмарка. Оно состояло из нападений Пятой Воздушной армии под командованием генерала Кенни на транспорты с войсками противника. Союзнические самолеты потопили все восемь транспортов и четыре из восьми эсминцев охранения, а также сбили



Сражение в море Бисмарка 2–4марта 1943 г.

двадцать пять самолетов прикрывавших конвой. После того как в следующие несколько дней были потоплены еще несколько японских судов, они перестали посылать транспорты к Новой Гвинее и ограничились небольшими подкреплениями и поставками на баржах и подводных лодках.

Сомнения относительно эффективности странных действий командования в Южно-Тихоокеанском секторе, которые имелись у Хэлси (он обращался к Нимицу — за отрядами, кораблями и поставками — и к Макартуру — за стратегическим руководством), полностью разрешились в апреле, когда Хэлси прибыл в Брисбен для совещания с генералом. И был мгновенно очарован знаменитым обаянием Макартура. «Спустя пять минут после того как я доложился,— рассказывал Хэлси,— я чувствовал себя так, как будто мы были друзьями всю жизнь. Я редко видел человека, который производит более быстрое, более сильное, более благоприятное впечатление». После этой встречи между двумя командующими не было никаких трений, и их разногласия были быстро улажены.

Адмирала Кинга тем временем беспокоило бездействие сил союзников на Тихоокеанском ТВД. В феврале он вызвал Нимица в Сан-Франциско, чтобы поговорить о способах и направления возможных ударов. Программа-минимум на 1943 год, сказал он, заключается в том, чтобы сохранить союзнические коммуникации и разрушить коммуникации японцев. Когда силы Хэлси будут в достаточной готовности, не должен ли он, спросил Кинг, идти прямо к проливу Бука возле северо-западной оконечности острова Бугенвиль? Нимиц указал, этот район находится вне зоны союзнического воздушного прикрытия и что южнее остались бы две цитадели японской авиации наземного базирования. В результате были бы блокированы союзнические, а не японские коммуникации.

Кинг полагал, что японцы ушли с Гуадалканала в надежде добиться большего успеха в другом месте. Хоть они и измотаны наступлением на Новую Каледонию, разве не могут они все еще представлять угрозу американским коммуникациям на юге, продвигаясь от остро-

вов Гилберта через острова Эллиса к Самоа? Он хотел, чтобы Нимиц положил конец этой угрозе, вернув острова Гилберта. Нимиц ответил, что даже если бы он высадился на этих островах, он не был бы способен удержать их имеющимися силами, так как они были в пределах досягаемости японской авиации с мощных баз на Маршалловых островах. Нет никакого смысла, сказал он, завоевывать позиции только для того, чтобы отступить с тяжелыми потерями. Он напомнил Кингу, что уже разместил морскую пехоту на атолле Фунафути в архипелаге Эллиса и строит там взлетную полосу, чтобы блокировать любое японское наступление в том направлении.

Таким образом Нимица, сторонника смелых мер и продуманного риска, начали предостерегать со всех сторон, а Кинг, который надеялся активизировать силы союзников в Тихом океане, позволил убедить себя, что в настоящее время ничего больше не могло быть сделано. Однако Кинг был рад отметить, что уже скоро на Тихоокеанский ТВД намечаются значительные поставки вооружений, которые были не столь необходимы на европейском театре — авианосцев типа «Эссекс», линейных кораблей типа «Айова», пикирующих бомбардировщиков и самолетов-торпедоносцев. Именно эту технику предполагалось использовать на острие наступления в центральной части Тихого океана. Для новых ударов имелось достаточно сил, при условии перераспределения наземных войск, уже имеющихся на Тихоокеанском ТВД. Нимиц сказал, что ему нужны тяжелые бомбардировщики, и Кинг пообещал помочь получить их.

В марте Объединенный комитет начальников штабов приказал Нимицу, Хэлси и Макартуру прислать представителей в Вашингтон на совещание по Тихоокеанскому ТВД. Группу командования Тихоокеанским флотом возглавлял адмирал Спрюэнс. Основными вопросами были: разделение американских сил между европейским и Тихоокеанским театрами и проведение наступления на Рабаул. Были высказаны все старые аргументы в пользу создания объединенного командования на Тихом океане и нового перемещения границ

Южной и Юго-Западной зон Тихоокеанского ТВД, но все они были отвергнуты. Любое изменение замедлило бы планируемые действия. Из-за отсутствия запасов, сил и самолетов Рабаул мог быть взят лишь в начале 1944 года. В 1943 году Макартур смог бы продвинуться только до мыса Глостер на острове Новая Британия, а Хэлси — только до Бугенвиля. Кинг указал, что в конце концов не так уж необходимо предпринимать штурм хорошо защищенного Рабаула. Со значительно меньшими потерями в людях и боеприпасах базу можно было бы окружить аэродромами и бомбить на поражение.

Нимиц попросил Спрюэнса убедить Объединенный комитет в необходимости возвращения островов Атту и Кыска; кроме этого Нимиц, Спрюэнс и Кинг хотели замолвить слово о наступлении в центральной части Тихого океана. Так как ни север, ни центр Тихого океана не были включены в повестку дня конференции, Кинг и Спрюэнс осторожно касались этой темы косвенным путем. Если взятие Рабаула отменялось, по крайней мере на 1943 год, сказал Кинг, не было никакого смысла в сохранении какой-либо большой части Тихоокеанского флота в южной части Тихого океана; подтекст этих рассуждений заключался в том, что флот мог использоваться с большей пользой в центральной части Тихого океана.

Спрюэнс, приняв эстафету, говорил об угрозе для Перл-Харбора со стороны Объединенного флота, более не занятого в кампании Гуадалканала, которая на тот момент велась практически спонтанно. Он утверждал, что американские корабли, перемещенные из южной части Тихого океана, корабли, освободившиеся после возвращения Алеутских островов, и вновь построенные корабли вместе образуют силу, достаточную для захвата Маршалловых и Гилберта островов, таким образом значительно снизив угрозу японского нападения на Гавайи. Объединенный комитет не смог вынести никакого решения о нападении на эти острова без более четкого согласования с британцами, но, по крайней мере, разрешил Нимицу занять Атту и Кыску.

По пути назад в Перл-Харбор адмирал Спрюэнс остановился в Сан-Диего, чтобы понаблюдать за отрядами, проходящими десантные учения перед атакой на занятые врагом Алеутские острова, и посовещаться с их командиром, генерал-майором Холландом М. Смитом из морской пехоты США. Спрюэнс раньше встречал его и высоко ценил требовательного Смита, который за свою реакцию на небрежность или путаницу в работе заработал прозвище «Вопль». В Сан-Диего Спрюэнса так впечатлили познания генерала в области десантной войны и его авторитет, что он про себя решил в будущем помочь офицеру в продвижении по службе.

15 марта адмирал Кинг, предвидя увеличение числа американских оперативных групп и усиление флота, учредил единую систему нумерации, в которой флотам на Тихом океане присваивались нечетные номера. Таким образом, Южно-Тихоокеанские силы Хэлси были обозначены как Третий флот, военные корабли в центральной части Тихого океана должны были составить Пятый флот, а морские силы Макартура в юго-западной части Тихого океана стали Седьмым флотом. На тот момент адмирал Нимиц отказался удостоивать небольшое количество старых линейных и вспомогательных кораблей, базирующихся в Перл-Харборе, титула «флот», назвав их вместо этого 50-м оперативным соединением.

У офицеров, которые догадывались о планах Кинга и Нимица, 50-е оперативное соединение вызывала огромный интерес. Было ясно, что это — ядро флота огромной силы, который мог бы стать наиболее могущественным в истории мира. Его командующий обладал бы огромной властью, возможно, был бы признан главным победителем в войне с Японией и таким образом заработал бы себе место в истории. Это был пост, для достижения которого любой честолюбивый офицер пожертвовал бы практически чем угодно. Так как основной ударной силой нового флота были авианосцы, военно-морские летчики предполагали, что командующим будет назначен один из них. Центральной фигурой среди тех, кто считал себя компетентными и заслуживающими эту

должность, был адмирал Джон Тауэрс, командующий ВВС Тихого океана и третий по счету летчик флота.

Едва ли менее привлекательными, чем пост командующего флотом, были посты, находящиеся в его непосредственном подчинении: командующий авианосными силами, командующий амфибийными силами и командующий десантными отрядами. Не было никаких сомнений в том, что командовать авианосцами должен летчик, а амфибийными силами — офицер-десантник, но так как солдаты наземных войск должны были осуществлять по крайней мере половину высадок в центральной части Тихого океана, армейское командование настаивало на назначении на пост командующего десантными отрядами армейского офицера.

У Нимица было собственное представление о том, кто какой пост должен занимать. Прогуливаясь однажды утром со Спрюэнсом от домов до штаба, он сказал:

— Скоро произойдут некоторые изменения в высшем звене командования флотом. Я бы с радостью вас отпустил, но, к сожалению для вас, вы мне больше нужны здесь.

— Ладно,— ответил Спрюэнс философски,— война — серьезная вещь. Я лично хотел бы повоевать с японцами, но если вы нуждаетесь во мне здесь, именно здесь я и должен быть».

Спрюэнс забыл про этот разговор до следующего утра. Как они вновь спускались от дома, Нимиц сказал: «Я обдумывал это в течение ночи. Спрюэнс, вам повезло. Я решил, что я вас в конце концов отпускаю».

8 апреля Нимиц написал Кингу: «Теперь, когда 50-е оперативное соединение усилено... я намереваюсь выдвинуть Спрюэнса на пост ее командира в чине вице-адмирала». В том же самом письме он перечислил имена пяти офицеров — будущих помощников Спрюэнса «в порядке их желательности и возможной пригодности». Первым в списке стоял адмирал Макморис.

Когда до пораженного Спрюэнса наконец дошло, что он будет командовать всеми военными действиями в центральной части Тихого океана, он попросил назна-

чить адмирала Келли Тернера командующим амфибийных сил, «если я смогу украсть его у адмирала Хэлси», а генерала Холланда Смита — командующим десантными отрядами. Для себя он заручился обещанием оставить в должности начальника штаба своего старого друга, коммодора Чарльза Дж. («Карла») Мура, — офицера, который с радостью освободит его от тяжелой обязанности составления планов операций.

Тернер в течение трех лет служил со Спрюэнсом в руководстве Военно-морского колледжа. Спрюэнса всегда поражали его ум и энергия. Репутация Тернера была на некоторое время подпорчена поражением у острова Саво, но его реабилитировали факты, обнаруженные адмиралом Артуром Хэпберном, бывшим командующим флотом, которому министр Нокс приказал проанализировать сражение и установить виновных. Хотя Хэпберн еще не докладывал о результатах, было известно, что, по его заключению, вина за поражение у острова Саво «была так равномерно распределена, что было бы несправедливо осуждать кого-нибудь одного». Кинг и Нимиц согласились с этим выводом. Нимиц согласился представить на рассмотрение Кинга кандидатуру Тернера на пост командующего амфибийных сил. О назначении Смита он хотел еще немного подумать.

Адмирал Нимиц установил предварительную дату для атаки на Атту — 7 мая. Северной Тихоокеанской амфибийной группой должен был командовать контр-адмирал Фрэнсис В. Рокуэлл. От 50-го оперативного соединения он послал в северную часть Тихого океана три старых линейных корабля для дополнительной огневой поддержки и авианосец эскорта для воздушного прикрытия. 11 мая, после двух отсрочек из-за тяжелых погодных условий, 3000 солдат 7-й дивизии армии США хлынули на берег. Японцы, защищавшие остров, отступили в горы, и, чтобы выгнать из укрытий, потребовалось высадить на остров 11 000 человек — весь резерв американских сил. Наконец, 29 мая тысяча оставшихся японцев с криком «банзай» совершили самоубийство, что фактически завершило операцию.

1 июня Нимиц был снова в Сан-Франциско на совещании у Кинга. Адмирал Рокуэлл и генерал Холланд Смит, только что вернувшиеся с Алеутских островов, должны были доложить подробности десантной операции на острове Атту. Рокуэлл резко критиковал разведку, которая сильно недооценила численность противника и предоставила неполные гидрографические данные. Подготовку солдат десантных частей он считал недостаточной. Старые линейные корабли и авианосец эскорта оказались полезными, но Рокуэлл полагал, что обстрел «надо было проводить более разумно». Смит был доволен высадкой, но нашел недостатки в действиях на берегу. Солдаты двигались так медленно, сказал он, что отступающий враг имел время, чтобы перегруппироваться и объединить силы обороны. Кинг и Нимиц слушали с большим интересом. Операция по захвату Атту была только третьей десантной операцией, которую американцы предприняли во Второй Мировой войне. Впереди было еще много подобных действий, и до настоящего времени они ни разу не высаживались на сильно укрепленный берег.

Кинг рассказал Нимицу о решениях, принятых на недавнем совещании Объединенного комитета начальников штабов, прошедшем в Вашингтоне под кодовым названием «Трайдент». На сей раз американские представители подготовились намного лучше, чем в Касабланке, где главную роль играли в основном британцы. На конференции «Трайдент» американцы согласились на союзническое вторжение в Италию, но отнюдь не бескорыстно. По настоянию американцев, британцы обязались совершить в 1944 году вторжение через Ла-Манш в Западную Европу и приняли «Стратегический план победы над Японией», составленный американским Объединенным комитетом начальников штабов и подчиненными комитетами.

В «Стратегическом плане» утверждалось, что победа над Японией может быть одержана с помощью (1) блокад, особенно путем закрытия доступа Японии к нефти и другим стратегическим ресурсам в районе Ост-Индии, (2) непрерывной воздушной бомбардировки городов Японии и (3) вторжением на территорию Японии. Что-

бы иметь базу для осуществления этих операций, все союзнические силы должны были собраться в Гонконге и на побережье Китая.

Так как оказалось, что ни британцы, ни китайцы не могли выполнить свои обязательства, наступление должны были осуществлять американцы при поддержке таких ограниченных сил, как австралийцы, новозеландцы и канадцы. По плану, в 1943–44 годах союзники, помимо изгнания японцев с Алеутских островов, продвинулись бы по двум линиям к Минданао, самому южному из Филиппинских островов: после завоевания или нейтрализации Рабаула силами Южного и Юго-западного Тихоокеанских секторов, силы юго-западного сектора под командованием генерала Макартура продвинулась бы к Минданао по северному побережью Новой Гвинеи; силы Центрального Тихоокеанского сектора под командованием адмирала Нимица должна была двигаться через центральную часть Тихого океана — Маршалловы и Каролинские острова, поддерживая операцию Макартура на Филиппинах.

Когда вопрос о наступлении в центральной части Тихого океана был решен, Кинг и Нимиц высказали мнение, что лучше начинать наступление с островов Гилберта, а не с Маршалловых островов. Кинг сказал, что британские начальники штабов молча передали управление Тихоокеанской войной американскому Объединенному комитету начальников штабов, и что Нимиц может перемещать силы по Тихому океану без предварительного согласования с Объединенным комитетом.

Адмирал Кинг подтвердил назначения Спрюэнса командующим силами Центральной части Тихого океана и Тернера на пост командующего амфибийных сил, и согласился на присвоение Спрюэнсу звания вице-адмирала. Он был готов поручить Холланду Смиту командование десантными отрядами, если Нимиц решит выдвинуть его.

Когда адмирал Нимиц упомянул, что планирует нанести визит в Южную зону Тихого океана после возвращения в Перл-Харбор, генерал Смит прозрачно намекнул, что он хотел бы сопровождать адмирала, чтобы

увидеть, где воевали морские пехотинцы, которых он обучал, и встретиться с теми, кто собирается вновь вступить в бой. Нимиц сразу от всего сердца пригласил генерала отправиться вместе с ним. Без сомнения, он был рад, что появилась возможность познакомиться с этим офицером, которого так рекомендовал Спрюэнс.

Перед отъездом из Штатов Нимиц ненадолго посетил Сиэтл для встречи с Фрэнком Джеком Флетчером, которого Кинг отослал в Северо-Западную морскую пограничную зону, потому что он имел сомнения относительно его напористости. Флетчер почувствовал, что все худшее еще впереди, когда Кинг приказал ему, в связи с недавним вторжением на Атту, передать свои силы в полное распоряжение командующего Тихоокеанским флотом. Флетчер быстро предоставил свои корабли и самолеты, но сам решил не участвовать в кампании. Если бы он согласился, то попал бы в неловкое положение — ему, вице-адмиралу, пришлось бы выполнять распоряжения контр-адмирала Кинкейда. Нимиц успокоил задетое самолюбие Флетчера и сказал ему, что раньше такая расстановка кадров работала хорошо, а значит, что она будет способствовать успеху предстоящего нападения на Кыску. Позже Флетчер проглотил свою гордость и согласился с назначением на контр-адмиральскую должность, чтобы вернуться на боевой флот.

Адмирал Нимиц и генерал Смит прибыли в Перл-Харбор 7 июня. Там адмирал обрадовался, увидев 27 000-тонный *«Эссекс»*, первый из новых авианосцев на Тихом океане. Он прибыл в отсутствие Нимица.

Адмирал и генерал отбыли в Южно-Тихоокеанский сектор 10-го числа. Они полетели через Фиджи к Нумеа, где обсудили планы готовящегося вторжения на остров Нью-Джорджия с Хэлси и его штабом. Хэлси был готов и ожидал приказов, но Макартур заявил, что южно-тихоокеанское наступление должно совпасть по времени с вторжением на острова Киривина и Вудларк в юго-западной части Тихого океана, а последнее, в свою очередь, не могло произойти до того, как Седьмое амфибийное соединение контр-адмирала Дэниэла Э. Барби

получит новые корабли. В результате двойная операция была намечена на 30 июня.

Хэлси сопровождал Нимица и Смита на осмотре Эспириту-Санту и Гуадалканала. Нимицу было особенно приятно отметить, что в Нумеа и Эспириту значительно усовершенствованы средства обработки груза и в результате оборот судов значительно ускорился. Только в Гуадалканале все еще были серьезные проблемы с обработкой груза из-за вражеских воздушных налетов и открытого ветрам и штормам рейда.

Когда Хэлси и Нимиц обсуждали замену командующего 1-го амфибийного корпуса морской пехоты, Смит пристально слушал. Больше всего он хотел вести в бой людей, обученных им. Он надеялся, что на замену предложат его, но его имя не было даже упомянуто. Очевидно было, что ему придется вернуться к опостылевшему преподаванию в Штатах.

В глубокой депрессии Смит отправился назад в Перл-Харбор в самолете адмирала Нимица. Он мрачно наблюдал за облаками, когда Нимиц позвал его в другой конец салона.

— Холланд,— сказал адмирал,— этой осенью я собираюсь вызвать вас на Тихий океан. Вы будете командовать всеми морскими пехотинцами в Центральной зоне Тихого океана. Я думаю, что вы найдете вашу новую должность очень интересной».

18 июня, когда они вернулись в Перл-Харбор, Нимицу вручили официальные распоряжения от Объединенного комитета начальников штабов, в которых требовалось начать планирование вторжения на Маршалловы острова, начало которого было намечено на 15 ноября. Для этой операции ему выделялись 1-я и 2-я дивизии морской пехоты, все десантные корабли и большинство военно-морских сил южной части Тихого океана.

Генерал Макартур не стал терять времени на возражения, потому что такое перераспределение сил ясно подразумевало, что наступление в центральной части Тихого океана должно было впредь быть основной частью союзнического продвижения на запад. Он утверждал,

что предложенный им план наступления, в направлении того, что он называл осью «Новая Гвинея — Минданао», является намного менее опасным. Его армия, продвигающаяся по северному побережью Новой Гвинеи и осуществляющая десантные операции, была бы способна обойти вражеские укрепления, и на всем протяжении наступления ее бы поддерживали силы «абсолютно незаменимой» авиации наземного базирования. В качестве примера того, что могло случиться с армией, которая нападает на хорошо защищенные острова, он привел японское поражение при Мидуэе.

Сторонники Центрально-Тихоокеанского наступления утверждали, что сила, возглавляемая и поддержанная авиацией морского базирования, может предпринимать огромные броски, совершая обход вражеских позиций намного более эффективно, чем армия, вынужденная держаться в пределах радиуса действия истребителей наземного базирования. При действиях через центральную часть Тихого океана коммуникации наступающих сил будут короче и прямее, что приведет к уменьшению сложностей, связанных с транспортировкой снаряжения. А поскольку это наступление будет представлять серьезную угрозу Японии, оно побудит врага рассредоточить силы по всему Тихому океану, чтобы защитить каждую позицию.

Началась концентрация сил и средства для нового наступления. К осени Нимиц планировал иметь 11 быстроходных авианосцев, 8 эскортных авианосцев, 5 новых линейных кораблей, 7 старых линейных кораблей (полезных для обстрела побережья), 8 тяжелых крейсеров, 4 легких крейсера, 66 эсминцев, 27 штурмовых транспортов и грузовых судов и 9 торговых судов, подходящих для использования в качестве транспортов. Он должен был получить в подчинение усиленные ВВС Седьмой армии и все самолеты Тихоокеанского флота, не отправленные в Южный сектор Тихого океана.

С этими средствами Центрально-Тихоокеанские силы должны были занять Маршалловы острова. Прежде всего надо было решить, с каких именно островов ар-

Крен «Йорктауна» посе торпедирования

«Йорктаун» покинут командой

Тяжелый крейсер «Солт-Лейк-Сити» в море

Адмирал Нимиц вручает Военно-Морской крест полковнику морской пехоты М.А. Эдсону в присутствии генерал-майора А.А. Вандегрифта. Над столом склонился «совершенно необходимый» адъютант адмирала лейтенант Ламар.

Генерал Макартур, президент Рузвельт и адмирал Нимиц на борту крейсера «Балтимор». *Перл-Харбор, 16 июля 1944 г.*

Адмиралы Нимиц и Спрюэнс прогуливаются по палубе «Индианаполиса», стоящего на рейде возле Сайпана. *Июль 1944 г.*

Генерал-лейтенант Роберт Ричардсон беседует с адмиралом Раймондом Спрюэнсом на борту тяжелого крейсера «Индианаполис», недавно ставшего флагманским кораблем, и жалуется на выговор, полученный от адмирала Келли Тернера. *Июль 1944 г.*

Адмирал Нимиц и адмирал Уильям Ф. Хэлси, командующий силами Южной части Тихого океана на борту корабля «Кертисс». *Эспириту-Санто, январь 1943 г.*

Адмирал Нимиц со своим начальником штаба вице-адмиралом Макморрисом (слева) и его начальником оперативного отдела контр-адмиралом Форрестом Шерманом. *Гуам, 1945 г.*

Вице-адмирал Келли Тернер (в центре) с генерал-лейтенантом Холландом М. Смитом (слева) и контр-адмиралом Гарри У. Хиллом

Адмирал Нимиц устраивает прием для миссис Рузвельт на атолле Макалапа 22 сентября 1943 г. *Слева направо: контр-адмирал Уильям Фарлонг, контр-адмирал Уильям Колхаун, контр-адмирал Чарльз Локвуд, миссис Рузвельт, адмирал Нимиц, вице-адмирал Раймонд Спрюэнс, кэптен Томас Андерсон, вице-адмирал Джон Тауэрс*

Адмирал флота Нимиц на борту линкора «Миссури» подписывает Акт о капитуляции Японии. За его спиной стоят генерал Макартур, адмирал Хэлси и Форрест Шерман. *Токийский залив, 2 сентября 1945 г.*

Адмирал Нимиц с триумфом возвращается в Вашингтон после окончания Второй Мировой войны, Вашингтон, октябрь 1945 г. *Справа от Нимица – адмирал Форрест П. Шерман, слева – коммандер Г.А. Ламар*

Главный калибр крейсера «Индианаполис»

«День Нимица» (17 октября 1964 г.), в Беркли, Калифорния. Адмирал Нимиц благодарит аплодирующих футбольных болельщиков перед игрой команды Калифорнийского университета с командой Военно-морской академии. *Слева от него стоят Кларк Керр, ректор Калифорнийского университета, и контр-адмирал Чарльз С. Минтер, суперинтендант Военно-морской академии. Справа от адмирала, возле микрофона – Эдмунд Браун, губернатор штата Калифорния.*

Мистер и миссис Нимиц в саду своего дома в Беркли, Калифорния.
Начало 60-х годов

хипелага начинать операцию. Планировщики штаба предложили одновременно высадиться на пяти атоллах: Кваджалейн, Мэлоулап, Вотье, Мили и Джалуит. Спрюэнс сразу отклонил это предложение. Центрально-Тихоокеанские силы не имели достаточного количества отрядов, обученных десантным действиям, чтобы захватить пять хорошо защищенных пунктов одновременно. А рассредоточение американского флота в пяти направлениях для поддержки высадок сделало бы каждую из его частей беззащитной перед сконцентрированным японским флотом.

Каждое обсуждение операции на Маршалловых островах возвращалось к факту, что они были вне досягаемости американских самолетов наземного базирования. Это подразумевало, что вторжение должно получать воздушную поддержку исключительно от самолетов морского базирования, но никто не был уверен, что к ноябрю авианосные силы Тихоокеанского флота будут достаточно сильны, а летчики достаточно опытны, чтобы выполнить такую задачу. Еще существовала проблема фоторазведки. Было необходимо сделать снимки с воздуха, чтобы узнать распределение прибрежных глубин, расположение оборонительных сооружений и коралловых рифов, а также точную форму береговой линии. Тогда считалось, что только с самолетов наземного базирования можно выполнить необходимое количество снимков.

Коммодор Форрест П. Шерман, блестящий начальник штаба адмирала Тауэрса, сделал отнюдь не блестящее предложение — надо занять атолл Уэйк, чтобы обеспечить аэродром, с которого могли бы вылетать самолеты для съемок Маршалловых островов. Спрюэнс резко раскритиковал это предложение, поскольку Уэйк во всех прочих отношениях ничего не стоил как база: с него некуда было двигаться дальше, там не было подходящего места для стоянки кораблей, с него нельзя было осуществлять защиту любой действующей или предполагаемой союзнической линии коммуникации.

Планировщики как в Вашингтоне, так и в Перл-Харборе продолжали возвращаться к рассмотрению островов

Гилберта. Самолеты, базирующиеся там, могли легко осуществлять разведку с воздуха и поддерживать атаки на Маршаллы. Сами острова Гилберта могли быть достигнуты бомбардировщиками, базирующимися на Фунафути, на островах Эллис, и на Кантоне в архипелаге Феникс. В дополнение к Фунафути можно было построить базы истребителей на островах Нанумеа и Нукуфентау, а на Кантоне — взлетную полосу для истребителей на острове Бейкер. Все эти базы и сами острова Гилберта были удачно расположены для поддержки коммуникации между Гавайями и югом.

Планировщики Вашингтона и Перл-Харбора почти одновременно рекомендовали осуществить вторжение на острова Гилберта перед занятием Маршаллов. К этому их подтолкнуло решение Объединенного комитета начальников штабов позволить генералу Макартуру сохранить старую 1-ю дивизию морской пехоты, которую он планировал высадить на мысе Глостер. Только таким образом можно было поддержать наступление сил союзников по нескольким направлениям. Макартур и Хэлси должны были давить на врага в области Рабаула, а силы под командованием Нимица планировалось переводить в наступление в центральной части Тихого океана. Присоединение к силам Нимица 2-й дивизии морской пехоты подразумевало, что Рабаул должен будет быть нейтрализован, а не захвачен. Это было решение, которое в течение некоторого времени поддерживал адмирал Кинг.

Адмирал Нимиц в начале июля принял план, по которому первыми должны быть захвачены острова Гилберта, а уже затем — Маршалловы, и отправил его для одобрения в Объединенный комитет начальников штабов. В качестве главной цели на островах Гилберта намечался остров Бетио в атолле Тарава, поскольку там японцы, как известно, имели аэродром. Возможной вторичной целью был остров Бутаритари в атолле Макин, где неприятель построил базу для гидросамолетов.

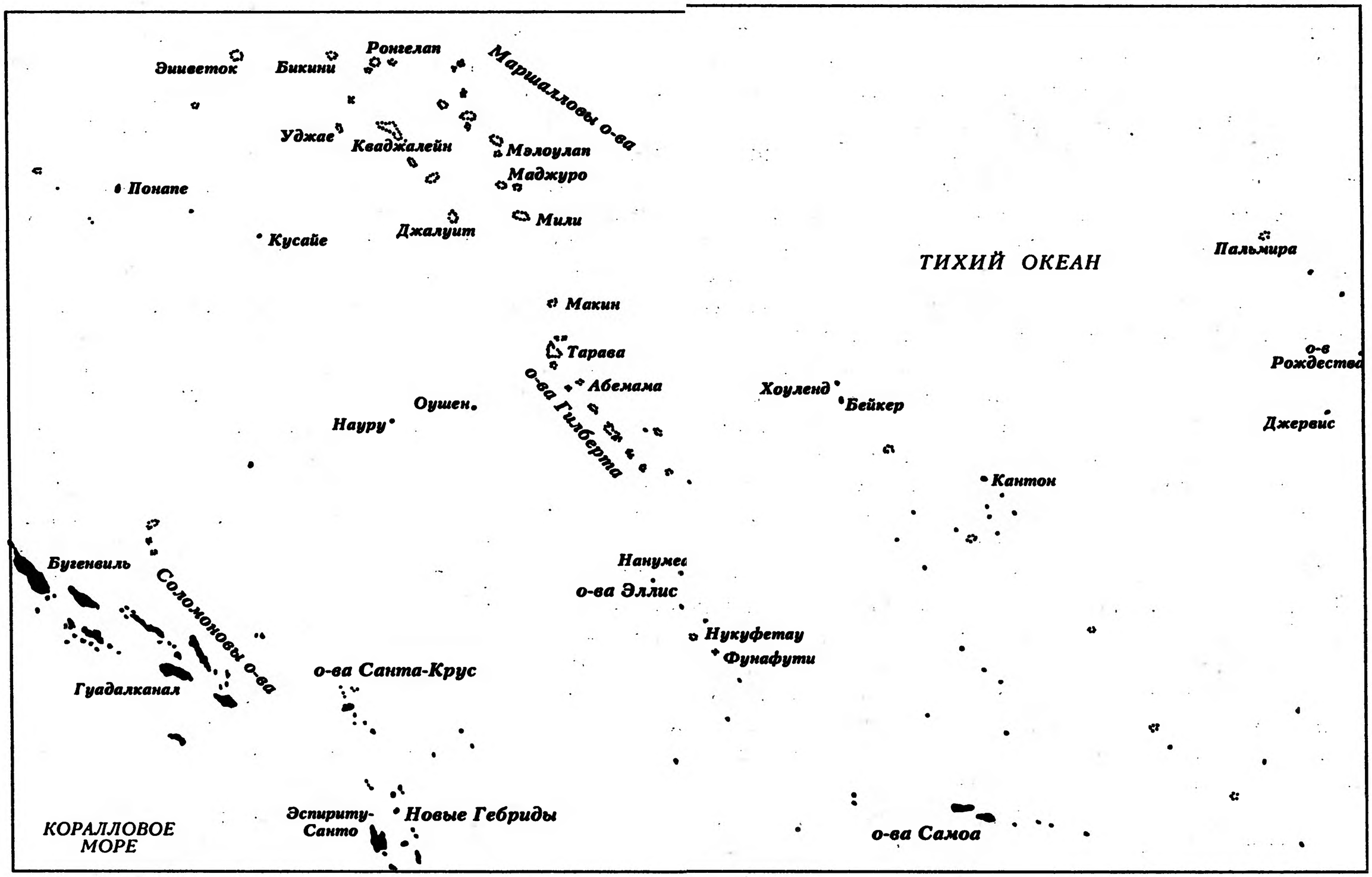
20 июля Объединенный комитет начальников штабов дал добро плану командования Тихоокеанским флотом, но они добавили к нему свой довесок. Они приказыва-

ли, чтобы Нимиц также захватил остров Науру, который, наконец, заняли японцы. «Захватите, займите, организуйте оборону и стройте базы на Науру и островах Гилберта»,— говорилось в новом приказе. К сожалению, Науру находился почти в 400 милях к юго-западу от Таравы. Ни Спрюэнс, ни Нимиц не хотели предпринимать одновременные нападения на точки, так далеко отстоящие друг от друга.

Тем временем, в конце июня Южно-Тихоокеанская группа войск под командованием Хэлси начала производить высадку на Нью-Джорджию и соседние острова в центральной части Соломоновых островов, а Юго-Западная группа войск под командованием Макартура высадилась на островах Вудларк и Киривина и в заливе Нассау, на северо-восточном побережье Новой Гвинеи. Эти действия не встретили никакого сопротивления, кроме некоторых легких воздушных налетов на войска, атаковавшие Нью-Джорджию. Вскоре после того как высадка на Нью-Джорджию была закончена, Келли Тернер передал командование Третьей десантной армией в руки контр-адмирала Теодора С. Уилкинсона и отправился в Перл-Харбор, чтобы принять участие в организации наступления амфибийных сил в центральной части Тихого океана.

На Нью-Джорджии американцам пришлось столкнуться с проблемой, которую японцам так и не удалось решить на Гуадалканале,— как захватить хорошо укрепленный аэродром. Для 32 000 американских солдат и 1700 морских пехотинцев потребовался месяц боев в джунглях, чтобы отбить аэродром Мунда у 5000 его защитников. Среди американцев, убитых в ходе операции на Нью-Джорджии, был друг адмирала Нимица и его сосед по дому доктор Жендро, которого штаб флота послал в Южно-Тихоокеанский сектор, чтобы проверить средства обслуживания и ухода за ранеными.

По предложению Нимица, Хэлси последовал примеру Кинкейда на Алеутских островах и, обойдя хорошо защищенный остров Коломбангара, высадился на практически незащищенном острове Велья-Лавелья, расположенном



Восточная Меланезия и восточная Микронезия.

дальше вверх по проливу Слот. 15 августа десантные силы Третьего флота Уилкинсона под прикрытием союзнических самолетов с аэродрома Мунда высадили отряды на берег в Велья-Лавелья, не встретив сопротивления со стороны сухопутных войск. При поддержке новозеландцев американцы разбили маленький японский гарнизон и построили взлетную полосу для истребителей, чтобы обеспечить прикрытие операции Хэлси по взятию Бугенвиля, намеченной на 1 ноября.

В течение марша Хэлси вверх по Соломоновым островам небольшая группа американских крейсеров и эсминцев провела ряд ночных сражений с восстановленным «Токийским экспрессом» и постепенно, с помощью улучшенного радара и боевого информационного центра, победила японцев с помощью их собственной тактики ночного боя. Первая безоговорочная победа американского надводного флота в ночном бою с японцами была одержана в сражении в заливе Велья 6–7 августа, в ходе которого американская оперативная группа эсминцев потопила три вражеских эсминца торпедами и орудийным огнем, а сама ушла невредимой.

15 августа, когда Южно-Тихоокеанские силы осуществляли захват Велья-Лавелья, Северо-Тихоокеанские силы под командованием Кинкейда атаковали Кыску. Чтобы захватить этот остров, было сосредоточено почти сто кораблей десантного флота, на которых размещались 29 000 американских и 5300 канадских солдат. После продолжительного обстрела войска достигли берега на десантных средствах. Их постигло самое большое разочарование за всю войну — они вообще не встретили никакого сопротивления. Под покровом тумана японцы эвакуировались с острова. Разведка союзников была опозорена, но все же это было большое облегчение — ведь потерь удалось избежать.

Очистив Алеутские острова от вражеских войск, Кинкейд, которого повысили до вице-адмирала, задался вопросом, что было уготовано дальше для него и его команды. Чувствуя, что было бы не очень удобно самому посылать запрос командованию Тихоокеанским флотом,

он решил вместо этого сделать запрос через своего адъютанта, коммандера Билла Левертона. Левертон, как было упомянуто, служил лейтенантом на крейсере «Огаста», когда Нимиц был его командиром. А впоследствии был помощником Нимица, и отношения между ними напоминали отношения отца с сыном. В течение многих лет они обменивались письмами каждые три или четыре месяца. Кинкейд предложил Левертону в его следующем письме к Нимицу осторожно спросить о будущих действиях Северно-Тихоокеанской группы войск.

— Просто спросите его, что планируется в нашем секторе,— сказал Кинкейд,— и что нам делать?

Левертон задал вопрос, и вскоре был получен ответ от главнокомандующего.

— Скажите Кинкейду,— писал Нимиц,— что я посылаю ему пакет, и там будет сказано, что ему делать».

Вскоре пакет прибыл. Собрался весь Северно-Тихоокеанский штаб, и Левертон открыл его. Там была только доска для криббеджа.

Кинкейд оставался в бездействии на Алеутских островах (возможно, играя в криббедж) до конца ноября, когда по запросу генерала Макартура он был переведен в Австралию, чтобы командовать Седьмым флотом. На посту командующего Северно-Тихоокеанскими силами его сменил вице-адмирал Фрэнк Джек Флетчер — который, по всей видимости, унаследовал и его доску для криббеджа.

Летом 1943 года адмирал Нимиц получил письмо от президента Рузвельта. «Дорогой Честер,— начиналось оно,— Элеонора решила, что она должна прибыть на Тихий океан. Я не одобряю ее решение. Если вы не хотите ее принимать, не принимайте». Ее главная цель состояла в том, чтобы посетить в качестве представителя Красного Креста больных и раненых в военных госпиталях юга и юго-запада Тихого океана. Адмирал Нимиц, конечно, сердечно пригласил миссис Рузвельт.

Ее вылет держался в большой тайне. Самолет первой леди Америки приземлился на аэродроме Хикэм в 6:00 утра 23 августа. Генерал-майор Уолтер О. Райен, который

командовал там, ожидая прибытия высокой гостьи на рассвете, решил развлечь ее за завтраком в своем доме и пригласил всех местных высокопоставленных офицеров, включая адмирала Нимица. Он также попросил Ламара прислать некоторых поваров адмирала, чтобы помочь с обслуживанием. Среди тех, кого послал Ламар, был Педро, повар адмирала Спрюэнса.

Нимиц пошел прямо с завтрака в кабинет, где сразу же просил Ламара послать за Педро. Ламар позвонил домой и узнал от главного стюарда, что Педро ушел в Гонолулу в увольнение. Последовали восемь часов беспокойного ожидания возвращения Педро. Дело в том, что за завтраком несколько человек подсунули миссис Рузвельт долларовые банкноты для автографа. Педро, у которого не нашлось доллара, сунул свою увольнительную, и она ее подписала. Если бы Педро остановил береговой патруль, о присутствии миссис Рузвельт на Тихом океане быстро бы стало известно всем.

Тем вечером миссис Рузвельт обедала в доме адмирала Нимица. Впечатлений Нимица от визита не сохранилось, хотя он наверняка писал об этом Кэтрин. Но у нас есть письмо адмирала Спрюэнса миссис Спрюэнс, в котором он написал: «Я имел удовольствие сидеть рядом с ней. Она очень проста, очаровательна и обладает восхитительным чувством юмора. Независимо от того, что мы думаем о возможности реализации ее идеалов, у нее они, конечно, есть, и она глубоко верит в изначальное совершенство обычного человека. Она — замечательная».

Адмирала Хэлси перед приездом Элеоноры в Нумеа одолевали мрачные предчувствия, но он был полностью покорен ее неутомимостью. Она подошла к каждой койке в нескольких госпиталях, нашла слова поддержки для каждого пациента и узнала имя и адрес каждого, чтобы написать семьям. И она действительно это сделала.

По ее возвращении на Гавайи миссис Рузвельт отправилась с адмиралом Нимицем в плавание до Перл-Харбора на его прекрасном темно-синем адмиральском катере. Команда, которая трудилась изо всех сил, чтобы содержать катер в безукоризненном порядке, перекраси-

ла его палубу красного дерева специально для этого случая. Миссис Рузвельт, не зная о трудах команды по случаю ее приезда, прибыла на борт в туфлях на высоком каблуке — и быстро испортила всю эту работу. Когда Нимиц заметил убийственные взгляды рулевого и команды, он постарался отвлечь ее внимание.

5 августа 1943 года адмирал Нимиц официально учредил Силы центральной части Тихого океана, или американский Пятый флот[1], назначив адмирала Спрюэнса его командующим. Говорят, что кто-то в штабе командования заметил: «Адмирал думает, что теперь Рэймонда уже можно отпустить. Он повлиял на него так сильно, что теперь они думают и говорят абсолютно одинаково». На посту начальника штаба Тихоокеанского флота Спрюэнса сменил контр-адмирал Сок Макморрис по прозвищу «Призрак Оперы», недавно возвратившийся с Алеутских островов. Как и Спрюэнс до него, Макморрис поселился в одном доме с Нимицем.

Назначение адмирала Спрюэнса командующим Пятым флотом разбило последнюю надежду адмирала Тауэрса на этот пост. Он продолжал надеяться на пост командующего авианосцами, но 6 августа Нимиц объявил контр-адмирала Чарльза («Лысого») Паунэлла командующим флотилией быстроходных авианосцев — таким образом оставив Тауэрса вообще ни с чем.

24 августа десантный компонент Пятого флота был назван Пятой десантной армией, а ее командующим был назначен контр-адмирал Тернер. Во время десантной операции командованию этого соединения подчинялись бы транспорты, грузовые суда, десантные корабли, а также корабли поддержки — такие, как старые линкоры,

---

[1] Первоначально название «Американский Пятый флот» относилось только к *кораблям* сил центральной части Тихого океана. В начале 1944 года это понятие стало шире и включало десантные отряды и самолеты наземного базирования, и название «Силы центральной части Тихого океана» использовать перестали. Для простоты с этого момента в данной книге название «Пятый флот» используется в широком смысле.

крейсеры, эсминцы, эскортные авианосцы и минные тральщики. Десантные отряды Пятого флота получили название V десантного корпуса, он был создан 4 сентября, во главе его стоял генерал-майор Холланд Смит. Наконец, у Пятого флота были свои собственные военно-воздушные силы берегового базирования под командованием контр-адмирала Джона Х. Хувера. Таким образом, это соединение, включавшее армию, флот и морскую авиацию, должно было поддерживать авианосцы, выполняющие разведку перед вторжением и совершающие рейды к целям или прилегающей к ним акватории.

Решение адмирала Нимица о назначениях на эти важные посты вызвало немедленную и продолжительную критику. Он выбирал людей, которых считал наиболее подходящими для той или иной задачи, не портя их отношений с сослуживцами. Критики отмечали, что в командовании было только два морских летчика, Паунэлл и Гувер, и ни одного армейского офицера, хотя удар по Науру было поручено нанести 27-й пехотной дивизии, заменившей 1-ю дивизию морской пехоты. В Перл-Харборе основным представителем военно-морских летчиков был, конечно, адмирал Тауэрс; для армии же таким человеком был генерал-лейтенант Роберт К. Ричардсон.

Генерал Ричардсон сменил генерала Эммонса в качестве верховного командующего Гавайского района — учреждения, ориентированного на оборону. Поскольку Центрально-Тихоокеанский сектор готовился к новому наступлению, адмирал Нимиц получил для Ричардсона дополнительную должность — командующим силами армии США в Центрально-Тихоокеанском секторе. В этом качестве Ричардсон был ответственен за руководство и обучение, но не за действия всех базировавшихся там подразделений армии США, наземных и воздушных.

Ричардсона беспокоило то, что армейские ВВС подчинялись морскому офицеру Гуверу, а армейские наземные силы — Холланду Смиту, офицеру морской пехоты. Ни один из этих офицеров, как он считал, не был достаточно знаком с армейской доктриной. Ричардсон наконец убедил Нимица назначить армейского офицера, генерал-

майора Уиллиса Хэйла, командующим оперативной группой, состоящей из армейских воздушных подразделений. Нимиц не видел причины вносить какие-либо изменения в структуру командования 27-й дивизией, у которой был собственный командир, генерал-майор Ральф Смит.

Самолюбие адмирала Нимица было особенно уязвлено, когда адмирал Гарри Э. Ярнелл, ушедший в отставку, но недавно вновь призванный на действительную службу в Морской департамент, в обход командования Тихоокеанского флота послал командующим войсками сектора и военно-морским летчикам циркуляр, запрашивая их мнения относительно назначения командующих и использования авианосцев. Разумеется, летчики ответили, что планы командования флота относительно использования авианосцев слишком сосредоточены на обороне и что во всех командных структурах — или, по крайней мере, в штабе — должны присутствовать представители авиации. Контр-адмирал Фредерик Шерман[1], командующий силами авианосцев под началом Хэлси, весь изошелся в критических замечаниях, назвав применявшиеся организацию и методы ведения морской войны устаревшими. Он рекомендовал заменить Кинга[2], Нимица, Спрюэнса и всех не имеющих отношения к ВВС командующих общевойсковых соединений, включавших авиацию, летчиками действительной службы.

Как раз в это время адмирал Тауэрс по просьбе Нимица сделал предложение относительно применения быстроходных авианосцев. Авианосцы, писал Тауэрс, должны были возглавить флот, атакуя врага на земле и на море, и должны были обеспечить воздушную поддержку остального флота и десантных операций. И все бы хорошо, но потом Тауэрс перешел к вопросам командования. Командующие флота, утверждал он, должны быть летчиками или иметь летчиков на ключевых позициях

---

[1] Не имеет никакого отношения к коммодору Форресту П. Шерману, упомянутому выше.

[2] Адмирал Кинг обучался вождению самолета, но он не был *практикующим* летчиком.

в штабе. Пятым флотом должен командовать либо сам Тауэрс, либо какой-нибудь другой военно-морской летчик типа Фитча, или, по крайней мере, начальником штаба Спрюэнса должен быть летчик.

Высказывания Тауэрса о командовании, появившиеся сразу после директивы Ярнелла, разозлили Нимица. Он послал за Тауэрсом и в довольно резком тоне сообщил ему, что его рассуждения зашли не туда и что именно Спрюэнс, и никто другой, должен был командовать Пятым флотом. «Грубо говоря,— писал Тауэрс Ярнеллу,— он так среагировал потому, что я не понимал толком, о чем говорил».

Но Нимиц не был бы собой, если бы не прислушался к голосу разума. А сторону Тауэрса принял один из самых логичных людей — его начальник штаба, коммодор Форрест Шерман, которого Нимиц любил и уважал. Неизвестно, действительно ли Шерман действовал как посредник в этом споре, но спустя несколько дней после того выговора Нимиц пригласил Тауэрса присоединиться к нему и Спрюэнсу в обсуждении адмиралов — командующих авианосцами и новых назначений. Так летчиков в конце концов допустили к планированию операций. Он снова подал просьбу о должности, связанной с выходом в море и подходящей ему по званию, но он уже начинал подозревать — и, вероятно, не без оснований,— что Кинг попросил Нимица держать его на берегу.

Первым практическим шагом Спрюэнса в ходе подготовки к операции по захвату Науру и островов Гилберта под кодовым названием «Гальваник» была длительная поездка по Тихоокеанским базам вместе с коммодором Карлом Муром, не летчиком, которого Спрюэнсу удалось уговорить занять должность его начальника штаба. Они посетили Уполу-пойнт, остров Кантон и атолл Фунафути, чтобы изучить окаймляющие их коралловые рифы, подобные которым должны будут пересечь десантные отряды при высадке на острова в центральной части Тихого океана. В Нумеа они совещались с адмиралом Хэлси и его новым начальником штаба, контр-адмиралом Робертом Б. («Миком») Кэрни. Из

Новой Каледонии они вылетели в Новую Зеландию, чтобы посетить 2-ю дивизию морской пехоты, готовящуюся к броску на Тараву, и встретились с ее командиром, тихим, внушительным генерал-майором Джулианом К. Смитом. Морские пехотинцы Смита, ветераны Гуадалканала, очень нуждались в десантной технике различных видов для обучения и тренировок, особенно им были нужны гусеничные амфибии — универсальные приземистые десантные машины, которые могли плавать по воде, подниматься вверх по рифам и развивать скорость 15 миль в час на сухом грунте. По пути назад в Перл-Харбор, Спрюэнс и Мур посетили Гуадалканал и остановились в Эспириту-Санто, чтобы встретиться с контр-адмиралом Гарри В. Хиллом, который должен был командовать силами десанта на Тараву.

Когда генерал Холланд Смит 5 сентября прибыл на Гавайи из Штатов, в аэропорту его встречал адмирал Тернер. По такому случаю Тернер превратился в образец старосветской любезности, и Смит вел себя почти так же. Однако как только эти практичные, прямолинейные громогласные воины начали работать вместе, они начали полностью соответствовать их прозвищам «Ужасный» и «Вопль». Каждый имел его собственное понятие о том, как проводить высадку десанта и кто должен командовать, и сначала ни один не был готов уступить ни на дюйм.

Большой опыт Смита в десантных учениях наконец позволил ему заставить Тернера, скрепя сердце, принять методы морской пехоты, но когда они начали выяснять, кто, кем и когда должен командовать, совещание чуть не зашло в тупик. Тернер настаивал, что, пока отряды находятся на его кораблях и на его десантной технике, они подчиняются ему — как во время десантных учений, так и во время фактических действий. Генерал Ричардсон усложнил ситуацию, указывая, что обучение всех солдат на Тихом океане — *его* обязанность. Он утверждал, кроме того, что он должен руководить 27-й дивизией во время вторжения. И без того раздраженный спором, Смит расстроился еще сильнее, потому что его

морские пехотинцы находились в далекой Новой Зеландии, а 27-я дивизия представлялась ему как жалкая горстка пожилых офицеров и тоскующих по дому солдат. В конце концов он раздраженно отмахнулся.

— Все, что я хочу сделать,— убить парочку япошек! — взревел он.— Только дайте мне винтовку! Я не хочу быть генералом! Просто дайте мне винтовку, и я пойду туда и пристрелю парочку япошек. Мне больше ничего не нужно!

Ричардсон попросит Нимица решить, насколько широки будут его полномочия. Командующий ответил, что все войска, участвующие в операции «Гальваник», находятся под командованием Холланда Смита и должны быть обучены им. Ричардсон, не удовлетворенный этим ответом, обратился через голову Нимица к генералу Маршаллу. Маршалл поддержал Нимица. «Точное разграничение полномочий между Вами и командующим флотом,— говорилось в депеше Маршалла,— во всех случаях определяется командующим после консультации с вами, его армейским советником».

В итоге Тернер и Холланд Смит с помощью Карла Мура с большим трудом уладили их разногласия. На период учений у всех них были равные обязанности и полномочия. Во время нападения, когда войска будут либо на кораблях, либо на какой-нибудь стадии высадки, осуществлять руководство операцией будет Тернер. Когда Смит организует штаб на берегу, он примет командование высадившимися войсками. Совещание закончилось удачно, но между людьми с такими импульсивными характерами, как у Тернера и Смита, произошло еще много бурных сцен.

Генерал Ричардсон никак не мог смириться с мыслью, что солдатами будет командовать генерал морской пехоты. Он считал 5-й десантный корпус просто очередным эшелоном, с которым приходится иметь дело. Его устранение от участия в операции, считал он, ничуть не повлияет на ее ход. Он считал свой собственный штаб гораздо более приспособленным для командования и управления экспедиционными отрядами. Несмотря на

различия во мнениях, его отношения с Нимицем оставались сердечными, но Ричардсон продолжал критически относиться к действиям генерала Холланда Смита. Вопросы командования и отношений между родами войск таким образом стали чем-то вроде бомбы с часовым механизмом, которая могла взорваться в любой момент.

Когда генерал Холланд Смит увидел фотографии и карты Науру, место ему сразу же не понравилось. Это был почти круглый остров, а не атолл, с узким пляжем, за которым шла стена утесов. Рельеф острова был холмистый, всюду были ямы и пещеры, которые легко было оборонять. Такое их количество было обусловлено добычей фосфатов. Смит сомневался, что 27-я дивизия сможет его взять. Так или иначе, имеющихся транспортов было явно недостаточно для того, чтобы перебросить всю эту дивизию и 2-ю дивизию морской пехоты — и та, и другая были необходимы для взятия Таравы.

Тернер на этот раз согласился со Смитом, и оба пошли к Спрюэнсу с их возражениями. В нем они нашли благодарного слушателя, потому что командующий Пятым флотом не видел никакого способа охватить такие отделенные друг от друга цели, как Науру и Тарава. Японцы могли нанести удар по его силам на Науру с Трука, в то время как остальные его корабли должны поддерживать наступление на Тараву на расстоянии в 380 миль. Спрюэнс предложил Нимицу отменить Науру и взамен занять Макин, который был менее чем в 100 милях от Таравы, но Нимиц отказался вносить столь важное изменение до его предстоящей встречи с Кингом.

При подготовке к очередному совещанию главнокомандующего ВС США и командующего Тихоокеанским флотом, которое устраивалось дважды в месяц и должно было начаться в Перл-Харборе 25 сентября, Спрюэнс попросил Смита тщательно подготовить доклад на основе его рекомендаций и аргументов, с которыми были согласны и Тернер, и Спрюэнс. Когда адмирал Кинг прибыл и вместе с адмиралом Нимицем и офицерами его штаба в зале заседаний командования Тихоокеанским флотом, Спрюэнс передал доклад Смита

Нимицу, который прочитал его и передал Кингу. Когда тот закончил читать, он спросил у Спрюэнса:

— Что вы предлагаете взять вместо Науру?

— Макин,— ответил Спрюэнс и привел дополнительные аргументы, чтобы произвести нужное впечатление на Кинга. Макин, достаточно большой для базы бомбардировщиков, был расположен на 100 миль ближе, чем Тарава, к Маршаллам, следующей цели кампании. Науру было бы бесполезно для американцев, а после занятия американцами островов Гилберта он перестал бы представлять ценность и для японцев, потому что американские самолеты с островов могли бы постоянно держать его под обстрелом.

Кинг насмешливо взглянул на Спрюэнса, но сказал, что он будет рекомендовать замену цели Объединенному комитету начальников штабов.

Второй день совещания был посвящен планированию захвата Маршалловых островов. Объединенный комитет наметил нападение на начало 1944 года, но еще не уточнили, какие именно из Маршалловых островов нужно занимать. Командующий флотом и его штаб одобрили Кваджалейн, Мэлоулап и Вотье. Нимиц предупредил офицеров, что Кингу список должен быть представлен от имени всего штаба, чтобы быть более убедительными и избежать длительных дебатов или очередных сюрпризов Кинга, которые могли испортить весь план.

Спрюэнса не вполне устраивал план, разработанный в штабе. При взятии Кваджалейна, самого большого атолла Тихого океана, была нужна самая сильная поддержка авиации наземного базирования. Поэтому он хотел сначала взять небольшой атолл Уджаэ, около Кваджалейна, чтобы обеспечить дополнительный аэродром. Зная, что было бы довольно трудно изменить тщательно продуманный план командующего флотом в одиночку, Спрюэнс решил высказать свою идею перед адмиралом Кингом во время совещания. Позже оказалось, что Спрюэнс не может присутствовать на совещании 26-го числа, так что он послал коммодора Мура, который должен был выступить от его имени и выставить его рекомендацию на обсуждение.

Конференция, к удовольствию Нимица, проходила гладко, штаб командования Тихоокеанским флотом действовал сплоченно, и тут речь зашла про Кваджалейн. В этот момент Мур объявил, что Спрюэнс хочет захватить Уджаэ. Среди офицеров штаба повисло молчание, и Нимиц бросил на Мура испепеляющий взгляд — это холодное синее пламя могло заставить задрожать даже очень сильного человека. Спокойным тоном выразил он свое негодование по поводу «предательства» Мура. «Теперь,— закончил он,— вы приходите и выдвигаете совершенно абсурдное предложение». Мур ответил, что он только выполняет распоряжения Спрюэнса.

На лице Кинга появилась непривычная усмешка. Он начинал сомневаться в красивом единодушии среди офицеров штаба. Теперь он имел возможность лишний раз подколоть Нимица.

Мур сообщил Спрюэнсу о реакции главнокомандующего. «Ничего,— сказал Спрюэнс.— Я это улажу». И он отправился в кабинет Нимица.

Нимиц никогда не поднимал вопрос снова. По всей вероятности, он начал находить смешное в создавшейся ситуации и сам удивлялся собственному замешательству. Так или иначе, ничего не было потеряно. Кинг подтвердил, что в первую очередь должны быть взяты Кваджалейн, Мэлоулап и Вотье, а 27 числа прибыла депеша от Объединенного комитета начальников штабов, одобряющая замену Науру на Макин. Как было отмечено ранее, главной целью в атолле Макин был остров Бутаритари. Кинг и Нимиц провели весь день, обходя Мидуэй по хлюпающей грязи под проливным дождем, осматривая субмарины, самолеты и средства обороны.

После принятия решения о взятии Макина вместо Науру был пересмотрен весь план операции. В результате участие 27-й дивизии было сведено к одному 165-му полку, который будет увеличен до 6500 человек, чтобы сформировать полковую боевую единицу. Это казалось вполне достаточным, чтобы занять такой маленький остров, как Бутаритари, на котором, по предварительным оценкам, находилось от 500 до 800 человек, причем солдатами из них

были меньше половины. Этот большой перевес в силе должен был гарантировать завоевание острова за один день так, чтобы можно было быстро освободить корабли поддержки.

Адмирал Тернер первоначально собирался захватить Науру своими силами, так как этот атолл выглядел более неприступным, чем Тарава, и располагался намного ближе к Труку, где базировался японский Объединенный флот. Когда Науру заменили на Макин, он решил, что не будет тревожить адмирала Хилла в его приготовлениях к атаке на Тараву и вместо этого уделит больше внимания Макину.

Планирование шло полным ходом. Операция была назначена на 19 ноября (дата по времени Перл-Харбора). Все эшелоны работали одновременно, а разведка трудилась над «Книгой разведданных», содержавшей все, что можно было узнать об островах Гилберта,— от карты, истории и сведений о прежних обитателях до данных подводной и воздушной разведки.

Особенность командования Тихоокеанским флотом состояла в том, что большая часть планов создавалось, уточнялось и утверждалась устно, при этом офицеры стояли перед настенными картами, собирались в коридорах, в кабинете Нимица или вокруг столов переговоров. Эта необычная система, без сомнения, возникла из-за того, что и Нимиц, и Спрюэнс предпочитали произносить свои мысли вслух перед изложением их на бумаге. На основе таких предварительных обсуждений команды подготавливали исследования на тему «как сделать это». Потом они объясняли свои идеи адмиралу Нимицу, который выбирал ту, которую считал лучшей, и передавал ее своим ближайшим подчиненным. Эти подчиненные назначали различные стадии стратегии планирования, тактику и логистику *своим* подчиненным, которые готовили письменные планы и передавали их обратно по командной цепочке для обсуждения, изменений и, наконец, координации с другими планами.

Офицеры часто работали до полуночи. У Нимица и Спрюэнса был нормальный рабочий день, но они, как

правило, держались в стороне от планирования. Они, как и раньше, совершали долгие прогулки, а вечером читали, слушали музыку или развлекали гостей. Так они сохраняли ясность ума, которая была им нужна для ежедневной работы и для решения будущих проблем. Нимиц обдумывал будущую высадку на Маршалловы острова и дальнейшее наступление, но он всегда был готов ответить на любые вопросы по планированию. Даже когда он был госпитализирован в конце октября с острым простатитом, каждый день приходили десятки офицеров, чтобы получать указания и уточнения, сидя у койки адмирала.

Заключительные десантные учения экспедиционных отрядов проводилось командирами подразделений, а учения 27-й дивизии — под общим руководством командующего Пятой десантной армией и командующего V десантным корпусом. Так как эти командующие были слишком заняты, чтобы лететь в Новую Зеландию, генерал Джулиан Смит и офицеры его штаба прибыли в Перл-Харбор, чтобы пройти «идеологическую обработку» у Холланда Смита и Тернера. Адмирал Хилл, командующий Южным ударным соединением, отправился в Новую Зеландию. Позже он привел 2-ю дивизию морской пехоты на остров Эфате в Новых Гебридах — для последней репетиции высадки.

В конце августа оперативное соединение из трех авианосцев под командованием адмирала Паунолла совершил рейд на остров Маркус, уничтожив семь самолетов и причинив тяжелые повреждения сооружениям авиабазы. 18 и 19 сентября самолеты от другой группы из трех авианосцев присоединились к бомбардировщикам Седьмой воздушной армии с Кантона и Фунафути в ряде рейдов на острова Гилберта. Важным результатом рейда было то, что японцы убрали все свои самолеты с Таравы и все гидропланы с Макина, кроме четырех. Кроме того, защитники израсходовали большое количество боеприпасов, быстро пополнить запасы которых они не могли. С одного из самолетов были сделаны очень ценные фотографии побережья, где будет производиться высадка. 5 и 6 октября самолеты с группы из

шести авианосцев нанесли шесть воздушных ударов, а затем атолл был обстрелян крейсерами и эсминцами.

Главная цель этих рейдов состояла в том, чтобы дать «разминку» экипажам авианосцев и потренироваться в стрельбе по движущимся мишеням. Атака также стала испытанием для новых истребителей «Хеллкэт», пикирующих бомбардировщиков «Хеллдайвер» новых групп авианосцев. Теория, проверка которой осуществлялась новыми группами, заключалась в том, что было желательно использовать несколько авианосцев в одной группе прикрытия и ставить обороноспособность в зависимость не от маневров, как раньше, а от сконцентрированных боевых воздушных патрулей и наведение противовоздушного огня по пеленгу.

9 октября на встрече в штабе Тихоокеанского флота была показана киносъемка атак на остров Маркус и атолл Уэйк. Адмирала Нимица и его штаб впечатлило то, что авианосец может не только служить базой во время боевых действий в воздухе, но и защитить себя. Летчики — командующие авианосцев и групп авианосцев — показали удивительные навыки как в управлении кораблями, так и в управлении самолетами.

Спустя три дня после демонстрации фильма Нимиц попросил Тауэрса остаться после показа на следующей утренней конференции. Офицер штаба, ответственный за планирование, коммодор Джеймс М. Стил, был переведен на службу на боевой корабль, сказал Нимиц и попросил Тауэрса выдвинуть ему на замену офицера авиации.

Офицер авиации! Тауэрс был приятно удивлен этой уступке летчикам. Он назвал контр-адмирала Артура В. Рэдфорда, коммодоров Форреста Шермана и Дональда Дункана. Нимиц не согласился с кандидатурой Дункана, так как считал, что он не имеет достаточного опыта ведения боевых действий на море. Потом он спросил Тауэрса, который из остальных больше соответствовал должности. Тауэрс, желая подстраховаться, сказал, что назвал их в порядке старшинства.

— Кого вы взяли бы на моем месте? — спросил Нимиц.

Тауэрс неохотно назвал Шермана, его собственного начальника штаба. Потом он добавил, что, если будет выбран Шерман, то он хотел бы, чтобы один из двух других заменил бы его на посту начальника штаба. Нимиц согласился и приказал, чтобы немедленно после завершения операции «Гальваник» Шерман был назначен ответственным за планирование, а Рэдфорд — начальником штаба Тауэрса. До того момента Рэдфорд должен был командовать одной из групп авианосцев в нападении на острова Гилберта.

Действия авианосцев продемонстрировали скептически настроенным офицерам возможность силами этих кораблей наносить мощные удары по вражеским базам. Летчики настаивали, что авианосцы должны передвигаться по району боевых действий, нанося удары по всем точкам дислокации самолетов наземного или морского базирования, которые могли бы помешать американским силам нападения. Тернер, напротив, хотел, чтобы авианосцы оставались около мест высадки. Спрюэнс почувствовал, что должен поддержать Тернера. Тауэрс, расстроившись, решил послать Паунэлла и Рэдфорда с жалобой к Нимицу, который тогда находился в госпитале. Спрюэнс пошел на компромисс. Он допустил лидирующую роль авианосцев в нападении на японские авиабазы, но после начала атаки на Макин и Тараву они должны были поддерживать высадку десанта и хотя бы отчасти защищать береговые плацдармы.

Нимиц и Спрюэнс ожидали и очень надеялись, что нападение на острова Гилберта подтолкнет Объединенный флот выйти из Трука и начать сражение. В его «Общих инструкциях штабным офицерам» Спрюэнс писал:

> «Если... основной части японского флота придется столкнуться с силами, задействованными в операции “Гальваник”, очевидно, что поражение вражеского флота сразу стало бы неизбежным... Разрушение значительной части японских военно-морских сил... приблизило бы нашу победу в

войне... В течение всей операции мы должны быть готовы к введению флота в бой».

Так как угроза проведению операции «Гальваник» исходила и с моря, и с воздуха, Спрюэнс предложил захватить намеченные острова с «молниеносной скоростью» и быстро увести корабли и суда от береговых плацдармов. Чтобы достигнуть максимальной быстроты, он хотел получить в свое распоряжение все доступные силы, включая группу авианосцев Тэда Шермана в Южной зоне Тихого океана. В нападении на острова, не считая судов обслуживания и гарнизонных групп, должны были участвовать 5 новых и 7 старых линейных кораблей, 6 больших авианосцев, 5 легких авианосцев, 8 эскортных авианосцев и 100 других кораблей. Адмирал Тауэрс ворчал: «Спрюэнс пытается забить гвоздь с помощью кувалды».

Наконец планы операции были составлены и скоординированы. Полный план Пятого флота, составленный главным образом коммодором Муром и разместившийся более чем на 300 страницах, был представлен в общих чертах перед адмиралом Нимицем и его штабом в штабной комнате для военных игр. Доклад был длинным и запутанным, часто прерывался вопросами и критическими замечаниями, но когда он закончился — и командующий, и штаб знали, что намеревается сделать Пятый флот, а Пятый флот мог учесть сделанные замечания. План можно было теперь подвергнуть заключительному пересмотру, распечатать и раздать.

Когда планы операции «Гальваник» уже казались четкими и улаженными, ситуация на юге чуть не разрушила его расписание. Хэлси, готовивший вторжение на остров Бугенвиль в районе мыса Торокина, всего в 200 милях от Рабаула, попросил у Нимица разрешение задержать группу авианосцев Шермана чуть подольше, а также предоставить ему еще одну группу авианосцев. Нимиц выполнил оба запроса при условии, что эти две группы смогут достичь островов Гилберта к началу операции «Гальваник». Третья десантная армия Хэлси

вторглась на Бугенвиль 1 ноября, авианосцы Шермана нанесли удар по Рабаулу 5-го числа. Дополнительная группа авианосцев под командованием контр-адмирала Альфреда Монтгомери присоединилась к группе Шермана во второй атаке Рабаула 11 ноября. В ходе этих действий было подбито так много японских самолетов морского базирования, что американцы начали надеяться, что недостаток воздушного прикрытия лишит Объединенный флот возможности выступить против нападений на острова Гилберта.

Поскольку не было никакой уверенности, что две группы авианосцев, данные Хэлси взаймы, придут в Центрально-Тихоокеанский сектор вовремя, Нимиц 5 ноября предписал Спрюэнсу готовить дополнительный план, основанный на условии, что в операции будут участвовать только две группы прикрытия. Чтобы иметь немного времени в запасе, Спрюэнс отложил день начала операции до 24 часов 20 ноября.

Штаб Пятого флота в кратчайшие сроки разработал дополнительный план. Если бы заимствованные группы авианосцев не возвратились вовремя, десант захватил бы сначала Тараву, а потом Макин. При каждом рейде должна была быть обеспечена поддержка двух групп прикрытия. Так как Спрюэнс не мог знать до выхода в море, на какое количество авианосцев он может рассчитывать, и он не хотел обнаружить себя при подходе к цели, нарушая радиомолчание, он попросил Нимица объявить флоту по радио, который из двух планов следует исполнять.

За день до того как основная часть Пятого флота прибыла из Перл-Харбора, Нимиц собрал старших командующих флота, армии и морской пехоты и излагал план операции почти час. Офицеры, привыкшие к приветливому Нимицу, изумились его строгости. Он был не просто строг, но убийственно серьезен. «Если я услышу хотя бы об одном случае, когда морской офицер не оказывает требуемую помощь армии на берегу,— сказал он,— я немедленно его разжалую».

Окончив лекцию, он резко произнес: «Это — все, господа». Потом, широко улыбнувшись, сказал: «Между

прочим, вы слышали историю про двух белок-самцов, гонявшихся друг за другом вокруг каштанового дерева?»

Как Нимиц, без сомнения, и ожидал, его адмиралы и генералы повторили отдельные части его лекции своим подчиненным, не забыв под конец рассказать последнюю историю «Старика» — которая, таким образом, распространялась до тех пор, пока ее не услышал каждый человек на флоте.

К середине ноября весь Пятый флот был в море. Из Перл-Харбора вышло Северное ударное соединение под непосредственным командованием адмирала Тернера и двинулось в направлении Макина. Из Перл-Харбор также вышли две группы авианосцев под командованием адмиралов Паунэлла и Рэдфорда. Флагманский корабль Спрюэнса, тяжелый крейсер «Индианаполис», вышел вместе с Северным ударным соединением. Рядом шла «Пенсильвания» с адмиралом Тернером, генералами Холландом Смитом и Ральфом Смитом на борту. С Новых Гебрид прибыло Южное ударное соединение, шедшее к Тараве. Его командующий, адмирал Хилл, находился на борту «Мэриленда». С Соломоновых островов через Новые Гебриды, и строго вовремя, прибыли группы авианосцев Шермана и Монтгомери. Авианосцы Шермана разнесли Науру, а Паунэлл совершил рейд на южные Маршалловы острова. На рассвете 20 ноября все силы находились на своих позициях в архипелаге Гилберта.

Глава 17

«ГАЛЬВАНИК» И «ФЛИНТЛОК»

Адмирал Нимиц предписал старшим офицерам, участвовавшим в операции «Гальваник», сообщать в штаб командования Тихоокеанского флота всю информацию о важнейших радиосообщениях от их непосредственных начальниках. Из этого источника и из случайного прямого сообщения от Спрюэнса он своевременно узнал, что штурм атолла Макин начался удачно, в то время как войска, высадившиеся на Тараве, встретились с сопротивлением.

В середине утра 20 ноября Тернер, находившийся в районе атолла Макин, уведомил Спрюэнса: «Войска высадились на атолл в районе Красного пляжа в запланированное время, в 8:30, и продвигаются в глубь территории. Сопротивления не встретили». Немного позже Спрюэнс, который находился на «Индианаполисе» у атолла Тарава, сообщил Нимицу, что первая волна десанта достигла берега только в 9:13 утра, почти на 45 минут позже назначенного времени.

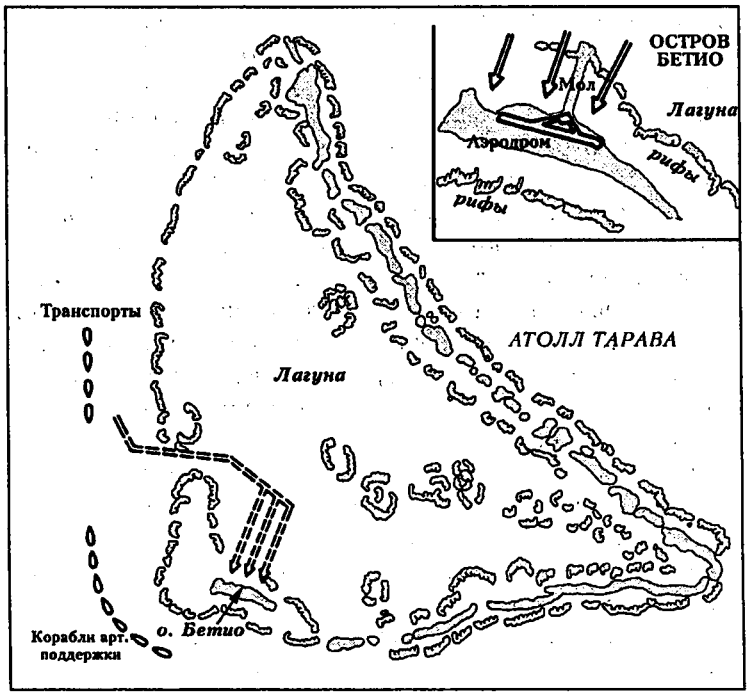
Вскоре после 13:00 Хилл, также находившийся на борту одного из кораблей у

берегов Тарава, сообщил Тернеру: «Успешно прошла высадка на пляж Красный 2 и пляж Красный 3. Опорный пункт на пляже Красный 1. Ввожу в операцию десантную команду из резерва дивизии. Все еще сталкиваемся с ожесточенным сопротивлением на всех направлениях». То, что в действие уже приводились резервы, означало серьезные неприятности. Полчаса спустя, в сообщении, которое заканчивалось зловещими словами: «Исход битвы остается неясным», Хилл передал Тернеру запрос генерала Джулиана Смита о введении в бой резерва корпуса. Тернер быстро дал добро.

Сообщение Хилла шокировало штаб. Штабные офицеры вспомнили, что точно такой же фразой — «Исход битвы остается неясным» —заканчивалось предпоследнее сообщение от командующего гарнизоном на острове Уэйк; вскоре после этого остров заняли японцы. Адмирал Нимиц сидел спокойно, не показывая никакого беспокойства, но было очевидно, что он был глубоко встревожен. Наконец он спокойным голосом сказал: «Я направил туда все силы, которыми мы располагали, а это немало. Я не вижу, что могло бы помешать нашему успеху».

Вскоре после 19:00 Тернер сообщил Спрюэнсу о ситуации на атолле Макин в конце дня: «Продвижение достаточное. Произошло соединение сил от Красного и Желтого пляжей. В наших руках приблизительно половина острова Бутаритари. На восточном направлении все еще продолжается сопротивление противника... Потери незначительные». На самом же деле продвижение было нисколько не достаточным. Нимиц приказал, чтобы десантные силы «вывернули этот ад наизнанку». Ввиду огромного численного преимущества союзников Нимиц рассчитывал завоевать этот небольшой остров за один день, и после этого увести флот в более безопасные воды.

На узком острове Бетио две мили длиной в атолле Тарава, согласно имевшимся данным, было намного больше неприятельских военных формирований и средств обороны, чем на Бутаритари, но для захвата этого острова в распоряжении союзников была целая дивизия закаленных в боях морских пехотинцев, и командующий на-



Штурм Таравы 20 ноября 1943 года.

деялся, что остров также можно завоевать за один день. Из вечернего сообщения Хилла Тернеру стало ясно, что остров все еще совсем не завоеван: «За весь день высота прилива не позволяла плавсредствам подойти к берегу. Потери среди легких десантных машин значительные, в результате чего на береговом плацдарме на всех Красных пляжах не удалось закрепиться дальше опорного пункта на мелководье. Все еще существует небольшой разрыв между 1-м и 2-м Красными пляжами. В действие введены две боевых команды. Артиллерия и запасы продовольствия на берег до сих пор не поступили».

Очевидно, сведения штаба командования о приливах на Тарава были неверны. Тернера не слишком волновал тот факт, что у него нет достаточного количества легких десантных машин для высадки всех сил и

придется использовать также десантные катера. Ожидалось, что высадка будет производиться в часы максимального прилива, и катера смогут миновать риф и подойти к пляжу. Однако вода стояла настолько низко, что десантные отряды были вынуждены высадиться на краю рифа и пробираться к пляжу под огнем противника.

Несмотря на труднопреодолимую линию обороны и ожесточенное сопротивление противника, американские силы на Бетио слились, и к ночи у командующего уже были основания для сдержанного оптимизма. «Продвижение в течение дня было небольшое,— говорилось в сводке командования,— но, поскольку высадилось приблизительно 5000 человек, предполагается, что операция закончится успешно».

В 19:00 радиостанция Перл-Харбор перехватила сообщение адмирала Монтгомери Спрюэнсу, из которого явствовало, что группа авианосцев под командованием Монтгомери только что подверглась воздушному нападению, в ходе которого вражеским самолетом-торпедоносцем было нанесено повреждение легкому авианосцу «Индепенденс». Крейсер и два эсминца остались, чтобы взять его на буксир, а остальные корабли ушли на юг.

На следующий день, после утреннего совещания штаба, адмирал Нимиц по просьбе адмирала Тауэрса созвал офицеров штаба, чтобы сделать выводы из торпедирования «Индепенденса». Японцы преуспели в обнаружении групп авианосцев, сказал Тауэрс, потому что эти корабли вынуждены были находиться вблизи от береговых плацдармов. Заручившись поддержкой Сока Макморриса и Форреста Шермана, он решил потребовать у Спрюэнса предоставить авианосцам больше свободы. Ограничения Спрюэнса, в конце концов, базировались главным образом на опасении относительно нападения вражеских авианосцев. Теперь оснований для таких опасений практически не было. Объединенный флот все еще уютно стоял на якоре в Труке и, судя по всему, не собирался оттуда уходить.

Тауэрс хотел, чтобы американские авианосцы немедленно шли на север, чтобы нанести мощные удары по

тем авиабазам на северных Маршалловых островах, которые еще не обстрелял Паунэлл. Нимиц не хотел отдавать такого приказа до окончания операции на островах Гилберта, но он попросил Макморриса и Шермана составить «депешу с инструкциями» для Спрюэнса. После выполнения этих инструкций группы авианосцев получили бы немного больше свободы маневра.

> «Реакция противника на операцию "Гальваник" ясно указывает на то, что японцы намерены производить атаки только силами субмарин и авиации, базирующихся на Маршаллах и Науру. Использование ими надводного флота представляется маловероятным. В сложившейся ситуации свобода движения групп авианосцев, предусмотренная изначальным планом операции, слишком мала. Когда авианосцы слишком долго находятся на одном месте, они подвергаются гораздо большей опасности торпедной атаки. Примите меры для обеспечения большей свободы маневра авианосцев в соответствии с их предназначением».

Тауэрс надеялся на большее, но это был ясный шаг к его цели освобождения авианосцев, чтобы они могли защищать береговые плацдармы не путем непосредственного охранения, но ударами по вражеским флотам и базам, которые были основным источником контрнаступления.

Сражения за Макин и Тарава продолжались до 21–22 ноября. Вражеский флот был все еще в Труке, но все участники операции «Гальваник» были уверены, что японские субмарины приходили к островам Гилберта с баз на Каролинских островах и Маршаллах. Быстроходные авианосцы получили больший запас прочности благодаря увеличению свободы маневра, но десантные силы, и в том числе эскортные авианосцы, все еще были привязаны к береговым плацдармам, осуществляя непосредственное охранение и передавая боеприпасы и провиант на берег.

Вскоре после полудня 23-го числа адмирал Спрюэнс сообщил штабу, что вражеское сопротивление прекратилось и на Бутаритари, и на Бетио. Адмирал Нимиц и генерал Ричардсон тут же отослали своим подчиненным депешу: «Поздравляем с хорошо сделанной работой».

На Бутаритари силы японцев составляли приблизительно 800 человек, из которых лишь 284 морских пехотинца принадлежали к боевым частям. Только один из них был захвачен в плен. Американцы, имевшие 23-кратное превосходство в силе, потеряли 64 человека убитыми и 152 ранеными.

По предварительной оценке разведки штаба командования Тихоокеанского флота, на Бетио было приблизительно 2500 японцев. Японских солдат там было немногим больше, чем на Бутаритари, но также там было около 1000 солдат строительных войск и приблизительно 1200 корейских чернорабочих. Как обычно бывало при занятии японских островных баз, почти все защитники были убиты. Из 18 300 американских матросов и морских пехотинцев, участвовавших в завоевании острова, пострадали более 3000, и одна треть из этого числа погибла или умерла от ран.

Хотя острова были в руках американцев, десантные силы не могли уйти, пока все грузовые суда не были разгружены, штурмовые отряды — не оказались вновь на борту транспортов, а гарнизонные отряды — не разместились на занятой территории. На рассвете 24 ноября к острову начали подходить японские субмарины. Неподалеку от Макин одна из них торпедировала эскортный авианосец «Лиском-Бей», который просто разломился на части, когда взорвался весь его боезапас. Погибли почти 650 офицеров и матросов из 900 человек его экипажа. Потеря «Лиском-Бей» окончательно убедила стратегов штаба в том, что скорость жизненно важна при десантной операции.

Адмирал Нимиц решил лететь на атолл Тарава, чтобы изучить линию обороны, которая стала причиной таких тяжелых потерь в рядах американских войск. Готовясь к поездке, он приказал Ламару распечатать на

карточках имена, должности и звания основных офицеров, с которыми он планировал там знакомиться. Он собирался запомнить эти детали во время полета, что помогло бы ему быстро наладить контакт с людьми.

25 ноября он вылетел из Перл-Харбора на штабном гидросамолете «Коронадо» и без промежуточных посадок достиг островов Эллиса. С ним в числе прочих были генерал Ричардсон, адмирал Форрест Шерман, незаменимый Ламар и кэптен Редман, который должен был консультировать по поводу радиосвязи на атолле Тарава. Каждый из офицеров в полете коротал время по-своему; Нимиц в свободное от заучивания имен время играл в криббедж с Редманом. В Фунафути его ожидала радиограмма от Спрюэнса с советом отложить визит на Тарава. Прочесывание, говорилось в сообщении, все еще продолжалось, аэродром не был готов к приему больших самолетов, а мертвые не были захоронены.

Нимиц проигнорировал совет Спрюэнса. После осмотра сооружений на Фунафути он продолжил полет на транспортном самолете корпуса морской пехоты, предоставленном адмиралом Гувером. Хотя морские пехотинцы на Бетио упорно работали, чтобы подготовить аэродром к его прибытию, самолету пришлось кружиться над островом почти час, пока бульдозеры расчищали и расширяли полосу. С воздуха небольшой Бетио напоминал покрытую щебнем пустошь, из которой торчали иссушенные и развороченные стволы пальм без ветвей. Наконец был дан сигнал к посадке, самолет приземлился, долго подпрыгивал и наконец резко остановился. Дверь была открыта, и в ноздри сидящих в самолете ударило зловоние сожженной и гниющей плоти. Похоронные команды уже убрали большинство трупов американских солдат, похоронив их в воронках от снарядов или вырытых бульдозерами траншеях, но вокруг все еще были разбросаны тысячи сожженных и расчлененных тел японцев, от которых еще предстояло избавиться.

Команду Нимица встречали адмирал Спрюэнс, генерал Джулиан Смит и их штабные офицеры. Эти три группы вместе осмотрели остров. Среди руин были

разбросаны тела и части тел, иногда целыми горами. Карл Мур пнул ботинок и обнаружил, что в нем — нога. На пляже среди разбитых десантных машин в набегающих волнах все еще перекатывались тела морских пехотинцев, погибших на рифе. «Первый раз я чувствую запах смерти», — пробормотал Нимиц.

На оставшихся в живых морских пехотинцах, с которыми столкнулись офицеры, бои нескольких последних дней также оставили след. Они были измотаны, их форма была грязна, а лица, небритые, с запавшими глазами, почти ничего не выражали. Некоторые были просто мальчишки, но все были похожи на стариков.

Внимание Нимица привлек тот факт, что среди обгоревших пальм и почерневших от пожаров развалин бараков стояли практически неповрежденные основные оборонительные сооружения острова. Они состояли либо из полузакопанных в грунт дотов и блокгаузов из толстого бетона, либо из множества слоев мешков с песком или стволов кокосовых пальм, скрепленных вместе скобами и листами рифленого металла. Из некоторых высовывались восьмидюймовые пушки. Большинство сооружений были засыпаны мягким коралловым песком, который просто поглотил удары авиационных бомб и снарядов, выпущенных в течение двухчасового обстрела из корабельных орудий, который предшествовал высадке. В конечном счете морским пехотинцам пришлось уничтожать защитников самым жестоким образом; они закалывали японцев штыками, бросали в доты гранаты или заряды динамита, а иногда заливали бензин в вентиляционные отверстия и после этого бросали гранаты. Один из немногих взятых живьем японцев рассказал, как комендант острова хвастался, что миллион солдат не смогут взять его остров за сто лет.

Адмирал Нимиц и его офицеры, несмотря на предупреждения морских пехотинцев, заглянули в один из дотов. Все, что они смогли увидеть, — это примерно пятнадцать полусожженных тел. Некоторые из смотревших отвернулись — их тошнило от зловония. Предупреждения морских пехотинцев не были напрасными, поскольку среди тел скрывался выживший японец. Несколько

дней спустя, измученный жаждой, он вышел, паля из автомата, и был быстро подстрелен.

В одном из менее поврежденных дотов в хорошо расчищенном районе острова генерал Джулиан Смит разместил свой командный пункт и пригласил туда гостей позавтракать. Столы, стулья, белые скатерти и продовольствие были доставлены на берег с одного из кораблей. Еда выглядела привлекательно, но у всех был плохой аппетит после того, что они увидели; к тому же они считали кощунством есть на белой скатерти, когда морские пехотинцы вокруг них все еще питаются сухим пайком из консервных банок.

На острове Кантон была последняя остановка по пути назад, в Перл-Харбор. Там адмирал Нимиц написал миссис Нимиц письмо, в котором, в частности, были следующие строки:

> «Я никогда не видел места столь пустынного, как Тарава. Генерал Ричардсон, который видел поля битвы во Франции в предыдущую войну, говорит, что это напомнило ему о поле под Ипром, на котором сражение бушевало в течение многих недель. Из многих тысяч кокосовых деревьев не осталось ни одного целого. Японцы великолепно подготовились к обороне и дрались до последнего солдата. Лишь несколько раненых и контуженных японцев были взяты в плен. От еще непогребенных тел стояло ужасное зловоние, даже при том, что наши солдаты приложили множество усилий, чтобы похоронить погибших. Я испытал огромное облегчение, когда мы перебрались на соседний остров атолла на ночлег. Даже там ветер доносил до нас это ужасное зловоние. Но хватит об этом. Мы все трудимся, чтобы объединить наши усилия и подготовиться к неизбежным нападениям. С Божьей помощью мы не только удержим то, что мы имеем, но будет использовать новые плацдармы, чтобы нападать на японцев, когда мы подготовим аэродромы для приема самолетов».

В какой-то момент во время поездки Нимиц получил долгожданную новость: американцы заняли другой

атолл в архипелаге Гилберта — Абемама, в котором имелся остров, достаточно большой для аэродрома. С большой подводной лодки «Наутилус» на берег острова был высажен разведывательный отряд морской пехоты, чтобы подготовиться к предстоящему штурму. Когда морские пехотинцы узнали, что на атолле было только 25 японцев, они при огневой поддержке субмарины заняли атолл самостоятельно.

Нимиц и остальные офицеры вернулись в Перл-Харбор 30 ноября. Там их уже ждал Холланд Смит, потрясенный тем, что пришлось вынести его морским пехотинцам на Тарава, где он побывал, и возмущенный неопытностью солдат на Макин. Он почти не сомневался, что отряды 27-й дивизии возьмут слабо защищенный Бутаритари за один день. В конце второго дня «Вопль» пошел на берег и провел, по его словам, одну из худших ночей за всю Тихоокеанскую кампанию. Нервные солдаты стреляли по каждой тени и оборачивались на шелест листьев. Они проделали отверстия в палатке командного пункта и сбивали кокосовые орехи с деревьев.

На следующий день он наткнулся на компанию солдат, стрелявших в несуществующего противника — в пределах нескольких тысяч ярдов не было ни одного живого японца. Разъяренный Смит прокричал их командиру: «Если я услышу еще один выстрел, сделанный вашими людьми, я отберу у вас ваше проклятое оружие и все ваши боеприпасы».

Адмирал Тернер, изучив штурм Бетио, 30 ноября подготовил отчет, озаглавленный «Уроки, полученные на Тараве», и со своего флагманского корабля «Пенсильвания» по радио отправил его в Перл-Харбор. Он указал, что Кваджалейн, основной атолл Маршаллов, был наверняка укреплен так же хорошо, как и Тарава. Японцы ожидали первый удар именно там и укрепили его оборону еще сильнее. Чтобы заняться такой цитаделью, в первую очередь было необходимо: больше фоторазведки, больше десантных машин, больше десантных катеров, больше кораблей огневой поддержки, больше боеприпасов, больше бомбардировок с воздуха. Тернер хотел как

можно скорее начать длительную бомбардировку Маршалловых островов с самолетов наземного базирования. Он также хотел, чтобы штурму предшествовала бомбардировка с самолетов морского базирования и артобстрел с линейных кораблей, крейсеров и эсминцев.

Штаб Тихоокеанского флота, к которому присоединились Тернер и Спрюэнс по их прибытии с островов Гилберта, скрупулезно изучил проблемы, возникшие при штурме Тарава, начиная с «Уроков» Тернера. Нимиц приказал построить на маленьком гавайском острове Кахулаве доты и блокгаузы, подобные тем, которые он видел на Бетио, а затем бомбить и обстреливать их, чтобы выяснить, как можно их повредить. Стало ясно, что простым обстрелом по площадям этот тип укреплений уничтожить нельзя. Такой огонь только поднимал большие облака дыма и пыли, и у нападавших создавалось ложное впечатление, что доты разрушены. Необходима была прицельная бомбежка и точный, прицельный орудийный огонь в течение значительного периода времени. Поразить эти укрепления можно было только навесным огнем, используя крупнокалиберные бронебойные снаряды.

Когда в прессе появились сообщения о потерях в кампании на островах Гилберта, командование Тихоокеанского флота подверглось острой критике со стороны общественности и прессы. Обезумевшие родственники погибших людей писали письма, в которых обвиняли лично адмирала Нимица. Одна убитая горем мать начала свое письмо словами: «Вы убили моего сына на Тараве». Нимиц настоял, чтобы на все письма был дан ответ. Когда Ламар увидел, что количество таких писем начало действовать адмиралу на нервы, он начал передавать ему только некоторые из них, а он сам, Мерсер и другие добровольцы ответили на остальные.

Нация была потрясена той ценой, которую пришлось заплатить за краткую кампанию на островах Гилберта. Тем не менее эти потери не шли ни в какое сравнение с потерями в ходе шестимесячной кампанией на Гуадалканале; к тому же у нее были и положительные результаты: у союзников появились новые базы, прикрывавшие

важнейшие коммуникации, и аэродромы, с которых можно было отправлять самолеты для бомбардировки и аэрофотосъемки очередной цели. Офицерам, которые, как генерал Холланд Смит, утверждали, что атолл Тарава надо было обойти, был дан такой ответ: если бы уроки десантного штурма не были получены на Тараве, их пришлось бы получить в другом месте и жертв было бы гораздо больше.

У генерала Ричардсона было собственное объяснение тяжелых потерь при штурме Тарава. Дело было в том, что операцией руководили морские пехотинцы, а они, конечно же, не были достаточно компетентны, чтобы командовать в подобных сражениях. Свои выводы он изложил в меморандуме адмиралу Нимицу, в котором также рекомендовалось, чтобы 5-й десантный корпус был заменен армейским корпусом, который стоял бы во главе всех действий армии и флота в центральной части Тихого океана и, конечно, управлялся бы лично Ричардсоном. Нимиц проигнорировал рекомендацию.

Спрюэнс, Тернер и Холланд Смит, наученные огромными потерями на Тарава, рассмотрели планы относительно предстоящего штурма Маршалловых островов. Они пришли к заключению, что у них нет достаточного количества десантных отрядов и сил поддержки для одновременного штурма атоллов Вотье, Мэлоулап и Кваджалейн. Поэтому они предложили провести кампанию в два этапа — сначала захватить Вотье и Мэлоулап, которые лежат между Кваджалейном и Перл-Харбором, а затем использовать взлетные полосы на этих атоллах для бомбардировщиков, чтобы поддержать последующий штурм Кваджалейна — японского штаба в центре архипелага.

Сразу же после окончания операции в архипелаге Гилберта адмирал Паунэлл с двумя группами авианосцев совершил рейд и произвел аэрофотосъемку Вотье и Кваджалейна. Полученные таким образом данные показали, что на последнем происходит наращивание боевой мощи противника. Это был еще один аргумент в пользу предложения Спрюэнса, Тернера и Смита произвести

штурм Маршалловых островов в два этапа. На фотографиях было видно, что вдобавок к аэродрому на острове Рой, в северном конце атолла Кваджалейн, японцы строили второй аэродром — на острове Кваджалейн в южном конце атолла.

Адмирал Нимиц согласился на отмену тройного нападения, но он предложил другую альтернативу. Объединенный комитет начальников штабов приказал ему после завершения штурма Маршалловых островов послать быстроходные авианосцы в южную часть Тихого океана, чтобы поддержать десантные операции Хэлси. Поэтому Нимиц, проконсультировавшись с Макморрисом и Форрестом Шерманом, решил обойти Вотье и Мэлоулап и штурмовать один Кваджалейн. Захват этого атолла дал бы американцам два аэродрома и первоклассную стоянку для кораблей и судов. Шерман убедил Нимица в том, что перед штурмом самолеты с авианосцев смогут нанести урон аэродромам на соседних атоллах и что после него самолеты с аэродромов на Кваджалейне и островах Гилберта смогут постоянно держать их под обстрелом.

Спрюэнса не убедили аргументы Шермана, зато план Нимица его просто потряс. У него не было никаких сомнений в том, что он сможет взять Кваджалейн, но он задавался вопросом, сможет ли он удержать его после того, как авианосцы уйдут. Для него основную угрозу представляли аэродромы на атоллах вокруг Кваджалейна, а аэродромы на Вотье и Мэлоулап находились прямо на линии коммуникации с Перл-Харбором. Все эти аэродромы могли бесперебойно снабжаться самолетами из Японии через Марианские, Каролинские острова и Эниветок, самый западный атолл Маршалловых островов.

Спрюэнс попробовал убедить Нимица в том, что если и стоит отказаться от какой-либо цели, то это должен быть Кваджалейн, а не внешние острова, и Тернер и Смит поддержали его. Нимиц стоял на своем. Его решение было подкреплено новыми данными радиоразведки, показывающими, что японцы укрепляли свои внешние острова за счет Кваджалейна. Очевидно, неприятель

ожидал нападения именно на один или более внешних островов.

Наконец, на совещании 14 декабря адмирал Нимиц опросил штабных офицеров и командиров соединений Пятого флота относительно того, где они должны нанести удары в ближайшем будущем.

— Раймонд, — спросил он, — что вы думаете теперь?

— Внешние острова, — ответил Спрюэнс.

— А вы, Келли?

— Внешние острова, — ответил Тернер.

— Холланд?

— Внешние острова, — ответил Смит.

Так опрос и проходил дальше вокруг комнаты, и каждый из командующих порекомендовал в первую очередь штурмовать внешние острова Вотье и Мэлоулап. Когда опрос был закончен, наступила недолгая тишина. Потом Нимиц спокойно сказал:

— Хорошо, господа, нашей следующей целью будет Кваджалейн.

Когда встреча была закончена, Тернер и Спрюэнс остались, чтобы еще немного поспорить. Тернер убеждал Нимица, что решение идти прямо на Кваджалейн было опасно и опрометчиво. Он спорил и спорил. Он даже повысил голос. Спрюэнс утверждал, что Келли прав.

Когда Рэй и Келли исчерпали свои аргументы, Нимиц спокойно сказал: «Вот что. Если вы не хотите сделать это, Департамент поручит это еще кому-нибудь. Вы хотите сделать это или нет?»

Келли Тернер на мгновение нахмурился, а затем раздвинул брови и улыбнулся: «Конечно, хочу».

Потом Карл Мур предложил идею, которая устроила всех: одновременно со штурмом Кваджалейна напасть на Маджуро, атолл в том же архипелаге, который, по данным радиоразведки, был либо защищен очень слабо, либо вообще не защищен. На этом атолле была большая лагуна, которую можно было использовать как место для стоянки судов, а на соседних островах имелось место для аэродромов, на которых можно было разместить самолеты для поддержки штурма Кваджалейна.

На фотографиях, которые «Лысый» Паунэлл привез с Маршалловых островов, были не только вражеские аэродромы и сооружения. Из них также стало ясно, что на Кваджалейне было много японских бомбардировщиков дальнего действия, которые не были уничтожены американскими самолетами морского базирования. Паунэлл планировал осуществить два удара по Кваджалейну, но после первого передумал. Узнав от летчиков, что на атолле все еще много неповрежденных вражеских самолетов, он решил побыстрее уйти от Маршалловых островов — как будто корабли могли обогнать самолеты. Тем же вечером, в лунном свете, незамеченные вражеские бомбардировщики догнали убегающий флот, и один попал торпедой в корму нового авианосца «Лексингтон», который после этого все-таки смог «дохромать» до Перл-Харбора.

Еще в ходе рейдов авианосцев перед операцией «Гальваник» некоторые офицеры сомневались в решительности Паунэлла. Его отступление от Кваджалейна убедило большинство из них, что он не подходил для верховного командования. Наиболее решительно настроенным из офицеров был кэптен Джозеф Дж. («Джоко») Кларк, командир «Йорктауна», который помогал в подготовке большого доклада, описывающего, что случилось в ходе рейда на Маршалловы острова, и рекомендующего более решительно использовать авианосцы и более решительно руководить силами. Кларк передал бумагу адмиралу Тауэрсу, который согласился с рекомендациями. Адмиралу Форресту Шерману он показал одну из сделанных с воздуха фотографий японских кораблей и самолетов, незамеченных американскими авианосцами и самолетами на Кваджалейне. Шерман разинул рот от изумления и вызвал адмирала Макморриса, сидевшего в смежном офисе. «Вы хотите взглянуть на рыбу, которую мы упустили?»

23 декабря Нимиц вызвал Макморриса и Шермана на совещание, чтобы обсудить кандидатуры на должность командующего быстроходными авианосцами. Тауэрс порекомендовал решительнее использовать авианосцы и попросил, чтобы Паунэлл был заменен контр-адмиралом

Марком А. Митшером, который тогда был командующим морской авиацией Западного побережья. Шерман, помогая Тауэрсу, указал, что Митшера можно вызвать и что его опыт управления военно-морской авиацией начался со времен «Лэнгли», первого американского авианосца.

Макморрис, по предложению Нимица, выведал у Спрюэнса о возможности замены Паунэлла. Спрюэнс был против. Зная слабые места командования группы авианосцев лишь отчасти, он не находил ничего неправильного в руководстве Паунэлла авианосцами в операции «Гальваник». С другой стороны, у него не сложилось благоприятного впечатления от поведения Митшера в сражении при Мидуэе. Там Митшер командовал «Хорнетом» и достиг очень немногого. Нимиц, принимая во внимание высокую оценку всей карьеры Митшера, вызвал его в Перл-Харбор, невзирая на мнение Спрюэнса.

После утренней конференции 27 декабря Нимиц попросил остаться Паунэлла, Спрюэнса, Тауэрса, Макморриса, Шермана и вице-адмирала Джона Х. Ньютона, заместителя командующего Тихоокеанским флотом. Доброжелательным, но серьезным голосом он сказал Паунэллу, что на него жалуются подчиненные за его чрезмерную осторожность, и, не выдавая источник, упомянул доклад, в подготовке которого участвовал Кларк. Нимиц сказал, что он разочарован результатами рейда на Кваджалейн. Руководя авианосцами, сказал он, часто приходится рисковать, чтобы нанести максимальный урон врагу. Беспокойство и удивление Паунэлла было столь явным, что Нимиц смягчил критику, упомянув, что Спрюэнс похвалил его работу в ходе операции «Гальваник». Паунэлл попытался обосновать свой поспешный отход от Кваджалейна, но без особого успеха.

Адмирал Хэлси, который отдыхал в Перл-Харборе по пути в Штаты, согласился с назначением Митшера. Однако окончательное решение могло быть принято только на ближайшем совещании у главнокомандующего американским флотом, проходившем дважды в месяц. Тогда можно было бы узнать мнение адмирала Кинга.

Адмиралы Кинг, Нимиц и Хэлси встретились в Сан-Франциско 3 и 4 января 1944 года. Главным в пове-

стке дня было решение проблем командования Тихоокеанского флота, одна из которых проистекала из убежденности заместителя министра ВМС Форрестола в том, что летчики, особенно адмирал Тауэрс, имеют значительную власть в руководстве областями Тихого океана. Так как речь шла именно о Тихоокеанском флоте, это представляло серьезную проблему, поскольку многие военно-морские летчики достигли высших званий почти исключительно благодаря руководству действиями авиации. Офицеры, которые никогда не командовали в море чем-то большим, чем минный тральщик, теперь рассматривались в качестве кандидатов на командные посты на крупных боевых кораблях и в руководстве морских оперативных групп.

Кинг и Нимиц решили, что умиротворить Форрестола, который сам был военно-морским летчиком в Первой Мировой войне, можно назначив адмирала Тауэрса заместителем командующего Тихоокеанским флотом и областями Тихого океана. Таким образом, Тауэрс заменял адмирала Ньютона, который переходил на юг как заместитель Хэлси. Адмирал Паунэлл должен был сменить Тауэрса на посту командующего ВВС Тихого океана, причем пост был сведен к выполнению административных и логистических обязанностей, так как Тауэрс сохранял за собой полномочия принимать решения по поводу операций на его новой должности. Адмирал Митшер сменял Паунэлла в командовании авианосцев, но только в качестве старшего командующего соединения авианосцев. В этом качестве Митшер становился временно во главе оперативной группы быстрых авианосцев. Если он не сможет должным образом проявить себя в операции на Маршаллах, его можно было спокойно отстранить от командования авианосцами. Так как Митшер никогда не командовал более чем одним авианосцем, Паунэлл должен был оставаться советником Спрюэнса по вопросам авиации в операции на Маршаллах.

В этой новой игре в «музыкальные стулья» каждый получил некоторое повышение в должности, правда, иногда только формальное. Бедный Паунэлл приобретал звучный титул, не унаследовав полную власть, которой

обладал его предшественник. Что касается адмирала Тауэрса, он предпочел бы командовать авианосцами, но он едва ли мог жаловаться, поскольку он становился не только главным представителем военно-морских летчиков, но также и непосредственным подчиненным командующего Тихоокеанским флотом и главнокомандующего секторами Тихого океана.

Кинг и Нимиц придерживались принципа, что все основные командиры соединений на Тихоокеанском флоте, которые не были летчиками, должны иметь летчиков в качестве начальников штабов или заместителей, а все основные командующие-летчики должны иметь в качестве заместителей морских или армейских офицеров. Поэтому начальником штаба Митшера должен был стать армейский офицер, а Спрюэнс после операции на Марианских островах обязан был заменить своего трудолюбивого друга и помощника Карла Мура на летчика.

После того как были улажены вопросы, касающиеся состава командования, началось обсуждение операций. Хэлси предложил занять Зеленые острова, к востоку от Рабаула, а затем взять остров Эмирау, лежащий к северо-западу, пока Макартур штурмовал острова Адмиралтейства на западе. При условии успеха этих операций союзники полностью окружили бы Рабаул и близлежащую японскую базу на Кавиенге. После этого можно было бы продолжать обстрел обоих этих объектов и в конце концов нейтрализовать их путем атак с воздуха. Тогда отпала бы необходимость во вторжении.

В таком случае, сказал Нимиц, нет необходимости посылать быстроходные авианосцы на подмогу Хэлси. Вместо этого он пошлет Спрюэнса с этими авианосцами и новыми линейными кораблями на штурм Трука, чтобы уничтожать или изгнать оттуда Объединенный флот и сделать Трук столь же бесполезным для японцев, как Рабаул и Кавиенг после завершения операции. Кингу идея понравилась, и он сказал, что в водах у Трука необходимо разместить субмарины, готовые торпедировать корабли и суда врага, спасающиеся от атаки авианосцев.

Кинг, как и на предыдущих совещаниях, подчеркнул, что ключом к западной части Тихого океана являются Марианские острова. Через эти острова или рядом с ними проходила линия поставок продовольствия, боеприпасов и самолеты на Каролинских островах, а оттуда — к Маршаллам, островам Бисмарка и Новой Гвинее. В результате занятия американцами основных Марианских островов и постройки там авиабаз и баз для подводных лодок мог существенно уменьшиться поток поставок, и таким образом Каролинские острова и находящиеся за ними базы японцев оставались без снабжения. Армейские ВВС рассчитывали построить на Сайпане, Тиниане и Гуаме, в Марианском архипелаге, авиабазы, с которых их новые бомбардировщики дальнего действия В-29 смогут совершить налет на Японию, но Кинг продолжал считать эту цель второстепенной по сравнению с нарушением коммуникаций Японии на южном направлении.

Все текущие операции, подчеркнул Кинг, были также частью продвижения к побережью Китая, чтобы появилась возможность использовать трудовые ресурсы Китая и получить базы для обстрела вражеской территории и возможного вторжения в Японию. По пути американцы могли занять позицию на островах Лусон, или Формоза[1], с которой они смогли бы блокировать коммуникации Японии на северном направлении и прервать поставки нефти и сырья из района Ост-Индийских островов.

Планы относительно нападения на Маршаллы, под кодовым названием «операция Флинтлок», начали принимать окончательную форму. День «D», уже дважды отложенный, был наконец назначен на 31 января. Как и в операции «Гальваник», адмирал Спрюэнс должен был командовать Пятым флотом, а адмирал Тернер — амфибийными силами. Адмирал Хилл на корабле «Кембрия» должен был руководить штурмом Маджуро, который планировалось осуществить силами одного десантного

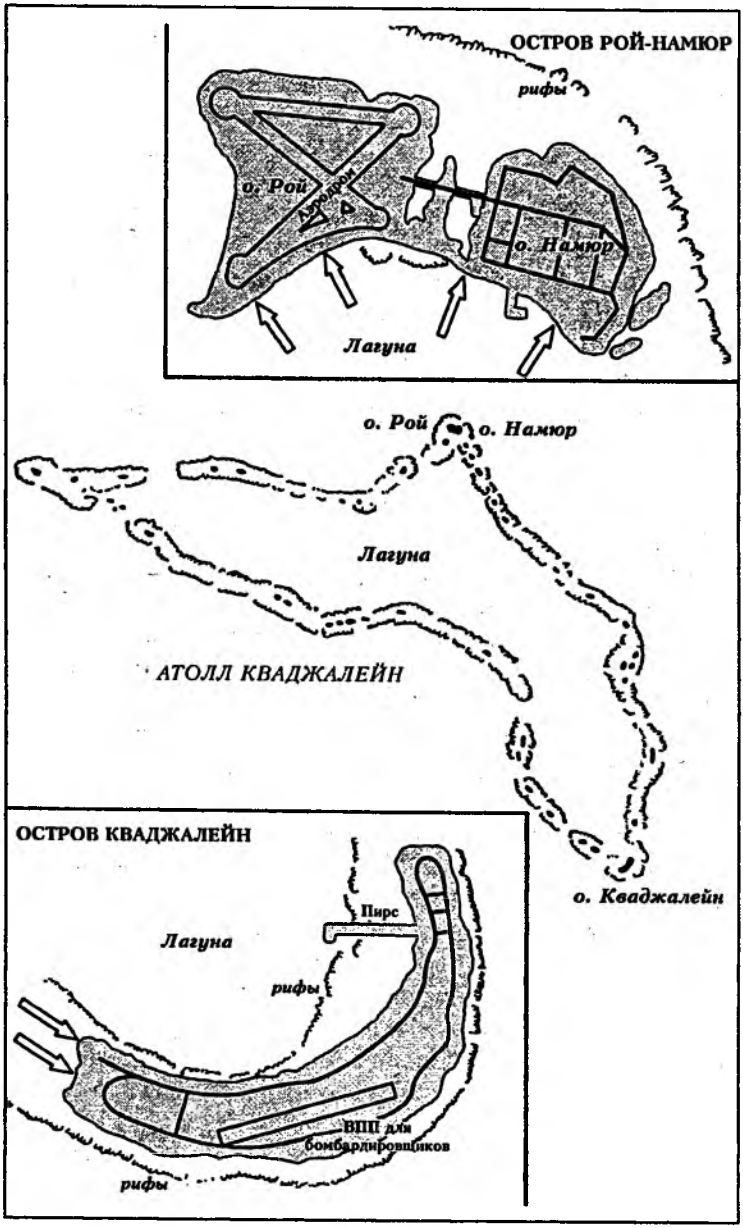
[1] Тайвань. *(Прим. ред.)*

батальона 27-й дивизии. Контр-адмирал Ричард Л. Конноли на одном из новых десантных кораблей, «Аппалаччиан», должен был командовать Северной штурмовой группировкой в ее нападениях на Рой и соседний остров Намюра. Для этих целей была организована 4-я дивизия морской пехоты во главе с генерал-майором Гарри Шмидтом.

У другого берега лагуны Кваджалейн, в 40 милях к югу, адмирал Тернер на судне «Рокки Маунт» должен был командовать атакой Южной штурмовой группировки на остров Кваджалейн. Из сухопутных подразделений для этого была выделена 7-я пехотная дивизия, ветераны Атту, во главе которой теперь стоял генерал-майор Чарльз Х. Корлетт. Войсковой резерв, состоявший из полка морских пехотинцев и еще двух десантных батальонов 24-й дивизии, во время нападения на атолл Кваджалейн должен был стоять в стороне. При отсутствии необходимости в них там они должны были штурмовать Эниветок под командованием адмирала Хилла.

Имя генерала Холланда Смита, к его огромному раздражению, вообще не было упомянуто в директиве, касающейся операции «Флинтлок». Незадолго до начала операции «Гальваник» Смит обнаружил, что его имя исчезло из директивы по той операции, и узнал, что это сделал адмирал Макморрис. Справедливо было предположить, что начальник штаба проделал то же самое с директивой по операции «Флинтлок». За рассуждениями Макморриса не так уж трудно проследить: поскольку два участвующих в операциях подразделения были слишком далеко друг от друга, чтобы координировать их действия, и у каждого из них был собственный командующий генерал, Макморрис не усматривал особой причины для участия в операциях командующего корпуса.

Каждый раз, когда Смит обнаруживал, что его имя исчезло, он на повышенных тонах жаловался Спрюэнсу, который отдавал распоряжение о том, чтобы его имя было возвращено в директивы. В обеих операциях Смиту с его штабом было приказано находиться на флагманском корабле Тернера. Генерал Корлетт также находился на



Штурм Кваджалейна 1 февраля 1944 года.

«Рокки Маунт», и ходили слухи, что Корлетт угрожал поместить генерала Смита под арест, если он спустится на берег в Кваджалейне и вмешается в ход битвы. Может быть, Корлетт шутил, но Холланд Смит и на самом деле оставался на борту в ходе всей операции «Флинтлок».

Начальнику штаба нужно было много наглости, чтобы изменить директиву командующего, но наглости у Макморриса всегда было в избытке. Она появилась в нем из смеси суровости и обоснованной уверенности в себе. Макморрис имел репутацию одного из самых умных, вздорных и, наверное, самых суровых офицеров на флоте. Однажды, когда он категорически отказал армейскому полковнику в предоставлении служебного автомобиля, тот потребовал объяснений. «Потому что,— ответил Макморрис,— я — настоящий сукин сын и меняться не собираюсь».

Было удачно, что у адмирала Нимица был Макморрис. Только такой человек мог справиться с таким большим разнородным коллективом, как штаб Тихоокеанского флота образца 1944 года. Спрюэнс идеально подходил для маленького штаба 1942 года, состоявшего только из морских офицеров, но он был, видимо, слишком интеллигентным, чтобы иметь дело с толпой офицеров, которые прибыли на холм Макалапа в первую очередь для того, чтобы командовать всеми остальными. Он мог бороться с далеким и безликим врагом, и, будучи превосходным администратором, он мог быть суров, когда необходимо, но суровость он проявлял в основном по приказу. Сталкивать людей лбами было не в его манере.

Адмирал Макморрис считал себя защитником командующего. Он всегда ограждал Нимица от рутинных вопросов и от всего остального, с чем он мог справиться сам, и поговаривали, что он брал на себя гораздо больше, чем имел право. Так много вопросов, шедших к Нимицу по командной цепочке, останавливалось на уровне начальника штаба, что офис последнего стали называть «Узкостью». Нимиц совершенно не обижался на наглость Макморриса, называл ее «инициативой» и высо-

ко ценил то, что это свойство характера последнего освобождало его от многих трудностей. Однако он всегда говорил офицерам штаба, что, если они уверены в том, что ситуация требует личного внимания главнокомандующего, они могут передать оригинал документа напрямую ему, а копию послать по командной цепочке.

Планирование операции «Флинтлок» вызвало очередной конфликт между летчиками и десантниками. Адмирал Тауэрс, представитель первых, не разделял экстремистских взглядов по поводу того, что авианосцы должны перемещаться абсолютно свободно и только и делать, что совершать рейды на японские базы, пока вражеский флот не придет и не предложит себя уничтожить, таким образом обеспечив окончательное поражение Японии. Адмирал Спрюэнс в свою очередь не считал, что единственной функцией авианосцев была непосредственная поддержка десантных операций. Однако различия между этими двумя людьми были существенны. Они постоянно учились друг у друга, но, к сожалению, пытаясь достичь единства взглядов, они начали по-настоящему недолюбливать друг друга. Каждый считал другого дилетантом в стратегии, а Спрюэнс вообще называл Тауэрса корыстным оппортунистом. «Если вы не были поклонником Тауэрса и не играли в его команде,— однажды написал Спрюэнс,— на вашем пути начинали вырастать препятствия каждый раз, когда он мог вам навредить... Тауэрс был очень честолюбивым человеком».

Наверняка утверждать нельзя, но похоже, что адмирал Нимиц оставался выше споров. Окончательный план операции должен был быть одобрен им, но по возможности он следовал надежному правилу: говорить подчиненным, где и когда делать, но никогда — как.

За две недели до начала операции «Флинтлок» адмирал Нимиц организовал его знаменитый техасский пикник в самом большом парке Гонолулу. Были приглашены все техасцы, носившие в это время военную форму. Известно, что там было приблизительно 40 000 солдат, моряков и морских пехотинцев. Все началось как небольшая дружеская вечеринка, но потом превратилось в

поистине техасскую, то есть гигантскую, пивную пьянку. Все клумбы были разорены, и повсюду валялись корзины для пикника, банки из-под сухого пайка, пропуска на берег, а по мере того, как воздух и пиво нагревались, на газонах начали появляться еще и рубашки цвета хаки. Этот однодневный бунт против военного этикета опустошил парк не хуже тайфуна. Полиция Гонолулу вытащила из кустов 120 000 бутылок и огромное количество другого мусора.

Бригадный генерал К.Л.А. Маршалл оставил нам описание участия в этих событиях самого адмирала Нимица:

> «Нимиц, самый старший по званию техасец среди них всех, пришел в парк в полдень в сопровождении нескольких офицеров его штаба. Вместе с ним, но с отставанием примерно в 30 ярдов, шел мой старый друг, генерал Роберт К. Ричардсон, армейский командующий Центрально-Тихоокеанского сектора, в сопровождении офицеров своего штаба.
>
> Все военнослужащие, как один, побросали свои дела, построились позади адмирала Нимица и промаршировали по парку, сначала туда, а потом обратно, вопя подобно толпе индейцев-команчей. Они не имели ничего против генерала Ричардсона, который был способным и внимательным командиром; просто Нимица они любили больше. Среди всего этого бедлама Нимиц не только чувствовал себя абсолютно непринужденно, но и получал огромное удовольствие, смеялся, махал всем рукой и даже успел осчастливить немногочисленных охотников за автографами, перемещаясь при этом в таком темпе, что вся веселая толпа, бежавшая за ним, почти протрезвела».

Накануне отбытия Пятого флота на операцию «Флинтлок» в Перл-Харбор прибыл замминистра Форрестол, чтобы взглянуть на это событие. Ему, как главному лицу, отвечавшему за обеспечение флота техникой и

имуществом, должно быть, было приятно видеть, насколько флот вырос после его предыдущего визита. Он увеличился даже со времени операции на островах Гилберта.

После того как Форрестол осмотрел тактическую группу быстроходных авианосцев, которая теперь называлась 58-м оперативным соединением, и Южный штурмовой корпус, стоявшие в Перл-Харборе и Гонолулу, адмирал Нимиц отправил его на эсминце на рейд Лахаина, неподалеку от острова Мауи. Там дислоцировался Северный штурмовой корпус, прибывший днем раньше из Сан-Диего.

Когда они подошли к рейду, молодой командир эсминца в чине коммандера попросил коммандера Ламара узнать, чем хотел бы заняться адмирал. Нимиц ответил, что он намерен пройти по всему ряду стоящих на якорях транспортов и судов снабжения. Командир повел свой эсминец вдоль линии судов с такой большой скоростью, что транспорты начали качаться. С флагманского судна транспортной эскадры послали сердитую радиограмму: «Мне не нравится, как Вы ведете себя на море». Когда ее показали Нимицу, он улыбнулся и попросил командира поднять его четырехзвездный флаг. После этого коммодор эскадры быстро послал радиограмму с извинениями. Нимица это не успокоило. Ведь это было замечание офицера такому же офицеру. Нимиц решил посмотреть, что собой представляет флагманское судно, находящееся под началом такого офицера. По приказу Нимица эсминец остановился, и они с Форрестолом в сопровождении помощников в маленькой шлюпке отправились осмотреть транспорт.

Молодой лейтенант, бывший в это время на дежурстве, не понял, что на корабль с визитом прибыли заместитель министра и командующий флотом. Ламар и помощник мистера Форрестола пытались как-то дать ему понять, показывая восемь пальцев и выкрикивая: «Заместитель министра» и «Флот». Все было напрасно. Шлюпка подошла к трапу, но начальство никто не встречал. Дойдя до квартердека и обнаружив, что делегацию не приветствуют ни коммодор, ни командир, адмирал

возмутился. Заместитель министра не совсем понял, в чем дело, но чувствовал, что что-то и в самом деле не так.

В этот момент показались коммодор и командир, покрасневшие и запыхавшиеся, застегивая форму на ходу — очевидно, их только что разбудили. Адмирал Нимиц осмотрел судно, обнаружил, что все в полном беспорядке, и сделал соответствующее сообщение командиру оперативной группы.

Корабли могущественного Пятого флота, который моряки начинали называть Большим Синим Флотом, заполнили Перл-Харбор настолько плотно, что бухта казалась почти полностью покрытой сталью. Ночью 22 января 1944 года корабли ушли к Маршалловым островам для проведения операции «Флинтлок». Следующим утром адмирал Нимиц из своего штаба на холме Макалапа смотрел на гавань, которая теперь была почти пуста. 58-е оперативное соединение, быстроходные авианосцы и многочисленные корабли охранения не возвратились в Перл-Харбор до конца войны. Отдельные корабли, в основном те, которые требовали серьезного ремонта, возвращались, но в целом оперативное соединение оставалось в море, где его снабжали, заправляли и обслуживали мобильные эскадры обслуживания.

С начала января 475 самолетов ВВС обороны и наземного базирования под командованием адмирала Джонни Гувера совершали вылеты главным образом с островов Гилберта, для нанесения ударов по Маршалловым островам. Хотя фоторазведка показала, что основные цели вторжения, Намюр, Рой и остров Кваджалейн в атолле Кваджалейн, не были так же хорошо укреплены, как Бетио, бомбили их, тем не менее, гораздо больше.

Пятый флот Спрюэнса, двигавшийся к Маршалловым островам, включал 375 кораблей, на которых было 53 000 десантников — из которых половина была армейскими солдатами, а половина — морскими пехотинцами — и 31 000 личного состава гарнизона. 58-е оперативное соединение под командованием Митшера состояла из 6 авианосцев, 6 легких авианосцев, 8 быстроходных линейных кораблей, 6 крейсеров, 36 эсминцев и 700 палубных самолетов. Это были намного более мощные силы, чем те,

что были посланы к островам Гилберта, но на сей раз адмирал Тауэрс уже не сказал, что Спрюэнс хочет «забить гвоздь кувалдой».

Согласно тщательно разработанному плану, оперативное соединение должно было достигнуть Маршаллов 29 января. Пока самолеты Гувера нейтрализовали аэродромы на атоллах Джалуит и Милл, самых близких к островам Гилберта, одна группа авианосцев должна была ударить по аэродрому на Вотье, другая — штурмовать аэродром на Мэлоулап, а другие две — напасть на Кваджалейн. Той ночью корабли оперативной группы должны были приблизиться и обстрелять аэродромы, чтобы препятствовать полетам японских самолетов на Эниветок. 30 января одна группа авианосцев должна была захватить Вотье и Мэлоулап, две — разрушить оборону Кваджалейна, а еще одна должна была выдвинуться и нанести удар по Эниветоку, чтобы уничтожить все находящиеся там самолеты.

Северный и Южный штурмовые корпуса должны были 30 января подойти к Маршалловым островам и начать трехдневную бомбардировку нескольких заранее выбранных островов, на каждый из который, по предварительной оценке, должна была прийтись масса бомб и снарядов, в четыре раза большая, чем на Бетио. 31 января силы под началом адмирала Хилла должны были занять Маджуро, а силы под началом Тернера и Конноли — высадиться на островках, расположенных неподалеку от главных целей, и разместить там артиллерию для прикрытия высадки. День «Д» для островов Рой, Намюр и Кваджалейн был назначен на 1 февраля.

Во время перехода флота к Маршалловым островам в штабе Тихоокеанского флота наверняка многие кусали ногти. Действительно ли флот воспринял и воспользовался уроками Тарава, или солдат и морских пехотинцев ждали новые, еще более кровавые Бетио?

Однако все новости были только хорошими. В 9:50 утра 31 января Хилл сообщил Спрюэнсу, что Маджуро взят. Несколько позже Тернер и Конолли сообщили, что островки тоже захвачены и потери незначительны.

Днем 1 февраля Тернер сообщил Спрюэнсу, что 7-я дивизия высадилась на остров Кваджалейн. «Отряды высадились на предварительно запланированных пляжах Красный 1 и 2 после достаточной бомбежки и обстрела из корабельных и береговых орудий,— говорилось в его перехваченном сообщении.— Никакого сопротивления при высадке не встречено. Отряды быстро продвинулись в восточном направлении при незначительном сопротивлении противника».

Сообщения Конолли были еще более радостными. 4-я дивизия морской пехоты высадилась, не встретив практически никакого сопротивления, и к концу дня «Д» захватила остров Рой, почти всю территорию которого занимал аэродром. Более сильно укрепленный Намюр они заняли уже к середине следующего дня.

На закате дня 4 февраля Тернер объявил, что реальное сопротивление противника на острове Кваджалейн прекратилось. Медленная скорость завоевания Кваджалейна объяснялась не неопытностью солдат; дело было в том, что из-за условий на пляже им пришлось высаживаться на одном конце узкого острова. Таким образом, им пришлось пройти вдоль всего острова.

Продвижение 7-й дивизии замедлял также континентальный стиль ведения боевых действий, которому отдавали предпочтение некоторые армейские военачальники. Они продвигались под заградительным огнем, неоднократно останавливаясь и выжидая, пока враг будет оттеснен артиллерией. Морские пехотинцы, с другой стороны, продвигались почти бегом, чтобы вывести неприятеля из равновесия и не давать ему окопаться. Они обошли изолированные очаги сопротивления, оставляя их для тыловых эшелонов. Такая тактика, по их мнению, наиболее подходила для боевых действий на маленьких островах, где не было опасности физического истощения или внезапного окончания запасов продовольствия. Самое большое преимущество этого стиля ведения боевых действий состояло в том, что можно было быстро увести флот поддержки из опасных вод.

Армейские стратеги отметили, что обход очагов сопротивления был превосходным способом получить

пулю в спину, на что морские пехотинцы ответили, что их метод приводит к меньшему количеству жертв, чем неторопливое наступление армии. На самом деле, на Кваджалейне морские пехотинцы потеряли 196 человек убитыми и приблизительно 550 ранеными, а солдаты — 177 убитыми и почти 1000 ранеными. Для сравнения: из почти 8000 японцев, находившихся на островах в начале воздушных налетов, 100 японцев и 165 корейских чернорабочих были захвачены, а остальные были убиты.

Все согласились, что операция «Флинтлок» была примером почти совершенного десантного нападения и что она должна служить моделью для будущих действий. Разумеется, опыт Таравы был изучен и должным образом использован. Все были довольны прикрытием, обеспеченным восемью авианосцами эскорта, постоянно находившимися рядом с атакующими силами. Их успех доказал, что быстроходным авианосцам надо предоставлять большую свободу. Лагуна Маджуро оказалась идеальным местом для плавучей базы. В лагуну вскоре после занятия Маджуро прибыла 10-я эскадра обслуживания. Неоценимым достижением операции «Флинтлок» было обнаружение на Кваджалейне комплекта навигационных карт всех островов, занятых японцами.

Даже прежде, чем Кваджалейн был занят, Нимиц послал Спрюэнсу радиограмму, в которой спрашивал, что он думает о продолжении операции по занятию Эниветока. Спрюэнс обнаружил, что и Тернер, и Холланд Смит готовы к выступлению. Он сообщил об этом Нимицу, который тут же отослал им приказ продолжать штурм.

Тем вечером, 4 февраля, адмирал Нимиц отбыл из Перл-Харбор на Тарава на бомбардировщике В-24 «Либерейтор». Его сопровождали офицеры его штаба, включая кэптена Томаса К. Андерсона, который заменил доктора Жендро в качестве главного хирурга флота и соседа Нимица по дому. Нимиц, как и во время предыдущей поездки на острова Гилберта, коротал время, играя в криббедж с Джеком Редманом. У него появилась новая доска для криббеджа, крашенного в синий цвет, которую он получил в подарок от офицеров инженерно-строительных

войск. К ней даже прилагался специальный футляр. Редман особенно не старался победить; он даже думал, что выигрывать у босса — неправильная политика, но у него была полоса везения, и он брал по центу за каждое очко. В одной игре он обыграл адмирала всухую два раза подряд, выиграв таким образом четыре доллара. Нимиц, который считал себя опытным игроком, был потрясен до глубины души.

Наконец адмирал сказал, что пришло время ложиться. Он не смог найти свой футляр из-под доски для криббеджа, и попросил Редмана положить доску в свой чемодан. Когда Редман открыл чемодан, Нимиц увидел великолепный охотничий нож, который лежал сверху.

— Хотите забрать его, адмирал? — спросил Редман.— Таких полно. Я найду себе еще один.

— Нет,— ответил Нимиц.— Я не могу забрать у вас такую замечательную вещь.

После этого Нимиц и Редман легли не раздеваясь — остальные уже спали — и натянули на себя одеяла. Следующим утром около семи часов они приземлились на аэродроме Хокинса. Это была старая японская взлетная полоса на Бетио, которая была расширена и переименована в честь офицера морской пехоты, убитого на Тарава.

Нимиц остался очень доволен поразительным восстановлением острова, который он последний раз видел в опустошенном состоянии. Если бы не искореженные пальмы, немногое говорило о том, что за несколько недель до этого там происходила самая ожесточенная из всех битв. Строительные войска хорошо поработали. Нимиц провел совещание с адмиралом Гувером и генералом Хейлом, и той ночью он и все сопровождавшие его замечательно выспались на посыльном судне «Кертисс», флагманском судне Гувера, которое ранее служило таковым для адмирала Фитча.

На следующий день Нимиц и сопровождающие офицеры вылетели на гидросамолете на Кваджалейн. По пути они пролетели над атоллом Макин, чтобы взглянуть на аэродром Старманна, новую полосу для бомбар-

дировщиков на Бутаритари. Когда гидросамолет пролетал над островом Кваджалейн, пассажиров поразило то, что они увидели внизу. Казалось, что были сметены все деревья; видны были только фундаменты зданий, блокгаузов и дотов. Казалось, что в целости не осталось абсолютно ничего.

Самолет приземлился в лагуне. Когда Нимиц вышел на берег, к нему немедленно подскочили корреспонденты.

— Что вы думаете об острове? — был первый вопрос.

— Джентльмены,— ответил Нимиц,— это — худшая картина опустошения, которую я когда-либо видел — после техасского пикника.

Когда Нимиц в ходе этого визита прошел от острова Кваджалейн до острова Намюр на эсминце, он был поражен размерами атолла Кваджалейн, самого большого атолла в мире. Эсминец делал больше 20 узлов, и на то, чтобы пересечь лагуну, у него ушло два часа. Северные острова, Рой и Намюр, соединенные полоской пляжа и дамбой, Нимиц застал в таком же опустошении, как и южный остров. Очевидно, Пятый флот изобрел способ подготовки к десантному штурму.

Спрюэнсу и Тернеру оставалось только восхититься тем, как адмирал Митшер руководил 58-м оперативным соединением. Главными достижениями были уничтожение всех вражеских самолетов на Маршалловых островах и поддержание аэродрома на острове Эниветок в состоянии постоянной воздушной тревоги, так что на него не мог сесть ни один самолет.

Нимиц обсудил с его командующими предстоящее нападение на Эниветок. Адмирал Хилл, как уже упоминалось, должен был командовать десантными войсками, а бригадный генерал морской пехоты Томас Э. Уотсон должен был командовать восьмитысячным штурмовым корпусом — это был резерв, который не был задействован при штурме Кваджалейна. Так как Эниветок находился только в 669 милях от Трука, 58-е оперативное соединение собиралось осуществлять поддержку штурма двумя путями. Одна из его тактических групп должна была находиться у атолла, чтобы осуществлять непосредственную

поддержку, в то время как остальные три должны были совершить рейд на Трук. Была надежда, что угроза Труку вынудит Объединенный флот выйти из гавани и вступить в бой. Спрюэнс, с девятью авианосцами и шестью линейными кораблями, не имел никаких сомнений в том, что он мог нанести поражение любым силам, которые японцы могли выдвинуть против него. После этого, если представится возможность, часть 58-го оперативного соединения должна была совершить бросок к южным Марианским островам. Конечно же, самолеты группы должны были бомбить эти острова и уничтожить как можно больше самолетов, но их главная цель состояла в том, чтобы произвести аэрофотосъемку следующих целей наступления в центральной части Тихого океана — Сайпана, Тиниана и Гуама.

У Нимица было множество тем для обсуждения с его штабом, и поэтому по пути обратно у него уже не нашлось времени для криббеджа. Когда они с Редманом прибыли на машине домой — а их дома находились близко друг от друга,— Нимиц крикнул: «Редман, вышлите мне мою доску для криббеджа вместе с вашим счетом».

Редман так и сделал, и на следующий день в его кабинет вошел морской пехотинец-связной и положил на его столе 6 долларов 25 центов.

— Что это? — спросил Редман.

— Адмирал Нимиц попросил меня отдать это вам.

Командующий отдал свой карточный долг.

Редман, чувствуя себя слегка неловко из-за того, что босс ему «проигрался», вспомнил о своем охотничьем ноже, которым восхищался Нимиц. Ему сказали, что такие же ножи продавались в Перл-Харборе. Он послал за ножом, но тот оказался не в точности таким же, как тот, который он брал с собой на Кваджалейн.

Позже в тот же день Рэдмана вызвали в кабинет главнокомандующего, и он взял с собой оба ножа. После того как официальная часть приема была закончена, Редман сказал:

— Адмирал, вам понравился тот нож, который был тогда в моем чемодане. Вот два таких ножа, и вы можете

выбрать любой. Мне все равно, какой вы выберете. Что касается меня, то никаких воспоминаний с моим ножом у меня не связано.

— Нет, ваш я не возьму,— сказал Нимиц.— Я возьму другой.

Помедлив немного, он спросил: «Где Вы его достали?»

Он заметил, что Редман медлит с ответом. «Вы купили его, не так ли? «Но он почти ничего не стоил, адмирал. Пожалуйста, примите это от меня». Тут весельчак Редман не утерпел и добавил: «Так или иначе, я все равно выиграю его у Вас».

«Идите ко всем чертям из моего кабинета»,— сказал Нимиц с радостной искоркой во взгляде.

Накануне 16 февраля (дата — по западной долготе), дня штурма Эниветока и начала штурма Трука, в штабе была гораздо менее нервозная обстановка, чем перед штурмом Кваджалейна или островов Гилберта. Однако надежда на разгром Объединенного флота начала исчезать. 4 февраля самолет Морской пехоты В-24 из Бугенвиля, совершая разведывательный полет над гаванью Трука, засек множество плавучих целей, но последующий анализ движения показал, что Объединенный флот оставлял Трук и отступал к островам Палау, самым западным из Каролинских островов. На самом деле, адмирал Кога, преемник Ямамото, почувствовал себя неуютно, когда американцы захватили Кваджалейн. Самолет-шпион спугнул его, и он начал отходить на запад.

Как правило, адмирал Хилл держал командующего в курсе относительно операции на Эниветоке, в то время как адмирал Спрюэнс вообще ничего не сообщал про свой рейд на Трук, пока он не был закончен, а результаты — тщательно проанализированы. Значительная часть информации о ситуации на Труке 16, 17 и 18 февраля командующий флотом получил от противника. Японский штаб на атолле отослал цепочку закодированных сообщений, а станция радиоразведки Тихоокеанского флота расшифровала их. В них сообщалось, что к северо-востоку была засечена группа американских

авианосцев, что была атака американских самолетов морского базирования и что отдельные надводные корабли, в том числе линкоры и тяжелые крейсера, приблизились к атоллу и открыли огонь по японским надводным кораблям. Поздно вечером 16 февраля Трук сообщил, что на одном из японских крейсеров вспыхнул пожар, пять эсминцев повреждены, а три грузовых судна пошли ко дну.

Позже тем же вечером с крейсера «Сан-Франциско» адмиралу Тернеру пришло донесение с указанием сообщить о содержании главнокомандующему о том, что авианосец «Интерпид» только что получил повреждения в результате атаки японского самолета-торпедоносца.

В 20:30 17 февраля адмирал Локвуд передал своим подлодкам, десять из которых действовали в районе Трука, осторожное сообщение: «Большое шоу сегодня все еще продолжается, но счет со стадиона Трука пока не сообщают. Однако прогноз, похоже, оптимистичный». В сводке командования Тихоокеанского флота отмечалось: «Хотя сообщения от нашей оперативной группы отсутствуют, источники в разведке указывают, что воздушные удары авиации морского базирования по Труку продолжались 17-го числа согласно графику. Отмеченное значительное уменьшение активности противника, возможно, объясняется значительными потерями сил авиации и отсутствием подкрепления».

Наконец, 19 февраля от адмирала Спрюэнса тоже было получено сообщение. Скептически относясь к сообщениям летчиков, он преуменьшил достижения своего корпуса. На самом деле в результате рейда было потоплено 15 военных кораблей, включая 2 легких крейсера и 4 эсминца, пошли на дно 19 грузовых судов и 5 танкеров; также было уничтожено приблизительно 200 вражеских самолетов. 16-го числа от сил Спрюэнса отделились 2 линейных корабля, 2 тяжелых крейсера и 4 эсминца и обошли вокруг атолла против часовой стрелки, совершив «зачистку», в ходе которой они потопили крейсер и эсминец, которые уже были повреждены самолетами и

уходили через риф. Они также потопили грузовое судно и противолодочный корабль.

Адмирал Митшер провел две группы авианосцев к южным Марианским островам, в глубь японской территории, не доходя 1500 миль до Токио. Их засекли на подходе, и группы подверглись серии ночных воздушных нападений. Благодаря наличию радаров и боеприпасов с дистанционным взрывателем они подбили многие из нападавших самолетов, безо всяких потерь со своей стороны. В ходе нападений на Сайпан, Тиниан и Гуам 22 февраля самолеты морского базирования сбили 168 вражеских самолетов; Митшер, так же мало склонный к преувеличению, как и Спрюэнс, сообщил 135. Что было более важно, самолеты выполнили их основную миссию, сделав прекрасные снимки, которые были изучены стратегами.

Тем временем был взят атолл Эниветок. Поскольку в этой операции у американцев было только трехкратное числовое преимущество перед защитниками (по сравнению с шестикратным соотношением на Кваджалейне), три занятых японцами острова атолла пришлось брать по одному. На взятие островов Энгеби и Перри у морских пехотинцев ушло по одному дню, но армия так крепко увязла на острове Эниветок, что пришлось ввести в бой десантную команду морских пехотинцев, которая приняла на себя основной удар в сражении. 27-я пехотная дивизия, предоставившая солдат для высадки на Макин и Эниветок, начала приобретать репутацию плохо обученного подразделения с плохими командирами.

Из всех действий Пятого флота в феврале рейд на Трук попал в самые большие заголовки в большинстве американских газет. Это, несомненно, произошло из-за преувеличенных оценок боевой мощи противника: атолл был известен как «Неприступный Трук», «японский Перл-Харбор» и «Гибралтар Тихого океана». Кейт и Нэнси Нимиц под впечатлением от новостей телеграфировали отцу:

«Мы взяли Трук? Не может быть!
Теперь неделю будем пить!»

Когда еще происходил штурм Кваджалейна, адмирал Нимиц послал депешу адмиралу Кингу, в которой, в частности, говорилось: «Ввиду выдающихся способностей и преданности службе контр-адмирала Келли Ричмонда Тернера, его мастерства в десантных операциях, не раз проявленного в Южном Тихом океане, у островов Гилберта и в настоящее время на Кваджалейне, я прошу незамедлительно повысить его в звании до вице-адмирала».

Адмирал Кинг прислал ответ: «Что Вы думаете о повышении также и Спрюэнса — мне кажется, он тоже этого заслужил?»

Нимиц немедленно ответил: «Да».

Добавление Спрюэнсу еще одной звезды на погоны не встретило возражений. Его новое звание было подтверждено Сенатом 16 февраля 1944 года, отсчет срока службы Спрюэнса в этом звании был начат с 4 февраля. Повышение Тернера прошло в Сенате не так гладко: вспомнилось поражение у острова Саво и тяжелые потери на Тарава. Однако 7 марта ему все равно было присвоено звание вице-адмирала. Неделю спустя Холланда Смита повысили до генерал-лейтенанта. 21 марта Марк Митшер стал вице-адмиралом и был назначен командующим силами быстроходных авианосцев Тихоокеанского флота.

Глава 18

БРОСОК К МАРИАНСКИМ ОСТРОВАМ

В конце 1943 года была разработана четкая концепция двойного наступления союзников через Тихий океан, которая получила благословение Объединенного комитета начальников штабов, президента Рузвельта и премьер-министра Черчилля. Эта стратегия требовала, чтобы войска Юго-западной части Тихого океана под командованием генерала Макартура наступала по северному побережью Новой Гвинеи и вышла на самый южный остров Филиппин — Минданао. Эту линию наступления Макартур называл «ось Новая Гвинея — Минданао». Пятый флот адмирала Нимица должен был занять Маршалловы острова, Трук и, возможно, другой из Каролинских островов, а также Сайпан, Тиниан и Гуам в южной части Марианского архипелага. Обе линии наступления должны были сойтись на треугольнике Лусон—Китай—Формоза, с которого можно было осуществлять воздушные налеты на Японию, блокировать ее и, если необходимо, осуществить

вторжение. При том условии, что вторжение на Маршаллы и последующий рейд на Трук докажут способность авианосцев осуществлять проведение и поддержку подобных операций, предполагалось, что Пятый флот обойдет центральные Каролинские острова и совершит тысячемильный бросок с Маршалловых островов прямо к Марианам. Адмирал Кинг, как мы видели, хотел занять Марианские острова главным образом для того, чтобы блокировать переброску на юг японских подкреплений.

У генерала Макартура не было принципиальных возражений против вторжения на острова Гилберта и Маршалловы острова, потому что эти операции обезопасят его коммуникации с Соединенными Штатами, а также отвлекут силы неприятеля, которые могли бы в противном случае использоваться против его операций. Однако он резко выступал против любого дальнейшего наступления по Центральной Тихоокеанской оси. Генерал полагал, что подход к Японии без поддержки авиации наземного базирования повлечет за собой потери в живой силе, судах и самолетах и может поставить силы союзников на грань поражения. Кроме того, неизбежное наращивание сил Нимица в центре вызвало бы снижение поставок к его группе войск и таким образом замедлило бы его продвижение по южным секторам. Действительно, если бы потребовалось сконцентрировать боевую мощь на центральной линии наступления, в окружном наступлении Макартура через Новую Гвинею и Филиппины уже не было бы смысла. Поэтому он начал кампанию по повороту прямого наступления Центральной Тихоокеанской войск из центральной части Тихого океана, чтобы таким образом поддержать наступление своих подразделений.

Кровавое сражение за Тараву только укрепило Макартура в его возражениях против наступления в центре. Благодаря этой битве у него также появились нужные ему аргументы. Он послал депешу генералу Сазерлэнду в Объединенный комитет начальников штабов в Вашингтоне, где просил убедить Комитет приказать Нимицу после взятия Маршалловых островов прекратить наступление в центральной части Тихого океана. Макар-

тур хотел перевести его силы на юг, чтобы поддержать продвижении к Минданао.

Когда Комитет отклонил предложение Макартура, генерал решил, что у него не осталось иного выхода, кроме как действовать в обход Комитета. Такая возможность появилась в середине января 1944 года, когда Юго-западный сектор Тихого океана посетил бригадный генерал Фредерик Х. Осборн. Макартур в письменном докладе изложил Осборну свои взгляды и попросил его довести их до сведения военного министра Стимсона и через него президента. В своем докладе командующий указал те моменты, которые он считал преимуществами его собственной стратегии. Он предлагал обойти и запереть силы врага и таким образом спасти многие жизни. Он сказал, что, используя такую тактику, его собственные войска займут Минданао к концу года при условии, если ему предоставят контроль над судами, людьми и оборудованием в Тихом океане. Он писал:

> «Мне нужно только это; сил, находящихся теперь в Тихом океане, достаточно, если их должным образом направить... Я не хочу командовать флотом, но должен контролировать его стратегию, иметь возможность распоряжаться тем небольшим количеством судов, что необходимы для похода к Филиппинам. А потом настанет очередь флота. Такие лобовые атаки флота, как на Тарава, являются трагической и ненужной тратой жизней американских матросов... Флот не в состоянии понять стратегию Тихого океана, не в состоянии признать, что первая стадия — армейская стадия. В ходе нее можно организовать воздушное прикрытие с помощью авиации наземного базирования, чтобы флот смог приблизиться... Мистер Рузвельт полностью поддерживает инициативу флота. Мистер Стимсон должен поговорить с ним, должен убедить его. Дайте мне основное руководство войной в Тихом океане, и я буду на Филиппинах через десять месяцев... Нельзя допустить, чтобы из-за заносчивости и

невежества командующих флота наша страна пережила новую трагедию».

Адмирал Нимиц пригласил высокопоставленных офицеров Тихоокеанского театра в Перл-Харбор 27—28 января 1944 года для обсуждения стратегии. Он планировал возглавить на этом совещании свою собственную делегацию, в которую входили адмиралы Макморрис, Форрест Шерман, Тауэрс и Колхаун, а также генерал Ричардсон. Адмирала Хэлси, который задержался в Соединенных Штатах, должны были представлять его начальник штаба, адмирал Кэрни, и командующий наземными войсками, генерал Хэрмон. Генерал Макартур планировал послать на совещание своего начальника штаба генерала Сазерлэнда, своего командующего воздушных сил. генерала Кенни и своего командующего флотом адмирала Кинкейда. Делегация Макартура собиралась привести доводы в пользу единственной линии наступления через Новую Гвинею и Филиппины.

Адмирал Нимиц и сам склонялся к стратегии единственной линии. Причиной этой перемены во взглядах отчасти послужил шок, в который его повергли тяжелые потери американцев на Тараве. Он не возражал против предстоящего нападения на Маршаллы, потому что занять эти маленькие острова с их аэродромами для бомбардировщиков было необходимо, иначе находящиеся по соседству острова Гилберта останутся незащищенными. При их завоевании, без сомнения, должны были возникнуть те же самые проблемы, которые появились во время вторжения на острова Гилберта. Однако завоевание крупных гористых южных островов Марианского архипелага должно было вызвать намного больше трудностей и повлечь более серьезные потери. Марианские острова находились вне зоны поддержки авиацией берегового базирования. Если штурм плоского острова Бетио в две миль длиной при поддержке авиации унес тысячу жизней, то страшно было представить сколько человек погибнет при штурме гористого острова Гуам, длиной в двадцать пять миль, без такой поддержки?

В штабе Нимица тоже сомневались в необходимости захвата южных Марианских островов. Адмирал Тауэрс послал Нимицу меморандум, в котором высказался против операции на Марианских островах из-за их уязвимости для японской авиации. Он указал, что японцы, у которых были аэродромы на Иводзиме и Чичидзиме, на полпути между Японией и южными Марианскими островами, могли атаковать последние средними бомбардировщиками и истребителями. Совершать налеты на Японию с Марианских островов, по его мнению, будет неэффективно, так как истребители не смогут сопровождать бомбардировщики на такое расстояние. Он считал, что без защиты бомбардировщикам придется бомбить с такой высоты, что прицелиться будет невозможно. Он предложил, чтобы Тихоокеанский флот обошел все острова центральной части Тихого океана, большинство которых было хорошо укреплено, и прошел через острова Адмиралтейства, Палау и Филиппины. Таким образом, он в точности согласился с тем, что предлагал Макартур. Адмиралы Макморрис и Форрест Шерман поддержали его. Нимиц написал «Одобряю» рядом с подписью Макморриса и отправил рекомендацию адмиралу Кингу. Таким образом, он предлагал отказаться от концепции наступления в центральной части Тихого океана, которой придерживался ранее.

Стратегическое совещание было созвано 27 января в Перл-Харборе, как и было намечено.

На предварительных переговорах Ричардсон и Кенни предложили объединить все силы для продвижения по побережью Новой Гвинеи к Филиппинам, и они легко получили поддержку в этом вопросе от Тауэрса, Шермана и Керни. Колхаун сказал, что снабжение войск и строительство укреплений будет намного легче осуществить на Новой Гвинее, чем на занятых врагом группах островов.

На первой официальной встрече Сазерлэнд привел аргументы в пользу концентрации всех сил союзников в районе действия подразделений Макартура.

— Если в ходе следующей операции после Маршалловых островов все силы, находящиеся в центральной

части Тихого океана, выдвинутся к Палау, и таким образом для этой операции высвободятся десантные войска, находящиеся теперь на Труке, мы сможем занять всю Новую Гвинею, острова Кай, Танимбар и Хальмахеру. Так мы сможем вовремя присоединиться к вам в этом году в десантных операциях на пути к Минданао

Никто не высказался в пользу вторжения на Марианские острова. Кенни высказал мнение, что воздушные налеты на Японию бомбардировщиков В-29, размещенных на этих островах были бы «лишь трюком». Макморрис сомневался, что такими налетами можно было заставить Японию сдаться. Шерман подчеркнул, что вторжение на Марианские острова повлечет за собой значительные потери и что на этих островах нет достаточно удобных гаваней. Кинкейд сказал, что его «абсолютно не воодушевляет перспектива размещать базы на Марианских островах». Все согласились, что на Филиппины нужно обязательно высадить десант и полностью занять эту группу островов, и все, кроме Макморриса, сошлись на том, чтобы наступление надо осуществлять через Новую Гвинею и Палау. Убедившись в единодушной поддержке всех собравшихся офицеров, чье мнение он всегда уважал, Нимиц заявил, что он согласен с планом наступления по оси Новая Гвинея — Минданао. Генерал Кенни позже писал: «В конце встречи у всех было приподнятое настроение, и все были готовы работать вместе и закончить войну». 28 января, за завтраком после конференции, адмирал Нимиц говорил о том, что «теперь окончание войны уже близко». Он поручил адмиралу Шерману отправиться в Вашингтон и представить мнение участников совещания Объединенному комитету начальников штабов.

Узнав о результатах совещания, генерал Макартур возликовал. 2 февраля он послал генералу Маршаллу сообщение, в котором убеждал его, что в соответствии с результатами совещания после операции на Маршалловых островах все силы на Тихом океане должны быть сконцентрированы на оси Новая Гвинея — Минданао, которая является самым коротким и прямым маршру-

том к Филиппинам. Макартур требовал, чтобы в Юго-западный сектор Тихого океана были передислоцированы все бомбардировщики В-29 и чтобы командование всеми военно-морскими силами должно было быть передано адмиралу Уильяму Ф. Хэлси. Он попросил предложить англичанам выделить для поддержки операции все боеспособные оперативные группы Королевского флота. В конце сообщения он написал, что поскольку в операции чрезвычайно важна быстрота, он посылает в Вашингтон генерала Сазерлэнда, чтобы передать свои пожелания.

Макартур настаивал на гораздо большем, нежели шаги, предложенные на совещании. Он явно всей душой желал стать главнокомандующим в войне против Японии, так как передача войск, которой он добивался, поместила бы адмирала Нимица в подчиненное положение по отношению к нему. То, что Объединенный комитет навряд ли согласится на такую полную передачу полномочий посреди войны, похоже, просто не пришло ему в голову. Когда в Брисбен прибыл Хэлси, он заметил, что генерал ведет себя так, как будто его пожелания уже удовлетоврены.

«Я скажу вам кое-что, чего вы, наверное, не знаете, — сказал Макартур. — Они собираются послать мне большую часть флота — в мое полное распоряжение. И я скажу вам кое-что еще: англичане собираются сделать то же самое. Я хочу, чтобы моими морскими операциями руководил американец. Кем бы он ни был, он должен будет иметь достаточно высокое звание, выше, чем у командующего английскими силами, или по крайней мере такое же, как у него. Как насчет вас, Билл? Если вы — на моей стороне, у вас будет такая слава, о которой Нельсон даже и не мечтал».

Хэлси сказал, что польщен, но не обладает достаточными полномочиями, чтобы согласиться; однако он, конечно же, передаст предложение Макартура Кингу и Нимицу.

В Вашингтоне Шерман и Сазерлэнд, передавая мнение участников совещания и пожелания Макартура, натолкнулись на каменную стену по имени Кинг. Он

категорически возражал против обхода Марианских островов и передислокации В-29, и в этом его упорно поддерживал генерал Арнольд.

Полный успех и относительно легкие потери при штурме Маршалловых островов, вскоре после совещания в Перл-Харбор, очень обрадовали адмирала Нимица. Короткий прямой путь через Тихий океан снова показался ему привлекательным, даже при том, что для осуществления такого наступления могло бы потребоваться завоевание южных Марианских островов.

Прежде, чем Нимиц успел сообщить об изменении своего мнения адмиралу Кингу, он получил от последнего строгое письмо. Поздравив главнокомандующего Тихоокеанским флотом со счастливым окончанием операции на Маршалловых островах, Кинг перешел к главной теме:

> «Я читал стенограмму Вашего совещания с большим интересом и, надо сказать, с тревогой и возмущением.
>
> Очевидно, ни те, кто защищал концентрацию усилий в юго-западной части Тихого океана, ни те, кто допустил возможность такой процедуры, не только не сказали, но даже и не подумали о том, когда японцы перестанут использовать Марианские и Каролинские острова, и произойдет ли это вообще. Я предполагаю, что даже сторонники перемещения войск в Юго-западный сектор Тихого океана признают, что рано или поздно эта заноза в наших коммуникациях с западной частью Тихого океана должна быть удалена. Другими словами, рано или поздно мы должны выделить время и силы, чтобы проделать эту работу...
>
> Многие участники совещания, особенно Тауэрс, заявляли — и их утверждения так никто и не опроверг,— что цель взятия Марианских островов состояла в том, чтобы обеспечить базы для В-29, предназначенных для налетов на Японскую империю. Разумеется, такой цели никто не ставил. Это было бы просто одним из результатов этой опера-

ции; основной же целью было перекрыть снабжение Каролинских островов, облегчить захват или нейтрализацию Каролинских островов и ускорить очистку линий коммуникаций с районом северных Филиппин...

Идея об оттеснении японцев по побережью Новой Гвинеи, через всю Хальмахеру и Минданао, а потом через Филиппины к Лусону, наша основная стратегическая концепция (исключая очищение нашей Центральной Тихоокеанской линии коммуникаций с Филиппинами), представляется мне абсурдной. К тому же она не соответствует решениям Объединенного комитета начальников штабов...»

Когда Нимиц получил этот письменный выговор, он уже планировал свой следующий шаг по Центральной Тихоокеанской оси, но к Труку, а не к Марианским островам. Было бы опасно, рассуждал Нимиц, обходить эту главную базу флота, оставив ее в руках противника. Возможно, Трук можно было бы просто нейтрализовать, но Нимицу казалось важным — пусть даже только по психологическим мотивам,— чтобы над крупнейшей и самой важной внешней военно-морской базой Японии был поднят американский флаг. Такой жест, как месть за налет на Перл-Харбор, поднял бы боевой дух американцев и, соответственно, подорвал бы уверенность японцев в победе.

Когда до адмирала Кинга дошли слухи о том, что планирует Нимиц, его ярость вспыхнула с новой силой, потому что он давно уже отказался от идеи нападения на Трук. Также будучи чрезвычайно скрытным и подозрительным по отношению к прессе, Кинг считал, что Нимиц разглашает слишком много информации. Он решил, что Нимиц должен прибыть в Вашингтон, чтобы достигнуть согласия с Объединенным комитетом начальников штабов относительно предстоящих операций. Время его приезда нужно было подобрать очень тщательно, так как адмирал Тауэрс должен были скоро вступить в должность заместителя главнокомандующего Тихоокеанским флотом и районом Тихого океана и, следовательно, будет

являться главнокомандующим в отсутствии Нимица. Ни Кинг, ни Нимиц не хотели, чтобы он командовал в то время, когда принимаются такие серьезные решения. Кинг изложил все эти соображения в письме Нимицу, датированном 17 февраля 1944 года, на сей раз не в таких гневных тонах, как в его предыдущем письме:

«Дорогой Нимиц!

С сожалением должен сообщить, что здесь у многих сложилось впечатление — верное или ошибочное,— что Вы всерьез рассматриваете возможность взять Трук штурмом. Я уверен, что Вы согласитесь, что мы не должны сделать так, если и пока все другие возможности не будут полностью обдуманы. Лично мне кажется, что наш лучший метод состоит в том, чтобы занять линию Марианские острова — Палау, которая должна в результате отрезать Трук; подобное замечательно получилось в случае Вотье, Мелоулапа и Мили.

Я знаю, как вам "нужны" Марианские острова в качестве баз для действующих подразделений. Однако занятие Эниветока позволит сфотографировать Марианские острова с близкого расстояния. Это дополнит информацию, полученную благодаря захвату современных гидрографических карт — которые на нас словно с неба свалились!

Потом есть еще одно предложение,— передаю его Вам в виде депеши и устно через Форреста Шермана,— в срочном порядке организовать защищенные гавани, такие как гавань Апра (Гуам) плюс использовать прием "искусственной гавани", который сейчас используется сейчас в операции в Ла-Манше.

Далее, поскольку Эниветок лишь в 1000 миль от Гуама и Сайпана, там можно будет разместить хорошо оборудованную базу, которая уменьшит загруженность передовой базы (Гуам-Сайпан) и будет иметь статус "отдельной".

Еще один момент. Вы, наверное, будете удивлены, узнав, как широко Ваши слова используются как повод для комментариев и предположений относительно того, что мы собираемся делать в ближайшее время в районе Тихого океана. На самом деле Вы не сказали ничего такого, что не было бы очевидно для офицеров высокого ранга, но то, как эту информацию использовали, я боюсь, граничит с "предоставлением помощи и поддержки врагу". Вы должны быть крайне осмотрительны в общении с прессой и им подобными — в основном они не беспокоятся ни о чем, кроме их собственного престижа и новостей — или интерпретации новостей,— которые позволят им распродать больше газет! Я сожалею, что мне приходится касаться этого вопроса, потому что там была только похвала — возможно, слишком много! — касательно операции на Маршалловых островах. Однако благодаря прессе и радио у врага, наверное, не осталось сомнений, что наши следующие цели — Эниветок и Понапе.

Я все еще рассчитываю увидеть Вас в Вашингтоне во время Вашей следующей поездке на материк — выбор времени, конечно, будет основан на том, как у Вас дела в Тихом океане, и несколько "усложняется" тем, что Вы должны будете передать все полномочия новому заместителю.

Несмотря ни на что, не падайте духом — и продолжайте действовать на высоком профессиональном уровне.

Искренне Ваш,
Кинг».

Из разговоров среди офицеров в штабе Тихоокеанского флота стало ясно, что генерал Ричардсон не хочет, чтобы солдаты подчинялись командованию Корпуса морской пехоты, а армейские авиаторы — командованию флота. Если выражаться более определенно, он был поглощен охотой за генералом Холландом Смитом и адмиралом Джоном Хувером. Не достигнув никакого успеха

в этой области с адмиралом Нимицем, Ричардсон и его правая рука, генерал Хэйл, решили в обход главнокомандующего и направить вопрос для решения в Вашингтон. Нимиц 18 февраля, перед получением письма Кинга, в котором тот возражал против вторжения в Трук, послал Кингу письмо-предупреждение:

«Дорогой Кинг,

Генерал-лейтенант Ричардсон и генерал-майор Хэйл собираются выехать в Вашингтон на совещания в Военном министерстве. Я чувствую, что Вы должны быть информированы относительно некоторых вопросов, которые они могут обсудить с генералом Маршаллом и генералом Арнольдом и которые могут, таким образом, задать Вам в течение их посещения.

Ричардсон сообщил мне, что он предлагает организовать армейский корпус под началом генерал-майора Корлетта, который сейчас командует 7-й пехотной дивизией. Он, очевидно предполагает использовать такого корпуса в десантных операциях Центрально-Тихоокеанской кампании как подразделение, формально независимое и отличное от V корпуса морской пехоты. Я сказал ему, что создание корпуса для армейских целей — это армейский вопрос, на который я не могу выдвинуть никаких возражений, но сейчас не время улаживать проблемы с составом командования.

Я выступаю против учреждения в данный момент еще одного амфибийного корпуса в центральной части Тихого океана, и оставляю за собой право использовать армейские подразделения как компоненты V корпуса морской пехоты. Если два или более армейских подразделения используются в отдельной операции типа захвата Трука, существование армейского корпуса может иметь некоторые преимущества, но я настаиваю на том, что всеми войсками, участвующими в операции, должен командовать один офицер, который, изначально по

крайней мере, должен быть главнокомандующим V корпуса морской пехоты.

Ричардсон придерживается очень радикального мнения: если всеми пятью подразделениями, которые будут заняты в Труке, должен командовать один офицер, то это должен быть армейский офицер; и что он будет настоятельно возражать командующему районом Тихого океана и генералу Маршаллу против назначения на эту должность офицера морской пехоты. Однако вопрос более глубоко на данный момент не рассматривался.

Еще Ричардсон в учтивой манере, но чрезвычайно недвусмысленно усомнился в том, достаточно ли компетентны старшие офицеры морской пехоты вообще и Холланд Смит в частности, чтобы командовать большими группами войск. Он также утверждал, что морским пехотинцам недостает дисциплины и они имеют поверхностные познания в этой области. Я попросил его представлять мне свои взгляды в письменной форме. Он жалуется на слишком высокое процентное соотношение морских офицеров в верхнем эшелоне командования, и выражает мнение, что командовать всеми островными операциями должны армейские офицеры.

Ричардсон и Хэйл могут поднять вопрос о командовании ВВС берегового базирования. Ричардсон критически относится к методам Хувера, несмотря на наши недавние успехи. Шерман передал мне ваши карандашные пометки на бумагах, показанных Вам. Он не обсуждал вопрос в Вашингтоне вне вашего штаба. Я намереваюсь отсрочить любые действия и сохранить существующее положение в составе командования, по крайней мере до завершения операции на Эниветоке.

Я предлагаю решать все вышеупомянутые вопросы на местном уровне, и представлять их на Ваше рассмотрение только в качестве меры предосторожности в случае, если о них уже говорят в Вашингтоне. Их причина главным образом состоит в

столкновении сложных характеров, и они не исчезнут из-за изменений организационного характера.

Хотя Ричардсон часто критикует организацию личного состава и методы руководства на флоте или в морской пехоте, из этого отнюдь не следует, что наши личные отношения ухудшились. Мы встречаемся почти ежедневно, и он часто заверяет меня в искренней преданности. Я прошу его обсуждать со мной любой вопрос абсолютно свободно, и он так и делает. Этот заключительный параграф я добавил, чтобы у Вас не создалось впечатление о том, что у нас напряженные отношения. Я хочу, чтобы Вы поняли, что цель этого письма — лишь ознакомить Вас заранее с некоторыми из его взглядов, которые могут привлечь Ваше внимание, когда он будет в Вашингтоне.

С сердечным приветом и наилучшими пожеланиями,

Искренне Ваш,
Ч.У. Нимиц».

15 февраля почти 6000 новозеландских и американских бойцов под командованием адмирала Хэлси высадилось на Зеленых островах, в 115 милях от Рабаула. Когда захватчики победили маленький японский гарнизон, прибыли строительные войска и построили взлетную полосу для истребителей на главном острове.

Две недели спустя американцы под командованием генерала Макартура силами тысячи бойцов провели разведку боем на Лос Негросе, самом восточном из островов Адмиралтейства. Хотя японцы имели более чем 4-х кратное численное превосходство, десанту удалось, при усиленной поддержке с воздуха и с моря, удерживать остров, пока подтягивалось подкрепление, благодаря которому удалось полностью занять и удержать Лос Негрос и намного более крупный соседний остров Манус. В каком-то смысле острова Адмиралтейства заменили Рабаул с его прекрасной гаванью, так как между Ману-

сом и Лос Негросом была бухта Зеадлер, в пятнадцати миль длиной и четыре шириной.

Задолго до того как силы Макартура вторглись на острова Адмиралтейства, Объединенный комитет начальников штабов отмечал большие преимущества бухты Зеадлер. Лос Негрос на одной стороне бухты имел плоский рельеф, идеально подходящий для аэродромов. Самолеты оттуда могли вылетать на разведку до самого Палау и Марианских островов, нейтрализовать Трук и другие базы на Каролинских островах и осуществлять поддержку операций в Новой Гвинее. На более крупном и гористом Манусе, с другой стороны, было вполне достаточно места для морской базы. Бухта была идеальным пунктом организации рейдов на Новую Гвинею, Палау, Филиппины и Формозу.

Объединенный комитет хотел, чтобы острова Адмиралтейства развивались как главная база, которую могли использовать как Пятый флот Нимица, так и маленький Седьмой флот Макартура. Так как командование районом Тихого океана располагало необходимыми строительными войсками и отрядами обслуживания, генерал Маршалл предложил генералу Макартуру передать руководство созданием базы Лос Негрос—Манус адмиралу Хэлси. Адмирал Нимиц послал сообщение адмиралу Кингу, с копией Макартуру, в котором рекомендовал, чтобы облегчить проблемы командования, расширить границы Южно-Тихоокеанского сектора до островов Адмиралтейства.

Макартур взорвался. Он расценил предложение Нимица как злонамеренную попытку вторгнуться на его территорию. В письме генералу Маршаллу он заявил, что предложение отражало его командные способности, и настаивал, что тут затрагивается не только его профессиональная честь, но и его «личная честь». Если это, писал он, попытка посягнуть на его власть, он требует, чтобы ему «предоставили возможность лично, раньше остальных представить суть дела военному министру и президенту».

В ответ генерал Маршалл устало сказал Макартуру, что он должен сохранить в своих руках командование

всеми основными средствами обслуживания в этой области, пока сам не сочтет целесообразным передать... «Ваша профессиональная честь и личная честь никоим образом сомнению не подвергаются,— сказал Маршалл,—...однако, если Вы так желаете, я устрою Вам встречу с министром и президентом в любое время по этому или любому другому вопросу».

Объединенный комитет согласился, что пора вызвать Макартура и Нимица в Вашингтон, чтобы выяснить суть их разногласий и принять определенные решения относительно стратегии. Генерал Макартур, как всегда, отказался оставить свой театр действий и послал вместо себя генерала Сазерленда. Адмирал Нимиц с адмиралом Шерманом и другими офицерами его штаба 2 марта вылетел из Перл-Харбора в Соединенные Штаты. В Сан-Франциско к ним присоединились миссис Нимиц и Мэри, и все вместе они отправились в Вашингтон. Так семья Нимиц снова ненадолго воссоединилась.

Адмиралу Нимицу на время его пребывания в Вашингтоне был предоставлен кабинет в морском департаменте и секретариат. Последний состоял полностью из представительниц организации «Женщины на добровольной чрезвычайной службе» (WAVES) и женщин — морских пехотинцев. Это были одни из самых симпатичных и профессиональных секретарш, которых только можно было найти. Не случайно на службу у Нимица были назначены такие женщины. Командующий WAVES и командующий женской дивизии морской пехоты стремились добиться отправки некоторых из их офицеров и рядовых на передовую, на Тихий океан. Нимиц, который не любил женщин в мундире и вблизи от района ведения военных действий, был настроен решительно против их присутствия на территории Гавайев. В Вашингтоне, как джентльмен старой школы, он не мог привыкнуть к тому, что женщины подпрыгивают и встают по стойке «смирно», когда он входит в комнату. В Перл-Харбор не было ни одной женщины в форме, пока Нимиц не перевел свой штаб на Гуам, и ни одной из них не служило на Гуаме в течение его пребывания там.

Нимиц обнаружил, что планирование и принятие решений в Вашингтоне было намного более формализовано, чем в Перл-Харбор. Объединенный комитет и подчиненные ему комитеты обычно открывали процесс планирования письмом и подачей заметок, которые задавали тему для обсуждения. Нимица попросили представить несколько подробных заметок и исправить их после совещания.

С проблемой Мануса было покончено довольно быстро. Генерал Макартур уже согласился на то, что Хэлси превратит бухту Зеадлер в главную базу. Было необходимо только дать Макартуру гарантии того, что в границы его Юго-западного сектора никто не будет влезать. Однако, поскольку генерал требовал, чтобы проблема была решена до конца, казалось целесообразным получить одобрение министра Стимсона и президента Рузвельта.

Главная цель ряда совещаний состояла в том, чтобы планировать стратегию продвижения союзнических сил к треугольнику Лусон—Формоза—Китай. Генерал Макартур требовал разрешить ему отменить планировавшееся ранее наступление на залив Ханса, а вместо этого предпринять 400-мильный бросок к Холландиа на северном побережье Новой Гвинеи. Чтобы выйти настолько далеко за пределы досягаемости его истребителей, ему требовалась поддержка и сотрудничество авианосцев Пятого флота, которые уже были предназначены для нападения на Кавиенг. Нимиц возразил, что если его быстроходные авианосцы должны будут поддерживать обе операции, ему придется предоставить их все и его вторжение на Марианские острова будет отсрочено до сезона тайфунов. Объединенный комитет постановил отменить нападение на Кавиенг. Вместо этого они приказали Хэлси высадить десант на берегу незанятого острова Эмирау в 70 миль к северо-западу от Кавиенга и оборудовать там взлетную полосу. Таким образом, и Кавиенг, и находящийся неподалеку Рабаул были бы окружены кольцом авиабаз, которые будут держать их под воздействием и таким образом нейтрализуют.

К 11 марта стратегический план Объединенного комитета был готов. Высадка в Холландиа была назначена на 15 апреля. Трук надо было нейтрализовать и обойти. Силы Нимица должны были войти в Марианские острова 15 июня, а в Палау — 15 сентября. С 15 ноября они должны были осуществлять поддержку вторжения в Минданао сил Макартура. Вопрос о вторжении в Лусон или Формозу оставили открытым, но была намечена дата — 15 февраля 1945 года.

Утром 11 марта адмиралы Леги, Кинг и Нимиц пошли к Белому дому, чтобы получить одобрение президента для стратегического плана Объединенного комитета и для перестановок в командовании в Юго-западном секторе Тихого океана. Рузвельт принял их в Овальном кабинете. Он явно неважно себя чувствовал. Его лицо было пепельного цвета, а руки дрожали. Он все же улыбнулся и включил «обаяние Рузвельта» для своих посетителей, внимательно выслушал доклад и одобрил стратегию. Президент сказал, что рад видеть наступление направленое к побережью Китая, поскольку он был настроен не выводить Китай из войны. Рузвельт отметил, что план не приводил к фактическому ниспровержению врага и напомнил посетителям, что в Тихоокеанской войне его целью было поражение Японии и оно произойдет, как только у союзников будет достаточно сил. В отношении Мануса Рузвельт сказал, что он даже не знает точно, где это, и этот вопрос должен решать Объединенный комитет.

В кабинет внесли завтрак, а потом Рузвельт вынес коробку огромных сигар очень темного цвета, которые премьер-министр Черчилль случайно забыл в Белом доме. Президент предложил их гостям, но все его гости, как и он сам, курили только сигареты. Однако адмирал Нимиц сказал, что он хотел бы взять сигары для его соседа по дому, доктора Андерсона, который курил сигары. Он хотел уговорить доктора придержать их для какого-нибудь особого случая.

Президент начал задавать вопросы, не относящиеся к делу, и делать случайные комментарии. Он, вероятно, начал уставать. Он спросил Нимица, почему тот после сме-

лого рейда на Трук посылает свои авианосцы совершить рейд на Марианские острова. Так как Рузвельт гордился своей осведомленностью о ходе войны, он, очевидно, уже знал ответ.

Этот вопрос позволил Нимицу закончить визит небольшой историей. Усмехнувшись, он сказал, что вопрос напомнил ему о случае пожилого жирного ипохондрика, который хотел удалить аппендикс. Из-за его возраста и тучности ни один местный хирург не хотел проводить операцию. Наконец толстяк нашел выдающегося хирурга из другого города, и операция была проделана. Когда пациент пришел в сознание, он, волнуясь о том, как прошла операция, послал за хирургом и спросил о своем состоянии.

— У вас все прекрасно,— сказал хирург.

— Но, доктор, есть кое-что, что я не понимаю, у меня ужасно болит горло, а когда я поступил в больницу, все было в порядке. Что с моим горлом?

— Хорошо, я скажу вам. Ввиду обстоятельств ваш случай был очень специфический, как вы знаете. Большая группа моих коллег прибыла, чтобы наблюдать за ходом операции. Когда я закончил, они подняли такие аплодисменты, что на «бис» я удалил вам миндалины.

«Так что вы видите, мистер президент,— сказал Нимиц,— так оно все и было. Мы просто нанесем удар по Тиниану и Сайпану на “бис”».

Рузвельт отбросил назад голову и смеялся, и визит закончился.

На следующий день, 12 марта, директива Объединенного комитета была официально передана по радио для штабов всех подразделений, участвовавших в операции, и Нимиц и компания отправились к западному побережью. В Сан-Франциско адмирал Нимиц попрощался с женой и дочерью, и он и его штаб отправились в Перл-Харбор.

Когда 15 марта Нимиц прибыл в Перл-Харбор, он узнал, что на рассвете тем утром одиннадцать В-24 из Кваджалейна, согласно приказу Объединенного комитета начальников штабов, чтобы нейтрализовать Трук, сбросили на базу шестьдесят шесть 500-фунтовых бомб,

поджигая ангары, склады боеприпасов и резервуары нефтехранилища.

Нимица ожидала недавно прибывшая радиодепеша от Макартура: «Я давно раздумывал над тем, чтобы принять вас в качестве гостя. Личная встреча, я уверен, будет способствовать Близкой координации наших действий. Поэтому я был бы рад, если бы вы, когда позволит время, прибыли в Брисбен как мой гость. Я могу заверить вас, что вам будет оказан теплый прием»

Это был генерал, который еще недавно обвинял Нимица в попытке присвоить часть его оперативной территории. Нимиц знал, что Макартур обижается на необходимость разделить с ним честь направления военных действий против Японии. Ему ни разу не удалось побудить Макартура посетить совещание сектора Тихого океана, даже в Нумеа, который был на другой стороне Коралового моря, напротив Брисбена. Но, поскольку Пятый флот должен был осуществлять поддержку операции Макартура, встреча этих двух главнокомандующих была обязательна, и, если генерал не будет приезжать в Перл-Харбор, адмиралу придется наносить визиты в Брисбен. Нимиц послал Макартуру ответ в тот же день: «Ваше любезное приглашение, которое очень меня обрадовало, ожидало меня этим утром по моему возвращению в Перл-Харбор из Вашингтона. Мне доставит большое удовольствие воспользоваться вашим гостеприимством в ближайшем будущем. Я уверен, что наша личная встреча обеспечит самое тесное сотрудничество в предстоящей кампании. В течение следующих нескольких дней я сообщу Вам время, когда я смогу покинуть Перл-Харбор».

Нимиц вызвал из Кваджалейна Спрюэнса и передал ему детали нового стратегического плана Объединенного комитета. На совещании штаба Нимиц и Спрюэнс решили поддержать вторжение Макартура в два этапа. 1 апреля 58-е оперативное соединение могло совершить рейд на Палау и смежные базы на Каролинских островах. 15 числа авианосцы обеспечили бы непосредственную поддержку высадке в Холландиа и атаковали бы другие каролинские базы, включая Трук.

Хэлси попросили произвести аэрофотосъемку гавани Палау и доставить фотографии самолетом 58-му оперативному соединению, у Зеленых островов. Рейд на Палау должен был главным образом выполнять роль прикрытия для операции на Холландиа, но была также и разведывательная задача — получить информацию для намеченного штурма Центральной Тихоокеанской группой войск. При удачном стечении обстоятельств 58-е оперативное соединение должно была застать Объединенный флот в гавани Палау. Или Объединенный флот мог выйти и вступить в бой. Однако это казалось маловероятным, так как имелись данные о том, что на японских авианосцах все еще не было достаточного количества самолетов и квалифицированных летчиков, чтобы иметь дело с морской авиацией союзников.

Если враг вступит в бой, вице-адмирал Уиллис А. Ли должен был выделить из заслона авианосцев 6 линейных кораблей, 13 крейсеров и 26 эсминцев для построения боевого порядка. Как и в Труке в ходе февральского рейда, тихоокеанские субмарины, которые были посланы вперед, должны были занять позицию в одном из просветов архипелага, чтобы атаковать любое вражеское судно, которое выходило на бой или спасалось бегством.

Спрюэнс возвратился на Маджуро 20 марта. 23 марта Нимиц и часть его штаба отбыли из Перл-Харбора в Брисбен. Адмирал предпринял некоторые шаги, чтобы снискать расположение генерала. От гавайских друзей он получил прекрасные экземпляры редких орхидей, которые он взял как подарок для миссис Макартур. Он послал коммандера Ламара в Гонолулу, чтобы тот приобрел шелковый детский костюмчик из гавайского ситца для маленького Артура Макартура и несколько коробок гавайских леденцов для всей семьи Макартура.

Когда гидросамолет Нимица приближался к Брисбену 25 марта, о приблизительном времени его прибытия было сообщено заранее. Когда самолет подрулил к причалу, Нимиц и офицеры были обрадованы и несколько удивлены, увидев генерала Макартура и членов его штаба, ожидающих их. После официальных приветствий

и представлений делегацию Перл-Харбор проводили к месту квартирования. Адмиралу Нимицу был предоставлен удобный люкс в роскошном «Леннонс-Отель», который находился по другую сторону площади от здания квинслендского верховного суда.

Вскоре в «люксе» Нимица появился помощник Макартура с приглашением на банкет, устроенный тем вечером в танцзале гостиницы. Перед банкетом Нимиц с Ламаром навестили пентхаус Макартуров на верхнем этаже гостиницы, чтобы раздать подарки, которые они привезли с Гавайев.

Генерал и его супруга были в полном восторге от великолепного вида орхидей, которые адмирал Нимиц подарил миссис Макартур. Адмирал попросил разрешения вручить подарки Артуру, но генерал сказал, что мальчик уже спит.

— Генерал,— сказала миссис Макартур (она всегда обращалась к своему мужу именно так),— ты должен позволить ему выйти на минутку.

Макартур нехотя разрешил, мальчик вышел и получил костюм и большую коробку леденцов.

На следующий день, во время совещания, Ламар был предоставлен самому себе. Он был поражен, когда в 11:00 утра улица перед «Леннонс-Отель» была расчищена военной полицией, после чего Артур Макартур и его китайская «ама» прошествовали через площадь к дворику, окружающему здание верховного суда. Ворота открылись, Артур и няня вошли, и ворота за ними закрылись. Ламар узнал, что это была ежедневная практика и что ребенок и его няня прогуливались во дворе приблизительно в течение часа.

На совещании, проходившем в кабинете генерала Макартура, верховный главнокомандующий и его штаб одобрили предложенный Нимицем план поддержки вторжения в Холландиа. Нимиц сказал, что 58-е оперативное соединение не должно оставаться у берегового плацдарма позже полудня второго дня после высадки. Генерал Кенни высказал соображение, что, если к тому времени у него не будет аэродрома для его истребите-

лей, он не сможет осуществить прикрытие разгрузки транспортов Седьмого флота. Нимиц уже согласился предоставить Седьмому флоту восемь эскортных авианосцев, которые, сказал он, могут оставаться в этом районе в течение восьми дней после высадки, чтобы истребители могли осуществлять прикрытие.

Адмирал Нимиц не хотел подвергать опасности большие авианосцы. Он сказал, что не хочет посылать авианосцы 58-го оперативного соединения к Холландиа, пока там находятся 200 или 300 японских самолетов, готовых атаковать их. Он был уверен, что бомбардировщики из Дарвина позаботятся о вражеских самолетах, базирующихся на полуострове Фогелькоп, в западной Новой Гвинее. Что касается японских самолетов, базирующихся в районе Холландиа, генерал Кенни обещал смести их при помощи Р-38 дальнего действия. Все присутствовавшие, кроме Макартура, были настроены в этом вопросе скептически.

Нимицу Макартур показался очень умным, с притягательной индивидуальностью, но он также заметил в нем неприятную тенденцией вставать в позу и заниматься разглагольствованиями. Одних напыщенная манера генерала впечатляла, других — раздражала. Нимица она, похоже, развлекала. Эта реакция промелькнула в его сообщении адмиралу Кингу.

> «Макартур, был, похоже, доволен директивой Объединенного комитета, охватывающей весь 1944 календарный год, потому что она определенно предусматривала его вход в Филиппины через Минданао — такой план ему по сердцу...
>
> Его сердечность и любезность ко мне и моим офицерам в течение моего посещения были безграничны и искренни, большего нельзя было и желать. Все было прекрасно и гармонично до прошлого дня нашего совещания, когда я обратил внимание присутствующих на последнюю часть директивы, которая требовала от него и меня подготовить дополнительные планы более быстрого продвижения по

более короткому маршруту к треугольнику Лусон—Формоза—Китай при отсутствии помех со стороны японских сил. Тут он взорвался и произнес длинную торжественную речь о невозможности обхода Филиппин: его священный долг — освобождение 17 миллионов людей, кровь которых на его совести, американцы растоптали его душу, и т.д., и т.п. — а потом раскритиковал "тех господ в Вашингтоне, которые были далеко от места проведения боев, у которых снаряды над головой не свистели, и т.д., и которые тем не менее пытаются разрабатывать стратегию Тихоокеанской войны» — и т.д. Когда я смог вмешаться, я ответил, что, хоть я полагаю, что понял его точку зрения, я не могу согласиться с ним, а затем — хотите верьте, хотите нет — начал защищать "тех господ в Вашингтоне" и сказал ему, что Объединенный комитет — такие же люди, как я и он, которые, обладая большим количеством информации, стараются для своей страны и, по моему мнению, справляются с этой задачей превосходно».

29 марта, когда адмирал Нимиц вернулся в Перл-Харбор, 58-е оперативное соединение приближалось к Палау. Спрюэнс, находившийся там, передал с самолетом Нимицу сообщение, что его засекли вражеские самолеты и он перенес нападение на Палау на 48 часов, надеясь поймать Объединенный флот прежде, чем он скроется. 1 апреля (по Перл-Харбор), главнокомандующий получил предварительное сообщение от Спрюэнса. 58-е оперативное соединение совершило рейд на Палау и Яп: уничтожено много вражеских самолетов, все суда в гавани потоплены или повреждены, три небольших вражеских судна потоплены в море. Американские силы потеряли 27 самолетов, американские суда не пострадали.

После этого сообщений не было. Нимиц, под давлением министра Нокса, который стремился предать результаты рейда гласности, неоднократно посылал запрос относительно деталей и даже приказал, чтобы Спрюэнс нарушил молчание в эфире. Последний подозревал, что

источником давления был журналист Нокс. «Я не собираюсь ничего им говорить,— сказал Спрюэнс кэптену Муру.— Моя работа сообщать моему непосредственному начальству о конкретных результатах. Когда у меня будут точные данные, тогда я сообщу. Если они хотят, чтобы кто-нибудь прибыл сюда и воевал с помощью газетных статей, то они могут освободить меня».

58-е оперативное соединение вошло в лагуну Маджуро 6 апреля, и Митшер послал Спрюэнсу данные о потерях, которые Спрюэнс сразу отправил Нимицу: 29 вспомогательных судов потоплено, 17 повреждено; сбито 160 самолетов, повреждено, вероятно, 29. Подводная лодка *«Тунец»* сообщила о повреждениях, нанесенных торпедами линейному кораблю, который оказался гигантом «Мусаси». Однако было ясно, что остальная часть боевых кораблей Объединенного флота осталась невредимой, скрывшись из Палау.

Адмирал Нимиц и часть его штаба прибыли в Маджуро два дня спустя, чтобы обсудить предстоящую операцию по штурму Холландиа, которая была отложена до 21 апреля. Неизвестно, ругал ли Нимиц Спрюэнса за то, что тот игнорировал его приказы о нарушении молчания. Во всяком случае, Спрюэнс не остался в Маджуро. Он отправился вместе со штабом в Перл-Харбор, чтобы планировать операцию на Марианских островах. Нимиц вернулся в Перл-Харбор 9 апреля. 13 апреля 58-е оперативное соединение с Митшером в качестве тактического командующего отбыло из Маджуро в юго-западную часть Тихого океана.

Быстроходные авианосцы находились в районе Холландиа с 21 до 24 апреля, но в этом не было необходимости. Генерал Кенни выполнил свое обещание. Совершив ряд налетов, его бомбардировщики и истребители полностью уничтожили Холландиа как японскую авиабазу. По пути обратно самолеты с авианосцев произвели бомбардировку Трука, после которой эта японская база стала настолько беспомощной, что самолетам с Маршалловых островов и островов Адмиралтейства не составляло труда нейтрализовать ее. Перед возвращением к

Маджуро от 58-го оперативного соединения отделилось девять тяжелых крейсеров, чтобы произвести обстрел острова Сатаван, а шесть линейных кораблей адмирала Ли обстреляли остров Понапе.

23 апреля умер Фрэнк Нокс. На пост министра ВМС был назначен Джеймс Форрестол. У Нимица эта перемена, вероятно, вызвала смешанные чувства. Форрестол, без сомнения, был более энергичным администратором, чем Нокс, особенно во время последнего ухудшения здоровья. Но Нокс всегда поддерживал Нимица и его назначение главнокомандующим Тихоокеанским флотом. Однако между Нимицем и Форрестолом существовала напряженность, которая началась еще тогда, когда Нимиц был руководителем Бюро навигации. Тогда, Нимиц выступил против усилий Форрестола призвать на службу своих друзей с Уолл-стрит и назначить на главные командные посты в руководстве флота. Когда Форрестол попробовал получить такую должность для гражданского, побывавшего в тюрьме, Нимиц энергично воспрепятствовал этому на том основании, что это было запрещено уставом.

Во время войны Форрестола оскорбляло то, что он расценил как нежелание Нимица назначать летчиков на важные посты. Нимиц, по его собственному мнению, продвигал их, исходя только из того, насколько они были готовы принять ответственность. Нимиц и Кинг назначили протеже Форрестола, адмирала Тауэрса, заместителем главнокомандующего в основном для того, чтобы ублажить Форрестола. В течение стадии планирования Центрально-Тихоокеанского наступления Форрестол использовал свое влияние, чтобы всячески побуждать или вынуждать Кинга брать командование Тихоокеанскоим флота в свои руки. Впрочем, таким образом замминистра скорее хотел убрать Кинга из Вашингтона, чем заменить Нимица.

Следующая встреча Кинга и Нимица состоялась в Сан-Франциско 5—6 мая 1944 года. С адмиралом Кингом прибыл адмирал Чарльз М. («Сэвви») Кук, его начальник отдела планирования. Адмирала Нимица сопро-

вождал его главный планировщик, контр-адмирал Форрест Шерман. Был там и адмирал Хэлси со своим начальником штаба, контр-адмиралом Миком Кэрни.

Кинг, по традиции, объяснил планы и решения Объединенного комитета начальников штабов, поскольку они касались операций по всему миру. Наиболее важный из предстоящих действий тогда было вторжение через Ла-Манш в Нормандию, которое должно было начаться уже через месяц. За ним должно было последовать вторжение в южную Францию и наступление на Германию. Так как Объединенный комитет планировал окончание войны с Японией в течение года после поражения Германии, тихоокеанским командующим пришла пора поспешить.

Большая часть обсуждения на этом совещании касалась планов вторжения в Китай и подключения китайской армии более полно к решению военных задач. Как оказалось, главным результатом встречи было решение принять на Тихоокеанском флоте двойную систему командования.

Система выросла из вопроса о том, что делать с Хэлси. Его Южно-Тихоокеанский сектор, оставшийся в стороне от военных действий, постепенно уменьшался до гарнизонного статуса. Его солдаты и несколько кораблей были переданы Макартуру; его морские пехотинцы и большинство военно-морских сил отошли к Нимицу. В такой ситуации опыт, навыки и чин Хэлсипропадали попусту.

Сэвви Кук уже выдвинул предложение. Он предложил разделить командование Южно-Тихоокеанского и Третьего флотов. Первым должен командовать адмирал Ньютон. Адмирал Хэлси, как командующий Третьим флотом, перейдет с его штабом на Перл-Харбор, где они займутся планированием операции на Палау. После завоевания Марианских островов Хэлси примет командование Пятым флотом. Рей Спрюэнс, Келли Тернер, Холланд Смит и Марк Митшер будут все заменены и отправятся в Перл-Харбор, чтобы планировать будущие действия. Их прежние подразделения тогда получат следующие наименования: Третий флот, 3-я Десантная армия, III амфибийный корпус и 38-е оперативное соединение.

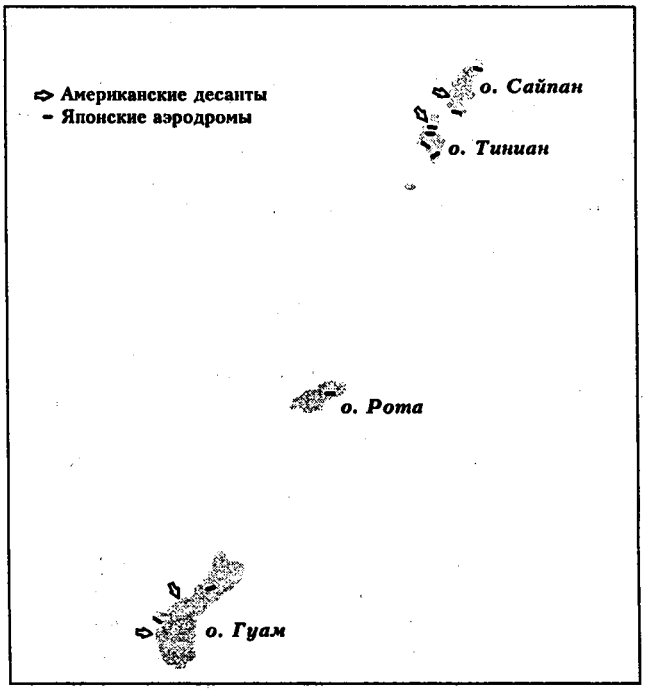
Потом Спрюэнс и его подчиненные возвратятся на свои прежние посты, и старые обозначения флотов и подразделений будут восстановлены. Как это объяснил Хэлси: «Вместо того чтобы, как на почтовом дилижансе, оставлять кучера и менять лошадей, мы заменили кучеров и оставили лошадей. Это было трудно для лошадей, но эффективно. Кроме того, это ввело японцев в заблуждение относительно размеров наших ВМС». Очевидно, производить такие перестановки было бы неблагоразумно, если бы на Тихоокеанском флоте не было такого множества способных командующих.

Вернувшись в Перл-Харбор, Спрюэнс возобновил постоянные прогулки и плавание с Нимицем, что ужасно раздражало Карла Мура, считавшего, что его босс должен посвящать больше времени планированию. Макморрис, преемник Спрюэнса на посту начальника штаба Нимица и сосед по дому, не разделял энтузиазм Спрюэнса по поводу физических упражнений: он был из тех, кто не переходит улицу тогда, когда можно ее переехать. Не разделял Макморрис и умеренности Спрюэнса. Имелись подозрения, что он иногда нарушал правило Нимица выпивать не больше двух бокалов перед обедом, но поскольку выпивка не влияла на качество его работы и он никогда не делал из себя посмешище, Нимиц был терпим. Никто не мог выяснить, где он брал выпивку.

Однажды вечером, когда у адмирала Нимица был полный стол гостей, он сказал Андерсону в конце обеда: «Доктор, я думаю, что это — специальный случай, когда вы должны выкурить сигару премьер-министра». Пока Андерсон ходил за сигарой, Нимиц сказал, как она у него появилась. Доктор возвратился с огромной сигарой, сел на место и прикурил, а остальные с восхищением наблюдали.

После нескольких затяжек Андерсон заметил: «Ну и дела, здесь становится жарко». Еще несколько затяжек, и доктор, вытирая пот со лба, извинился и торопливо покинул комнату. Все сошлись на том, что премьер-министр Черчилль, должно быть, крепкий мужчина.

В середине мая планирование и учения для кампании на Марианских островах были в разгаре. Нападения



Южные Марианские острова

на острова должны были быть выполнены морскими пехотинцами, 2-я и 4-я дивизии отправлялись на Сайпан и Тиниан, а III корпус морской пехоты (включая 3-ю дивизию и 1-ю сводную бригаду) — на Гуам. Эти острова нельзя было разоружить, как Кваджалейн, предварительной бомбардировкой, поскольку это были довольно крупные куски суши: Гуам — 25 миль длиной, а остальные два — больше чем по 10 миль. Они должны были быть взяты правильно провеедными сухопутными кампаниями, в которых неизбежно придется использовать две армейские дивизии, 27-ю и 77-ю. Полки 27-ой, как уже был указано, участвовали в операциях на Макин и Эниветок; 77-ая участвовала в сражении впервые.

Несмотря на все усилия генерала Ричардсона, всеми войсками должен был командовать генерал-лейтенант Холланд Смит. Его заместителями были бы генерал-майор Гарри Шмидтом на Тиниане и генерал-майор Рой С. Гайгер на Гуаме. Таким образом морские пехотинцы должны были командовать солдатами, вдобавок, морские пехотинцы и солдаты, использующие различные тактические доктрины, будут бороться плечом к плечу. Горячие споры на эту тему начались еще на стратегических совещаниях. Адмирал Нимиц, как говорят, успокоил одну вспышку очередной историей, которая пришлась к слову:

«Это все напоминает мне самую первую десантную операцию, которую провел Ной. Когда они выгружались из Ковчега, он увидел, что пара кошек выходит в сопровождении шести котят.

— В чем дело? — спросил он.

— Ха-ха, а вы думали, что мы деремся».

Адмирал Нимиц узнавал некоторые интересные факты о противнике. Адмирал Кога из командования Объединенного флота исчез. Его самолет вылетел из Палау во время нападения на острова 58-го оперативного соединения, и американские летчики думали, что они подстрелили его, как и его предшественника, но более вероятно, что его самолет упал в море во время шторма.

Другой самолет с некоторыми офицерами штаба Кога, потерпел крушение в шторме около острова Себу, на Филиппинах. Несколько из оставшихся в живых, включая начальника штаба, были захвачены партизанами. Они были скоро отбиты обратно японскими оккупационными войсками, но у партизан остался портфель начальника штаба, содержащий сверхсекретные документы. Они по радио сообщили генералу Макартуру, что он у них. Макартур послал субмарину, на которой портфель был переправлен в Австралию. Один из документов содержал план «Операции Z» — очевидно, план атаки флота. В штабе генерала Макартура план перевели на английский язык и послали его краткое содержание по радио адмиралу Нимицу, но кэптен Лэйтон и его штаб ничего в нем не поняли, потому что он был переведен американским японцем, который не был знаком с во-

енно-морской терминологией. Лэйтон попросил штаб Макартура выслать в Перл-Харбор фотокопию оригинала японского документа.

5 мая японское радио объявило, что главнокомандующим Объединенным флотом назначен адмирал Тойода. Несколько дней спустя Нимиц получил информацию о том, что большая часть этого флота, включая все большие авианосцы, подошла к Тавитави, между Филиппинами и Борнео, очевидно, для того, чтобы быть около источника топлива, нефтяных скважин Борнео. Нимиц и Макартур быстро выслали в район Тавитави подводные лодки. Потопив несколько судов, включая эсминцы, субмарины так убедительно заявили о своем присутствии, что японцы не осмелились проводить вылеты с авианосцев. В результате недавно обученные японские летчики не могли проводить учения и не могли воспользоваться преимуществом в силе.

В конце мая десантные силы, направляющиеся на штурм Марианских островов, отбыв из Перл-Харбор и выйдя из бухты Железное Дно, были в открытом море и собирались присоединиться к 58-му оперативнму соединению у Маршалловых островов. В то же самое время фотокопия «Операции Z» находилась на борту самолета, летевшего из Австралии до Гавайев. Когда копия пришла в Перл-Харбор, Лэйтон и его специалисты по японскому языку всю ночь переводили его. План призывал японский флот к решительным действиям против любых вражеских сил, достигших линии Марианские острова — Новая Гвинея. К тому времени в Перл-Харбор уже знали, что «Операция Z» была заменена чем-то под названием «Операция А-Го», но предполагалось, что последняя была просто более детальной версией прежней. Когда адмиралу Нимицу показали перевод «Операции Z», он приказал сделать копии и раздать их всем офицерам высокого ранга, собирающимся на Маршаллах.

Похоже, у американцев появилась долгожданная возможность бросить вызов японскому флоту авианосцев и уничтожить его. Адмирал Нимиц был рад узнать, что среди авианосцев, которые скоро представится возможность потопить, были «Секаку» и «Дзуйкаку», последние из

участвовавших в нападении на Перл-Харбор. «Холланд,— сказал он когда-то генералу Смиту,— самый счастливый день моей жизни наступит тогда, когда я войду в мой кабинет и найду на моем столе сообщение о том, что мы потопили эти два авианосца».

6 июня 1944 года, когда на другой стороне земного шара началось вторжение в Нормандию, 58-е оперативное соединение выходило с Маршалловых островов. Его сопровождали десантные силы Пятого флота, включавшиеся 535 кораблей и судов со 127 000 человек на борту. Одновременное участие американских сил во вторжении во Францию и на Марианские острова стало самым колоссальным военным усилием из всех сделанных какой-либо страной за весь ход мировой истории.

В штабе командования Тихоокеанского флота следующие несколько дней были периодом ожидания, пока Пятый флот двигался на запад, поддерживая молчание в эфире. 11 июня из японских гарнизонов на южных Марианских островах поступили сообщения, что они подверглись воздушному нападению — видимо, со стороны приближающейся 58-о оперативного соединения.

13 июня новые линейные корабли адмирала Ли, отделившись от группы авианосцев, обстреляли Сайпан и находящийся рядом Тиниан. 14 июня старые линейные корабли и другие суда огневой поддержки сменили линейные корабли Ли и начали обстрел западного побережья Сайпана, чтобы подготовить плацдарм для высадки. Обстрел продолжался весь день и был возобновлен на рассвете 15-го, а самолеты с авианосцев эскорта бомбили береговые оборонительные сооружения.

Адмирал Тернер сообщил, что морские пехотинцы начали высадку на Сайпан 15 июня в 8:44 утра. Они немедленно попали под массированный огонь. К концу дня высадилось 20 000 морских пехотинцев. Потери были велики, и ко дню «Д» захватчики проникли в глубь территории только на половину намеченного расстояния. Это было трудное начало, но ни один американец не сомневался, что острова будут взяты.

Глава 19

ПРО ГЕНЕРАЛОВ, АДМИРАЛОВ И ПРЕЗИДЕНТА

Американское нападение на Марианские острова в июне 1944 года напоминало японское нападение на Мидуэй в июне 1942 года тем, что в обоих операциях нападающая сила пересекла большой участок Тихого океана, чтобы напасть на цель во внутреннем периметре защиты врага. Главное различие было в том, что в 1942 году японцы не знали, где находился американский флот, и таким образом были застигнуты врасплох, тогда как в 1944 году нападающая сила очень хорошо знала, где были вражеские суда. Американцы знали, что Мобильный флот, который составлял 90 процентов японского Объединенного флота, находился у Тавитави, в архипелаге Сулу. Они стремились к тому, чтобы японские корабли вышли в Тихий океан и таким образом подставили себя под огонь американских орудий, но для этого надо было не дать флоту уйти с базы незамеченным и по возможности держать его под постоянным наблюдением.

Три американских субмарины блокировали выходы из гавани Тавитави. Для слежения за японским флотом на тот случай, если он будет проходить через Филиппины, к северу от Лусона были размещены три американских субмарины, еще три находились к югу от Минданао, одна находилась у восточного выхода из пролива Сан-Бернардино, а еще одна — у восточного выхода из пролива Суригао. Другие американские подлодки патрулировали Филиппинское море, часть Тихого океана между Филиппинами и Марианскими островами.

С 1 апреля 1944 года с островов Адмиралтейства проводилась разведка с воздуха в радиусе 1000 миль. По мере продвижения на запад по побережью Новой Гвинеи в ряде десантных атак войска Макартура организовывали на появлявшихся таким образом базах воздушные патрули. После нападения на Сайпан гидросамолеты с этого острова и самолеты с авианосцев 58-го оперативного соединения производили разведку на юге, западе и севере. Однако, воздушная разведка не могла охватить Филиппинское море целиком.

Вечером 10 июня подводная лодка «Хардер» засекла группу крейсеров и линейных кораблей, отходящих от Тавитави и берущих курс на юг, и послала предупреждение силам союзников. Этот выход, без сомнения, был реакцией на вторжение генерала Макартура на остров Биак у западной оконечности Новой Гвинеи. Эту вылазку сочли серьезным поводом для беспокойства, так как Седьмой флот Макартура не располагал линейными кораблями. 13 июня субмарина «Редфин» засекла к северу от Тавитави 6 авианосцев, 4 линейных кораблей, 8 крейсеров и множество эсминцев. После наступления темноты «Редфин» всплыла и отправила радиограмму контр-адмиралу Ральфу Кристи, командующему подводным флотом юго-западной части Тихого океана. Оттуда предупреждение передали в Брисбен и Перл-Харбор, а оттуда — адмиралу Спрюэнсу, к берегам Сайпана. Эта переброска японских сил была расценена как ответ на воздушные нападения 58-го оперативного соединения на Марианские острова. В отделе планирования штаба командования Ти-

хоокеанского флота офицеры-планировщики начали рисовать синие и оранжевые линии на кальке.

15 июня подводная лодка «Флайнг Фиш» сообщила о выходе Мобильного флота из пролива Сан-Бернардино. Час спустя субмарина «Си Хорс» засекла группу крейсеров и линейных кораблей, держащую курс на север в 200 милях к востоку от пролива Суригао. Главнокомандующий заключил, что это была та же группа, которую субмарина *«Хардер»* засекла на выходе из Тавитави 10 числа, и предположил, что она изменила курс из-за воздушного нападения на Марианские острова. Суда, похоже, собирались присоединиться к основным силам Мобильного флота, но так как японцы, всегда предпочитавшие сложные обманные маневры, старались использовать их суда сразу в нескольких подразделениях, никто не мог утверждать наверняка, что это входило в их планы. В любом случае, Спрюэнс, опасаясь крупного сражения, сообщил, что вторжение в Гуам, намеченное на 18 июня, должно быть отложено.

17 июня с субмарины *«Кавалья»* в Филиппинском море поступили два сообщения о том, что японцы шли на Марианские острова и держались вне досягаемости самолетов-разведчиков с островов Адмиралтейства и Новой Гвинеи. Адмирал Локвуд, командующий тихоокеанским подводным флотом, четыре субмарины которого патрулировали 100-мильный квадрат в 500 милях к западу от Сайпана, приказал этой «невидимой западне» переместиться на 250 миль на юго-запад, чтобы преградить путь приближающимся японцам. Он также обратился по радио ко всем его субмаринам: «Теперь, когда силы противника обнаружены, сначала стреляйте, а потом сообщайте. Так как в районе присутствуют также и наши надводные суда, перед обстрелом необходимо идентифицировать цель как противника».

Из данных разведки американцам было известно о Мобильном флоте весьма немного. Его командующим был вице-адмирал Одзава, который считался одним из самых способных офицеров в японском флоте. Предполагалось, что флот включал 9 больших авианосцев; для

сравнения: 58-е оперативное соединение имело 15. Одзава, как предполагалось, располагал 50–60 кораблями и более чем 400 самолетами. В предстоящем сражении у Митшера должно было быть вдвое больше и тех, и других, и к тому же его летчики были намного лучше обучены.

Однако у Одзавы были некоторые преимущества. Двигаясь в направлении, совпадающем с восточным пассатом, он мог совершать вылеты и пополнять силы авиации при наступлении на противника. Он мог рассчитывать на помощь от японских самолетов, базирующихся на островах Гуам, Рота и Яп. Он мог, при удачном стечении обстоятельств и точном расчете, все время находиться вне радиуса действия американских самолетов морского базирования во время собственных налетов на американские авиносцы, так как японские самолеты, не обремененные весом брони и самоуплотняющихся топливных баков, имели больший радиус действия, чем американские. Самолеты Одзавы могли совершать разведывательные вылеты в радиусе 500 миль, а атаковать — в радиусе 300 миль. Авиация Митшера могла совершать разведывательные вылеты только в радиусе 350 миль, а радиус боевых вылетов был немногим больше 200 миль.

Адмирал Тауэрс отметил другое возможное преимущество японцев. Если Одзаве позволить подойти на расстояние 600 миль к Гуаму, а 58-е оперативное соединение будет находиться между ним и Марианскими островами, он сможет провести челночную бомбардировку американцев; то есть его самолеты могли атаковать американцев, затем долететь до Гуама или Роты для дозаправки и пополнения боеприпасов, и снова атаковать оперативную группу на пути назад к их собственным авианосцам. Все это время Мобильный флот мог находиться вне пределов досягаемости американских самолетов.

Тауэрс настаивал, чтобы Нимиц приказал Спрюэнсу послать 58-е оперативное соединение на запад, чтобы найти врага прежде, чем он подберется слишком близко к островам. Нимиц отказался, считая дурным тоном указывать командующему на поле боя, как вести сражение, но он все-таки попросил Макморриса послать Спрюэн-

су депешу, предупреждающую о возможности челночной бомбардировки.

Японские радиопередачи начали сообщать, что надвигается крупное морское сражение. Когда корреспонденты спросили Нимица об этом, адмирал ответил: «Надеюсь, что они не передумают. Я не знаю, что еще мы можем сделать, чтобы вызвать этих людей на морской бой». На самом деле Нимиц, как и любой другой информированный американский офицер на Тихом океане, был уверен, что ввиду американских преимуществ и явного перевеса Пятый флот нанесет Мобильному флоту сокрушительное поражение.

К сожалению, после сообщений «Кавальи» американцы потеряли след приближающегося врага. Японские самолеты засекли 58-е оперативное соединение, которое развернулось к западу от Марианских островов в позиции прикрытия, но ни американским самолетам, ни подлодкам больше не удавалось засечь японский флот. Наконец вечером 18 июня Одзава нарушил молчание в эфире, после чего высокочастотные пеленгаторы Тихоокеанского флота произвели радиозасечку. Нимиц быстро передал Спрюэнсу: координаты Мобильного флота — 13 градусов северной широты, 136 градусов восточной долготы, в 600 милях от Гуама.

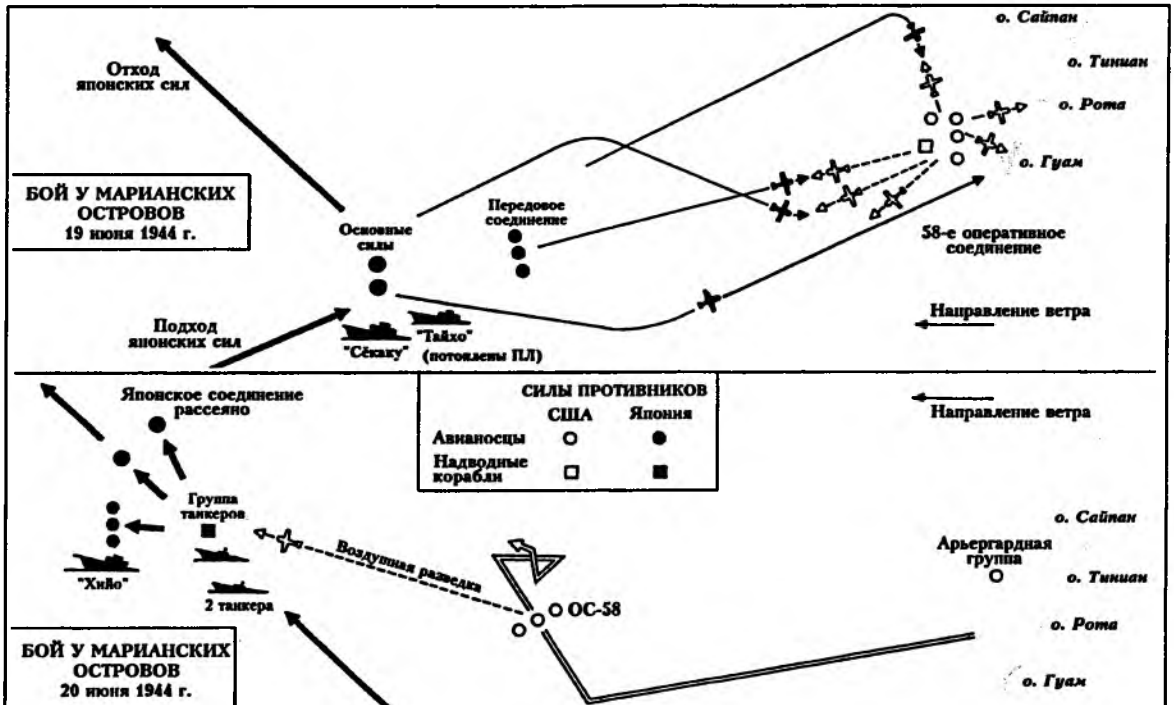
58-е оперативное соединение, очевидно, находилось менее чем в 1000 милях от этой точки, и была велика вероятность того, что она подвергнется челночной бомбардировке. Офицерам отдела планирования штаба Тихоокеанского флота казалось, что наилучшим вариантом для Митшера было ночью переместиться в западном направлении так, чтобы подойти к Мобильному флоту на расстояние, достаточное для атаки на рассвете. Если бы у Митшера была хотя бы половина того везения, что было у Спрюэнса в битве при Мидуэе, японским бомбардировщикам морского базирования было бы уже некуда возвращаться после рейда.

Благодаря радиоперехватам в течение 19 июня в штабе Тихоокеанского флота знали, что сражение продолжалось весь день. На закате дня адмирал Спрюэнс,

находящийся на одном из кораблей 58-го оперативного соединения, послал главнокомандующему флота сообщение:

> «58-е оперативное соединение произвело поиск в радиусе 325 миль от 185 меридиана, начав в 5:30 в точке 14°35' северной широты, 143°40' восточной долготы, не встретив противника. Воздушное нападение на 58-е оперативное соединение началось в 10:45 с западной стороны и продолжалось в течение нескольких часов. Некоторые вражеские самолеты приземлились на Гуаме и Роте, но по этим аэродромам были несколько раз нанесены удары самолетами 58-го оперативного соединения, чтобы предотвратить их использование. По имеющимся данным, нашими самолетами и зенитными орудиями уничтожены более 300 вражеских самолетов. Потери с нашей стороны пока не известны. Единственный зафиксированный ущерб, нанесенный нашим судам: 1 бомбовый удар по "Саут Дакоте", который не уменьшил ее боеспособность. Возможно, что враг совершал дальние вылеты, надеясь на возможность пополнения боеприпасов на аэродромах Рота и Гуам. Если так, то потери неприятельских ВВС могут быть еще больше, чем сообщается».

Сообщение вызвало в штабе командования Тихоокеанского флота смешанное чувство облегчения и тревоги — облегчения оттого, что 58-е оперативное соединение понесло такие маленькие потери, а тревога — оттого, что среди японских авианосцев, по-видимому, потерь не было вообще. Координаты, сообщенные Спрюэнсом в 5:30, соответствовали точке, находящейся в 90 милях к северо-западу от Гуама и Роты, в 125 милях к юго-западу от Сайпана. Очевидно, он держал быстроходные авианосцы рядом с береговым плацдармом, так же как и во время операции на островах Гилберта, хотя на сей раз близкую поддержку берега осуществляли старые линейные корабли и авианосцы эскорта десантных сил.



Битва в Филиппинском море 19–20 июня 1944 года.

Возможно, Спрюэнс волновался, как бы часть Мобильного флота не пробралась между ним и береговым плацдармом и не атаковала десантные суда. Однако — и он не мог этого не знать — большинство американских десантных кораблей было вне досягаемости, удалившись на восток от Сайпана. Если бы какие-то корабли японского флота действительно подошли к береговому плацдарму, они столкнулись бы с семью старыми линейными кораблями Тернера и семью эскортными авианосцами и были бы потоплены или, по крайней мере, получили бы значительные повреждения, а возвращавшиеся авианосцы Митшера завершили бы начатое.

Нимиц не хотел критиковать Спрюэнса, не имея полной информации об обстоятельствах сражения. Спрюэнсу было приказано «захватить и обеспечить оборону Сайпана, Тиниана и Гуама». Речь не шла о переходе в наступление против вражеского флота. Оставаться на достаточно близком расстоянии от Марианских островов и не подпускать вражеские самолеты к аэродромам на Гуаме и Роте — это, возможно, было самым верным способом обезопасить 58-е оперативное соединение от челночной бомбардировки или нападения самолетов, прилетевших из Японии через Иводзиму и Чичидзиму.

В тот вечер Нимиц и его штаб были чрезвычайно обрадованы депешей с подлодки «Кавалья», переданной командующим подводными лодками флота: «Три из шести торпед, выпущенных по авианосцу класса “Секаку”, попали в цель... Из района цели через два с половиной часа после нападения были слышны четыре оглушительных взрыва... Полагаю, что “малыш” потонул». От Спрюэнса пришло сообщение, что, фактически лишив вражеские авианосцы самолетов, 58-е оперативное соединение двигалось на запад, чтобы атаковать непосредственно Мобильный флот.

В штабе Нимица картина сражения 20 июня была составлена из радиограмм Спрюэнса и Митшера. Согласно им, 58-е оперативное соединение безуспешно преследовала отступающий Мобильный флот в течение ночи 19 июня и большую часть следующего дня. Нако-

иец, в конце дня 20 июня один из самолетов Митшера засек убегающего неприятеля и сообщил о его местонахождении. Митшер быстро организовал воздушный налет. С самолетов было подсчитано количество неприятельских судов: 6 авианосцев, 6 крейсеров, 4 линейных корабля. Авианосцы в основном без самолетов на палубе, и только немногие — с самолетами. Авиация атаковала в 6:42, незадолго до заката. Летчики Митшера сообщили о потоплении 1 авианосца класса «Хийо», 2 эсминцев, 2 больших танкеров. На двух других авианосцах вспыхнул пожар.

Позже Нимиц узнал, что многие из самолетов 58-го оперативного соединения сели на воду в результате длинного обратного полета и усталости пилотов. Некоторых летчиков спасли той же ночью, других — только на следующий день. В конечном счете не удалось спасти только 49 из 209 летчиков, которые участвовали 20 июня в сражении. 21 июня истребители дальнего действия с авианосцев Митшера засекли Мобильный флот, все еще спасавшийся бегством. Поскольку 58-е оперативное соединение двигалось с медленной скоростью, чтобы облегчить спасательные работы, становилось все более и более очевидно, что у нее нет никаких шансов на перехват врага. В конце дня Спрюэнс отказался от преследования, и сражение было закончено. Официально операцию назвали «Сражением в Филиппинском моря», но для американских моряков, которые 19 июня увидели, как сотни японских самолетов падают в море то плавно, как осенние листья, то стремглав, подобно кометам, она навсегда запомнилась как «Охота на фазанов у Марианских стровов».

Адмирал Митшер, как узнали позже, в ранние часы 19 июня настоятельно рекомендовал двигаться на запад, «чтобы заняться неприятелем в 5:00», но адмирал Спрюэнс остановил его. После сражения официальное сообщение Митшера об операции закончилось злобным примечанием: «Враг убежал. Он сильно пострадал от единственного массированного удара авиации морского базирования, в тот единственный момент, когда он был в пределах досягаемости. Его флот не был потоплен».

Спрюэнс и сам выразил разочарование по поводу того, что он не напал на Мобильный флот 19-го. «В тактическом плане, — написал он, — я думаю, что преследование японцев и уничтожение их авианосцев было бы намного лучше и более действенно, чем ожидание их нападения на нас; но мы были в начале очень важной и большой десантной операции, и мы не могли позволить себе играть в азартные игры и ставить ее успех под угрозу».

Адмирал Кинг высказался в защиту решения Спрюэнса: «Поскольку первичная миссия американских сил в секторе состояла в том, чтобы захватить Марианские острова, десантные операции Тихоокеанского флота нужно было защитить от вражеского вмешательства любой ценой. В его планах насчет того, что превратилось в сражение в Филиппинском море, Спрюэнс справедливо руководствовался этим основным обязательством».

Хотя адмирал Нимиц всегда горячо защищал тактику Спрюэнса, в сводку командования за июнь 1944 года проскользнула некоторая неудовлетворенность, царившая в Перл-Харборе, особенно среди летчиков:

> «Возможно, некоторых разочаровало то, что в дополнение к успешному достижению нашей цели — занятию южных Марианских островов — не произошло решающей "морской операции", в котором мы, естественно, надеялись победить и таким образом существенно приблизить конец войны.
>
> Можно было бы утверждать, что у японцев никогда не было ни малейшего намерения ускользнуть от 58-го оперативного соединения с частью или всеми их силами и совершать крупномасштабное нападение на наш десант на Сайпан. Исходя из этой предпосылки, можно доказать, что наши основные силы авианосцев и судов огневой поддержки могли пробиться в западном направлении, не заботясь об экспедиционных силах, и что если бы все произошло именно так, могла бы быть проведена решающая воздушная операция флота, японский флот был бы уничтожен, что приблизило бы конец войны».

Среди морских летчиков в Перл-Харборе мало кто сомневался, что Спрюэнс упустил шанс, который выпадает раз в сто лет. «Вот что выходит, когда нелетчик командует летчиками», — было единодушное мнение.

Только в конце Второй Мировой войны тактика адмирала Спрюэнса была полностью реабилитирована. Тогда, когда в руках союзников оказались японские отчеты, стало ясно, что — то ли благодаря удаче, то ли благодаря интуиции — 19 июня он расположил 58-ую оперативную группу наилучшим образом.

Прежде всего Одзава действительно разделил Мобильный флот, но не так, как ожидали или думали его противники. На самом деле он собрал его самые мощные корабли с зенитным вооружением в три концентрических группы, в центре каждой из которых находился легкий авианосец, и разместил их на сто миль впереди его тяжелых авианосцев, которые были в двух группах с легким прикрытием. Самолеты Митшера, чтобы напасть на тяжелые авианосцы Одзавы, должны были бы избежать интенсивного огня зенитных орудий и воздушных атак сил авангарда, пролететь еще сто миль к основным силам, атаковать их и защитить себя, перелететь еще сотню миль в обратном направлении и снова пролететь над вражескими силами авангарда перед возвращением на их собственные авианосцы. Если бы Митшер попытался осуществить такое нападение, потери его авиации, вероятно, были бы катастрофическими.

Если бы 58-е оперативное соединение продвинулось на запад, чтобы его самолеты оказались в пределах досягаемости Мобильного флота, оно, возможно, потопило бы несколько японских авианосцев, но у японцев было бы гораздо больше шансов потопить несколько американских авианосцев, поскольку Митшеру пришлось бы разделить воздушные силы, выделив некоторые самолеты для обороны, а некоторые — для нападения. 19 июня, продолжая использовать оборонительную тактику, он смог, используя все свои истребители и зенитные орудия, достигнуть потрясающего успеха в этой операции. Если бы его летчики и артиллеристы сбили 19-го числа меньше

вражеских самолетов, 20-го им бы пришлось столкнуться с большим количеством. Также, постоянно находясь вблизи Марианских островов, Митшер смог использовать свои бомбардировщики для уничтожения авиации на Роте и Гуаме. Взлетные полосы на тех островах были так испещрены воронками от снарядов, что все планы Одзавы по проведению челночной бомбаврдировки были расстроены.

Поскольку тяжелые авианосцы Озавы были слабо защищены, и «Кавалья», и «Альбакор», одна из субмарин «невидимой западни» Локвуда, сумели проникнуть через их заслоны. «Кавалье» удалось потопить авианосец, тот самый «Секаку» из атаковавших Перл-Харбор. «Альбакору» пришлось охотиться на еще более крупную дичь — «Тайхо», флагман Одзавы и самый большой авианосец императорского флота. Капитан «Альбакора» приказал выпустить шесть торпед, и подлодка погрузилась. Поскольку командир полагал, что промахнулся, он не сообщил об этом. На самом деле одна из его торпед пробила корпус «Тайхо», вызвав взрыв паров бензина, но к этому времени Одзава и его штаб перешли на крейсер, с которого они позже переместились на авианосец «Дзуйкаку».

В ходе предзакатного нападения 20 июня самолеты Митшера потопили авианосец «Хийо» и два танкера, устроили пожар на двух других авианосцах и нанесли повреждения линейному кораблю и крейсеру. После этого сражения у Мобильного флота осталось только 35 самолетов морского базирования.

Таким образом, теперь Мобильный флот располагал меньшим количеством самолетов, чем было у Объединенного флота в конце 1943 года. На сей раз не было никакой возможности обучить пилотов на замену. Американские субмарины, обеспеченные наконец надежными торпедами, вошли в раж. Массовое уничтожение танкеров, приходящих из Ост-Индии, создало отчаянную нехватку топлива в Японии, а разгром американскими подлодками японцев у Тавитави показал безумие затеи японцев по поводу переброски авианосцев к нефтяным скважинам. Лучшее, что мог сделать Одзава в такой

ситуации, — держать авианосцы в пределах узких границ хорошо охраняемого Внутреннего Японского моря, используя находящееся там скудное месторождение нефти. Это был не лучший выход. Японские авианосцы оказались безопасными в нападении и беспомощными в обороне. Если бы из них было потоплено еще несколько, это бы не приблизило окончательное поражение Японии так, как уничтожение самолетов и летчиков, которое фактически произошло у Марианских островов.

Едва критика тактики Спрюэнса начала утихать, как адмирал Нимиц был потрясен еще больше. 23 июня (дата Перл-Харбора), ему сообщили, что генерал Холланд Смит ничтоже сумняшеся снял генерала Ральфа Смита с поста командира 27-ой дивизии. Ральф Смит, конечно, не был первым генералом, который был снят с поста в ходе Тихоокеанской войны, но он был первым армейским генералом, который был снят генералом морской пехоты. Поскольку армия, особенно в лице генерала Ричардсона, долго жаловалась на то, что морские пехотинцы командуют солдатами, вскоре должны были последовать протесты и вспышки безудержного гнева со стороны армейских военачальников.

27-ая дивизия застряла на Сайпане так же, как в свое время на Макине и Эниветоке. На сей раз наибольшей опасности подвергались фланги морских подразделений рядом с ней. Генерал Холланд Смит заключил, что главные проблемы дивизии заключались в недостатке боевого духа и в плохом руководстве и поэтому ее командующего следует заменить. Генерал-майор Сандерфорд Джармэн, назначенный командующим Сайпана и старший армейский офицер на острове, согласился и временно предложил себя на должность командира дивизии, пока не пришлют замену для Ральфа Смита.

С картой в руке Холланд Смит взошел на борт десантного штабного судна «Рокки Маунт», чтобы обсудить проблему с адмиралом Тернером. После долгого подробного обсуждения Смит и Тернер пошли на крейсер «Индианаполис», на борту которого адмирал Спрюэнс только что возвратился из сражения в Филиппинском

море. Там критика продолжилась. Наконец кэптен Мур написал меморандум, адресованный Холланду Смиту: «Вы уполномочены снять генерал-майора Ральфа Смита с должности командира 27-й дивизии армии США и назначить на эту должность генерал-майора Джармэна». Адмирал Спрюэнс подписал меморандум.

Адмирал Нимиц много бы отдал за то, чтобы эта история не стала достоянием общественности, но это было совершенно невозможно. Люди постоянно летали по различным поручениям между Перл-Харбор и Сайпаном. Генерал Ральф Смит был замечен в Форте-Шафтер, армейском штабе на Оаху, где генерал Ричардсон, обиженный до глубины души, организовал армейскую апелляционную комиссию во главе с генералом Бакнером, чтобы выяснить обстоятельства смещения Смита.

Ричард Холлер из международной службы новостей нанес визит коммандеру Кеннету Макардлу, помощнику командующего Тихоокеанским флотом по связям с общественностью, и спросил: «Когда Вы собираетесь придать огласке тот факт, что Ральф Смит был освобожден от обязанностей командующего 27-й дивизии?»

Макардл ответил, что не располагает никакой официальной информацией об этой отставке, и спросил, откуда у Холлера такая информация.

— Все в городе только об этом и говорят. Я слышал это от одного из близких друзей генерала.

Макардл, понимая, что дальше скрывать историю невозможно, добавил в конце коммюнике, над которым он работал, откровенный параграф, сообщающий об отставке, и отнес коммюнике начальнику штаба.

— Нет! — закричал Макморрис, дойдя до заключительного параграфа, и вычеркнул его.

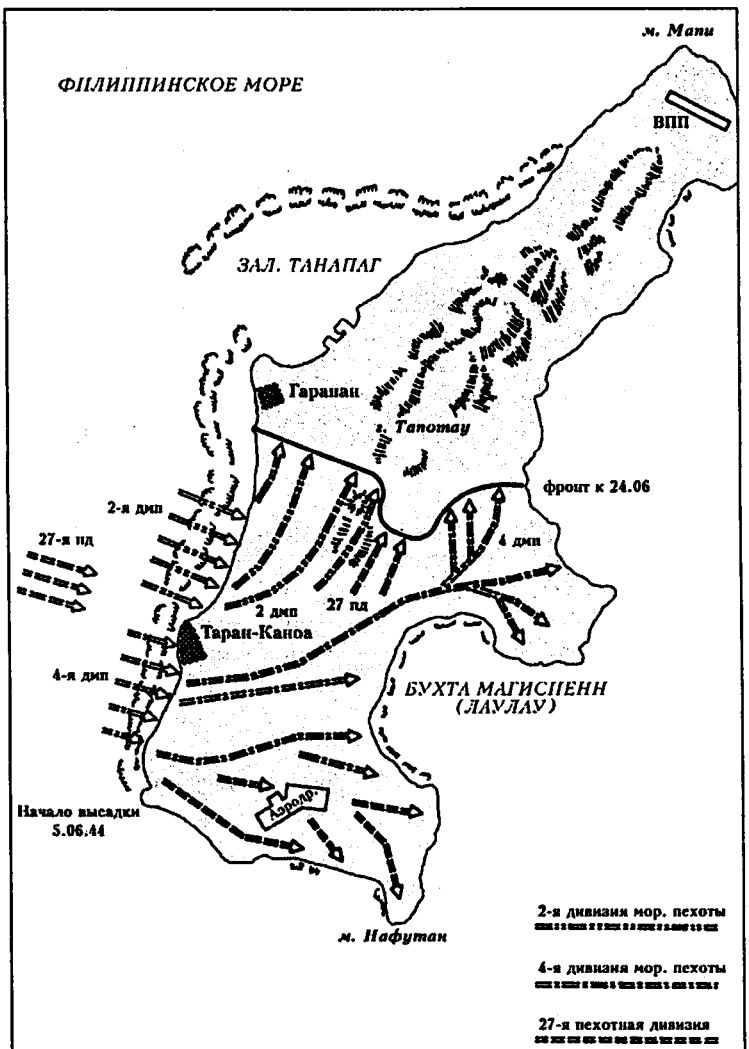
— Об этом знает весь Гонолулу, — сказал Макардл.

— Кто им сказал?

— Об этом знают пятьдесят тысяч человек на Сайпане. Такое невозможно удержать в тайне.

— Мой ответ — нет, — сказал Макморрис тоном, не терпящим возражений.

Был один проверенный временем, хотя и несколько незаконный путь, позволявший обойти частые и



Начало кампании на Сайпане.

категорические отказы Макморриса,— через помощника начальника штаба, которым теперь был кэптен Бернард Л. («Каунт») Остин, который недавно сменил на этом посту Престона Мерсера. Макардл отнес историю Остину, и последний согласился, что скрывать это было бы ошибкой. Лучше опубликовать факты, чем позволить им просочиться в прессу в виде какой-нибудь сенсации.

Остин пошел в кабинет Нимица, чтобы обсудить ситуацию с боссом. Через десять минут он вернулся.

«Ответа все еще нет,— сказал он.— Адмирал не собирается ничего говорить по поводу этого инцидента; пусть заявление сделает военное министество, если им это надо. Видите ли, адмирал не хочет делать ничего, чтобы расстроить Ральфа Смита».

Случилось то, чего боялся Макардл,— история в американской прессе была искажена. Некоторые газеты написали, что Холланд Смит, «мясник Таравы», снова безжалостно посылал мальчиков на верную гибель. Другие предполагали, что солдаты Ральфа Смита просто отказались воевать. «Сан-Франциско Экзэминер» обвинял морскую пехоту в несении чрезмерных потерь и призвал к объединенному командованию в Тихоокеанском театре под началом генерала Макартура, чьи «трудные и опасные операции... были успешно выполнены с небольшими потерями в большинстве случаев». «Тайм» и «Лайф» выступили в поддержку Холланда Смита. Статья в журнале «Тайм» заканчивалась такими словами: «Пока боевые командиры не решаются смещать подчиненных из страха разногласий между родами войск, сражения и жизни будут теряться понапрасну».

Генерал Ричардсон не сделал ничего, чтобы облегчить напряженные отношения между родами войск. Напротив, он, как ураган, вылетел на Сайпан и 12 июля был там. Даже не извинившись перед Спрюэнсом, Тернером и Холландом Смитом, он обошел 27-ю дивизию, вручил награды и для своей апелляционной комиссии снял показания с офицеров дивизии, включая генерал-майора Джорджа Грайнера, который сменил генерала Джармэна. Адмирал Спрюэнс, предвидя неприятности, вытянул из

Холланда Смита обещание, что он будет сдерживать эмоции. Келли Тернер не желал давать подобных гарантий.

После церемонии вручения наград генерал-лейтенант Холланд Смит и генерал-майор Гарри Шмидт, командир 4-й дивизии морской пехоты, зашли к генерал-лейтенанту Ричардсону домой. Ричардсон, в присутствии Шмидта, снова начал бранить Холланда Смита.

— Вы не имели никакого права смещать Ральфа Смита,— сказал Ричардсон.— 27-ая — одна из наиболее хорошо обученных дивизий на Тихом океане. Я сам их обучал. Вы дискриминируете армейских военачальников в пользу морских пехотинцев. Я хочу, чтобы вы знали, что вы не можете помыкать армией так, как вы это делали раньше. Вы и ваши командующие корпусами не имеют такого богатого опыта руководства большими подразделениями, как генералы армии. Мы имели больше опыта в руководстве войсковыми соединениями, чем вы, и все же вы посмели снять одного из моих генералов... Так или иначе, вы, морские пехотинцы, только и можете, что бегать по пляжу. Что вы знаете о сухопутной войне?

К недоверчивому изумлению всех, кто слышал эту историю, «Вопль» Смит сумел сдержаться и молча выслушать весь этот поток ругательств. Однако когда Ричардсон посетил «Рокки Маунт», Келли Тернер резко напомнил ему о субординации и требованиях протокола. Ричардсон ответил, что он никоим образом не подчинялся ни одному офицеру на Марианских островах. После этого «Ужасный» Тернер разразился такой тирадой, что генерал побелел от гнева. Сдержав злобу, Ричардсон пошел сразу на «Индианаполис», чтобы пожаловаться Спрюэнсу. Последний пробовал как-то сгладить ситуацию. «Это просто обычная манера Келли Тернера,— сказал он,— и никто не относится к нему всерьез».

Холланд Смит подготовил официальный рапорт о поведении Ричардсона, и Гарри Шмидт подтвердил информацию в письменной форме. Келли Тернер включил рапорт Смита в свой собственный резко отрицательный отзыв, названный «Рапортом о незаконном принятии на себя командных полномочий генерал-лейтенантом

Р.С. Ричардсоном младшим, США». Спрюэнс передал сообщение Тернера Нимицу. Генерал Ричардсон, по его возвращению в Форт Шафтер, послал Нимицу рапорт, в котором обвинял Тернера в грубой неучтивости к себе. Позже он послал Нимицу рапорт комиссии Бакнера, которая, естественно, пришла к выводу, что смещение Ральфа Смита было необосновано.

Адмирал Нимиц просто проигнорировал весь этот глупый спор. Когда он получил официальный рапорт Спрюэнса о кампании Марианских островов, он лично удалил все уничижительные заявления относительно 27-й дивизии. Узнав, что генерал Ричардсон послал копию рапорта комиссии Бакнера генералу Маршаллу, Нимиц, пометив его собственную копию этого рапорта: «Приложение 1», а рапорты Тернера и Ричардсона — «Приложение 2», послал оба рапорта адмиралу Кингу с посыльным офицером под грифом «совершенно секретно». В его сопроводительном письме Кингу он написал:

> «Приложения 1 и 2 переданы Вам в настоящее время в неофициальном порядке, просто для того, чтобы Вы могли иметь полную информацию об их содержании. Я думаю, что генерал Маршалл получил от генерала Ричардсона копию рапорта комиссии Бакнера, который составляет часть "Приложения 1", и что он, возможно, получил искаженную и одностороннюю информацию о разногласиях между Тернером и Смитом, с одной стороны, и генералом Ричардсоном, с другой.
>
> Я не предлагаю эти вопросы Вашему вниманию официально еще и потому, что я все еще имею надежду урегулировать конфликт на местном уровне, даже если такое урегулирование состоит только в оформлении бумаг. Если я отправлю их Вам официально, возможно, Вам придется поднять вопрос в Военном ведомстве, что может привести к неприятным и ненужным противоречиям в то время, когда мы нуждаемся в энергии всех наших людей, чтобы выиграть войну.

Я хочу, чтобы Вы были полностью информированы по этим вопросам, на тот случай, если Маршалл когда-либо поднимет этот вопрос при встрече с Вами. Я полагаю, что Маршалл считает, что армейские подразделения не должны быть помещены под начало морских пехотинцев. Я надеюсь, что я неправ, поскольку я не считаю, что армейские подразделения не могут служить под руководством офицеров морской пехоты или что морские пехотинцы не могут служить под началом армейских офицеров».

В Объединенном комитете уже знали о происходящем. Военное министерство, пытаясь разрядить обстановку, перевело генерала Ральфа Смита с тихоокеанского театра и дал ему должность в Европе. К счастью, у флота было еще одно место для Холланда Смита. Ему приказали принять командование недавно созданными силами морской пехоты Тихокеанского флота. Это продвижение по службе, которое планировалось перед скандалом, означало, что Смит не будет снова командовать солдатами. И при этом он не будет непосредственно командовать никакими боевыми единицами.

Генерал Маршалл действительно обсуждал с адмиралом Кингом рапорт комиссии Бакнера, и Кинг утверждал, что генерал Ричардсон не имел никакого права организовывать армейскую комиссию, чтобы изменять решение офицера морской пехоты. Маршалл ответил, что Ричардсон действовал в рамках своих полномочий, так как комиссия не имела никакой судебной власти и была создана просто для того, чтобы снабдить Ричардсона информацией. Тогда Маршалл, имея в виду как Нимица, так и Ричардсона, предложил, чтобы высокопоставленные офицеры всех родов войск на Тихом океане должны быть проинструктированы, что «предотвращение такого состояния дел является их прямой обязанностью, как и задача исправления ситуации, если неблагоприятная ситуация все же сложилась». Кинг ответил, что такая инструкция могла причинить больше неприятностей, чем добра. «Я не вижу никакой пользы в том, чтобы позволить

ему [Ричардсону] проводить дальнейшее расследование в тех направлениях, которые он, по-видимому, считает правильными». На том этот вопрос и был оставлен, и только спустя несколько лет после войны Холланд Смит вновь вскрыл противоречия в своих довольно желчных мемуарах «Коралл и медь».

В середине 1944 года командование Тихоокеанского флота и Объединенный комитет начальников штабов пересмотрел стратегию, чтобы определить, как можно ускорить войну против Японии. Казалось, что возможность ускорения подтвердилась поразительным успехом авианосцев в нейтрализации Маршалловых островов и совершения рейдов на Трук и Палау.

Самая смелая стратегия, предложенная планировщиками Объединенного штаба, подразумевала наступление к северу от Сайпана при поддержке авианосцев, через острова Бонин, для вторжения непосредственно в Японию. Адмирал Нимиц выступил против этого плана, сочтя его слишком опасным. Более надежным путем к победе над Японией было продление плана Объединенного комитета, принятого в марте, то есть наступление через Филиппины, Формозу и острова Рюкю к Кюсю и Хонсю.

Макартур, конечно, поддерживал последний план. Нимиц поначалу согласился с ним, потому что на этом маршруте воздушные силы наземного базирования, наземные войска и военно-морские силы смогут продвигаться вместе.

В начале июля Макартур представил детальный график выполнения плана номер 2. Его силы должны были продвинуться через полуостров Фогелькоп и остров Моротаи и при поддержке Тихоокеанского флота высадиться на Минданао 25 октября и на Лейте 15 ноября. Когда Лейте будет взят, Центрально-Тихоокеанские силы смогли бы подойти к северному Лусону 15 января 1945 года. Юго-Западные Тихоокеанские силы должны были высадиться в юго-восточном Лусоне и на Миндоро в феврале. Тогда, снова при поддержке Тихоокеанского флота, Юго-Западные Тихоокеанские силы смогли бы развернуться к северу от Лусона, высадить

шесть дивизий в заливе Линген 1 апреля 1945 года для наступления на Манилу.

Сложный план Макартура мало кому понравился. Генерал Кенни указал, что он не предусматривает достаточной воздушной поддержки. Все согласились с тем, что он был слишком медленным. Дата 1 апреля для главного нападения на Лусон была неприемлема. Адмирал Нимиц выступил с дополнительным планом: позволить Юго-западным Тихоокеанским силам Макартура при поддержке Тихоокеанского флота высадиться на Минданао, организовать там аэродромы для удержания японской авиации на нейтрализованном Лусоне, а затем присоединиться к Центрально-Тихоокеанским силам в наступлении по территории Формозы и Китая.

Макартур был потрясен. Он был решительно против любого плана, включавшего даже временный обход Филиппинских островов, где местное население находилось под властью японцев, считая такие планы стратегически необоснованными и нравственно неправильными. Он послал рапорт Объединенному комитету: «Я прошу дать мне возможность лично отправиться в Вашингтон, чтобы представить мои взгляды в полном объеме».

Президент Рузвельт считал, что у него есть идея получше. Так как он планировал совершить инспекционный тур по базам на Тихоокеанском побережье и Гавайях после национального съезда демократической партии, который должен был начаться 19 июля, он собирался встретить генерала Макартура и адмирала Нимица на Оаху и попытаться уладить их разногласия. Вопреки его былой привычке, при путешествии через океан он не хотел, чтобы его сопровождал весь Объединенный комитет начальников штабов. Он собирался взять с собой только адмирала Леги, и не в качестве старшего члена Объединенного комитета, но как начальник штаба президента.

Адмирал Нимиц, похоже, первый узнал о надвигающемся визите президента, когда Майк Рейли, руководитель команды секретной службы Белого дома, прибыл в Перл-Харбор, чтобы осмотреть и обеспечить меры безопасности. Рейли выбрал для проживания главы государства

роскошное жилище в Вайкики-Бич, который флот арендовал для пилотов в отпуске. Нимиц отправил Макартуру приглашение в Перл-Харбор. Из соображений безопасности, возможно помня о судьбе Ямамото, он не упомянул о визите президента. Макартур вежливо извинился, сказав, что слишком занят.

От встречи между мистером Рузвельтом и генералом Макартуром все ждали осложнений. Хотя они хорошо узнали друг друга, когда Макартур был армейским начальником штаба, генерал совершенно не был поклонником президента и до последнего времени был его политическим конкурентом. Он разрешил выдвинул свою кандидатуру на первичных выборах от Республиканской партии, выступая против Уэнделла Виллки и Томаса Э. Дьюи. В Висконсине он шел вторым, но обогнал трех кандидатов. В борьбе против неизвестного кандидата на внутрипартийных выборах кандидата в президенты в Иллинойсе он получил 300 000 голосов.

Макартур, казалось, набирал силу, пока все не испортил из-за явной политической наивности. Он завязал переписку с малоизвестным конгрессменом из штата Небраска, который имел слабость к преувеличению. В его письмах генералу конгрессмен выдавал, например, такие экстремистские заявления: «Если система представителей левого крыла и "новый курс" продолжится в течение следующих четырех лет, я уверен, что эта монархия, которая устанавливается в Америке, уничтожит права простых людей». Макартур решил, что на письмо, содержащее такую вспышку, необходимо дать вежливый ответ. «Мне очень понравилось Ваше ученое письмо,— написал генерал.— Ваше описание ситуации в Соединенных Штатах в самом деле отрезвляющее и рассчитано на то, чтобы повергнуть в глубокое раздумье каждого истинного патриота».

Когда конгрессмен выпускал эту конфиденциальную корреспонденцию в прессу, создалось впечатление, что Макартур разделяет его экстремистские представления. Общественная реакция была чрезвычайно неблагоприятной. Генерал и его покровители поняли, что его участие

в выборах сорвалось, и Макартур осторожно вышел из борьбы.

13 июля в Перл-Харбор прибыл адмирал Кинг, чтобы провести одно из периодических совещаний с Нимицем и произвести осмотр боевых частей. Он был полон сарказма. Он был убежден, что посещение президентом Тихого океана без Объединенного комитета было политически обоснованной игрой на публику. Только за два дня до этого Рузвельт уведомил председателя национальной демократической партии, что он примет назначение партии на четвертый срок: «Если съезд... выдвинет меня на президентство, я соглашусь. Если люди выберут меня, я буду служить. Наши сыновья, служащие на этой войне, имеют офицеров, которые отдают им приказы. У таких офицеров есть старшие офицеры. Президент — главнокомандующий, но и у него тоже есть старший офицер — народ Соединенных Штатов».

Несколькими неделями ранее президент Рузвельт передал адмиралу Кингу через адмирала Леги, что он хотел бы, чтобы флот сократил звания «главнокомандующий американского флота», «главнокомандующий Атлантического флота и «главнокомандующий Тихоокеанского флота», поставив «командующий» вместо «главнокомандующий». Таким образом, оставался только один главнокомандующий, президент, который был главнокомандующим армии и флота. Кинг сказал Леги, что он предпримет какие-то шаги, только если мистер Рузвельт приказал или четко потребовал произвести изменение. Леги ответил, что президент предпочел не выпускать четкий приказ, но просто хотел бы сделать это. Поэтому Кинг не обратил на вопрос внимание, и никакая замена не была произведена.

На его совещании с адмиралом Нимицем адмирал Кинг сказал, что армейские ВВС просили разместить двенадцать групп В-29 на Марианских островах для бомбежки Японии. Кинг, который мало верил в то, что бомбардировщики могут внести существенный вклад, дал разрешение только на четыре группы. По его мнению, обслуживание такого количества дополнительных

бомбардировщиков в Тихом океане могло отклонить поддержку от флота и, таким образом, от «продолжения войны». Он признал желательность оборудования базы на островах Бонин, или Вулканических, к северу от Марианских островов, откуда истребители ближнего действия могли бы сопровождать бомбардировщики к целям, но он полагал, что эту операцию не нужно выполнять, если вторжение в Японию не было необходимо. Он предписал Нимицу оценить выполнимость взятия Чичидзимы или Иводзимы и подготовить планы.

Поскольку потребность в крупных военных кораблях в борьбе против Германии вроде бы закончилась, британцы предложили, чтобы часть Королевского флота была переведена в Тихий океан, чтобы работать против японцев. Предложение возмутило Кинга. Он назвал его «вторжением» в область, где американцы уже прорвались через главную оборону врага. Он выступал против того, чтобы другой флот разделил заслугу заключительного завоевания. Кроме того, британский флот в Тихом океане, испытывая недостаток в ресурсах, был бы бременем для американской системы снабжения. По последней причине Кинг получил указание от Объединенного комитета начальников штабов по поводу того, что Королевский флот не должен находиться к северу или к востоку от Филиппин.

Кинг полагал, что британцы могли бы внести вклад, поддержав австралийцев в возвращении Борнео и Суматры, источников нефти для операций в далеком западном Тихом океане. С другой стороны, он беспокоился о наличии британских войск в Ост-Индии вообще, так как опасался, что они на основании своего вклада в завоевание области потребуют присоединить к Великобритании то, что было голландской территорией.

Кинг слышал, что лорд Льюис Маунтбеттен, британский дальневосточный командующий, полагал, что союзники подчиняются Макартуру как верховному командующему. Адмирал решил, что эта возможность так встревожит генерала, что он был бы счастлив обсудить ее. Поэтому он послал генералу приглашение присоеди-

питься к нему в Перл-Харбор. Макартур снова ответил сожалениями, снова сказав, что он слишком занят.

Генерал Маршалл, который был а курсе приглашения и сожалений генерала, принял меры. Он приказал Макартуру вылететь на Гавайи, чтобы встретить «мистера Бига».

Во время нахождения в Перл-Харборе адмирал Кинг произвел некоторый осмотр. Он посетил субмарину, собирающуюся выйти в море, и некоторые другие, недавно вернувшиеся с военного патрулирования, и провел длительное совещание с адмиралом Локвудом. Он четко знал, что немецкие субмарины почти победили островное королевство Великобритании, пуская ко дну суда снабжения, и полагал, что американские субмарины, которые теперь уничтожали огромные количества вражеских танкеров и грузовых судов, могли внести основной вклад в поражение Японии.

14 июля Кинг и Нимиц вылетели на Кваджалейн, где они осмотрели новые сооружения и провели ночь. Потеряв 15 июля — они пересекли линию перемены дат, — они прибыли в Эниветок 16-го числа. Атолл был переполнен самолетами и запасами, потому что он был не только американским перевалочным пунктом, ближайшим к Марианским островам, но также и базой бомбардировщиков, бомбящих Трук. Путешественники после осмотра, пообедали и провели ночь на борту «Кертисса» как гости адмирала Гувера.

Утром 17 июля группа офицеров во главе с Кингом и Нимицем вылетела с Эниветока и совершила шестичасовой перелет на Сайпан. Их самолет сопровождался несколькими гидросамолетами и, по приближении к Сайпану, эскадрильей истребителей. Это была необходимая предосторожность, так как японцы все еще удерживали остальную часть Марианских островов. На аэродроме делегацию встречали адмирал Спрюэнс, адмирал Тернер, генерал Холланд Смит и несколько других офицеров. Первые слова Кинга, когда он вышел из самолета, были обращены к командующему Пятым флотом:

— Спрюэнс, вы провели чертовски прекрасную работу там. Независимо от того, что другие люди говорят вам, ваше решение было правильным.

Хозяева и гости перебрались на различных транспортных средствах к разбитой деревне Чаран-Каноа на Западном побережье, где у генерала Смита был грубо сколоченный штаб корпуса, в котором можно было устроить завтрак. Завтракая, посетители слушали из первых уст рассказы о яростной заключительной битве, в которой сотни японцев жертвовали жизнями в надежде унести с собой нескольких американцев. Американские потери не были окончательно оценены, но, по-видимому, превышали 16 000 убитыми и ранеными.

После завтрака офицеры отправились на западное побережье, чтобы осмотреть берега, где высадились морские пехотинцы. Холланд Смит, красноречиво повествовавший о боевой эффективности его морских пехотинцев, внезапно сказал Кингу:

— Дайте меня три дивизии морских пехотинцев, и я возьму Лусон.

— Каким мясом вы объелись? —проворчал главнокомандующий.

— Тем же самым, что Вы ели в течение последних сорока лет, — ответил Смит.

Позже Кинг заметил: «Проблема с Холландом Смитом та же, что и со Стиуэллом в Китае. Все, что он хочет, — драться».

Кинг и Нимиц предложили взойти в вершину горы Тапочау, откуда они смогут увидеть весь остров и изучить проблемы, с которыми столкнулись при его захвате. В этой операции Холланду Смиту пришлось проявить огромное упорство. Он объяснил, что, хотя остров был объявлен безопасным и 12 июля был поднят американский флаг, сделать надо было еще много. Японские солдаты были повсюду, скрываясь в пещерах, ущельях и тростниковых полях, и были готовы стрелять при любой возможности. Гора Тапочау просто кишела ими. Нимиц и Кинг согласились миновать гору, но настаивали на обходе всего острова. Смит возразил, что это также было чрезвычайно опасно, но гости были непреклонны.

Позже Смит заметил: «Никто никогда не смог бы обвинить Эрни Кинга или Честера Нимица в недостатке мужества или уравновешенности».

Остров объехали на джипах. В одном были Кинг, Нимиц, Спрюэнс и Смит. В других были морские пехотинцы, с винтовками наизготовку. Процессия остановилась на мысе Марпи Пойнт, северной оконечности острова, где сотни японских гражданских жителей бросились с утесов на острые камни, чтобы не попасть в руки американцев. Для Кинга и Нимица это массовое самоубийство и самопожертвование японских солдат были миниатюрным примером того, что будет происходить во время вторжения на японские внутренние острова. Они допускали возможность того, что придется морить Японию голодом до капитуляции посредством морской блокады.

Когда офицеры проезжали мимо тростниковых полей восточного побережья, морские пехотинцы сопровождения опасались снайперов, но никакой стрельбы не было. Гости увидели хребет, где несколько старших японских офицеров убили себя, чтобы не видеть неизбежного поражения. Среди них был адмирал Чуичи Нагумо, который командовал японскими авианосцами в сражении при Мидуэе. Они также видели солдат 2-й и 4-й дивизий морской пехоты и 27-й армейской пехотной дивизии — это были воины, занявшие остров.

Когда поездка была закончена, офицеры взошли на борт амфибии и под ее пыхтение отправились к *«Индианаполису»*. Поскольку погода была жаркая и на крейсере нельзя было включать никакой свет в этих опасных водах, обед подали поздно днем, когда люки можно было оставить открытыми, чтобы пропустить немного свежего воздуха. К сожалению, через открытые люки также залетали рои огромных черных мух, которые продолжали садиться на обедающих и еду. У некоторых офицеров вызывала отвращение мысль, что мухи, вероятно, только что пожирали мертвых японцев на Сайпане.

После обеда высокопоставленные офицеры совещались; их главной темой была стратегия. Кинг спросил Спрюэнса, что он порекомендует в качестве следующей цели.

— Окинаву,— сказал Спрюэнс.

— Вы сможете занять его? — спросил Кинг.

— Я думаю, да, если мы сможем найти способ переброски тяжелых боеприпасов по морю.— Он объяснил, что авианосцы должны будут остаться в море между Окинавой и Японией «управлять вторжением», пока остров не будет защищен. Нимиц пообещал обсудить этот вопрос с вице-адмиралом Колхауном.

Конфиденциально Кинг напомнил Спрюэнсу, что кэптен Карл Мур, начальник штаба последнего, вскоре должен был быть заменен. Мур не имел право на его теперешнюю должность, потому что, во-первых, он, как и Спрюэнс, не был летчиком, а во-вторых, потому что он был кэптеном, тогда как адмирал с четырьмя звездами на погонах должен был иметь по крайней мере контр-адмирала в качестве начальника штаба. Муру до сих пор разрешали оставаться со Спрюэнсом только потому, что он помогал планировать кампанию на Марианских островах. В марте Митшер неохотно принял на должность начальника штаба знаменитого командира эсминца кэптена Арли Берка вместо кэптена Трумана Дж. Хеддинга. Спрюэнс попросил Кинга повысить Мура до контр-адмирала, но Кинг и слышать об этом не желал. Мур когда-то посадил крейсер на мель, а это было таким промахом, который Кинг ни за что не прощал.

После жаркой ночи в закрытом неподвижном корабле Кинг и Нимиц сошли на берег, главным образом для того, чтобы выяснить ситуацию с поставками. Они посетили юго-западный берег, где вся доступная артиллерия, почти 200 полевых орудий, стояла ось к оси, готовясь начать обстрел близлежащего Тиниана. Нападение на Тиниан было намечено на 24 июля, с 2-й и 4-й дивизиями морской пехоты в качестве десанта. На Гуам 21 июля должны были высадиться 3-я дивизия морской пехоты и 1-я сводная бригада морской пехоты; 77-я пехотная дивизия оставалась в резерве. 27-я дивизия должна была быть переведена на Новые Гебриды для переобучения.

Вскоре перед полуднем группа Кинга—Нимица взлетела, чтобы возвратиться на Оаху. По пути они ос-

тановились в Эниветоке и Маджуро и достигли Перл-Харбор 20 июля за завтраком.

Адмирал Кинг и его штаб провели два дня, рассматривая планы, которые штаб Нимица разработал в течение его отсутствия. Штаб командующего Тихоокеанским флотом хотел, чтобы вторжение на Палау, намеченное на 15 сентября, сопровождалось штурмом острова Яп и занятием Улити, атолла с превосходной гаванью, который Нимиц «открыл» при изучении тихоокеанских карт. Контр-адмирал Кэрни рискнул поспорить с идеей Кинга об обходе Филиппин.

— Вы хотите сделать из Манилы Лондон?

— Нет, сэр,— ответил Кэрни — Я хочу сделать Англию из Лусона.

В течение его последнего вечера в Перл-Харборе Кинг говорил с Нимицем о предстоящем совещании последнего с Президентом и генералом Макартуром. Они согласились, что существует много аргументов в пользу взятия Лусона, но Формоза была стратегически лучше расположена как относительно Китая, так и относительно Японии. Кинг не отдал Нимицу никаких определенных распоряжений о том, какие аргументы ему следует использовать или даже какую из дополнительных стратегий он должен был поддержать. Он просто попросил его очень тщательно обдумать, что он должен предложить.

Кинг написал письмо Макартуру. В этом письме он описал обсуждение, которое произошло в Лондоне между американскими и британскими начальниками штабов по поводу предложенного британского участия в войне против Японии. 22 июля он с группой офицеров вылетели в Вашингтон. Направляясь на восток, самолет Кинга пролетел над движущимся в сторону Перл-Харбор тяжелым крейсером «Балтимор», на борту которого находился президент Рузвельт.

Президент пересек страну специальным поездом, сделав остановку, чтобы посовещаться с политическими лидерами в Чикаго, где должен был поводиться съезд Демократической партии. 20 июля съезд единогласно выдвинул его на четвертый срок, и он прочитал по радио

речь, сидя в поезде, пока он стоял на запасном пути в военно-морской полосе отчуждения в Сан-Диего. На следующий день сенатор Гарри С. Трумэн, Миссури, с президентским благословением, был выдвинут на пост вице-президента. В следующую полночь Рузвельт вышел на борту «Балтимора» из Сан-Диего. Адмирал Нимиц и генерал Макартур были проинформированы относительно времени его прибытия в Перл-Харбор.

Нимиц пригласил Макартура остановиться в его доме на Макалапе в течение предстоящего визита последнего на Гавайи. Генерал Ричардсон, старый друг с Вест-Пойнта, попросил его остановиться с ним в Форте Шафтер. Поскольку из-за помех радиодепешу Нимица понять было невозможно, Макартур принял приглашение Ричардсона прежде, чем он понял его также пригласил и адмирал.

Штаб Нимица старался держать приближающийся президентский визит в секрете, но об этом должно было знать так много людей, участвовавших в приготовлениях, что информация все равно просочилась. Нимиц в целях предосторожности приказал, чтобы вся почта, уходящая с Гавайев, была задержана, пока президент не отбудет. Накануне прибытия Рузвельта главнокомандующий Тихоокеанским флотом отдал приказ всем матросам и офицерам на судах в Перл-Харбор, в области береговой линии и на главной улице базы носить 26 июля белые мундиры. В начале дня 26-го «Балтимор» обогнул мыс Даймонд-Хэд. У форта Камехамеха он замедлил ход, чтобы принять лоцмана. Адмирал Нимиц, генерал Ричардсон и другие старшие офицеры взошли на борт с лоцманского буксира. Когда крейсер вошел в пролив, на мачте был поднят президентский флаг. В гавани команды всех судов выстроились вдоль лееров.

У пирса крейсер замедлил ход и подошел к пристани. На пирсе, с Соком Макморрисом во главе, стояла шеренга высокопоставленных офицеров в сияющих белых мундирах — генерал Ливи, и адмиралы Тауэрс, Локвуд, Паунелл, Кэрни, и Форрест Шерман, и больше десятка других. Сок скомандовал: «Равнение направо!» Эти

офицеры средних лет так давно не проходили строевую подготовку, что двое из них повернули головы налево, вызвав ликование моряков на «Балтиморе». Все вокруг ободряюще свистели и махали руками, когда строй офицеров немного суматошно прошел на борт, чтобы быть представленным президенту в штабной каюте. Когда все, кроме адмиралов Нимица и Леги, отбыли, мистер Рузвельт спросил о генерале Макартуре.

Макартур прибыл приблизительно часом ранее, но вместо того, чтобы присоединиться к другим офицерам, чтобы приветствовать главнокомандующего, он пошел домой к генералу Ричардсону в Форт Шафтер. Президент, подождав некоторое время, собрался было сходить на берег, когда со стороны Гонолулу послышались приветствия, полицейские свистки, автомобильная сирена и рев мотоциклов эскорта. Через некоторое время на пирсе появились полицейские на мотоциклах, а потом прикатил длинный армейский автомобиль с четырехзвездным генеральским флагом на капоте и с шофером в хаки за рулем. На заднем сиденье в одиночестве восседал генерал Макартур.

Автомобиль остановился у трапа, и генерал вышел. Он был одет в брюки хаки, коричневую летную куртку и фуражку филиппинского маршала. На середине трапа он остановился и повернулся, чтобы поклониться в ответ на аплодисменты толпы. В проходе, под звуки боцманских дудок, он энергично отсалютовал квартердеку. Преднамеренно или нет, но генерал отодвинул на задний план самого президента — как и всех остальных. В каюте Рузвельт тепло его приветствовал.

— Дуглас,— сказал адмирал Леги, с которым они дружили уже почти сорок лет,— почему вы приходите к главнокомандующему одетым не по форме?

— Ну,— ответил Макартур,— вас не было там, откуда я прибыл, а там, в небе, довольно холодно.

После краткой пресс-конференции вызвали фотографов, которые сделали снимки президента с генералом Макартуром и адмиралом Нимицем, севшими вместе на стулья на палубе.

Президент и сопровождающие его офицеры сошли с крейсера в 17:00 и прошли мимо толпы приветствующих штатских и людей в мундирах к месту жительства Рузвельта в Гонолулу. Нимиц пошел на холм Макалапа. Макартур отправился с генералом Ричардсоном в Форт Шафтер. Войдя в дом Ричардсона, обычно сдержанный Макартур дал выход своей досаде. Он чувствовал себя оскорбленным, он кричал. Подумать только, ему приказали оставить пост, чтобы участвовать в вечеринке с фотографиями на память.

Генерал, шагая взад-вперед, продолжал метать громы и молнии. Он заявил, что пресс-конференция — часть политического спектакля, устроенного только ради того, чтобы показать, как главнокомандующий сразу после назначения советует своим тихоокеанским командирам, как победить азиатского врага.

Ему вручили письмо адмирала Кинга. Он воспринял это как предупреждение, без сомнения сделанное с подачи Кинга, что, пока он на Филиппинах, на его территории Австралии и Ост-Индии развернутся не подчиняющиеся ему британские войска.

За обедом Макартур доверительно сказал Ричардсону, что он потрясен видом президента, которого он не видел семь лет,— у него были впалые щеки, а его тело так иссохлось, что одежда висела на нем совершенно свободно. Тут прибыло приглашение от Рузвельта присоединиться к нему утром на параде. Это разожгло злобу генерала с новой силой — опять фотографии, опять реклама для политической кампании!

У генерала Ричардсона, устраивавшего на следующий день парадный смотр войск с посещением нескольких военных объектов, возникли трудности с поиском открытого автомобиля для президента. Во всей округе было только две таких машины: красный пятиместный лимузин, принадлежавший начальнику местной пожарной охраны Гонолулу, и более внушительный семиместный автомобиль, который принадлежал владелице одного из знаменитых публичных домов Гонолулу. Ричардсон, понимая, что больший автомобиль все бы сразу узнали, был

вынужден выбрать меньший красный. Нимиц, втиснувшись на заднее сиденье между президентом и генералом Макартуром, оказался почти не у дел, пока «Дуглас» и «Франклин» обменивались впечатлениями.

В тот вечер, после обеда у Рузвельта, президент, Макартур, Леги и Нимиц собрались в гостиной, где висела огромная карта Тихого океана. Рузвельт, проезжая мимо карты в инвалидном кресле, указал на Минданао и спросил Макартура:

— Дуглас, куда мы идем отсюда?

— К Лейте, мистер президент, а затем к Лусону!

Дальнейшее обсуждение проводилось тихо, по-дружески. Нимиц и Макартур время от времени вставали, чтобы показать бамбуковой указкой на различные области на большой карте. Рузвельт иногда вмешивался, чтобы сгладить противоречия. Нимиц разъяснил стратегические преимущества Формозы: она была идеально расположена для того, чтобы блокировать подвоз к Японии нефти, олова, каучука, хинина и других жизненно важных материалов из Ост-Индии; она была расположена близко к Китаю, где американцы надеялись получить поддержку китайской армии в организации базы на материке для бомбежек, если необходимо, для вторжения в Японию. Однако Нимицу было сложно настаивать на продвижении к Формозе, потому что он все тщательно обдумал, как советовал Кинг, и пришел к выводу, что обход Лусона, возможно, не лучшая идея.

Макартур основывал свои аргументы в основном на гуманизме. «Вы не можете оставить 17 миллионов лояльных филиппинских христиан японцам в пользу освобождения Формозы и возвращения ее Китаю, — настаивал он. — Американское общественное мнение осудит Вас, мистер президент. И это будет справедливо.

Народ Дальнего Востока, продолжал Макартур, еще резче отреагирует на такой отказ. Люди воспримут это как доказательство японской пропаганды в том смысле, что мы не желаем проливать американскую кровь, чтобы спасти наших друзей на востоке. Он говорил о 3700 американских военнопленных в Лусоне, надеющихся на

скорое избавление. Занимая Формозу на севере и Минданао на юге, мы отрежем остальную часть Филиппин от всех внешних источников снабжения. Японские оккупанты, конечно, прокормятся, а филиппинцы и американские военнопленнные останутся голодать.

Генерал обратился к военным проблемам. Японские аэродромы на Лусоне, сказал он, не могут быть нейтрализованы с отдаленного Минданао. Американские аэродромы должны быть построены на Лейте или Миндоро или на обоих островах. Как только это будет сделано, силы Макартура смогут высадиться на берегах залива Лингайен и войти в Манилу через пять недель.

— Но, Дуглас,— возразил президент, вспомнив о недавно обнаруженной японской базе и резервах авиации в районе Манилы,— штурм Лусона требует более тяжелых потерь, чем мы можем себе позволить. Мне кажется, мы *должны* его обойти.

— Мистер президент, мои потери не будут тяжелее, чем раньше. Времена лобовых атак прошли. Современное оружие пехоты слишком мощное, и прямой штурм теперь невозможен. Только посредственные командующие все еще используют эту тактику. Ваши хорошие командующие не несут тяжелых потерь.

Адмирал Нимиц мог бы ответить на очевидную инсинуацию, что, если бы наступление в центре не помешало японским силам сосредоточиться на более предсказуемом продвижении сил Макартура через юг, потери генерала были бы намного более тяжелы. Но Нимиц решил проигнорировать плохие манеры Макартура. Он слушал пристально и был заинтересован только в том, чтобы изобрести наиболее эффективную и наименее дорогостоящую стратегию победы над врагом.

Генерал Макартур указал, что американцы при высадке на Формозе не могли ожидать никакой помощи от народных масс, потому что остров был во владении японцев в течение половины столетия. На Филиппинах, с другой стороны, мы могли ожидать активной помощи от филиппинцев против ненавистных японских оккупантов. В некоторых районах мощные филиппинские партизан-

ские группы уже достигли существенных результатов в изгнании завоевателей.

Обсуждение продолжалось до полуночи и было возобновлено следующим утром. Скоро стало очевидно, что Макартур выиграл спор, убедив не только президента Рузвельта, но и адмирала Нимица. Тогда он обратился к вопросу, который его очень беспокоил,— включение британских войск в Тихоокеанскую войну. Теперь, когда американцы с помощью других союзнических сил были уже недалеко от победы, он не видел никаких причин для замены каких-либо американских сил британскими, так, чтобы британцы тоже могли бы пожинать плоды победы. Макартур боялся, что они заберут от него австралийские и новозеландские войска и не только не обеспечат никакой материальной поддержки, но будут и сами требовать ее. Британские войска на Дальнем Востоке, сказал он, повредят американскому престижу в этом районе. Он приветствовал бы британский вклад в войну в Юго-западном секторе Тихом океане, но только при существующей структуре командования. Президент, похоже, сочувствовал, но не соглашался.

В полдень встреча закончилась, и все забрались в ожидавшие их автомобили и выехали к Перл-Харбор, чтобы позавтракать у адмирала Нимица. Когда они достигли Макалапа, Нимиц едва узнал свой дом. Под руководством Майка Рейли инженерно-строительные войска обрабатывали его весь предыдущий день и все утро. Они временно удалили пальмы, чтобы провести дорогу вокруг дома к черному ходу, где президента можно было перенести из автомобиля в инвалидное кресло без посторонних наблюдателей, поскольку он был чувствителен в этих вопросах. Они построили скат до черного хода, на котором они перевесили дверь, чтобы прошло инвалидное кресло. Они фактически перестроили внизу ванную для удобства Рузвельта. Наконец, они покрасили все их новшества и высушили краску паяльными лампами.

Перед завтраком президент выпил три крепких мартини. Было тридцать шесть гостей, блестящая подборка генералов и адмиралов. Кроме Макартура, Леги и Нимица,

там был адмирал Хэлси, недавно отозванный с Южного сектора Тихого океана. Ламар насчитал на воротниках присутствующих 146 звезд. Главным блюдом была знаменитая гавайская рыба махимахи, которая была исследована и одобрена личным врачом президента вице-адмиралом Россом Макинтайром.

После завтрака генерал Макартур распрощался со всеми. Он заверил Рузвельта в том, что он и адмирал Нимиц устранили все разногласия. «Наши взгляды полностью сходятся, мистер президент,— сказал он.— Мы понимаем друг друга абсолютно». Самолет генерала ждал на аэродроме Хикэм. Когда самолет взлетел, Макартур повернулся к своему помощнику и радостно воскликнул: «Мы протолкнули эту идею!»

В тот день президента отвезли в военно-морской госпиталь Алеа, чтобы посетить раненых. Он настоял на том, чтобы его провозили через палаты медленно, так как там были молодые люди, которые лишились конечностей. Он хотел показать им, что он знал, каково это — иметь мертвые ноги, и что он смог возвыситься над своим несчастьем.

На следующий день, 29 июля, Рузвельт наблюдал, как на аэродроме Хикэм выносят из самолетов раненых с Гуама. Он осмотрел военно-морскую верфь в Перл-Харборе. Он произнес речь со своего открытого автомобиля, обращаясь к руководящим офицерам, солдатам и гражданским рабочим, собравшимся перед зданием штаба 14-го Военно-морского округа. На закате он сидел в автомобиле на пирсе рядом с «Балтимором» и болтал с Нимицем, Ричардсоном и Громли. Он поблагодарил их за три светлых и конструктивных дня, обменялся рукопожатием, и его увезли на борт крейсера, который после наступления темноты лег на курс 354 градуса и отправился к Адаку на Алеутских островах.

На следующий день, когда солдаты строительных войск сажали обратно пальмы Нимица и восстанавливали его дом в прежнем виде, Хэлси и его штаб заседали в здании разведцентра и составляли предварительные планы завоевания Палау, Япа и Улити. Хэлси ворчал. В

Улити была полезная гавань, но остальная часть операции, как он считал, будет пустой тратой времени и жизней. Вражеская авиация на Каролинских островах больше не представляла угрозы; к тому же теперь, когда американцы находились на Марианских островах, она не могла получить подкрепление из Японии.

Кампания на Марианских островах приближалась к завершению. 2-я и 4-я дивизии морской пехоты при помощи обстрела с земли, моря и воздуха прошли по равнине Тиниана за одну неделю. На некоторое время их задержали утесы и откосы на южной оконечности, но 1 августа генерал Гарри Шмидт смог объявить, что Тиниан взят. Чтобы занять большой остров Гуам, потребовалось немного больше времени. Перед высадкой 21 июля, флот подверг его тринадцатидневной непрерывной методической бомбардировке. Во время боя на берегу отряды 3-й дивизии морской пехоты и 77-й пехотной дивизии сражались рядом, используя одинаковую тактику и поддерживая друг друга.

К середине августа 1944 года все организованное сопротивление на Гуаме прекратилось, и большие Марианские острова были полностью в руках американцев. Победа досталась дорогой ценой: взятие Сайпана, Тиниана и Гуама унесло больше 5000 жизней американских солдат, а японцев было уничтожено почти 60 000. Но Соединенные Штаты проникли через последнюю линию защиты врага и приобрели базы для дальнейших завоеваний, базы подводных лодок для того, чтобы усилить атаки на японские коммуникации, и авиабазы, с которых B-29 могли наносить удары по промышленным объектам, сконцентрированным в районе Токио. О том, насколько Япония была напугана, говорило падение правительства Тодзио, которое начало войну против Соединенных Штатов.

Глава 20

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ФИЛИППИНЫ

У президента Рузвельта не было ни малейшего намерения навязывать соглашение, достигнутое в Гонолулу Нимицем и Макартуром, Объединенному комитету начальников штабов. Только один-единственный раз он обратился к ним по этому вопросу через адмирала Леги, который сообщил о деталях на специальном заседании Объединенного комитета. «Они, возможно, были несколько удивлены,— писал Леги позже,— когда узнали, что Нимиц и Макартур заявили, что у них теперь нет никаких разногласий и что они могут разрабатывать свои совместные планы в сотрудничестве».

На основе сообщения Леги Объединенный комитет должен был составить рекомендацию президенту. К сожалению, они не могли придти к согласию. Генерал Маршалл склонялся к стратегии Макартура, в основном благодаря аргументам генерала, что под угрозой была национальная честь и что с филиппинской помощью американцы

могли бы завоевать Лусон с большей вероятностью, чем они могли бы занять и сохранить опорный пункт на Формозе. Адмирал Кинг, презирая аргумент «национальной чести» как слишком сентиментальный, придерживался своей стратегии, подразумевающей штурм Формозы. Благодаря вторжению на Формозу, настаивал он, война будет выиграна скорее, чем при возвращении Лусона, а следовательно, и Филиппины были бы освобождены быстрее. Он приказал адмиралу Нимицу планировать вторжение на Формозу, а также в Амой, на побережье Китая. Соответственно, Нимиц предписал разведцентру подготовить книгу разведданных по Формозе.

Объединенный комитет все-таки решил приказать генералу Макартуру занять Лейте в центре Филиппинского архипелага, так, чтобы можно было использовать этот остров либо как промежуточный пункт в продвижении к Лусону, либо как авиабазу, с которой могла быть нейтрализована вражеская авиация на Лусоне. Вторжение в Лейте они наметили на 20 декабря, на шесть недель позже вторжения на южный Минданао.

Нимиц, зная, что распоряжения, данные ему Кингом, были лишь предварительными указаниями, послал Форреста Шермана в Вашингтон, чтобы убедить Объединенный комитет принять решение. Шерман напомнил им, что вторжение в Палау должно было состояться уже через две недели. Командующие Центрально-Тихоокеанскими силами должны были знать, куда направляться после этого. Плохое решение, сказал он, возможно, было бы лучше, чем вообще никакого решения.

Объединенный комитет передал проблему для рассмотрения планировщикам, которые, несмотря на увещевания Шермана, решили, что с выбором между Лусоном и Формозой лучше повременить. В сотрудничестве с представителями генерала Макартура они разработали график проведения операций для представления на совещании Объединенного комитета начальников штабов с участием Рузвельта и Черчилля, которое должно было открыться в Квебеке 11 сентября:

15 сентября: Юго-западные Тихоокеанские силы занимают остров Моротаи, расположенные между Новой Гвинеей и южным Минданао; Центрально-Тихоокеанские силы занимают острова Пелелу и Ангаур в архипелаге Палау.

5 октября: Центрально-Тихоокеанские силы занимают острова Яп и Улити.

15 октября: Юго-западные Тихоокеанские силы занимают острова Талауд, лежащие между Моротаи и южным Минданао.

15 ноября: Юго-западные Тихоокеанские силы высаживаются на южном Минданао.

20 декабря: Юго-западные Тихоокеанские силы высаживаются на Лейте; Юго-западные Тихоокеанские и Центрально-Тихоокеанские силы объединяются для высадки либо (1) на Лусоне 20 февраля, либо (2) на Формозе и в Амое 1 марта 1945 года.

11 сентября адмирал Хэлси на своем флагмане, линейном корабле «Нью-Джерси», присоединился к группе быстроходных авианосцев в районе Филиппин. Пока он был в пути из Перл-Харбора, Пятый флот стал Третьим флотом, соединение быстроходных авианосцев сменила свое обозначение с 58-го на 38-е, а адмирал Спрюэнс оставил Сайпан и прибыл в Перл-Харбор на «Индианаполисе». Провести церемонию смены командования не было никакой возможности.

Спрюэнса сопровождал его новый начальник штаба, контр-адмирал Артур К. Дэвис. Также на «Индианаполисе» в качестве пассажира находился экс-начальник штаба Спрюэнса, кэптен Карл Мур. Мур держал путь в Вашингтон, где получил должность в штабе, и впервые за долгие месяцы у него была возможность расслабиться.

Когда «Индианаполис» вошел в Перл-Харбор, сигнальная станция послала поздравительное сообщение от главнокомандующего Тихоокеанским флотом. Когда флагман пришвартовался, Спрюэнс пошел на Макалапа и рапортовал своему главнокомандующему. Нимиц тепло поприветствовал его, а затем сказал:

— Следующая операция будет проводиться на Формозе и в Амое. Так что прыгайте в самолет, отправляй-

тесь в Калифорнию, повидайте вашу семью и возвращайтесь сюда через несколько недель.

— Мне не нравится идея штурма Формозы,— неожиданно среагировал Спрюэнс

— А что бы вы предпочли сделать? — спросил Нимиц.

— Я предпочел бы занять Иводзиму и Окинаву.

— Но это будет Формоза,— сказал Нимиц, вспомнив приказ адмирала Кинга.

Спрюэнс видел в Иводзиме не просто промежуточную станцию, с которой истребители могли сопровождать базирующиеся на Марианских островах В-29 до Токио, но как центр дуги, простирающейся от Окинавы через японские внутренние острова Кюсю, Сикоку и Хонсю к Токио. Бомбардировщики могли бы заправляться в Иводзиме, а оттуда в сопровождении истребителей достигать любой из этих областей. Истребители, базирующиеся на Иво, могли бы осуществлять поддержку флота, находящегося в японских водах, так же, как истребители с Соломоновых островов в конце 1943 года поддержали группы авианосцев, атакующие Рабаул. С Окинавы американцы могли бы перехватывать суда, идущие в Японию с грузом нефти и другого сырья с юга, а также блокировать непосредственные контакты между Японией и Китаем. В качестве базы бомбардировщиков Окинава была великолепно расположена для нападений на южную Японию.

При других обстоятельствах Спрюэнс сразу приказал бы своему штабу составлять планы. Вместо этого он был настолько убежден, что Кинг в конечном счете прозреет и откажется от штурма Формозы, что он порекомендовал всему штабу взять отпуск и не тратить впустую время на операцию, которая никогда не осуществится. После этого он отправился домой.

12 сентября (дата Перл-Харбора) Нимиц получил потрясающее радиосообщение от Хэлси. В нем говорилось, что в результате атак 38-го оперативного соединения в Центральных Филиппинах у японцев в том районе осталось немного пригодных к эксплуатации самолетов, большинство их нефтехранилищ было разрушено, и «топить

было уже нечего». «Неагрессивный настрой противника был невероятным, просто фантастическим,— говорилось в сообщении далее,— район абсолютно не охранялся». Одному из его сбитых летчиков, сообщал Хэлси, филиппинцы, которые спасли его, рассказали о том что на Лейте вообще нет японцев. Хэлси настоятельно рекомендовал, чтобы промежуточные операции — по завоеванию островов Талауд, Минданао, Палау и Яп — были отменены и все корабли и наземные войска, освобожденные таким образом, использовались для скорейшего вторжения на Лейте. 38-е оперативное соединение могло бы прикрыть высадку, пока не удастся организовать аэродромы на берегу.

Нимиц не желал отменять операцию на Палау, полагая, что аэродром на Пелелу и гавань в проливе Коссол будут полезны для того, чтобы организовать штурм Лейте. Однако он действительно переправил рекомендацию Хэлси по радио Объединенному комитету начальников штабов, тогда заседавшему в Квебеке, вместе с предложением выделить в распоряжение Макартура десантные силы Третьего флота и XXIV армейский корпус, тогда загружавшиеся на судах в Перл-Харбор для штурма Япа.

Генерал Маршалл отнес проект Хэлси и предложение Нимица генералу Макартуру и спросил его мнение относительно предложенных изменений. Макартур был в море, на пути к Моротаи, соблюдая молчание в эфире, но от его имени ответил генерал Сазерленд, находившийся в Холландиа. Он сказал, что информация о том, что на Лейте нет японцев, была ложной, но с поддержкой дополнительных сил Нимица можно было обойтись без промежуточных операций, и атаку на Лейте можно было бы провести раньше. Генерал Маршалл в своем официальном рапорте описывает эффект, который ответ Сазерлэнда произвел в Квебеке:

> «Сообщение от Макартура дошло до Квебека ночью, и адмирала Леги, адмирала Кинга, генерала Арнольда и меня обрадовали этой новостью на официальном обеде канадские офицеры. Штабные офи-

церы прочитали его и предложили дать немедленный утвердительный ответ. Сообщение вместе с их рекомендациями в срочном порядке передали нам, и мы встали из-за стола и устроили совещание. Мы твердо верили в генерала Макартура, адмирала Нимица и адмирала Хэлси,так что принять решение нам было не трудно. В течение 90 минут после того, как сигнал был получен в Квебеке, генерал Макартур и адмирал Нимиц получили инструкции по проведению операции на Лейте, намеченной на 20 октября. От трех ранее намеченных промежуточных высадок они отказались. Подтверждение получения генералом Макартуром новых инструкций было получено, когда я шел после обеда домой».

Всем участникам Квебекского совещания скоро стало очевидно, что премьер-министра Черчилля никоим образом не устраивало согласие Объединенного комитета с тем, что Королевский флот не имеет право участвовать в операциях к северу или к востоку от Филиппин. У англичан было множество политических и экономических интересов на Дальнем Востоке, и им была нужна победа в этой части света, чтобы стереть из сознания японцев память о сокрушительных поражениях, которые они нанесли союзникам в 1941 и 1942 годах. Черчиллю недостаточно было каких-то незначительных успехов в каком-нибудь отдаленном уголке Тихоокеанского театра. Он хотел, чтобы британские войска ясно и ощутимо участвовали в окончательном разгроме Японии. На пленарной сессии он предложил, чтобы британский флот участвовал в операциях в Тихом океане под командованием Нимица.

«Я был бы рад,— ответил президент Рузвельт,— видеть британский флот везде, где только можно, и всякий раз, когда только можно».

Предложение Черчилля заставило адмирала Кинга содрогнуться. Все тыловые службы Тихоокеанского театра готовились, чтобы во всеоружии встретить поток американских судов с верфей и из европейского театра,

где необходимость в больших военно-морских силах уже отпала. Кроме того, у британских судов были свои особые проблемы — они были «коротконогие», то есть были построены и укомплектованы не для того, чтобы действовать вдалеке от базы или в течение долгих периодов в открытом море. Кинг сказал, что Объединенному комитету передана соответствующая директива и комитет активно работает над этим вопросом.

Черчилль был оскорблен. Он даже вообразить себе не мог, что флот Хока, Дрейка, Сент-Винсента и Нельсона можно не встречать с распростертыми объятьями.

— Британский флот предложил свои услуги,— прорычал Черчилль.— Предложение принимается?

— Да,— сказал Рузвельт.

В Тихом океане суда с XXIV армейским корпусом на борту, первоначально направлявшиеся на Яп, по приказу Нимица изменили курс в направлении Мануса. Атакующие силы, собиравшиеся высадиться на Палау и на Улити, продолжали двигаться в прежнем направлении, но Нимиц приказал входящим в состав этих сил судам огневой поддержки, авианосцам эскорта, транспортам и сопровождающим судам присоединиться к силам Макартура сразу по окончании операции. Таким образом, американский Третий флот приходилось «раздеть» фактически до 38-го оперативного соединения. Все остальное передавалось Юго-западным Тихоокеанским силам для предстоящей атаки на Лейте. Тем временем четыре тактических группы 38-го оперативного соединения развернулись, чтобы поддержать высадку Юго-западных Тихоокеанских сил на Моротаи и Центрально-Тихоокеанских сил на Палау.

Предварительная бомбардировка и военно-морской обстрел Моротаи загнали в холмы около 500 японцев, находившихся на острове, и 28 000 человек высадились на берег, не встретив никакого сопротивления. На этом острове инженеры подготовили аэродромы для бомбардировщиков и взлетную полосу для истребителей для своевременного прикрытия левого фланга в ходе вторжения на Лейте.

На Ангауре, в архипелаге Палау, два полка 81-й пехотной дивизии без затруднений победили 1600 человек японского гарнизона. Здесь к 17 октября были готовы к использованию две 6000-футовых взлетно-посадочных полосы. Улити, как оказалось, не был занят врагом. Благодаря этому атоллу у Тихоокеанского флота появилась гавань и крупная тыловая база.

Из всех вторжений середины сентября единственным трудным было завоевание Пелелу. Завоевание этого небольшого острова было в некоторых отношениях самой серьезной операцией войны. Большая часть из его 10 000 защитников скрылась с оружием в лабиринте из более 500 пещер, вырытых в ряде горных хребтов. 1-я дивизия морской пехоты при поддержке полка 81-й дивизии выступила из Ангаура и в течение месяца пытался очистить горы от вражеских войск, используя базуки, подрывные заряды и установленные на танке дальнобойные огнеметы. 15 октября в бой вступили два оставшихся полка 81-й дивизии. Организованное сопротивление на острове не прекращалось до 25 ноября. Задолго до этой даты американские самолеты разместились на аэродроме для бомбардировщиков на Пелелу, а союзнические суда ходили через пролив Коссоль, но Пелелу был захвачен ценой потери 10 000 американских солдат и матросов, из них почти 2000 были убиты. Еще вопрос, стоил ли остров всех этих жертв.

Объединенный комитет начальников штабов и штаб командования секторов Тихого океана были очень заинтересованы в координации сил, выступающих против Лейте. Хотя вторжение должны были поддержать два отдельных флота, разросшийся Седьмой и «раздетый» Третий, общего командующего операцией еще не было. Адмирал Кинкейд, командующий американским Седьмым флотом, получал приказы от генерала Макартура, который собирался присутствовать в районе проведения операции, а генерал Макартур получал приказы от Объединенного комитета в Вашингтоне. Адмирал Хэлси, командующий американским Третьим флотом, получал распоряжения от адмирала Нимица, который во время

операции собирался находиться в Перл-Харборе, а Нимиц, в свою очередь, подчинялся Объединенному комитету. В такой ситуации двоевластия была очевидная опасность, что флоты будут преследовать противоположные цели, а под рукой не было ни одного офицера, обладающего достаточными полномочиями, чтобы навести порядок.

Пытаясь достигнуть сотрудничества и взаимной поддержки, представители вовлеченных сил встретились в новом штабе Макартура в Холландиа. Нимиц послал делегацию во главе с Форрестом Шерманом. Так же поступил и Хэлси; его делегацию возглавлял его начальник штаба, Мик Кэрни. По возвращении Шермана в Перл-Харбор, 22 сентября, штаб командования секторами Тихого океана составил План действий 8-44, который был подписан Нимицем 27 сентября. Этот план предписывал силам секторов Тихого океана «прикрывать и поддерживать силы Юго-западного Тихого океана, чтобы помочь в штурме и занятии целей в центральной части Филиппин». Согласно плану Третий флот, то есть адмирал Хэлси, должен был «уничтожить вражеские военно-морские и воздушные силы, находящиеся в районе Филиппин или представляющие угрозу этому району».

Можно было подумать, что приказ «уничтожить» вражеские силы выходит за рамки и даже противоречит общему приказу «прикрывать», который подразумевал просто препятствовать столкновению сил врага с десантными войсками. Специальная директива для Третьего флота шла еще дальше: «В случае, если появится или сможет быть создана возможность для уничтожения большой части вражеского флота, такое уничтожение становится первичной задачей». Эта директива, в отличие от других, не была отмечена ни номером, ни буквенным обозначением. Как выяснилось, она была добавлена позже, возможно, офицерами ВВС, которые хотели удостовериться, что Хэлси не постесняется сделать то, что Спрюэнс отказался делать в июне. Она все же не противоречила приказу «обеспечить прикрытие». В ней не утверждалось, что уничтожение было *единственной* задачей. Короче говоря, она не разрешала Хэлси оставлять береговой плацдарм.

Пока одни члены штаба командования Тихоокеанского флота и секторов Тихого океана планировала участие в приближающейся кампании на Лейте, другие уже задумывались о будущих операциях. Эти офицеры пришли к заключению, что взлелеянный адмиралом Кингом план вторжения на Формозу был невыполним. Намеченная дата, 1 марта 1945 года, основывалась частично на всеобщей вере в то, что Германия сдастся осенью 1944 года; таким образом освободились бы все войска, необходимые для скорейшего окончания войны с Японией. Но становилось очевидно, что фанатичная воля Гитлера будет заставлять немцев сражаться даже тогда, когда будет потеряна последняя надежда на победу. Поэтому командующим силами, раздислоцированными в Тихом океане, нужно было пересмотреть цели.

Планировщикам штаба понравилось предложение Спрюэнса по поводу взятия Иводзимы и Окинавы, но эти острова находились слишком близко от Японии, и их нельзя было штурмовать до тех пор, пока японская авиация была все еще довольно многочисленна. Тогда Макартур предложил, используя силы, которыми он располагал, и положившись на поддержку Третьего флота, 20 декабря штурмовать Лусон (на эту дату изначально было назначено вторжение на Лейте). Планировщики одобрили это предложение, и ориентировочно наметили дату 20 января 1945 года для штурма Иводзимы, а 1 марта — для штурма Окинавы.

Адмирал Нимиц, вызванный в Сан-Франциско на другое совещание, взял с собой следующих офицеров: адмирала Форреста Шермана, генерала Хэрмона, который перешел из штаба командования Южно-Тихоокеанскими силами, чтобы командовать армейскими ВВС в центральной части Тихого океана, и генерала Бакнера, который был назначен командующим новой Десятой армией. Спрюэнсу Нимиц предложил не уезжать из Калифорнии, а присоединяться к нему в Сан-Франциско. Нимиц, готовясь к тому, чтобы отговорить Кинга от его планов относительно Формозы, тщательно подобрал аргументы, а затем выписал их на отдельном листе бумаги.

Когда Спрюэнс 29 сентября прибыл в Федеральное здание, в зале заседаний сидели штабные офицеры и болтали в ожидании прибытия Нимица и Кинга. Шерман вручил ему лист Нимица и сказал:

— Прочитайте это внимательно, и скажите мне, что Вы думаете об этом.

— Я не заменил бы здесь ни слова, — сказал Спрюэнс, отдавая документ Шерману.

Вошел адмирал Нимиц, через некоторое время появился адмирал Кинг, и заседание началось. Нимиц взял листок у Шермана и вручил его Кингу, а тот, нахмурившись, прочитал. В ходе последовавшего за этим обсуждения говорили в основном Нимиц и Шерман, очень тактично указав, почему стратегия, предложенная Кингом, не должна быть принята. Кинг обратился к Спрюэнсу, который спокойно сидел на своем месте. Кинг вспомнил, что именно Спрюэнс первым предложил Окинаву. Что он скажет теперь? Спрюэнс ответил, что Нимиц и Шерман представили ситуацию очень хорошо; ему было нечего добавить.

Нимиц обратился к Хэрмону и Бакнеру, чтобы узнать точку зрения ВВС и армии. Оба высказались против Формозы. Бакнер указал, что в гарнизон на Формозе входила первоклассная японская Квантунская армия. Основываясь на недавнем опыте сражений американцев с элитными войсками, Бакнер заключил, что для завоевания Формозы необходимы по крайней мере девять дивизий и что даже с такими крупными силами атакующие войска могут потерять около 50 000 человек. Наконец Кинг сдался. Он согласился, что вместо Формозы нужно атаковать Иводзиму и Окинаву, и сказал, что он так и посоветует Объединенному комитету.

В последующих обсуждениях вспомнили о многих других занятых Японией территориях. Кинг и Нимиц согласились, что Японию можно и нужно победить с помощью блокады, бомбардировки и подводной войны. Кинг сказал, что, если армия настаивает на вторжении на Кюсю, она должна подготовиться к быстрому незамедлительному броску к равнине Токио. Он одобрил план Нимица использовать Гуам для расширенного шта-

ба Тихоокеанского флота, дал Нимицу указание проследить, чтобы силы быстроходных авианосцев обеспечили всю возможную помощь Макартуру в его десантных операциях на Филиппинах. Кинг подчеркнул, что Хэлси должен незамедлительно начать атаки аэродромов на Формозе, Лусоне и на Центральных Филиппинах.

В отличие от первых, довольно незаметных, совещаний командования, это мероприятие вне рабочего времени превращалось почти что в праздник. Офицеры из Перл-Харбор и Вашингтона развлекали и развлекались на приемах и обедах, организованных местными армейскими и морскими подразделениями. Присутствовали дамы. К Честеру присоединилась Кэтрин. Спрюэнс послал за своей женой Маргарет. 2 октября совещание закончилось. На следующий день Нимиц со всеми своими офицерами, включая Спрюэнса, вернулся в Перл-Харбор.

Нимица ожидало письмо от Хэлси, в котором он прояснял, что он не намеревался устраивать такое же сражение, как Спрюэнс у Марианских островов:

> «...Я намереваюсь, если возможно, лишить врага шансов превзойти меня в воздушном поединке, а также лишить его возможности применить против меня тактику челночной бомбардировки "авианосец—цель—земля". Если я хочу это осуществить, я должен иметь информацию как можно раньше и действовать как можно энергичнее.
>
> Поскольку уничтожение вражеского флота — основная задача, необходимо задействовать все имеющееся вооружение, и общая координация этого вооружения должна быть в руках тактического командующего, ответственного за результат сражения... Моя цель та же, что и у Вас,— полностью уничтожить японский флот, если представится возможность».

4 октября Нимиц получил депешу от Объединенного комитета начальников штабов, в которой ему приказывали захватить Иводзиму и Окинаву.

Хотя генерал Макартур не держал адмирала Нимица в курсе относительно продвижения его сил, начиная с первых дней октября в штабе командования Тихоокеанским флотом было известно, что группы судов Седьмого флота под командованием адмирала Кинкейда двигались из Мануса и Холландиа к Филиппинам. Это прежде скромная группировка, временно поглотив большую часть американского Тихоокеанского флота, внезапно стала самым большим флотом в мире. В состав Седьмого флота входили 738 кораблей и судов, включая эскортные авианосцы Тихоокеанского флота, а также старые линейнкоры и корабли десантных сил Третьего флота (адмирал Вилкинсон) и Седьмого (адмирала Барби). В состав первых входил XXIV корпус, одолженный у Десятой армии генерала Бакнера; во вторые последнюю был включен X корпус, часть Шестой армии генерал-лейтенанта Уолтера Круджера. Было намечено, что за первые пять дней на Лейте высадятся приблизительно 145 000 человек, за которыми последуют более 55 000.

В результате того, что Нимиц одолжил корабли Макартуру, американский Третий флот сократился до 38-го оперативного соединения, которое состояло из 17 быстроходных авианосцев, 6 новых линейных кораблей, 17 крейсеров и 58 эсминцев. Адмирал Митшер, находившийся на борту «Лексингтона», должен был сохранять командование группой, пока высадка на Лейте не будет закончена. Тогда он должен был передать командование своему заместителю, адмиралу Маккейну, который до того момента должен был командовать тактической группой 38.1, одной из четырех составляющих 38-е соединение. Поскольку Третий флот и 38-е соединение, как боевые единицы, стали одним и тем же, Хэлси и Митшер командовали одним и тем же подразделением. Хэлси, находясь на борту «Нью-Джерси», часто принимал тактическое командование, что весьма смущало Митшера.

Первоначальные цели Хэлси состояли в том, чтобы разъединить коммуникации между Японией и Филиппинами и уничтожить как можно больше вражеских самолетов. Он сообщал о своих действиях Нимицу вся-

кий раз, когда ситуация позволяла ему нарушить тишину в эфире, и часто даже тогда, когда не позволяла. Из сообщений Хэлси Нимиц узнал, что 10 октября 38-е соединение совершило рейд на Окинаву, 11 октября обстреляло аэродромы на Лусоне, а 12 октября начало продолжавшиеся три дня подряд нападения на Формозу, нанося удары по кораблям, аэродромам и сооружениям и сбивая множество вражеских самолетов, многие из которых на поверку оказались самолетами морского базирования. Японские самолеты торпедировали «Канберру» и «Хьюстон», и Хэлси приказал отбуксировать поврежденные крейсеры к Улити.

Радио Токио, очевидно, на основе этого скромного успеха и ошибочных сообщений японских летчиков, объявило, что американский флот авианосцев почти уничтожен и что японский флот преследует его остатки. По радио описали празднования победы в японских городах и упомянули поздравительные сообщения от Гитлера и Муссолини. Чтобы противостоять этой пропаганде, Хэлси послал Нимицу депешу: «Затонувшие и поврежденные суда Третьего флота спасены и отходят на высокой скорости в направлении неприятеля», после чего Нимиц выпустил коммюнике: «Адмирал Нимиц получил от адмирала Хэлси успокаивающие заверения, что он теперь отходит в направлении неприятеля после спасения всех судов Третьего флота, о потоплении которых недавно сообщили по радио Токио».

Хэлси надеялся, что его поврежденные крейсеры могут послужить приманкой, чтобы выманить японский флот для разрушения. Американская субмарина сообщила, что некоторые эсминцы и крейсеры действительно вышли из Внутреннего Японского моря, но японские самолеты дальнего действия, видимо, засекли основные силы Хэлси, явно целые и невредимые, так как суда вскоре повернули назад и благоразумно отошли. Хэлси был лишен шанса на морское сражение, но между 11 и 16 октября его самолеты морского базирования сбили приблизительно 500 вражеских самолетов ценой 79 собственных. «Канберра» и «Хьюстон» благополучно дошли до Улити и в конечном

счете отправились на верфи в Соединенных Штатах на ремонт.

Первая информация от Юго-западных Тихоокеанских сил поступила от контр-адмирала Джесси Ольдендорфа, командующего Группой обстрела и огневой поддержки Седьмого флота. 17 и 18 октября он сообщил по радио, что передовые отряды Седьмого флота высадились на берегах островов, охраняющих вход в залив Лейте, и что его суда огневой поддержки вступили в залив и начали обстрел береговых плацдармов. 20-го числа генерал Макартур объявил, что все высадки на Лейте были произведены по графику с чрезвычайно малыми потерями.

Американцы не сразу поняли, что японцы отказались от дорогостоящей и безнадежной стратегии обороны берега под огнем линейных кораблей. Защитникам приказали окопаться вне пределов досягаемости прицельного огня флота и позволить захватчикам подойти к ним.

Днем 20 октября Макартур сошел на берег в сопровождении президента Филиппин. На берегу генерал прочитал в микрофон свою речь освобождения, которая была повторена несколько раз мощным радио, чтобы все филиппинцы услышали:

— Это — голос свободы. Говорит генерал Макартур. Народ Филиппин! Я вернулся. По милости всемогущего Бога наши войска снова стоят на филиппинской земле — земле, освященной кровью наших двух народов... Присоединяйтесь ко мне. Да ведет вас непоколебимый дух Батаана и Коррехидора. Когда линия фронта приблизится и вы окажетесь в пределах зоны действий, вставайте и бейтесь. Бейтесь при любой благоприятной возможности. За ваши дома и очаги, бейтесь! За будущие поколения ваших сыновей и дочерей, бейтесь! Во имя ваших священных мертвецов, бейтесь!

Некоторые из офицеров в Перл-Харборе сочли речь немного мелодраматичной, но все согласились, что только так можно было поднять в бой угнетенных людей, всем сердцем желающих свободы.

Президент Рузвельт послал генералу Макартуру письмо с сердечными поздравлениями. Потом, не забывая, кто проложил путь к вторжению и чьи корабли доставили войска до цели, президент послал отдельное сообщение, адресованное адмиралам Нимицу и Хэлси:

> «Страна с гордостью следила за великолепным прорывом вашего флота во вражеские воды. Мы ценим выносливость и профессионализм моряков не меньше, чем доблестные подвиги ваших летчиков. Ваше тесное сотрудничество с генералом Макартуром — это еще один пример взаимодействия и эффективного и разумного использования всего вооружения».

В штабе Тихоокеанского флота было известно, что большинство тяжелых единиц Объединенного Флота Японии передвнулось к области Ост-Иидии, несомненно для того, чтобы быть ближе к нефтяным скважинам Борнео, Явы и Суматры. Авианосцы Одзавы остались во Внутреннем Японском море вместе с маленькой группой эсминцев и крейсеров. Здесь они были в безопасности от американских субмарин. Очевидно, горький опыт Одзавы на Тавитави, где его летчики измотались от вынужденного бездействия, заставил его принять решение: совершать столько вылетов, сколько он мог себе позволить с тем топливом, которое он смог найти во Внутреннем Японском море. Американский захват пролива Лусон перекрыл поставки Одзаве нефти и авиационного топлива с севера, а также боеприпасов с юга.

После того как Хэлси напал на Формозу, как мы видели, японская группа эсминцев и крейсеров сделала вылазку из Внутреннего Японского моря и затем быстро отступила, очевидно найдя убежище позади цепи островов Рюкю. Эта спокойная и робкая реакция плюс отсутствие любого видимого ответа флота на вторжение Макартура на Лейте убедили некоторых штабных офицеров в том, что Объединенный флот снова парализован

потерей самолетов и летчиков, как это было во время американских вторжений на Маршалловы острова и острова Гилберта, и что японцы не посмеют сделать еще одну вылазку.

Если бы Объединенный флот отказался выходить на бой, это было бы хорошей новостью для моряков и летчиков 38-го оперативного соединения. Как сообщил адмирал Митшер: «Никакой другой период Тихоокеанской войны не включал такого количества интенсивных боевых действий. За эти десять месяцев 10 000 человек ни разу не ступали на берег. Ни одна другая армия в мире не участвовала в таких длительных боевых действиях, не имея ни дня для отдыха или восстановления сил... Боевой дух команд этих кораблей достоин самой высокой похвалы. Однако реакция членов команды замедлена. В результате они не способны в полной мере противостоять неприятельской атаке».

38-е оперативное соединение проходило дозаправку приблизительно в 300 милях к востоку от Лусона. Адмирал Хэлси, утомленный, но столь же агрессивный, как обычно, и нимало не заботясь о сохранении молчания в эфире, спросил адмирала Кинкейда, очищены ли от мин два прохода в Филиппинском архипелаге, пролив Суригао, к югу от залива Лейте, и пролив Сан-Бернардино, к северу от залива. Он необходимо было это знать, так как он планировал проходить через один из них, чтобы достигнуть Южно-Китайского моря. Если японский флот не шел к нему, он собирался идти за японским флотом.

Когда эта радиодепеша дошла до главнокомандующего Тихоокеанского флота, того чуть не хватил удар. Адмирал Нимиц тут же напомнил адмиралу Хэлси, что он все еще должен был подчиняться Плану 8-44, который требовал от него «прикрывать и поддерживать силы» Юго-западного сектора. Далее, говорилось в ответе Нимица, «продвижение основных единиц Третьего флота через проливы Суригао и Сан-Бернардино не должно начинаться без распоряжений главнокомандующего Тихоокеанским флотом».

Так как Хэлси запретили отправиться на поиски японского флота, а японский флот, похоже, не был склонен искать его, адмирал принял наилучшее решение: послать свои авианосцы в ближайшую гавань — пополнить запасы провизии, обновить боекомплект и дать людям немного отдохнуть. Он уведомил главнокомандующего о своих намерениях, и в 22:30 22 октября он приказал тактической группе 38.1 под началом Маккэйна направляться в Улити. Тактическая группа 38.4 контр-адмирала Ральфа Дэвидсона должна была следовать за 38.1 на следующий день. 29 октября по возвращении этих групп туда же должны были отправиться тактическая группа 38.2 контр-адмирала Джеральда Ф. Богана и тактическая группа 38.3 контр-адмирала Фредерика Шермана. То, что группа Маккэйна первой отправилась в гавань, было крайне неудачным, поскольку в ней было больше авианосцев, больше самолетов и, следовательно, она была сильнее всех остальных.

После полуночи 23 октября американские субмарины «Дартер» и «Дэйс», находившиеся у южного конца прохода Палаван, на противоположной стороне Филиппин, засекли что-то в темноте. Это оказались одиннадцать тяжелых кораблей и шесть эсминцев. Они выстроились в две колонны на курсе 040°. «Дартер» отправил сообщение о контакте адмиралу Кристи в Фримантл, а Кристи в 6:20 утра 23 октября передал его адмиралам Нимицу и Хэлси. Последний быстро отменил свой приказ Дэвисону, но группе Маккэйна позволил продолжать держать курс на юго-восток.

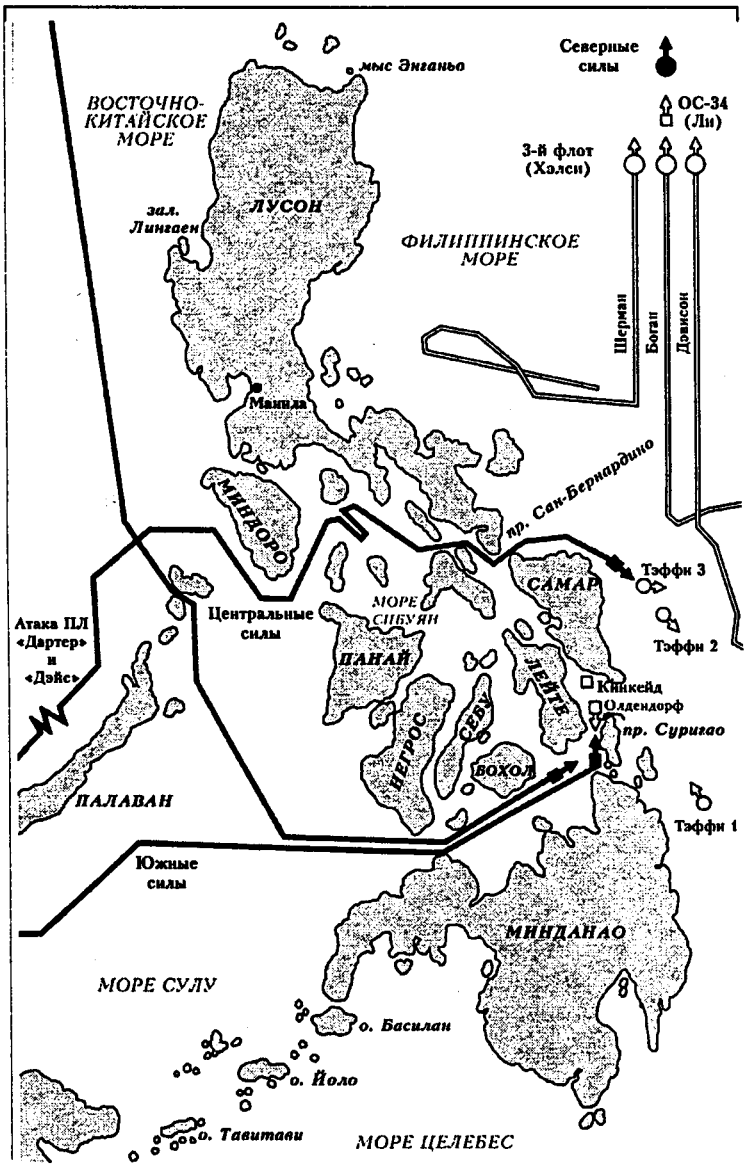
Примерно к тому времени, когда Нимиц и Хэлси получили сообщение, «Дартер» и «Дэйс» заняли позицию для атаки на силы неприятеля. Торпеды, выпущенные с «Дартера», потопили один тяжелый крейсер, а еще один вывели из строя. «Дэйс» потопила другой тяжелый крейсер. Таким началось Сражение в заливе Лейте, самое большое военно-морское сражение в мировой истории.

Сражение за залив Лейте отличается от прочих также и тем, что ни одной битвой не командовали настолько издалека. Силы, участвовавшие в операции, сообщались

и рапортовали командованию в основном по радио. Поскольку погода была ясной и в воздухе было немного статического электричества, сеть станций прослушивания штаба Тихоокеанского флота собрала почти все сообщения и передала их главнокомандующему Тихоокеанского флота, который передал их главнокомандующему ВМС США. Нимиц из Перл-Харбора и Кинг из Вашингтона пристально следили за ходом битвы. Не менее пристально следил и Кинкейд в заливе Лейте; его связисты расшифровывали все подряд, независимо от того, предназначалось ли сообщение Кинкейду или нет. Все же, из-за свойства человеческой натуры ошибаться, сообщения приходили с запозданием, посылались в неправильной последовательности, изобиловали неясными формулировками, искажали информацию и (это самый знаменитый случай) случайно повреждались. В результате на всем протяжении кризиса никто не знал толком, что происходит.

23 октября, когда три оставшихся группы 38-го оперативного соединения закончили дозаправку, адмирал Хэлси приказал, чтобы они подошли ближе к Филиппинам. После развертывания веером в западном направлении в течение ночи к рассвету 24 октября группы заняли позиции на расстоянии 125 миль друг от друга. Группа Шермана 38.3, с Митшером на «Лексингтоне», находилась в районе Лусона; группа Богана 38.2, с Хэлси на «Нью-Джерси», была у пролива Сан-Бернардино; а группа Дэвисона 38.4 была у залива Лейте. В 6:30 утра разведывательные самолеты всех трех групп осматривали внутреннее море Филиппин.

Десантные суда и корабли огневой поддержки Седьмого флота находились в заливе Лейте в районе плацдармов. Генерал Макартур находился на крейсере «Нэшвилл», а адмирал Кинкейд — на десантном командном корабле «Уэсэч». С восточной стороны, сразу на выходе из залива Лейте, стояли 16 эскортных авианосцев. Эти корабли, находившиеся под прикрытием эсминцев и сопровождающих эсминцы судов, были разделены на три тактические группы, радиопозывными которых были «Тэффи 1», «Тэффи 2» и «Тэффи 3».



Битва за залив Лейтс 23–25 октября 1944 года.

Они совершали противолодочное, зенитное и береговое патрулирование.

Рано утром разведывательные самолеты 38-ого оперативного соединения засекли две группы идущих на восток вражеских судов. Одна группа была замечена в море Сулу и, похоже, собиралась войти в залив Лейте через пролив Суригао. Другая группа, намного большая, входила в море Сибуян, очевидно намереваясь проникнуть в залив Лейте через пролив Сан-Бернардино. По ходу битвы американцы именовали эти группы Южными силами и Центральными силами соответственно. Судя по всему, эти две группы намеревались захватить в клещи суда в заливе.

Адмирал Хэлси, реагируя на присутствие Центральных сил, которые состояли из 5 линейных кораблей, 9 крейсеров и 13 эсминцев, приказал группе Маккэйна, тогда находившейся в 600 милях к востоку от Филиппин и двигавшейся к Улити, сменить курс и заправляться горючим, чтобы быть готовым к любому повороту ситуации. Он приказал Шерману и Дэвисону сомкнуться к группе Богана, находившейся у пролива Сан-Бернардино, и дал всем трем группам боевой приказ, состоящий из одного слова: «Бейте!».

Разведывательные самолеты Дэвисона обнаружили и атаковали Южные силы. Стратеги штаба Тихоокеанского флота, рисуя синие и оранжевые линии на карте, отметили, что, сомкнувшись с группой Богана, Дэвисон будет в позиции, оптимальной для атаки на Центральные силы, но его самолеты больше не могли достичь Южных сил. Адмирал Кинкейд, должно быть, тоже это отметил, поскольку он решил, что его надводные суда должны вступить в бой с Южными силами. Он послал адмиралу Ольдендорфу, который командовал его группой огневой поддержки, сообщение, попросив переправить копии Хэлси, Нимицу и Кингу: «Подготовиться к ночному бою. Вражеские силы, по предварительной оценке, состоят из 2 линейных кораблей, 4 тяжелых крейсеров, 4 легких крейсеров, 10 эсминцев. Группа была атакована нашими самолетами морского базирования в во-

сточной части моря Сулу в 9:10 24 октября. Враг может войти в залив Лейте сегодня вечером».

Шерман, командовавший тактической группой 38.3, не смог исполнить приказ Хэлси сомкнуться с группой Богана, так как в результате вражеского воздушного налета на его легком авианосце «Принстон» вспыхнул пожар и он был выведен из строя. Ситуация с «Принстоном» была действительно серьезной неприятностью, но для Хэлси это не было оправданием для отказу от назначенной им атаки. Он послал радиограмму Митшеру, который был с группой Шермана: «Предлагаю тактической группе 38.3 нанести удар по крупной силе противника около Миндоро. Как можно раньше сообщите о результатах удара».

Нимицу было очевидно, что часть японской головоломки отсутствовала: враг едва ли направил бы такую большую группу надводных судов в район, охраняемый силами американских авианосцев, если только он не намеревался использовать свои собственные авианосцы. Последние, как было известно, проходили обучение во Внутреннем Японском море, и Нимиц предположил, что они шли вниз с севера под командованием Одзавы, чтобы сформировать Северные силы, которые, вместе с Южными и Центральными силами, предпримут попытку тройного нападения на залив Лейте. Хэлси, очевидно, пришел к тому же выводу, поскольку в 13:34 он отолсал Митшеру радиограмму следующего содержания: «Группа вражеских авианосцев не обнаружена. Держите район к северу от залива под наблюдением».

В 15:12 Хэлси, попросив переслать копии Нимицу и Кингу, послал командующим тактическими группами сообщение, которое весьма порадовало главнокомандующего Тихоокеанского флота. Оно было озаглавлено «План сражения». Там было заявлено, что будет сформирована 34-е соединение, состоящее из 4 линейных кораблей, включая его флагман «Нью-Джерси», 1 тяжелого крейсера, 3 легких крейсеров и 14 эсминцев, которые будут переведены из тактических групп Богана и Дэвисона. Этой новой группой должен будет командовать

вице-адмирал Уиллис А. Ли. Она будет предназначена для «участия в дальних походах», таким образом авианосцы освобождались от участия в надводных битвах.

Главнокомандующий Тихоокеанским флотом и его штаб сошлись на том, что это надлежащая тактика в данной ситуации — вычленение из заслонов всех надводных судов, которые вступят в бой с вражескими надводными судами, в то время как поддерживающая авиация остается на заднем плане. Хотя Кинкейда не касалось напрямую сообщение Хэлси, он был в курсе его содержания, потому что его связисты перехватили его. Естественно, он, Митшер, Нимиц и Кинг решили, что Хэлси прикажет выполнить свой план — возможно, руководство будет осуществляться по голосовой радиосвязи малого диапазона, так как обе участвующие в операции тактические группы находились близко друг от друга.

Около 16:00 Митшер уведомил Хэлси, что боекомплект горящего «Принстона» взорвался, в результате чего получили повреждения крейсер «Бирмингем» и два эсминца, которые были рядом, отбивая воздушные атаки с вражеских авианосцев. Потери на «Бирмингеме» были весьма серьезные — приблизительно 150 убитых и 400 раненых. Нимиц задался вопросом, почему Шерман рисковал таким ценным и кораблем как крейсер, чтобы осуществить спасательную операцию, обычно проводимую с помощью эсминцев.

В конце дня Митшер послал Хэлси радиограмму, в которой сообщалось, что разведывательные самолеты Шермана определили местонахождение Северных сил, по-видимому состоявших из двух частей, и что часть, включавшая авианосцы, была приблизительно в 180 милях к востоку от северной оконечности Лусона. В сложившейся ситуации он рекомендовал затопить «Принстон», пожар на котором мог бы служить маяком для вражеских самолетов после наступления темноты. Хэлси сказал ему поступать по своему усмотрению. В ходе дальнейшего обмена информацией, когда Митшер доложил о затоплении «Принстона», Хэлси сообщил Нимицу и Макартуру об обнаружении вражеских авианос-

цев — впрочем, эту информацию Нимиц уже получил из перехваченных радиопереговоров.

В 20:24 Хэлси послал сообщение Кинкейду, с просьбой перслать его Нимицу и Кингу. Он дал информацию о местоположении, курсе и скорости Центральных сил, из которой явствовало, что они направлялются к проливу Сан-Бернардино и могли пройти через него спустя несколько часов. Однако, сообщения о потерях говорили о том, что Центральные силы понесли большой урон. Сообщение Хэлси заканчивалось словами: «Двигаюсь на север с тремя группами, чтобы атаковать силы авианосцев противника на рассвете». В Перл-Харбор предположили, что имеются в виду три группы авианосцев, в то время как 34-е соедиение надводных кораблей сформировано и двинется следом.

Никто в штабе командования Тихоокеанского флота не был удивлен броску Хэлси на север. Так как у Хэлси имелась возможность выбора целей, можно было ожидать, что он выдвинется за авианосцами — военными кораблями с самым широким радиусом действия и самой большой боевой мощью. Он был расстроен тем, что упустил шанс напасть на авианосцы в сражении в Коралловом море и в той же самой битве при Мидуэе. Он осуждал отказ Спрюэнса от преследования авианосцев ночью 18—19 июня. Наконец, едва ли он мог удержаться от того, чтобы атаковать самую мощную группу вражеских кораблей, потому что он полностью соответствовал характеристике, данной ему в прессе,— «Бык» Хэлси, Немезида японцев. Также можно было предсказать, что он не двинется на север до наступления темноты, чтобы его намерения не могла выяснить вражеская воздушная разведка; ночью же он двинется к вражеским авианосцам, чтобы лишить врага превосходства в дальности действия.

Конечно, японские Центральные силы, даже несмотря на все ее потери, также нельзя было не учитывать, поскольку, если их не остановить, они вскоре могли пройти через пролив Сан-Бернардино, оказаться в Тихом океане и направиться вдоль восточного побережья Самата к заливу Лейте. Адмирал Спрюэнс, глядя на карту,

указал рукой на акваторию, лежащую к востоку от пролива, и сказал тихо, как будто самому себе: «Если бы я был там, я держал бы свои суда вот здесь». Маловероятно, что с ним согласились бы летчики. Нахождение так близко от вражеских арэродромов могло спровоцировать челночную бомбардировку со стороны вражеской авиации морского базирования. Ведя бой, Спрюэнс навряд ли смог бы разбомбить комплекс аэродромов на Лусоне, как он сделал на Роте и Гуаме в ходе сражения в Филиппинском море.

Конечно, немного успокаивало знание того, что Хэлси проявил мудрость, оставив 34-е соединение позади, охранять пролив Сан-Бернардино. Однако было неизвестно, имело ли смысл посылать все три группы авианосцев против Северных сил. Этот шаг оставил адмирала Ли без какой-либо поддержки с воздуха, в то время как неприятель располагал поддержкой самолетов, базирующихся на Лусоне. Нимиц, должно быть, учитывал эту проблему, но предпочитал не вмешиваться. Во время первого американского контрнаступления он от самого Хэлси научился мудрой привычке не вмешиваться в решения других командиров во время боя.

К рассвету 25 октября в штаб Тихоокеанского флота почти одновременно пришли два сообщения. Одно было от Хэлси, который, все еще продолжая игнорировать режим молчания в эфире, сообщил, что один из его ночных самолетов-разведчиков засек группу вражеских авианосцев в 100 милях от его идущей на север группы. Хэлси удалось лишить врага всех преимуществ, так как теперь силы противника были в пределах досягаемости американских самолетов морского базирования.

Второе сообщение было от Кинкейда. Стоя на якоре в заливе Лейте, он мог не соблюдать молчание в эфире. О действиях Ольдендорфа в депеше говорилось: «Наши надводные силы вступили в бой с вражескими надводными силами в проливе Суригао и на юге залива Лейте». Последующие депеши от Кинкейда описывали ход сражения. Депеша от 4:12 утра: «Группа вражеских судов замечена в проливе торпедными катерами

приблизительно в 02:00 I[1], приблизилась ко входу в залив приблизительно в 03:00 I. В группе 2 линейных корабля, 3 крейсера и эсминцы. Вопрос: охраняет ли 34-е оперативное соединение пролив Сан-Бернардино?»[2] Депеша, посланная в 6:23: «Около 05:00 I 25 октября вражеские надводные корабли в проливе Суригао преследуются нашими легкими силами». Сообщение от 7:03: «В 06:45 I 25 октября наши силы сомкнулись, чтобы покончить с четырьмя японскими кораблями-доходягами около острова Канихаан в проливе Суригао».

Очевидно, корабли Седьмого флота одержали блестящую победу над Южными силами противника. Это была действительно хорошая новость. Однако, Нимиц волновался. Скорость и курс Центральных сил, по данным, сообщенным Хэлси в 8:24 Кинкейду, подразумевали, что эта группа судов пройдет через пролив Сан-Бернардино вскоре после полуночи. Если 34-е соединение ждало не в самом проливе, то должно было произойти ночное сражение. С другой стороны, Нимицу было известно, что адмирал Ли недолюбливал ночные бои со времен ночной битвы линейных кораблей у Гуадалканала. Возможно, Ли сумел каким-то образом продержаться до рассвета. Теперь над Филиппинами уже поднялось солнце, но от него все еще не было никаких вестей. Если Центральные силы не встретили никакого сопротивления, сейчас они могли находиться к востоку от Самара и двигаться прямо в направлении залива Лейте. Единственными судами в том районе, которые могли бы бросить вызов этой силе, были три небольшие группы эскортных авианосцев — Тэффи 1, 2 и 3.

---

[1] Зональное время (Гринвич минус 9 часов), принятое тогда на Филиппинах. Полдень 25 октября на Филиппинах соответствовал 16:30 24 октября, в Перл-Харбор.

[2] В 7:04, в ответ на это сообщение, Хэлси сообщил: «Нет. 34-ая оперативная группа в данный момент — с группами авианосцев участвует в сражении с вражескими авианосцами». Кинкейда этот ответ привел в ужас. Ответ Хэлси отсутствует в собрании микрофильмов командования Тихоокеанского флота и, очевидно, не был получен в Перл-Харборе. Как будет замечено, Нимиц задал Хэлси тот же вопрос в 9:44 утра.

У Нимица появилось подозрение, что 34-е оперативное соединение вовсе еще не было сформировано или что, если оно и было сформировано, оно не осталось 24 октября у пролива. Хэлси в его плане сражения включил в эту группу свое собственный флагман «Нью-Джерси», и все же в 8:24 в депеше говорилось: «Двигаюсь на север с тремя группами». То, что он лично двигался на север с тремя группами судов, явствовало из его контактного сообщения, которое заканчивалось словами: «Наши силы сконцентрированы в три группы». Нимиц знал, что обеспокоен не он один — запрос Кинкейда относительно 34-го соединения показал, что ему также нужны гарантии. Нимиц вызвал помощника начальника штаба. Когда в его кабинет вошел кэптен Бернард Остин, Нимиц спросил его, были ли какие-нибудь новые депеши, касающиеся ситуации на Филиппинах. Остин ответил, что ни одной не видел, и добавил:

— Скажите мне точно, что вы ищете?

— Я очень обеспокоен, потому что ничто из того, что я видел, не указывает на то, что адмирал Хэлси перед отбытием наладил оборону Сан-Бернардино от японцев, проходящих через пролив и надеющихся прогнать нас из Лейте.

— Вообще-то, адмирал, в депешах эта тема довольно туманна и озадачивает не вас одного.

— Если еще что-нибудь придет, сообщите мне сразу.

— Да-да, сэр, — сказал Остин и вышел из комнаты.

Адмирал Нимиц тем утром не давал связистам передохнуть — ему хотелось быть в курсе всей информации и мнений. Где-то в третий раз, когда он вызвал Остина, последний набрался достаточно храбрости, чтобы предложить Нимицу спросить Хэлси, оставил ли он какую-либо группу судов охранять Сан-Бернардино: «Это то, что вы хотите знать. Почему бы вам его не спросить?»

Нимиц немного подумал и дал Остину ответ, который вполне можно было предсказать, — он не хотел посылать депешу, которая будет напрямую или косвенно влиять на тактическое использование ответственным командующим его сил.

Примерно в тот же момент у Филиппин связисты были поражены: они перехватили депешу, которая вообще не была зашифрована. Отправителем был контр-адмирал Клифтон А. Ф. Спрэг, командующий тактической группой 774.3, известной как Тэффи 3. Это была самая северная из трех групп авианосцев эскорта Седьмого флота, размещенных вне залива Лейте. Это сообщение, предназначавшееся командующему Третьим флотом и командующему 34-м соединением, выглядело следующим образом: «Вражеские линейные корабли и крейсеры находятся в 15 милях позади моей группы и открыли по нам огонь. Мое положение (позиция) — 80 миль, румб 060 от острова Хомонгон». Судя по азимуту и расстоянию Тэффи 3 от Хомонгона, расположенного на входе в залив Лейте, тактическое подразделение находилось к востоку от Самара.

Зов о помощи группы Тэффи 3 не был услышан в Перл-Харборе. Однако вскоре за ним последовало закодированное сообщение Кинкейда к Хэлси. Сообщение было послано мощным передатчиком *«Уосатча»*, и его смогли прочитать адмирал Кинг и адмирал Нимиц: «Около 07:00 группа авианосцев 77.4.3 попала под обстрел вражеских линейных кораблей и крейсеров в точке 11-4, 126-25. Очевидно, неприятель проник через пролив Сан-Бернардино в течение ночи. Необходим немедленный воздушный удар. Также необходима поддержка от тяжелых кораблей. Боеприпасы на моих старых линейных кораблях подходят к концу».

Вслед за этим сообщением Кинкейд почти сразу же отослал другое, командующему Третьим флотом, на сей раз нешифрованное. Видимо, это было сделано для того, чтобы запугать японцев и подтолкнуть Хэлси к действию. Текст этого сообщения выглядит так:

> «Вражеские силы, атакующие наши эскортные авианосцы, состоит из 4 линкоров, 8 крейсеров и других кораблей. Необходимо, чтобы Ли как можно быстрее обеспечил прикрытие Лейте. Крайне необходим немедленный удар быстроходных авианосцев».

Кинкэйд продолжал обращаться за помощью к Хэлси и Ли. «В заливе Лейте срочно необходимы быстроходные линкоры!» — кричал он по радио. Почти час спустя — он сигнализировал: «Ситуация критическая. Быстроходные линейные корабли и поддержка авиации морского базирования, возможно, смогут помешать врагу уничтожить эскортные авианосцы и войти в Лейте».

Очевидно, эти крики о помощи не достигли *«Лексингтона»*, поскольку адмирал Митшер в ответ уведомил адмирала Маккэйна, что 38-е соединение атаковало четыре вражеских авианосца. Однако до верхнего эшелона командования они дошли. В Перл-Харборе обычно безмятежный Нимиц нервно ходил из угла в угол. Кинг в Вашингтоне тоже мерил комнату шагами — и страшно ругался.

Наконец в 8:48 утра Хэлси дал понять, что он в курсе ситуации в районе Самара. Позже оказалось, что депеши Кинкейда дошли до него с большой задержкой и почему-то в неправильной последовательности. Первой реакцией Хэлси был приказ Маккэйну в максимально возможном темпе подойти к Самару и нанести удар по вражеским силам, координаты которой он дал. Кинкейду он сообщил: «Вступаю в бой с группой вражеских авианосцев. Тактической группе 38.1 с 5 авианосцами и 4 тяжелыми крейсерами приказано немедленно прийти Вам на помощь». Он дал приблизительные координаты Маккэйна, который находился почти в 300 милях к северо-востоку от атакуемой Тэффи 3, и собственные координаты, которые соответствовали точке, находящейся более чем в 350 милях к северу. В результате помощь от тактической группы Маккэйна значительно откладывалась, а своевременная помощь от остальной части 38-го соединения была гарантирована.

Сообщение Хэлси Маккэйну было ответом на главный вопрос, уже давно мучавший Нимица. Если бы 34-е соединение было где-нибудь рядом с Самаром, Хэлси приказал бы Ли атаковать вражеские суда, напавшие на Тэффи 3. Он, возможно, приказал бы атаковать также Маккэйну, но Ли был бы проинформирован в любом

случае. То, что он не сделал, подразумевало, что Ли был с Хэлси. Была вероятность, что 34-е соединение не было сформировано, но у Нимица было другое предположение. Зная Хэлси, он был убежден, что тот сформировал группу тем утром, а теперь находился с ней, выступая перед группами авианосцев, чтобы применять тактику старомодного надводного боя на отставших и поврежденных судах, оставшихся после атак самолетами морского базирования Митшера.

Остин, который принес Нимицу последние депеши, отставал от хода мыслей своего шефа на несколько миль. Было понятно, что адмирал встревожен, и Остин заключил, что он все еще задавался вопросом, где находится 34-е соединение. Стараясь быть полезным, он предложил: «Адмирал, не могли вы просто задать адмиралу Хэлси простой вопрос: где 34-е соединение?»

Нимиц думал в течение минуты и затем сказал: «Идите и напишите это. Хорошую идею вы мне подали».

Остин думал, что вопрос следовало задать для получения информации, Нимиц же использовал его как толчок локтем. На самом деле Нимиц подразумевал: «Где *должно* быть 34-е соединение — и не лучше ли ему, черт побери, отправиться туда, и чем скорее, тем лучше?» Он был уверен, что Хэлси поймет намек. Теперь, по мнению Нимица, это были экстраординарные обстоятельства, которые оправдывали его вмешательство в дела командующего во время боевых действий.

Поскольку это сообщение Нимица стало известным, — или, точнее, печально известным — и поскольку оно произвело удивительный эффект на Хэлси, интересно проследить его продвижение к адресату. Капитан Остин пошел в свой кабинет и продиктовал сообщение писарю: «Где 34-е соединение ? От адмирала Нимица — командующему Третьим флотом; копии отослать адмиралу Кингу и адмиралу Кинкейду».

Писарь, поймав некоторый акцент в голосе босса и решив, что он должен указать акцент в сообщении, всунул слово «RPT [повторение]». После этого он отнес сообщение в отдел связи, вотчину Джека Редмана, и вручил его

дежурному лейтенанту. Тот подготовил депешу к передаче. Он заменил слова «адмирал Нимиц» на «главнокомандующий Тихоокеанским флотом», «адмирал Кинг» на «главнокомандующий ВМС США», а «адмирал Кинкейд» на «командующий 77-м оперативным соединением», дополнил его, и назначил группу даты-времени, 250044, означавшую 44 минут после полуночи по Гринвичу, 25-го числа сего месяца (9:44 утра на Филиппинах).

Дополнение состояло из бессмысленных фраз, помещенных в оба конца зашифрованных радио-сообщений, чтобы «закопать» начальные и заключительные слова, которые, будучи стереотипными, могли бы быть замечательными ориентирами для вражеских шифровальщиков. В правилах для такого дополнения указывалось, что оно не может состоять из знакомых слов или цитат, оно должно быть отделено от текста двойными согласными и оно не должно восприниматься как часть сообщения.

Здесь мы сделаем отступление, чтобы указать, что 25 октября — необычный день в военной истории. С одной стороны, это — День Святого Криспина, дата сражения при Азенкуре (1415). Это — также дата битвы при Балаклаве (1854). Последняя был отмечена великолепной, но бесполезной атакой Легкой Бригады, о которой Теннисон написал:

Забыт не будет тот, кто смелым был.
Вовеки не забыть безумную отвагу!
И мир весь в изумлении застыл,
Увидев, как бесстрашно шли в атаку
Бригады Легкой быстрые отряды —
Шестьсот бойцов, не алчущих награды!

Помнил ли офицер, готовивший депешу Нимица, про День Балаклавы и вспомнил ли он строки Теннисона? Было бы неудивительно, если бы он действительно вспомнил, так как английские профессора и студенты литературы всегда предпочитали служить в войсках связи. Если наш неизвестный лейтенант действительно помнил Легкую Бригаду, он, должно быть, сравнил ее атаку на русские штыки со столкновением Тэффи 3 с японскими линкорами, история которого ложилась на его стол в

виде депеш все утро. Дополнение, которое он написал в начале сообщения Нимица «Индюшка бежит к воде» было достаточно бессмыслено, но его дополняение в конце депеши, «Весь мир поражается» перекликалось с Теннисоном. Возможно, это было подсознательное эхо, потому что, когда его вызвали на ковер по этому поводу, он сказал: «Это просто случайно пришло мне в голову».

У адмирала Хэлси было заведено, что, когда он находился на своем флагмане «Нью-Джерси» и приходило «горячее» сообщение, адресованное ему, связисты должны были не тратить время на преобразование его в форму депеши, но срочно отправлять сообщение по пневматической трубе как можно быстрее. Когда сообщение адмирала Нимица было расшифровано на «Нью-Джерси», писарь оторвал полоску бумаги с расшифрованным сообщением от шифровального механизма и вручил ее лейтенанту Бертону Голдстейну, который сразу понял, что это как раз такое сообщение, которое должно быть передано Хэлси без задержки. Он привычным движением оторвал начальное дополнение, но конечное дополнение озадачило его. Хотя оно и было отделено от остальной части депеши двойным согласным, оно воспринималось как часть сообщения. Голдстейн показал полоску своему непосредственному начальнику, лейтенанту Чарльзу Фоксу, который посоветовал ему переслать депешу с приложенными словами. Офицер связи в каюте адмирала, сказал Фокс, мог указать адмиралу, что конечная фраза, по всей вероятности, является дополнением.

Полоска отправилась вверх по трубе. Офицер связи вынул ее двумя пальцами из держателя, заметил, что сообщение адресовано командующему Третьего флота, и немедленно вручил полоску Хэлси. На ней было написано:

> «ОТ КОМ. ДЕЙСТВИЯМИ ТИХООКЕАНСКОГО ФЛОТА КОМ. ТРЕТЬЕГО ФЛОТА ПРОИНФОРМ. ГЛАВКОМА ВМС И КОМ. ТАКТ. ГР. СЕМЬДЕСЯТ СЕМЬ Х, ГДЕ ПОВТ. ГДЕ ОПЕРАТ. ГРУППА ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ RR ВЕСЬ МИР ПОРАЖАЕТСЯ».

Хэлси, не привыкший к дополнениям, решил, что заключительная фраза является частью сообщения. Он почувствовал в ней какой-то властный сарказм, а Кинг и Кинкейд должны были стать свидетелями его унижения.

«Я был ошеломлен, как будто меня ударили по лицу,— вспоминал Хэлси.— Бумажка тряслась в моих руках. Я сорвал свою фуражку, бросил ее на палубу и кричал что-то, о чем стыдно вспоминать. Мик Кэрни подбежал и схватил меня за руку: "Прекратите! Что, черт возьми, с вами стряслось? Возьмите себя в руки!"

Я отдал ему депешу и отвернулся. Я был на таком взводе, что не мог говорить. Я совершенно не мог предположить, что Честер Нимиц пошлет мне такое оскорбление».

Адмирал Нимиц предполагал абсолютно верно. Хэлси сформировал 34-е оперативное соединение в то утро; туда входили все шесть его быстрых линкоров, и с ним он двигался впереди авианосцев, чтобы атаковать отстающих и добивать поврежденные суда. Подумав в течение часа над якобы нанесенным ему оскорблении, Хэлси сердито приказал 34-у оперативному соединению изменить курс с северного на южный. «Для меня,— написал он позже,— одно из самых больших сражений войны было кончено, и началось то, что можно было бы назвать Битвой Бегущего Быка».

Когда Хэлси проходил мимо 38-го оперативного соединения, которое все еще шло на север, он выбрал тактическую группу 38.2 Богана для обеспечения воздушного прикрытия 34-го соединения и выделил него четыре крейсера и десять эсминцев для дополнительной надводной поддержки авианосцев, остающихся под командованием Митшера. Нимицу он сообщил:

> «Отвечаю на ваше послание 250044. 34 ОГ со мной ведет бой против вражеских авианосцев. В данный момент двигаюсь с тактической группой 38.2 и всеми быстрыми линкорами, чтобы обеспечить подкрепление для Кинкейда. Потоплен 1 вражеский авианосец. 2 авианосца выведены из строя. Наши силы никаких потерь не понесли.... Тактической

группе 38.1 уже приказано немедленно идти на помощь Кинкейду».

Кинкэйду Хэлси послал радиограмму: «Я двигаюсь в направлении Лейте с тактической группой 38.2 и 6 быстроходными линкорами. Мои координаты, курс и скорость сообщу позже, но не ждите нашего прибытия раньше 08:00 завтра».

Тем временем Кинкейд продолжал подавать сигналы по радио. Сначала он сообщил, что Центральные силы развернулись, потом — что они снова угрожают заливу Лейте. На самом же деле неприятель отступал. Чтобы перехватить вражеские силы, Хэлси отделил от общей группы самые быстрые корабли — 2 линейных корабля, 3 крейсера и 8 эсминцев, и с ними совершил бросок. К тому времени, как Хэлси, вскоре после полуночи, подошел к проливу Сан-Бернардино, через пролив не успело пройти лишь один-единственный корабль Центральных сил. Это был эсминец, который задержался, чтобы собрать японцев, оставшихся в живых после сражения с Тэффи 3. Крейсеры и эсминцы Хэлси ринулись вперед и потопили его орудийным огнем и торпедами. Так быстроходные линкоры Хэлси прошли 300 миль на север и 300 миль обратно на юг между двумя главными вражескими силами, не вступив в контакт ни с одной.

Позже, когда морские офицеры изучили битву в заливе Лейте, они дали каждому из четырех основных действий свое название. Воздушные нападения на Центральные силы, когда она 24 октября двигалась в восточном направлении к Сан-Бернардино, они назвали Сражение в море Сибуян. На этом этапе самолеты с авианосцев Хэлси вывели из строя тяжелый крейсер, нанесли повреждения нескольким другим судам, и потопили суперлинкор «Мусаси».

Южные силы фактически состояли из двух вражеских групп, которые ни разу не сошлись. Первая группа, состоявшая из 2 линейных кораблей, 1 тяжелого крейсера и 4 эсминцев, была практически уничтожена в сражении в проливе Суригао, состоявшемся на рассвете 25 октября.

Ольдендорф устроил для них западню, выстроив по сторонам пролива свои эсминцы и торпедные катера и поместив свои линейные корабли и крейсеры на такой курс, чтобы перекрыть северный конец залива. Вторая японская группа, видя, что случилось с первой, благоразумно отступила.

Сражение, произошедшее несколько часов спустя между Центральными силами и Тэффи 3, получило название Битва при Самаре. Центральные силы открыли огонь по шести эскортным авианосцам, входившим в состав Тэффи 3, потопив «Гэмблер Бэй» и тяжело повредив два других. Американские эсминцы и миноносцы смело контратаковали торпедами. Три из них были потоплены орудийным огнем, но враг был приведен в замешательство. Самолеты групп Тэффи и с Лейте нанесли удары по Центральным силам, потопив три крейсера и обратив остаток сил в бегство. Днем 25 октября самолеты тактической группы Маккэйна 38.1 атаковали Центральные силу, но не нанесли ощутимого ущерба. Они вынуждены были совершать налеты издалека, и в связи с этим на крыльях самолетов были установлены дополнительные топливные баки; поэтому самолеты вместо более тяжелых торпед были снаряжены бомбами. В тот же день японские пилоты, управляя самолетами наземного базирования, врезались в пять авианосцев Тэффи 3 и находящейся поблизости Тэффи 1, тяжело повредив их, и пустив один ко дну. С этих атак самоубийц-камикадзе[1] начала развиваться ситуация, не сулившая американцам ничего хорошего.

Нападение 38-го оперативного соединения на Северные силы назвали Битвой у мыса Энганьо. В этой операции американские самолеты морского базирования потопили авианосец «Дзуйкаку», последний из кораблей, напавших на Перл-Харбор; а также три легких авианосца и два эсминца. Они также нанесли повреждения

---

[1] *Камикадзе* («божественный ветер») — имя, данное тайфуну, который в 1274 году рассеял флот Каблай хана, таким образом спасая Японию от вторжения.

крейсеру, который на пути из залива был затем потоплен американской подлодкой.

Поскольку Северные силы не контратаковали, а их авианосцы, как оказалось, почти не несли самолеты, некоторые офицеры заключили, что эта группа столь же беспомощна, как Объединенный флот за два года до этого, и использовалась только для того, чтобы задержать Хэлси вдалеке от Лейте так, чтобы Южные и Центральные силы могли сойтись на американских судах в заливе. После войны японцы подтвердили, что этот вывод был правильным. Их авианосцы потеряли большинство самолетов в битве в Филиппинском море. Все японские морские летчики, которые достигли мастерства после того времени, пожертвовали собой в попытке защитить базы на Формозе от атак авианосцев Хэлси.

В течение всей оставшейся жизни адмирал Хэлси отрицал все доказательства и утверждения относительно того, что Северные силы были приманкой. Он не мог сжиться с мыслью о том, что его просто отвлекли от того, что должно было происходить на юге.

Вечером 25 октября (по восточной долготе) за коктейлем за обедом в доме адмирала Нимица о сражениях, происшедших за день, говорили живо, а порой не без сарказма. Кроме высокопоставленных офицеров, на этот раз присутствовал лейтенант-коммандер, который, только что оставив командование подводной лодки, направлялся в Соединенные Штаты, в отпуск. Этого молодого человека ничуть не пугали возраст и звания других гостей. Он не стеснялся выражать свое мнение в такой высокой компании по очень серьезной причине — его звали Честер У. Нимиц младший.

Чет был поражен, что главнокомандующий и его штаб позволяют себе устраивать праздничные обед, в то время как они не знают, прикрывает ли 34-е оперативное соединение пролив Сан-Бернардино. Почему, спросил он, они не спросили адмирала Хэлси впрямую, где она находится, и не сказали ему послать ее немедленно туда, где она нужна. Адмирал Нимиц терпеливо объяснил, что он и его штаб были за многие тысячи миль от области ведения

боевых действий и его политика заключалась в том, чтобы избегать, как чумы, вмешательства в решения тактического командующего на поле боя.

Позже вечером кто-то прочитал или процитировал директиву из Оперативного плана 8-44, указывавшую, что, если бы Хэлси увидел возможность уничтожить большую часть вражеского флота, такое уничтожение стало бы его первичной задачей. Чет снова был удивлен. Подписав такой приказ, сказал он без обиняков, адмирал Нимиц фактически давал карт-бланш адмиралу Хэлси на оставление берегового плацдарма без прикрытия. Он сказал, что было ошибкой вообще предлагать Хэлси какую-либо альтернативу защите десанта в заливе Лейте. «Это ваша ошибка», — закончил он, глядя на отца.

В комнате повисла тишина. Это было уже слишком. Старший Нимиц направил холодный пристальный взгляд на своего дерзкого отпрыска. «Это ваше мнение», — сказал он, заканчивая обсуждение.

Чуть позже 19:00 (филиппинское время) Кинкейд, к тому времени уверенный, что Центральные силы отступили, выразил свое восхищение Тэффи по радио: «Сегодня мое восхищение вашей великолепной работой не знает никаких границ. Вы сдержали такую силу, которую, по моим ожиданиям, можно было сдержать только с помощью авианосцев флота. Так держать. Кинкейд».

В 21:26 Хэлси, все еще двигаясь на юг с 34-м оперативным соединением, послал Нимицу радиограмму (группа даты-времени 251226): «Можно с уверенностью заявить, что японский флот побежден, обращен в бегство и разбит Третьим и Седьмым флотами». Нимиц передал сообщение в Морской департамент, и Кинг попросил его не оглашать содержание радиограммы, потому что у Хэлси не было ни возможности, ни достаточного количества времени на то, чтобы оценить ситуацию полностью. Министр Форрестол согласился с Кингом, однако же сообщал президенту Рузвельту.

Аргументом в пользу оглашения информации об успехе флота был поступок Макартура, который по соб-

ственной инициативе подал коммюнике победы на публикацию телеграфному агентству Рейтер. Гарри Гопкинс, специальный помощник президента, позвонил Форрестолу и предложил отдать сообщение Хэлси в прессу. Форрестол, сказал он, не спешил с оглаской хороших новостей, не будучи абсолютно уверенным в фактах. Гопкинс думал, что стоит рискнуть. После этого, 25 октября в 6 часов вечера (вашингтонское время), президент созвал репортеров в Белый дом и зачитал им парафраз сообщения Хэлси Нимицу.

Когда стали известны факты, они более чем оправдали оптимизм Хэлси. Мало того, что японцам не дали осуществить их план по потоплению американских судов в заливе Лейте, но они потеряли 306 000 тонн их собственных боевых кораблей — 3 линейных корабля, 4 авианосца, 10 крейсеров и 9 эсминцев. Американцы, ценой 37 000 тонн военных кораблей — одного легкого авианосца, 2 эскортных авианосцев, 2 эсминцев и 1 миноносца — полностью лишили Японию возможности начать новое морское сражение. Короче говоря, они получили полный контроль над Тихим океаном.

В 22:17 вечером 25 октября Хэлси послал сверхсекретное сообщение (группа даты-времени 251317) Нимицу и Кингу, объясняющее его тактику:

> «Моя воздушная разведка засекла Северные силы авианосцев днем 24 октября, и с этого момента я располагал полной картиной всех вражеских военно-морских сил. Поскольку мне казалось ребячеством стоять на одном месте и охранять пролив Сан-Бернардино, я за ночь собрал 38-е оперативное соединение и двинулся на север, чтобы напасть на Северныее силы на рассвете. Я полагал, что Центральные силы были так тяжело повреждена в море Сибуян, что их нельзя было рассматривать как серьезную угрозу Седьмому флоту».

В письме Кингу от 28 октября, помеченному «Лично» и «Сов. секретно», Нимиц заключил:

«Я очень доволен действиями флота на прошлой неделе, за двумя исключениями. Мое первое исключение и сожаление — то, что столь ценная боевая единица, как "Бирмингем", находился рядом с поврежденным "Принстоном", в то время как в спасательных и противопожарных операциях следует полагаться исключительно на эсминцы. Мое второе исключение и сожаление — то, что быстроходные линейные корабли не остались около Самара, когда 38-е оперативное соединение, отправившееся вслед за ударной группой, сообщило, что та находится в северном конце Филиппинского моря и состоит из авианосцев, двух линейных кораблей, крейсеров и эсминцев для огневой поддержки. Мне бы и в голову не пришло, что Хэлси, зная состав сил в море Сибуян, оставит пролив Сан-Бернардино незащищенным, даже при том, что японские подразделения в море Сибуян понесли значительные потери. То, что Хэлси понимает, что он занимает оборонительную позицию, ясно из его сов. секретной депеши 251317.

То, что в Сан-Бернардино подразделение японского флота, включавшее "Ямато" и "Мусаси", полностью не уничтожило все авианосцы эскорта и их заслон,— нечто иное, как Божий промысел; хотя надо признать, что потери, которые японцы получили днем раньше в море Сибуян, несомненно повлияли на их способность двигаться и стрелять, когда они напали на эскорт Спрэга».

Нимиц избегал критиковать Хэлси публично и не позволял себе критику в его адрес в любых отчетах, которые могли бы впоследствии быть обнародованы. Когда кэптен Ральф Паркер, начальник аналитического отдела командования Тихоокеанского флота, резко осудил тактику Хэлси в официальном сообщении о битве, Нимиц отказался подписывать сообщение. Он послал его назад с примечанием, написанным наискось поверх текста: «Что вы пытаетесь сделать, Паркер? Начать еще

один спор Сэмпсона и Шли? Пожалуйста, поспокойнее. Я оставляю это под вашу ответственность».

В январе следующего года Хэлси лично рапортовал адмиралу Кингу, и его первыми словами были: «Я допустил ошибку в том сражении».

Кинг взял его за руку. «Вы не должны говорить мне больше ничего,— сказал он.— Вы свободны в своих решениях».

Однако в своей автобиографии Кинг критикует и Хэлси, и Кинкейда. Он приписывал «элемент неожиданности в битве при Самаре не только отсутствию Хэлси на севере, но также и отказу Кинкейда использовать его собственные эскадрильи для разведки в критический момент».

Редко в военной истории можно встретить два последовательных сражения со столь похожими тактическими проблемами, чем битва в Филиппинском море и сражение в заливе Лейте, и редко командующие реагировали настолько по-разному. Многим позже Хэлси сделал печальное предположение, что, возможно, было бы лучше, если бы он командовал в Филиппинском море, а Спрюэнс — в заливе Лейте.

Одна причина того, почему историки не спешат осуждать Хэлси, состоит в том, что его более ранний совет привел к ускорению боевых действий против Филиппин. Если бы вторжение на Лейте произошло 20 декабря, как было намечено изначально, Одзава успел бы обучить своих летчиков достаточно для того, чтобы они могли дать американцам настоящий бой. Так как ускорение произошло благодаря Хэлси, его стратегическая интуиция более чем оправдала его тактический промах.

Глава 21

ФИЛИППИНСКАЯ КАМПАНИЯ И ПЕРЕЕЗД НА ГУАМ

Чем больше сведений о противнике получал адмирал Нимиц от разведки, тем больше он убеждался в правильности заявления адмирала Хэлси, что японский флот был «побежден, рассеян и сломлен». Стало очевидным, что битва за залив Лейте была последним крупным морским сражением Второй Мировой войны. Тем не менее военно-морскому флоту США предстояло еще немало сделать для помощи морским пехотинцам, сухопутным частям и военно-воздушным силам при выполнении их задач в тихоокеанском регионе.

После вынужденной передышки и пополнения на Улити 38-е оперативное соединение получило задание присоединиться к рейду на Токио, осуществляемому 21-ой бригадой бомбардировщиков В-29. Авианосцы Хэлси должны были обеспечить сопровождение, что позволило бы бомбардировщикам, базирующимся на авианосцах, повысить точность своих ударов за счет бомбардировок с

низкой высоты, главной целью которых должны были стать авиазаводы. Эту задачу, которая была очень по душе Хэлси, пришлось отменить, поскольку в поддержке 38-й оперативной группы крайне нуждались силы генерала Макартура на острове Лейте.

После битвы в заливе Лейте Макартур приказал находящимся под командованием генерала Кенни частями Дальневосточных ВВС освободить авианосцы Седьмого флота, подвергавшиеся сильному обстрелу, от ответственности за поддержку сухопутных сил. Но эта задача оказалась непосильной для базировавшихся на земле самолетов генерала Кенни, поскольку Таклобан, единственный аэродром на острове Лейте, не мог обслуживать достаточное для решения этой задачи число самолетов. Инженеры армии США пытались увеличить размеры аэродрома в Таклобане и построить другие, но их усилия потерпели неудачу из-за муссонов с их проливными дождями и неподходящего грунта. Японцы между тем перебрасывали самолеты из Японии через Формозу на всепогодные аэродромы на острове Лусон. В результате они получили такое большое преимущество в небе над Лейте, что генерал Макартур был вынужден обратиться за помощью. Нимиц приказал Хэлси нанести удары по аэродромам на Лусоне и другими действиями поддерживать американские войска на Лейте. В то же время он потребовал от Макартура «освободить силы Третьего флота, как только ситуация позволит это сделать». Вице-адмирал «Слью» Маккейн заменил на посту командующего 38-м оперативным соединением вице-адмирала «Пита» Митшера, который улетел в Соединенные Штаты в необходимый для него отпуск.

Летчики 38-го оперативного соединения поддерживали войска Макартура в течение месяца. За это время они уничтожили около 700 самолетов, потопили 3 крейсера, 10 эсминцев, много транспортных и вспомогательных судов. Они отправили на дно целый конвой, отправлявшийся к Лейте, утопив при этом 10 000 японцев. Однако американцам не удалось восстановить полное превосходство в небе над Лейте. Камикадзе повредили

7 авианосцев из оперативной группы, а из состава Седьмого флота подбили 2 линкора, 2 крейсера, 2 транспортных судна и 7 эсминцев. Один из эсминцев затонул. После особенно жестокого рейда летчиков-самоубийц, произведенного 25 ноября, 38-е оперативное соединениее было выведена на базу на Улити. Оно находилась в море и участвовало в сражениях почти непрерывно в течение трех месяцев.

В конце ноября 1944 адмирал Нимиц и члены его штаба встретились в Сан-Франциско с адмиралом Кингом и делегацией офицеров из Вашингтона и других мест. Кинг и Нимиц согласились, что Хелси и его подчиненные нуждаются в продолжительном отпуске. Нимиц сказал, что планирует вернуть флот обратно Спрюэнсу, как только 38-е оперативное соединение и десантная группа Третьего флота будут освобождены от поддержки Макартура. Операция продлилась дольше ожидаемого, поскольку превосходство японцев в воздухе и плохая погода на Лейте заставили генерала передвинуть намеченную дату вторжения на Лусон с 20 декабря 1944 на 9 января 1945. Этот сдвиг означал, что планируемая дата вторжения на Иводзиму должна быть перенесена с 20 января на 19 февраля, а дата для Окинавы — с 1 марта на 1 апреля. Любая дополнительная задержка сдвигала бы операцию по взятию Окинавы на сезон тайфунов, а это подвергало бы опасности флот, участвующий в ее поддержке.

Армия планировала начать вторжение на Кюсю осенью, после операции на Окинаве. Кинг и Нимиц полагали, что вторжение на Окинаву, за которое придется заплатить многими жизнями, на самом деле может оказаться необязательным. Они были убеждены, что японцы потерпят поражение в результате блокады и бомбежек, а для этих операций желательно иметь базу на китайском побережье напротив Японии. Нимиц предложил вторгнуться в Китай в районе залива Ханькоу, к югу от Шанхая.

На совещании было отмечено резкое сокращение числа летчиков-истребителей, служащих на авианосцах. Это явилось результатом несвоевременных реформ в

программах обучения летчиков, а также непредвиденного возрастания потребности в истребителях для поддержки войск, сопровождения бомбардировщиков и защиты авианосцев от атак с воздуха, особенно со стороны камикадзе. На совещании было одобрено предложение приписать к быстроходным авианосцам самолеты «Корсар» с ускоренным взлетом и летчиков-истребителей из состава морской пехоты.

Адмирал Кинг объявил, что британский флот, в составе которого были авианосцы, прибудет в Тихий океан в 1945 году, чтобы принять участие в войне против Японии. Предполагалось, что главнокомандующий британским флотом сэр Брюс Фрейзер будет осуществлять административное управление, но оперативные приказы будет отдавать Нимиц. Британцы должны были разместиться на американских базах на Манусе, Лейте и Улити, но ожидалось, что они будут самостоятельно обеспечиваться. Они должны были принять американские правила тактики и связи, но поскольку британцы не имели опыта боевых операций с участием большого числа авианосцев, Кинг предложил, чтобы они действовали преимущественно самостоятельно, а не во взаимодействии с американскими кораблями.

В это время британский флот был уже на пути к Тихому океану. 10 декабря адмирал Фрейзер основал штаб-квартиру в Сиднее. Из Лондона и Сиднея в штаб-квартиру главнокомандующего Тихоокеанским флотом поступала лавина сверхсекретных донесений. В них содержались запросы о проведении совещания между адмиралами Фрейзером и Нимицем, а позднее было объявлено о приезде Фрейзера и его штаба в Перл-Харбор. Нимиц писал Кингу: «Я не нуждаюсь в том, чтобы Поль Ривер с его тремя фонарями рассказывал мне, о том, что прибывает британский флот. Прилагающийся пересказ шести совершенно секретных донесений выглядит как приказ для оккупационных сил. Возможно, что их и рассматривают как оккупационные войска».

Фрейзер со своим штабом прибыл в Перл-Харбор 16 декабря. Нимиц и британский адмирал возобновили свое

знакомство. Нимиц пригласил Фрейзера к себе домой. Они встречались за десять лет до этого, когда Нимиц командовал «Огастой» на дальневосточной станции. Тогда они оба были кэптенами.

Британский Тихоокеанский флот состоял из 4 авианосцев, 2 линкоров, 5 крейсеров и 15 эсминцев. Его силы были примерно такими же, как у одного только 38-го оперативного соединения. Хотя водоизмещение британских авианосцев было такое же, как и у американских, они могли обслуживать вдвое меньше самолетов, а их закрытые ангары замедляли выполнение операций и могли оказаться неудобными в тропических водах. Их преимуществом были бронированные взлетные палубы, что делало их менее уязвимыми для атак камикадзе по сравнению с американскими, на которых были деревянные взлетные палубы и бронированные палубы с ангарами.

На первом англо-американском совещании адмирал Нимиц изучил проблему, которая больше всего его волновала: сколько времени британский флот может пробыть в море. Ему сообщили, что у флота есть свой «обоз», включающий танкеры, но что хотя британцы могут осуществлять дозаправку в море, они не владеют методикой быстрой дозаправки на ходу, которой пользовались американцы. Адмирал Нимиц попросил дать конкретные цифры. Фрейзер оценил, что в течение месяца его флот может находиться в море восемь дней. Нимиц сказал, что его это совершенно не устраивает. Впоследствии он так описывал эту встречу: «Адмирал Фрейзер и я долго спорили... Он полагал, что сможет действовать восемь дней в месяц, сошлись мы на двадцати».

К британскому флоту прикомандировали опытных американских командиров авианосцев и небольшие бригады связи. Адмирал Фрейзер предложил заменить Гарольда Гопкинса, который год служил офицером связи в штабе Нимица, на вице-адмирала.

— А что не так с Гопкинсом? — спросил Нимиц, которому нравился этот молодой человек и от которого он ожидал хорошей работы.

Адмирал Фрейзер объяснил, что после того, как к театру боевых действий прибудет британский флот, на взгляд Адмиралтейства, уместно было бы назначить офицера более высокого звания.

— Так сделайте Гопкинса адмиралом, — предложил Нимиц.

Адмиралтейство пошло на компромисс. Они сделали Гопкинса кэптеном и оставили его при главнокомандующем Тихоокеанским флотом еще на шесть месяцев.

Нимиц отказался дать британцам какие-либо обещания относительно проведения операций. Он предложил им нанести удар по нефтяным установкам на острове Суматра, контролируемым японцами, и заметил, что, когда придет время, лучший вклад, который мог бы внести британский флот — это присоединиться к Седьмому флоту под командованием Кинкейда для проведения операций в юго-западной части Тихого океана.

Это было совсем не то, на что рассчитывали британцы. Когда они стали возражать, Нимиц сказал, что мог бы использовать их флот в связи с планируемой высадкой на Окинаву. Он отправил британцев к адмиралу Спрюэнсу, чтобы тот со своим штабом рассмотрел этот вопрос.

11 декабря американский Сенат утвердил постановление палаты представителей о возведении четырех адмиралов флота и четырех генералов армии в ранг пятизвездных. Предполагалось, что это позволит американским старшим офицерам более эффективно работать с пятизвездочными британскими офицерами. Президент выдвинул от армии генералов Маршалла, Макартура, Эйзенхауэра и Арнольда, а от флота адмиралов Леги, Кинга и Нимица. 15 декабря Сенат одобрил эти назначения.

Многие, включая конгрессменов, были удивлены, что Хэлси не стал четвертым адмиралом, возведенным в новый ранг. Первоначально это планировалось, но Кинг, не желая, чтобы Хелси был повышен, а Спрюэнс — нет, решил сделать отсрочку в выдаче рекомендаций. Он тем не менее рекомендовал возвести Кинкейда в чин четырехзвездного адмирала, чтобы он был в одном чине с Хэлси,

Спрюэнсом и другими командующими флотами в Тихом океане.

Когда 19 декабря Нимиц принес присягу как адмирал флота, он был приятно удивлен, узнав, что для него уже изготовлены новые знаки отличия. Старые звездочки были удалены, а на их месте по кругу располагались пять новых.

Новости с Филиппин были как хорошие, так и очень плохие. 15 декабря войска Макартура осуществили успешное вторжение на остров Миндоро, для того чтобы оборудовать новые аэродромы в западной части Филиппин недалеко от Лусона, но вне пояса муссонных дождей. Во время вторжения на Миндоро и прохождения конвоя через пролив Суригао, моря Минданао и Сулу 38-е оперативное соединение удерживало свои истребители над аэродромами на Лусоне, чтобы предотвратить вылет самолетов противника. Никто из камикадзе не достиг быстроходных авианосцев, потому что Маккейн сильно изменил соотношение истребителей и бомбардировщиков и создал завесу из оснащенных радарами эсминцев, чтобы иметь возможность раннего оповещения о приближающейся авиации противника. Американские самолеты, возвращавшиеся с задания, должны были облетать вокруг завесы из эсминцев для того, чтобы камикадзе, использующие возвращающиеся самолеты для определения местоположения авианосца, могли быть сбиты собственными силами кораблей.

Конвой на Миндоро, не обладавший такой системой защиты, был атакован камикадзе с центральных Филиппин. Наиболее пострадал флагман конвоя «Нэшвил», который, потеряв 133 убитыми и 190 ранеными, был вынужден повернуть обратно. 38-е соединение, успешно защитившее себя от нападения со стороны людей, стало жертвой погоды. 18 декабря на авианосцы со всей своей силой обрушился тайфун. В результате шторма три эсминца были опрокинуты и затонули. Еще семь кораблей получили тяжелые повреждения; 186 самолетов были сброшены за борт или сорваны с креплений и разбиты, погибло около 800 офицеров и матросов. Адмирал Нимиц писал: «Это были самые большие потери в Тихом

океане со времени первой битвы у острова Саво, причем без какой-либо компенсации».

Поскольку погода продолжала ухудшаться, 38-е соединение было отправлено обратно на Улити, куда и прибыло 24 декабря. На следующий день прилетел адмирал Нимиц. Он уже назначил комиссию по расследованию, но хотел сам разобраться, почему флот позволил захватить себя тайфуну. Нимиц захватил с собой наряженную елку для кают-компании на «Нью-Джерси» и был немного задет, заметив, что корабельные офицеры больше гордились елкой, наряд которого состоял из орехов, болтов и обломков металла.

Комиссия по расследованию под председательством вице-адмирала Джона Хувера большую часть вины за то, что флот был захвачен штормом, возложила на адмирала Хэлси. Результаты расследования подтвердили в какой-то мере правоту некоторых офицеров, которые утверждали, что Хэлси не хватило мастерства, чтобы управлять таким большим объединением кораблей, как Третий флот. Его склонность к импульсивным методам и внезапному изменению планов была хорошо известна. Это не имело большого значения в 1942 году, когда он командовал небольшой группой авианосцев, но в 1944 году, когда под его командованием оказалось огромное число кораблей, его неожиданные импровизации имели печальные последствия.

Хувер придерживался мнения, что Хэлси должен предстать перед военным судом, но Нимиц и Кинг полагали, что он уже достаточно наказан тем, что на него возложена основная вина за последствия встречи с тайфуном. Нимиц в своей записке комиссии писал, что ошибки Хэлси были «неверными решениями, принятыми в состоянии стресса, вызванного проводимой военной операцией, и проистекали из похвального желания действовать в соответствии с поставленной задачей». Кинг сделал эту записку более мягкой, заменив «похвальное желание» на «твердую решимость», а также добавив после слов «неверными решениями» фразу «в условиях нехватки информации».

Нимиц разослал приказ, в котором говорилось, что любой командир, чей корабль оказывается в опасном

положении, должен немедленно нарушить радиомолчание и связаться с главнокомандующим Тихоокеанским флотом. Он также распространил по флоту письмо с советами, как следует действовать во время сильного шторма. «Сто лет назад,— писал он,— выживание корабля зависело почти исключительно от мастерства капитана и его постоянного внимания к мельчайшим изменениям погоды». Нимиц сравнивал положение парусников, моряки которых имели очень скудные метеорологические сведения, с положением современных моряков, знающих прогноз погоды на море. «За безопасность корабля,— указывал он,— всегда отвечает командующий, но эту ответственность также разделяют и его непосредственные начальники». Нимиц продолжал:

> «Совершенно определенно, что в числе прочего старшие офицеры обязаны думать о самых мелких кораблях и самых неопытных командующих, находящихся у них в подчинении. Он не может считать само собой разумеющимся, что они смогут выполнить поставленные задачи в любую погоду, как это может сделать его большой корабль. Он не должен рассчитывать, что его подчиненные окажутся достаточно мудры, чтобы правильно оценить, когда следует отказаться от выполнения задачи с целью спасения корабля...
>
> Подытоживая, заметим, что и старшие и младшие офицеры должны понимать, что в плохую погоду, как и в большинстве других случаев, безопасность и фатальный поворот событий не отделены друг от друга резкой чертой, а постепенно переходят друг в друга. Нет красного света, который бы информировал командующего кораблем или вышестоящих начальников о том, что имеет место крайняя опасность от погодных условий и что попыткам выполнения поставленной задачи следует предпочесть меры по спасению корабля. Понять, когда наступил такой момент, всегда будет задачей человека. Естественно, ни один командующий не захочет перейти тонкую грань между сохранением плавучести и кораблекрушени-

ем, но можно, того не желая, незаметно подойти к опасной точке, даже, если корабль еще не in extremis [т.е. не в крайней ситуации]. Корабли, которые продолжают путь, пока ветер еще не достиг той силы, чтобы опрокинуть их или разломить надвое, могут оказаться беспомощными и не суметь избежать катастрофы, если погода будет становиться хуже. Тогда они могут оказаться не в состоянии поддерживать курс, из строя могут выйти рулевое управление, освещение, средства связи, может отказать двигатель. Может оказаться невозможным сохранять то, что находится на палубе, возможно будет необходимо сбросить лишний груз. Меры по спасению корабля требуют времени. Ничто не может быть более опасным для моряка, чем неохотно принимаемые меры предосторожности, даже, если они окажутся необязательными. Тысячи лет безопасность на море держится на психологии, в точности противоположной этой».

С Улити Нимиц полетел на Лейте, чтобы обсудить с Макартуром вопросы, связанные с поддержкой 38-м соединением предстоящего вторжения на Лусон. Генерал был в веселом настроении, только что объявив об окончании организованного сопротивления японцев на Лейте. Однако веселость мгновенно исчезла, когда он заметил, что Нимиц носит знаки различия с пятью звездочками, а у него таких пока нет. В тот же вечер он отдал приказ изготовить их к утру.

28 декабря по дороге в Перл-Харбор Нимиц снова остановился на Улити, чтобы передать Хэлси соглашение, которого они достигли с Макартуром. Хэлси попросил разрешения вести 38-е соединение группу в Южно-Китайское море для того, чтобы, во-первых, атаковать японские авианосцы-линкоры «Исе» и «Хьюга», которые спаслись в битве в заливе Лейте, во-вторых, чтобы обезопасить трассу снабжения на Лусон в заливе Лингайен. Нимиц согласился, но поставил условие, что Хэлси не осуществит свой набег на Филиппины, пока быстрые авианосцы не закончат поддержку высадки в заливе Лингайен.

Хэлси обратил внимание Нимица на незаконную и дезориентирующую приписку в конце послания главнокомандующего: «Где 34-е оперативное соединение?» Во время битвы в заливе Лейте она заставила Хелси сильно переживать. Нимиц был потрясен и обещал разобраться, кто виноват, и принять соответствующие меры. Согласно автобиографии Хэлси, «Честер вышел из себя, когда я ему об этом сказал, он вычислил того негодяя и разорвал его на части». На самом деле все было несколько иначе. По возвращении в Перл Харбор Нимиц дал указание Джеку Редмену разобраться в ситуации и доложить. Когда выяснилось, что автором этой оскорбительной приписки был один лейтенант, Нимиц сказал Редмену: «Если этот лейтенант не может держать свои мысли при себе, в стороне от важных депеш, вам лучше было бы перевести его на то место, где он будет менее чувствительным». И лейтенант был переведен.

30 декабря 38-е оперативное соединение покинуло Улити, чтобы поддерживать приближавшуюся высадку в заливе Лингайен ударами по аэродромам на Лусоне и Формозе. Камикадзе жестоко атаковали готовящиеся к наступлению силы Макартура, передовыми частями которых были корабли адмирала Олдендорфа и группы минных тральщиков шедшие из залива Лейте. К этому времени к месту высадки уже приближались десантные силы под командованием Барби и Уилкинсона, а совместные удары с легких авианосцев Третьего флота, эскортных авианосцев Седьмого флота и самолетов армейских ВВС сделали аэродромы на Лусоне практически бездействующими. Начиная с 7 января войска, готовящиеся к вторжению, больше не подвергались организованным воздушным атакам, хотя отдельным пилотам удавалось наносить удары по кораблям союзников. За 10 дней японская авиация, преимущественно камикадзе, повредили 43 корабля союзников, из них 18 серьезно, 5 кораблей было потоплено, включая эскортный авианосец, было убито 738 человек и ранено около 1400. Тем не менее 9 января штурмовые части осуществили намеченную высадку, не встретив практически никакого сопротивления.

Этой ночью Хэлси провел 38-е оперативное соединение через пролив Лусон, к северу от острова Лусон, в Южно-китайское море. Японские корабли «Исе» и «Хьюга» предусмотрительно отошли на юг, но размещенные на авианосцах самолеты находили немало других целей для атак. Они совершили налеты на побережье Индокитая южнее Формозы и район Гонконга, потопили 44 корабля и уничтожили большое число самолетов противника. Когда 21 января оперативная группа назначения проходила пролив Лусон, ее самолеты снова атаковали Формозу. На этот раз камикадзе нанесли ответный удар, повредив два авианосца и эсминец.

25 января 38-ое оперативное соединение вошло в лагуну Улити. Их ожидал адмирал Спрюэнс со своим штабом, чтобы принять командование. Офицеры Третьего флота, который готовился снова стать Пятым флотом, относились к переменам со смешанными чувствами. Капитан Джордж К. Дайер, командовавший легким крейсером «Астория», так изложил их взгляды:

— Мои чувства можно охарактеризовать так: при Спрюэнсе — уверенность, при Хэлси — озабоченность... Когда вы переходите из под командования Хэлси под командование Спрюэнса... вы покидаете область, где никогда не знаете, что вы будете делать в ближайшие пять минут и как вы будете это делать, поскольку письменные инструкции всегда приходили с опозданием... Он ничего не делал дважды одним способом. Когда вы переходите под командование Спрюэнса, все письменные инструкции поступают своевременно, и вы действуете, руководствуясь ими.

Адмирал Хэлси, несмотря на свои недостатки, которых по сравнению с его достоинствами было мало, был любим и уважаем всеми служащими во флоте. Всегда доступный, всегда внимательный, всегда бесстрашный. Стиль его действий был не «Вперед!», а «За мной!» Он никогда не требовал, чтобы люди подвергали себя опасности, перед какой не смог бы предстать сам. Он никогда не уклонялся от ответственности и не сваливал ее на другого. Умеющий ценить других, он никогда не заканчивал кампанию без слов благодарности или похвалы в

адрес своих подчиненных. Большинство офицеров и рядовых никогда не забудут содержание его прощального послания на Улити:

— Я так горд за вас, что никакие слова не могут выразить мои чувства. Это была тяжелая операция. Порою вам приходилось действовать почти за гранью того, что может вынести человек. Но ставки были высоки, враг был изможден так же, как и вы, а жизни многих американцев, которые будут участвовать в последующем наступлении, могли быть спасены, если бы мы хорошо сделали свою работу. Мы изгнали противника с моря, заставили перейти его к обороне собственной территории. Это было сделано превосходно!

После операций в заливе Лингайен силы Центральной и Южной группировки разделились. В то время, как первая двинулась на север к Иводзима и Окинаве, а возможно, и к побережью Китая, генерал Макартур и его Южная группировка двинулась на юг для захвата Манилы, затем оставшейся части Филиппин и, наконец, крупных портов на Борнео.

Выход из боя и последующее разделение Тихоокеанского флота Нимица и Седьмого флота Макартура было непростой операцией. Нимиц в течение нескольких дней пытался получить обратно корабли, которые он передал Макартуру. Они были нужны ему для создания Пятого флота, который в скором времени должен был атаковать Иводзиму и Окинаву. Со своей стороны адмирал Кинкейд ощущал потребность в этих кораблях для защиты сообщения через залив Лингайен.

Нимиц указывал на то, что у японцев безусловно недостаточно сил, чтобы угрожать Филиппинам и одновременно защищаться от предстоящего наступления Тихоокеанского флота, которое несло угрозу уже для самой Японии. И если для обороны Филиппин, которые уже были защищены авиацией наземного базирования, выделить еще и флот, способный противостоять всем тяжелым кораблям, остававшимся в японском флоте, то на неопределенный период пришлось бы забыть о наступлении союзников в Тихом океане.

В конце концов Нимиц согласился на то, чтобы у Кинкейда осталось четыре старых линкора, но запросил обратно «Нью-Мексико» и «Калифорнию», которые нуждались в серьезном ремонте после атак камикадзе. Он также согласился, чтобы в Седьмом флоте временно оставались 2 тяжелых крейсера и 22 эсминца из состава Тихоокеанского флота. Он был готов, хотя и неохотно, обойтись без этих судов, потому что с Европейского театра военных действий недавно прибыли военные корабли, среди которых было четыре старых линкора. Тон депеш, которыми обменивались Макартур, представлявший Кинкейда, и Нимиц, хотя и был иногда настойчивым, все же оставался достаточно сдержанным и вежливым, и переписка поэтому не оставила горького осадка.

Примерно в это время Нимиц получил приятное известие, которое не было для него неожиданным. Офицер Джеймс Лей послал Кейт, дочери Нимица, кольцо с объявлением помолвки. С тех пор как Джим служил под командованием Нимица на «Огасте», адмирал и миссис Нимиц проявляли к нему интерес и с одобрением относились к крепнущей дружбе между ним и Кейт. Поскольку Джим провел большую часть войны в Тихом океане, последние три года молодая пара встречалась не часто, но поддерживала постоянную переписку. Нимиц послал им сердечное благословение.

Нимиц в течение определенного времени готовился отправиться на Гуам. Заявленной причиной переезда (и без сомнения она являлась главной) было желание перенести штаб-квартиру поближе к району боевых действий. С некоторой натяжкой в качестве второй причины можно было назвать желание вырваться из Макалапы, с ее рутиной, связанной с обслуживанием постоянно растущих вооруженных сил, и где становилось все более многолюдно. Над штаб-квартирой главнокомандующего был даже надстроен дополнительный этаж, но здание еще больше заполнилось столами и людьми, выполняющими занудную работу, от которой не мог избавиться и сам главнокомандующий.

Нимиц брал с собой лишь небольшой штаб, т.к. он предпочитал, чтобы он занимались исключительно планированием боевых операций и управлением ими. Штаб,

остававшийся на прежнем месте, должен был заниматься в основном административной работой. Его возглавил отчаянно сопротивлявшийся этому заместитель Нимица, адмирал Тауэрс, который хотел быть в составе боевых частей. Оставлен был также и генерал Ричардсон, который должен был отвечать за боевую подготовку военнослужащих и текущие дела армии.

Из-за того что Гуам подвергался бомбардировкам, и в результате последующего сражения немногочисленные города и поселки на острове были превращены в груды камней, штаб-квартиру главнокомандующего и связанные с ней структуры пришлось обустраивать с нуля. Во время своего визита на Гуам в августе предыдущего года Нимиц подобрал место для новой штаб-квартиры на вершине утеса, который впоследствии получил название Холма Главнокомандующего. Как только командование дало зеленый свет на перенос штаб-квартиры, бульдозеры начали выравнивать площадку для строительства комплекса.

Нимиц отклонил несколько проектов передовой штаб-квартиры, а затем подготовил свой, который и был реализован. Штаб-квартира представляла собой двухэтажное деревянное здание, не имевшее ничего общего с крепостью в Макалапе, защищенной от бомбежек. Неподалеку размещались коттеджи для адмиралов и генералов, а также приезжающих с визитом важных должностных лиц. Нимиц, адмирал Макморрис и доктор Андерсон занимали дощатый белый дом с четырьмя спальнями, большой гостиной-столовой и верандой, с которой открывался вид на гавань Аганья. По соседству размещался большой коттедж, где жили адмирал Шерман и другие штабные офицеры. Первое время остальные офицеры и рядовые жили в сборных домах из гофрированного железа, но со временем передовая штаб-квартира расширилась и офицеры поселились в двухэтажном доме в квартирах для несемейных.

В процессе подготовки к переезду главнокомандующий приказал сделать копии всех важных документов и в огромных ящиках отправить их за 3500 миль кораблем на Гуам. В январе 1945 года выбранные главнокомандующим люди были разбиты на пять групп, и по одной группе начали самолетами отправляться на Гуам. Нимиц при-

был в новую штаб-квартиру 27-го числа, как только Спрюэнс принял командование Пятым флотом на Улити.

Для Нимица повседневная рутина осталась почти такой же, как в Перл-Харборе, однако отношения на новом месте были более свободными. Галстуки, обязательные в Перл-Харборе, на Гуаме не носили вовсе, а вскоре после прибытия Нимиц объявил шорты приемлемой формой одежды и стал носить их сам. Капитан Гарольд Гопкинс, который 2 февраля прибыл с визитом из Сиднея, застал большую часть штаба главнокомандующего в шортах. «Для меня это стало сюрпризом, — писал он своей жене. — Никто, кроме меня, не носил чулок, и волосатые ноги в коротких носках либо забавляли, либо вызывали отвращение, в зависимости от состояния здоровья их обладателя».

Адмирал Нимиц привез с собой своего шнауцера Макалапу, известного всем как Мак. Перекормленный Мак был как всегда суров и лаял на всех, кроме хозяина и еще одного-двух человек. Он много гулял, а на Гуаме научился и полюбил плавать. С точки зрения Нимица, любое существо, которое любит гулять и плавать, не может быть совсем плохим. В любом случае для него было немыслимо не иметь собаки.

Иногда по утрам Нимиц совмещал упражнения и солнечные ванны, совершая пробежки по дороге в шортах и без рубашки. В Макалапе он никогда не позволял себе такую бесцеремонность, из-за женщин, которые работали служащими и машинистками в офисе главнокомандующего. К тому же пробежка без рубашки выглядела бы неуместной среди деревьев и кустарников, которые создавали впечатление, что вы находитесь в окрестности респектабельной усадьбы. На грубом холмистом Гуаме такая пробежка вполне соответствовала обстановке, хотя однажды адмирал флота едва не попал из-за нее в довольно курьезную ситуацию.

Однажды рано утром из флотского госпиталя сбежал психически неуравновешенный пациент. Он вышел в одних трусах и перелез через ограду. Когда его видели в последний раз, он бежал в направлении Аганьи. Роберт Шваб, отвечающий за нейропсихиатрическое отделение, взял двух служащих госпиталя и в сопровождении

вооруженных морских пехотинцев — на Гуаме все еще встречались потерявшиеся японские солдаты — отправился в погоню. Вскоре они выследили человека, который в одних шортах бежал по дороге. Они уже были готовы его схватить, когда из-за поворота появился джип с морскими пехотинцами. На борту джипа были пять звездочек.

— Наш отряд внимательно посмотрел на пять звездочек и тихо удалился,— вспоминал доктор Шваб.— Если бы в этот момент не появился джип, то человека в шортах бесцеремонно схватили бы и доставили в барак для психически больных. И если бы он заявил, что он Честер Нимиц, мы были бы уверены, что это и есть наш пропавший пациент.

Адмирал Нимиц, разумеется, все время находился под охраной. Отряд его телохранителей состоял из восьми сержантов морской пехоты. Они находились при нем и днем и ночью, когда он был за пределами своего дома, сопровождая его на разумном расстоянии. Такие меры были необходимы, поскольку японские солдаты бродили в джунглях Гуама до конца войны и даже после ее окончания. Однажды ночью японский солдат, вероятно, в поисках пищи, зашел в передний двор дома Нимица. Он был замечен караулом, но, несмотря на шквальный огонь, сумел скрыться.

Возможно, что некоторые рассказы о японцах на Гуаме были придуманы позднее, но точно установлено, что однажды вечером моряки, пришедшие на просмотр фильма с Дороти Леймор, неожиданно обнаружили за экраном японцев, смотрящих фильм. Моряки попытались задержать чужаков, было много беспорядочной стрельбы и безрезультатных стычек. Гопкинс писал своей жене: «Здесь рассказывают о японце, который раздобыл форму морского пехотинца, регулярно приходил и пристраивался в очередь за едой. Он прожил неплохо несколько недель, пока однажды не был задержан. Я не знаю, правда ли это, но очень даже может быть».

Передовая штаб-квартира Тихоокеанского флота постоянно взаимодействовала с основной, находящейся в Перл-Харборе. Между двумя штаб-квартирами часто проводились конференции, в которых радиосвязь сочета-

лась с криптографией. На одной стороне оператор набирал на клавиатуре вопрос или ответ, а за 3500 миль другой оператор мгновенно принимал его сообщение. Скорость обмена информацией, таким образом, могла быть почти такой же, как при обычном разговоре. Слова автоматически зашифровывались и расшифровывались с помощью одинаковых у обеих сторон одноразовых лент. Благодаря этому радиопослания не подлежали криптографическому анализу.

Нимиц поддерживал особые отношения с двумя американскими командующими, которые находились на Марианских островах,— вице-адмиралом Хувером и генерал-майором Куртисом Е. Лемэем. Оба были весьма жесткими и авторитарными офицерами, имели репутацию людей тяжелых в общении, но действующих эффективно. Ими, Хувером и Лемэем, управлялись все воздушные операции с Марианских островов.

Хувер, командовавший авиацией наземного базирования, на своем флагмане «Кертисс» переехал с Эниветока на Сайпан вскоре после того, как тот был освобожден. На управляемых США Марианских островах он командовал не только авиацией наземного базирования, но и вспомогательными службами. Будучи перфекционистом [т.е. стремящимся во всем достигать совершенства], человеком жестким и требовательным, он был известен на Тихом океане как «Гениальный Джон». Спокойным, почти шелковым голосом он мог резко раскритиковать любого подчиненного, который не сумел в точности соответствовать его стандартам. К неудовольствию генерала Ричардсона, этот морской офицер иногда обрушивался на генерал-майора Уиллиса Хейла и находящиеся под его командованием воздушные силы Седьмого флота. Нимиц, осознавая, что Хувер своей неблагодарной работой добивается почти выдающихся результатов, защитил его от нападок Ричардсона.

Генерал армейской авиации Лемэй был единственным из числа генералов и адмиралов на Тихом океане, кто не был в подчинении Нимица. Лемэй возглавлял независимую 21-ю группу бомбардировщиков. Этот отряд вместе с базировавшимся в Китае 20-й группой образовывали

Двенадцатую воздушную армию, которая управляла бомбардировщиками В-29 и подчинялась непосредственно Объединенному штабу генерала Арнольда. Хотя 21-я группа являлся как бы независимым королевством в империи главнокомандующего Тихоокеанским флотом, директива Объединенного штаба давала Нимицу право на непосредственное использование базировавшихся на Марианских островах бомбардировщиков В-29 в случае тактической или стратегической необходимости. Однако реализация этого права могла вызвать взрывную реакцию со стороны такого упрямого и горячего офицера, как Лемэй.

Нимиц хотел избежать взрыва эмоций и установить хорошие отношения между офицерами, приглашая их время от времени на обеды или дружеские вечерние беседы. Он надеялся углубить взаимодействие, помогая сторонам узнать друг друга и понять чужие проблемы.

Многим людям, приезжавшим на Марианские острова официально или частным образом, понравилось гостеприимство Нимица. Одним из заметных гостей был архиепископ Фрэнсис Спеллмен из Нью-Йорка, который в качестве викария апостольской церкви пришел в американскую армию. Офицер Ламар, который встречал его на аэродроме, проводил в дом для гостей и помог снять куртку, был поражен, что в такую жару, какая стояла на Гуаме, архиепископ настолько тепло одет, что его рубашка окрасилась от пурпурного жилета.

— Ваше превосходительство, — сказал Лаймар, — вам нельзя так одеваться на Гуаме. Позвольте предложить вам что-нибудь из хаки.

— Замечательно, — ответил Спеллмен.

Вечером на веселом обеде в квартире Нимица архиепископ был одет как все офицеры, только не имел знаков отличия.

Спеллмен спросил Нимица, может ли он чем-нибудь ему помочь. На следующее утро Нимиц объяснил архиепископу, чем он может быть полезен. В декабре 1941 года перед самым приходом японцев епископ Гуама бежал в Австралию, оставив молодого гуамского священника в качестве единственного представителя церковной власти и духовного наставника на острове. Нимиц много слышал об

этом сбежавшем священнике, который был во многих отношениях достойным человеком, но оказался плохим работником и никудышным администратором. Нимиц пришел к мысли, что этот человек не должен возвращаться.

В период неразберихи, последовавший за освобождением Гуама, епископ вернулся, и Нимиц хотел его сместить. Требовался человек не только ревностный в делах веры, но и являвшийся хорошим организатором. Жители Гуама, большинство из которых было ревностными католиками, строили свою жизнь вокруг церкви. Теперь на Гуаме навряд ли осталась хоть одна церковь, и религиозная организация была в упадке. Аганья, место, где размещалось правительство, когда-то был городом, насчитывавшим 12 000 жителей. Бомбежки превратили его в руины. Генерал-майор Генри Л. Ларсен сделал немало для восстановления городов и реабилитации населения, но он нуждался в сильном человеке, представляющим церковь.

Архиепископ Спеллмен оценил ситуацию и быстро понял проблему. Он позвонил епископу. После разговора он пришел к тому же выводу, что и адмирал Нимиц: это был не тот человек, который мог выполнить поставленную задачу. Тогда Спеллмен достал небольшую книжку, подготовил закодированное сообщение и попросил послать его римскому Папе. Система связи флота приняла этот вызов. Закодированное сообщение Спеллмена было передано в Вашингтон, оттуда военно-морскому атташе в американском посольстве в Риме, и американский посол доставил его в Ватикан. Неделю спустя адмиралу Нимицу сообщили, что прежний епископ отстранен, а на Гуам направлен епископ из Рочестера, штат Нью-Йорк.

На следующий вечер после визита архиепископа Спеллмена на обеде у адмирала Нимица был его старый друг по дням, проведенным в Вашингтоне, кэптен Джордж Бауэршмидт. За столом и после еды адмирал рассказывал одну смешную историю за другой, и гости не переставали смеяться. Уходя, Бауэршмидт отметил огромный запас смешных историй, необычно большой даже для Нимица.

— О! Это не мои. Прошлой ночью я рассказывал свои архиепископу Спеллмену, а это те, что рассказал мне он.

Глава 22

ИВОДЗИМА И ОКИНАВА

Второго января 1945 года адмирал флота Нимиц из своей штаб-квартиры на Гуаме вылетел на Улити, где он поднялся на борт «Индианаполиса», чтобы обсудить с адмиралом Спрюэнсом предстоящую операцию на Иводзима. Группа быстрых авианосцев под командованием вице-адмирала Митшера, получившая название 58-го оперативного соединения, стояла на якоре в лагуне. На кораблях было произведено пополнение, на некоторых из них проведен небольшой ремонт. Моряки и летчики, изможденные долгой Филиппинской кампанией, наслаждались несколькими днями отдыха — купались, играли в футбол на берегу, пили пиво или просто бродили.

Когда Спрюэнс впервые предложил захватить Иводзима, они с Нимицем полагали, что это не вызовет больших затруднений. Теперь они знали больше. Фотографирование показало, что эта бесплодная масса лавы и пепла может оказаться неприступной. Генерал Холланд Смит, изучив фото-

графии, сделанные с самолетов, объявил, что это самое трудное для захвата место из тех, что нужно было взять. Он предрекал американцам двадцатитысячные потери.

Кампания по ослаблению обороны Иводзимы принесла одни разочарования. В-295 начали совершать рейды еще в августе предыдущего года, а с начала декабря удары по острову наносились ежедневно. Пять раз группа крейсеров и эсминцев обстреливала оборону. Несмотря на все это, японский гарнизон сохранял два аэродрома и приступил к строительству третьего. С помощью аэрофотосъемки было обнаружено еще 450 крупных оборонительных объектов на Иво. Теперь их было известно более 700, и, несомненно, многие другие еще оставались необнаруженными. Очевидно, что обороняющиеся зарывались в лаву, а покрывавший все черный вулканический пепел поглощал ударную волну от бомб и снарядов.

Неделей ранее на «Индианаполис» приезжал генерал-майор Куртис Лемэй, чтобы обсудить со Спрюэнсом, каким образом силы армейской авиации могут поддержать нападение на Иводзиму. Сперва Спрюэнс задал генералу вопрос, который его больше всего тревожил: насколько ценным окажется для американцев обладание Иво? Лемэй незамедлительно ответил, что это будет крайне важно — площадка для остановки, площадка для аварийной посадки бомбардировщиков В-29, база для укрытия самолетов и кораблей, база для эскортных истребителей. «Без Иводзимы,— сказал он,— я бы не смог эффективно бомбить Японию».

«Это сняло груз с моих плеч,— сказал Спрюэнс.— Мнение Лемэя окончательно меня убедило».

Спрюэнс предложил защищать американские корабли от атак с Иво силами 58-го оперативного соединения, которая должна была нейтрализовать авиационные базы в окрестностях Токио. Это был бы первый рейд авианосцев на Японию со времени «десяти минут над Токио» полковника Дулиттла в апреле 1942 г. Спрюэнс планировал проводить атаки в течение двух дней. Быстроходные авианосцы могли закончить комплектование и отправиться к Японии к 16 февраля. С этого дня можно

было безопасно начинать бомбардировки острова силами морской авиации.

После совещания со Спрюэнсом Нимиц вылетел на Сайпан, чтобы присутствовать на последних учениях войск, участвующих в высадке на Иводзиму. Они только что прибыли с Гавайских островов. Для участия в операции были выделены три дивизии морских пехотинцев: 4-я и 5-я для высадки, а 3-я как резерв, остающийся в море. Вместе они образовывали V корпус морской пехоты, которым теперь командовал генерал-майор Гарри Шмидт.

Холланд Смит сопровождал Нимица на Сайпан, но не вполне понятно, с какой целью. Хотя в новой должности командующего силами морской пехоты он был старше генерала Шмидта, а также генерал-майора Роя Джейгера, возглавлявшего готовящийся к операции на Окинаве IIIй корпус морской пехоты, ожидалось, а похоже и предписывалось, что Смит не будет вмешиваться в проводимые корпусами тактические операции. Эти ограничения вызывали меланхолию у Смита, о котором Кинг сказал: «Все, что он хочет делать, — это сражаться».

Но даже самые горячие сторонники Смита должны были признать, что решения, принятые им на Сайпане, были не лучшими. Ему не следовало поручать 27-й пехотной дивизии, известной своей медлительностью, защиту флангов двух скоростных дивизий морской пехоты. Не следовало ему также ставить медлительную 27-ю на неровный гребень, а морскую пехоту — по сторонам вдоль берега. Такие грубые ошибки Смита вооружали его критиков.

14 февраля контр-адмирал Уильям Х.П. Блэнди со своей 52-й оперативной группой, состоявшей из кораблей, эскортных авианосцев и минных тральщиков, отправился к Иво. Позднее группами стали отправляться штурмовые и транспортные корабли, причем более медленные отправлялись раньше.

Здоровье адмирала Келли Тернера страдало от слишком напряженной работы. Он мучился болями в спине, а теперь подхватил вирус. Однако 15-го исключи-

тельным усилием воли он покинул койку и вместе с Нимицем, Холландом Смитом, а также командующим на острове генерал-майором Сэндерфордом Джармэном отправился на находящийся на Сайпане аэродром Айсли, чтобы встретить самолет, на котором прилетал морской. Форрестол прибыл, чтобы присутствовать при штурме Иводзима. После встречи министра Джармен организовал для него и Нимица поездку по острову по тому же маршруту, по которому шесть месяцев ранее проехали Нимиц и Кинг. Доносилась стрельба. Джармен объяснил, что гарнизон обстреливает позиции японцев, которые все еще оставались в центральной части острова. По завершении поездки Нимиц вылетел обратно на Гуам.

В тот же вечер на борту «Эльдорадо», нового флагмана адмирала Тернера, Форрестола кратко проинформировали о деталях предстоящей операции. Генерал Шмидт требовал, чтобы высадке морской пехоты на остров предшествовала десятидневная бомбардировка. Адмирал Тернер ответил, что это невозможно, и не только из-за готовившегося силами 58-го соединения рейда на аэродромы под Токио. Корабли, имевшие на борту орудия, просто не могли привезти достаточное количество боеприпасов, чтобы вести обстрел в течение десяти дней или даже половины этого срока. Единственный способ пополнить боеприпасы заключался в том, чтобы пройти 900 миль до Улити или 650 миль до южных Марианских островов. Корабли, которые могли служить резервом, либо оставались с Макартуром, либо находились в ремонте после повреждений, полученных в ходе Филиппинской кампании. По требованию Спрюэнса изучались способы доставки по морю боеприпасов на транспортных судах, но вопрос находился в стадии проработки.

Альтернатива отложить штурм до того времени, когда Макартур высвободит необходимое число кораблей, даже не обсуждалась, поскольку корабли, предназначенные для операции на Иво, планировалось использовать также и для вторжения на Окинаву 1 апреля. Уже вовсю шла разработка планов массированного вторжения в Японию предстоящей осенью, но успех этого вторжения

зависел от воздушных операций, которые должны были осуществляться как с Иводзимы, так и с Окинавы. При таких обстоятельствах десантная группа Пятого флота должна была высаживаться на Иводзиме уже через три дня обстрела, но Тернер уверил генералов Шмидта и Смита, что трех дней вполне достаточно для цели площадью всего восемь квадратных миль. Те укрепления, которые за это время не будут разрушены морскими орудиями, должны быть взяты пехотой или танками.

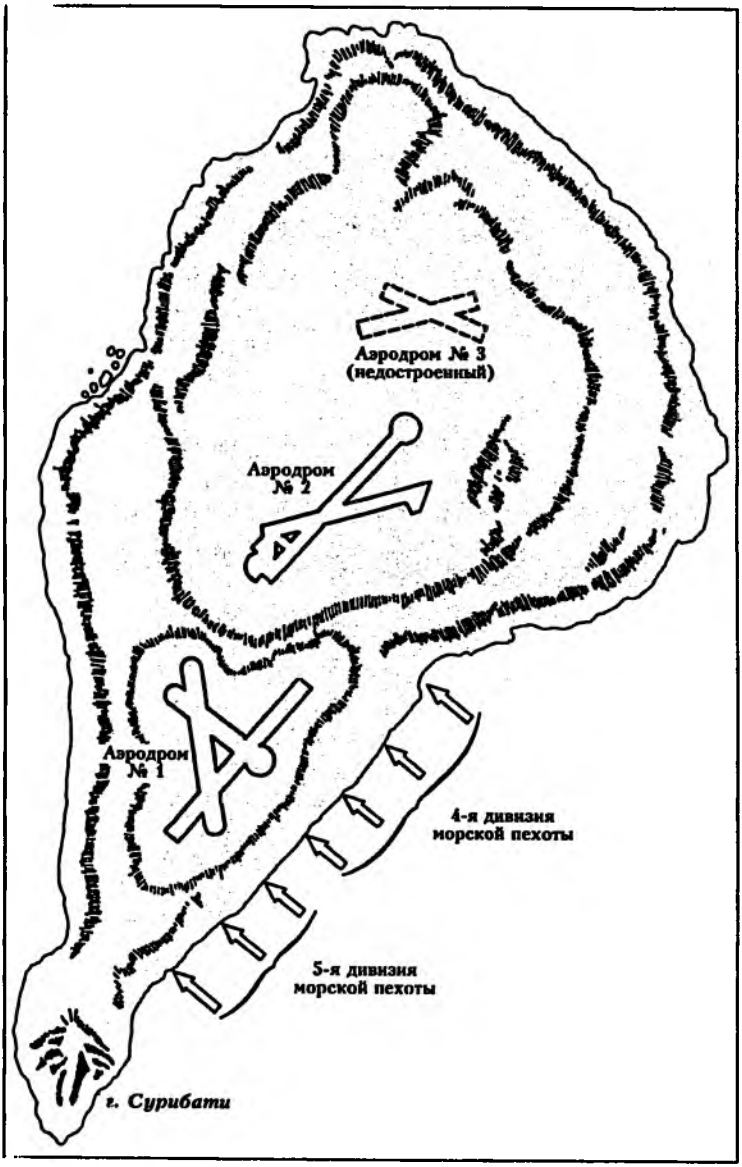
16 января на рассвете Нимиц озабоченно ожидал известий. Он знал, что Военно-морской департамент в этот день ждет от него коммюнике как об обстреле Иводзимы, так и о рейде авианосцев на Токио. По поводу первого он не волновался. Адмиралу Блэнди была дана инструкция доложить, как только он сможет это сделать. Но насчет Спрюэнса никто не мог ничего знать. Он никогда бы не доложил, пока не убедился, что готов это сделать и что уверен в фактах.

Первые известия о рейде на Токио Нимиц получил от японцев. Радио Токио в 7 часов утра прекратило вещание. Через час оно возобновило работу выпуском новостей, в котором сообщалось, что воздушная тревога была объявлена, потому что «мелкая группа вражеских самолетов» атаковала полевые аэродромы близ Токио. Вдали от берега, сообщала радиостанция, наблюдались вражеские корабли.

К этому времени главнокомандующий был информирован о том, что обстрел Иводзимы начался в 7:07 утра, а бомбардировщики В-24 вылетели на север к Иводзиме, совершая ежедневный рейд. Адмирал Нимиц взял лист бумаги и написал Коммюнике №259.

«Вице-адмирал Марк А. Митшер осуществляет командование мощной оперативной группой, которая в настоящее время наносит удары по авиации противника, его авиабазам и другим военным объектам в Токио и его окрестностях.

Эта операция давно планировалась, и осуществить ее было заветным желанием каждого офицера и рядового на Тихоокеанском флоте.



Штурм острова Ивадзима.

Надводные корабли Тихоокеанского флота обстреливают Иводзиму. Авиация сил стратегического назначения наносит бомбовые удары по Иводзима и позициям на Бониннах. Силы флота находятся под тактическим командованием адмирала Спрюэнса, командующего Пятым флотом».

«Нью-Йорк Таймс» вышла под шапкой:

> «1200 самолетов флота США атакуют Токио, в то время как корабли и самолеты бомбардируют остров Иво».

«Таймс» заключала: «Атака авианосцев на главный японский остров отмечена величайшей концентрацией морских сил на достаточно близком расстоянии, для того чтобы [самолеты] "Хеллкэты", "Хеллдайверы" и "Корсары" ударами с бреющего полета подмели улицы Токио. Это самая смелая операция за все время войны в Тихом океане».

Из-за того что погода начала портиться, адмирал Спрюэнс до полудня 17-го прервал рейд на Токио, и 58-я оперативная группа поспешила на юг, чтобы оказать поддержку при штурме Гуама. На рассвете 19-го Спрюэнс сделал первый доклад главнокомандующему о рейде на Токио: «Группа приблизилась, оставаясь совершенно незамеченной. Погодные условия: оба дня низкая облачность и шквальный ветер... Над зоной удара погода от плохой до неудовлетворительной, многие цели были совершенно скрыты. Результат двухдневной атаки: 332 самолета сбито, 177 уничтожено на земле, вероятно, многие другие также уничтожены или повреждены, в том числе 150 за первый день. На многих аэродромах разрушены ангары, мастерские, депо».

Незадолго до 11 часов утра 19-го адмирал Тернер, по-видимому, оправившийся от вируса, доложил о развитии операции на Иводзиме: «После интенсивного обстрела из корабельных орудий и бомбардировок с воздуха V корпус морской пехоты высадился на берег в точном соответствии с планами. В 10:20 на берег высадились во-

семь батальонов, поддержанных танками. Сопротивление поначалу было слабым, несмотря на минометный и артиллерийский огонь по лодкам, который со временем стал вестись во всех бухтах. В бой были введены резервы. Потери умеренные».

По оценкам генерала Шмидта, на взятие Иводзимы требовалось около десяти дней, но доклад адмирала Тернера от 19 февраля придерживался более оптимистических оценок. Адмирал полагал, что остров может быть взят за четыре дня. Доклад, который Тернер сделал 20-го, был не менее обнадеживающим. Он сообщил, что ночная контратака, в которой приняли участие около тысячи японцев, была отражена, что наутро 5-я дивизия морской пехоты на левом фланге овладела половиной главного аэродрома и подошла к склонам горы Сурибачи, потухшего вулкана на юго-западе острова. Тернер сообщил также, что 4-я дивизия заняла вторую половину аэродрома, но была встречена интенсивным минометным и артиллерийским огнем с возвышенности на северо-востоке, и что после полудня не удалось добиться сколько-нибудь существенного прогресса.

Вечером 21-го характер кампании по взятию Иводзимы начал меняться. Морские пехотинцы удерживали узкую середину острова, и было похоже, что выбить их оттуда не удастся. Однако захватить Сурибачи на левом фланге и холмистое плато на правом можно было, только продвигаясь ярд за ярдом, применяя огнеметы, гранаты и взрывчатку, чтобы взорвать противников, скрывающихся в расщелинах и пещерах. Ближе к вечеру прилетевшие из Японии самолеты с летчиками-самоубийцами на борту атаковали корабли, участвующие в поддержке операции. Был потоплен эскортный авианосец «Бисмарк Си», сильно поврежден авианосец «Сарагоса», еще три получили повреждения.

В коммюнике главнокомандующего говорилось, что данные о потерях пока недоступны. Однако в коммюнике от 22-го февраля говорилось: «На 18:00 (6 часов вечера) 21 февраля наши потери оцениваются в 644 убитых, 4108 раненых и 560 пропавших без вести». Газетчики сразу же отметили, что это хуже, чем на Тарве. «Вашингтон

пост» рекомендовала: «Дайте нашим парням отдохнуть — травите японцев газом». Эта идея была не нова для американских вооруженных сил. Еще при планировании операции на Иводзиме представлялось, что отравляющий газ был бы наиболее эффективным средством, чтобы выбить японцев из расщелин и пещер. Вполне возможно, что это было бы более милосердным, чем пули, напалм и огонь. Но ни президент Рузвельт, ни адмирал Нимиц не хотели нарушать Женевскую конвенцию, которая ставила вне закона использование газа в боевых действиях, несмотря на то что ни США, ни Япония конвенцию не подписали. Впоследствии Нимиц признавал, что его педантичность «стоила жизни многим хорошим морским пехотинцам».

Рано утром 25-го министр Форрестол, возвращаясь с Иво, прибыл кораблем в гавань Апра на Гуаме. Получив извещение о его прибытии, адмиралы Нимиц и Гувер, а также генерал Ларсен пришли его встречать. Нимиц привел министра на утреннее совещание в штабе главнокомандующего, где Форрестол поделился впечатлением о сражении за Иводзиму. Он присутствовал на операции, отправившись туда на «Эльдорадо» с Тернером, Смитом, Шмидтом и Гарри Хиллом, заместителем Тернера. Ожидалось, что Хилл будет замещать своего заболевшего шефа, но в день начала операции Тернер несколько оправился от болезни и принял от Блэнди командование бомбардировкой.

Форрестол описал, как самое мощное за время войны в Тихом океане наступление, которое, по ожиданиям, должно было привести к быстрому продвижению в глубь острова, остановилось практически на кромке воды. Крутые берега состояли из вулканического пепла, настолько мягкого, что за него было невозможно зацепиться. Кроме того, суда, с которых обычно производилась высадка, застревали в груде обломков, лежащих вдоль берега. Когда морские пехотинцы вскарабкивались на берег, они по колено тонули в пепле, но все же ползли вверх через террасы навстречу огню противника.

Утром 23-го Форрестол сообщил, что отправляется на остров с Холландом Смитом и несколькими офицерами, чтобы присутствовать на последней стадии боя за

550-футовую Сурибати. Как только их лодка коснулась берега, им закричали: «Смотрите, флаг!» Взглянув вверх, Форрестол увидел в кратере вулкана прямоугольник с красными, белыми и синими полосами. Он повернулся к Смиту. «Холланд, — сказал он, — этот флаг над Суригао будет гордостью морской пехоты на пять столетий вперед». На следующий день, покидая Иво, он оставил послание: «Операция в хороших руках».

На Гуаме Форрестолу показали фотографию морских пехотинцев, поднимающих второй флаг на горе Сурибачи, более крупный, чем тот первый, который привлек внимание министра. Фотограф «Ассошиэйтед Пресс» сделал его, не осознавая, что застал захватывающий момент, достойный полотна художника. Когда на Гуаме были проявлены негативы, эта фотография привлекла всеобщее внимание. Главнокомандующий немедленно запросил имена морских пехотинцев, поднявших флаг, и названия городов, из которых они были призваны. «Ассошиэйтед пресс» отправила снимок в США, где он стал самой известной когда-либо сделанной фотографией и символом Победы для всех американцев.

Форрестол присутствовал на ленче с Нимицем, Ларсеном, Гувером, Макморрисом и Шерманом. Кто-то вспомнил, что накануне у Нимица было 60-летие. Поэтому ленч превратился в мероприятие в его честь. Был и другой повод для праздника, так как радио Токио сообщило, что американские авианосцы снова отошли от Японии, послав самолеты атаковать аэродромы в Токио. На следующий день Форрестол отправился обратно в США, останавливаясь в госпиталях на Тихом океане, чтобы побеседовать с ранеными.

Даже Шмидт оказался слишком оптимистичным относительно времени необходимого для взятия Иво. Через десять дней после первого штурма главнокомандующий так описывал ситуацию в своем журнале: «В течение 28 февраля — 1 марта вражеская артиллерия на Иводзиме взорвала склад боеприпасов 5-й мор. див. В течение десятого дня после начала операции продвижения по всему фронту не было, однако 3-й мор. див. смог захватить часть аэродрома №3. Докладывают, что аэродром

№1 готов к приему истребителей, один самолет с авианосца уже приземлился на него».

Для адмирала Нимица пришло время переключить свое внимание с кровопролитного сражения за Иводзиму на обдумывание следующих операций. 1-го марта в сопровождении адмирала Шермана и коммандера Ламара он отправился в Вашингтон, с остановками в Перл Харборе и Сан-Франциско. В Сан-Франциско Нимиц узнал, что, появившись в газетах в предыдущую субботу, фотография Розенталя произвела сенсацию по всей стране. Однако в следующий вторник «Сан-Франциско Экзаменер» заготовила другую «бомбу». На первой полосе в редакторской заметке говорилось, что большие потери на Иводзиме явились результатом неправильного назначения командующего. Такой поворот событий [т.е. большие потери], было написано в редакторской заметке, имел место также на Тараве и Сайпане, но такого никогда не было в кампаниях генерала Макартура.

> «Генерал Макартур — наш лучший стратег.
>
> Он — наш самый успешный стратег.
>
> Он достигает всех своих целей.
>
> Он перехитрит, переманеврирует, превзойдет японцев.
>
> ОН СПАСАЕТ ЖИЗНИ СВОИХ ЛЮДЕЙ, но не только для будущих операций, чтобы победить японцев, но и для того, чтобы они вернулись целыми и невидимыми к своим семьям и любимым на Родину, после того как мир будет отвоеван.
>
> Какое счастье, что у нас на Тихом океане есть такой прекрасный стратег, как генерал Макартур!
>
> Почему же не воспользоваться его услугами? Почему бы не поручить ему высшее командование в Тихоокеанской войне, чтобы использовать до предела его редкий военный дар побеждать в великих сражениях без чрезмерных потерь драгоценных жизней американцев?»

Для тех морских пехотинцев, которые находились в отпуске в Сан-Франциско, это было чересчур. Около сотни их штурмовали здание «Экзаменера», чтобы потре-

бовать от редактора, Вильяма Врена, извинений или возможности ответить.

«Послушайте! Я только выполняю приказы моего начальника, так же как и вы», — сказал Врен. Он объяснил, что оскорбляющая Ч. Нимица статья исходила прямо от Вильяма Рудольфа Херста. По настоянию морских пехотинцев Врен позвонил в Сан-Симеон, где ему сказали, что мистер Херст слишком занят и его нельзя беспокоить.

Миссис Нимиц оставила Мэри в школе при монастыре и присоединилась к своему мужу, который летел в Вашингтон. Здесь им предоставили апартаменты в отеле «Фэйрфакс», на Массачусетс-авеню около площади Дюпон. Адмирал и миссис Нимиц заняли комнату на верхнем этаже.

Пятого марта, в понедельник, Нимиц провел почти весь день с руководителями Комитета начальников штабов. После Ялтинской конференции там господствовало мнение, что главные стратегические решения уже приняты, что основной задачей является война в Европе и что эта война, кажется, уже заканчивается. Эта война поглощала их внимание целиком, так что войну против Японии они оставили на откуп Кингу, Нимицу и Макартуру, который вел свою собственную игру. Только теперь они решились поближе взглянуть на Тихоокеанский театр военных действий.

Руководители КНШ слушали, как Нимиц и Шерман описывали планы предстоящего вторжения на Окинаву. Наступающие силы должны были состоять из войск XXIV армейского корпуса, доведенного до четырехдивизионного состава после высадки в заливе Лейте. Также части вторжения должны включать III амфибийный корпус, состоящий из 1-й, 2-й и 6-й дивизий морской пехоты. Вместе эти силы должны были сформировать 10-ю армию, которой назначен командовать генерал-лейтенант Саймон Боливар Бакнер из США. 58-е оперативное соединение обеспечит прикрытие между Окинавой и Кюсю, а британский Тихоокеанский флот обеспечит прикрытие между Окинавой и Формозой (Тайвань). Поскольку авианосцы должны были находиться на сильно уязвимой

позиции в течение всей кампании, Нимиц настаивал на быстроте действий на берегу, невзирая на армейские уставы и доктрины.

Хотя большинство командиров флота все еще верило, что Япония может быть побеждена только морскими и воздушными силами, Кинг и Леги неохотно признали правоту армии, которая исходила из необходимости осуществить вторжение на острова Метрополии.

Высадка на Кюсю (операция «Олимпик») была назначена на первое ноября 1945 года. Вторжение на Токийскую равнину, операция «Коронет», было предварительно намечена на март 1946 года. Нимиц, командующий морскими силами, захватит плацдарм, после чего Макартур примет командование на суше. Хотя Нимиц и сомневался в том, что «Олимпик», равно как и «Коронет», вообще состоится, ему было необходимо обсудить с представителями КНШ порядок взаимодействия с генералом Макартуром.

В связи с полным развалом китайского правительства армия Китая не могла вести сколько-нибудь осмысленные боевые действия, так что высадка с целью оказания ей помощи утратила всякий смысл. Кинг, однако, указал, что на материковом Китае вполне достаточно места для аэродромов, чтобы разместить всю авиацию, необходимую для вторжения на Кюсю. Он также говорил о некоем весьма туманном плане захватить южную оконечность Кореи и близлежащие острова Цусима. Самолеты и корабли с этих двух баз полностью блокируют Японские острова, причем бомбардировщики смогут атаковать промышленные центры по всей Метрополии. Кроме того, американские войска установят взаимодействие с русскими: Сталин заверил всех в Ялте, что его страна вступит в Тихоокеанскую войну, нанеся удар по японским войскам в Маньчжурии и Корее.

Вечер понедельника стал семейным вечером для четы Нимиц в отеле «Фэйрфакс». Вместе с ними там находился командующий Джеймс Ли, который временно нес службу в Вашингтоне при штабе вице-адмирала Теодора Вилкинсона. Кейт и Джим прибегли к мозговому штурму. Почему бы не пожениться, пока адмирал Нимиц в городе? Все сочли это просто роскошной иде-

ей, за исключением, может быть, Ламара, который знал, что именно ему придется делать все приготовления к свадьбе. Было решено, что свадьба состоится в среду или четверг, чтобы у адмирала и миссис Нимиц осталось время для возвращения на Западное побережье, где 11 марта, на следующее воскресенье, тринадцатилетняя Мэри должна была крестить эсминец «Бак».

Во вторник Кейт и Джим пошли получать свидетельство о браке, но выяснили, что в округе Колумбия полагается ждать целых три дня между подачей заявления и самой церемонией. Это означало, что свадьба невозможна до пятницы, а в этот день адмирал Нимиц планировал уже лететь в Калифорнию. Он позвонил некоторым высокопоставленным должностным лицам, но выяснил, что никак не обойти закон: ему придется либо подождать, либо пропустить свадьбу. «Помнится, в то время я подумала, что это первый случай с тех пор, как я живу в округе, когда что-либо не может быть "исправлено", *кто* бы об этом ни просил», — вспоминала Кейт. Когда все предвещало бурю, капеллан Эверет Уэббенс, друг семьи, сказал адмиралу Нимицу, что сможет исполнить церемонию в четверг после полуночи, в одну минуту первого, если это поможет «вылететь из зоны плохой погоды».

В четверг президент Рузвельт пригласил на ленч в Белый дом государственного секретаря Форрестола и адмирала Нимица и провел час и двадцать минут, обсуждая с ними ход войны и приближающееся поражение Японии. Нимиц заметил, что здоровье президента ухудшилось с прошлого лета. Слова он произносил нечленораздельно, руки у президента сильно тряслись. (Фактически после этого дня он прожил всего пять недель.)

Погода улучшилась, и свадьба была назначена на пять часов вечера в пятницу, в номере четы Нимиц в отеле «Фэрфакс». Ламар распорядился, чтобы из близлежащего ресторана «Наполеон» доставили еду. Нэнси Нимиц была почетным гостем, присутствовали также адмирал Вилкинсон с женой, а также Билл Левертон. Большинство других гостей были друзьями Кейт по Вашингтонской публичной библиотеке. Двое сослуживцев из Военно-морской музыкальной школы играли

Баха и Генделя — ту музыку, которую Кейт всегда хотела услышать на своей свадьбе.

Адмирал и миссис Нимиц приехали в Калифорнию в субботу вечером. Они встретили Мэри: она была печальна, потому что хотела, чтобы три ее любимые сестры-учительницы из ее монастыря присутствовали при церемонии крещения, но правила монастыря это запрещали. Адмирал Нимиц, который уже безуспешно пытался обойти закон в округе Колумбия, был более удачлив при «взаимодействии» с руководством Римской католической церкви. Сам не будучи католиком, он тем не менее позвонил архиепископу, и три сестры оказались на крещении в 8:00, хотя только одна из сестер была той, которую хотела видеть Мэри.

Нимицы вернулись назад через Тихий океан с остановкой в Перл-Харборе и 15 марта прилетели на Гуам. В конце следующего дня генерал Шмидт доложил, что организованное сопротивление японцев на островах Иводзима прекращено. Правда, и позднее за этот остров продолжались ожесточенные бои. Адмирал Нимиц закончил свое коммюнике, объявляющее об освобождении острова, следующей фразой, ставшей впоследствие крылатой: «То, что для всех других стало бы подвигом, для тех американцев, которые сражались за Иводзиму, было повседневной службой».

Адмирал писал миссис Нимиц: «Я очень рад, что Иводзима наконец пала. Надеюсь, что получу не слишком много проклинающих меня писем из-за тяжелых потерь. Я каждый день получаю два или три письма, подписанные “матерью морского пехотинца такого-то”, где меня называют всеми известными словами. Я, конечно, очень обеспокоен потерями, но не представляю, как я могу их уменьшить».

Генерал Холланд Смит переживал тяжелое время. «Его» морские пехотинцы понесли тяжелые потери, а ему было запрещено участвовать в сражении. Адмирал Тернер держал его на борту «Эльдорадо» и разрешал ему выбираться на берег только для кратковременных «инспекций». Когда 8-го марта Хилл сменил Тернера, Смит просто переместился на флагманское судно Хилла,

корабль «Обурн». В глубокой депрессии он проводил почти все время в своей каюте. Хилл сочувствовал генералу и иногда спускался к нему поиграть в карты, чтобы как-то скрасить его одиночество. Смит знал, что это — его последняя операция. Тихоокеанские вторжения теперь приобретут армейский масштаб, и сухопутные генералы будут командовать войсками на плацдармах. 17 марта он покинул Иводзиму. Смит провел несколько дней в Гуаме и затем направился в Перл-Харбор. Хотя морские пехотинцы сражались еще в кампании за Окинаву, Смит не покидал свой штаб в Перл-Харборе, пока операция не завершилась. Затем он передал командование генералу Гейджеру и вернулся в Штаты. На следующий год, достигнув возраста принудительной отставки, он покинул корпус, грустный и озлобленный, убежденный, что стал жертвой конкуренции на службе.

24 марта 1945 года адмирал Нимиц и члены его штата посетили Иводзиму. Как обычно для таких случаев, Ламар приготовил для Нимица картотеку с именами, званиями и должностями всех старших офицеров, с которыми Нимиц мог встретиться на острове. Адмирал был удовлетворен тем, что 65 В-29 уже спаслись, воспользовавшись островом как аварийным аэродромом. Позже он описал свой приезд миссис Нимиц:

> «Бои еще продолжаются в небольшом ущелье на северо-западе острова, где полно японцев — где-то около двухсот или даже больше, которые предпочитают сражаться до конца, нежели сдаться. Но сейчас они все уже либо мертвы, либо — спрятались в пещерах, где скоро смерть найдет их. Иводзиму надо увидеть, чтобы понять характер ее территории, особенности оборонительных позиций и количество вулканической пыли, которая там находится. Через несколько минут после прибытия на остров мы все выглядели как шахтеры в забое.
>
> Теплые ключи во многих местах пробиваются сквозь землю. Здесь есть теплые водяные колодцы — вода в них, конечно, серная и солоноватая, но достаточно теплая и свежая, чтобы мыться с мылом.

Эти места очень популярны. Раньше на острове была растительность и пара деревьев, но сейчас там ничего не растет».

Сражение за Иво было крайне кровавым. Более 22 000 обороняющихся японцев было уничтожено. Рекордное количество — 1083 — было взято в плен. В боях за остров и на кораблях флота было ранено 19 000 американцев, где-то около 7000 убито или погибло от ран. Хорошая новость состояла в том, что остров стал местом аварийной посадки для 2400 B-29, чьи экипажи насчитывали около 27 000 человек. Хотя завоевание Иводзимы обошлось дорого, этот остров спас больше американских жизней, чем забрал.

Фактически остров в основном использовался как место аварийной посадки поврежденных тяжелых бомбардировщиков и центр службы спасения тех экипажей, которым пришлось совершить посадку на воду, а не как аэродром для базирования истребителей. Генерал Лемэй отказался от прицельного низковысотного бомбометания в пользу массированных ночных налетов без истребительного сопровождения. В частности, собственный план Лемэя состоял в использовании большого количества зажигательных бомб против японских городов. Этот тип войны оказался на Тихом океане более эффективным, чем в Европе, — в основном из-за того, что традиционные японские здания построены из легковоспламеняющихся материалов. Первые пожары в Токио в ночь на 10 марта 1945 года разрушили 250 000 домов. Заживо сгорели 83 793 человека, а более миллиона остались без крова. В этот день были достигнуты большие разрушения, чем во время последующих атомных бомбардировок.

Другая операция, разработанная в штабе Верховного командования на Тихом океане и энергично продвигаемая адмиралом Нимицем, состояла в том, чтобы заминировать с воздуха японские порты и морские пути. Японские корабли полностью исчезли из Тихого океана, но энергичная торговля с материком продолжалась: иногда из портов на западном побережье островов Метрополии,

но в основном через Внутреннее море и Симоносекский пролив. Флот обеспечил мины, а В-29, действуя отдельными самолетами и малыми группами, ставили их ночью по радарному наведению. Первые такие операции были направлены против Симоносекского пролива, поскольку шла подготовка к вторжению на Окинаву. Затем операции охватили другие стратегические водные пути; бомбардировщики ставили мины быстрее, чем японцы успевали их тралить.

Планируя операцию против Окинавы, адмирал Нимиц более всего был обеспокоен угрозой со стороны вражеской авиации, которая могла нанести значительный урон силам вторжения, до того как американцам удастся создать на острове передовые аэродромы базовой авиации.

На северо-востоке Кюсю было обнаружено 55 аэродромов, на юго-западе Формозы — 65; кроме того, были замечены взлетные полосы на всей цепи островов Рюкю, включая саму Окинаву. Поскольку японцы не были связаны боем нигде, кроме центральных Филиппин, где оставшиеся войска были отрезаны от Метрополии и не имели ресурсов, они могли использовать все свои оставшиеся самолеты (где-то три-четыре тысячи) против сил вторжения, используя тактику камикадзе.

В середине марта, согласно плану, 58-е оперативное соединение, возглавляемое Митшером в тактическом отношении и согласующее свои действия со стратегией Спрюэнса, вышло со стоянки у островов Улити, чтобы ликвидировать эту опасность. 18 и 19 марта была начата серия ударов по аэродромам Кюсю. Японцы нанесли ответный удар, повредив пять авианосцев, один из которых, «Франклин», потерял более 700 человек и вышел из войны. Нимиц осуществил свое право вызвать для поддержки авианосцев В-29. Генерал Лимей подчинился неохотно, потому что верил, что разрушение промышленных центров — самый эффективный способ использования тяжелых бомбардировщиков. 27 марта В-29 совершили налеты на аэродромы Кюсю, той же ночью они вновь выставили мины в Симоносекском проливе, а 30-го — вновь атаковали аэродромы Кюсю. 58-е оперативное

соединение выдвинулось на юг для непосредственной поддержки вторжения.

К этому времени британский Тихоокеанский флот под тактическим командованием вице-адмирала сэра Х. Бернарда Роулингса вошел в Тихий океан и отрапортовал по радио, что готов исполнить свой долг. Нимиц ответил: «Тихоокеанский флот Соединенных Штатов Америки рад приветствовать соединение британских авианосцев и их силы сопровождения. Ваши корабли станут значительным подспорьем в нашей борьбе, а также продемонстрируют силу нашего союза в войне против Японии». Он включил британские силы в состав Пятого флота, обозначив его как 57-е оперативное соединение, и послал его на патрулирование проливов между Окинавой и Формозой.

Пока корабли артиллерийской поддержки амфибийного соединения Пятого флота обстреливали берега Хагуси на Окинаве, десантные войска, которые включали в себя 77-ю пехотную дивизию, захватили Керама Ретто, группу островов к западу от южной оконечности Окинавы. Эти острова представляли собой удобную рейдовую стоянку. 27 марта туда прибыла 10-я группа поддержки, которая служила плавающей базой для мелкой починки и ремонта во время операций.

Некоторые самолеты-самоубийцы уже наносили удары по американским кораблям на Окинаве. 31 марта камикадзе врезался во флагман Спрюэнса, крейсер «Индианаполис», повредив несколько палуб и корпус. Спрюэнс отправил корабль на ремонт и перенес свой флаг на линкор «Нью-Мексико».

Ранним пасхальным утром 1 апреля транспорты отошли к берегам Хагуси, а в 6:00 адмирал Тернер принял командование вторжением и силами поддержки. На Гуаме, в 1400 милях к юго-востоку, Верховный командующий на Тихом океане и его штаб ждали сведений. Доклад Тернера пришел только в полдень: «После интенсивной морской и воздушной бомбардировки войска 10-й армии начали высаживаться на берега Хагуси, в 08:30 I(–9) [речь идет о часовом поясе — предположительно, 9 часов

относительно времени Вашингтона.— *Прим. перев.*]). Войска высадились, практически не встретив сопротивления на берегу. Не было никакого огня ни против десантных судов, ни против кораблей поддержки. Удалось благополучно высадить значительное количество танков и артиллерии, сейчас высаживается полковой резерв. Войска продвигаются в глубь острова».

Слабое сопротивление японцев весьма настораживало. Пляжи Хагуси были выбраны потому, что близко к ним находились две взлетные полосы. Японцы никак не могли отдать их захватчикам, точно зная, что те сразу же начнут использовать их. В последующие дни морские пехотинцы наступали на северо-восток полуострова, на юге армия медленно продвигалась, встречая незначительное сопротивление противника. Имело место несколько атак с воздуха, но не было ничего такого, с чем флот и зенитные батареи не могли бы справиться.

Генерал Лемэй нанес визит адмиралу Нимицу. «Мы уже закончили,— сказал он,— Больше мы ничем не поможем. Можно мы вернемся к нашим стратегическим мишеням? Там мы принесем больше пользы».

«Конечно, Лемэй,— ответил Нимиц,— Вы сделали отличную работу. Просто прекрасную. Я думаю, сейчас вам как раз пора вернуться к своим операциям. Но дайте мне свериться с Шерманом».

Нимиц вызвал контр-адмирала Форреста Шермана, представителя Верховного командования на Тихом океане, начальника штаба, и объяснил ему ситуацию. Шерман возразил против идеи «отпустить» В-29. Без сомнения, аэродромы Кюсю были подавлены, но только временно. Японцы отремонтируют их, перебросят новые самолеты и нанесут сильный удар. Нимиц принял эту точку зрения и приказал Лемэю подготовить второй удар по Кюсю.

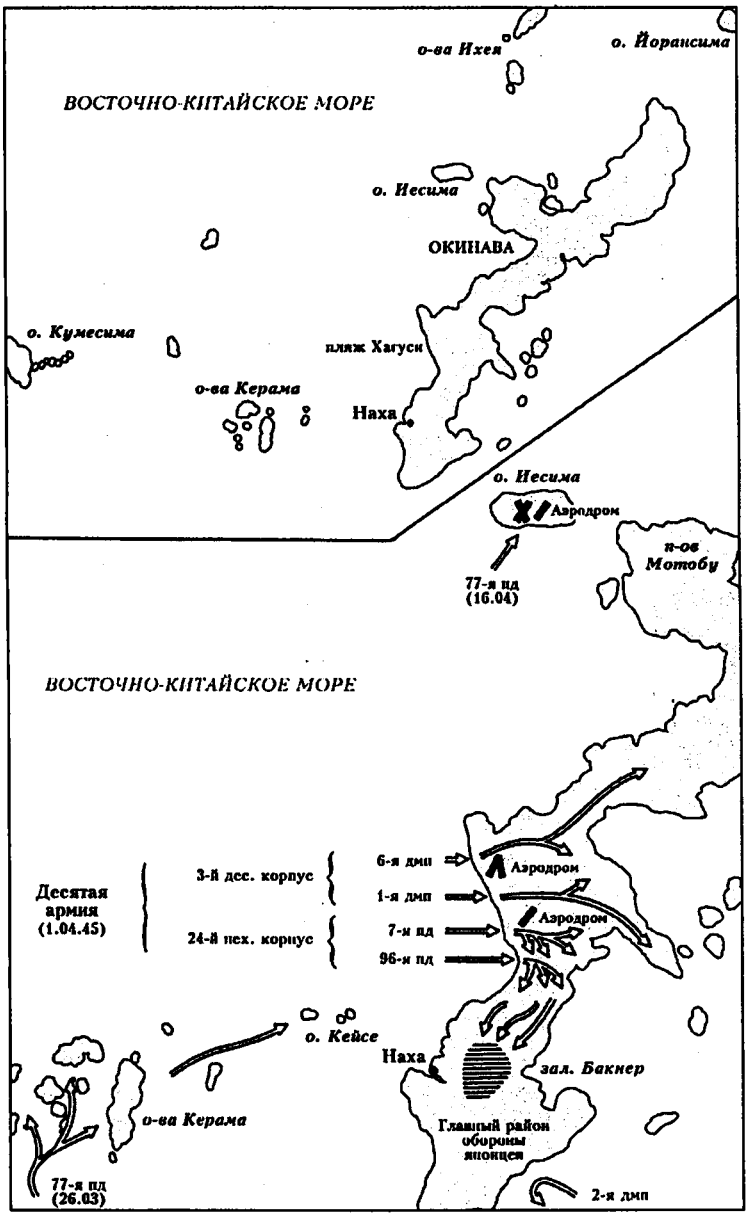
Большие набеги, предсказанные Шерманом, произошли 6 и 7 апреля, когда примерно 700 самолетов с Кюсю нанесли удар по кораблям Пятого флота. В двухдневном «блице» три эсминца и танко-десантный корабль затонули, два корабля с боеприпасами взлетели на воздух, тральщик и двенадцать эсминцев были сильно повреждены,

некоторые — без возможности восстановления. Самолеты-камикадзе также врезались в авианосец «Хэнкок» и в линейный корабль «Мэрилэнд», оставив сотни убитых, раненых и обожженных.

Объединенный флот присоединился к самоубийственной атаке. Из Внутреннего моря вышел сверхлинкор «Ямато», крейсер и 8 эсминцев. Это соединение пыталось проскользнуть мимо 58-го оперативного соединения в темноте, чтобы добраться до Окинавы, но Митшер привел свои корабли в полную готовность, так как был предупрежден патрульной подводной лодкой. Самолеты 58-го оперативного соединения обнаружили врага 7 апреля вскоре после полудня и два часа обрабатывали его торпедами и бомбами. «Ямато», крейсер и четыре эсминца затонули. Остальные четыре корабля были сильно повреждены и вернулись назад в Японию.

Ни тогда, ни позже коммюнике Верховного командования на Тихом океане не упоминали камикадзе, а цензоры не позволили никакой информации о них пройти в печать. Так как самолеты совершали полет в один конец, японцы не могли оценить результативность их атак, а у адмирала Нимица не было никакого желания помочь врагу разобраться в этом. Зато он с удовольствием объявил о гибели корабля «Ямато» и других кораблей в своем коммюнике и в поздравлении по случаю Дня армии. Эти поздравления были переданы по радио всем войскам на Тихом океане.

К этому времени морские пехотинцы на северо-восточном побережье и солдаты на юге встретили более ожесточенное сопротивление. Японцы атаковали с воздуха значительными силами, но их атаки направлялись менее умело, нежели действия камикадзе на Филиппинах. У некоторых американских командующих было ощущение, что японское сопротивление вот-вот прекратится. Днем 7 апреля адмирал Тернер рапортовал: «Если это лучшее, что враг может противопоставить нам, следует двигаться вперед». После гибели «Ямато» он игриво сообщил Нимицу: «Я, наверно, спятил, но, похоже, джапы вышли из войны, по крайней мере в этом секторе».



Высадка на Окинаве.

На второе сообщение Верховное командование на Тихом океане ответило: «Удалите все после слова «спятил»!» Для Нимица способ обороны островов японцами был очевиден. И на Пелелиу, и на Лейте, и на Иводзиме враг не пытался защитить береговую линию под огнем морской артиллерии, он держался в глубине островов и встречал захватчиков там. К счастью для американцев, на Окинаве не было мест, недоступных тяжелым морским орудиям.

8 апреля В-29 снова ударили по летным полям на Кюсю. Генерал Лимей, изучив фотографии атакованных областей, сделанные с воздуха, более чем когда-либо убедился в бесполезности использования тяжелых бомбардировщиков против аэродромов. Он заключил, что японцы успешно укрывают свои несчастные самолетики, предназначенные для самоубийственных атак, и научились чинить свои взлетные полосы в рекордные сроки. Лимей снова связался с Нимицем и вступил с ним в спор. Нимиц опять по совету Шермана не позволил «отпустить» В-29. На этот раз генерал Лимей послал жалобу генералу Арнольду в Вашингтон, объясняя свою позицию тем, что адмирал Нимиц препятствует операциям воздушных сил. Когда Арнольд передал эту жалобу адмиралу Кингу, тот заявил, что если ВВС не желают поддерживать флот на Окинаве, то он отзывает флот в Перл-Харбор, и пусть сухопутные войска вместе с ВВС дальше воюют и снабжаются самостоятельно — как этого им, видимо, хочется. После этого «инцидент» с жалобой Лимея, что называется, был исчерпан.

Адмирал Нимиц, наконец, освободил В-29 11 мая, передав экипажам и командованию теплые слова благодарности и похвалы. Генерал Лимей ответил: «Лично я не понимаю, почему мы услышали столько слов благодарности. В-29 — не тактический бомбардировщик и никогда им не был. Не важно, сколько мы торчали над этими аэродромами, мы не могли свести угрозу камикадзе к нулю»*.

---

* Лимэй недооценивает эффективность своих бомбардировок аэродромов Кюсю. После войны японцы заявили, что фугас-

Тяжелые бомбардировщики вернулись к своему обычному делу — разрушению городов и убийству несчастных граждан, то есть к той форме войны, о которой лично Нимиц сожалел. Он, очевидно, желал, чтобы атаки В-29 были ограничены прицельной бомбардировкой военных и военно-промышленных центров днем, как это делала американская авиация в Европе*.

Нимиц считал, что скорую победу принесет блокада, которая стала теперь почти полной, так как американские подводные лодки научились форсировать японские минные поля и проникать в Японское море, отрезая Японию от континентальной Азии.

58-му оперативному соединению пришлось оставаться в районе между Кюсю и Окинавой до 10 июня. За это время произошло девять массовых налетов на американские корабли с использованием самолетов камикадзе. Одиночные камикадзе или малые группы атаковали почти каждый день. Иногда около дюжины самолетов набрасывалось на какой-нибудь один несчастный корабль. Когда камикадзе сталкивались с британскими бронепалубными авианосцами, они не причиняли им особого вреда, но, врезаясь в деревянные летные палубы «Банкер Хилла» или «Энтерпрайза», они выводили из войны эти прекрасные флагманские судна адмирала Митшера.

Утром 13 апреля адмирал Нимиц был шокирован известием о смерти президента Рузвельта в городке Уорм-Спрингс, штат Джорджия. «Я чувствую тяжелую личную утрату,— писал он миссис Нимиц.— Нравилось нам или нет то, что он делал, он всегда выступал за сильный флот и всегда был дружелюбен со мной. Я только что послал соболезнование миссис Рузвельт от всех нас, находящихся в районе Тихого океана».

ные и осколочные бомбы В-29 не только разрушали взлетно-посадочные полосы, ангары и т.п., но они также опустошали склады и мастерские, которые поддерживали самолеты в боевой готовности.

*На самом деле немцы, а затем британцы применяли тактику ночных налетов на мирные города.

В середине апреля морские пехотинцы достигли северо-восточной оконечности Окинавы, но солдаты как раз начали сражение против главных японских сил на юге острова; система пещер, укреплений и скрытых оборонительных позиций — все было очень схоже с тем, что было на Иводзиме, только в большем масштабе.

Адмирал Нимиц начал интересоваться, преднамеренно ли армия использует медленную методичную тактику, чтобы спасти жизни своих людей ценой потерь флота, чьи корабли непрерывно находились под атаками с воздуха. Он разрывался между желанием выяснить это и собственным правилом не вмешиваться в прерогативы чужого независимого командования.

16 апреля Арчер Вандергрифт, который был назначен новым командующим корпуса морской пехоты и стал четырехзвездным генералом, прибыл на Гуам с двумя членами штаба. Ранее они были на Гавайях, где посещали 4-ю дивизию морской пехоты, обескровленную в ходе боев за Иводзиму. Генерал Вандергрифт информировал Нимица, что собирается посетить своих морских пехотинцев, сражающихся на Окинаве, и был шокирован и обижен на Нимица, когда тот запретил ему пребывание на плацдарме.

«Сейчас все проходит очень активно,— писал адмирал миссис Нимиц в тот вечер,— и я не хочу, чтобы моих людей кто-то беспокоил, даже я сам — хотя, ей-богу, для меня не было бы ничего лучше, чем нанести им визит».

А Вандергрифт позже писал: «Я думаю, что знаю, что беспокоит его. Это противоречие как раз было главной причиной того, что Холланд Смит сидел в Перл-Харборе. Нимиц считал, что визит генерала может разрушить настрой команды. Я пытался помочь ему избавиться от этих страхов, но в то же время дал ему знать, что я намерен увидеть моих морских пехотинцев».

На Гуаме генерал Вандергрифт инспектировал 3-ю дивизию морской пехоты, ветеранов битвы за Иводзиму. Потом по предложению Нимица он вместе с сотрудниками своего штаба отправился на саму Иводзиму, где генерал забрался на гору Сурибати и наблюдал за войска-

ми, распечатывающими пещеры и пытающимися убедить японских солдат внутри сдаться. Вандергрифт сказал: «Официальный климат на Гуаме все еще умеренный». Затем Вандергрифт посетил Сайпан, где он нашел 2-ю дивизию морской пехоты, резерв 10-й армии на Окинаве, полностью готовую к бою.

Вернувшись на Гуам в субботу 21 апреля, Вандергрифт был очень удивлен, но и удовлетворен сердечным приветствием Нимица, который пригласил его сопроводить его и Форреста Шермана на Окинаву. К тому же Нимиц связался с Вашингтоном, где ему сообщили, что он не имел права оспаривать привилегию главнокомандующего морской пехотой посещать свои войска, тем более что армия в южной части Окинавы на протяжении последних дней вообще перестала двигаться вперед, а «экстраординарные обстоятельства» оправдывают любое вмешательство высшего руководства.

На следующее утро Нимиц, Шерман, Ламар и Вандергрифт со своим начальником штаба генералом Герольдом Томасом вылетели на Окинаву на самолете под флагом Верховного командования на Тихом океане, сопровождаемые дюжиной истребителей. Во время полета Шерман начал обсуждать служебное объединение. Вандергрифт, для которого весь предмет разговора был анафемой, поразился, выяснив, что Шерман одобряет объединение, а Нимиц в принципе согласен с ним. Это не должно было так сильно удивить его, поскольку верховное командование на Тихом океане само по себе было объединенной структурой и большинство проблем Нимица возникало из-за того, что часть офицеров отказывалась считать это свершившимся фактом.

Когда вечером, где-то в шесть с минутами, самолет приземлился на взлетную полосу Янтон, рядом с одним из пляжей Хагуси, сирены на Окинаве завыли, объявляя «красную» тревогу. Перед испуганным взором только что прибывших «высоких руководителей» одинокий вражеский самолет внезапно появился на небе и врезался в находящийся по соседству грузовой корабль. Раздался взрыв, корабль окутался облаком черного дыма.

Еще несколько кораблей, в том числе один эсминец, были повреждены самолетами, тральщик затонул.

Адмирала Нимица и остальных быстро препроводили на линкор «Нью-Мексико», где они стали гостями адмирала Спрюэнса. Как только они собрались отобедать, японцы начали свой обычный воздушный налет. Позже Нимиц писал Кэтрин: «Тогда ни один вражеский самолет не достиг местоположения флагманского корабля Спрюэнса, где мы были в это время. Некоторые камикадзе были сбиты нашими самолетами и зенитными орудиями кораблей охранения, но мы внутри были лишены радости созерцать падающие японские самолеты».

На следующий день группа Нимица вместе с адмиралом Спрюэнсом осмотрела на джипе территорию Окинавы, захваченную американскими войсками. Инженеры заключили, что на Окинаве можно расположить 18 аэродромов, а на близлежащем острове Иесима, захваченном 77-й дивизией, разместятся еще четыре. На этих базах можно расположить все воздушные соединения союзников, которые прибудут из Европы; некоторые аэродромы смогут даже принимать B-29. Поскольку на Окинаве было достаточно хороших гаваней, отпала всякая нужда в базах на Рюкю или в Китае для организации последующего вторжения в Японию.

У Бакнера было дурное настроение. Когда адмирал Нимиц заметил, что надо бы ускорить операции на берегу, чтобы освободить поддерживающий флот, Бакнер заявил, что операция является строго наземной. Следовательно, тактика на Окинаве была делом армии, и только армии, что же касается командования флота, то он, Бакнер, был бы весьма признателен, если бы оно держало свои «мнения» при себе. Вот снова постоянное раздражающее внутреннее сопротивление установленной системе руководства. Нимиц бросил пронизывающий взгляд на Бакнера.

«Да, возможно, операция и наземная,— сказал адмирал, взвешивая каждое слово,— Но я теряю по кораблю каждые полдня. Поэтому, если линия фронта не начнет двигаться в течение пяти ближайших дней, мы найдем кого-нибудь, кто заставит ее подвинуться, чтобы мы все смогли убраться от этих дурацких воздушных атак».

Позже на совещании, состоявшемся на командном пункте генерала Гейджера, генерал Бакнер сказал, что предполагает в ближайшие дни переместить 1-ю и 6-ю дивизии морской пехоты на юг — в район наиболее активных боевых действий. Генерал Вандергифт сказал, что именно для этого на Окинаве и находятся морские пехотинцы — для того, чтобы сражаться. Но как насчет 2-й дивизии морской пехоты, все еще отдыхающей на Сайпане? Почему бы не использовать ее для внезапной высадки против тыла или фронта противника? Адмирал Шерман возразил: для того, чтобы перебросить дивизию с Сайпана на Окинаву, потребуется слишком много времени. Вандергрифт, однако, убедил его, что понадобится не более шести часов.

Бакнер уже неоднократно слышал это предложение и отклонял его. Генерал-майор Эндрю Д. Брюс из армии США просил, чтобы его 77-ю дивизию, занявшую Иесиму, перебросили на Окинаву для продолжения боевых действий. Однако штаб 10-й армии, долго и тщательно готовивший сражение за Окинаву, пришел к выводу, что высадка на южной или юго-восточной оконечности острова невозможна: там нет ни одного удобного пляжа, а все участки высадки простреливаются неприятелем. Бакнер считал, что любая попытка высадиться там обойдется очень дорого: это будет «второе Анцио, только еще хуже». Он верил, что широкое использование артиллерии, поддержка флота, применение огнеметных танков, ввод в бой свежих войск — все это поможет ему быстро выбить врага из «цитадели». Нимиц внимательно выслушал все аргументы и сказал, что примет тактику Букнера, «если она даст скорые результаты».

Фактически же у 10-й армии ушел целый месяц на то, чтобы преодолеть главную оборонительную линию врага. Журналисты начали задавать вопросы. К несчастью, кто-то принял предложение пустить прессу на Окинаву, и репортер Хомер Бигарт написал в «Нью-Йорк геральд трибюн»: «Наша тактика остается ультраконсервативной. Вместо того чтобы покончить с джапами одним ударом, мы атакуем их с фронта».

Адмирал Кинг потребовал от адмирала Нимица объяснить «утечку информации». Нимиц сказал, что, должно быть, в этом виноват Вандегрифт. Кинг вызвал Вандегрифта и передал ему слова Нимица.

«Мне неприятно это слышать — признался Вандергрифт,— Я считаю Нимица своим другом, ему следовало бы знать меня лучше и понимать, что я так не поступаю».

Вандегрифт искренне поведал Кингу, что тактика Бакнера отнимала много времени и без нужды подвергала флот атакам камикадзе. Кинг нахмурился и сказал, что возьмет этот вопрос на контроль. Несколько дней спустя Кинг попросил Вандегрифта обсудить тему с комментатором Давидом Лоуренсом, который впоследствии написал:

> «Некоторые высокопоставленные морские офицеры видят серьезные ошибки в проведении кампании на Окинаве... Действительно ли командование 10-й армии не спешит с разгромом противника? Были ли на острове другие места для высадки десанта, почему они остались неиспользованными? Почему генералам морской пехоты, которые имеют огромный опыт амфибийной войны, не дали возможности организовать сражение по-другому? Может быть, они предложили бы тактику, которая ценой больших потерь сухопутных войск обеспечила бы более быстрый успех вооруженных сил в целом?»

Предупрежденные заранее, государственный секретарь Форрестол и адмиралы Митшер и Тернер опубликовали заявления, поддерживающие армейскую тактику. Лоуренс же в своей колонке назвал кампанию за Окинаву «полным фиаско»: «Пример военной некомпетентности, подобный Перл-Харбору».

Это привело к еще одному внутреннему спору, причем как раз тогда, когда армия и флот должны были стать скоординированными как никогда раньше: предстояло вторжение в Японию. Нимиц прекратил конфликт, обсудив кампанию на Гуаме с журналистами. На-

звав ее «великолепным представлением», он похвалил армейскую тактику и указал, что десантный метод был бы более дорогостоящим и отнял бы больше времени, нежели проделанная фронтальная атака. Благодаря всеобщему доверию к Нимицу противоречие было разрешено.

Из-за постоянного психологического напряжения, вызванного атаками камикадзе, Нимиц сменил все высшее командование на море еще до окончания кампании. В середине мая Гарри Хилл, произведенный в вице-адмиралы, сменил Келли Тернера, получившего свои «четыре звезды». К концу месяца Хэлси сменял Спрюэнса, а Маккейн — Митшера. Пятый флот снова стал Третьим флотом, а 58-е оперативное соединение превратилось в 38-е оперативное соединение. Освободившиеся командующие получили необходимый отдых, после чего Спрюэнс и Тернер приступили к планированию операции «Олимпик». Митшер отправился в Вашингтон, чтобы сменить адмирала Фитча на посту командующего воздушными операциями ВМС.

Хэлси, желающий наконец освободить корабли от обязанностей непосредственной поддержки армии на Окинаве, предложил в срочном порядке завершить строительство радарной сети на острове. Кроме того, по его приказу на Окинаву были переброшены с Филиппин дополнительные соединения морской авиации. Затем Нимиц принял десантников Хилла и 10-ю армию Бакнера под свое непосредственное командование, освободив 38-е оперативное соединение для использования в качестве мобильной ударной силы. Хэлси выдвинулся к берегам Японии и 3 и 4 июня нанес несколько воздушных ударов по острову Кюсю. Однако 5 июня на соединение Хэлси обрушился тайфун. В результате был серьезно поврежден крейсер «Питтсбург», легкие повреждения получили еще 32 корабля, волнами было смыто 142 самолета.

Три дня спустя 38 оперативное соединение вновь нанесло удар по Кюсю. Затем, оставив десантникам Хилла две группы авиации, базирующиеся на аэродромах Окинавы, и несколько эскортных авианосцев, оперативное

соединение отошло для того, чтобы подготовиться к новым ударам по островам Метрополии в июле. 13 июля оно прибыло в залив Лейте, проведя в море 92 дня.

Второй тайфун чуть не испортил Хэлси всю карьеру. Расследование, возбужденное адмиралом Хувером, показало, что вся вина за потери лежит на Хэлси и Маккейне, которые не выполнили инструкций адмирала Нимица, касающихся действий в штормовых условиях. Суд рекомендовал отстранить их от должности. Государственный секретарь Форрестол уже собирался уволить Хэлси в отставку, но вмешались Нимиц и Кинг, которые указали, что Хэлси — национальный герой и его увольнение подорвет моральный дух войск.

Корабли огневой поддержки и эскортные авианосцы оставались на Окинаве до конца кампании, который был объявлен 21 июня. Около 11 000 человек из 100 000 защитников были взяты в плен, остальные погибли. Двадцать шесть американских военных кораблей затонули, 368 были повреждены (по большей части — без возможности восстановления). В 10-й армии 7613 солдат и морских пехотинцев были убиты и около 39 000 ранено. Во флоте около 4900 моряков погибло и столько же было ранено. Эта кампания, самая дорогостоящая для американцев в Тихоокеанской войне, предоставила союзникам плацдарм для развертывания боевых действий против островов Метрополии. Теперь действия бомбардировщиков могли быть усилены, равно как и блокада японских портов, силы вторжения могли быть непосредственно направлены на Кюсю, но самый важный результат, с точки зрения американцев, состоял в том, что теперь японцы стояли перед неизбежным поражением: им оставалось только поскорее сдаться.

Глава 23

ПОБЕДА

В первые два года войны на Тихом океане Юго-западная зона, которая находилась в ведении генерала Макартура, была самым активным театром военных действий. Его последующий успех на берегах Новой Гвинеи далеко не был решающим для хода войны. Генерал опасался, что успешные действия в Новой Гвинее были даже до некоторой степени излишними благодаря стремительному броску сил адмирала Нимица прямо через центральную часть Тихого океана. Захват острова Лусон Макартуром был чрезвычайно полезным для блокирования Японии. Но после Лусона его войска, ограниченные юго-западной частью Тихого океана, могли двигаться только дальше на юг, к южным Филиппинам и Борнео. Военные действия в этих местах почти не имели отношения к поражению Японии.

К 1945 году военное министерство, как и сам Макартур, было все меньше довольно ограниченным положением генерала, тем более что это могло воспрепятствовать его

участию в захвате Японии. В министерстве не хотели видеть Макартура вытесненным на юг, в то время как Нимиц со своим военно-морским штабом будет атаковать главные острова. В Вашингтоне вновь пошли в ход старые аргументы в пользу объединенного командования всем Тихоокеанским театром военных действий, и каждый из этих аргументов встретил яростный отпор. В конце концов на исходе марта президент дал Макартуру знать, что высшее командование пришло к единому решению. Рузвельт сказал бывшему тогда в Вашингтоне генералу Кенни: «Можете сказать Дугласу, что вскоре он займется севером Филиппин».

Компромиссное решение, предложенное объединенным штабом 3 апреля, было на первый взгляд простым: во время вторжения в Японию Макартур будет командовать всеми сухопутными и военно-воздушными силами в Тихом океане, за исключением 12-й армии ВВС, базирующейся на Марианских островах, а также подразделений, находящихся вне зоны активных боевых действий. Нимиц должен был командовать всеми военно-морскими силами Тихого океана. Согласно данному указанию, объединенный штаб приказывал Макартуру и Нимицу завершить текущие кампании при старой структуре командования. Переход к новой структуре должен был происходить постепенно и по обоюдному согласию.

13 апреля группа офицеров во главе с генералом Сазерлендом прилетела из штаба Макартура в Маниле на Гуам. Они должны были встретиться с адмиралом Нимицем и его штабом и выполнить директивы объединенного штаба. Сазерлэнд, введенный в заблуждение мягкими манерами Нимица, не терпящим пререканий тоном принялся излагать то, что он называл «мыслями генерала Макартура». Генерал, говорил он, предлагает Нимицу как можно скорее передать ему, Макартуру, весь контроль над сухопутными силами, в том числе над гарнизонами островных баз Тихоокеанской зоны. Постепенно он положит конец единоначалию Нимица — по выражению Сазерлэнда, «неосуществимого предрассудка». В будущем, заявлял он, никакие сухопутные войска никогда не будут находиться под командованием адмиралов.

Если сначала Сазерлэнд думал, что Нимиц безропотно примет подобные условия, то скоро ему пришлось убедиться в обратном. Адмирал сказал, что собирается передать Макартуру оперативный контроль над сухопутными частями только после окончания их участия в боевых действий, что основные гарнизоны всех баз Тихоокеанской зоны останутся под его, Нимица, командованием до тех пор, пока он отвечает за эти зоны, и что упразднение объединенного командования во всех подзонах и на удаленных островах вызовет неразбериху и задержит ведение войны. Адмирал подытожил: «Таким образом, я не согласен с тем, чтобы генерал принял на себя оперативный контроль над всеми силами — сухопутными, воздушными или службами, которые необходимы для обороны и функционирования тихоокеанских зон».

Сазерлэнд сказал, что Макартур хочет устроить на Окинаве базу для ВВС генерала Кенни, а также для начала операции «Олимпик» — атаки на Кюсю, назначенной на 1 ноября 1945 года. Нимиц намеревался передать все захваченные острова Рюкю Макартуру, как только завоевание Окинавы будет завершено, или раньше, если последует твердая директива объединенного штаба о вторжении. Адмирал отверг предложение о передаче оперативного контроля над проведением военно-морских операций в юго-западной зоне Тихого океана и ответственности за них. Согласись он на это, он бы неизбежно стал действовать как подчиненный Макартура. А если бы он стал подчиняться приказам генерала, последний мог бы настоять на контролировании перемещений быстроходных авианосцев — исход, который стал бы проклятием для морского министерства и для адмирала Нимица в особенности. Нимиц сказал, что хотя он не примет командование военно-морскими силами, задействованными в десантных операциях на юго-востоке Тихого океана, он будет, как и раньше, обеспечивать таким операциям военно-морское прикрытие и назначать отряды для участия в действиях под непосредственным руководством Макартура.

Поскольку группа Сазерлэнда прибыла на Гуам почти единственно для того, чтобы изложить то, что Сазерлэнд представил как предложение немедленных действий

«по Макартуру», они улетели на следующее утро, 16 апреля, с пустыми руками, но зато убедившись в том, что под мягкими манерами адмирала Нимица таится железная воля. Нимиц докладывал Кингу: «Конструктивного обсуждения планов вторжения и подготовки к нему практически не было; руководство юго-западной тихоокеанской зоны, по-видимому, не готово к такому обсуждению».

Вечером адмирал написал миссис Нимиц:

> «Сегодня у меня был напряженный день; ранним утром уехали мои друзья с Дальнего Запада. Я не уверен, что мы убедили друг друга, но, по крайней мере, моя сторона ничего не потеряла, а другая сторона поняла, что мы — люди с сильной волей, которые твердо стоят на своем. При следующих встречах — я уверен, что они будут — мы, возможно, добьемся больших результатов».

«Следующие встречи» действительно состоялись, в том числе и многочисленные перелеты членов штаба между Манилой и Гуамом. Нимиц находил раздел сухопутных сил и флота головоломным и изматывающим занятием. Однажды в середине дня, посвященного этому и других утомительным делам, он набросал путаное письмо миссис Нимиц:

«Поверь мне — приказ объединенного штаба о разделении сухопутных войск и флота требует огромной работы — надо распутать тесно переплетенные связи... Если я что-то упустил или спутал, помни, что сейчас я страшно перегружен — и не из-за японцев».

Пытаясь распутать гордиев узел объединенного командования, Нимиц постепенно убеждался, что для такого объединения существуют ограничения; успешность действий такого командования зависит от обстоятельств и от того, кто является главнокомандующим. Никогда больше он не рекомендовал объединения вооруженных сил в общенациональном масштабе.

Так как Макартур отказался прибыть на Гуам для обсуждения вопроса, а его «чувство протокола» удержа-

ло его от того, чтобы прийти к окончательному соглашению с представителями Нимица, 15 мая Нимиц вылетел в Манилу для личной встречи. Генерал принял адмирала со своей обычной любезностью и пригласил его остановиться в своем собственном жилище, особняке «Бахра» — одном из немногих пригодных для жилья, не растащенных на камни домов в истерзанном войной городе. Переговорив с Макартуром один на один, Нимиц нашел его предложения в высшей степени разумными. Они оба одобрили и подписали планы, разработанные во время предыдущих встреч и, за два дня переговоров, сумели найти решение большей части спорных вопросов. Они также заложили основы совместных действий по вторжению на Кюсю и Хонсю, главные острова.

Нимиц и Макартур быстро отказались от утверждения, гласившего, что никакие сухопутные войска никогда не будут находиться под командованием адмиралов. Они отвергли старый британский план десантного штурма, предусматривавший двух равноценных командующих — генерала и адмирала; вместо него была выбрана американская система, впервые опробованная при вторжении в Северную Африку 1 ноября 1942 года. Согласно этому плану, десантом командовал только один офицер, в зависимости от стадии высадки — сначала адмирал, затем генерал. Суть плана десантной атаки на Кюсю была изложена в секретном документе главнокомандующего Тихоокеанским флотом и тихоокеанской зоной от 19 мая 1945 года:

> «Командующий Пятым флотом контролирует передвижения и высадку десанта через командующего десантными войсками Тихоокеанского флота, который, в свою очередь, контролирует атакующие войска или командиров групп, ответственных за действия десанта на соответствующих направлениях...
>
> Контроль над отрядами на берегу переходит к командиру каждой десантной дивизии или отдельного высаживающегося отряда после достижения им берега и закрепления на нем, а также по его уведомлении командира соответствующей военно-морской

группы атаки о том, что он готов принять командование силами на берегу...

Контроль над отрядами на берегу переходит к каждому армейскому командиру с соответствующей зоной действий после достижения им берега и закрепления на нем...

Контроль над войсками на берегу переходит к командующему 6-й армии Соединенных Штатов после извещения им десантных войск Тихоокеанского флота о том, что он готов принять командование отрядами на берегу».

Рост Центральных Тихоокеанских сил наконец позволил адмиралу Нимицу разделить Пятый и Третий флот. Пятый флот, под командованием адмирала Спрюэнса должна была начать операцию «Олимпик», поддерживая и контролируя ход высадки десанта на Кюсю. Эта флотилия, в состав которой входили десантные отряды адмирала Тернера и некоторое количество быстроходных авианосцев, образовала оперативное 58-е соединение под командованием вице-адмирала Фредерика Шермана. Третий флот адмирала Хэлси была теперь почти полностью самостоятельным. Он состоял из остальных быстроходных авианосцев (оперативное 38-е соединение) и Британскго Тихоокеанского флотилий (оперативное 37-е соединение). 3-я флотилия, подкрепленная десантными силами, должна была начать операцию «Коронет», поддерживая и контролируя ход высадки на Хонсю. Вице-адмирал Роулингс (Королевский флот, Великобритания) был командиром оперативного 37-го соединения. Вице-адмирал Маккейн, чье здоровье ухудшилось, был сменен вице-адмиралом Джоном Тауэрсом на посту командира оперативного 38-го соединения.

Если бы освобождение от должности Маккейна было запланированным, Джон Тауэрс получил бы в конце концов команду к бою, которой он так ждал. Однако, как оказалось, он получил ее уже после сражения. Нимиц никогда не питал теплых чувств по отношению к Тауэрсу, но он видел его способности и верность профессионального мышления. Кроме того, Тауэрс выполнял свои обязанности честно и со знанием дела. Нимиц реко-

мендовал его для командования авианосцем, и Кинг с неохотой согласился.

Окончательное поражение европейской Оси, отмеченное капитуляцией Германии 8 мая 1945 года, в штабе главнокомандующего Тихоокеанской эскадрой ни для кого не стало неожиданностью. Единственное, что удивляло — это то, как смогли немцы продержаться так долго. Конечно, все тихоокеанские командиры были безмерно рады победе союзников. Однако Нимиц не считал, что она поможет справиться с его собственной задачей. Годом раньше Нимиц, конечно, горячо приветствовал бы эту победу, поскольку она предоставила бы в его распоряжение большее количество людей и авиатехники для борьбы с Японией. Теперь он был уверен, что блокада и бомбардировки заставят японцев сдаться до того, как силы союзников будут переброшены из Европы в район Тихого океана.

Уверенность адмирала Нимица в скором падении Японии была также основана на достоверных данных. В феврале молодой офицер, коммандер Фредерик Эшворт, прибыл в его штаб в форме настолько измятой и мокрой от пота, что Ламар заколебался, пускать ли его в кабинет. Эшворт, специалист по военно-морскому вооружению, объяснил, что только что прилетел из Соединенных Штатов и столкнулся на островах с непривычной для него жарой и влажностью. Ему было приказано встретиться адмиралом Нимицем.

Полный опасений Ламар изложил ситуацию Нимицу, и тот приказал впустить коммандера.

Когда Ламар вышел, Эшворт оглянулся с заговорщицким видом, что вызвало у Нимица улыбку. Затем он расстегнул рубашку, явив взору адмирала вымокший от пота пояс для денег, из которого вынул влажный, мятый конверт с надписью «Совершенно секретно» и открыл его. Внутри было письмо от адмирала Кинга.

В письме Кинг сообщал, что атомная бомба находится в стадии разработки; вероятно, ее разрушительная сила будет равна примерно 20 000 тонн тротила. Бомба будет доставлена к театру военных действий в Тихом океане около 1 августа 1945 года. Кинг приказывал Нимицу посвятить в содержание письма не более одного

офицера его штаба и сообщал, что если у адмирала возникнут вопросы о технических характеристиках бомбы, он сможет задать их подателю письма.

Адмирал Нимиц вызвал Макморриса и дал ему прочитать письмо. Он позволил прочитать письмо и Эшворту. Эшворт коротко изложил технологические моменты изготовления бомбы, но Нимиц не выглядел заинтересованным. Эшворту показалось, что адмирал думает об ужасной бомбе, которая одна может разрушить целый город и погубить всех или почти всех его обитателей.

«Молодой человек, — сказал Нимиц, — все это очень интересно, но до августа еще далеко, и все это время мне предстоит воевать. Далее, пожалуйста, скажите адмиралу Кингу, что я не могу подчиниться его указанию передать информацию только одному офицеру моего штаба, если он ожидает от меня поддержки, которая, я уверен, будет необходима. Вы сообщите ему, что я должен информировать кэптена Тома Хилла, который будет отвечать за оказание этой поддержки».

Нимиц повернулся в своем кресле, с минуту смотрел в окно, затем поднялся и сказал Эшворту: «Весьма благодарен вам, — и затем тихо добавил, словно говоря сам с собой: — Видимо, я слишком рано родился».

После этой беседы коммандер Эшворт осмотрел Марианские острова. Он искал подходящее место, откуда могли бы взлететь B-29 509-й сводной группы, которые должны были сбросить атомную бомбу на Японию. Он выбрал северо-западную оконечность Тиниана. Здесь были проложены взлетные полосы, сюда переправили B-29; появилось «поселение» из куонсетских ангаров[1]; новую базу обнесли колючей проволокой и тщательно охраняли. 27 июня офицеры 509-й группы, усиленно тренировавшиеся на Кубе и в штате Юта, прибыли на Тиниан, чтобы продолжить тренировки. Активность офице-

---

[1] Ангар полуцилиндрической формы из гофрированного железа, используемый в качестве временной армейской казармы или хозяйственной постройки. Первые строения такого типа были собраны ВМС в 1941 в местечке Квонсет-Пойнт, шт. Род-Айленд.

ров этой группы, летающих через океан и обратно, озадачивала и возмущала других пилотов базировавшихся на Тиниане бомбардировщиков, которые каждый день рисковали жизнью, совершая налеты на Японию.

В середине напряженной весны 1945-го морской министр, большой любитель печатного слова, решил, что главнокомандующему Тихоокеанским флотом следует выпускать еженедельную газету или хотя бы журнал Тихоокеанского флота. Нимиц ответил, что у него хороший отдел по связям с общественностью, который сможет этим заняться, но, сказал он, «что касается распространения и подобных вещей, то это отнимет много времени, а мы пытаемся воевать. Кроме того, у нас есть ежедневная пресса, радио и множество журналов». Даже до самых отдаленных районов доходили сокращенные «заокеанские» версии «Таймс» и «Ньюсуик». У Нимица не было желания соперничать с ними.

«Публицистическая сторона войны становится все ярче, — говорил Нимиц, — она почти затмила непосредственно военную ее сторону». Чем больше Форрестол настаивал на том, чтобы Нимиц занялся издательской деятельностью, тем больше упирался Нимиц, не желавший делать ничего в этом роде. В конце концов министр отступился, придя к заключению, что, за исключением, возможно, Эрни Кинга, Нимиц — самый упрямый офицер из тех, с кем ему приходилось иметь дело.

Генерал Арнольд, инспектируя Тихий океан, взялся сломить знаменитое упрямство Нимица. Офицеры сил сухопутной авиации, в том числе пилоты 21-й группы бомбардировщиков Лемея, пожаловались Арнольду, что главнокомандующий Тихоокеанским флотом чинит им препятствия и не дает достичь того, чего они хотят достичь. Арнольд ворвался в штаб главнокомандующего и выложил эти жалобы лично Нимцу. Нимиц вежливо выслушал и с готовностью принял все предложенные генералом изменения.

«После этого разговора с адмиралом Нимицем, — писал позже Арнольд, — мне стало окончательно ясно, что большая часть проблем, с которыми сталкивались воздушные силы, явились следствием того, что младшие офицеры

имели обыкновение возводить относительно неважные вопросы до степени принципиальных. Все указывало на то, что я должен собрать своих людей и поговорить с ними». Арнольд, как и многие другие, понял, что Нимиц сопротивлялся только тому, что было нерациональным, неверным или оказывалось пустой тратой времени.

Военные действие на острове Гуам весной и летом 1945 г. были сложны не только из-за попыток разделить командование сухопутных войск и флота, но и из-за бесконечного потока посетителей, большей частью гражданских, которые были здесь по приглашению военно-морского министра или по его поручению. Конгрессмены, лидеры профсоюзов, издатели, деятели оборонной промышленности — казалось, всякий, кто мог выдумать хотя бы малейший повод для визита на отдаленные базы и беседы со старшими офицерами, оказывался здесь. Встреча гостей и планирование их маршрутов были обязанностью офицера, руководящего отделом по связям с общественностью, и его помощников, однако сам Нимиц принимал большую часть посетителей и приглашал многих из них на обед.

Среди конгрессменов, посещавших Гуам, был техасский сосед Нимица Линдон Джонсон. Среди издателей — Дуглас Саутхолл Фримен, редактор ричмондского издания «Ньюс Лидер». Нимиц ждал этого знакомства — он недавно с удовольствием прочел написанную Фрименом четырехтомную биографию Роберта Ли.

Остальные офицеры относились к таким «пожирателям времени» как к помехе и принимали их довольно прохладно. Некоторые путешественники жаловались на такое отношение Форрестолу, который передал эти жалобы Кингу, приказав написать в письме Нимицу: «Количество пользующихся известностью посетителей в вашей зоне будет возрастать. Очень важно, чтобы они были приняты с любезностью».

Едва Кинг успел справиться с этим указанием, как получил следующую, более резкую претензию от министра. На этот раз обидчиками были двое самых нетерпимых, по общему мнению, офицеров на Гуаме — Макморрис и «гениальный» Джон Хувер. Нимицу тут же был

отправлен меморандум: «По мнению морского министра, Хуверу и Макморрису следует поручать посетителей как можно реже — до тех пор, пока они не усвоят нужные взгляды на такую работу».

У Нимица были и другие трудности с его офицерами. Хэлси заявил репортерам, что хочет прокатиться верхом на лошади императора Хирохито. «Бык» Хэлси и белая лошадь императора попали в газетные заголовки. Седла, уздечки, шпоры, которые Хэлси начал получать от своих почитателей, стали новой темой для газетчиков. Нимиц не замедлил заткнуть Хэлси рот. Японцы начинали заговаривать о мире, и насмешкам над их «божественным» императором было не время. Тем более, что теперь он один мог приказать своим подчиненным прекратить сражаться.

В заливе Лейт пилот-демонстратор, выполняя пикирование на корабли оперативной группы Тома Шермана, врезался во взлетно-посадочную палубу «Рендольфа», убив 11 человек. В гневе Шерман разослал своим капитанам приказ сбивать любой самолет, который только появится над их кораблями. Нимиц эти приказы отменил и сделал все что мог, чтобы успокоить распаленного Шермана.

В конце июня Нимиц вылетел в Сан-Франциско на встречу с адмиралом Кингом, которая оказалась их последней военной встречей. Во время переговоров, занявших всего один день, Кинг сообщил Нимицу, что президент Трумэн утвердил операцию «Олимпик» и что объединенное командование рекомендовало провести подготовку к следующей операции, «Коронет». Краткость этой встречи вполне могла отражать уверенность обоих — и Кинга, и Нимица — в том, что ни «Олимпик», ни «Коронет» так и не будут проведены.

Весь июль Спрюэнс был на Гуаме; он планировал операцию «Олимпик» со своим штабом и штабом Нимица. Чем больше он занимался вопросами предполагаемого вторжения, тем больше убеждался в том, что потери людей и кораблей будут тяжелыми. Тернер был в Маниле, планируя десантную фазу операции «Олимпик» с 6-й армией генерала Уолтера Крюгера, отряды которой и должны были высаживаться.

Вновь созданный Третий флот безнаказанно курсировал вдоль восточного берега Японии, производя обстрелы. Самолеты с авианосцев Хэлси совершали налеты на аэродромы, заводы и базы и топили их или наносили тяжелые повреждения остаткам императорского японского флота во Внутреннем море. Неудачные попытки японцев ответить на эти оскорбления убедили лидеров союзных сил в том, что враг скрывает остатки воздушного флота, чтобы бросить их в бой при любой попытке вторжения.

Бомбардировщики с Окинавы и Марианских островов появлялись над Японией, по 500 и больше, зажигая обширные территории в японских городах. Подводные лодки и самолеты-миноносцы ужесточали блокаду главных островов.

Когда расшифровка криптограмм сообщений японского радио показала, что Япония пытается наладить переговоры о мире через советское правительство, главнокомандующий Тихоокеанским флотом и командующий пятым флотом начали перемещать акценты с подготовки операции «Олимпик» на подготовку возможной капитуляции японцев. Это же делали и в Вашингтоне. Эксперты в разных областях, от гражданского управления и военных преступлений до реконструкции, вошли в состав штаба главнокомандующего Тихоокеанским флотом.

25 июля самолет с капитаном Уильямом Парсонсом, специалистом по военно-морской артиллерии, приземлился на Гуаме. Парсонс привез с собой фильм о первом в мире управляемом ядерном взрыве, который был произведен в Аламогардо, Нью-Мехико, 16 июля. Перед пораженной аудиторией, где были адмирал Нимиц, адмирал Спрюэнс, генерал Лимей и избранные офицеры штабов, Парсонс показал свое кино — огромный огненный шар поднимается над пустыней. На следующий день он улетел на Тиниан, куда крейсер «Индианаполис», «залечивший» полученные при Окинаве повреждения, только что прибыл с тяжелой, но докритической массой урана-235 для атомной бомбы.

26 июля правительства США, Великобритании и Китая выпустили Потсдамскую Декларацию, в которой пе-

речислялись условия мира для Японии: японская армия должна была сдаться безоговорочно; Япония лишалась всех своих владений, за исключением четырех главных островов; японские базы будут оккупированы до тех пор, пока «мирно настроенное и ответственное» правительство не будет избрано путем свободных выборов. В случае неприятия этих условий Японии грозило «немедленное и полное разрушение».

После выгрузки урана на Тиниане «Индианаполис» ушел на Гуам. Отсюда он 28 числа он отошел с приказом главнокомандующего Тихоокеанским флотом прибыть в залив Лейте. Здесь команда должна была провести двухнедельную тренировку перед тем, как корабль присоединится к остальной флотилии.

28-го в Токио премьер-министр Кантару Судзуки провел пресс-конференцию, на которой ему был задан вопрос о действиях его правительства в связи с Потсдамской Декларацией. Поскольку его правительство еще ничего не решило, Судзуки ответил двусмысленным утверждением, которое правительства союзных стран восприняли как неприятие Декларации.

В конце июля на Гуам прибыли бригадный генерал Томас Фаррелл, представитель генерал-майора Лесли Гровса, главного руководителя атомного проекта. Фаррелл переговорил с генерал-майором Лемеем и с генералом Карлом Спаатсом, новым командующим стратегическими ВВС США, о приказах военного министерства. 509-й объединенной группе было приказано «доставить первую специальную бомбу после 3 августа так скоро, как только погода позволит визуальную бомбардировку».

Затем Фаррелл обратился к Нимицу с просьбой о поддержке, если возникнет опасность для пилотов бомбардировщиков и им придется прыгать с парашютом или сажать самолет на воду. Особенно он хотел, чтобы под водой на маршруте следования бомбардировщиков дежурили подводные лодки, а на близлежащих базах в состоянии готовности — гидросамолеты.

После того как было заключено соглашение по этому вопросу, Нимиц подозвал Фаррелла к окну, и указал на точку на горизонте, к северу от них.

«Вон тот остров,— сказал он,— это Рота. На нем — около трех тысяч японцев. Они доставляют нам много хлопот. У них радио. Они знают, чем мы занимаемся. Они посылают данные. У вас не найдется небольшой бомбочки, которую можно сбросить на Роту? Не думаю, что здесь нужна высадка десанта. Но они так нам докучают».

«К сожалению, адмирал,— ответил Фаррелл,— у нас есть только большие бомбы». Затем он отправился на Тиниан командовать базой 509-й группы.

Адмирала Нимица начинала раздражать неспособность японского правительства взглянуть в лицо фактам. Ему было совершенно очевидно, что Япония потерпела поражение. Самурайские традиции, однако, делали невозможным признание поражения самими японцами. Разговоры о мире, которые они начинали вести через советское правительство, преследовали две цели: принять условия Декларации, исключая пункт о безоговорочной капитуляции, и удержать Россию от войны в Тихом океане. Россия явно не собиралась оставаться в стороне от войны, в которой она ничего не теряла, а приобрести могла немало. Советское правительство тянуло время.

Нимиц считал атомную бомбу чем-то неподобающим, безусловно недопустимой формой ведения войны. Он надеялся, что американцам не придется прибегать к этому способу. Нимиц обсудил ситуацию с капитаном Эдвином Лейтоном, который большую часть своей сознательной жизни посвятил изучению психологии японцев. Лейтон считал, что применение атомной бомбы — жизненная необходимость. Он, как и раньше, указывал на то, что только император обладает достаточным авторитетом, чтобы остановить войну, но даже ему это будет нелегко. «Прикажи он, чтобы все женщины остригли волосы или чтобы все ходили на руках — они это сделают,— говорил Лейтон.— Если он прикажет мужчинам самим себя кастрировать, 99% так и поступят». Но, сказал Лейтон, приказать армии прекратить сражаться — это уже слишком. Даже если Его Императорское Величество отдаст такой приказ, это может и не привести к окончанию войны — если только он не убедит свой народ в том, что альтернативой может быть только разрушение Японии.

Ко 2 августа компоненты двух атомных бомб на корабле и на самолете были доставлены на Тиниан. Все, что теперь было нужно — это ясная погода: тогда первая бомба отправится в Японию.

Ранним утром 3-го числа Гуама достигла весть о том, что незадолго до полуночи 29 июля «Индианаполис» был потоплен по пути в залив Лейте. Спасшиеся были обнаружены через 4 дня на спасательных плотах и в воде. Почему гибель крейсера, который должен был прибыть в залив, не была замечена и о ней никто не доложил? Адмирал Нимиц немедленно приказал, чтобы на Гуаме собралась следственная комиссия.

Вечером 4 августа капитан Парсонс, наблюдавший за полетами В-29, с ужасом обнаружил 4 из них разбитыми и сожженными в конце взлетной полосы. Если подобное случится с самолетом, несущим укомплектованную атомную бомбу, взрыв просто снесет Тиниан с лица земли. Парсонс принял решение о том, что сборка атомной бомбы должна завершиться уже в самолете, на некотором удалении от земли.

5 августа, в воскресенье, небо прояснилось. Поскольку синоптики предсказывали по крайней мере два ясных дня, генерал Фаррелл назначил первую атомную бомбардировку на утро 6 августа. Капитан Парсонс провел день, тренируясь в сборке и разборке атомной бомбы.

По Марианским островам распространился слух о том, что неподалеку происходит что-то особенное.

Возможно, этот слух стал результатом необычной активности, замеченной в районе базы 509-й группы. Вероятнее всего, что некоторые из тех, кто был посвящен в секрет атомной бомбы, не смогли удержаться и намекнули, что скоро произойдет нечто, что положит войне конец раньше, чем кто-либо предполагал. Во всяком случае, 5 августа был днем растущего напряжения на островах.

В 2:45 ночи 6 августа «Энола Гэй», В-29, несущий первую атомную бомбу, и 2 наблюдающих бомбардировщика взлетели с аэродрома Тиниана. В последовавшие за этим часы на базе никто не спал. Офицеры задавали друг другу вопросы, которые волновали сейчас всех. Соберет ли капитан Парсонс бомбу еще раз? Оправдает

ли она ожидания? Что, если она упадет не разорвавшись и раскроет врагу свои секреты? Другие ночь напролет дежурили в штабах генерала Лемея, генерала Спаатса и адмирала Нимица.

«Энола Гэй» должен был сбросить бомбу на Хиросиму, у Внутреннего моря, в 9:15 утра. Время шло; весь штаб 509-й группы не отрываясь смотрел на часы. В 9:20 за 1500 миль, от Японии до Тиниана, долетели слова: «Задача выполнена успешно!» Вслед за этим капитан Парсонс прислал более подробный шифрованный доклад. Генерал Фаррелл передал новость генералу Лемею, генералу Спаатсу, адмиралу Нимицу и генералу Гроувсу, чтобы тот сообщил ее президенту Трумэну, возвращавшемуся с Потсдамской конференции на крейсере «Августа» — на том самом крейсере «Огаста», которым Нимиц командовал на Востоке.

Из Вашингтона настойчиво требовали подробностей, но Фаррелл не мог ничего сделать, пока в 3 часа дня «Энола Гэй» не вернулся на Тиниан. Тогда, опросив всех пилотов, корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Уильям Лоуренс сделал подробные записи. Окончив интервью, Лоуренс бросился к пишущей машинке и начал писать:

> «Первая атомная бомба, когда-либо применявшаяся на войне,— небольшая рукотворная шаровая молния, взрывающаяся с мощностью, равной 20 000 тонн тротила,— была сброшена сегодня с B-29 и уничтожила крупный промышленный и военный центр Хиросиму.
>
> Сегодня, ровно в 9:15 утра, Хиросима еще была под чистым синим небом. Одну миллионную секунды спустя — время, которое нельзя заметить ни по каким часам — город исчез в огненном вихре, словно бы никогда не существовал. Самые точные часы, сделанные руками человека, все еще показывали 9:15.
>
> Если чиновники гражданской обороны — там, внизу — и испытали тревогу при виде приближающихся больших серебристых птиц высоко над головой, они не подали вида. Не было зенитного огня. Не было никаких сирен. 400 000 обитателей Хиросимы торопились по своим делам, как обычно».

В Соединенных Штатах военный министр Стимсон передал журналистам ранее подготовленное заявление Трумэна. В нем говорилось, что атомная бомба, «вобравшая в себя всю мощь мироздания», была сброшена на Хиросиму. «Сила, от которой померкло солнце, обрушилась на тех, кто развязал войну на Дальнем Востоке». Соединенные Штаты, говорилось далее, готовятся разрушить до основания все заводы, доки и коммуникации в Японии. «Ультиматум, составленный 26 июля в Потсдаме, имел целью уберечь народ Японии от дальнейших гибельных потрясений. Руководители страны резко отвергли этот ультиматум. Если они сейчас не примут наших условий, они могут ожидать смертоносного дождя с воздуха — дождя, подобного которому еще никогда не видела эта земля».

Японское правительство хранило молчание.

В среду 8 августа корабль-госпиталь «Транквилити» доставил на Гуам тех, кому удалось спастись после гибели «Индианаполиса». Среди этих людей был и командир «Индианаполиса» кэптен Чарльз Батлер Маквей. Теперь стало ясно, что крейсер был затоплен одной или двумя торпедами, выпущенными вражеской субмариной. 350 или 400 человек из команды крейсера утонули вместе с кораблем, еще около 500 погибли, не дождавшись помощи; только 316 были подобраны живыми. Адмирал Спрюэнс отправился в госпиталь навестить своих прежних товарищей. Он вручил медали «Пурпурное сердце»[1] тем, кто страдал от солнечных ожогов и обезвоживания. «Вы не представляете, как счастлив я узнать, что вы сделали это, — сказал Спрюэнс. — Я скорблю лишь о том, что мы потеряли многих из тех, кого я привык считать почти семьей».

---

[1] Воинская медаль; вручается за одно боевое ранение. Ей предшествовала старейшая воинская награда — знак за воинские заслуги одноименного названия, учрежденный в 1782 г. генералом Дж. Вашингтоном (им были награждены всего 3 человека). Современная медаль учреждена 22 февраля 1932 г. в честь 200-летия со дня рождения Вашингтона. Изготовляется из бронзы в виде обрамленного серебряным шнуром кусочка пурпурной ткани в форме сердца.

Вечером того же дня СССР объявил войну Японии и вторгся в оккупированную японцами Маньчжурию. В 3:50 следующего утра, 9 августа, B-29 «Бокс Кар» взлетел с аэродрома на Тиниане со второй бомбой. В 11:01 она была сброшена и разрушила город Нагасаки на острове Кюсю.

Адмирал Нимиц был представлен к британскому королевскому ордену Большого креста Бани; вручать награду должен был герцог Глостерский. Но поскольку война явно приближалась к концу, а герцог задержался в Австралии, обязанность вручения награды была возложена на сэра Брюса Фрезера, адмирала. Церемония происходила 10 августа на борту флагмана Фрезера, линейного корабля «Дюк оф Йорк». Нимиц в сопровождении нескольких офицеров из его штаба прибыл на борт в 11:00. Фрезер зачитал отрывок из приказа, затем надел широкую алую ленту ордена Нимицу через плечо. Нимиц приказал угостить членов команды, нанес короткий неофициальный визит и вернулся в штаб, чтобы вновь сражаться с проблемой будущей оккупации.

Ранним утром 10 августа Нимиц получил сообщение от адмирала Кинга, начинавшееся словами: «Это — вестник мира». Далее говорилось о том, что японцы уведомили Вашингтон через швейцарское правительство, что они намерены принять условия Потсдамской Декларации — при условии, что она не нанесет ущерба исключительным правам императора как правителя. США согласились с тем, чтобы японцы сохранили своего императора; но его власть подлежала рассмотрению Верховным командованием союзных сил — до тех пор, пока в Японии не появится ответственное правительство, избранное путем свободного волеизъявления японского народа. Госдепартамент США ожидал согласия на эту уступку со стороны Великобритании, Китая и Советского Союза.

Некоторые советники президента Трумэна рекомендовали прекратить огонь до времени окончательных переговоров, но Трумэн настоял на том, чтобы продолжать давить на японцев — с тем чтобы они не требовали новых уступок. Согласно этому приказу, 21-я группа бомбардировщиков Лемея начала загрузку B-29 для очеред-

ного налета. Хэлси отдал по радио приказ своему флоту о целях на северном Хонсю — начать движение и атаковать зону около Токио. Нимиц временно отменил этот приказ; затем, поскольку из Японии не последовало никакого ответа, приказал Хэлси двигаться вперед. Операция была проведена 13 августа; самолеты Третьего флота разрушили несколько сотен вражеских самолетов. Утром 15 августа Хэлси отдал приказ о следующем налете на Токио и уведомил об этом Нимица. Спустя 2 часа он получил срочную депешу от главнокомандующего Тихоокеанским флотом: «Приостановить воздушные атаки».

Ранним утром капитан Лэйтон был вызван в свой кабинет в штабе ГКТОЭ. Специальный телетайп, с которым имел право работать только он, защелкал в своей кабинке. Лэйтон вставил одноразовую ленту, и машина выдала сообщение на понятном языке. Сообщение было от Op-20-G, работавшим с командующим морскими операциями, и содержало японское сообщение, посланное через швейцарское и шведское правительства, о принятии Потсдамской Декларации.

Как только передача завершилась, Лэйтон вызвал связиста и сказал: «Вышлите по серийному номеру уведомление о получении и сохраните копию». Он оторвал верхний лист депеши и бросился к Нимицу. Было около 7:20 утра.

Торопливо шагая мимо Ламара, Лэйтон сказал: «Это — самое важное», и вошел в кабинет 00 без доклада.

Адмирал Нимиц сидел за столом. «Что это?» — спросил он.

«Вот»,— сказал Лэйтон и протянул ему депешу. Нимиц взглянул на бумагу и улыбнулся: «Только что получил такую от адмирала Кинга». Несомненно, послание Кинга было сообщением о капитуляции Японии.

Адмирал Нимиц, говорил потом Лэйтон, «не выглядел именинником и не скакал от радости, как другие офицеры штаба. Он едва улыбнулся своей особенной, сдержанной улыбкой... как если бы он знал, что так и должно было быть, и ждал этого — и, я уверен, он действительно об этом знал. Он знал, что Япония побеждена, и недавно повторил это несколько раз».

После того как было передано официальное заявление президента о том, что, как он полагает, ответ японцев означает «полное принятие Потсдамской Декларации, которая настаивает на безоговорочной капитуляции Японии», адмирал Нимиц передал приказ своим подчиненным в тихоокеанских зонах: «Прекратить наступательные операции против японских войск. Продолжать дозоры и патрулирование. Поддерживать меры по обороне и внутренней безопасности на самом высоком уровне; остерегаться вероломных нападений и последних атак со стороны неприятельских войск или отдельных лиц».

Когда адмирал Хэлси, бывший за пределами Японии, услышал о том, что война кончилась, он завопил «Ура!» — и принялся хлопать по плечам всех, кто оказался рядом с ним. Он приказал поднять флаги на своем корабле, «Миссури», и его четырехзвездный флаг взвился на мачте; на минуту были включены все гудки и сирены. На остальных кораблях последовали его примеру. Хэлси приказал поднять сигнал «Хорошо». Тем не менее он принял меры по сохранению воздушного патрулирования; камикадзе могли нанести последние удары по чести победителей. Пилоты в воздухе получили указание от Хэлси: «Выслеживать и сбивать все самолеты-шпионы — но не мстительно, а по-дружески».

В тот же день Нимиц распространил другое сообщение во всех войсках, находящихся под его командованием:

> «В связи с окончанием военных действий против Японии всем офицерам вменяется в обязанность вести себя вежливо и с достоинством в отношениях с японцами, а также быть вежливыми в публичных заявлениях, связанных с ними. Японцы продолжают оставаться теми, кто чудовищным нападением на Тихоокеанский флот развязал войну и кто бросил наших братьев в тюрьмы, на муки, голод и убийства. Тем не менее употребление оскорбительных эпитетов по отношению к японцам — как к нации или к отдельным лицам — сейчас недостойно офицера военно-морских сил США. Офи-

церы Тихоокеанского флота должны принять меры к тому, чтобы те, кто находится под их командованием, вели себя подобающим образом. Фамильярность и оскорбительные выпады недопустимы».

По радио было объявлено, что президент Трумэн назначил генерала Макартура верховным командующим союзных сил и приказал ему организовать и провести церемонию сдачи, а также последующую оккупацию Японии. «Неплохо», — пробормотал адмирал Нимиц; он был явно раздражен. Это не значило, что он хотел командовать оккупацией. Он хотел вернуться в Штаты и стать командующим морскими операциями. Но он был против того, чтобы отдавать все в час победы сухопутному офицеру, тогда как основная тяжесть войны с Японией легла на флот.

Военно-морской министр пришел на помощь флоту, заявив, что если уж церемония подписания Акта о капитуляции будет проводиться сухопутным офицером, то проводиться она должна на борту военного корабля. Он предложил, чтобы им стал «Миссури», названный в честь родного штата президента Трумэна и крещенный его дочерью Маргарет. Форрестол также добился согласия Госсекретаря на то, что если Макартур должен подписать Акт о капитуляции как представитель союзных сил, то адмирал Нимиц подпишет Акт как представитель Соединенных Штатов.

Адмирал Хэлси был доволен, узнав, что его флагманский корабль станет сценой события исторической важности. Он отправил в музей Военно-морской академии запрос о присылке ему на время американского флага, под которым коммодор Мэтью Колбрейт Перри вошел в Токийский залив в 1853 г. Просьба была удовлетворена, и специальный посланец вручил флаг Хэлси, который приказал укрепить его на балке над палубой-верандой, где должно было происходить подписание Акта.

Генерал Макартур вызвал служащих японского правительства в Манилу, чтобы дать им указания по принятию оккупационных сил. Генерал Сазерлэнд был представителем генерала Макартура, а адмирала Нимица представлял адмирал Форрест Шерман. По просьбе

японской делегации прибытие оккупационных войск было отложено до 28 августа — время, нужное для того, чтобы некоторые горячие головы в японской армии остыли и поняли бессмысленность дальнейшего сопротивления.

Адмирал Нимиц пригласил адмирала Шермана, старшего офицера сухопутных войск, старшего морского офицера и старшего офицера береговой авиации сопровождать его на церемонию капитуляции. Он также планировал взять с собой коммандера Ламара, своего «личного секретаря», офицера, отвечающего за коммуникации, чтобы управляться со специальной пятизвездной системой, и капитана Лейтона. Адмирал сказал Лейтону, что это — своеобразная компенсация за то, то он, Нимиц, так долго отказывал просьбам Лейтона, желавшего оставить штаб ГКТОЭ и ходить в море.

Лейтон сказал Нимицу, что если тот намерен сходить в Японии на берег, ему лучше взять с собой пехотинцев-телохранителей.

«Что с вами такое? — спросил Нимиц.— Стрелять не умеете?»

«Умею,— ответил Лейтон,— и думаю, что осознаю опасность, которая угрожает вам на берегу, лучше ваших флотских. Я могу обратиться к японцу на его родном языке, чего ваши пехотинцы не умеют».

Адмирал сказал: «Пойдемте в тир и посмотрим, на что вы способны».

После того как оба постреляли по мишеням, Нимиц сказал «Ладно» и назначил Лейтона своим переводчиком и телохранителем.

Как и было намечено, первые американские оккупационные части высадились на аэродроме Ацуги, около города Йокосука, 28 августа. 29 августа часть Третьего флота, включая «Миссури», «Саут Дакота» и флагманский корабль адмирала Фрезера «Дюк оф Йорк», вошли в Токийский залив и бросили якорь. В тот же день, около 4 часов дня, Нимиц прибыл на гидроплане в Токийский залив и поднял свой флаг на «Саут Дакота». Почти сразу после этого к нему явился адмирал Хэлси, у которого возникли трудности. Он узнал о болезнях и нече-

ловеческих условиях содержания в лагерях военнопленных около Токио. Генерал Макартур дал указание не оказывать помощи военнопленным, пока сухопутные войска не будут готовы принять в этом участие. Несмотря на указание, Хэлси послал специальную группу, включавшую корабль-госпиталь «Беневоленс», через залив к Токио с приказом встать там для возможной высадки на берег для проведения спасательных операций.

«Продолжайте действовать,— сказал Нимиц.— Генерал Макартур поймет». Хэлси отдал приказ, и к полуночи около 800 заключенных были вызволены.

30 августа воздушно-десантная дивизия приземлилась в Ацуги; ее оркестр играл, когда в 2.19 того же дня приземлился самолет Макартура. Макартур спустился по ступенькам со своей знаменитой кукурузной трубкой в зубах и уже на земле пожал руку генералу Роберту Эйхельбергу, который прилетел в Ацуги несколькими часами раньше. «Боб,— с улыбкой сказал Макартур,— это — награда».

Третий флот начал высадку в 10 часов утра. Американские морские пехотинцы заняли воздушную базу Йокосука, а американские матросы — военно-морскую базу. В 10:30 утра вице-адмирал Михитаро Тоцука официально передал объекты Йокосука адмиралу Корни, который действовал как представитель адмирала Хэлси. Штаб-квартира Третьего флота и высадившихся на остров были здесь, и флаг Хэлси поднялся над базой.

Адмирал Нимиц и адмирал Хэлси вышли на берег, чтобы присутствовать при поднятии американского флага. Капитан Лейтон с 45-м калибром в подплечной кобуре стоял рядом с Нимицем. Когда Нимиц увидел над базой четырехзвездный флаг Хэлси, он резко приказал спустить его, напомнив при этом Хэлси о недопустимости поднятия своего флага на берегу в присутствии старшего по званию офицера.

Однако тяжелых чувств никто не испытывал. Днем в лимузине, предоставленном японцами, Нимиц и Хэлси объездили верфь и проверили сухой док, офицерский клуб и госпиталь. Они проследовали вдоль приветствующих их шеренг американских морских пехотинцев и

матросов. Адмиралы с удовольствием отметили, что разрушения, причиненные базе бомбардировками, так незначительны, что их легко можно было устранить и использовать базу для американских нужд. С другой стороны, было ясно видно, что японцы мало озаботились тем, чтобы исполнить приказы, согласно которым «к прибытию войск союзников все объекты должны быть очищены от развалин, приведены в порядок и быть в рабочем состоянии». На деле объекты оказались грязными и запущенными, а большая часть оборудования была в плохом или вообще нерабочем состоянии. Нимиц сказал репортерам, что ничто не указывало на то, что японцы хоть как-то пытались убрать объекты или отремонтировать механизмы. «Замечания адмирала Хэлси,— писала «Нью-Йорк Таймс»,— были по большей части непечатными». Раздражение обоих адмиралов достигло критической отметки, когда в их лимузине кончился бензин и они оказались в затруднительном положении.

Накануне церемонии капитуляции адмирал Нимиц не только каждый день писал миссис Нимиц. Он также написал всем своим детям, чтобы у каждого из них было письмо, интересное с исторической точки зрения. Кейт адмирал рассказывал о своей поездке к генералу Макартуру в субботу, 1 сентября:

> «Сегодня под проливным дождем по волнующемуся морю я повел эсминец в Нижний Токийский залив и прибыл в Иокогаму, чтобы встретиться с Верховным командующим сил союзников (ВКСС, для краткости), генералом Макартуром, в его апартаментах в «Нью Гранд-Отель» в Иокогаме. Штаб его располагается в здании таможни.
>
> Иокогама похожа на мертвый город; движения очень мало. На квартирах ВКСС дежурят японские полицейские и жандармы; они ведут себя так, как будто нас не видно. Они не выглядят печальными или пораженными, как можно было бы ожидать. Они просто не видят нас.
>
> Итак, оккупация проходит без насилия или признаков таковой. Когда Младший [Лей] приедет

завтра, его бригада пройдет по берегу так же, как и в Сан-Франциско — но того гостеприимства, которое ожидало бы их в Сан-Франциско, они не увидят.

Единственные, кто рад нашему приходу в Японию,— это союзнические военнопленные. Думаю, что их здесь что-то около 38 000, включая гражданских; из них около 8000 — американцы.

После того как я расстался с Верховным командующим, мы отправились на корабль-госпиталь «Беневоленс», стоящий в заливе. Там находятся 450 бывших военнопленных. Сейчас они оправляются от плохого обращения — скудного питания, одиночных заключений и прочего. Их отправят домой, как только это позволит их состояние.

Завтра будет великий день 9:00 утра — час, когда японские эмиссары официально подпишут условия капитуляции. Подозреваю, что после этого по Японии прокатится волна самоубийств.

В заливе — корабли: сотни — американских и несколько британских. Вне залива — мощный флот, готовый, в случае необходимости, прилететь на самолетах. Через несколько минут я отправлюсь к адмиралу Фрезеру на «Дюк оф Йорк», стоящий рядом — частично по официальным делам, частично — потому, что он мне нравится, а главное — чтобы выпить виски с содовой перед обедом; на наших кораблях такого не водится.

Возможно, через день или около того я присоединюсь к вам, так что посылаю тебе это письмо сейчас, надеясь, что оно застанет тебя в добром здравии.

С любовью к тебе и Нэнси — папа».

Адмирал Нимиц, должно быть, добавил, что послал дочерям бутылку редкого ликера — в постскриптуме прибавлено: «Надеюсь, вы оставите немного бурбона на День победы».

Желая сделать приятное генералу Макартуру, Нимиц направил к Гуаму десантный катер, выглядевший как адмиральский. Он был выкрашен в красный цвет, сиденья были покрыты красно-белыми чехлами, на

носу — пять звезд. Это элегантное судно, с немалыми усилиями доставленное в Токийский залив, должно было отвезти Макартура на «Миссури».

Нимиц поступил так из лучших побуждений, но он не знал, что Макартур будет жить в Иокогаме, за 20 миль от «Миссури», стоявшего на якоре у Йокосуки, или что большинство офицеров отправятся на «Миссури» на эсминце. Журналисты, фотографы и, как оказалось, даже японские представители должны были прибыть на военный корабль также на эсминцах.

Когда Ламар гордо продемонстрировал Макартуру «адмиральский катер», генерал взглянул на него и сказал: «Слишком маленький. Я не собираюсь плыть 20 миль на этой посудине».

Обескураженный Ламар спросил: «Генерал, в чем бы вы хотели плыть?»

«Я хочу эсминец, и я хочу новый эсминец».

Потом Макартур сообщил Ламару через одного из штабных офицеров, что он никогда не поднимал свой флаг над кораблем и хотел бы поднять его над «Миссури». Желание генерала представляло собой проблему, поскольку, согласно уставу и традициям, на мачте должен был развеваться флаг старшего *военно-морского* офицера, в данном случае — адмирала Нимица. Нельзя было укрепить один флаг ниже другого — адмирал и генерал не были подчиненными друг друга.

Вконец озадаченный Ламар спросил Нимица: «Что нам теперь делать?»

Адмирал удивился. «Вы — флаг-адъютант,— ответил он,— вы и решайте, это ваше дело».

Вместе с другими офицерами Ламар выработал решение. По его указанию красный флаг Макартура и синий флаг Нимица должны были разместить на главной мачте рядом, на одном уровне. «Первый раз в истории флота,— говорил Ламар,— на одной мачте были два пятизвездных флага».

1 сентября на борту «Миссури» состоялась репетиция церемонии; матросы изображали сановников, которые должны были прибыть на следующий день. Стол из столовой, покрытый зеленым сукном, был установлен на

палубе-веранде на правом борту. На нем должны были лежать 2 экземпляра Акта о капитуляции — один на японском, другой на английском языке.

В начале восьмого утра 2 сентября корреспонденты и фотографы всех наций, включая японских, прибыли на эсминцах и заняли аккредитованные места на «Миссури». В утреннем свете на флагштоке поднялся тот же флаг, что реял над Капитолием в Вашингтоне 7 декабря 1941 года. В 8:03 на эсминце «Николас» прибыли высокопоставленные офицеры и официальные лица. Несколько минут спустя с «Саут Дакота» прибыли на катере Нимиц и его группа. Пятизвездный флаг Нимица взвился на мачте, его вызвали на борт, через усилитель прозвучал «Адмиральский марш» и Нимица приветствовал адмирал Хэлси, который наслаждался своей ролью гостеприимного хозяина.

Затем последовало долгое ожидание. Наконец на эсминце «Бьюкэнен» прибыл генерал Макартур со своими штабными офицерами. Когда его флаг поднялся к флагу Нимица и ему были отданы все положенные почести, он быстро прошел туда, где его ждали Нимиц, Хэлси, Карни и другие. «Честер! Билл! Ник!» — восклицал он, радостно пожимая им руки. Мику Карни он сказал: «Это великолепно — видеть старых друзей еще по службе на Тихом океане здесь, в конце пути».

Хэлси, Нимиц и Макартур удалились в капитанскую каюту ждать прибытия японских посланников, которые рядом на эсминце «Лендсдаун» ожидали вызова. После соответствующего сигнала «Лендсдаун» подошел, и посланники со своими помощниками поднялись на борт «Миссури». Делегацию возглавлял министр иностранных дел Мамору Сигемицу, в официальном халате, дополненном черной шелковой шапочкой. Он хромал из-за протеза; ногу он потерял уже давно, во время покушения. Следующим появился одетый в форму генерал Йосухиро Умедзу, руководитель Генерального штаба армии. Их сопровождали трое служащих министерства иностранных дел, трое офицеров сухопутных войск и трое морских офицеров.

На палубе-веранде, кроме представителей стран-союзников, были старшие офицеры американских сухопутных

войск и флота, сыгравшие важную роль в поражении Японии[1]. Офицеры, довольные тем, что встретились, пожимали друг другу руки, хлопали друг друга по спине и громко, радостно переговаривались. Вскоре артиллерийский офицер «Миссури» Хорас Берд торопливо вышел на палубу и объявил: «Господа, генерал Макартур и адмирал Нимиц скоро будут здесь!» Его слова потонули в гуле счастливых голосов. Берд набрал в грудь побольше воздуха и крикнул: «Внимание все!». Генералы и адмиралы немедленно замолчали и встали на свои места, вытянувшись по стойке «смирно».

Капеллан прочел обращение, оркестр сыграл гимн США — и вслед за этим на палубу-веранду вышли генерал Макартур и адмирал Нимиц в сопровождении адмирала Хэлси. Генерал Макартур занял свое место за столом и обратился к собравшимся. «Мы, представители главных военных сил,— начал он,— собрались здесь, чтобы заключить торжественное соглашение, которое восстановит мир». Свое выступление он закончил такими словами:

> «Я горячо надеюсь — и это надежда всего человечества — на то, что сегодня родится, из крови и резни прошлого, новый, лучший мир — мир, основанный на чести и понимании, мир, построенный на уважении человеческого достоинства и исполнении самых давних людских желаний — свободы, терпимости и справедливости».

Макартур указал на сиденье напротив и жестко сказал: «Представители императорского японского правительства должны пройти сюда и поставить свои подписи».

Хромая, подошел к столу министр иностранных дел Сигемицу. Сел, снял шапочку и перчатки, уронил свою

---

[1] Адмирал Спрюэнс был на своем флагманском корабле «Нью-Джерси» у Окинавы. Адмирал Нимиц не пригласил его на церемонию, возможно, из-за того, что хотел, чтобы он принял командование Тихоокеанским флотом на тот случай, если японцы вероломно нападут на «Миссури» в Токийском заливе и перебьют всех находящихся на борту офицеров.

трость, поднял ее, немного помял в руках перчатки и шапочку; пошарил в кармане в поисках ручки. Служащий министерства шагнул вперед, подал ему ручку и придержал трость. Сигемицу выглядел смущенным, не зная, куда поставить подпись. «Сазерленд,— раздраженно сказал Макартур руководителю своего штаба,— покажите ему, где подписать». Сазерленд указал, и Сигемицу поставил свою подпись «по приказу и от имени императора Японии и японского правительства». Затем вперед твердо шагнул генерал Умидзу и не садясь нацарапал свое имя на обоих документах «по приказу и от имени японского Генерального штаба».

Генерал сухопутных войск Макартур кивком показал, чтобы генерал-лейтенант Джонатан Уэйнрайт и генерал-лейтенант сэр Артур Персиваль стояли за его стулом во время подписания Акта от имени всех вооруженных сил союзников. Уэйнрайт, подписавший капитуляцию Филиппин, и Персиваль, подписавший капитуляцию Сингапура, оба — в 1942 г., прилетели из лагерей военнопленных в Маньчжурии.

Адмирал флота Нимиц (за его стулом стояли адмирал Хэлси и контр-адмирал Форрест Шерман) подписал документ от имени Соединенных Штатов. За ним свои подписи поставили генерал Шу Юнг-чанг — от имени Китая, адмирал сэр Брюс Фрезер — от имени Соединенного Королевства, генерал-лейтенант К. Деревянко — от имени Советского Союза, генерал сэр Томас Бларни — от имени Австралии, полковник Мур Косгрейв — от имени Канады, генерал Жак Леклерк — от имени Франции, адмирал Конрад Хельфрих — от имени Нидерландов и вице-маршал авиации сэр Леонард Изитт — от имени Новой Зеландии.

Когда все представители поставили свои подписи, Макартур вновь обратился к собравшимся: «Давайте молиться о том, чтобы мир в мире был восстановлен и Бог хранил его всегда. Церемония завершена».

В этот миг солнце выглянуло из-за туч и осветило несколько сотен американских самолетов и бомбардировщиков, проносящихся над Токийским заливом, над британскими и американскими кораблями.

Когда японцы собирались уходить, один из помощников министерства иностранных дел прошел за японским экземпляром Акта. Он взглянул на документ и бросился назад, крича что-то японским делегатам; те остановились и начали возбужденно переговариваться о чем-то.

Макартур сказал Ламару: «Пойдите узнайте, в чем там дело».

Помощник объяснил Ламару, что их экземпляр документа недействителен — в колонке подписей принимавших капитуляцию был пробел. Канадский представитель, видимо, пропустил свое имя и поставил подпись напротив имени французского представителя. Остальные так и продолжили расписываться на строчку ниже своего имени, так что представителю Новой Зеландии пришлось ставить подпись уже на нижнем поле, что сделало его, как он потом говорил, «скромной сноской истории».

«Поменяйте», — приказал Макартур Сазерленду.

Ламар вернул документ обратно на стол. Сазерленд, по словам «Нью-Йорк Таймс», двумя взмахами авторучки перечеркнул названия четырех стран выше отсутствующих подписей и написал их ниже. Японцы хмуро приняли исправленный документ, и мир стал реальностью.

Когда японские посланники шли к сходням, им были оказаны обычные почести. Это значило, что они больше не враги. Нимиц отменил приказ Хэлси не предлагать членам делегации кофе, сигареты и не проявлять других знаков вежливости. Когда японцы ушли, Нимиц пригласил союзников в свою каюту, извинившись, что может предложить им лишь кофе с пончиками, а не шампанское.

Как только адмирал Нимиц вернулся на «Саут Дакота», он выпустил заявление, которое подготовил для передачи по Тихому океану и в США:

> «На кораблях — в море и в портах, на множестве островных баз Тихого океана царит радость. Долгая и полная горечи борьба... подошла к концу...
>
> Сегодня свободолюбивые люди всего мира празднуют победу; они гордятся тем, чего смогли добиться наши объединенные силы. Мы отдаем дань и тем, кто завоевал нам свободу ценою собственной жизни.

На острове Гуам, недалеко от моего штаба, в зеленой долине есть военное кладбище. Строгие ряды белых крестов стоят как напоминание о той дорогой цене, что мы заплатили за победу. На этих крестах — имена американских солдат, моряков и пехотинцев. Кулпеппер, Томаино, Свини, Бромберг, Депью, Меллоу, Понциани. Эти имена — срез нашей демократии. Они сражались вместе, как братья; они вместе погибли и спят теперь бок о бок. У нас есть священная обязанность перед ними — обязанность сделать так, чтобы их жертва не стала напрасной. Мы должны построить лучший, безопасный мир.

Сейчас перед нами встают великие задачи строительства и восстановления. Я твердо уверен в том, что в решении этих задач мы сможем проявить те же мастерство, изобретательность и остроту мышления, которые мы проявили, чтобы выиграть войну».

Перед обедом Нимиц вернулся в каюту, чтобы написать, как обычно, ежедневное письмо Кэтрин. Он писал на обороте отпечатанной программы церемонии принятия капитуляции:

«Любимая. Великий момент настал; японцы подписали официальные условия капитуляции. Все прошло по расписанию, минута в минуту; церемония началась ровно в 9:00 утра по местному времени. Журналисты прибыли на эсминце, когда еще не было восьми часов. За ними другой эсминец привез всех гостей, за исключением личной группы верховного командующего — она прибыла в 8:30. Не знаю, как я смогу описать то, что происходило, или почему я должен пытаться это сделать: в этот момент там присутствовали почти 200 корреспондентов, которые напечатали и передали по радио уже тысячи описаний, которые читали и слышали и ты, и все наши дети, где бы они ни находились. Многие наши офицеры, которые еще в море, прилетели самолетами. Среди них был Шефрот; он просил передать в письме наилучшие пожелания тебе и Мэри.

К счастью, непогода, стоявшая последние 2 дня, сменилась чистым, хотя и с облаками, небом.

Необыкновенную радость доставили мне твои чудесные письма от 23 и 24 августа. Я получил их вчера вечером вместе с приложениями, которые доставил с Гуама один из наших офицеров вместе с важной почтой. Письмо от 24 августа дошло быстро — всего за 7 дней, от Беркли до Токийского залива.

Пора заканчивать. Предан всем сердцем. Люблю и целую, моя милая».

С другой стороны листа, под печатным текстом, Нимиц добавил:

«Каждая башенка, каждая удобная точка была занята репортерами, в том числе и местных, японских газет, и офицерами и членами командования, которые смогли найти, куда встать. Когда пришло время подписывать, я очень волновался, однако все же подписал в нужном месте. Один из тех, кто подписывался, ошибся. Первый экземпляр подписан золотой дареной "ручкой Ву", а второй — моим старым зеленым "паркером"[1]».

После обеда адмирал Нимиц и его группа вышли на берег для заключительного визита. Они поднялись на борт «Микасы», флагманского корабля адмирала Того, на котором он в 1905 году практически истребил русский флот в битве при Цусиме. Корабль, заключенный в бетон на военно-морской безе Йокосука, сохранялся как национальный памятник. Хэлси уже был здесь и реквизировал флаг, который отослал адмиралу Кингу, чтобы тот передал его русским как трофей.

Нимиц испытывал противоречивые чувства. Он вспоминал время — много лет назад, когда он встретил победоносного Того, свое восхищение старым морским волком, свое присутствие на похоронах адмирала. Он приказал морской пехоте разместиться на палубе «Микасы», чтобы корабль не повредили и не разграбили

---

[1] Объяснение миссис Нимиц: «Ручка, названная им "ручкой Ву", была подарена нашими большими друзьями И.К. и Экингом Ву. Другая — 50-центовая паркеровская ручка, которую он купил во время наших путешествий на лодке, привозившей еду. Она сейчас в музее Военно-морской академии».

моряки и пехотинцы, оккупировавшие его в поисках сувениров. Перед тем как оставить судно, Нимиц уговорил нескольких ветеранов, остававшихся на корабле, поговорить с ним через капитана Лейтона.

В сопровождении нескольких джипов, полных пехотинцев, группа адмирала отправилась на машине вниз по дороге — посмотреть окрестности и посетить колоссального бронзового Будду в Камакуре. Каждый раз, когда водитель сигналил, крестьяне падали на колени и закрывали глаза.

«Зачем они это делают?» — спросил Нимиц. Никто не знал; тогда адмирал остановил караван и послал Лейтона узнать. Ему объяснили, что в Японии только у императора был электрический клаксон, как у пехотинцев. Этот звук был сигналом того, что приближается бог-император, и набожные японцы падали на колени и закрывали глаза.

Когда группа подъехала к военному госпиталю, Нимиц решил, что посетит больных и раненых японских военных — так же, как он часто навещал американских солдат, матросов и пехотинцев. Дружественный жест адмирала имел обратный эффект. Пациенты, узнав, что к ним направляется американский военачальник, онемели от страха.

На следующее утро, 3 сентября, адмирал Нимиц и его группа улетели обратно на Гуам. Когда самолет набрал высоту, они увидели сначала скопления американских и британских судов в Токийском заливе, затем другие суда, в том числе авианосцы, в заливе Сагами. Несколькими часами позже они увидели внизу военную базу Гуама. Меньше года прошло с тех пор, как истерзанное, разоренное поле боя превратилось в полную энергии и движения базу, вдоль и поперек исчерченную многочисленными новыми шоссе, которые связывали Апра-Харбор с аэродромами.

Флот и эта база были свидетельствами развития вооруженных сил, распространивших свою мощь за пределы США. Сила, достигшая своей цели в победе над Японией, неминуемо должна была ослабнуть. Адмирал Нимиц летел назад. Через несколько дней, во время которых адмирал закончил свои дела на Гуаме, он вернулся в Перл-Харбор. Он никогда больше не увидел Гуам.

Глава 24

От ГТЭ к КМО

Министр Форрестол всегда ревностно следил за тем, чтобы флот получал должное признание. Он привел в действие все известные ему пружины, чтобы сделать возвращение адмирала Нимица не менее торжественным, чем встреча, ранее организованная армией генералу Дуайту Эйзенхауэру и Джонатану Уэйнрайту. Главным образом благодаря усилиям Форрестола 5 октября 1945 года было объявлено в Вашингтоне «Днем Нимица». В этот день адмирал должен был обратиться к объединенной сессии Конгресса, удостоиться парада в свою честь и принять награду из рук президента. Приглашения присутствовать на церемониях приходили адмиралу отовсюду. Нимиц выбрал приглашения, пришедшие из Сан-Франциско и Нью-Йорка, а также из техасских городов — Далласа, Остина, Кервилля и Фридрихсбурга.

Когда судно «Миссури» на пути из Токио в Норфолк сделало остановку в Перл-Харборе, с его верхней палубы сняли огнеупорную краску, чтобы снова открыть ее прекрасное тиковое дерево. Это было сделано

по просьбе адмирала. Ему также вручили круглую пластину с изображением штаба главнокомандующего Тихоокеанским флотом; он отослал ее с кораблем домой, чтобы отлить из бронзы и вделать в его открытую палубу, где стоял стол, за которым был подписан акт капитуляции. Ожидалось, что во время возвращения адмирал поднимется на борт линейного корабля в Норфолке, проведет его к берегу и войдет в бухту Нью-Йорка под своим флагом, развевающимся на мачте. Когда президент Трумэн узнал об этом проекте, он немедленно запретил его. Президент собирался сам, в связи с празднествами в Нью-Йорке по случаю Дня Флота, принять парад на палубе «Миссури» и выступить с речью, стоя на его мостике. Президент не собирался позволить Нимицу воспользоваться своим замыслом.

Адмирал Нимиц, без сомнения, думал о триумфальном возвращении и предполагаемом выступлении на «Миссури» со сложными чувствами. Хотя ему и хотелось, чтобы его заслуги было оценены по достоинству, адмирал был не из тех, кто ищет славы. Например, когда в начале 1945 г. отдел по связям с общественностью ВМС высказал предположение об увеличении личной популярности Нимица с тем, чтобы компенсировать популярность, которой пользовался колоритный Макартур, Нимиц отказался наотрез. «Любой план по увеличению моей популярности,— сказал он,— идет вразрез с моими планами ведения военных действий в Тихом океане и не заслужит одобрения — моего или г-на Форрестола».

Тем не менее, когда внимание общества оказалось полностью обращенным на Макартура как командующего высадкой десанта в Японии, ответственного за проведение церемонии подписания капитуляции и как главнокомандующего оккупационными силами в Европе, Нимиц и Форрестол решили, что американскому обществу следует напомнить, что поражение Японии было главным образом заслугой флота. Нимиц намеревался показать, что он участвовал в парадах и принимал другие почести только как представитель и символ победоносных военно-морских сил США. Он полагал особенно важным, чтобы «Миссури» прибыл в крупнейший город Америки с одним только флагом адмирала на мачте. Когда бывший

артиллерийский капитан Трумэн приказал Нимицу держаться подальше от «Миссури», тот пришел в ярость.

Самолет адмирала Нимица прилетел из Перл-Харбора в Окленд, Калифорния, во вторник 2 октября. С адмиралом были коммандер Ламар, от личных услуг которого Нимиц все больше зависел, и контр-адмирал Форрест Шерман, на чьи советы он всегда полагался в такой степени, что считал, что Шерман должен разделить с ним всеобщее внимание. В аэропорту их встречала миссис Нимиц. Предвидя, что ради следующего назначения Честера им придется ехать в Вашингтон, она отправила туда Мэри заранее, чтобы та присоединилась там к сестрам и поступила в Национальную соборную школу.

В Сан-Франциско официального парада не было, но путь, по которому ехала машина адмирала, был хорошо известен. Проезд адмиральского автомобиля сопровождали аплодисменты тысяч людей. В Сити-Холле, перед огромной толпой народа, Дэн Халлаер, президент Совета попечителей и действующий мэр, вручил Нимицу ключ от города. «Чего бы не дал за этот ключ Ямамото?» — сказал адмирал.

Отвечая на приветственную речь губернатора Эрла Уоррена, Нимиц коснулся всех четырех тем, о которых он должен был говорить во время своего возвращения снова и снова: о решающей роли флота в деле поражения Японии; о том, что японцы просили мира до того, как были сброшены атомные бомбы; о необходимости разработки нового вооружения для флота и о безусловной необходимости содержания мощных военно-морских сил. «Новое оружие — такое, как атомная бомба,— сказал адмирал,— может изменить характер войны, но не изменит того факта, что мы должны контролировать море. Сейчас мы способны на такой контроль. Сейчас у нас есть силы и средства. Мы должны сохранить их».

Миссис Нимиц присоединилась к группе адмирала для полета в Вашингтон, где самолет приземлился на военной базе Анакостиа около полудня пятницы 5 октября. Их ждали Нэнси, Кейт и Мэри. Мэри предоставили в школе выходной, и она могла принять участие в чествовании отца. С аэродрома Нимица отвезли в Капитолий, где он должен был выступить с обращением к Конгрессу.

Когда министр военно-морских сил вошел в палату, сенаторы и представители поднялись и приветствовали его. Форрестол, не глядя по сторонам, прошел прямо к своему месту. Это был день Нимица; министр не принимал аплодисментов на свой счет.

Выступая перед Конгрессом, Нимиц развил свои темы. К поражению Японии привели не атомная бомбардировка и не приход русских, настаивал он. Японцы просили мира еще до этого, поскольку Япония — «морская страна, зависящая от поставок продовольствия и материалов из-за моря, была уже лишена своей морской силы». Соединенные Штаты, обладающие самым мощным морским флотом в мире, не должны «почивать на лаврах и потерять его».

«Давайте развивать нашу дружбу со всеми,— сказал он в заключение,— но давайте убедимся, что наша оливковая ветвь посажена в почву, богато удобренную ураном-235. Это, настаиваю, не цинизм, а то, что у нас — в Техасе и на флоте — называется здравым смыслом».

После окончания речи Нимиц, сидя на заднем сиденье машины, начал парад — вдоль Пенсильвания-авеню и авеню Конституции, к памятнику Вашингтону. Его приветствовали полмиллиона жителей Вашингтона, которые вышли по этому случаю из магазинов, школ и контор. Руководство флота позаботилось о том, чтобы эта встреча стала величайшим праздником в честь победы. 2000 портретов Нимица было расклеено по всему городу. Девять кораблей ветеранов войны в Тихом океане, стояли на якоре на Потомаке открытые для посещения. Тысяча истребителей и бомбардировщиков пролетели над парадом; одна эскадрилья оставила после себя красные, белые и синие дымовые шлейфы. В колонне — здесь же были тягачи, тащившие взятые в плен японские самолеты,— шли части курсантов военно-морских училищ, морских пехотинцев, судовых фельдшеров, «спаров»[1], «уэйвз»[2], а также ветераны каждого военно-морского сражения — от Яванского моря до Окинавы.

---

[1] Спар — член женского запаса береговой охраны.

[2] «Уэйвз» — женщины на флоте. Официальное название — «Женщины на добровольной чрезвычайной службе». Органи-

Президент не разрешил Нимицу прибыть в Нью-Йорк на «Миссури», однако флот позаботился о том, чтобы адмирал получил достаточно похожее факсимильное изображение палубы «Миссури» как трибуны принимающего парад у памятника Вашингтону. Здесь адмирал произнес свою вторую за этот день речь. «Возможно, не так уж сложно предсказать, что нынешний момент будет рассматриваться историей не как окончание затяжного и принесшего много бед конфликта,— сказал он,— а как начало новой атомной эры».

От памятника Нимиц отправился в розовый сад Белого дома, где президент Трумэн вручил ему третью медаль «За выдающиеся заслуги»[1]. Вечером Нимица чествовали на ужине, на котором присутствовали крупные военачальники страны. Адмирал заметил: «Здесь есть все, что нужно для небольшой войны».

Утром следующего дня адмирал Нимиц посетил Военно-морское министерство, чтобы выразить уважение министру Форрестолу, а также выяснить, каковы планы министерства касательно его будущего. Адмирал сказал Форрестолу, что хотел бы стать преемником адмирала Кинга на посту командующего морскими операциями (КМО). Форрестол уважал Нимица как личность и ценил его как представителя флота, но назначить его на пост КМО — это было бы слишком. Он потратил на борьбу с Кингом полтора года, и теперь у него не было ни малей-

---

зация, созданная в 1942 г. как добровольная вспомогательная служба Военно-морских сил. Во время войны члены организации имели такой же статус, как военнослужащие-мужчины, однако по закону, действовавшему до 1944 г., могли нести службу только в континентальной части страны, а также на Аляске и Гавайях. Большая часть женщин — членов этой организации служила на военных кораблях. В 1948 г. организация стала частью ВМС США.

[1] Высшая небоевая военная награда США, которой награждаются военнослужащие всех родов войск за примерное выполнение служебного долга. Учреждена в 1918 г. для военнослужащих сухопутных войск, а с 1919 г. — и для военных моряков. С 1942 г. награждаются также моряки торгового флота, совершившие боевые подвиги. Присваивается в военное и мирное время. В военное время могут награждаться и иностранцы.

шего желания получить еще одного командующего, который мог бы оказаться менее тупым и неповоротливым, чем Кинг, но зато более упрямым в защите своих убеждений.

Форрестол сказал Нимицу, что, как он полагает, для Нимица было бы ошибкой занять пост командующего морскими операциями, так как в этом случае он рисковал бы потерять часть той репутации, которую он приобрел как удачливый командир. Он предложил адмиралу занять пост председателя Совета генералов или продолжать службу в звании главнокомандующего Тихоокеанским флотом. Нимиц ответил, что продолжает придерживаться своего первоначального выбора.

Форрестол попытался зайти с другой стороны. Он сказал, что, на его взгляд, существуют области, в которых адмирал Нимиц был бы несравненно полезнее флоту, чем будучи связанным рутиной такого изнурительного, требующего кропотливой работы поста, как командующий военными операциями. Нимиц ответил, что он полностью отдает себе отчет в том, как трудна может быть эта работа, но он все равно хочет получить ее и уверен, что может хорошо с ней справиться. Так как ни один из них не отступился от своего, разговор окончился вежливым тупиком.

Вечер того дня Нимиц провел с семьей, в квартире дочерей на Ку-стрит, 2222; они разговаривали и слушали симфонические записи. В течение следующих двух дней, субботы и воскресенья, он навещал старых друзей, большей частью военно-морских офицеров, и просил их, если представится возможность, замолвить за него словечко перед Форрестолом. Беседы с офицерами завершили переход Нимица от поддержки идеи объединения вооруженных сил, которую одобряли президент и армия, к ее резкому неприятию.

Объединение вооруженных сил Тихого океана по инициативе самого адмирала вызвало критику со стороны адмирала Тауэрса и генералов Ричардсона, Маршалла, Арнольда и некоторых других, но явно увенчалось безусловным успехом. Объединенные Центрально-Тихоокеанские вооруженные силы, в состав которых входили надводные средства, подводные, наземные войска и воздушные силы, ликвидировали опасность, угрожавшую

коммуникационным линиям США—Австралия, захватывали базы на всем Тихом океане, изолировали Японию и, наконец, блокадой и бомбардировками принудили японцев к сдаче.

Нимиц успешно опробовал модель объединения. Почему бы не применить ее в масштабе всей страны? В декабре 1944 г. он фактически рекомендовал Объединенному комитету: «Я поддерживаю идею выдвижения единого министра вооруженных сил при полном устранении гражданских министров армии, флота и ВВС... Более целесообразно наличие единого министра вооруженных сил, который имел бы все полномочия и нес бы ответственность за издание директив».

Движение в сторону разделения вооруженных сил, наметившееся предшествующей весной, и вероятность того, что Макартур может присвоить ведущую стратегическую роль на Тихом океане, заставили Нимица пересмотреть свою точку зрения. Генерал не мог ни по достоинству оценить, ни понять стратегии Кинга—Нимица — стратегии пересечения центра. Если бы он взял в свои руки верховное командование, то он бы, вероятно, свел роль Тихоокеанского флота к прикрытию и поддержке. Для Нимица такая перспектива представляла главную опасность, которой было чревато всеобщее объединение. Всесильный, могущественный командующий, вероятно, будет представлять определенный род войск и понимать его функции лучше, чем все остальные, и таким образом оказывать ему поддержку — за счет общего равновесия. Будет лучше, решил Нимиц, если войска останутся разделенными; так они смогут исправлять ошибки друг друга. Как бы то ни было, зачем менять военную структуру, которая доказала свою эффективность, нанеся поражение Италии, Германии и Японии?

Утром 9 октября, во вторник, «группа Нимица» приземлилась в Нью-Йорке. В аэропорту Ла Гуарда прибывших приветствовал среди прочих коммандер Честер Нимиц-младший. Адмирала отвезли на машине по Ист-Ривер-райв в южный конец Манхэттена. Отсюда, сидя в открытом автомобиле, он возглавил мотоколонну ветера-

нов, которые получили орден Почета[1], сражаясь под его командованием. На Бродвее четыре миллиона нью-йоркцев приветствовали приезд адмирала. Другие жители города устроили настоящую снежную бурю, высыпав из окон зданий 274 тонны конфетти, серпантина и другой бумаги. «Я ошеломлен, — говорил Нимиц. — Думаю, мне это снится».

В Сити-Холле адмирал был гудком приглашен на «борт» огромной модели корабельного носа. Мэр города, Фиорелло Ла Гарда, приветствовал его и вручил ему золотую Почетную медаль города, а также удостоверение Почетного гражданина Нью-Йорка. Обращаясь к тридцати пяти тысячам человек, собравшимся в Сити-Холл-Плаза, Нимиц повторил свое заявление о необходимости поддерживать «достаточно сильный флот, чтобы быть уверенными в том, что мы будем жить в мире».

«Мы должны сделать неоспоримым — и сейчас, и в будущем — тот факт, что мирной жизни ничто не угрожает, — сказал он. — Мы обязаны быть сильными. Никогда больше мы не должны допускать опасность, которую навлекает слабость. Это наш долг перед теми, кто сражался на войне, и перед молодыми — теми, кто взрослеет в наши дни».

После парада адмирал Нимиц, кавалеры Почетной медали и некоторые соученики адмирала по Военно-морской академии были приглашены мэром на фуршет. В тот вечер в танцевальном зале гостиницы «Уолдорф-Астория» две тысячи приглашенных (заплативших по 15 долларов за блюдо) чествовали адмирала. Нимиц, представленный гостям Нельсоном Рокфеллером, предварил свое серьезное выступление стихами, которые написал капитан флота Уильям Гордон Бичер — речь вымышленного моряка по имени Патси Маккой:

---

[1] Почетная медаль Конгресса, высшая военная награда в США; учреждена в период Гражданской войны в 1862 г., вручается президентом США от имени Конгресса. Представляет собой бронзовую звезду, обрамленную лавровым венком, покрытым зеленой эмалью. Существует в двух вариантах — для сухопутных сил и ВВС и для ВМС и морской пехоты. Во время II Мировой войны эту награду получили около 500 человек.

Я, и Патси, и Нимиц
Точно выгнали япошек вон.
Они удрали от нас в старый Нагасаки...
Сейчас у меня, и Хаксли, и Нимица
Прекрасная жизнь.
То, что мы не стерли с лица земли
Бомбами и стрельбой,
Уместится на 10-центовой монетке.
Я, и Хаксли, и Нимиц
Стоим на якоре в Токийском заливе.
Здесь все просто забито
американскими кораблями...
Мы никогда не позволим им
Снова начать войну.
Ведь мы живем в стране,
Где миллионы таких,
Как Нимиц, и Хаксли, и я.

На следующее утро адмирал Нимиц в первый раз выступил с речью по телевидению; передача транслировалась в госпитали, где лежали раненые ветераны. Затем «группа Нимица» вернулась в Вашингтон, где на следующий день адмирал встретился с морским министром и нашел его более податливым. Такая перемена, как кажется, произошла главным образом благодаря поддержке, которой Нимиц заручился во время своих воскресных визитов. Карл Винсон, могущественный председатель комитета Палаты представителей по делам ВМС, переговорил с Форрестолом — вероятнее всего, по телефону. Адмирал Кинг выразил свое одобрение кандидатуры Нимица письмом, заявляя, что Нимиц — «офицер, наибо-

---

Среди награжденных был Д. Эйзенхауэр, но он отказался принять медаль, заявив, что не заслужил ее. Награжденным этой медалью по достижении 65-летнего возраста выплачивалась пенсия в размере 10 долларов в месяц — по ставкам 1861 г. На основании решения Конгресса 1964 г. по достижении 40-летнего возраста они имели право на ежемесячное пособие (100 долларов).

лее подходящий» на должность КМО. Это было давление такого рода, сопротивляться которому Форрестол не мог. В его дневнике среди прочих есть запись от среды 10 октября:

> «Сегодня я говорил с адмиралом Нимицем о нашей беседе, происходившей с прошлую субботу и касавшейся его будущих обязанностей. Я сказал, что если он желает стать преемником Кинга, я буду рекомендовать его президенту, при следующих условиях: 1) состав его штаба будет приемлемым для нас обоих; 2) срок его нахождения на должности будет ограничен двумя годами; 3) он подпишет общие положения концепции организации морского министерства так, как они сформулированы в новом документе».

Адмирал Нимиц с готовностью принял условия Форрестола. Он сказал, что не хочет оставаться на должности более двух лет, что он обязательно представит выбранных им членов штаба министру и полностью подпишет положения новой организации, согласно которой КМО не будет одновременно являться командующим флотом и не сможет больше действовать в обход министра ВМС и подчиняться непосредственно президенту, как это постоянно делал адмирал Кинг.

Во вторник вечером, когда коммандер Ламар укладывал вещи Нимица — адмирал собирался в Даллас, где также были намечены торжества по случаю победы — позвонил Линдон Джонсон. Он спросил, может ли он полететь вместе с Нимицем. Нимиц пригласил его присоединиться. Самолет, на борту которого были «группа Нимица» и Джонсон, взлетел в полночь.

В Далласе адмирала Нимица приветствовали мэр Вуделл Роджерс и губернатор Техаса Коук Стивенсон. После церемонии, завтрака и парада «группа Нимица» в сопровождении конгрессмена Джонсона и губернатора Стивенсона вылетела в Остин. Здесь отцы города, опасаясь, что парад будет продолжаться уже в темноте,

развесили на пути следования адмиральского кортежа 10 000 рождественских лампочек — за два месяца до срока. Вечером Джонсон представил адмирала Нимица в кампусе Техасского университета.

В субботу, 13 числа, «группа Нимица», все еще сопровождаемая Джонсоном, отправилась в Керрвилль на «представительском» лимузине. В нескольких милях от Керрвилля их встретила толпа пастухов и владельцев ранчо верхом на лошадях и горожан, ехавших в старинных колясках и на других средствах передвижения. Они настояли на том, что Нимиц должен въехать в город так, как бывало 50 лет назад — на тележке, в которую впряжена пара чалых лошадей. Усмехаясь, Нимиц вылез из лимузина и забрался в телегу вместе с губернатором Стивенсоном, который взял вожжи. Миссис Нимиц уселась сзади, рядом расположились контр-адмирал Шерман и контр-адмирал Гарольд Миллер, служащий Отдела по связям с общественностью морского министерства. Нимиц сдержал обещание, данное им при отъезде в Аннаполис в 1901 г. — о том, что однажды он вернется адмиралом.

На открытой церемонии адмирала Нимица приветствовали в числе прочих двое учителей, готовивших его к экзаменам в Аннаполисе: Сьюзен Мур и Джон Толанд; оба уже давно были на пенсии. Адмирал сердечно пожал им руки и выразил признательность за помощь. Адмиралу, к его великому удовольствию, был наконец вручен диплом средней школы, который он когда-то не получил, поскольку уехал из города до выпуска. «Он заслужил его, — заметил 80-летний Толанд. — Он был и остается прекрасным учеником и положительной личностью».

Фридрихсберг, родина адмирала Нимица, не пожалел ничего, чтобы подготовить ослепительную встречу своему любимому сыну. На Джиллспай-Каунти-лайн он был встречен местными офицерами и родственниками. На границе города, куда он прибыл по расписанию в два часа дня, его приветствовал мэр Джо Молберг и другие официальные лица города; маленькая дочь офицера, умер-

шего в японском концлагере, вручила адмиралу ключ от города. Около восстановленного «Нимиц-Отеля» адмирал сел на заднее сиденье открытого «Бьюика» и, сопровождаемый почетным караулом из студентов Техасского университета, возглавил парад по Мейн-Стрит. Среди множества частей, следовавших за автомобилем адмирала, было не менее семи оркестров, в том числе военно-морской оркестр авиабазы ВМС Корпус-Кристи[1] и военный оркестр Форт-Сэм Хьюстон[2]. Самолеты Корпус-Кристи образовали над головой ревущий щит. Везде были флаги и транспаранты с надписью «Добро пожаловать домой, Честер».

Нимиц принимал парад с платформы, построенной над ступенями здания суда. Потом последовала официальная церемония, во время которой губернатор Стивенсон представил адмирала, после чего вручил ему удостоверение в рамке; удостоверением Нимиц утверждался в должности «Адмирал ВМС Техаса». По этому поводу Нимиц сказал: «Во время переговоров о капитуляции в Токио мне не давала покоя мысль о том, что я не смогу убедить техасцев прекратить сражаться. Тем не менее соглашение между Токио и Остином было достигнуто...»

После церемонии Нимиц возложил венок у Мемориала в честь первых поселенцев, у алтаря, посвященного погибшим на Второй Мировой войне. Затем, в сопровождении ближайших родственников, адмирал отправился к месту своего рождения, на Ист-Мейн-стрит. Там он признался, что разочарован, не найдя на кухне старой банки для печенья, наполненной маленькими пряничками. В 5:30 адмирал вместе со своей группой присоединился

---

[1] Основана в 1941 г. Крупнейший учебный центр пилотов морской авиации. Находится в 8 милях от г. Корпус-Кристи.

[2] Находится в г. Сан-Антонио, штат Техас; военная база, штаб Пятой армии сухопутных войск США. Форт назван в честь первого губернатора штата Техас С. Хьюстона. Здесь же в 1920-х гг. находилась первая авиационная часть сухопутных войск. (*Прим. ред.*)

к прибывшим сановникам и своим дядьям, теткам и двоюродным родственникам за ужином в «Нимиц-Отеле». Ламар был несколько шокирован, как во Фредериксбурге и в других местах фермеры и мелкие торговцы обращались к «его» адмиралу по имени, однако Нимиц выглядел весьма довольным. В 8.00 Нимиц и его «группа» отправились в Остин, где поднялись на борт адмиральского самолета, чтобы совершить ночной перелет в Сан-Франциско.

Несмотря на то, что адмирал Нимиц провел в Сан-Франциско 4 дня, ему удалось избежать упоминания в газетах о своем присутствии. Адмирал Хэлси и часть его Третьего флота прибыли в Сан-Франциско с Тихого океана 15 октября. Нимиц очень беспокоился о том, чтобы ничто не отвлекло ни малейшего внимания от того, чтобы приветствовать Билла дома.

18 числа Нимиц снова был в Перл-Харборе. Во время его отсутствия совет офицеров, который он назначил, усиленно работал над рапортом адмиралу Кингу. Кинг возлагал надежды на «равномерный флот», то есть флот, где было равное количество кораблей всех типов. Но поскольку он не знал точно, какими характеристиками обладает каждый тип корабля, он просил членов штаба главнокомандующего Тихоокеанской эскадрой дать рекомендации, основываясь на боевом опыте войны в Тихом океане.

Во время обсуждения, предшествующего работе, Нимиц и его совет согласовали общие вопросы. Когда Нимиц вернулся из своего тура, посвященного победе, совет уже составил приблизительный проект. Нимиц внимательно изучил его, делая на полях заметки, главным образом технического характера. Любопытно, что с согласия Нимица совет рекомендовал оставить на вооружении авианосцы класса «Эссекс» и «Мидуэй», хотя последний, с его деревянной полетной палубой, не лучшим образом показал себя во время атак камикадзе в Окинаве. Более того, совет и Нимиц выразили убеждение, что «Айова» — класс быстроходных линейных кораблей — необходим для сопровождения авианосцев.

Что касается многоцелевых крейсеров и эсминцев, в рапорте было рекомендовано избегать понятного соблазна ставить на корабли слишком сложное оборудование. Корабли такого типа, говорилось в рапорте, должны быть по возможности простыми, чтобы они могли послужить моделью для кораблей, которые могут быть построены позже для настоящего сражения.

Особый акцент был сделан на подводных лодках — не потому, что они с наибольшей вероятностью должны были стать хребтом флота, а потому, что во время Второй Мировой войны они использовали далеко не весь свой потенциал, главным образом из-за недостаточной скорости и непрочности, что проявлялось при погружении в воду. Строго говоря, тогдашняя подводная лодка называлась подводной лодкой не совсем верно; это было способное погружаться в воду надводное судно, медлительное и уязвимое во время своих сравнительно недолгих погружений. Немцы достигли некоторого успеха в разработке настоящей субмарины; сначала они использовали шноркельные трубы для подачи воздуха к дизельным двигателям, а затем была разработана закрытая система, где вместо воздуха использовалась перекись водорода для подачи кислорода к месту сгорания топлива. Рапорт главнокомандующего Тихоокеанским флотом настоятельно рекомендовал дальнейшие исследования, касающиеся улучшения обтекаемости и укрепления корпуса, что должно было повысить скорость и безопасность при нахождении под водой. Следовало также проводить больше экспериментов, направленных на увеличение периодов погружения лодки.

Нимиц, Кинг и Форрестол передали для опубликования свои заявления, посвященные Дню Военно-морского флота, с призывом поддерживать «самые мощные Военно-морские силы, которые когда-либо знал мир». Нимиц впоследствии узнал, что Трумэн так и не воспользовался «Миссури». Он принял морской парад с борта эсминца и зачитал обращение, посвященное Дню Флота, перед огромной аудиторией в Центральном парке Нью-Йорка. Нимицу и другим флотским офицерам

стало ясно, что в Белом доме больше нет людей, сочувствующих флоту,— каким был Франклин Рузвельт в конце своего правления. Гарри Трумэн, хваля генерала Маршалла, в последнее время пробовал свои силы на людях в синем с золотом. «Маршаллу,— говорил он,— удалось убедить флот сотрудничать с армией». Это был дурной знак.

Примерно в это же время Перл-Харбора достигли слухи о том, что министр Форрестол собирается нарушить свое обещание рекомендовать адмирала Нимица на должность командующего морскими операциями. Небольшая заметка в «Нью-Йорк Таймс» от 1 ноября как будто подтверждала эту информацию: «Сегодня вечером «Бюллетень армии и флота» сообщил, что адмирал Нимиц станет преемником адмирала Кинга на посту КМО. В журнале говорится, что в Конгрессе было соответствующее движение и велась работа по назначению Нимица на этот пост. «Бюллетень» добавляет, что адмирал Эдвардс — выбор министра Форрестолла, а адмирал Кинг поддерживает кандидатуру адмирала Спрюэнса, командующего Пятым флотом». Поскольку Нимиц был уверен, что адмирал Кинг не будет рекомендовать никого, кроме него, Нимица, как своего преемника, он был поражен тем, как много веры было дано рассказам о том, что Форрестол изменил мнение.

Как бы то ни было, Нимиц был не из тех, кто может предоставить событиям развиваться самим по себе, если можно их контролировать. К счастью, через несколько дней после появления сообщения в «Таймс» в Гонолулу прибыл Уильям Уолдо Дрейк, который в начале войны отвечал за связи с общественностью в штабе Нимица. Теперь он был в команде Эдвина Паули, представителя президента Трумэна в Объединенной комиссии по репарациям.

Дрейк принял приглашение Нимица приехать в Перл-Харбор. Во время беседы адмирал упомянул, что говорил Форрестолу о своем желании быть командующим морскими операциями.

— Я не заметил у министра особого энтузиазма, — заключил он. — Я хотел бы знать, можете ли вы предложить что-то, что сможет мне помочь.

— По случаю могу, — ответил Дрейк. — Мой друг Эд Паули приезжает, чтобы вместе с нами сесть на самолет и лететь в Японию, а он — тот человек, который посадил Гарри Трумэна в Белый дом. Ему удалось получить назначение в Чикагскую конвенцию, а позже он стал вице-президентом. Думаю, что он — единственный человек, который мог бы вам помочь.

— Хорошо, — сказал Нимиц. — Пригласите его.

На следующий день Дрейк вернулся в Перл-Харбор, на этот раз в сопровождении Паули. Паули, проницательный политик и бизнесмен, бывший казначей Демократической партии, хотел посовещаться с Нимицем с глазу на глаз, прежде чем одобрить его кандидатуру. Он и адмирал приехали во владения Дэймона[1] на Канео-бич; здесь они могли быть одни. Во время затянувшейся беседы Нимиц убедил своего гостя в том, что он достоин поста командующего морскими операциями, что он обладает особенно высокой квалификацией, чтобы справиться с должностью. Паули отправился к телефону и сделал то, что могли бы сделать очень немногие. Он напрямую позвонил президенту Соединенных Штатов в Белый дом. Паули живо описал Трумэну просьбы и компетенцию Нимица. «Вы можете сами поговорить с ним, если желаете», — предложил он. Трумэн отказался. Затем, после короткого диалога, он сказал: «Я хотел бы помочь ему, Эд, но Форрестол утверждает, что этот человек упрям, как осел, что он не заслуживает этой должности и что он, Форрестол, не хочет, чтобы Нимиц за- нял ее».

Паули сделал последнюю попытку: «Я довольно хорошо знаю его, я долго с ним говорил. Думаю, что ему следовало бы занять эту должность».

---

[1] Журналист, писатель. Автор красочных описаний жизни Нью-Йорка и его обитателей — от актеров с Бродвея до гангстеров.

Трумэн снова уклонился от ответа, и разговор окончился. Нимиц был разочарован, но, по крайней мере, поддержка Паули не повредила ему.

В Вашингтоне армия, казалось, вовсю готовилась к объединению. Было запланировано выступление генерала Эйзенхауэра перед комитетом Сената по военным делам, в котором должны были прозвучать аргументы в пользу объединения. Генерал-лейтенант Джемс Дулиттл предстал перед Комитетом 9 ноября и дал волю критике; эта речь всколыхнула все Морское министерство. Дулиттл назвал воздушные силы первой линией обороны США и потребовал такой организации обороны, при которой воздушным силам отводилась бы роль, «по крайней мере» равная роли наземных и морских сил.

> «Адмирал Нимиц и адмирал Митшер — великие полководцы, — говорил Дулиттл, — но эта война была выиграна благодаря совместным действиям всех родов войск. Представители каждой из трех сил — морской, сухопутной и воздушной — сделали все, что было в их силах. Ответственность не лежала на ком-то одном из них. Я непоколебимо уверен в том, что отнюдь не морские силы принудили Японию просить мира, и не количество авианосцев выиграло войну.

Первый урок, преподанный Второй Мировой войной, продолжал Дулиттл, «состоит в том, что нельзя проиграть войну, если есть воздушная команда, и нельзя выиграть войну, если такой команды нет». Он согласился с тем, что базирующиеся на авианосцах самолеты должны оставаться в ведении флота, однако генерал настаивал, что сами авианосцы «постепенно устаревают, достигнув пика своей полезности». У авианосца, сказал генерал, есть две черты: «Во-первых, он может двигаться, во-вторых, его могут потопить. Если у нас будет воздушный флот должного уровня, авианосцы будут нам не нужны». Несколькими днями позже, как бы подчер-

кивая последнее замечание Дулиттла, B-29 совершил беспосадочный перелет в 8198 миль из Гуама в Вашингтон.

Руководители ВМС пришли к заключению, что адмирал Нимиц крайне необходим в Вашингтоне — как оратор, выступающий от имени флота. По требованию морского министерства адмирал поспешил обратно из Перл-Харбора и 17 ноября предстал перед Комитетом. Он выступает против единого Министерства вооруженных сил, сказал адмирал, так как слияние Военного министерства и морского министерства может затруднить развитие флота и сократить жизненно важную роль морских сил в деле обороны страны. Он не видит смысла в выделении воздушных сил в самостоятельный род войск; такое выделение, сказал адмирал, оправдано не более, чем выделение в самостоятельный род подводных сил. В конце концов, флот насчитывает 250 субмарин, и они сыграли необходимую — и практически независимую — роль в поражении Японии.

Адмирал Нимиц сказал, что мнение в поддержку слияния, которого он придерживался раньше, сформировалось у него потому, что он не имел возможности должным образом изучить вопрос. Он не стыдится перемены мнения, так как точка зрения, которой он сейчас придерживается, «выражает мои убеждения, основанные на накопленном опыте и изучении этой возможности, а также всего, что связано с этим вопросом сейчас». В заключение Нимиц сказал:

> «Ясно также и то, что поражение морских сил Японии и превосходство нашей морской мощи сыграли невероятно важную роль в достижении общего результата. Я уверен, что успех, приведший к нему, есть убедительное доказательство достоинств системы, при которой этот успех был достигнут. Это произошло гораздо быстрее, чем я считал возможным год назад. Уверен, что у нас должны быть очень веские основания — гораздо более веские, чем предложенные нам до сего момента, —

чтобы мы изменили систему, доказавшую такую эффективность. В том, как мы вели военные действия, я не вижу ошибок настолько тяжелых, чтобы исправить их могла только коренная реорганизация системы — реорганизация, предпринимаемая в то время, когда перед страной стоит много других сложных проблем.

Людям надо показать, что единое министерство превзойдет все достижения, к которым мы пришли во время тихоокеанских операций. Что до меня, то я уверен, что единое министерство не будет работать так эффективно, как работают два отдельных министерства, которые доказали свою способность формировать роды войск, потребные для ведения современной войны. Я также убежден, что слияние министерств сухопутных войск и морских сил не может помочь, а, возможно, станет помехой должному обеспечению и эффективному использованию наших морских сил».

После выступления Нимиц ненадолго встретился с представителями прессы. На вопрос о своих дальнейших действиях Нимиц ответил, что он собирается в Белый дом, чтобы нанести «очень личный» визит президенту Трумэну. Записей о том, как проходила беседа, не сохранилось, но очевидно, что Трумэн и Нимиц произвели друг на друга благоприятное впечатление. Каждый из них увидел собеседника честным, компетентным и чуждым притворства; между ними возникла теплая дружба. После смерти Нимица Трумэн, тогда уже бывший в отставке, написал: «Я с самого начала смотрел на адмирала Нимица как на человека, отличного от современников — как стратега, как руководителя и как личность. Я считал его равным генералу Джорджу Маршаллу — и как военного чиновника, и как государственного деятеля».

После визита в Белый дом адмирал Нимиц отправился в Чикаго, где в понедельник 19 ноября обратился

к съезду Американского легиона[1]. Коснувшись темы войны с Японией, адмирал сказал: «Флоту пришлось разрабатывать в этой войне новые методы, поскольку она шла на море, в стихии флота», однако захват баз был делом объединенных сил.

> «Что касается принципа объединения командования на фронте, то он вызывает у меня только самую горячую поддержку, — продолжил он. — В этом есть смысл. Такое объединение дает результаты. Это было продемонстрировано».

Нимиц представил съезду план в трех частях по сохранению «союза командования», принесшего победу на Тихом океане: 1) оставить объединенное командование штаба; 2) учредить Совет национальной безопасности, в который бы входили госсекретарь США, морской министр и военный министр, а также представители федеральных агентств по управлению национальными ресурсами — и человеческими, и материальными; 3) создать Независимый совет из известных всей стране граждан для изучения хотя бы всех «за» и «против» предполагаемого объединения. «Помните, — сказал адмирал, завершая речь, — что дискуссия должна вестись только о

---

[1] Военно-патриотическая общественно-политическая организация. Основана в 1919 г. с целью защиты интересов ветеранов Первой Мировой войны двадцатью офицерами — участниками боевых действий во Франции. После окончания Второй Мировой войны в организацию был открыт доступ ветеранам и этой войны, а позднее и ветеранам войны в Корее и Вьетнаме, то есть всех войн, в которых участвовали США. Проводит ежегодные съезды, на которых избираются Национальный исполнительный комитет и руководитель — «национальный командующий». Финансирует программы поддержки ветеранов-инвалидов и их семей, а также программы военно-спортивного воспитания молодежи. Легион — «против всех -измов», за «американские идеалы», против разоружения. С 1919 г. издает ежемесячник «Америкэн лиджен мэгэзин».

том, как лучше всего обеспечить безопасность нашей страны».

На следующий день, 20 ноября, президент Трумэн объявил назначения на посты в вооруженных силах. Генерал Эйзенхауэр стал преемником генерала Маршалла на посту начальника штаба армии. Адмирал Нимиц сменил адмирала Кинга на посту командующего морскими операциями. Генерал Джозеф Макнарни должен был занять пост Эйзенхауэра и стать командующим оккупационными силами в Европе. Адмирал Спрюэнс должен был стать преемником Нимица в должности главнокомандующего тихоокеанской эскадрой. Сенат утвердил все четыре назначения единогласно[1].

Переход от должностей главнокомандующего Тихоокеанским флотом и главнокомандующего Тихоокеанским военным округом к должности КМО — *два высших командования военно-морского флота* — налагал на Нимица колоссальные обязательства. Ему потребова-

---

[1] Подробности того, как Нимиц получал должность КМО, никогда не будут рассказаны. Теодор Тейлор открывает свою книгу «Великий Митшел» рассказом о том, как в воскресенье 18 ноября 1945 года министр Форрестол «неожиданно предложил Митшелу пост командующего морскими операциями», но Митшел отказался от назначения. Представляется, что приведенная дата ошибочна. В книге «Адмирал Кинг», в которой Кинг упомянут как соавтор Уайтхилла (стр. 636), находим следующее: «Поскольку г-н Форрестол не соглашался, чтобы Нимиц сменил Кинга, Кинг заставил себя написать письмо (23 ноября 1945 года), в котором он просил, чтобы его сменил адмирал Нимиц. Это письмо он собирался передать через министра Форрестола президенту Трумэну. Когда министр отказался подставить свою подпись на письме и передать его в Белый дом, Кинг лично отправился туда и обсудил этот вопрос с г-ном Трумэном. Трумэн без колебания согласился, что Нимиц должен занять этот пост». Здесь снова дата явно неверна.

Упомянуты слова адмирала Кинга о том, что если он не назначит Нимица командующим морскими операциями, ему придется объяснять, почему он не смог сделать это, американскому народу.

лось невероятно много времени, чтобы прояснить детали первого и подготовиться ко второму. Адмирал Кинг, прекрасно понимавший его положение, сообщил Нимицу, что тот может отложить переход к новым обязанностям на два месяца. «Но г-н Форрестол,— писал Кинг,— чрезвычайно разгневан всем этим. Он может отдать приказ о перестановках в командовании до 15 декабря 1945 года». Вероятнее всего, что Форрестол, враждовавший с Кингом с момента своего вступления в должность министра, не замедлил бы избавиться от своего упрямого командующего морскими операциями.

Нимиц поспешил обратно в Перл-Харбор. Адмирал Спрюэнс, которого 8 ноября сменил на посту командующего Пятым флотом адмирал Тауэрс, ожидал приказаний.

Адмирал Нимиц принял командование Тихоокеанским флотом на палубе подводной лодки и таким же образом передал его. Хотя в Перл-Харборе было достаточно палуб, Нимиц выбрал подлодку, как бы приветствуя своих подводников по случаю хорошо выполненного задания. 24 ноября на борту субмарины «Менаден» он передал Спрюэнсу обязанности главнокомандующего Тихоокеанским флотом и главнокомандующего Тихоокеанского военного округа. Он обещал Спрюэнсу, что постарается исхлопотать ему должность, в которой тот хотел закончить свою военно-морскую карьеру,— должность президента Высшего военно-морского колледжа[1].

---

[1] Занимается подготовкой старших офицеров ВМС по таким дисциплинам, как основы боевых действий, международные отношения, взаимодействие войск и др. Находится в г. Ньюпорте, шт. Род-Айленд; основан в 1884 г.
Так как вице-адмирал Уильям Ли покинул пост президента Военно-морского колледжа раньше, чем ожидалось, служба Спрюэнса в качестве ГТЭ-ГТО была сокращена. 1 февраля 1946 года он был сменен на этом посту адмиралом Тауэрсом, а 1 марта стал президентом Колледжа. Спрюэнсу пришлось принять президентские обязанности в марте 1946 г. — или он не получил бы их вовсе: его возраст приближался к пенсионному.

В Сан-Франциско Кэтрин Нимиц снова готовилась пересекать страну, на этот раз на автомобиле, с адмиралом Нимицем. Старенький «Крисси», семейный «крайслер», был подготовлен к очередному трансконтинентальному пробегу. Купленный на Западном побережье в 1938 г., «Крисси» отвез семью в Вашингтон на следующий год после того, как Нимиц был назначен руководителем Бюро навигации. В 1942 г. миссис Нимиц, Нэнси и Мэри приехали на нем на Запад.

Вечером накануне того дня, когда адмирал Нимиц должен был вернуться из Перл-Харбора, Кэтрин прошла в свой номер в гостинице «Фермонт», закрыла за собой дверь и не зажигая свет прошла к окну. Она смотрела на «Клермонт-Отель» в Беркли. Он зажег свои огни в первые дни войны. «Итак,— сказала она себе,— видимо, следующие несколько лет принесут немало трудностей, но мы с честью преодолеем их».

Она долго стояла у окна. Она думала о тех четырех годах, которые провела в работе на Западном побережье. Она думала о том, через что прошел Честер, и о том, что, как она знала, будет причиной его раздражения в Вашингтоне. Здесь, на Тихом океане, он был превосходным командиром, быстро принимая решения, которые никто не ставил под сомнение. Для него утомительно будет снова работать в морском министерстве, где каждое его движение будет предметом пристального изучения.

Кэтрин думала о том, что завтра утром, в десять часов, она встретит Честера у самолета. Она видела многих возвращавшихся домой после нескольких лет страшного напряжения; все они нуждались в отдыхе и в том, чтобы рядом с ними был кто-то, кто помог бы им в этом. Честер не сможет расслабиться. Он избавлялся от одного бремени лишь для того, чтобы взвалить на себя другое. Она надеялась только, что сумеет помочь ему. К счастью, их брак был необычайно удачным; они всегда успокаивали и поддерживали друг друга.

На этот раз адмирал Нимиц вернулся домой без всякой помпы. Вскоре после приземления самолета они с Кэтрин уже направлялись, сидя в «Крисси», на восток,

как любая другая американская семья во время долгого, утомительного путешествия. Кэтрин пожелала, чтобы Нэнси сменяла за рулем их с Честером — прошло много времени с тех пор, как они в последний раз пересекали страну на машине. Честеру же явно не хватало коммандера Ламара, всегда готового помочь во всем, всегда бывшего рядом с адмиралом, предугадывавшего его малейшую потребность. Но в конце войны у Ламара появилась «дикая» мысль, что он хочет служить в Китае, и адмирал Нимиц оказал ему любезность, организовав его отправку туда.

Когда Нимицы, очень уставшие, наконец приехали в Вашингтон, возможности отдохнуть у них не оказалось. Кэтрин и Честер готовились к переезду в большой дом на территории Военно-морской обсерватории[1], где по традиции размещалась резиденция КМО[2].

Адмирал Нимиц нанес визит адмиралу Кингу. Тот заверил его, что должность КМО — исключительно для него и что он, Кинг, никоим образом не станет вмешиваться. Более того, если министр ВМС будет спрашивать у Кинга каких-либо советов, Кинг немедленно сообщит Нимицу и о том, какой был вопрос, и о том, каков ответ.

15 декабря 1945 года в ходе простой церемонии передачи командования Нимиц стал командующим морскими операциями. Адмирал Кинг начал чтение; перед ним была целая кипа бумаг. Затем, как бы для того, чтобы ускорить ход процедуры, он начал пропускать куски своей речи. Когда он закончил, Нимиц принес присягу.

Кинг говорил: «Передавая пост КМО адмиралу Нимицу, я уверен, что передаю его в хорошие, надежные

---

[1] Астрономическая обсерватория и американский центр точного времени. Основана в 1833 в г. Вашингтоне, с 1955 находится в г. Флагстафе, шт. Аризона. Подчиняется непосредственно начальнику штаба ВМС.

[2] С 1974 этот дом используется как резиденция вице-президента США.

руки. Я уверен, что вы проявите по отношению к адмиралу Нимицу ту же лояльность и командный дух, как и по отношению ко мне». Поворачиваясь, чтобы пожать Нимицу руку, Кинг уронил всю кипу, и бумаги разлетелись.

Министр Форрестол сказал собравшимся — штабным офицерам и членам их семей: «Я не буду считать это грустным событием. Совсем наоборот». Затем, чтобы уверить своих слушателей, что он вовсе не имел в виду радость по поводу прощания с прежним командующим, Форрестол произнес короткую похвалу в адрес Кинга.

Нимиц повторил то, что он говорил журналистам после назначения на пост главнокомандующего Тихоокеанским флотом: «Я только что принял на себя огромную ответственность и сделаю все, чтобы оправдать доверие».

Глава 25

КОМАНДУЮЩИЙ МОРСКИМИ ОПЕРАЦИЯМИ

Когда адмирал Нимиц заступил на пост командующего морскими операциями, в самом разгаре был процесс против Чарльза Маквея, капитана «Индианаполиса». За последние сто с лишним лет не было случая, чтобы офицера ВМС США отдали под трибунал за гибель корабля во время операции. Нимиц и другие высокопоставленные офицеры резко осуждали суд, однако министр Форрестол чувствовал себя обязанным провести его — чтобы утихомирить прессу и удовлетворить семьи погибших. Пресса, успокоенная таким способом, нашла новый повод для заявлений, когда в Вашингтон для дачи свидетельских показаний привезли коммандера Мацухиро Хашимото, командира японской подлодки, потопившей «Индианаполис». Капитан Маквей обвинялся, во-первых, в том, что подверг судно риску из-за пренебрежения «зигзагом»[1], и, во-вторых, в несвоевременной

---

[1] Противолодочный маневр.

отдаче приказов покинуть корабль. Второе обвинение было снято, но по первому его признали виновным, несмотря на то, что Хашимото показал, что смог бы поразить «Индианаполис» независимо от того, маневрировал бы он или нет.

Утром 23 февраля 1946 года адмирал Нимиц принял журналистов у себя в Мей-Нэви Билдинг на Конституш-Авеню, чтобы сообщить об окончательном решении по делу «Индианаполиса». После раздачи экземпляров военно-морского «Изложения обстоятельств гибели «Индианаполиса»» Нимиц открыл пресс-конференцию заявлением: «У нас нет желания или намерения отрицать наши ошибки». Он объявил, что члены трибунала и судебные адвокаты рекомендовали проявить снисхождение к Маквею со стороны властей, и эта рекомендация была поддержана старшими офицерами, хорошо знакомыми с профессиональной биографией капитана. Морской министр, сказал Нимиц, «подтвердил эту рекомендацию и максимально смягчил наказание, освободив Маквея из-под ареста и восстановив его в должности».

Это было примерно то, чего ожидали журналисты. Один из журналистов спросил, не повредит ли этот суд карьере Маквея, несмотря на мягкий приговор. «Был ли в истории ВМС США случай, когда офицер, побывавший под трибуналом, смог дослужиться до адмиральского чина?»

Указав на себя, Нимиц усмехнулся и сказал: «Такой офицер — перед вами». К изумлению репортеров, он рассказал, как в 1908 году посадил на мель эсминец «Декатур», был отдан под трибунал и получил выговор.

Сенсационной новостью для журналистов стало упоминание в «Изложении...» о том, что четверо офицеров — командующий Филиппинской морской пограничной зоны и его штабной оператор, действующий начальник порта в Лейте и его штабной оператор — получили письменные выговоры в связи с делом «Индианаполиса». Поскольку капитан Маквей был оправдан, возникло предположение, что виновная сторона — это

четверо офицеров, получивших выговор, что они не доложили о неприбытии крейсера в порт только из-за своей халатности.

Это предположение не подтвердилось. Начальникам портов специальным письмом было дано указание не докладывать о прибытии военных судов. Было решено, что наблюдение за передвижениями военных кораблей не относится к обязанностям руководства портов. Следовательно, когда «Индианаполис» не пришел в Лейте, начальник порта решил, что судно было задержано в Гуаме или получило другую команду. После гибели «Индианаполиса» руководству портов было приказано докладывать как о потерявшемся о любом военном судне, которое не пришло в порт в течение восьми часов после предполагаемого времени прибытия.

После тщательного и несколько запоздалого изучения этого случая министр Форрестол отозвал все четыре выговора. Капитан Маквей все-таки стал контр-адмиралом, но лишь после увольнения из флота в 1949 г., в возрасте 51 года.

Работать более интенсивно, чем в первые месяцы пребывания на должности командующего морскими операциями, Нимицу случалось нечасто. Каждый день он приезжал в свой кабинет рано утром и часто оставался до позднего вечера все семь дней в неделю. Времени на долгие прогулки или другие занятия оставалось мало. Это было время «возвращения мальчиков домой», демобилизации и сокращения вооруженных сил такого быстрого и бессистемного, что Трумэн удачно назвал его «распадом». Потеря опытного, квалифицированного военно-морского штата делала необходимой постоянную реорганизацию. Флот держался за счет замен. Офицеры резерва флота и рядовые увольнялись в запас так быстро, что иногда было трудно отправлять корабли в порт на консервацию.

Конгресс, довольный тем, что монополия на атомную бомбу принадлежит Америке, так сократил средства, выделявшиеся на оборону, что даже в морском министерстве не хватало служащих. Секретари государственных

гражданских служб и чиновники, служившие у командующего морскими операциями ради своего нового руководителя, работали сверхурочно, без дополнительной оплаты, так что товарищи по работе стали ругать их штрейкбрехерами. Тогда Нимиц перевел своих служащих из гражданских служб в отделы, где они могли бы работать в обычном режиме, назначив вместо них членов «уэйвз».

К счастью для Нимица, у него была великолепная команда. Адмирал Дэвид Рамсэй, бывший руководитель Бюро аэронавтики, был его первым заместителем. Заместителями были вице-адмирал Форрест Шерман, отвечавший за операции, Луис Денфельд, занимавшийся вопросами персонала, Ричард Конноли, который решал административные вопросы, Роберт Карни решал административные вопросы, а Роберт Редфорд занимался вопросами авиации. Вице-адмирал Чарльз Локвуд, командовавший субмаринами Тихоокеанской эскадры, был проверяющим офицером[1].

Помимо этих высокопоставленных офицеров, в штабе Нимица были еще трое коммандеров, его помощников, чье присутствие было благотворно для его душевного равновесия. Двоих из них, Честера Брутона и Нила Дитриха, он «унаследовал» после адмирала Кинга. Основной обязанностью Брутона было отслеживать документы Объединенного штаба; Дитрих был секретарем адмирала, однако иногда оказывал Нимицу и помощь личного характера. Постоянно же такую помощь оказывал, по собственному выбору Нимица, Юджин Флаки, первоклассный подводник и кавалер Почетной медали. Скоро Флаки уже умел разбираться в нуждах адмирала так же хорошо, как некогда Ламар. К этому списку преданных помощников Нимица следует добавить имя мастер-сержанта[2] Джорджа Козарда, шофера. Постепенно Козард стал исполнять

---

[1] Инспектирует состояние дисциплины, боевой подготовки, имущества, финансовой отчетности, документации, и т.д. Во время проверки личный состав может обратиться к проверяющему с жалобой на действия командира, питание и т.п.

[2] Воинское звание между техником-сержантом и старшим мастером-сержантом в ВВС; в Сухопутных войсках и морской пехоте — то же, что первый сержант.

поручения помимо своих обязанностей, пока, наконец, не стал еще одним помощником адмирала. Он оставался с Нимицем до 1961 года (с одним перерывом), когда он уволился из морской пехоты.

Помехой в работе, с которой столкнулся адмирал Нимиц, стало внимание, следствие его славы. Поскольку первое время после войны офицеры еще должны были носить форму, Нимица легко узнавали и часто останавливали, чтобы взять у него автограф. Чтобы сэкономить время, он брал с собой Флаки, у которого были полные карманы карточек, готовых к раздаче, с уже поставленным автографом. Несколько раз в общественных местах адмирал попадал в настоящее окружение; главным образом это были женщины-обожательницы. Адмирал обнаружил, что, отправляясь с миссис Нимиц, к примеру, в кино, он должен надевать шляпу с широкими опущенными полями, которая почти полностью скрывала волосы и которую можно было надвинуть на глаза.

Худший из подобных случаев произошел в Канзас-Сити, где Нимиц произносил речь на губернаторском съезде. Когда он и Флаки выходили из зала, узнавшая его толпа прорвалась через полицейское оцепление и бросилась к адмиралу. Полицейские окружили Нимица, но люди снова прорвались, хватаясь за одежду Нимица. К этому времени Флаки уже почти втащил своего шефа назад, в здание. Преследуемые толпой, они пробежали по коридору, и Флаки втолкнул адмирала в мужской туалет, закрыв дверь.

Это остановило толпу, большую часть которой составляли женщины, но только на мгновение. Они внесли Флаки в помещение и бросились дальше, туда, где Нимиц предусмотрительно заперся в кабинке. Опасаясь, что толпа может выломать дверь, Нимиц встал на унитаз. Его голова показалась над дверью, и он произнес небольшую вежливую речь, обращаясь к дамам, взобравшимся на писсуары.

Неожиданно кто-то из присутствующих рассмеялся, и поскольку рассказ об этом происшествии быстро распространился по коридору, смех скоро охватил весь дом, и губернаторский съезд прервался на всю вторую половину

дня. Нимицу и Флаки удалось, наконец, выскользнуть из здания и бежать.

Во время своих поездок в качестве командующего морскими операциями адмирал должен был выступать с речами. Он не умел увлекать аудиторию, но его выступления были умны и приправлены юмором. Иногда ему приходилось произносить по две-три речи в день. Это давало постоянную работу спичрайтерам адмирала. Однако они бывали обескуражены привычкой адмирала быстро просмотреть написанное, затем отложить готовую речь в сторону и начать импровизировать. Собственно говоря, адмирал часто вообще не нуждался в подготовленных речах; ему нужны были несколько карточек с пометками, об организации, к которой он обращался, и с другими касающимися данного вопроса фактами, цифрами или мыслями. Он заглядывал в карточку и дальше говорил по памяти.

Несмотря на замечательную память адмирала, такая свободная система иногда приводила к неприятным казусам. Такая ошибка произошла во время выступления Нимица перед собранием одной из добровольных организаций, занимающихся нуждами служащих вооруженных сил США. Она была главным конкурентом более известной Объединенной организации обслуживания вооруженных сил[1] (ООВС).

В тот день Нимиц должен был произнести три речи. Закрытая сессия и комитет Конгресса[2] закончили как

---

[1] Независимое объединение добровольных религиозных, благотворительных и других обществ по содействию вооруженным силам США. Принимает участие в организации досуга военнослужащих, прежде всего путем создания клубов. Финансируется за счет частных пожертвований. Имеет 175 отделений в США и за рубежом. Основана в 1941 г., ее деятельность официально признана полезной Министерством обороны. Во время Второй Мировой войны в концертах, организованных по ее инициативе, принимали участие многие звезды эстрады. Среди коллективных членов организации. Армия спасения, Ассоциации молодых христиан и христианок.

[2] Постоянный орган палаты Конгресса, в задачи которого входит представление докладов по проектам законодательных актов.

раз вовремя, чтобы он отправился в близлежащую гостиницу и произнес свою первую за этот день речь перед организацией. Нимиц и Флаки вскочили в поданную Козардом машину и умчались. Флаки передал адмиралу карточки, чтобы тот переложил их себе в карман, и начал рассказывать о целях организации и о том, чем она занимается сейчас. «Джин,— сказал адмирал,— тебе не нужно мне рассказывать про эту организацию. Я был ее дедушкой, когда руководил Бюро навигации».

Разговор пошел о другом. Когда они прибыли в гостиницу, все уже было готово к началу. Помимо национальных представителей организации, здесь присутствовали и другие почетные гости, в том числе сенаторы и конгрессмены.

Адмирал Нимиц везде должен был выступить за завтраком еще в одном месте и, следовательно, мог оставаться здесь только 20 минут. Оратора, который должен был выступать первым, спросили, не будет ли он возражать, если его речь прозвучит после выступления Нимица. Тот не возражал, и после короткого вступления Нимиц начал говорить, не заглянув в карточки.

Через две минуты Флаки, сидевшему на возвышении за адмиралом, стало ясно, что Нимиц благодарит не организацию, служащие которой сидели перед ним, а ООВС, ее конкурента. Флаки начал приподниматься, пытаясь сказать адмиралу, чтобы тот заглянул в карточки, но почувствовал на плече руку, мягко усаживающую его в кресло. Флаки оглянулся. Рука принадлежала даме — президенту организации. В глазах у нее стояли слезы.

Адмирал кончил говорить и после аплодисментов сел. Он мог задержаться только на две минуты, но ждал, когда представят следующего оратора. Едва тот начал свое выступление, как адмирал понял, что допустил чудовищную ошибку. Он залился краской. Флаки решил, что лучше увести его. «Адмирал,— тихо сказал он,— пора идти».

Нимиц наклонился к президенту и шепотом просил простить его. Он говорил о своей чрезмерной загруженности. «Я знаю вашу организацию,— сказал он,— это

прекрасная организация. Я приношу свои глубочайшие извинения».

Президент поцеловала Нимица в щеку. «Адмирал, — сказала она, блестя глазами, — мы так рады видеть вас здесь. Мы знаем ваши истинные чувства».

Когда они сидели в машине, Флакки решил, что пора готовить Нимица к следующему выступлению. Карточки были готовы, но он подумал, что лучше дать адмиралу немного успокоиться. Молчание нарушил сам Нимиц. «Джин, — сказал он, хлопая помощника по колену, — когда я в следующий раз начну говорить, что я — дедушка такой-то организации, просто скажи мне: «Заткнись, возьми карточки и слушай»».

Адмирал Нимиц не брал денег за свои выступления или за то, что он писал для печати. Он всегда отказывался от гонораров или просил направить чек в благотворительную организацию, которую он назовет. Адмирал объяснял это тем, что все, о чем он пишет или говорит, взято из его флотского опыта, а флот ему уже платит.

Все время пребывания Нимица на посту КМО Флаки занимался его налоговыми декларациями. Он считал это очень простым делом, так как единственным источником доходов адмирала была его зарплата; он всегда делал стандартные отчисления, хотя, если бы он указывал отчисления по отдельности, то сэкономил бы тысячи долларов. Когда Флаки говорил ему об этом, Нимиц отвечал, что ничего не имеет против того, чтобы платить налоги.

15 000 долларов в год — доход Нимица, на который жила семья — были неизменной суммой; во время послевоенной галопирующей инфляции купить на эти деньги можно было все меньше и меньше. Другие офицеры получали прибавку, чтобы компенсировать съеденное инфляцией, но некий конгрессмен внес в Закон об оплате поправку, запрещавшую повышать зарплату пятизвездным офицерам.

В таких обстоятельствах Нимицам стало сложно выполнять свои общественные обязанности. Конечно, им выплачивались деньги на устройство ужинов и при-

смов в Доме обсерватории, но их было недостаточно. Нимицы решили проблему, сведя к минимуму количество официальных приемов и дав слугам указание подавать за ужином лишь три перемены — так, чтобы накормить гостей без лишних затрат. Этот пример бережливости был по достоинству оценен зарубежными представителями в Вашингтоне, бюджеты которых были весьма ограничены. «Это такое облегчение для нас,— говорили они Нимицам в приватных беседах,— мы не можем устраивать такие обеды, какие дают в Вашингтоне другие. А если вы так поступаете, то это упрощает нам задачу. Теперь мы можем делать так же».

Время от времени миссис Нимиц звонила предполагаемым гостям и спрашивала: «Устроить вам официальный ужин, или хотите привести с собой детей?»

Почти все отвечали, что с удовольствием возьмут с собой детей. Обычно это выливалось в подобие веселого пикника, после которого Нимицы могли повести своих гостей в обсерваторию посмотреть в большой телескоп на луну и звезды, что особенно нравилось детям.

«Ни Честера, ни меня никогда не интересовали деньги,— говорила миссис Нимиц.— Пока мы могли оплачивать счета и содержать своих детей в колледже, нас не интересовал этот вопрос. Мы нечасто устраивали приемы. У меня было мало одежды. Я хочу сказать, что у меня не было десятков вечерних нарядов, когда Честер был командующим морскими операциями».

В это время коммандер Джеймс Лей служил в Вашингтонском округе, и они с Кейт жили недалеко от Мэриленда, поэтому до известной степени были вовлечены в официальную жизнь Нимицев. Различные посольства и дипломатические миссии в Вашингтоне вручали адмиралу награды от имени своих правительств. Иногда Леев приглашали на эти церемонии, и их приезда всегда ждали. Они неизменно приезжали, хотя жарким летом 1946 г. это было подчас тяжело, особенно для Кейт, бывшей на последнем сроке беременности. В июле пришло приглашение из посольства Греции. Нимицу должны были вручить Большой крест ордена

Георга I, высшую военную награду Греции. Церемония была назначена на 31-е число — день, когда Кейт должны были отвезти в больницу.

В отчаянии Кейт позвонила матери. «Что мне делать? — Она чуть не плакала. — Я сумею составить официальное извинение, но ясно, что мы получили приглашение потому, что они знают: мы — дочь и зять, и живем именно здесь. Что они подумают? Это будет оскорблением для них».

Миссис Нимиц подумала. «Ну, я бы сегодня отправила письмо с извинениями, а завтра позвонила бы в посольство и объяснила бы секретарю, кто я такая и почему мне пришлось извиняться».

Кейт так и сделала: она отправила извинения, а на следующий день позвонила, ожидая, что ей ответит голос с сильным акцентом. Вместо этого она услышала весьма американский женский голос; отвечавшая, видимо, жевала жвачку. «Это миссис Джеймс Лей, — произнесла Кейт. — Я послала извинения и хочу объяснить, почему». Она назвала имя своего отца и какой орден ему должны были вручить в назначенный день. «В этот день, — закончила свои объяснения Кейт, — я должна отправиться в больницу, чтобы родить нашего первенца».

На другом конце возникла минутная пауза, а затем голос благожелательно произнес: «Милая, это очень плохо. Мне следовало разослать эти приглашения пораньше».

«Да-а, — сказал Джим[1], когда Кейт рассказала ему об этом, — прошлым октябрем было бы как раз вовремя».

Нимицы никогда не отказывали себе в удовольствии маленьких вечеров в кругу близких друзей. На таких вечеринках адмирал обычно рассказывал истории, запас которых он пополнял, общаясь с солдатами и матросами. Одну из его любимых рассказал ему генерал

---

[1] Джеймс («Джимми») Лей-младший, родился вовремя, 31 июля 1946 года. Адмирал флота и третий внук миссис Нимиц. Честер-мл. и Джоан подарили им Франс-Мэри (род. 19 мая 1940) и Элизабет-Джоан (род. 26 января 1946).

Омар Брэдли. Эту историю адмирал рассказывал с большим артистизмом и мастерскими подробностями. Коротко говоря, это был рассказ о солдате, который воспользовался Солдатским биллем о правах[1], чтобы пройти курс — представьте себе! — акушерства. Получив диплом, он вернулся в родной городок, снял контору, купил докторский саквояж с инструментами и нарисовал вывеску.

Спустя неделю (в течение которой не явилась ни одна пациентка) в контору служивого ворвался фермер, искавший акушерку. Он был немало удивлен, увидев мужчину, который называл себя акушером, однако вид диплома убедил его. «Вам придется поехать,— сказал фермер.— Наш единственный врач уехал за 90 миль, а у меня жена рожает».

Они примчались на ферму с максимальной скоростью, на которую оказалась способна фермерова машина. Наш служивый облачился в белый халат, сказал мужу, чтобы тот не волновался и пока полистал журнал и, взяв свой черный саквояж, вошел в спальню. Через 10 минут он приоткрыл дверь, попросил отвертку и снова скрылся за дверью. Озадаченный фермер принес отвертку и постучал. Солдатик выглянул. «Прекрасно,— сказал он,— то, что надо. Идите и не беспокойтесь. Все будет хорошо».

Через 20 минут служивый снова открыл дверь. Он выглядел немного взволнованным. На этот раз он попросил шпатель «с гибким лезвием». Когда шпатель был

---

[1] Ряд законов об обеспечении солдат, демобилизованных после войны. Первый из них, о помощи ветеранам Первой Мировой войны, (1924 г.), предусматривал выплату ветеранам вознаграждения в 1945 г.. В 1932 г. в Вашингтоне состоялась демонстрация ветеранов, требовавших досрочной выплаты вознаграждения. Закон 1944 г. предусматривал финансирование медицинского обслуживания, санаторного лечения и образования для ветеранов, включал выплату займа в 4 тыс. долларов на покупку дома, фермы и иной собственности, пособие в размере 20 долларов в неделю сроком на один год для безработных ветеранов, а также другие виды вспомоществования.

принесен, солдат повторил свои уверения в благополучном исходе и снова закрылся в спальне.

Прошло еще 20 минут. Наш герой снова выглянул из комнаты. «Скажите, мистер,— произнес он немного дрожащим голосом,— есть ли у вас проволока, 5-6 дюймов длиной — хорошая, прочная проволока с крючком на конце?» У фермера ничего подобного не было, но он принес вешалку. Закрывая дверь, акушер сказал: «Прекрасно, прекрасно. Теперь не беспокойтесь. Идите, посидите».

Фермер не мог больше этого вынести Он заметил капли пота у солдата на лбу и некоторую дичинку в глазах. «Что происходит? Сначала вам нужна отвертка, потом — шпатель, теперь — вешалка. Что случилось? У нее осложнения?»

«Осложнения! — взорвался служивый.— У нее осложнения! Да, черт возьми. Я не могу открыть этот чертов саквояж».

Другая любимая Нимицем история — о британском инструкторе по стрельбе, обращавшемся к курсантам-офицерам. «Раньши,— говорил инструктор,— ружейныи ложа делали из твердой дривисины — дуп, ясинь, пикан — но твердая дривисина типерь реткасьть».

С заднего ряда послышался голос с оксфордским выговором: «Вы, случайно, не имеете ли в виду дуб, ясень и пекан?»

Ответ инструктора: «Я имел в виду дуп, ясинь и пикан, это твердая дривисина, из каторой делали ложа. Типерь они из лигнум витай — гвоякового дерева, очень твердая дривисина, с водоотталкивающими свойствами. Вапще, ее типерь ширако приминяют в страительстве пирсов — и для чирисчур абразованных ублюдков с заднего ряда. Ни имею в виду гимарой у аристакратов».

Президент Трумэн, просто проигнорировав условие, по которому КМО может контактировать с президентом только через министра ВМС, периодически вызывал Нимица в Белый дом как по социальным, так и по официальным поводам. В частных разговорах президент и адмирал, будучи почти ровесниками, стали обращаться

друг к другу по имени. При первой возможности Бесс Трумэн приглашала к себе Кэтрин Нимиц, чтобы послушать одну из историй — миссис Нимиц, как и ее муж, была хорошим рассказчиком. Когда Трумэны и Нимицы собирались вместе отправиться на концерт или на прием, служба безопасности устраивала их в соседних ложах; это была как бы дополнительная мера в охране президента.

Трумэны приняли приглашение Нимицев прийти к ним в Дом обсерватории поиграть в подковы. Накануне офицеры секретной службы приехали проверить территорию. «Великолепно,— сказал руководитель группы миссис Нимиц.— Нам ничего не нужно делать. Завтра днем мы сможем расслабиться на несколько часов. Здесь везде моряки, и никто не сможет попасть сюда».

Когда приехали Трумэны, Честер позвал Гарри в дом и одолжил ему пару своих старых штанов. Потом все отправились на площадку, где Гарри и Кэтрин играли в паре против Честера и Бесс. Так как Гарри был новичком, выиграли Бесс и Честер, но весело было всем. После игры хозяева и гости прогулялись по территории обсерватории. Трумэны заметили: какими свободными должны себя чувствовать хозяева, когда остаются одни и кругом никого нет — даже секретной службы, которая следует за ними по пятам.

Честер показал Трумэну прекрасный дуб, который он очень любил. На обочине лужайки они остановились под яблоней, сорвали по яблоку и съели. Трумэны похвалили яблоки за вкус и аромат; миссис Нимиц вызвала ребят из кухни и велела им набрать большую сумку яблок. После этого гости и хозяева отправились в дом, где им подали коктейль.

Когда Трумэны уже садились в машину, один из служителей с кухни притащил сумку с яблоками и отдал ее шоферу. Миссис Трумэн наклонилась к водителю и сказала: «Эти яблоки должны отправиться не на кухню, а к нам в спальню. Мы их съедим».

Вскоре после этого в приемной командующего морскими операциями появился человек, называвший себя

чемпионом мира по игре в подковы. Он спросил, может ли он получить фотокарточку Нимица с его автографом.

«Вы не только получите карточку,— ответил Флаки. Уверен, он захочет встретиться с вами».

Адмирал действительно пожелал встретиться с «чемпионом». После долгого разговора, уведшего их далеко от первоначальной темы, Нимиц позвонил президенту. «Гарри,— сказал он,— у меня тут сидит чемпион по бросанию подков. Разреши ему явиться в Белый дом и показать мастерство».

Встречи Трумэна были отменены, и через 15 минут он, Нимиц, Флаки и «чемпион» уже были в саду за Белым домом, пытаясь повторить особенно хитрые приемы и броски.

Адмирал Нимиц использовал личную дружбу президента Трумэна, чтобы дать ему военно-морское «образование». Чтобы помочь Трумэну забыть его артиллерийское прошлое, Нимиц устроил для него в Малом Белом доме[1], рядом с Ки-Уэст-Навал[2], место отдыха. Здесь он организовывал для Трумэна походы на подводных лодках, в том числе на одной атомной. Он сопровождал президента на некоторые крейсера, чтобы продемонстрировать, на что они способны. Расположение Трумэна к армии никогда не ослабевало, но после «уроков» Нимица он проникся особым уважением к флоту.

Однажды миссис Нимиц была удивлена звонком леди Балфур, супруги посла Великобритании. «Миссис Нимиц,— сказала она,— Уинстон Черчилль только что вернулся из Флориды, где отдыхал, и хочет побеседовать с вашим мужем. У него никогда не было такой возможности. Я спросила, с кем он хотел бы встретиться, и он ответил: «Только с Нимицем. Хочу встретиться с ад-

---

[1] Резиденция построена в 1932 г. Стала местом паломничества после кончины Рузвельта (здесь он скончался 12 апреля 1945 г.)

[2] Последний из цепочки небольших островов у южной оконечности полуострова Флорида. База военно-морской авиации, центр по борьбе с подводными лодками.

миралом Нимицем». Можем ли мы с вами устроить эту встречу?» Последовала небольшая пауза, и леди добавила: «Вы придете сегодня к нам на ужин?»

«Это сложно,— ответила миссис Нимиц,— мы уже приглашены». Тем не менее, подумала она, надо посмотреть, что можно сделать; она знала, что адмирал Нимиц больше всего хотел бы встретиться с Черчиллем. Кэтрин позвонила чете, пригласившей их на ужин, и объяснила ситуацию. Те ответили, что все в порядке и они не обидятся. Вот почему Нимицы ужинали в тот день в британском посольстве. За столом было лишь несколько человек, так как Черчилль объявил: «Мне не нужен официальный прием; я хочу поговорить с Нимицем».

После обеда, когда все вернулись в гостиную, Черчилль допил виски и выкурил одну из своих огромных сигар, тех, которые так поражали доктора Андерсона. Затем он усадил Нимица рядом с собой.

Черчилль спросил: «В каком звании вы начинали войну?» Нимиц ответил, и Черчилль назвал *свое*. После этого начался живой и искренний разговор, который длился полтора часа. Оба получили огромное удовольствие от собеседника.

Конечно, адмиралу Нимицу присуждались почетные степени многих университетов, и он находил время принимать их. Вероятно, самое большое удовольствие он получил, когда Ричмондский университет присудил ему степень доктора юридических наук. Генерал Эйзенхауэр, коллега Нимица в Объединенном комитете, получил ту же степень того же университета во время той же церемонии. Присвоение было организовано Дугласом Фриманом, ректором университета и его редактором-историком, книгами которого восхищались и Нимиц, и Эйзенхауэр. После церемонии Фриман чествовал генерала и адмирала на приеме, устроенном в саду. Оба пятизвездных офицера охотно позировали газетным фотографам с коктейльными стаканами в руках.

Когда фотография, одобренная обоими, была опубликована, местные пуритане обрушили на газеты шквал

возмущенных писем, к великому изумлению новоиспеченных юристов.

Командующий морскими операциями по традиции является президентом Военно-морского института США, а также является членом его контрольного совета, который во времена Нимица действовал как редакционная коллегия. Обязанностью Нимица было чтение многочисленных рукописей книг, которые готовил к изданию Институт, и статей, предназначенных для ежемесячника «Труды Военно-морского института США». Кроме того, он должен был назначать собрания коллегии Института на территории Военно-морской академии в Аннаполисе. На первый взгляд, это была еще одна обуза для и без того перегруженного обязанностями командующего морскими операциями, но на деле это занятие доставляло Нимицу особенное удовольствие. Он читал быстро, умел хорошо угадывать, что хотят прочитать флотские офицеры и что из военно-морской литературы стоит читать. Особенно строго он относился к языку и был врагом многословия и расплывчатых, неясных выражений. Его синий карандаш безжалостно вычеркивал все ненужное или уводящее в сторону в рукописях, которые адмирал просматривал для Военно-морского института.

Хотя министр Форрестол и пытался не допустить Нимица на пост командующего морскими операциями, но раз уж адмирал стал исполнять эту должность, они работали вместе согласованно и эффективно. Частично это было результатом обыкновения Форрестола извлекать максимум пользы из ситуации, которую не был в состоянии предотвратить или изменить. С другой стороны, сыграли свою роль открытость Нимица, его способность к сотрудничеству и легкость в общении, ибо, как говорила Нэнси, «он был человеком, на которого невозможно обижаться». Вероятно, самым важным было то, что оба они, как правило, придерживались одного взгляда на возникавшие проблемы.

Нил Дитрих, бывший помощником и Кинга, и Нимица, говорил:

«Я знаю, что адмирал Нимиц относился к министру с огромным уважением. Мне случалось видеть, как они иногда расходились во взглядах, и Нимиц рассказывал какую-нибудь историю, которая подкрепляла его точку зрения во время спора. А Форрестол иногда вставлял в разговор шутливые замечания. Мне доводилось видеть, какими легкими становились беседа или дискуссия, как разница во мнениях постоянно сокращалась, и ничто не напоминало тех натянутых и формальных отношений, которые существовали между адмиралом Кингом и министром Форрестолом».

Несмотря на дух сотрудничества между министром и командующим морскими операциями и атмосферу непринужденности, которые Дитрих наблюдал во время их встреч, Нимиц все же чувствовал, что между ним и министром все же существует некоторая напряженность. Нимиц знал, насколько талантлив и способен министр, однако его часто ставила в тупик личность Форрестола. Замкнутый, загадочный Форрестол никогда не мог до конца свободно чувствовать себя в обществе Нимица — была какая-то полупохороненная в его сознании вражда по отношению к власти, особенно если эта власть облечена в военную форму.

Вероятно, Нимиц был наиболее полезен Форрестолу в качестве представителя флота в комитетах Конгресса. Адмирал всегда тщательным образом готовил тезисы своих выступлений. Он держался честно, открыто и решительно. Его мнения, всегда ясно выраженные, были авторитетны и убедительны. «Когда адмирал появлялся на Холме, его очень хорошо принимали в комитетах, — вспоминает Честер Брутон. — Он никогда не говорил свысока, но и не заискивал».

Форрестол и Нимиц быстро пришли к выводу, что продолжать сопротивляться объединению вооруженных сил бесполезно, так как эту идею одобряли президент, высшие чины сухопутных войск и ВВС и, видимо, большинство Конгресса, от которого зависело окончательное

решение. Тщетным также казалось возражать против выделения ВВС в самостоятельную военную структуру — время для этого, видимо, уже пришло. Предметом размышлений министра, адмирала и других руководителей флота было предотвращение полного слияния военных сил — ситуации, при которой всесильный гражданский министр будет распределять посты и направлять политику, а военный руководитель штаба будет управлять операциями. Кроме того, они старались сохранить для флота Морской корпус и морскую авиацию.

В течение нескольких месяцев споров и дискуссий о том, какой будет организация обороны Америки, когда Форрестол обращался к морским офицерам за доказательствами, чаще других его консультировали адмиралы Нимиц, Редфорд и Шерман. Характерно, однако, что чаще он полагался на гражданских, особенно на Фердинанда Эберштадта, финансиста с Уолл-Стрит, прошлое которого так напоминало его собственное. Именно Эберштадт подготовил доклад, на основе которого Форрестол сформировал базовую концепцию организации национальной обороны.

После бесчисленных конференций, встреч с комитетами конгрессменов и бесед с президентом Форрестол и руководители флота получили большую часть желаемого в Законе о государственной безопасности, который был подписан Трумэном 26 июля 1947 года.

В подчинении Национального военного совета были министерства Сухопутных войск, ВМС и ВВС; они имели подчиненный статус, но существовали по отдельности. Главой Совета был министр обороны, входивший в состав президентского кабинета министров. Каждое министерство возглавлялось министром, не являвшимся членом кабинета. Объединенный штаб командования сохранял руководящую роль при проведении операций. За ВМС оставались самолеты, базирующиеся на авианосцах, самолеты-разведчики с их береговыми базами и морская пехота. Президент Трумэн назначил Форрестола первым министром обороны и, по рекомендации последнего, назначил Джона Салливана новым морским министром.

В то время, как Нимиц служил в качестве КМО, адмирал Карл Дениц, бывший командующий германским подводным флотом, держал ответ перед международным трибуналом в Нюрнберге. В числе прочих было обвинение в ведении неограниченной подводной войны. По просьбе адвоката Денитца, Нимиц представил свои письменные показания, где говорилось, что, согласно приказам из Вашингтона, субмарины под его командованием вели такие же действия. «В интересах проведения операций против Японии, Тихий океан был объявлен зоной боевых действий 7 декабря 1941 года КМО отдал приказ о ведении неограниченной подводной войны против Японии». И хотя трибунал признал Денитца виновным в ведении неограниченных боевых действий, он не понес наказания за это преступление.

Главной задачей ведомства командующего морскими операциями, руководимого адмиралом Нимицем, была разработка ядерного оружия применительно к военным кораблям. Надо было установить, какие изменения следует внести в конструкцию корабля, в тактические структуры и как надо располагать корабли в бухте. Сухопутные войска хотели, чтобы на палубы экспериментальных кораблей было выведено оборудование, которое могло потребовать доработки. ВВС хотели выяснить, насколько удачной мишенью для атомных бомб может быть вражеское судно.

Эксперимент проводился под руководством вице-адмирала Уильяма Бленди, который, до своего участия в подводных атаках на территории от Кваджалейна до Окинавы, был руководителем Бюро артиллерии. Теперь, в качестве главы Отдела по специальным видам оружия в командовании морскими операциями он организовал специальную комиссию, куда вошли представители сухопутных войск и флота, для проведения эксперимента на атолле Бикини, на Маршалловых островах летом 1946 г.

В феврале 1946 г. Трумэн пригласил адмирала Нимица на встречу в Белый дом, чтобы обсудить будущий эксперимент. Также присутствовали госсекретарь Джеймс

Бирнс, военный министр Роберт Паттерсон, военно-морской министр Форрестол, генерал Эйзенхауэр и адмирал Леги. Трумэн сказал, что испытания следует проводить таким образом, чтобы военные достигли тех результатов, которых они хотят достичь. Он процитировал гневное письмо, написанное министром торговли Генри Уоллансом. Тот вспоминал, как в 1921 году генерал Джеральд Митчелл подтасовал результаты испытаний обычных бомб: этот эксперимент доказал то, что хотел доказать Митчелл. Президент сказал, что верит в объективность своих военачальников, но он не один — общество также должно убедиться в их честности.

Форрестол сообщил Трумэну, что адмирал Бленди собирается пригласить группу гражданских лиц для наблюдением за испытаниями. После последовавшего обсуждения собравшиеся решили, что на основе этой группы (в которую также войдут члены палаты и Сената) будет создана комиссия, назначенная Трумэном. Она должна будет представить свой доклад непосредственно президенту. Это решение, приемлемое для всех, и было принято Трумэном.

Во время испытаний на атолле Бикини было в конечном счете задействовано 42 000 человек, 150 самолетов и 200 кораблей. Были взорваны 2 атомные бомбы; в результате затонуло 11 старых кораблей, еще несколько сгорели и получили пробоины. Испытания предоставили данные, необходимые вооруженным силам. Примечательно, что впоследствии никто не писал гневных писем о нечестности проведения эксперимента.

В марте 1946 г. Лаборатория военно-морских исследований подготовила доклад, в котором рекомендовалось строительство подводных лодок на ядерном топливе. Для участия в длительных подводных действиях на большой скорости должны использоваться лодки с улучшенной конструкцией корпуса, подобные немецким разработкам с их системой подачи перекиси водорода. Задействовав все ресурсы, говорилось в докладе, лодка такого типа может находиться на задании в течение двух лет. Мысли, высказанные в докладе, имели широ-

кий резонанс среди морских офицеров — такая лодка была бы именно тем средством, которое было необходимо флоту. Внимание привлекло и то, что документ был подготовлен под руководством известного и уважаемого физика, Филипа Абельсона.

Несмотря на то, что Судовое бюро было живейшим образом заинтересовано в разработке ядерного двигателя, особенно для подводных лодок, сотрудники Бюро испытывали острую нехватку технологий для проведения исследований. Поэтому контр-адмирал Эдвард Кокрейн, руководитель Бюро, отправил группу инженерных офицеров на завод в Оукридж[1], в Теннесси, для изучения основ предмета. Группу возглавил Хаймен Риковер.

Хаймен обладал великолепным опытом технолога, но при этом был весьма раздражительным, что иногда стоило ему друзей и поддержки. Будучи перфекционистом, он беспощадно критиковал любые недоработки; это касалось и того, что лежало вне сферы его деятельности. Однако у Риковера была репутация человека знающего и умеющего работать. Он с яростью бульдога отстаивал свои идеи, в верности которых был уверен. Риковер избрал в качестве своего специального проекта разработку субмарины, описанной Абельсоном.

В начале работы Риковер столкнулся с трудностями, которые испугали бы менее целеустремленного человека. Он встретил сопротивление даже в Управлении командования морскими операциями. Контр-адмирал Уильям Парсонс, ведавший в управлении Нимица вопросами ядерной обороны, утверждал, что приоритетным направлением должна быть разработка военно-морского оружия. Работа над созданием субмарины с ядерным

---

[1] Город на востоке штата Теннесси, на р. Клинч. Крупный научно-исследовательский центр. В 1942 г. пустынный район Блэк-Оукридж вокруг города благодаря своей изолированности и доступности дешевой гидроэлектроэнергии был избран местом расположения штаб-квартиры и лабораторий «Манхэттенского проекта». Местонахождение центра было рассекречено в 1949 г. Окриджская национальная лаборатория по атомной энергии. Американский музей атомной энергетики.

двигателем, настаивал он, вопрос второстепенный по отношению к общим исследованиям по получению энергии из ядерных источников. Несвоевременная разработка инженерных решений этого вопроса, говорил Парсонс, может серьезно задержать создание ядерной подводной лодки.

Адмирал Нимиц поначалу поддерживал идею создания субмарины на ядерном топливе, но он не мог спорить с мнением Парсонса и других экспертов, согласных с Парсонсом. Нимиц взглянул на проблему под другим углом. В сентябре 1946 г. он назначил совет, в который вошли опытные офицеры-подводники, для изучения противолодочной техники и новых конструкций лодок. Совет пришел к заключению, что, при неизбежном совершенствовании поверхностных и околоповерхностных систем обнаружения, подлодкам придется уходить на такую глубину, где воздушные двигатели станут бесполезными. В своем окончательном докладе, представленном в январе 1947 года, группа настаивала на необходимости постепенной замены существующих лодок на дизельные модели, способные погружаться с большей скоростью и дольше оставаться на глубине. Также говорилось о необходимости проведения экспериментов с лодками, в которых используется перекись водорода, и о разработке и внедрении «установок производства ядерной энергии для подводных лодок, что сделает возможным погружение на неограниченную глубину при высокой скорости погружения». Нимиц немедленно одобрил эти рекомендации.

Риковер знал, что Нимиц одобрял первичные разработки по созданию атомных подводных лодок и, несмотря на возражения экспертов-ядерщиков, полностью его поддерживал. Но срок пребывания Нимица на посту командующего морскими операциями истекал в декабре 1947 г. Никто не мог бы сказать заранее, какого мнения по этому вопросу будет следующий командующий. Времени было не в избытке.

К исходу 1947 г. Риковер понял, что прогресс, сделанный в разработке ядерного двигателя, должен огра-

ничить возражения физиков, которые продолжали рекомендовать общие разработки, а не попытки конкретного воплощения. Риковер начал готовить меморандум; он надеялся, что сможет убедить Нимица отправить этот документ министру Салливану. В меморандуме указывалось, что только ядерная энергия сможет обеспечить флоту высокоскоростные субмарины, способные находиться под водой неограниченное время — лодки, разработка которых стала необходимостью. Указывалось и то, что, если приложить все усилия, лодка, способная выпускать ракету с ядерной боеголовкой, может появиться уже к середине 1950-х. Меморандум рекомендовал министру донести сведения о «стратегической и тактической важности разработки лодки, которая движется благодаря ядерной энергии», до сведения министра обороны, а также Совета по исследованиям и развитию. Потребовалось несколько недель переговоров и самого тщательного изучения меморандума, прежде чем Риковер получил необходимое одобрение экспертов-ядерщиков и ветеранов-подводников. Потом он отправил документ адмиралу Нимицу.

Нимиц, которого убедили аргументы Риковера и одобрение экспертов, поддержал меморандум. Его подписание стало одним из последних официальных актов Нимица; меморандум был передан министру Салливану. Салливан, посчитавший изложенное убедительным, подписал меморандум и передал его министру обороны Форрестолу и Ванневару Бушу, председателю Совета по исследованиям и развитию, и адмиралу Кокрейну, руководителю Корабельного бюро. Хотя на пути предвиделось много трудностей, Риковер и его помощники получили одобрение, и их проект стал центральным.

Когда Нимиц стал командующим морскими операциями, он не мог бесконечно продолжать работать по вечерам и воскресеньям. Реорганизовав Управление и расширив «район опорных пунктов», он снова смог заниматься только теми из своих обязанностей, которые никто больше не мог или не имел права выполнять. Он начал проходить утром по три с четвертью мили до места

работы пешком, и столько же — днем, возвращаясь с работы в Дом обсерватории, кивая всем встречавшимся на пути. Иногда он звонил миссис Нимиц, она выходила ему навстречу, и остаток дороги они проходили вместе. Адмирал не отказывался от этой привычки ни в летнюю жару, ни в самые холодные зимние дни.

Однажды, в середине зимы, Нимиц вышел после работы в обычное время, в синей форме и перчатках, но без пальто и, не обращая внимания на сильный снегопад, собрался идти домой. «Адмирал,— сказал Флаки в некоторой тревоге,— позвольте, я вызову машину». Нимиц поблагодарил и отправился пешком.

Флаки и коммандер Брутон посовещались. Машины Флаки в министерстве не было, и адмиральской тоже. Снег пошел еще гуще. Брутон решил прибегнуть к авторитету высшей власти. «Я позвоню миссис Нимиц»,— сказал он.

«Миссис Нимиц,— сказал Брутон,— адмирал пошел домой пешком, по такому снегопаду. Надеюсь, вы не пойдете встречать его».

«Конечно, нет»,— ответила она.

«Полагаю, будет лучше, если я поеду за ним и подберу его по дороге».

«Так и сделайте»,— сказала миссис Нимиц.

Брутон сел в машину и поехал по дороге, по которой обычно ходил Нимиц. Он проехал уже больше мили, когда заметил адмирала, бредущего по колено в снегу, с сугробами на фуражке и плечах. Брутон остановился, открыл дверцу и пригласил его садиться: «Я звонил миссис Нимиц, и она велела подвезти вас». Адмирал с облегчением сел в машину, и Брутон отвез его домой.

Адмирал находил время и для литературных занятий — своего увлечения. Для «Американ Федералист» он написал: «Благодарим тебя, Труд», посвященную рабочим, которые во время войны обеспечивали вооруженные силы всем необходимым. Однако в основном его публицистические труды были направлены против распространенного в то время дилетантского мнения, которое гласило, что военные корабли существуют только

для военных действий, и поэтому сейчас, при отсутствии потенциального врага, содержание военного флота — ненужная роскошь.

Для «Си Пауэрс», органа влиятельной Военно-морской лиги, он написал «Устарел ли военный флот?» где отвечал на свой вопрос отрицательно: «наш флот не устарел. Атомные бомбы, упавшие на Японию, стали показателем вершины могущества флота и авиации. Их привезли на военно-морских судах, по морским путям, безопасность которых охраняли военные корабли. Бомбы были доставлены на остров в западной части Тихого океана, который наш флот отвоевал у врага. Затем их погрузили на самолет, который не смог бы подняться в воздух, если бы корабли не подвезли топливо к месту взлета». Адмирал напомнил своим читателям и об обязанностях флота:

> «Мы должны помнить, что одной из важнейших обязанностей военно-морского флота является поддержка американского контингента за пределами Америки. Во время последней мировой войны США посчитали необходимым основать базы за границей. Наши военные все еще несут службу в Германии, Италии, Индии, Китае и Японии.
>
> Где бы ни оставались наши войска и куда бы их ни собиралась отправить страна, соединения нашего флота должны быть там. Появление американских кораблей в водах, примыкающих к месту несения службы наших солдат, никому не угрожает и не должно вызывать беспокойства. Мы — за интеграцию и координацию служб в интересах взаимной поддержки, а также совместной поддержки политики нашего государства.
>
> По приблизительному подсчету, у флота 7 функций: защита берегов США; обеспечение безопасности маршрутов нашего торгового флота; переброска войск; защита войск на земле; обеспечение бесперебойных поставок войскам; военные действия против вражеских ВМС и их кораблей; осуществление внешней политики государства.

Еще одна функция флота — перевозить войска домой после победы над врагом. Не будь флота, бои происходили бы на нашей земле, а война — это такая игра, в которую лучше играть на чужом поле».

«Нэшнл Джэеографик» опубликовал статью Нимица «наш флот — гарантия мира» с рисунками — по большей части изображения кораблей, и по большей части в цвете. «Теперь, когда война кончилась и все хотят поскорее избавиться от всего, что о ней напоминает, — писал Нимиц, — можно слышать вопрос: «Зачем нам мощный военно-морской флот сейчас, в мирные дни?»» Ответив на этот вопрос, Нимиц заглядывает в будущее и описывает грандиозную субмарину, которая «приближается к вражескому берегу и, оставаясь за сотни фатомов[1] от поверхности, обстреливает берег самонаводящимися ядерными ракетами». Он продолжил свои выступления в «Нэшнал Бизнес» статьей «Военный флот: Инвестиции в мир», и в вашингтонском «Ньюс Дайджест» статьей «Оружие на море все еще необходимо».

Адмирал Нимиц избегал писать об операциях Второй Мировой войны, как бы опасаясь, что, описывая заслуги того или иного офицера — или рода войск, он невольно принизит заслуги других. Он считал, что в победе союзнических армий славы было достаточно для всех, и кто заслуживает большей чести, а кто меньшей, пусть решает будущее. Хорошим примером преждевременно изданных мемуаров для него стала «Адмирал Хелси рассказывает истории»[2], которая печаталась с продолжением в «Сатердей ивнинг пост». Объясняя, почему ему пришлось оставить плацдарм высадки десанта в заливе Лейт, Хелси намекнул, что адмирал Кинкейд не до конца исполнил свои обязанности. Затем, явно намереваясь и не отступиться от своего, и сгладить впечатление, он добавлял:

---

[1] 1 фатом, т.е. морская сажень = 1, 83 м.

[2] В книжном издании — «История адмирала Хелси».

«Я попытался описать сражение в бухте Лейте так, каким оно представлялось мне тогда. Однако, перечитывая написанное, я вижу, что все это глубоко несправедливо по отношению к Тому Кинкейду... Будь я на его месте, я, возможно, поступил бы точно так же». Эти слова не умиротворили Кинкейда, и он потребовал опровержения. Дружба Хелси и Кинкейда погибла без надежды на возрождение.

Несмотря на кампанию, проводимую Нимицем, во время которой он выступал не только в печати, но и с публичных трибун, и перед комитетами Конгресса, флот больше чем когда-либо нуждался в ассигнованиях. Все больше и больше кораблей снимались с вооружения или ставились на консервацию. Нимиц планировал создание организованного в соответствии с современными требованиями флота, однако такой флот существовал в основном на бумаге. Сильнейший в мире флот, армада, сыгравшая главную роль в поражении Италии, Германии и Японии, настолько ослаб, что не имел сил защитить заокеанские интересы Америки, не говоря уже о том, чтобы содействовать проведению внешней политики страны.

Флаки, наблюдавший за выступлениями адмирала перед комитетом палаты по делам ВМС, считал его «великолепным», но в конце концов эти выступления стали бесполезными. «Они закончили обсуждение бюджета флота на следующий год, — вспоминал Флаки, — спросив его: «Адмирал, вы уверены, что этого хватит?» Он уверил их, что это все, что надо флоту на данный момент и чего хватит еще на 2-3 года. Конечно, это было не более чем обоснованное предположение, но члены палаты хорошо к нему относились и всегда предлагали больше. Нимиц был достаточно проницательным. На обратном пути, сидя в машине, он сказал: «Теперь вернемся и приступим к разработке плана по ограничению и урезанию».

Я сказал: «Что вы имеете в виду? Они все приняли. Они предложили даже больше».

Он ответил: «Нет, в этом году политический курс — на сокращение. Пока пере ними выступаешь, они принимают доказательства, а через минуту после твоего ухода возвращаются к своему курсу. Поэтому мы сейчас посмотрим, от чего можно отказаться». Через три недели последовали ограничения, а у нас уже был готовый план».

12 ноября 1947 года, за месяц до истечения срока полномочий на посту КМО, Нимиц в последний раз выступил с предупреждением официально. Выступая перед президентским комитетом ВВС, он заявил, что флоту нужны все 5 793 самолета, которые он имеет, и что флот «опасно ослаблен». На следующий день президент Трумэн объявил преемником Нимица адмирала Луиса Денфельда, главнокомандующего Тихоокеанским флотом.

Готовясь оставить службу, адмирал Нимиц с болью в сердце наблюдал, как дело национальной обороны ставится под угрозу политиками — таким ему представлялось положение. В равной степени он был взволнован переменами во флоте США. Он понимал, что во время войны из-за притока резервистов флот претерпит изменения. Но адмирал ожидал, что после войны он снова станет почти что обществом старых друзей, какое он знал во времена «Огасти».

Адмирал постепенно понимал, поскольку имел непосредственное отношение, что Старый Флот навсегда ушел в прошлое. Военно-морское министерство выглядело теперь не столько как ассоциация, сколько как корпорация. В выпуске 1905 года — в его выпуске — было 144 гардемарина. Незадолго до войны в выпуске бывало до 500 человек. К 1947 году число выпускников Военно-морской академии приближалось к тысяче; к этому надо было прибавить все возрастающий приток офицеров из УКОЗов[1]. Теперь во флоте потенциальных командиров

[1] Учебный корпус офицеров запаса ВМС.

было больше, чем кораблей, которыми они могли бы командовать. Проходя по коридорам морского министерства, Нимиц постоянно сталкивался с офицерами, которых никогда раньше не видел.

Важнее же всего было то, что Нимиц устал. Шесть лет он тащил на себе тяжелейший груз — безо всяких отпусков. Было время, когда он жалел и почти возмущался тем, что министр Форрестол сократил срок его пребывания на должности КМО с обычных четырех лет до двух. Но когда наступил декабрь 1947 г., адмирал едва дождался того момента, когда сможет сложить с себя это бремя и уехать из Вашингтона.

Конгресс предоставил пятизвездным генералам право постоянного звания. Никто из них не мог быть уволен иначе как по собственному желанию. Было объявлено, что после ухода Нимица с поста командующего морскими операциями он станет специальным помощником морского министра. Адмирал Кинг исполнял те же обязанности и в качестве помощника занимал кабинет в морском министерстве. С течением времени Нимиц становился все более и более одиноким. Некоторые офицеры считали, что это пренебрежение — после тех лет, когда каждую минуту своей жизни он отдавал служению своей стране, — стало причиной ухудшения его здоровья.

Нимиц решил не оставаться. «Когда придет время оставить эту работу, — говорил он, — мы уедем в тот же день. Мы не останемся здесь, и я не буду гнаться ни за какими постами». Адмирал мог бы быть полезным, но на расстоянии. Адмирал и миссис Нимиц решили поселиться на Западном побережье, когда адмирал закончит свою деятельность.

Утром 15 декабря 1947 года Нимицы завтракали как обычно, в семь часов. Во время завтрака адмирал пригласил прислугу, поблагодарил всех, пожелал всего хорошего и вручил каждому конверт с рождественскими деньгами. Затем он отправился в министерство. Миссис Нимиц собралась заехать на Ку-Стрит, 2222 за Нэнси, которая жила одна. Покидая Дом обсерватории, она заметила, как прислуга отмывает следы пальцев на дверных ручках и

готовит Дом к приезду Денфельдов — они должны были вселиться сюда вечером.

Короткая церемония передачи командования происходила в кабинете министра в Мейн-Нэви-Билдинг в 10 часов утра. Присутствовали миссис Нимиц, Нэнси и — по особой просьбе Нимица — адмирал Спрюэнс, бывший тогда президентом Военно-морского колледжа, и адмирал Бленди, ставший главнокомандующим Атлантическим флотом. После того как были прочитаны приказы, министр Салливан, Нимиц и Денфельд произнесли речи. Затем министр пригласил всех в зал, где перед кино- и фотокамерами были повторены главные моменты церемонии.

Нимицы прошли по коридору, вдоль которого выстроились аплодирующие офицеры, рядовые и гражданские служащие. У главного входа, на Конституши-авеню, отряд моряков и караул морской пехоты отдали предписанные почести. Нимицы забрались в «Крисси», семейный «крайслер»; ему было уже почти 10 лет, и он выглядел на свои годы. Нэнси села за руль, и «Крисси», кашляя и хрипя, отъехал от обочины. Среди провожавших, на тротуаре, Нимиц узнал нескольких сенаторов и представителей, перед которыми он часто выступал в Капитолии.

Нэнси продолжала, как и в 1942 г., вести машину. Мэри Нимиц была уже в Калифорнии, она поступала в Высшую доминиканскую школу. Адмирал, миссис Нимиц, Нэнси и Фреклс, старый коккер-спаниель, 15 декабря проехали на «Крисси» из Вашингтона 9 миль до Роли, Северная Каролина, где остановились в мотеле. В тот вечер Кэтрин и Честер начали вести свой первый общий дневник, под названием «Жизнь начинается в 117» (таков был их «совместный» возраст). Вступление написала Кэтрин:

> «Сегодня был необыкновенно важный день. Произошло великое событие, и сейчас, несмотря на дождь и промозглый воздух, мы счастливы! В первый раз за много лет Честер может не отвечать за

все. Нэнси, Честер, Фреклс и я — мы едем на юг, а потом на запад, в Калифорнию, и в наших сердцах — молодость и радость».

Честер, после описания церемонии передачи командования и отъезда из Нэви-Билдинг, завершил вступление так:

«Я чувствую себя так, как будто огромный груз спал с моих плеч, и мы с Кэтрин только начинаем жить. С прекрасной семьей детей и внуков — и этим миром перед нами — разве может наша жизнь не быть полной и счастливой?»

Глава 26

ИЗ «МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА» В ОРГАНИЗАЦИЮ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Путешествие семьи Нимица через всю страну, последовавшее за его отставкой с поста командующего морскими операциями, завершилось 21 декабря 1947 года в доме Джеймса Лея в Сан-Диего, где базировался его эсминец «Орлек». Кроме Джима и Кейт вновь прибывших приветствовали 17-месячный Джимми Лей и Мэри Нимиц, которая только что приехала из монастырской школы в Сан-Рафаэле и могла гордиться аттестатом с отличными оценками. Беднягу Фреклза пришлось оставить, поскольку никто не мог точно сказать, как поладят они с Допи, кокер-спаниелем семьи Лея. О своем «Крайслере» 1938 года выпуска миссис Нимиц писала: ««Крисси» блестяще себя показал. Я так горда за наш старый автомобиль. Ни малейших жалоб за все время путешествия в 2940 миль».

В последующие дни дедушка Нимиц несколько раз брал Джимми на прогулку,

и репортеры, приходившие брать интервью у адмирала, сделали несколько десятков снимков, на которых он и Джимми были вместе. Рождественским утром Джимми был, разумеется, в центре внимания, его отец смотрел, как в кино, за тем, как малыш распаковывал свои подарки. «Все мы получили замечательные подарки,— писала миссис Нимиц,— это был счастливый день». Адмирал подарил миссис Нимиц вечернюю сумочку из китайской парчи, бежевую с рыжим. На Нимицев сыпались сотни писем и телеграмм с приветствиями и наилучшими пожеланиями.

Кейт снова была беременна и быстро уставала. Ее мать понимала, что принимать гостей в течение недели, пусть даже и членов собственной семьи, было более чем достаточно для нее. Так что утром 28 декабря путешественники снова сели на «Крисси» и, взяв Мэри в качестве еще одного пассажира, отправились в Сан-Франциско. Там днем 29-го декабря они остановились в отеле «Фермонт».

На следующий день адмирал Нимиц отправился в штаб 12-го военно-морского округа, где ознакомился с ожидавшей его почтой и узнал, что его личным помощником назначен лейтенант Леннон Т. Пейдж из резерва военно-морских сил. На Новый год он и миссис Нимиц проводили Нэнси на железнодорожный вокзал в Окленде и восточным поездом отправили обратно в Вашингтон, где она работала в библиотеке. Неделю спустя на служебной машине с шофером, предоставленной адмиралу, они отправились в Сан-Рафаэль, чтобы вернуть Мэри в монастырскую школу. Затем они посетили в Окленде военно-морской госпиталь, где Кэтрин работала во время войны.

Нимицы были рады вновь увидеть своих друзей, которые жили в окрестностях залива Сан-Франциско. Из многих приглашений, поступивших к ним, одним из первых они приняли приглашение вице-адмирала Джесса Б. Олдендорфа и его супруги. Как комендант западного участка морской границы, Олдендорф занимал внушительный дом на острове Йерба Буэна в заливе Сан-Франциско. Нимицы

и не мечтали, что когда-нибудь будут жить в таком доме.

Честер вскоре стал проявлять беспокойство, характерное для человека, которому после напряженной и очень ответственной работы оказалось нечего делать. Устав от праздной жизни в Сан-Франциско, они с Кэтрин отправились через залив в отель «Клермонт» в Беркли. Там у них было много друзей, из которых стоит выделить Брюса и Маргарет Кэнага, а также И.К. и Эхинг Ву. С тех пор как Честер и Брюс, будучи одноклассниками, в 1905 году ходили вместе на восток на борту «Огайо», их дороги часто пересекались, и дружба крепла. Кэтрин встретила семью Ву во время Второй Мировой войны. Выходцы из знатной китайской семьи, они прибыли в США перед самой войной. И.К. Ву был банкиром. Кэтрин отзывалась об Эхинг так: «Это самая красивая и блестящая женщина, которую я когда-либо знала».

Честер и Кэтрин всерьез занялись поисками собственного дома, которого никогда не имели. Иметь свой дом было их сокровенным желанием. Честер выдвигал только два требования к дому. В нем должно было быть три ванных комнаты, поскольку он не хотел делить ванную со своими внуками, которые, как он надеялся, будут часто к ним приезжать; из дома должен открываться хороший вид с большой перспективой, желательно на море.

До конца января адмирал с супругой еще раз посетили Сан-Диего на своем старом «Крайслере», который уже начал выходить из строя. Цель поездки заключалась в том, чтобы присмотреть за Кейт. Она ожидала двойню, а Джим получил приказ отбыть в Японию. Для того чтобы иметь возможность помогать, но не причинять при этом неудобств в доме Лея, Нимицы поселились в одном из отелей Сан-Диего.

Двойняшки, Честер Нимиц Лей и Ричард Фримен Лей, появились 18 марта 1948 года. Газетчики сделали из этого целую историю, а фоторепортеры прибыли в резиденцию Лея, чтобы запечатлеть дедушку Нимица с Джимми и двойняшками. Кейт с досадой писала Джи-

му: «Ты даже не позвонил. Это двойняшки адмирала. Они говорят мое имя, а твое не упоминают вовсе».

В этот период времени адмирал Нимиц получал большую почту, основная часть которой пересылалась ему из Вашингтона или Сан-Франциско, а также многочисленные приглашения выступить с речью или принять участие в различных церемониях. Особенно приятно ему было получить от Эрла Уоррена, губернатора Калифорнии, приглашение стать регентом (членом правления) Калифорнийского университета. Он тут же согласился. «Новость, что Честер стал регентом университета», — писала миссис Нимиц, — «доставляет мне радости больше, чем это можно выразить словами. Это делает наше положение здесь как бы более твердым».

Другое письмо, пришедшее в то время в Сан-Диего, оказалось для адмирала менее радостным. Оно было от женщины, по-видимому, добропорядочной, но сбитой с толку, которая с опозданием наткнулась на первый выпуск воспоминаний из серии «Адмирал Хелси рассказывает свою историю» в субботней вечерней газете «Сэтедей Ивнинг Пост». Что особенно привлекло ее внимание и неприятно поразило, так это следующее заявление Хелси: «Бывают, конечно, исключения, но, как правило, я не доверяю военным, которые не пьют и не курят».

Почему-то добрая женщина решила, что автором был адмирал Нимиц, и написала ему с укором. «Дорогой адмирал, — начала она, — я всегда восхищалась Вами, но я очень разочаровалась в Вас. Я только что закончила читать статью в «Сэтедей Ивнинг Пост», в которой Вы сказали, что никогда не доверяете военным, которые не пьют и не курят». Далее она написала, что видела в газете его фотографию «с этими милыми маленькими двойняшками» и подумала, что он оказывает на них хорошее влияние. Но теперь он все испортил, сделав свое ужасное заявление.

Обычно подобные странные письма просто забавляли Нимица, но это письмо его раздосадовало, возможно потому, что он не одобрял воспоминания Хелси, и ему

было неприятно, что его считают их автором. Без промедления он сел и написал ответ: «Дорогая Мадам, вы очевидно спутали меня с другим представителем военно-морского флота. Я не писал той статьи и надеюсь, что такая честная и порядочная женщина захочет исправить свое ошибочное впечатление».

Вскоре после этого адмирал Нимиц уехал в сопровождении супруги. Во время их отсутствия Кейт было поручено вскрывать всю корреспонденцию. «Примерно неделю спустя,— вспоминала Кейт,— пришло это толстое-толстое письмо от этой женщины и я сказала себе: «Должно быть она собирается извиняться на десяти страницах»,— и вскрыла его. Никакого письма вовсе не было, а в конверт была вложена брошюра «Путь к Христу», выпущенная издательством Армии и ВМС».

Главным событием весны 1948 года для Нимицев стал фестиваль в Техасе, в программу которого входили паломничество в Аламо, фиеста в Сан-Хасинто и торжество, посвященное объявлению старого военного корабля «Техас» государственным памятником. По запросу Нимица министр Салливан выслал самолет, чтобы доставить его и миссис Нимиц из Сан-Диего в Техас и обратно. На несколько дней в Сан-Антонио и Хаустоне адмирал оказался в центре всех торжеств, парадов и обедов. На церемонии в честь «Техаса» пятизвездный флаг адмирала был развернут на главной мачте. После торжеств Нимицы посетили города Фредериксберг и Кервилл, где они встретились со всеми друзьями и родственниками адмирала, включая его сводного брата Отто и сводную сестру Дору. Особое значение Честер придавал разговору со своей старой учительницей мисс Сьюзен Мур.

Когда Нимицы приехали обратно в южную Калифорнию, они помогли Кейт переехать вместе с детьми в арендованный дом в Коронадо, а затем сели в «Крисси», на этот раз захватив Фреклза, и отправились обратно в Беркли в отель «Клермонт». Это была унылая поездка. Честер был мрачен, не видя впереди ничего, кроме праздности и скучной жизни по различным отелям. Кэтрин

разделяла его нелюбовь к жизни в отелях, особенно из-за того, что во время обедов в столовой их постоянно отвлекали люди, узнававшие адмирала и подходившие поболтать. Наиболее удручающими были визиты родителей, которые хотели поговорить о своих сыновьях, пропавших во время войны на Тихом океане.

До конца мая Нимицы подыскивали дом, и в конце концов их поиски завершились успешно. В течение длительного времени они не могли подобрать ничего подходящего и стали терять надежду. Они уже стали рассматривать варианты аренды дома, когда их агент по недвижимости предложил миссис Нимиц посмотреть дом в Северном Беркли на Санта-Барбара Роуд. «Я увидела, — писала в своем дневнике Кэтрин, — то, что хотела!! Позвонила Честеру, чтобы он пришел. Он увидел и тоже сразу влюбился в этот дом. Мы поехали прямо в офис, внесли на депозит 1000 долларов и подали заявку. Остаток дня мы надеялись, надеялись и молились».

Дом номер 728 по Санта-Барбара роуд представлял собой большую резиденцию в испанском стиле. Это был один из нескольких очень привлекательных домов, стоявших в стороне от проезжей части довольно близко друг к другу. С задней стороны большинства из них земля опускалась вниз отчетливыми ступенями, образуя несколько террас. Благодаря этому открывался вид, который был необходим адмиралу Нимицу. На задней стороне дома 728 находились выходящие на запад окна гостиной и столовой, из которых можно было наблюдать захватывающую панораму залива Сан-Франциско. На середине между Золотыми Воротами и мостом была видна полоса Тихого океана.

Запрошенная цена составляла 42 000 долларов, что было больше, чем Нимицы могли позволить себе заплатить. По совету агента они предложили 27 000 долларов. Владелец, которого вызвали в Чикаго, где ему была предоставлена должность в компании, внес контрпредложение — 32 500 долларов за дом, драпировку, ковры и печь. Нимицы согласились, внеся 20 500 долларов наличными и взяв кредит под залог на остальную часть

запрошенной суммы. Наличные были выплачены из накоплений военных лет. Адмирал, с его скромными личными расходами в Перл-Харборе и Гуаме, большую часть своего жалования отсылал миссис Нимиц, которая главным образом откладывала эти деньги на случай, подобный этому.

Адмирал Нимиц с большим трудом дождался, когда уедут бывшие владельцы дома 728 по Санта-Барбара роуд. Как только они вышли из главного входа, Нимицы сразу же вошли с заднего. Наконец они были в своем собственном доме! Они начали с покупки мебели, установки книжных шкафов, окраски скамеек во внутреннем дворике, работы на террасах за домом. Свой новый дом они назвали Лонгвайвю, т.е. дальний вид.

Хотя Нимицы наняли на неполный рабочий день горничную и садовника, большую часть работы по дому и во дворе они делали сами. «Адмирал был страстным садовником, — говорила миссис Нимиц. — Он ухаживал за садом, сооружал компостную кучу, а почва, которую он в конце концов уложил в саду, была лучшая из всех виденных мною. Ее так замечательно можно было рыхлить. Он так гордился своими посадками».

Мэри, получившая только отличные оценки в своей высшей школе, приехала провести лето со своими родителями. В середине лета Чет приехал в Беркли, в Калифорнийский Университет, чтобы служить там исполнительным офицером в подразделении NROTC, которое в 1926 году основал его отец. С ним была Джоан и девочки, Френни 8-ми лет и Бетси 2-х лет. Джоан снова была беременна. Честер Нимиц младший приехал в дом на Санта-Барбара Роад, а Честер Нимиц старший был счастливой сиделкой для их детей, пока они подыскивали собственный дом. Нэнси написала из Вашингтона, что планирует приехать на западное побережье, чтобы участвовать в «большом сборе» семейства Нимицев и поискать себе работу.

Чет и Джоан скоро нашли себе дом и переехали туда. Начался осенний семестр. Чет приступил к своим обязанностям в университете и, как и когда-то его отец, довольно быстро нашел новых друзей и получал удо-

вольствие от общения с ними. Как и его родители, Чет любил музыку и был искусным скрипачом. Неудивительно, что скоро он столкнулся со всемирно известным квартетом Гриллера, выступавшем в то время в Беркли. На следующий день, позвонив родителям, он восклицал: «Боже! Как чудесно я провел вчера время. Вчера я ходил слушать квартет Гриллера в музыкальном зале Калифорнийского Университета. Я никогда не слышал такой музыки».

Чет написал Сиднею Гриллеру, первой скрипке и руководителю ансамбля, письмо с восторженным отзывом. Гриллер пригласил его приходить на репетиции в любое время. Это было началом долгих дружеских отношений между семьями Гриллера и Нимица. Квартет иногда проводил свои репетиции в гостиной дома Нимицев, а Сидней и его жена Хонор купили дом в одном квартале от Нимицев. Адмирал, всегда бывший большим любителем детей, стал почти родным дедушкой для их маленькой дочери Кэтрин.

Старший Нимиц сочетал интенсивную работу с активной общественной жизнью. Кроме того, что он работал в саду, занимался устройством дома, проводил текущие ремонтные работы, адмирал стал укладывать пол на недостроенной мансарде. Миссис Нимиц занималась готовкой, стиркой, уборкой, отвечала за текущие расходы, шила себе одежду. Адмирала постоянно приглашали выступать на публичных церемониях. Он был почетным членом знаменитого Богемского Клуба.

Семья Нимицев жила в постоянном потоке людей. Почти каждый вечер они принимали кого-нибудь дома, если сами не были у кого-нибудь на приеме. Они ходили на большинство концертов Симфонического оркестра Сан-Франциско, время от времени посещали спектакли, оперу или кино, присутствовали на крупных спортивных соревнованиях в университете. При этом они находили время, чтобы сидеть с детьми молодых Нимицев.

Днем 6-го ноября 1948 года Джоан положили в больницу. Ее свекровь записала в дневнике Ними-

цев: «Сегодня оказался тот самый день! Сара Кэтрин появилась на свет в 7:40 вечера, все прошло благополучно. Сперва я подумала, что молодой отец разочарован, но его радость, что Джоан в безопасности и что с дочкой все в порядке, перевесила все сожаления. Я счастлива, что моя маленькая внучка носит мое имя! Это честь для меня». Адмирал оставил запись, что ребенок весит 6 фунтов 13 унций [3 кг 90 г].

В 11:30 утра в День Благодарения 25 ноября Нэнси приехала в дом на Санта Барбара Роад, совершив в одиночку путешествие на автомобиле через всю страну, посетив по дороге в Беркли семью Лея в Коронадо. Через пару дней бабушка Нимиц, измотанная уходом за детьми и внуками, помощью мужу, приемом гостей, сдалась. Оставив Нэнси ухаживать за своим отцом, она отправилась в госпиталь Оак Кнолл для обследования и недельного отдыха.

Для только что приехавшей Нэнси было гораздо более очевидно, чем для остальных, что адмирал Нимиц был несчастен. Вся его деятельность проистекала исключительно от скуки. После многих лет, в течение которых он нес большую ответственность, сталкивался с трудными проблемами, принимал молниеносные решения, ему было трудно вынести несерьезность его нынешних занятий. Чтобы придать им ореол значимости, он очень точно их планировал. Вскоре после приезда Нэнси, например, он предложил совершить занимательную экспедицию в бухту Дрейка, где сэр Фрэнсис Дрейк, как считается, ремонтировал свои корабли в 1579 году. Все согласились на это предложение, и тогда адмирал сказал: «Мы отправляемся в 11:05».

В 11:05 Нимиц сидел на стуле в прихожей в своей фетровой шляпе и с тростью, лежащей поперек колен. Он был крайне раздражен, что не все были готовы. Прогулка началась через четверть часа, но для Нимица, при-

выкшего к пунктуальному исполнению его приказов, это опоздание казалось по меньшей мере тремя часами. Весь день для него был испорчен. Своим мрачным настроением, которое так и не смягчилось, он почти что испортил день и всем остальным.

К его огромной неудовлетворенности жизнью, которую он вел, Нэнси относилась как к одной из слабостей его характера. Она определяла ее как «жгучую потребность иметь достойное его личности занятие, неспособность найти его самостоятельно, и холодную ярость по отношению к тому, что в чем-то не отвечало его усилиям».

По иронии судьбы, адмирал Нимиц имел все, что когда-то считал необходимым иметь для того, чтобы быть счастливым. Он и Кэтрин были в добром здравии. У них был дом, который они любили. Впервые за 15 лет их дети были рядом. Появлялось все больше внуков, чтобы скрасить их старость. Некоторые из его сослуживцев вышли в отставку и поселились по соседству: Чарльз Локвуд в Лос Гатосе, Келли Тернер в Монтерее, Раймонд Спьюенс в Пеббл Бич.

Были и другие причины быть довольным. Его зять Лей был повышен в чине до кэптена. Сержант Козард, которого он воспринимал почти как члена семьи, приехал в Калифорнию, чтобы водить служебную машину адмирала. Со времени работы в Вашингтоне он сохранил привычку к пунктуальности. Тогда он добился, что все экспедиции, выполняющие его приказ, точно фиксировали время отправления и прибытия.

В январе 1949 года министр Салливан послал свой персональный самолет в Монффет-фиелд в Калифорнии, чтобы доставить адмирала Нимица для участия в церемонии инаугурации президента Трумэна. В Вашингтоне Нимица с удобствами разместили на яхте министра «Секвойя». В день инаугурации, 20-го числа, он сидел на президентской трибуне, наблюдая как мистер Трумэн приносит присягу. На последовавшем параде Нимиц сидел в машине Салливана, который был маршалом 6-го дивизиона. В машине были также Билл Хэлси,

адмирал флота, и ушедший в отставку Арчер Вандегрифт, который был первым офицером морской пехоты, возведенным в чин четырехзвездного генерала.

Вечером этого же дня адмирал Нимиц присутствовал на приеме, который президент давал в картинной галерее. Он записал в своем дневнике: «През. Трумэн был очень сердечен, увидев меня, и взял меня за обе руки. Он был ярким и бдительным, не поддающимся усталости, которая была очень заметна на лице миссис Т». После краткого посещения инаугурационного бала и встречи в Кэррол Армз с техасскими кавалерами, которые приехали из Сан-Антонио для участия в параде, Нимиц отправился в аэропорт и в полночь улетел. В аэропорту Моффет Фиелд, где он приземлился в полдень следующего дня, его встречали Пейдж и Козард.

Четверг 10 марта 1949 года оказался для адмирала Нимица днем очень загруженным и, по крайней мере в одном отношении, очень важным. Он записал в своем дневнике:

> «Весь день по большей части облачно и дождливо. Провел все утро и два часа после полудня в С.-Ф. в моем офисе, присутствуя на встрече Совета Северной Калифорнии по Международным Делам. [Меня] позвали мистер Бакли и еще один (президент Англо-Американского Банка) официальный представитель администрации президента, предложили стать директором. Меня вызвал на Лонг Дистанс адм. Денфелд — НМО [начальник морских операций], там меня спросили, хотел бы я быть наблюдателем на выборах в Кашмире, где решался вопрос, куда должен войти штат: в состав Пакистана или Индии. Я поинтересовался, смогу ли я взять с собой Маму [жену]. Завтра в полдень меня вызывают в Госдепартамент. Во второй половине дня прибыл адмирал С.С. Робисон, чтобы провести с нами несколько дней. Ч.Н.м. [Честер Нимиц младший] и Джоан зашли посидеть и выпить».

Миссис Нимиц вспоминала о том, как она узнала о поездке в Кашмир:

> «Был дождь, только что пришел адмирал Робисон, и я дала ему «хайбол» [виски с содовой]. В этот момент я увидела, что возвращается мой муж. Я пошла открывать ему дверь. Проходя в дверь, он протянул мне конверт и сказал: «Ничего не говори адмиралу Робисону». Когда он пошел поговорить с адмиралом, я открыла конверт, там было это предложение. Можете представить, что со мною было. Мы только что купили дом. Мы даже полностью не обставили его. Вокруг нас впервые за много лет были все наши дети, а он думал об отъезде. Да, я не сказала ни слова, но мой ум работал со скоростью миля в минуту. Я даже не помню, что подала тогда им на ужин».

Весь следующий день Нимиц провел в Сан-Франциско, главным образом общаясь со своим давним другом и начальником Робисоном, который был теперь вдовцом. Они наносили визиты, обедали в Богемском клубе и присутствовали на холостяцкой вечеринке с коктейлями в офицерском клубе. Нимиц, между тем, успел позвонить в Департамент Военно-морских сил и узнал, что ему предлагается должность Администратора Комиссии ООН по референдуму в Кашмире. В полдень он был в своем офисе, ожидая звонка из госдепартамента. Звонил Помощник Госсекретаря Ден Раск. Раск просил до понедельника информировать Департамент, принимает ли Нимиц это предложение.

В субботу утром ближе к полудню Робисон покинул Нимицев, отправившись нанести визит кому-то еще. Днем Честер и Кэтрин работали в саду, обсуждая вопросы, касающиеся их будущего. «Я на самом деле и не думала, что тут есть чего обсуждать, — писала Кэтрин, — я знала, каким будет его решение. Гораздо лучше спокойно принять его». На самом деле Кэтрин не была настроена решительно против этого назначения. У нее в характере тоже была

романтическая жилка и любовь к приключениям. Ее начинала очаровывать идея далекого путешествия в экзотические страны.

В тот вечер Честер записал в своем дневнике: «Мы с Мамой [супругой] решили, что я должен принять должность администратора в комиссии ООН по референдуму в Кашмире, завтра я пошлю об этом депешу в госдепартамент».

В понедельник 21 марта адмирал Нимиц получил сообщение, что Пакистан и Индия согласились с его назначением, и Секретарь ООН генерал Тригв Ли попросил его как можно скорее прибыть в Нью-Йорк для консультаций. Нимиц позвонил министру Салливану, запросив самолет в ночь на среду 23 марта. Министр согласился его выслать.

Теперь оставалось поторопиться. Честер и Кэтрин достали чемоданы и принялись их паковать, одному Богу известно, сколько времени на это ушло. Зашли Ву, оставив на прощание подарки. Семья Кэнага пришла в среду проводить их. В этот день в 4 часа дня Нимицы покинули Лонгвью с двумя контейнерами багажа. Нэнси осталась одна в большом доме, компанию ей составлял только Фрекльз. Чет и Джоан обещали регулярно заходить.

В 5:30 вечера самолет вылетел из Моффет Фиелд, на борту были Нимицы, лейтенант Пейдж, сержант Козард. Они прибыли в Национальный аэропорт в Вашингтоне на следующий день в 9 часов утра. За этим последовала долгая процедура оформления документов. Нимиц позвонил военно-морскому министру Салливану и был разочарован, услышав, что он не может взять в Кашмир команду из представителей флота, поскольку лица, находящиеся на действительной военной службе, не могут получать дополнительного жалованья, кроме ежедневного довольствия. Это ограничение не касалось его самого. После полудня он позвонил новому госсекретарю Дену Ачесону, который переадресовал его к служащим госдепартамента за краткой информацией о положении в Кашмире.

Когда Пакистан в 1947 году отделился от Индии, принадлежность штата Кашмир оказалась спорной. Магараджа Кашмира предпочитал союз с Индией. Чтобы не допустить этого, пакистанские мусульмане вторглись в Кашмир и угрожали штурмом взять Сринагар, столицу штата. Тогда магараджа, формально присоединив свой штат к Индии, обратился за помощью к индийскому правительству, которое послало войска для защиты города. Война в Кашмире бушевала до конца 1948 года, когда Индия вынесла этот вопрос на рассмотрение Совета Безопасности ООН. Комиссия ООН по Индии и Пакистану подготовила соглашение о прекращении огня и постановила, что вопрос о будущем Кашмира должен быть решен на референдуме. Индия и Пакистан согласились объявить перемирие и вывести войска из Кашмира, чтобы облегчить проведение референдума, руководить проведением которого было поручено Нимицу.

В течение двух следующих дней Нимиц совещался с индийскими и пакистанскими дипломатами, которые убеждали его, что их правительства сделают все возможное для успеха его миссии. В госдепартаменте он получил инструкции от сотрудников, имевших опыт организации референдумов. Он посетил военно-морской госпиталь в Бетесда, чтобы встретиться с адмиралом Кингом, но оказалось, что того нет на месте. Затем он отправился в Белый дом, чтобы присутствовать при вручении награды адмиралу Леги — третьей медали за отличную службу, и принял делегацию, которая просила его поставить подпись под поздравлением генералу Макартуру.

В понедельник 28 марта Нимицы поездом отправились в Нью-Йорк, где их проводили в квартиру, приготовленную для них в Ривер Клаб. Затем адмирал Нимиц позвонил американским представителям в ООН вице-адмиралу Бернхарду Х. Биери и сенатору Уоррену Р. Остину в штаб-квартиру делегации на Парк-авеню. За этим последовал его доклад Тригве Ли и его исполнительному помощнику Эндрю У. Кордиеру. Его первый день в Нью-Йорке завершился совещанием со специалистами ООН по проведению референдумов.

Почти весь вторник Нимиц провел в штаб-квартире ООН на Лейк Саксесс. Миссис Нимиц пришла посмотреть на новый кабинет мужа, который был лучшим из всех, что у него когда-либо были. Нимицы были ошеломлены, узнав что жалование адмирала в ООН будет составлять 26 000 долларов в год плюс 20 долларов ежедневного довольствия. С учетом жалования адмирала во флоте в 15 000 долларов в год, получалась сумма большая, чем они когда-либо рассчитывали иметь. Для 1949 года это было, действительно, очень внушительным доходом.

Адмирал Нимиц при содействии ООН приступил к набору штата. Генерал-майор в отставке Гэрри Дж. Мэлони (США) согласился на должность заместителя администратора. В состав комиссии, которую он намеревался ограничить двумя-тремя десятками человек, вошли граждане Соединенных Штатов, Канады, Франции, Китая и Великобритании. Среди них были специалисты, готовые решать задачи на каждой стадии работы. Из-за трудностей с выплатой жалования Нимицу пришлось отправить обратно в Калифорнию лейтенанта Пейджа, а вместе с ним и сержанта Козарда. Теперь Нимиц мог полагаться только на служащих ООН.

На волне энтузиазма, после того как были преодолены первоначальные трудности, Нимиц набросал статью «Задача миссии по референдуму» для бюллетеня ООН. «Я уже встречался с некоторыми представителями Индии и Пакистана,— писал он,— и я впечатлен их горячим желанием достигнуть мирного решения этой проблемы. Я должен сказать, что в случае проявления доброй воли и при поддержке всех заинтересованных сторон, можно быть уверенным относительно успешного исхода».

До середины апреля предполагалось, что адмирал Нимиц с супругой, а также его сотрудники отправятся в Кашмир не позднее конца месяца. Однако ему посоветовали не приезжать в Индию до тех пор, пока не будет подписано соглашение о перемирии. В конце апреля подписание соглашения было отложено, поскольку обе сто-

роны имели возражения против плана перемирия, предложенного комиссией ООН по Индии и Пакистану. Нимиц принял решение перенести дату отъезда семьи и сотрудников на полуостров.

Несмотря на разочарование, вызванное задержкой перемирия, адмирал Нимиц был счастлив находиться на службе в ООН. Он чувствовал, что занимается чем-то действительно значительным. Он присутствовал на многих конференциях и интенсивно разрабатывал планы и при этом получал удовлетворение от работы. Ему нравилось участвовать в дискуссиях с делегатами и сотрудниками ООН. Если у него выдавалось немного свободного времени, он присутствовал на заседаниях Совета Безопасности или различных комитетов. Миссис Нимиц проводила много времени дома за рисованием или изучением Индостана, но она тоже часто посещала ООН и сидела со своим мужем на заседаниях, открытых для публики. Более всего супругам нравилось присутствовать на заседаниях комиссии по правам человека, которой руководила Элеонора Рузвельт.

Адмирал Нимиц отказался от диеты, чтобы во время ленча иметь удовольствие вести беседы в столовых ООН. Там он присоединялся к персоналу ООН или приглашал друзей, живших в Нью-Йорке или находившихся там проездом, на ленч с ним и Кэтрин, а также на краткую экскурсию по штаб-квартире ООН. Однажды по какой-то причине за его столом оказался невоспитанный человек. Глядя неодобрительно на людей с различным цветом кожи вокруг, он спросил: «Они позволяют этим иностранцам тут есть?» Кэтрин спокойно ответила: «В Объединенных Нациях нет иностранцев».

Чету Нимицев часто приглашали на обеды, которые давали делегаты и наблюдатели ООН. Один из таких обедов навсегда остался в памяти Кэтрин. Он проводился вечером 26-го апреля Генеральным Секретарем Тригве Ли в честь оставившего пост президента Генеральной Ассамблеи Герберта Вере Эватта из Австралии. В числе гостей были миссис Огден Рейд, Гектор МкНейл, семья Эндрю Кордиера, Ден Раск, посол Китая Веллингтон Ку

и Андрей Громыко, заместитель министра иностранных дел СССР и глава русской делегации в ООН. Это было время международной напряженности, вызванной блокадой Берлина Советским Союзом. Громыко, которого среди англоговорящих делегатов называли «Каменное лицо» и «Человек отталкивающего «Нет»», считался одним из инициаторов блокады.

Когда Кэтрин Нимиц, сознавая, как элегантно она выглядит в новом вечернем платье из белого нейлона, выходила из дамского гардероба, к ней подошел Честер и спросил:

— Ты знаешь, кто будет твоим соседом за столом на сегодняшнем обеде?

— Кажется, Громыко?

— Да.

— Отлично, я думаю, мы с ним поладим.

Когда они вошли в зал, Громыко ожидал их, чтобы подвинуть стул для Кэтрин. Когда он сел, она повернулась к нему и сказала: «Давайте поднимем тост за мир». Он согласился.

Кэтрин спросила его, не приедет ли в Соединенные Штаты миссис Громыко. Он ответил болезненным и усталым голосом, по которому Кэтрин поняла, что этот вопрос ему задавали многие люди, по-видимому, полагавшие, что миссис Громыко отсутствует из-за пренебрежения или недоверия. Громыко объяснил, что их сын готовится к поступлению в Московский университет и, что только русская система преподавания располагает подготовительными курсами, необходимыми для поступления. Миссис Громыко считает, что она должна остаться, чтобы обеспечить нужные условия своему сыну и помочь ему в занятиях.

Кэтрин ответила, что отлично ее понимает. Много раз она была вынуждена отказываться от того, чтобы быть с Честером, потому что ее дети ходили в школу или готовились в колледж.

Тригве Ли, сидевший слева от Кэтрин, начал деловой разговор с Громыко, который сидел молча и выглядел раздраженным. Наконец Громыко сказал: «Давайте не будем за обедом говорить о делах».

«Да,— сказала Кэтрин,— давайте не будем на обеде говорить о делах. Давайте поговорим о музыке и цветах».

Громыко вздохнул и сказал: «Давайте».

Мистер Ли засмеялся немного глуповато и, отвернувшись заговорил с гостем, сидящим слева от него. Кэтрин спросила Громыко, о чем он знает больше — о цветах или о музыке.

«Ни о чем» — ответил Громыко.

«Хорошо,— сказала Кэтрин, тогда я расскажу вам несколько замечательных морских историй». И она начала рассказывать одну из любимых историй Честера. Когда «Каменное лицо» разразилось сердечным смехом, гости вздрогнули, и все головы повернулись к ним. Позднее Кэтрин заметила, что рассматривает этот эпизод как свое достижение.

После обеда дамы удалились в гостиную, а мужчины скрылись в верхней части дома. Прошло несколько часов. Дамы были уже одеты и готовы к отъезду, когда мужчины наконец спустились. На часах было уже 12:30.

По пути домой Нимицы обсуждали свои впечатления. Козард, их шофер, поделился своим собственным приключением. Будучи человеком общительным, он провел вечер за разговорами с шоферами со всего мира, работающими в ООН. Вдруг он заметил, что русские шоферы держатся в стороне. Он подошел к ним и предложил присоединиться к остальным. Они очень вежливо ответили, что им это не позволено.

Несколько дней спустя, когда Кэтрин и Честер были на ленче в ООН, к ним подошел Кордиер. «О, Энди,— сказала Кэтрин — У меня не было никаких проблем с Громыко. Мы отлично поладили».

Кордиер посмотрел на нее с улыбкой. «Вы думаете, мы за вами не следили? — сказал он.— Вас специально посадили рядом. Мы очень пристально наблюдали за вами. Возможно, вам будет интересно узнать, что в тот вечер после обеда нам удалось уговорить Громыко подняться с нами наверх, и блокада Берлина была прорвана».

Ожидая отправки в Индию, Нимицы жили попеременно то в Ривер Клаб, то в отеле «Чэтем», а иногда останавливались у друзей. Поскольку ожидание затянулось на неопределенный срок, они стали подыскивать постоянное жилье, и вскоре им были выделены две больших удобных комнаты в Чимниз, красивом старом английском доме, который был в разобранном виде перевезен из Англии и построен заново одной состоятельной вдовой в Вашингтоне на острове Лонг-Айленд. Этот дом арендовался Управлением военно-морских исследований для тренировочного центра. Он использовался как общежитие для офицеров, списанных по состоянию здоровья, и как жилье для холостых офицеров. В числе жильцов было также несколько женщин, занимавшихся научными исследованиями.

Кэтрин писала в дневнике о днях, проведенных в Чимниз: «Что за чудесное место! Кажется почти святотатством, что этот милый старый дом был оторван от Англии. Очаровательные резные окна и двери и изумительные дымовые трубы. Никогда я не видала ничего более удобного и прекрасного».

Как всегда, Честер много гулял, особенно по выходным. Под вечер они с Кэтрин обычно плавали в бассейне, если было холодно, а в теплую погоду — в проливе Лонг-Айленд. Почти все выходные Нимицы проводили, занимаясь общественной деятельностью. В Нью-Йорке на Лонг-Айленде у них было много друзей, а благодаря их связям во флоте и знакомствам в ООН друзей стало намного больше. Несколько раз они были приглашены на прогулки на яхтах по проливу.

Среди тех, кого Нимицы видели особенно часто, была семья Джилберта Дарлингтона. Доктор Дарлингтон представлял собой редкое сочетание благочестивого священника и чрезвычайно успешного финансиста. Он перестал проповедовать в церквях из-за наступившей глухоты, но оставался капелланом в резерве военно-морского флота. В прошлом он состоял главным капелланом армии и флота Соединенных Штатов во время обеих мировых войн. С 1920 года он был казначеем Американского библейского общества.

В июне 1949 года Библейское общество организовало передачу на национальном радио, главным героем которой был президент Трумэн. Доктор Дарлингтон попросил Нимица выступить с пятиминутной речью, предваряющей выступление президента. Нимиц пытался отказаться, ссылаясь на то, что плохо знает Библию, и с тех пор, как закончил Военно-морскую академию, посещал церковь разве что на свадьбах и похоронах. «По правде говоря,— сказал адмирал — Я даже не знаю, был ли я крещен».

Дарлингтон убедил Нимица, что чтение Библии, с ее учением о морали, преданности и братстве, может послужить улучшению общества и попросил развить эту мысль в краткой речи. Нимиц продолжал говорить, что он не подходит для этой цели, но Дарлингтон настаивал до тех пор, пока Нимиц, чтобы не разочаровывать друга, был вынужден сдаться. Он работал над речью, заботясь о том, чтобы не создать ложного впечатления о его собственных убеждениях. «Я уверен, что было достаточно много моих слушателей, которые с нетерпением ожидали Трумэна,— писал он впоследствии.— Я пытался построить свою речь так, чтобы меня нельзя было обвинить в лицемерии».

Роковым, как оказалось, стало для Нимица признание, что он не помнит, был ли крещен. Дарлингтон был уверен, что, если бы Нимица крестили, тот бы знал об этом. Поэтому для Дарлингтона было очевидно, что Нимиц не был крещен, и, следовательно, его совершенно необходимо было немедленно крестить. Поначалу Нимиц полагал, что он может с улыбкой отмахнуться от этого предложения, но он недооценил доктора. При каждой возможности Дарлингтон возобновлял попытки убедить Нимица креститься. В конце концов Нимиц начал терять терпение. Не желая проходить церемонию, которая подразумевала признание догматики, которую он не разделял, Нимиц, морщась, говорил Кэтрин: «Я не хочу креститься». Затем он добавлял с надеждой: «Мне кажется, что, возможно, я уже крещен». «Почему ты не хочешь написать в Техас,— ответила Кэтрин,— и спросить, был ли ты крещен?»

Честер написал своему дяде, который был судьей, и попросил его разобраться в этом. «Нет необходимости слишком беспокоиться, — писал он. Просто убедись, что имеется запись».

Эта история стала известна всей семье Нимицев, и все признали сходство с ситуацией, описанной Клэренс Дэй в «Жизни с отцом». «Это же совсем как в «Жизни с отцом!» — могли сказать они. — Мы собираемся крестить отца!»

«Если я покрещусь, — сказал адмирал своей жене — ты должна будешь креститься тоже».

«Я не открою рта в этом случае, — ответила Кэтрин приветливо. — Я не собираюсь ничего с этим делать».

Наконец пришел ответ от дяди из Техаса. Честер был крещен ребенком в лютеранской церкви. Доктор Дарлингтон, успокоенный этим известием, прекратил свою кампанию.

Нимиц никогда не переставал интересоваться политикой национальной безопасности, особенно если это затрагивало флот. Он очень интересовался авианосцем «Юнайтед Стейтс», строительство которого началось в Ньюпорт-Ньюс в штате Вирджиния 8-го апреля 1949 года. Строительство началось отчасти благодаря совету Нимица. Перед отставкой он сказал министру Салливану, что флот нуждается в достаточно больших авианосцах, на которых могли бы размещаться самолеты, способные нести 10 000-фунтовые [4,5 тонны] атомные бомбы. Веским аргументом в пользу этого совета послужил тот факт, что радиус действия нового стратегического бомбардировщика B-36 был недостаточно велик для того, чтобы он мог достигать любой точки Советского Союза с территории Соединенных Штатов.

Когда Салливан запросил средства на строительство первого сверхкрупного авианосца «Юнайтед Стейтс», руководство военно-воздушными силами активно возражало, рассматривая стратегические бомбардировки и доставку атомных бомб как свою монополию. Министр обороны Форрестол, чтобы прекратить язвительные дебаты между представителями различных родов войск,

встретился в Ки-Уэст с объединенным комитетом начальников штабов для принятия решения относительно целей и задач родов войск. На этой встрече было достигнуто соглашение, что, хотя нанесение стратегических бомбовых ударов является главным образом задачей военно-воздушных сил, военно-морскому флоту и подразделениям морской пехоты следует разрешить для выполнения своих задач атаковать любые цели, в том числе и с использованием атомного оружия. Из этого соглашения логично вытекало, что военно-морской флот может строить большие авианосцы.

После того, как средства на новый авианосец были выделены, но еще до того, как началось его строительство, Форрестол, будучи духовно и физически истощенным, ушел в отставку с поста министра обороны. На его преемника на этом посту Луи А. Джонсона, большинство морских офицеров смотрело с недоверием. Джонсон в годы Первой Мировой войны был армейским офицером, а в конце 30-х годов — помощником военного министра. Он поддерживал разработку B-17, а со времени Второй Мировой войны был директором компании, которая занималась производством B-36. Про него говорили, что он является сторонником вывода морской авиации из под командования ВМС и переподчинения ее командованию ВВС. Он также считался сторонником перевода подразделений морской пехоты из ВМС в армию. Будучи человеком более прямолинейным и менее чувствительным, чем Форрестол, он пришел в министерство готовым, как он выразился, столкнуться лбами, если понадобится, чтобы добиться более тесного объединения родов войск и укрепить ВВС.

Одним из первых решений Джонсона на посту министра обороны стало прекращение работ по созданию авианосца «Юнайтед Стейтс» и отказ от их завершения. В знак протеста министр ВМС Салливан подал в отставку. В письме о своей отставке от 26-го апреля 1949 года, которое он распространил в прессе, он заявил Джонсону, что отказ от супер-авианосца «представляет собой первую в истории страны попытку не допустить разработки

мощного вооружения. Убеждение, что за этим последует ликвидация морской пехоты и реорганизация всей морской авиации, усиливает беспокойство».

Утром 3-го мая Нимицу, находившемуся в своем кабинете в ООН, позвонил Салливан, который попросил встретиться с ним в аэропорту «Ла Гуардия». Экс-министр прибыл незадолго до полудня и пригласил адмирала в свою машину. Оставляя общественную деятельность, он хотел попрощаться со своим старым другом, с которым он служил в морском министерстве. Он с горечью сообщил Нимицу обстоятельства появления приказа о прекращении строительства, а также рассказал ему о других планах Джонсона, которые, на его взгляд, угрожали национальной безопасности.

Преемником Салливана был Фрэнсис П. Мэттьюз, банкир и бизнесмен из Омахи, штат Небраска. Мэттьюз, назначенный президентом Трумэном по рекомендации министра Джонсона, почти ничего не знал о ВМС. Он признался, что его непосредственный контакт с морскими силами исчерпывался одной прогулкой на гребной лодке. Но Мэттьюз был человеком Джонсона. И Трумен полагал, что Джонсон не может ошибаться и, следовательно, Мэттьюз был полезным человеком.

Форрестол так никогда и не оправился от истощения, вызванного тяжелой работой в министерстве. Находясь в душевном расстройстве, он проходил лечение в госпитале в Бетесде, штат Мэриленд. Ночью 22-го мая он проник на кухню, открыл окно и выбросился из него. На следующий день миссис Нимиц писала в дневнике: «До нас дошло известие о смерти Джима Форрестола. Бедняга, ему досталась ноша тяжелее, чем он мог вынести. Он много сделал для военно-морского флота».

В августе 1949 года были приняты поправки к Закону о Государственной Безопасности. Согласно этим поправкам, против которых выступал Салливан, Национальный Военный Совет был заменен Департаментом обороны, а армия, флот и военно-воздушные силы объединялись более тесно, чем раньше. Это далеко не означало полного слияния различных родов войск, но усилило

власть Джонсона в военных министерствах и позволяло главе одного из родов войск, будучи председателем Объединенного комитета начальников штабов, действовать в интересах своего рода войск, ущемляя остальные. На этой должности должна была происходить ротация среди представителей различных родов войск. Первым эту должность занял генерал Омар Н. Брэдли.

Хотя в августе 1949 года русские взорвали атомную бомбу, Джонсон настаивал на экономии. Он отказывался тратить весь утвержденный президентом военный бюджет, который был в опасной степени скудным. Поскольку большая часть этой «экономии» проводилась за счет сокращения расходов на морскую авиацию, стало очевидным, что скоро ВМС будут не в состоянии поддерживать наступательные воздушные операции. Представители армии, включая генерала Брэдли, предлагали, чтобы все операции с высадкой десанта проводились под командованием армии. Некоторые офицеры воздушных сил склонялись к тому, чтобы ограничить деятельность флота борьбой за морские коммуникации и ведением противолодочной войны. Эти офицеры предлагали ограничить воздушные операции флота охотой за подводными лодками, которая выполнялась бы небольшими самолетами, взлетающими с авианосцев. Джонсон, похоже, склонялся к тому, чтобы поддержать эти крайности, а Мэттьюз послушно следовал его указаниям.

Первым из морских офицеров тревогу забил ветеран авиации кэптэн Джон Г. Кромлин. 10-го сентября 1949 года он, в нарушение правил субординации, публично обвинил руководство военно-воздушных сил в том, что оно стремится контролировать основную часть военного бюджета и подчинить себе все воздушные силы. Он обвинил также Джонсона в том, что он установил диктатуру в Департаменте обороны. Кромлин указал на то, что в Объединенном комитете начальников штабов с его «наземной концепцией национальной обороны» голоса представителей флота всегда оказываются в меньшинстве.

Мэттьюз, считая, что Кромлин одинок в своем недовольстве, попросил прокомментировать его высказывания

старшего командующего флотом. Вице-адмирал Джеральд Ф. Боуген, другой ветеран морской авиации, командовавший воздушными силами Тихоокеанского флота не упустил этой возможности. К удивлению Мэттьюза, Боуген написал, что полностью согласен с Кромлином. Он добавил, что «вздорные» шаги по сближению родов войск, предпринимаемые в Вашингтоне, угрожают нации, что моральный дух на флоте сейчас ниже, чем когда-либо за всю его 33-летнюю карьеру.

Адмирал Артур Рэдфорд, в то время командующий Тихоокеанским флотом, который после смерти Митчера и отставки Тауэрса, считался главным авиатором флота, подписал письмо Боугена, добавив, что большинство морских офицеров разделяют точку зрения Кромлина. Адмирал Денфелд, не являвшийся авиатором, также подписал это письмо, соглашаясь с Рэдфордом. Когда 4-го октября Кромлин сделал письмо Боугена со всеми подписями достоянием прессы, возмущенный Мэттьюз заявил Денфелду, что его шансы остаться начальником морских операций уменьшились.

Глава Комитета по вооруженным силам при Палате Представителей Карл Винсон, занимавшийся изучением вопроса о бомбардировщике B-36, расширил предмет расследования, чтобы рассмотреть в полном объеме вопрос объединения вооруженных сил. В качестве первого свидетеля по этому вопросу был вызван адмирал Рэдфорд, который самым убедительным образом доказывал правоту представителей флота. Он назвал B-36 «ошибкой в миллиард долларов», популярным «символом теории атомного блица, которая обещала дешевую и быструю победу в войне в случае ее начала».

Чтобы и другие офицеры произвели нужное впечатление на Комитет, Денфелд привез в Пентагон блистательного кэптэна Арлея Берка, для подготовки их выступлений. Адмирал Рэдфорд оставался в Вашингтоне, чтобы усиливать позиции флота, в том числе, давая советы свидетелям. Член палаты представителей Стерлинг Коул из Комитета по вооруженным силам написал большинству адмиралов, запрашивая их мнение. Адмирал

Нимиц послал ответ, в котором он объяснил, в чем именно, на его взгляд, должны заключаться задачи военно-морского флота. Он сделал специальную оговорку, что его письмо не должно быть достоянием прессы без разрешения военно-морского министра.

Джонсон и Мэттьюз уверили прессу, что офицеры, предстающие перед комитетом Винсона, свободны излагать свое собственное мнение, и что они не понесут никаких наказаний, если выразят несогласие с позициями военно-морского министра или министра обороны. Тем не менее Мэттьюзу стоило немало усилий, убедиться, что адмирал Денфелд является «ручным», т.е. что, когда придет очередь его выступления, он не скажет ничего, что бы противоречило политике министров, политике, к одобрению которой склонялся Президент.

Утром 13 октября адмирал Нимиц оказался в Вашингтоне по делам ООН и заехал в Пентагон, чтобы нанести несколько визитов, необходимых из соображений учтивости. Денфелда не оказалось в своем кабинете. Наступила его очередь выступать перед Комитетом Винсона. Нимиц посетил министров Мэттьюза и Джонсона. Передать Мэттьюзу право распоряжаться своим письмом, а затем нанести ему визит было делом элементарной учтивости, которой адмирал не мог пренебречь. Однако Мэттьюз, чувствуя, что находится в изоляции со стороны старших морских офицеров, которые избегали его, был тронут, поскольку для него визит Нимица выглядел как проявление симпатии.

Для министров Мэттьюза, Джонсона и даже для Президента Трумэна показания адмирала Денфелда имели эффект разорвавшейся бомбы. Поскольку он утверждал, что поддерживает объединение родов войск, они ожидали от него по меньшей мере частичной поддержки своих взглядов и что он в любом случае сохранит молчание по тем пунктам, в которых он не был с ними согласен. Вместо этого Денфелд подчеркнуто заявил, что поддерживает все, что сказал Рэдфорд.

14-го числа Нимицу, возвратившемуся из ООН, позвонил по телефону Мэттьюз. Министр сказал, что имеет

настоятельную необходимость в его совете. Нимиц предложил вернуться обратно в Вашингтон, но Мэттьюз отказался и сказал, что сам приедет в Нью-Йорк. Не встретится ли Нимиц с ним завтра в отеле «Бэркли»?

На следующее утро в «Баркли» адмирал Нимиц застал министра Мэттьюза в состоянии сильного возбуждения. Он сказал, что чувствует себя жертвой заговора, в котором Денфелд является главным заговорщиком. «Он ничего мне не сказал»,— сообщил Мэттьюз. Министр добавил, что знал о том, что в выступлениях Арлея Берка и адмирала Рэдфорда будет критика объединения вооруженных сил и бомбардировщика B-36.

«Первый раз меня посвятили в проблему,— сказал Мэттьюз,— когда комитет конгресса информировал меня о Вашем письме. Адмирал Нимиц, это был первый раз, когда я узнал об этих возражениях. Денфелд никогда ничего мне не говорит. Разве это правильно?»

Нимиц не имел ни малейшего желания участвовать в каких-либо разборках между военно-морским министром и начальником морских операций. Особенно он старался не выглядеть критичным по отношению к Денфелду, который ему нравился. Но чтобы быть до конца честным, он был вынужден признать, что командующий не должен скрывать от министра факты, касающиеся военно-морских сил. «Когда я был командующим морских операций,— сказал Нимиц,— я докладывал мистеру Форрестолу каждое утро, как только прочитывал донесения. Я считал своей обязанностью, полностью информировать его обо всем, что касается флота».

Хотя Нимиц не мог полностью согласиться со взглядами Мэттьюза, похоже ему было жаль этого человека, желающего добра, но сбитого с толку, который разрывался между своим долгом, заключающимся в том, чтобы поддерживать военно-морской флот, и лояльностью к Джонсону, своему другу и начальнику. Последний вопрос Мэттьюза показал всю степень его незнакомства с проблемами военно-морского флота: «Как я могу избавиться от Денфелда?»

Казалось невероятным, что человек, который уже в течение шести месяцев занимал пост военно-морского

министра, мог не знать ответ на такой элементарный вопрос. Нимиц терпеливо объяснил, что Верховным главнокомандующим вооруженными силами является президент и что отстранение гражданских или военных должностных лиц в вооруженных силах является прерогативой Президента. Он сказал Мэттьюзу, что, если тот действительно считает, что не может работать с адмиралом Денфелдом, ему следует написать мистеру Трумэну письмо с просьбой перевести адмирала на другую должность, изложив при этом причины. Он указал также, что в перечне этих причин не может быть ссылки на заявления, сделанные им для комитета Винсона, поскольку всем офицерам были даны гарантии, что за их показания они не будут преследоваться.

Министр Мэттьюз вернулся обратно в Вашингтон и написал письмо, на составление которого у него ушло, по-видимому, несколько дней. В нем он просил президента Трумэна «для блага страны» перевести адмирала Денфелда «на другой ответственный пост». В качестве обоснования его запроса выступали не показания Денфелда комитету Конгресса, а его подпись под письмом Боугена. Президент был очень рад удовлетворить эту просьбу. Днем 27 октября он открыл свою пресс-конференцию заявлением, что получил этот запрос и удовлетворил его. Через час эта новость была передана по радио и телевидению.

В понедельник 31 октября ближе к вечеру адмирал Нимиц вернулся из ООН в Чимниз с тяжелой формой ларингита и сразу лег в постель. Во время ужина ему позвонили. Ссылаясь на свое больное горло, адмирал попросил миссис Нимиц ответить на звонок.

«Я думаю, ты сам захочешь поговорить, — сказала Кэтрин — это президент». Честер взял трубку. Содержание последующего разговора он записал в дневнике:

> «Мне позвонил през. Трумэн, который сообщил, что его просят вернуть меня в Вашингтон для исполнения обязанностей КМО. Он поинтересовался моим мнением, и я постарался изложить его, насколько мой ларингит позволил мне это сделать.

Я сказал ему, что было бы ошибкой возвращать на эту должность старого офицера (старше отставного возраста), в то время как имеется много молодых способных офицеров. Я также сообщил ему, что моя нынешняя должность в ООН, на которую он меня назначил несколько месяцев назад, имеет для меня первостепенное значение... В конце разговора я сказал, что вернулся бы в Вашингтон на должность КМО только по его приказу. Он ответил, что никогда не отдал бы приказ, не посоветовавшись со мной. Он был предельно дружелюбен и сердечен».

Трумэн попросил Нимица рекомендовать какого-нибудь другого офицера на место Дэнфелда. Нимиц ответил, что в флоте много хороших офицеров, которые подошли бы на эту должность. Трумэн попросил назвать ему несколько имен. Нимиц назвал адмирала Форреста Шермана, в то время командующего Шестым флотом, и адмирала Ричарда Конолли, командующего военно-морскими силами США в Европе.

— А кого бы вы рекомендовали из этих двух?

— Шерман моложе и менее вовлечен в политику.

— Спасибо,— сказал Трумэн и попросил Нимица повторить его рекомендации, вероятно для того, чтобы записать их.

В среде морских офицеров Шермана считали человеком, который лучше всех подходит для того, чтобы установить мир в раздираемом страстями военно-морском министерстве. Возможно, что для Трумэна и почти наверняка для Мэттьюза Шерман стоял в списке кандидатов вторым — после Нимица. На самом деле Мэттьюз уже отдал Шерману приказ вернуться из его штаб-квартиры в Ливане. 1-го ноября в 4:30 утра самолет Шермана приземлился в Нью-Йорке, он отправился прямо в Вашингтон, где ему сообщили о назначении начальником морских операций. В этот вечер он по телефону сообщил эту радостную новость Нимицам. Честер и Кэтрин тепло поздравили его. Он так никогда и не узнал, что именно Нимиц рекомендовал его на эту должность.

Адмирал Денфелд не захотел принять другую должность и предпочел уйти в отставку. Он написал статью «Почему меня уволили», которая в марте следующего года была напечатана в газете «Колльерз». Министры Мэттьюз и Джонсон продержались на своих постах несколько дольше. Несостоятельность их политики стала очевидной, когда разразившаяся летом следующего года Корейская война вскрыла все слабости американских вооруженных сил, доведенных ошибочной экономией до почти небоеспособного состояния. Поддержка авианосцев, которые критики флота называли устаревшими, спасла Восьмую армию. Седьмой Флот США, высадив в Инчхоне 1-ю дивизию морской пехоты, переломил ход событий в районе Пусанского плацдарма. Ветеран армии генерал Макартур сказал: «Никогда еще флот и морская пехота не выглядели столь блестяще, как в это утро».

Когда в августе 1950 года министр Мэттьюз вопреки благоразумию стал призвать к превентивной войне против Советского Союза, президент Трумэн отправил его послом в Ирландию. Нужно было убрать его подальше от Пентагона, чтобы он исчез с первых полос газет. Месяц спустя все более ошибочная политика Джонсона вынудила Трумэна потребовать его отставки. На должности министра обороны Джонсона сменил генерал армии Маршалл.

В период работы адмирала Нимица в Организации Объединенных Наций миссис Нимиц была вынуждена совершать регулярные поездки между Восточным и Западным побережьем. В мае 1949 года она вылетела на запад, чтобы присутствовать на выпускном вечере Мэри в высшей школе, где она удостоилась высшей степени отличия. Нэнси нуждалась в ее помощи, дому тоже нужен был присмотр. Нэнси, надеясь не возвращаться к работе в библиотеке, стала изучать русский язык в Калифорнийском университете. Это занимало все ее время, и она не успевала ухаживать за домом и садом. Миссис Нимиц делала все, чтобы исправить положение. В середине июня, устроив Мэри в летнюю школу, она возвратилась на Лонг-Айленд.

В конце июля Кэтрин снова стала готовиться к поездке на запад, ее мысли нашли отражение в дневнике:

«Утром была занята тем, что упаковывала одежду в новые красивые чемоданы. Каким волнующим оказывается путешествие с солидным багажом! Это даже немного слишком стильно для того, кто тридцать пять лет путешествовал с чем придется. Откровенно говоря, гардероб, который я раньше возила, и сам был под стать тому багажу, в котором кроме прочего были куклы, игрушки, бутылочки и пеленки. Теперь же гардероб, как и багаж, стал более солидным — ни кукол, ни игрушек, ни пеленок, ни бутылочек — ну в крайнем случае одна. Мне остается надеяться, что впереди у нас счастливые времена, которые компенсируют те, когда багаж у нас был разнородным, а гардероб — заурядным».

Перед самым отъездом она оставила еще одну запись — короткое прощальное послание Честеру: «Спокойной ночи, мой дорогой! Вся моя любовь полностью принадлежит тебе. В душе я всегда буду с тобой». Эта запись оказалась последней, сделанной Кэтрин, хотя в течение еще восьми месяцев Честер делал ежедневные записи. После отъезда Кэтрин он записал: «Я расстался с нашей Мамой [т.е. супругой] и утешаюсь мыслью, что разлука наша будет недолгой, и что она помогает нашим детям».

В сентябре 1949 года Нимиц сделал счастливую запись о том, как он распорядился своим двойным жалованьем:

> «Выслал последний чек в Американскую Трастовую Компанию в Беркли, тем самым полностью расплатившись за наш дом 728 на Санта-Барбара роад в Беркли. Для нас стало большим облегчением освободиться от этого долга. Слишком часто люди моей возрастной группы — шестидесятилетние — умирают от сердечного приступа, и я не могу полностью исключить такой возможности относительно себя самого. Авиационные катастрофы, хотя они и редки, также могут прервать мою жизнь. Однако теперь мне значительно легче на душе, ведь у меня

нет постоянного страха, что в случае несчастного случая, я оставлю семье огромные долги».

Миссис Нимиц тем временем была занята тем, что присматривала за «Лонгвью», помогала Нэнси готовиться к поездке через континент и следила за поступлением Мэри на первый курс Стэнфордского университета. Дело осложнялось тем, что правая рука Мери была в гипсе. Она сломала ее, катаясь на роликовых коньках. За неделю Нэнси в одиночку доехала до Чимниза. Она встретилась с отцом и своей тетей Элизабет Фримен в ее доме в Уэллфлите. Затем она отправилась в Гарвардский Университет, чтобы начать работу в рамках региональной программы по изучению русского языка. В конце сентября обратно в Нью-Йорк приехала миссис Нимиц. Счастливый адмирал записал об этом событии: «В 9 часов утра встретил нашу Маму в аэропорту Ла Гуардия, когда ее самолет прибыл из Калифорнии. О как мне было приятно увидеть ее!»

В эту осень Нимиц ездил в Вест Пойнт выступать перед кадетами. Он сказал им: «Я надеюсь, что не доживу до того, как появится водородная бомба». От Чета пришло письмо, извещающее о печальном конце Фреклза — его переехала машина. Профессор Сэмуэль Элиот Морисон, работавший над многотомным трудом «История морских операций США во Второй мировой войне», дважды приезжал из Гарварда, чтобы побеседовать с ним за ленчем в ООН. Адмирал, миссис Нимиц и Нэнси провели день благодарения в Уэллфлите с Элизабет Фримен. На Рождество они снова приехали в Уэллфлит, на этот раз вместе с Мэри, которая на праздники приехала поездом с западного побережья.

В январе 1950 года адмирал и миссис Нимиц отправились в Вашингтон на похороны Гэпа Арнольда. Нимиц и Билл Хэлси были в почетном карауле. Несмотря на снег с дождем, служба проходила на улице, в открытом амфитеатре Арлингтонского национального кладбища. «Это была долгая процедура и совсем ненужное испытание для миссис Арнольд»,— писал Нимиц. Вечером

того же дня Нимицы были на обеде в гостях у адмирала Форреста Шермана и его супруги.

Уже в июне 1949 года, когда как Индия, так и Пакистан отвергли новые предложения о перемирии, сделанные комиссией ООН, Нимиц стал подозревать, что из затеи с референдумом ничего не выйдет. Он предложил генеральному секретарю Ли распустить его комиссию, чтобы сэкономить деньги Организации Объединенных Наций. Ли согласился, и в середине июня комиссия собралась последний раз, после чего ее сотрудники на месяц ушли в отпуск, который предварял роспуск комиссии. «Было обидно видеть, как они разъезжаются,— писал Нимиц,— потому, что это была компетентная и интенсивно работающая группа». В начале июля генерал Мэлони подал заявление на отпуск с последующим уходом из комиссии.

В августе 1949 года Нимиц получил депешу из комиссии ООН по Индии и Пакистану, в которой запрашивалось его согласие на проведение арбитражной миссии по перемирию в Кашмире. «С радостью,— ответил он. В дневнике он записал: — Вероятно, пройдут недели, прежде чем комиссия будет в состоянии играть роль арбитра».

Пару недель спустя он записал в дневнике, что до него довели «описание того, как Неру [Джавахарлал Неру — премьер-министр Индии] пришел в ярость относительно Кашмира, из чего я сделал вывод, что он отвергнет заключенные ранее соглашения о перемирии и проведении референдума». На следующий день он узнал, что Комиссия ООН по Индии и Пакистану отменила совместную встречу, запланированную в Дели на следующей недели. «Сейчас выглядит еще более сомнительным, что можно выступать арбитрами в этом перемирии,— писал он,— я полагаю, что комиссия вернет этот вопрос на повторное рассмотрение в ООН. Похоже, что я буду в ней где-то до сентября — к этому времени вопрос может быть снова поставлен в Совете Безопасности».

Президент Трумэн написал премьер-министрам Индии и Пакистана, настаивая на том, чтобы они приняли

арбитраж со стороны адмирала Нимица. Премьер-министр Неру отверг призыв Трумэна и проявил раздражение по поводу, как он выразился, «американского вмешательства». Визит Неру в Соединенные Штаты был запланирован на октябрь. Была надежда, что в результате личного контакта удастся возобновить прерванные переговоры.

Брамин Неру прибыл в Нью-Йорк в сопровождении своей дочери, мадам Индиры Ганди. Вечером 12 октября госсекретарь Ачесон с супругой давали в их честь обед в Андерсон Хауз на Массачусеттс Авеню. Для участия в обеде адмирал Нимиц с супругой приехали их Нью-Йорка.

После обеда Ачесон, как и ожидалось, произнес речь, однако он отошел от традиционной утомительной практики краткого пересказа истории «тесного и плодотворного сотрудничества между нашими странами». Он предпочел оригинальный путь. Чтобы описать различные достижения гостя, Ачесон разыграл воображаемые разговоры между Неру и великими американцами прошлого. Джордж Вашингтон обращался к Неру как основатель одного государства к основателю другого; Томас Джефферсон — как к идеологу демократии; Эндрю Джексон как к другому политическому организатору и стратегу; Авраам Линкольн — как к руководителю, который так же, как и он, страдает от братоубийственных распрей в своей стране.

Это была виртуозная постановка, она застала Неру врасплох. Министр был готов только к тому, чтобы произнести дежурный ответ на дежурную речь. Будучи растроган, он говорил так тихо, что Нимиц не смог разобрать ни слова в его речи.

На приеме, состоявшемся после обеда, было так много гостей, около 90, что адмирал Нимиц лишь мельком говорил с премьер-министром, а миссис Нимиц не встретилась с ним вовсе. При первом же удобном случае Ачесон буквально испарился вместе с Неру к себе домой. Как госсекретарь в последствие писал, «я рассчитывал, что избавленные от тучи свидетелей вокруг мы сможем установить личные отношения. Но он не расслаблялся. Его

манеру общения можно описать словами королевы Виктории о мистере Гладстоне — он обращался ко мне так, как будто мы находились на официальном приеме».

Позднее адмирал Нимиц узнал, что тогда произошло. Ачесон, терпеливо выслушав, как Неру осуждает Холландцев и французов, перевел разговор на тему перемирия в Кашмире. Премьер-министр облачил свои взгляды в высокопарные слова, но из его слов можно было понять, что он не согласится на перемирие, пока пакистанские, но не индийские войска не будут выведены из Кашмира. Отсюда следовало, что Неру согласится на референдум только в том случае, если будет уверен, что его исход будет в пользу союза Кашмира с Индией. Позднее Ачесон писал: «Это был один из самых тяжелых собеседников, с которыми я когда-либо имел дело».

Адмирал Нимиц еще дважды встречался с премьер-министром Неру — на приеме в отеле «Уолдорф-Астория», который давался в честь индийской делегации, и на ленче в доме Трюгве Ли[1] в Форест Хиллз. На ленче, где присутствовали председатели комитетов Генеральной Ассамблеи, Неру несколько отступил от привычной для него отчужденности. Поскольку он ни разу не подымал тему Кашмира, состояние дел осталось прежним.

В декабре в Совет Безопасности пришел доклад Комиссии ООН по Индии и Пакистану. На декабрь председательские функции были возложены на Канаду. Председателем на заседании был генерал Эндрю Г.Л. Макнотон, представляющий эту страну. Совет проголосовал за предложенную Норвегией резолюцию, согласно которой Макнотон должен был собрать представителей Индии и Пакистана, чтобы совместно искать выход из тупика.

В феврале 1950 года генерал Макнотон доложил о провале своих усилий по сближению позиций Индии и Пакистана. Тогда с долгой речью перед Советом Безопасности выступил сэр Бенегал Рау из Индии, изложив-

---

[1] Генеральный секретарь ООН в 1946—1953 годах. *(Прим. ред.)*

ший точку зрения своей страны. За ним последовало выступление сэра Лафрулла Хана, министра иностранных дел Пакистана, который в течение двух дней объяснял точку зрения Пакистана. Затем снова последовало выступление Рау с долгим опровержением. После этого в Совете Безопасности был объявлен недельный перерыв, для того чтобы, как писал Нимиц, «переварить поток слов, которые они услышали, и обдумать дальнейшую процедуру рассмотрения вопроса. Их решение и определит, поедем ли мы с Мамой в Индию или обратно в Калифорнию».

После долгих дебатов Совет Безопасности проголосовал за то, чтобы заменить Комиссию по Индию и Пакистану одним представителем ООН. За резолюцию было подано 8 голосов, против — 0, Индия и Югославия воздержались, Советский Союз бойкотировал заседание Совета Безопасности[1]. Адмирал Нимиц, которому сообщили, что Пакистан будет настаивать на его кандидатуре на должность представителя ООН, полагал, что в конце концов все-таки поедет в Индию.

В ожидании такого поворота событий миссис Нимиц еще раз отправилась на Западное побережье. «У меня было время, чтобы вернуться и приглядеть за домом,— писала она.— Ведь так много людей имеют ключи и приходят туда, чтобы остаться на выходные — друзья детей, и сами девочки».

Кэтрин пришлось там остаться, поскольку индийское правительство решительно отвергло предложение о том, что представителем ООН и администратором референдума должен быть один и тот же человек. Это, разумеется, исключало кандидатуру Нимица, который заключил, что его деятельность, которая могла бы приносить пользу Организации Объединенных Наций, завершена. Он не мог более получать вознаграждение за деятельность,

---

[1] В знак протеста против непризнания ООН Китайской Народной Республики (место Китая в ООН продолжал занимать представитель тайваньского правительства Чан Кай-ши). *(Прим. ред.)*

которая, на его взгляд, не могла привести к результату. Поэтому он подал заявление об отставке.

Адмиралу Нимицу позвонил президент Калифорнийского университета, и попросил его срочно приехать в Беркли, чтобы выступить с поздравлением в День Хартии вместо заболевшего сенатора Остина. Хотя времени было в обрез, Нимиц согласился и сразу приступил к работе над речью. Он использовал каждую свободную минуту вплоть до субботнего вечера 18-го марта, когда его самолет покинул аэродром Ла Гуардия. В самолете он продолжал отшлифовывать текст выступления, которое должно было состояться в следующую среду. По прибытии в аэропорт Сан-Франциско его встречали Пейдж и Козард. Он дал текст речи Пейджу, чтобы тот поработал над ним, и напечатал предварительную версию. Козард по мосту через залив отвез его в «Лонгвью».

«Мама [супруга] и Мэри ждали меня дома,— писал Нимиц в дневнике,— и было очень приятно их видеть. Дом и посадки были в отличном состоянии. После ванны я весил 188 фунтов [85 кг], что было на десять фунтов больше, чем в прошлом марте. Это указывало на необходимость диеты, на которую я немедленно перешел».

В День Хартии, 22 марта, адмирал Нимиц считал, что он и его речь готовы. Одетый в берет и плащ, он поднялся на кафедру и предстал перед большой аудиторией из студентов, преподавателей и выпускников. По его впечатлению, речь была воспринята хорошо. Он получил многочисленные комплименты.

После, проходя по университетскому городку, он встретил бывшего профессора астрономии, которого знал еще со дней создания NROTC и который теперь с возрастом почти ослеп. «Доброе утро!» — сказал Нимиц, вытаскивая руку. Профессор ответил на приветствие, но, очевидно, не узнал адмирала. Он спросил Нимица, как тому понравилась сегодняшняя речь. Еще до того, как Честер успел бы ответить, профессор продолжил: «Я слышал чертовски много тех, что были лучше!»

Нимиц сначала оказался застигнутым врасплох. Затем он начал смеяться. Эту историю он часто рассказывал.

Вечером адмирал и миссис Нимиц присутствовали на балу в честь дня Хартии. Когда они вошли в зал, Честера поджидал еще один сюрприз. Оркестр заиграл «Что мы будем делать с этим пьяным моряком?»

— Это был замечательный День Хартии,— сказала Кэтрин.

Характерно, что Нимиц помещает в свой дневник множество имен — семей, к которым они ходили, семей, которые приходили к ним, интересных людей, встреченных на вечеринках, торговцев, у которых делали покупки, военно-морских докторов и дантистов, которые их лечили, пилотов и других членов экипажа самолетов, на которых они летали.

Глава 27

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Трюгве Ли убедил адмирала Нимица уйти в отставку и поработать на Организацию Объединенных Наций в качестве «странствующего посла доброй воли». Нимиц согласился, так как осознавал необходимость такой деятельности. Адмирал заметил в связи с этим, что Индия и Пакистан должны прийти к соглашению, ведь Нимиц все еще оставался администратором плебисцита. В последующие два года он проехал по всем Соединенным Штатам, рассказывая о главных проблемах Организации Объединенных Наций и о предложенных американской стороной решениях. Тем самым он помог погасить разочарование среди тех американцев, которые ждали слишком многого от создания ООН.

В начале 1951 г., год спустя после начала, эта миссия адмирала Нимица едва не была прекращена распоряжением самого президента США.

После сенсационных обвинений сенатора от штата Висконсин Джозефа Маккарти, который утверждал, что многие важные по-

сты в правительстве занимают тайные коммунисты, президент Трумэн назначил Нимица руководителем комиссии из девяти человек, потребовав от этой комиссии безотлагательно рассмотреть вопрос: «Как лучше всего защитить Соединенные Штаты от подрывной деятельности, при этом не подвергая опасности свободу граждан Америки». Таким образом, президент надеялся успокоить националистическую истерию, вызванную постоянными обвинениями «Джо» Маккарти. Нимиц принял предложение, но комитет Сената, который возглавлял Пэт Маккэрэн из Невады, установил такие критерии «благонадежности», которым члены Комиссии Нимица не удовлетворяли. Опечаленный Трумэн писал адмиралу: «Я надеялся, что Конгресс, так же как и я, будет более озабочен нерушимостью «Билля о правах», чем своим стремлением остановить подрывную деятельность».

Летом 1952 года Нимиц понял, что его новое назначение в ООН рано или поздно заставит его уйти в отставку с действительной военной службы. Адмирал признал, что на этот раз ему все-таки придется уволиться, причем независимо от привилегий пятизвездочных офицеров. Желая быть уверенным, что он получает зарплату, а не выходное пособие, он принял титул помощника по Западному Побережью министра ВМС. Конечно, Нимиц знал, что заниматься реальной деятельностью на этом посту ему не придется.

Ему предлагали различные должности в колледжах и университетах, а также хорошо оплачиваемые места в бизнесе, но он отверг все эти предложения. Он чувствовал, что не имеет навыка возглавлять учебные заведения, а бизнес и вовсе его не интересовал.

Честер-младший протестовал: «Папа, Господи, почему же ты отказываешься от столь заманчивых предложений? Ты уже выполнил свой долг перед страной, сделай же что-нибудь для себя. Если тебе не нужны деньги, дай их, по крайней мере, своим детям».

Со временем сын понял точку зрения отца. «Он верил, что представляет флот в глазах тех людей, чьи родственники погибли во время Тихоокеанской войны.

И считал, что не вправе занимать должности, которые не соответствуют статусу человека, под началом которого служили их погибшие родственники», — говорил Чет годы спустя.

Миссис Нимиц старшая согласилась: «Честер чувствовал, что он должен оставаться только «старшим советником». Для него было важно не смешивать свое место в истории и свое имя, с каким бы то ни было бизнесом. Он знал, что меня, как и его, не интересуют деньги».

Джоан Нимиц, жена Чета, вспомнила, что ее свекор однажды сказал: «Мама — главная. Я провел всю свою жизнь, делая то, чего от меня хотел флот. Теперь, когда я ушел в отставку, мама будет решить, где нам жить и что нам делать». Затем Джоан добавила: «Я уверена: мама Честера надеялась, что он сумеет как-нибудь занять себя. Ведь он всегда был полон энергии и возможностей, отличался трезвым рассудком и массой других достоинств, но при этом собирался бездельничать, так как никакая работа, которую ему могли предложить, ему не подходила. К тому же он абсолютно не интересовался финансовыми вопросами».

«Так он и поддерживал этот имидж до смерти», — говорил Чет.

Адмирал Нимиц очень серьезно относился к своим служебным обязанностям в Калифорнийском университете. Он посещал все ежемесячные собрания, погружался в проблемы связанные с финансированием, административными и политическими вопросами. Он долго и, к сожалению, безрезультатно спорил (еще когда служил в Корпусе подготовки офицеров запаса ВМС) против практики рассматривать количество печатных публикаций как основной критерий для найма, увольнения, а также продвижения по службе преподавателей и сотрудников кафедры. Он чувствовал, что университет теряет многих превосходных специалистов из-за политики «или публикуйся, или не суйся» (нет публикации, нет и работы).

Еще больше Нимица обеспокоило решение университета требовать от всех членов факультета принесения

«присяги верности». Он рассматривал эту политику, как необдуманную реакцию на националистическую истерию, вызванную обвинениями Маккарти, но скоро осознал тщетность подобных мер. Законопослушных профессоров это оскорбит, а для остальных — ничего не измениться.

«Присяга верности» была основным требованием при приеме на работу в Беркли. Она же была главной темой для обсуждения в аспирантском совете Гарвардского университета. Его члены пригласили молодого человека из Калифорнии, чтобы он обрисовал им ситуацию. На члена совета Нэнси Нимиц произвели сильное впечатление слова этого молодого человека: «Знаете, есть один военный, человек по имени адмирал Нимиц, из Попечительского совета, так вот даже *он* не присягнул».

Несмотря на внимание к делам Университета, у Нимица все же оставалось свободное время. Нэнси подметила: «Объем работы по собраниям Попечительского совета, судя по документам, которые он приносил в своем чемодане, не мог отнять у человека с его способностями больше двух дней. Но, как раз в то время вышло предостаточно книг о войне. Их постоянно присылали ему, так что и моему мужу было что читать... Ну, еще он писал письма, очень длинные письма, был безумно пунктуальный корреспондент. Напишешь ему письмо — через два дня тебе пришлют ответ». Действительно, когда ему нравилась какая-нибудь книга, он писал об этом автору, а потом, как правило, переписывал его ответ на форзац книги.

В любом случае у Нимица было время подумать о себе. Один друг прислал ему «Молитву сдержанности», которую он чтил потом, как свою личную:

> — Господи, ты знаешь лучше меня, что я становлюсь старше с каждым днем и когда-нибудь стану совсем старым;
>
> — Помоги мне не стать болтуном и отгороди меня от дурной привычки обязательно говорить — по всякому поводу и на любую тему, и вовсе без повода и без темы;

— Освободи меня от желания вмешаться в чужое дело;

— Сделай меня вдумчивым, но не нудным, приносящим пользу, но не требующим покорности. Так хочется использовать свою бесконечную мудрость, но, всезнающий Господь, я хочу, чтобы к концу жизни у меня осталась хотя бы пара друзей;

— Освободи мой разум от ненужных деталей, дай мне возможность познать суть;

— Помоги мне не жаловаться на мои болезни. Ведь с каждым годом их становится все больше, и рассказывать о них и жаловаться на них становится для меня все слаще;

— Сделай меня достаточно любезным, когда я выслушиваю подобные жалобы от других. Дай мне терпение говорить с ними;

— Научи меня признавать свои ошибки;

— Помоги мне не стать резонером, вечно изображающим из себя святого — ведь с подобными людьми очень трудно жить рядом;

— Помоги мне получать удовольствие от этой жизни — в ней столько приятных и забавных вещей, что я не хотел бы пропустить ни одну из них.

Хотя адмирал Нимиц никогда не отказывался от своей привычки быть пунктуальным и ожидать этого от других, он постепенно начал жить без каких-либо существенных обязанностей. Сильнее, чем раньше, его стали интересовать дела семьи.

Нэнси Нимиц, которая в то время находилась в Гарварде и работала над диссертацией, углубилась в изучение советской политики, экономики, а также истории. Она ожидала присвоения ученой степени и назначения в Вашингтон (на эту тему у нее были контакты с правительственными эмиссарами, рекрутирующими кадры для государственной службы). Когда же она посетила столицу во время пасхальных каникул 1951 г., ей сказали, что она не пройдет проверку на благонадежность. Члены комиссии, судя по всему, покопались в ее прошлом и серьезно

заинтересовались ее связями с радикалами, которые имели место во время ее обучения в Университете Джорджа Вашингтона в тридцатые годы. Дух «Джо» Маккарти все еще витал над американской землей.

> «Я помню, как в мрачном настроении ехала обратно в Кэмбридж, — писала она позже, — Не помогло даже приключение со сменой колеса в два часа ночи на какой-то автостраде в Нью-Джерси. Я уехала из Гарварда в Уэлфид в июне 1951 года. Я чувствовала себя не только безработной, но и нетрудоспособной, так что провела пару превосходных недель, гуляя по лесам и пляжам и слушая пластинки с концертами Кимороса для гобоя. Потом мне позвонили из «Рэнд Корпорэйшен» и спросили, не хочу ли я поработать у них. (Прошлым летом я подбирала материалы для одного профессора из Гарварда, который был у них консультантом, видимо, он и предложил им разыскать меня.) Я раздраженно ответила, что недостаточно «чиста» для этого, а голос на другом конце успокаивающе ответил: «В разных местах — разные стандарты «чистоты»». Меня наняли в «Рэнд Корпорэйшен» в качестве консультанта, работающего в Кэмбридже, пока через год они не оформили мне «допуск». 7 декабря 1952 года я стала постоянным работником в Санта-Монике».

В Стэнфорде Мэри Нимиц занималась биологией, предметом, который всегда ей нравился. Ее увлечение началось с нескольких маленьких зеленых черепашек, которых ей подарил контр-адмирал Джон Шафроф, и морских раковин, присланных ей с Тихого океана другим контр-адмиралом, Вильямом Колхауном. На протяжении учебы в Сан-Рафаэле Мэри с удовольствием коллекционировала морские раковины; часть из них сильно пахла, так как внутри оставались мертвые моллюски. В течение всей Второй Мировой войны друзья отца посылали или приносили ей необычные экземпляры.

Родители Мэри всячески потакали увлечениям дочери. Миссис Нимиц промолчала даже тогда, когда Мэри приспособила все 36 ее чашек для взбивания крема для наблюдения за развитием личинок саламандры. Правда, всему были пределы. Например, когда миссис Нимиц обнаружила, что Мэри принесла домой тараканов, то внятно объяснила, что, если хоть один из них начнет ползать по дому, у Мэри будут большие неприятности.

Когда же Мэри, наконец, закончила Стэнфорд, она объявила, что ей предназначено связать свою жизнь с Римской католической церковью. Родители не возражали; они предоставили детям возможность самим выбирать свою судьбу, без их вмешательства и ненужных советов.

Адмирал и миссис Нимиц, несмотря на то, что в своем роде они были глубоко религиозными людьми, не считали для себя возможным присоединиться к какой-либо из существующих церквей, но уважали чужие убеждения. Нимицы не крестили своих детей, пока те не достигали возраста, когда сами могли решить, какую веру избрать. Однако они посылали детей в воскресную школу, чтобы они получили базовое представление о религии и сами решили бы, хотят ли они присоединиться к какой-либо из церквей.

Интерес Мэри к Римской католической церкви был вызван ее обучением в школе при женском монастыре. Во время Второй Мировой войны миссис Нимиц работала в Оакнолльском госпитале. Она отправила Мэри в начальную школу при женском доминиканском монастыре в близлежащем Сан-Рафаэле. Миссис Нимиц приняла такое решение, потому, что эта закрытая школа славилась своими высокими стандартами обучения, а также тем, что девочки за стенами школы хорошо охранялись.

«Да, тогда было опасно,— говорила миссис Нимиц.— И флот чувствовал это. Кто-нибудь вполне мог похитить Мэри, для того чтобы расстроить адмирала, ведь девочка была так молода. Поэтому я и решила, что единственный способ обеспечить ее безопасность — отправить в монастырь. Я знала эту школу многие годы и уверена, что в ее стенах никто не сможет нанести вред Мэри. За ней там прекрасно следили».

Когда адмирал Нимиц вернулся с Тихого океана, где был командующим, родители отправили Мэри в старшую школу при монастыре. Там она вдумчиво изучила догматы католицизма, приучилась посещать мессу и пришла к выводу, что будет счастлива в лоне католической церкви. Несколько месяцев она откладывала окончательное решение, так как хотела проверить, как она будет себя чувствовать в миру.

Мэри не знала ничего, кроме того, чему ее научили в монастыре. Ее родители, тем не менее, были шокированы, когда она объявила о своем желании стать монахиней. Уединенная жизнь, которая ее ожидала, весьма отличалась от того, к чему привыкла семья Нимицев. Получалось, что они практически теряют дочь. Адмирал попросил Мэри повременить год с принятием окончательного решения. Миссис Нимиц очень расстраивалась и временами думала, не допустила ли она ошибку, послав Мэри в школу при монастыре.

«Послушай,— нетерпеливо говорил адмирал жене,— Если Мэри будет счастлива, сделав это, то почему все остальные так переживают по этому поводу?» Возможно, он рассматривал ее желание служить Церкви как аналогию своему желанию служить Родине и Флоту.

В Стэнфорде, с учетом ее высоких академических достижений, Мэри стала членом общества Фи-Бета-Каппа. В январе 1953 года она закончила Стэнфорд с отличием.

Она начала писать диссертацию по биологии в Стэнфорде, однако, решив принять постриг следующим летом, она переехала в Калифорнийский университет в Беркли, чтобы провести последние шесть месяцев мирской жизни с родителями.

Когда широкой публике стало известно, что дочь адмирала Нимица собирается постричься в монахини, поклонники начали донимать семью телефонными звонками и письмами. Эти люди даже устраивали демонстрации ночью возле «Лонгвью» и подсовывали пасквили под дверь. Чтоб отгородить Мэри, родители запрещали Мэри отвечать на звонки и прятали от нее почту.

Первого августа 1953 г., в тот день, когда Мэри должна была стать монахиней, представители прессы караулили

ее с самого утра, держа наготове свои камеры и карандаши. Тогда мать Маргарет, настоятельница, позвонила миссис Нимиц и сказала: «Они уже ждут Мэри. Я сказала им, что она приедет только в полдень. Сейчас они как раз направляются к вам».

Мисс Нимиц сказала: «Отлично! А мы как раз поедем к монастырю». И действительно, они проехали толпу репортеров и газетчиков, которые направлялись в другую сторону и не заметили в машине ни саму Мэри, ни ее мать.

Мэри успешно провела шесть месяцев как послушница и год как кандидат на вступление в Орден. В феврале 1955 г. она взяла себе имя сестра Мэри Аквинат. Пока она служила сестрой-преподавательницей, она закончила работу над своей диссертацией в Калифорнийском университете, а также получила степень доктора философии в Стэнфорде.

После того, как она несколько лет преподавала в средних католических школах для девочек, в январе 1964 года Мэри пригласили на биологический факультет доминиканского колледжа в Сан-Рафаэле, деканом которого она стала в 1970 г.

Когда Мэри еще училась в Сан-Рафаеле, родители часто навещали ее и подружились со многими монахинями. Последним нравилось слушать рассказы адмирала, многие из которых вполне соответствовали их религиозным представлениям. Нимица же интересовали древние строения и монастырские земли, он давал советы насчет посадки деревьев. Однажды морской офицер, обеспокоенный судьбой своей дочери, тоже собирающейся стать монахиней, спросил Нимица, уже пережившего это, что он чувствовал тогда. Нимиц с улыбкой ответил, что никогда не чувствовал, будто потерял дочь: «скорее, я приобрел еще триста сорок пять дочерей».

Кэтрин и Честер всегда следовали золотому правилу и делали для людей все что могли, не ожидая вознаграждения в этой жизни. «Ты не знаешь, что ждет тебя за пределами этого мира,— говорила Катрин,— если что-то ждет — это хорошо. Но даже если там нет ничего, ты

должен довести свой труд до конца или, по крайней мере, сделать все от тебя зависящее для его завершения».

Хотя у Нимицев хватало проблем с воспитанием четырех собственных детей, они удочерили еще четырех сестер по фамилии Батца. Их звали Мария, Магда, Маргит и Марта. Родителям девочек пришлось остаться в Венгрии, но они успели отослать своих дочерей на запад во время русского наступления, поручив их заботам Римской Католической церкви. Церковь переправила девочек в Калифорнию, где они попали под опеку двух сварливых женщин. Сестры Батца пошли в ту самую школу в Сан-Рафаэле, где училась дочь адмирала Нимица. В старшей школе Магда Батца и Мэри Нимиц учились в одном классе.

Весной 1949 года, когда старшие Нимицы разъезжали по делам ООН и Нэнси жила одна в «Лонгвью» одна, она пригласила Мэри к себе домой на пасхальные каникулы.

Мэри сказала сестре: «Нэнси, у нас в школе учатся четыре венгерские девочки. У них нет ни денег, ни друзей — им нужна помощь. Может, возьмем их к себе домой?»

«Ну, в принципе, можно,— ответила Нэнси,— Я переговорю с Матерью Маргарет».

Мать-настоятельница была рада, что девочки смогут жить с Нимицами: «Слава Богу, теперь у них будет настоящий дом».

Так Нэнси забрала домой четырех сестер Батца. Позже она написала родителям: «Я никогда не видела более трудолюбивых детей».

Когда адмирал и миссис Нимиц вернулись в Беркли, а Мэри пошла в колледж, сестры Батца по прежнему были желанными гостями в Лонгвью на Пасху, Рождество, День Благодарения и прочие праздники. Они даже приводили друзей с разрешения миссис Нимиц. «У них у всех есть ключи от дома, поэтому никогда не знаешь, сколько там детей»,— призналась как-то Кэтрин.

Однажды, в один из первых месяцев обучения в Стэнфорде, Мэри посетила доминиканскую школу и

обнаружила Марту, младшую из сестер Батца, выглядевшую явно больной. Мэри позвонила маме, которая немедленно приехала в Сан-Рафаэль. Правда, миссис Нимиц показалось, что девочка скорее испугана, нежели больна. С разрешения матери-настоятельницы они забрали Марту домой и осторожно спросили, что с ней. Оказалась, что девочка до смерти боится, что ей придется возвращаться в Южную Калифорнию к своей злобной опекунше.

Адмирал и миссис Нимиц сочли необходимым разобраться в сложившейся ситуации. Они решили, что старшая Батца, Мария, сама будет опекуншей своих сестер. Мария окончила колледж, имела жилье и работу в Сан-Франциско; а к концу семестра ей должен был исполниться 21 год. Органы социального обеспечения под давлением адмирала, который предоставил все необходимые рекомендации, разрешили Марии взять опекунство над сестрами. Нимицы сообщили матери-настоятельнице, что если монастырь позаботится об образовании девочек, то они возьмут на себя остальное. Когда Марта узнала, что ей не придется возвращаться к опекунше, она сразу поправилась. «Она стала самым счастливым ребенком, которого я когда-либо видела», — рассказывала позже миссис Нимиц.

Другой проблемой семьи Батца было получение американского гражданства. Квота новых граждан на текущий год была уже выбрана, однако у адмирала Нимица были влиятельные друзья в Вашингтоне, которые провели через Конгресс специальное постановление, гарантирующее детям гражданство.

Магда, Маргит и Марта закончили Доминиканский колледж. Магда хотела поступить в аспирантуру в Миллсовском колледже в Окленде и собиралась взять кредит, чтобы оплатить обучение там, однако Нимицы взяли ее расходы на себя.

Так «Лонгвью» стал для сестер домом, а Нимицы — второй семьей. Когда Магда, Маргит и Марта выходили замуж, адмирал Нимиц был их посаженным отцом.

В 1954 году адмирал и миссис Нимиц поехали в Европу, где они не были с 1913 года, когда флот посы-

лал Честера старшего в Германию изучать дизельные двигатели. На этот раз все внимание было обращено к Честеру-младшему и его семье. Чет служил в Лондоне в одной из структур НАТО, а жил возле Виндзорского замка, в Уэнтуорфе. Прогулки по Уэнтуорфу адмиралу Нимицу очень понравилось.

После Англии Нимицы, проехав через Голландию, посетили Францию, Италию и Мальту. Впервые после Второй Мировой войны они радовались анонимности: похоже, никто в Европе не знал адмирала Нимица в лицо. Единственное исключение случилось во время поездки в Рим. Нимицы спокойно отдыхали в своем купе, когда звуки снаружи отвлекли их внимание.

«Господи, Честер,— испугано спросила Кэтрин,— Что это?...»

Из коридора пыталась пролезть к купе огромная толпа, люди стояли на цыпочках и сгибали шеи. Единственное, что Нимицам оставалось делать,— улыбаться и притворяться, будто они увлечены чтением.

Однако, Кэтрин пробурчала: «Если мы хотим покоя, нам придется опустить жалюзи».

На Мальте Нимицы стали гостями старинного друга семьи вице-адмирала Джеймса Файфа. Файф был представителем адмирала лорда Льюиса Маунтбэттена, который служил в НАТО в качестве главнокомандующего объединенных сил в Средиземноморье (за вычетом Шестого флота США, который не был ему подчинен).

Адмирал Файф думал, как бы ему развлечь гостей, однако на этот счет ему не стоило волноваться. Когда Нимицы прибыли на остров, их уже ожидали десятки приглашений от известных жителей Мальты. Приглашений оказалось так много, что совершить все визиты не было никакой возможности.

Лорд и леди Маунтбэттен тоже дали ужин в честь гостей из США и даже — вместе с адмиралом Файфом — провожали Нимицев, когда они улетали.

Осенью 1955 года адмирал и миссис Нимиц пересекли континент, чтобы навестить Ли в Арлингтоне, штат Вирджиния и отметить пятидесятую годовщину выпуска

класса Морской Академии. Контр-адмирал Уолтер Бун, руководитель Академии, пригласил Нимица, как старшего по званию и самого известного выпускника 1905 года, возглавить смотр гардемаринов на дневном параде. Правда, Нимиц отказался от этой чести и попросил руководителя предложить ее старосте класса, кептену Корту.

Чтобы избежать проблем с протоколом и не отвлекать тем самым внимание от Корта, Нимиц задержал свой отъезд из Арлингтона ровно настолько, чтобы пропустить парад. Когда адмирал спускался по лестнице в доме Ли, он смотрелся великолепно — в своей белоснежной форме с золотыми погонами, служанка Ли воскликнула: «Ты действительно выглядишь сексуально!»

Нимицы и Ли поехали в Аннаполис на служебной машине с шофером, сопровождаемые начальником морских операций. Вечер начался с «самой большой в мире вечеринки с коктейлями» в Далгрен холе, где Нимиц стоял под надписью «1905», написанной золотом, и заправлял своим выпуском, держа в руке бумажный стаканчик с выпивкой.

Пока Нимиц и его одноклассники с дамами пробирались к столу по огромному залу, Нимиц сказал: «Минуточку. Никто из мужчин сегодня не должен сидеть со своей женой». Не смея ослушаться его, пары разделились и сели кто где. Но, вскоре адмирал понял свою ошибку, обнаружив, что сам сидит рядом с парой печально известных болтушек, которые не дали ему спокойно поесть. Одна из них хотела провести какой-то законопроект через Конгресс.

После обеда, Ли и Нимицы вновь встретились в машине. Адмирал сказал жене: «Дорогая, на 75-летие выпуска мы не пойдем. Лучше — сразу на сотую годовщину. Ох уж мне эти женщины».

Всю дорогу назад в Арлингтон все, включая шофера, потешались над тем, как Нимиц пародировал несчастных болтушек.

В августе 1957 года Честер-младший уволился со службы в ранге контр-адмирала. В публичном заявлении он объяснил причину своего ухода тем, что ему

нужна более высокооплачиваемая работа, дабы обеспечить своим трем дочерям приличное образование. Это и в самом деле была одна из причин, но далеко не главная. Честер оставил флот потому, что ему наскучила эта работа. Почти четверть века он отслужил в ВМС, и флот ему просто осточертел.

Адмирал флота Нимиц сообщил прессе, что понимает решение сына, а Чету сказал: «Я рад, что ты наконец освободился от этого. Давно пора».

«Я не знаю, почему он решил, что я поступил правильно, — сомневался Чет, Возможно, это связано, с тем, что Эйзенхауэр называл «военно-промышленным комплексом»... Он чувствовал, что Пентагон чересчур раздувает свой штат за счет гражданских. Престиж военной службы падает, а адмиралы становятся мальчиками на побегушках.

Его беспокоили новые типы оружия: носимые ракетные комплексы, ракеты «воздух-воздух», «воздух-земля», межконтинентальные ракеты. Вся эта «новая эра» ракет и массированных бомбардировок... Слишком много потерь среди мирных жителей. Это теперь не борьба армии против армии, а хладнокровный бизнес на человеческой крови.

Я думаю, он чувствовал, что ни флоту, ни вооруженным силам больше не нужны люди, подобные ему. Те, кто теперь требовались армии, не были людьми, которыми хотелось бы стать».

Адмирал Нимиц так и остался представителем и символом Старого Флота, который он так любил. Но он не ждал от сына, что тот захочет быть символом того, чем флот стал ныне.

Молодой Нимиц завоевал прекрасную репутацию как командир подводной лодки во время Второй Мировой войны.

Он имел множество наград, включая «Морской крест», самую высокую награду, исключая Медаль Почета. Эти отличия и громкое имя создали ему прекрасную репутацию, которую он мог обратить на пользу своего бизнеса. Честер-младший работал на корпорацию «Тексас-инструментс»

до 1961 года, когда он перешел в другой промышленный концерн, в «Перкин-Эльмер-корпорейшен» в штате Коннектикут. Как бизнесмен он показал себя с самой лучшей стороны.

Ему еще не было шестидесяти, когда он стал президентом и председателем «Перкин-Эльмер-корпорейшен».

В 1958 году адмирал Нимиц был вызван в Вашингтон Сенатской комиссией по делам вооружений, председателем которой был Линдон Джонсон. Билл Левертон, назначенный помощником Нимица, проводил его в здание сената. Там, сидя в переднем ряду, он созерцал Нимица и сенатора Джонсона, соревнующихся в остроумии.

Левертон рассказывал: «Техника Линдона Джонсона состояла в том, чтобы процитировать длиннющий отрывок текста, а затем спросить:

— Все с этим согласны?

Адмирал спрашивал его:

— Могу ли я прочесть документ?

— Нет.

— Тогда, прочите его еще раз.

Когда Джонсон заканчивал, адмирал отвечал:

— Я вполне согласен, если это не значит то-то и то-то...

Они говорили на сложном, неоднозначном языке. Джонсону приходилось признавать, что «того-то и того-то» он, отнюдь, не имел в виду, и тогда адмирал соглашался с ним».

В августе следующего года адмирал Нимиц вновь отправился на восток. Он поехал на похороны Билла Хэлси, и остался в Арлингтоне у Кэтрин Ли и ее трех мальчиков. Кэптен Ли-младший тогда был в плавании. Во время этого поспешного визита Нимиц бы с удовольствием взял в адъютанты человека с опытом Билла Левертона. Но вместо этого департамент флота прислал ему на официальной машине молодого офицера, у которого не было ни умения шофера, ни таланта помощника: он даже не знал, как правильно проехать через Вашингтон.

В день похорон была ужасная жара, которую 74-летний Нимиц, привыкший к прохладной свежести Кали-

форнии, переносил с трудом. Он собирался утром съездить в Пентагон, но его помощник-водитель заблудился. Причем Пентагон было прекрасно видно, но они целый час искали дорогу к реке, чтобы повернуть оттуда к нему.

Ближе к полудню, Нимиц и его бестолковый помощник вернулись домой к Ли. «У нас нет времени на ленч,— сказал адмирал.— Мне нужно одеться». И он поспешил облачиться в парадную белую форму.

Помощник же, находясь в неудобном положении, спросил, можно ли ему переодеться в гостиной.

— Пожалуйста,— согласилась Кэйт.

Вскоре совсем изжарившийся адмирал спросил: «Дай мне, пожалуйста, пару носков из формы младшего». Он развернул ту пару, что принес: там была большая дырка на пятке.

— Вот черт возьми!.— выругалась Кэйт: — Младший не носил белую форму уже целую вечность.

В поисках носков она залезла на чердак. «Температура там, была, наверное, 100 градусов,— сказала она после,— Там можно было умереть, и времени у нас не было. В конце концов я нашла белые носки для парадной формы и отнесла их вниз».

Вскоре послышался жалобный голос помощника из гостиной: «Эй, нет ли у кого-нибудь английской булавки?» На воротнике его кителя недоставало крючка.

Кэйт в шоке смотрела мимо него, однако не могла не посочувствовать бедному парню. В конце концов она нашла ему булавку и попыталась приколоть на воротник. Но это было бесполезно, ткань была двухслойная и к тому же хорошо накрахмалена. Кэйт силой пыталась через доску приколоть булавку.

Адмирал появился в дверном проеме: «Что это вы тут делаете? — спросил он. Кэйт и помощник выкрикнули одновременно: — Мы пытаемся приколоть булавку через...»

«У нас нет времени на это,— буркнул адмирал: — Пошли, на тебя там все равно смотреть никто не будет!»

Нимиц и его молодой помощник, с полу расстегнутым воротником, пошли на похороны. Все, включая Кэйт,

устали, покрылись потом, были полностью изможденны жарой.

Вернулись они к середине дня, форма прилипала к телу и вообще была не в лучшем виде. Адмирал направился в комнату для гостей, высказав намерение принять душ.

Помощник стоял с виноватым выражением лица. Кэйт стало интересно, какую очередную глупость он сотворил.

— Не хотите холодного пива? — предложила она.

— О, с огромным удовольствием, — обрадовался помощник.

Как раз в этот момент адмирал вышел из гостевой в халате и с полотенцем через плечо, он повернулся к помощнику и спросил:

— А ты вообще женат?

— Да, сэр.

— Тогда твоей жене следует проверять твою морскую форму, — придрался адмирал.

Кэйт это совсем не понравилась, она рассердилась на отца:

— Ты, между прочим, тоже женат. Почему же твоя жена не проверила твои носки?

Позже Кэйт, рассказывая об этом помощнике, сказала:

— Ох, бедняга, мне было очень жаль его. Правда, должна признать, когда мой папа тоже выпил пива и охладился, он стал таким же приветливым, как и прежде. Я не помню, как звали его помощника, но, уверена это был самый темный день в его жизни.

Когда адмирал Нимиц с женой вернулись домой в Калифорнию после своей деятельности в ООН, они возобновили привычку каждую неделю посещать Симфонический оркестр Сан-Франциско. У них всегда были места в первом ряду, так как адмиралу очень нравилось наблюдать за музыкантами. Миссис Нимиц была членом попечительского совета Симфонического оркестра, поэтому они знали дирижера и многих музыкантов.

С возрастом любовь адмирала Нимица к классической музыке усилилась. Его любимым композитором был

Брамс, особенно его первая, вторая и четвертая симфония. Он все больше и больше ненавидел современную музыку, особенно музыкальные диссонансы.

Однажды, когда Нимицы сидели в концертном зале и собирались слушать музыку, Честер просмотрел программку и одобрительно заметил: «Это будет просто прекрасно!». Он прочел программку слишком быстро, поэтому решил, что первой будет исполняться вещь Роберта Шумана, композитора-классика, родившегося в 1810 г. Увы, им пришлось слушать произведение американского композитора, Вильяма Шумана, который родился ровно на сто лет позже и был до сих пор жив. Кэтрин, поняв, что ее муж ошибся, сказала себе, «О, это будет просто великолепно!»

Когда музыканты взяли свои инструменты, дирижер поднял палочку, и началась одна из самых диссонансных симфоний Вильяма Шумана. Адмирал выглядел озадаченно. Он нахмурил брови, взглянул на музыкантов и прочел программку еще раз, на этот раз внимательно, а после сидел мрачно и тихо. Когда симфония закончилась, он высказал Катрин все свои чувства, с отвращением произнеся одно слово: «Вильям!»

Этим вечером они обедали с дирижером и несколькими музыкантами. Миссис Нимиц описала реакцию мужа, и они разразились смехом. После этого на всех современных концертах, если кто-нибудь замечал Нимица, то передавал слово «Вильям!» шепотом ближайшим музыкантам, а они остальному оркестру.

Нимицы интересовались не только музыкальными и общественными событиями, но и спортом — профессиональным и любительским. Они и сами были причастны к спорту: Честер, пока мог, совершал длинные прогулки, но Катрин из-за артрита не сопровождала его. Зато она никогда не изменяла привычке плавать каждый день, и даже на свой 73-й день рождения проплыла свою привычную милю. Честер, наоборот, боялся, что плаванье ухудшит его слух, и без того неважный.

Честер больше всего любил совершать свои прогулки в Тилден-парке, раскинувшемся в холмах позади

Беркли. Он предпочитал гулять, общаясь с кем-нибудь, но иногда ему составляла компанию лишь собака Дина, жесткошерстная такса, преемница Гиги, черного пуделя. Он гулял по холмистому парку, часто думая о нем как о своем собственном. Он думал посадить на нем клумбы желтых люпинов, растущих на побережье Тихого океана. Он привез семена с острова Буэна и посадил их по всей длине аллеи. В городе Беркли перед этой аллеей построили арку, где было написано: «Дорога Нимица».

В то же самое время власти назвали новое скоростное шоссе, проходящее через Окленд и Сан Хосе, «Шоссе Нимица». Адмирал был рад такому признанию, пока не увидел газетный заголовок: «Двойная смерть у Нимица».

До увольнения из корпуса морской пехоты в 1961 году его водителем был Козард. Для неофициальных поездок Нимиц поменял свой «Крайслер» на новый «Меркьюри» и иногда водил сам. Однако его вождение оставляло желать лучшего. Козард признался, что он лучший штурман, чем водитель: «Если он видел поворот, где можно врезаться в угол или поцарапаться, он всегда говорил, что лучше поехать по другой улице...»

Однажды адмирал ехал по одной крутой улице в Беркли, тормоз вдруг сломался, и он потерял контроль над машиной. Разгоняясь, машина проехала через две улицы, не задев ничего, а на третьей Нимиц наконец повернул машину и остановил. Потом он объяснял свое спасение не иначе как божественным вмешательством. Он сказал торжественно: «Сам Бог сидел рядом со мной в тот день».

Хотя глухота адмирала Нимица усугублялась с возрастом, он не утратил способности к общению во время встреч в небольших компаниях. Правда, на публичных собраниях и вечеринках с коктейлями он всегда недоумевал и жаловался: «Люди что-то бормочут». Поскольку он был неспособен поддерживать разговор при этих обстоятельствах, он приобрел склонность к длинным монологам.

«Лонгвью» был Меккой не только для Ли и их детей, но и для младших Нимицев с детьми, а также для

служащих и друзей флота. К Нимицам приходило столько народу, официально и просто так, что адмиралу приходилось расписывать собственное время.

Но в любом случае ему доставляли удовольствие эти визиты, ничто так не развлекало его, как разговор с друзьями на морские темы. Еще он периодически писал статьи или читал доклады, но постепенно начал избегать публичных обсуждений событий Второй Мировой войны, чтобы нечаянно не вызвать противоречий. Поэтому он наотрез отказался писать свою биографию или помогать в ее написании.

В конце 1956 года несколько гражданских сотрудников факультета Военно-Морской академии, включая автора этой книги, решили написать всемирную историю морских вооружений. Предполагалось, что эта история будет использована как учебник для Корпуса подготовки офицеров запаса ВМС. Мы попросили у адмирала Нимица совета по этому проекту, и он согласился помочь. Так он нашел способ высказать некоторые свои мнения касательно Второй Мировой войны, не написав мемуары.

Редактор и автор книги поехали в Беркли на встречу с адмиралом. Им объяснили главный принцип: «Офицеры по понятным причинам обидятся, если их операции будут критиковать гражданские лица, поэтому мое предложение такое: давайте все факты настолько аккуратно, объективно и честно, насколько сможете. И не делайте заключений, пусть их делает читатель. Пусть факты говорят сами за себя».

О работе отца по созданию учебника истории ВМС, Нэнси Нимиц сказала: «Он занимался стилистикой так же обстоятельно, как и фактологией. Помню, как я пришла однажды утром к нему в офис, и он показал мне рукопись. Я думаю, это была работа, которую он выполнял с большим удовольствием, чем любое другое дело после его отъезда из Вашингтона. Ничто так не радовало его, как получение верстки очередного тома этой «бесконечной книги» и ее редактуры. Я смотрела его карандашные заметки и места, где он вычеркивал что-то одной или двумя линиями. Я знала: это доставляет ему удовольствие».

Книга называлась: «Морская сила: Военно-морская история». Она вышла летом 1960 г., как раз вовремя для использования на занятиях следующей осенью. Раздел, посвященный Второй Мировой войне в США и Великобритании, был опубликован под названием «Великая морская война». Главы, связанные с операциями на Атлантическом и Тихоокеанском театрах военных действий, были отдельно изданы в мягкой обложке и озаглавлены: «Триумф на Атлантике» и «Триумф на Тихом океане». «Военно-морская история» целиком или выборочно была переведена на семь языков.

Адмирал Нимиц отказался от гонорара за свое участие в создании этой книги и ее продолжений. Он даже отказался обсуждать этот вопрос. Нимиц попросил использовать редактора этого труда и его заместителя Юджина Флаки, который в 1960 г. имел звание кэптена и являлся главой научного отдела Военно-морской академии. Редактор и Флаки решили от имени Нимица вложить $1000 в создание мемориального стадиона в Аннаполисе, а все дополнительные выплаты — «роялти», предназначаемые Нимицу, перечислять на счет атлетической ассоциации Военно-морской академии.

Хотя Нимиц был возмущен плохим обращением японцев с военнопленными, он восхищался японской нацией, а японцы, когда они узнали правдивую историю войны и увидели его отношение к ним, тоже стали восхищаться Нимицем. У японских военно-морских офицеров вошло в привычку посещать Соединенные Штаты, чтобы приехать в «Лонгвью» и выразить уважение к адмиралу. Их всегда с радостью принимали.

В ходе разоружения Японии силами оккупации возникла неожиданная проблема с русскими. Они считали, что броненосец «Микаса», корабль-музей стоящий на бетонном основании был «крепостью». Русские настаивали, чтобы этот памятник победы, одержанной адмиралом Того в 1905 г., был разрушен. Британцы и американцы отказались уничтожать корабль-памятник, однако они снесли его мачты и антикварные пушки. По окончании оккупации японцы могли бы вернуть все это обратно, но дух пацифизма был тогда в Японии столь си-

лен, что они просто не стали этого делать, а вместо этого приспособили знаменитый корабль «работать» в качестве танцевального зала.

Когда Нимиц узнал, что случилось с броненосцем «Микаса», он написал статью в японский журнал «Бандзи Синдзи», напоминающую людям Японии о победе адмирала Того и о его роли в морской истории. 20000 йен (56 долларов), полученных как гонорар за статью, Нимиц попросил истратить на восстановление корабля-памятника, чтобы поощрить японцев отреставрировать «Микаса».

Принимая вклад Нимица, адмирал Ко Нагасава, начальник штаба морских сил Японии, писал: «Я должен сказать, как глубоко я оценил дружбу, продемонстрированную вами. Я знаю, насколько ваш прекрасный поступок укрепил связи между нашими странами и между двумя флотами.

Ваше имя никогда не будет забыто. Оно вместе с именем Того и названием его флагманского корабля «Микаса» войдет в истории японского флота».

Напоминание адмирала Нимица и его пример заставил японцев собрать достаточно денег, чтобы их вместе с правительственными ассигнованиями, хватило на ремонт старого корабля. Броненосец «Микаса» был отреставрирован к 27 мая 1961 года, в день японского флота и в 56-й юбилей Цусимского боя. Адмирал Нимиц был приглашен в качестве специального почетного гостя. Он не смог принять приглашение, но прислал свою фотографию, на которой написал послание:

> «Посвящается всем японским патриотам, которые помогли отреставрировать этот знаменитый корабль «Микаса», флагманский броненосец адмирала Того, вашего великого морского офицера, с наилучшими пожеланиями от его поклонника и ученика».
>
> *Ч.В. Нимиц*
> адмирал военно-морского флота США

Адмирал Нимиц приложил усилия и к восстановлению Храма-памятника адмиралу Того. Этот храм был построен в 1940 году, а в 1945 был уничтожен во время бомбардировок Токио. На месте храма была возведена маленькая временная часовня, и возникло движение за воссоздание этого великолепного здания.

У адмирала Нимица появилась возможность принять участие в восстановлении храма в 1962 году, когда японский издатель собирался перевести на японский язык ту часть книги «Военно-морская история», которая была связана со Второй Мировой войной. Издатель попросил Нимица написать предисловие к книге. Нимиц определил, что деньги, которые ему заплатят за это, пойдут в фонд реставрации мемориала адмирала Того.

Издатель, решив, что это прекрасная реклама, устроил из этого пожертвования театрализованное представление. В посольстве США в Токио, перед репортерами и фотографами, он вручил чек на 100 000 иен (280 долларов) кэптену Джону Г. Ронингу, военно-морскому атташе США, который представлял Нимица. Ронинг передал этот чек Масаяси Косака, военному губернатору Токио и отставному вице-адмиралу Сигео Уемура. Косака и Уемура представляли на этой церемонии храм Того.

Описание этой церемонии появилось во многих японских газетах, что принесло двойной выигрыш. Во-первых, был полностью отреставрирован мемориал, во-вторых, книга стала бестселлером в Японии. Опубликованная 7 декабря, в годовщину Перл-Харбора, как «История войны на Тихом океане, рассказанная адмиралом Нимицем», книга была распродана меньше чем за месяц.

Книга, получила одобрительные отзывы, в которых все восхваляли Нимица. В газете «Асахи Синбун» от 7 января 1963 года содержалась такая удивительная информация:

> «Кажется, что способности адмирала Нимица к руководству флотом играли едва ли не большую роль в победе США, чем разрыв в силах между США и Японией. В японском флоте было два главных не-

достатка. Первый — отсутствие эффективного командования. Второй — слишком простые для дешифровки коды, используемые японским флотом...»

В апреле 1961 г. вице-президент Линдон Джонсон пригласил адмирала Нимица, стать его гостем на своем ранчо «LBJ», чтобы помочь ему развлечь западногерманского канцлера Конрада Аденауэра, который приехал в Америку с государственным визитом. Адмирал, будучи Секретарем флота (Нимиц был не секретарем, т.е. Министром флота, а помощником по Западному побережью), принял приглашение и прибыл вместе с миссис Нимиц в Техас. 16 апреля Джонсон, Нимиц и Аденауэр полетели на вертолете в близлежащий Фридрихсбург, где Нимиц родился. Многие жители говорили там на немецком так же хорошо, как на английском.

Вертолет приземлился рядом с местом проведения выставки. Там Нимиц и Джонсон произнесли речи на английском, а Аденауэр на немецком. Вице-президентом Джонсоном, знакомым соседом, фредериксбурские жители пренебрегали, не выражая столько энтузиазма, сколько по отношению к Нимицу и Аденауэру, которые напомнили им обо всем лучшем из наследия их предков.

Потом граждане стали развлекать гостей старинными немецкими песнями. Затем они поехали по городу, каждый в отдельной машине. Так Аденауэр смог увидеть старинные дома, оставшиеся от изначального германского поселения. Нимицу, которому все это было знакомо, пришлось выйти из процессии, чтобы навестить двух больных теток: Лизи и Мини, которые лежали в разных больницах. Когда охрана Нимица наконец нашла его, Джонсон и Аденауэр уже улетели из города на вертолете, поэтому Нимицам пришлось возвращаться на ранчо на машине.

В течении 50-х годов имя Нимица для широкой публики было связано в основном с внушительным титулом. Генерал Макартур и адмирал Хелси были куда более известны. Их яркие личности и сенсационные заявления привлекали внимание, в отличие от высказываний

других офицеров, воевавших на Тихоокеанском театре. Правда, с появлением книг о Второй Мировой войне, особенно написанных Элиотом Морисоном, люди начали восхищаться тихим, но очень способным человеком, который всю войну командовал Тихоокеанским флотом США.

На 75-й день рождения гардемарины Военно-морской академии преподнесли ему мемориальную доску со следующей надписью:

ПРЕДСТАВЛЕНА
Адмиралу Флота ЧЕСТЕРУ В. НИМИЦУ
с великим уважением и восхищением от
Бригады гардемарин, Военно-морской академии США
24 февраля 1960 г.

На следующий год выпуск 1961 года, где-то около 900 гардемарин, подписали адрес от военно-морских сил и прислали Нимицу.

7 октября 1964 года, было провозглашено днем Нимица в Беркли. Футбольная команда Военно-морской академии должна была играть там с командой Калифорнийского университета. Из Аннаполиса также прибыл большой контингент гостей: учащиеся, офицеры, гардемарины. Все билеты были распроданы и стадион полон зрителей. Практически вся «сторона гостей» была заполнена персоналом, прибывшим из военно-морской базы Сан-Франциско и даже из более отдаленных гарнизонов.

Когда адмиралу Нимицу предложили прибыть на эту игру в морской форме, он выразил сомнение, разумно ли будет демонстрировать адмиральские погоны и воинские регалии, если в разгаре Вьетнамская война, а студенты, особенно в Калифорнийском университете, настроены против всего военного. Тем не менее, Нимиц решился одеться в голубое с золотом.

В перерыве игры Кларк Керр, ректор университета, подошел к микрофону, расположенному в середине поля, и представил губернатора Калифорнии Эдмонта Брау-

на. Некоторые люди начали вскакивать с сидений. Затем на поле въехала машина с открытым верхом с двумя морскими офицерами на заднем сидении. Когда вышел первый, Керр представил его как контр-адмирала Чарлза Минтера, руководителя Военно-морской академии. Минтеру умеренно поаплодировали.

Но когда второй офицер вышел из машины и поднял фуражку, Керр даже не успел представить его как адмирала Нимица. Все встали со своих мест и рассыпались в овациях и свистках, началось настоящее столпотворение. Хотя немногие из этих людей знали Нимица лично, и уж совсем немногие служили под его началом, он определенно завоевал их сердца. Они знали о его репутации офицера, который управлял колоссальными силами, не проявляя высокомерия и не стремясь к роскоши, знали, что он был сильным лидером, но оставался дружелюбным, приятным и доступным, командуя миллионами подчиненных.

В начале 1960-х обслуживание дома в «Лонгвью» превратилось для адмирала и миссис Нимиц в обузу. Особенно для Кэтрин — с ее артритом было тяжело подниматься по лестнице. Решение проблемы было найдено летом 1963 г., когда полномочия командующего Западным побережьем были переданы командиру 12-го округа ВМС. Это служебное перемещение оставило резиденцию №1 на острове Йерба Буэна без владельца, поэтому флот предложил это помещение Нимицам, которые с удовольствием переселились туда. В доме были все удобства: лифт, чтобы не подниматься по лестнице, стюарды, которые приглядывали за всем. В дом к Нимицам по-прежнему приходило большое количество народа. Адмирал периодически бывал в своем офисе в федеральном здании и отвечал на огромное количество почты. Он давно уже обходился без адъютанта, хотя по статусу адмирала флота их ему было положено трое.

В октябре 1963 г., посещая свой офис, адмирал упал и разбил правую коленную чашечку. После операции и нескольких недель в больнице он смог снова ходить, но заработал боль в правом бедре и спине.

«Спускаясь к завтраку, он выглядит неплохо и даже идет играть с Гиги,— рассказывала Кэтрин: — Однако когда он идет обратно, становится несколько мрачным. Эта та самая старческая боль, которой не можешь помочь... Настолько глубокая, что не можешь до нее добраться. Я обычно в таких случаях предлагала ему потереть спину или положить что-нибудь на нее, но он отказывался и говорил: «Дорогая, это там, где ты не достанешь, ты ничего не можешь сделать».

Адмиралу поставили диагноз: остеоартрит позвоночника. Эту болезнь он, возможно, получил в результате травмы, еще будучи лейтенантом, и усугубил после недавнего падения. У него пострадал спинной мозг.

Осенью 1965 года Честер так страдал от боли, что решил поговорить с доктором Гэйлом Кларком, выдающимся нейрохирургом. Когда Нимиц вернулся в резиденцию №1, он сказал Кэтрин: «Я поеду завтра в больницу, где доктор Кларк протестирует меня. Он спросил, поедешь ли ты».

Кэтрин ждала результатов анализов, и когда они были получены, оказалось, что для освобождения спинного мозга от давления нужна тяжелая и сложная операция. Доктор также добавил, что если бы он делал эту операцию молодому офицеру, он не разрешил бы ему приступать к обязанностям где-то на протяжении трех месяцев. Кларк считал, что адмирал Нимиц слишком стар для этой операции, но Честер настоял на ней, даже если операция не принесет облегчения.

Кларк назначил операцию на следующий день, на 10 ноября, в День корпуса морской пехоты. Она была крайне сложная и продолжалась несколько часов. Надо было буквально срезать кость вокруг спинного мозга. Когда Нимиц открыл глаза, он узнал доктора Кларка и усмехнулся: «Знаете, доктор, сегодня я должен был резать торт по случаю Дня корпуса морской пехоты. Но получилось, что вместо этого вы резали меня».

Операция прошла успешно, однако Нимиц заработал пневмонию. Доктора погасили ее антибиотиками; в конце ноября боль в спине исчезла, и адмирал смог совер-

шать прогулки с двумя тростями. Потом у него начались проблемы с сердцем. Когда его сын приехал из Коннектикута к родителям, он сказал Кэтрин: «Мама забери его домой, он все равно долго не протянет, забери его домой».

Тогда Катрин настояла, чтобы доктора разрешили ему покинуть больницу. 11 декабря Честер вернулся в резиденцию №1 на «скорой помощи» и устроился в маленькой солнечной комнате наверху. Оттуда он мог смотреть на залив и наблюдать за движением машин по мосту.

Для того чтобы ухаживать за Честером, Катрин наняла одного штатного работника, Б.Л. Эстебаля, филиппинца, который собирался работать в больнице. Катрин восхищалась: «У него был прекрасный характер. Он был очень предан адмиралу. Эстебаль мог каким-то образом заставить его хоть что-то съесть, ни у кого больше это не получалось. Эстебаль в таких случаях говорил: «Адмирал, съешьте еще одну ложечку. А теперь еще одну». Он готовил ему ванну до завтрака, чтоб Честер потом мог лечь в постель. Он проводил там почти все время».

Посетителям разрешалось видеть адмирала всего несколько минут, очень редко и не более двух человек. Флот направил астронавта коммодора Скотта Карпентера посетить его. Они с Нимицем вели увлекательную беседу о чудесах космических путешествий. На Рождество Эдуард В. Бриверс, бывший сосед Нимицев, пришел повидать адмирала.

«Не больше двух в одно время, — с грустью подумал Честер и сказал: — «Я знаю Бриверсов как семью и хочу увидеть их всех». Когда, они пришли он сидел в кресле в халате и банных тапочках, с полотенцем на коленях — «очень ухоженный».

В новогодний праздник 1966 г. Джек Рэдмен зашел с женой и увидел, как адмирал смотрит футбол по телевидению. Рэдмен рассказывал: «Он выглядел довольно тощим и слабым, но был очень рад увидеть нас. В руке у него был стакан хереса. Много говорить ему было тяжело, но я помню как он сказал: «Джек, можешь выпить что-нибудь покрепче, если хочешь».

В январе адмирала Нимица вновь отправили в больницу, но ему явно там не нравилось, а доктора мало чем могли помочь, поэтому вскоре он вернулся домой. Затем он погрузился в кому и лишь периодически приходил в сознание. Тогда Кэйт приехала с восточного побережья вместе с сыном Диком.

«Вот что я тебе скажу,— обратилась к ней миссис Нимиц.— Если ты хочешь увидеть отца — это прекрасно, но я думаю, ты будешь счастливее, если не сделаешь этого».

Кэйт была только рада запомнить своего отца таким, каким она видела его в последний раз, когда он был полностью здоров.

В воскресенье, 20 января, Катрин, сидела около своего мужа, так как служащего, дежурившего в тот день у адмирала она не знала. Где-то в пять часов, Катрин увидела, как он покрывает Адмирала одеялами.

«Ты так укрываешь его»,— удивилась она.

«Да,— ответил служащий,— он весь дрожит».

«Он не дрожит, а умирает... Быстрее, позови доктора!» Молодой человек убежал.

Оставшись наедине с Честером, Кэтрин, положила руку ему на плечо, и он перестал дрожать тогда она посмотрела на мужа в последний раз и поцеловала его. Когда доктор пришел, он уже был мертв.

Нэнси, которая недавно посещала родителей, немедленно вернулась в Беркли. Мэри приехала из монастыря, а Честер-младший прилетел с западного побережья и помог в организации похорон. Правда, приготавливать там было немного, так как его отец все продумал.

Адмирал Нимиц знал, что он имеет право на государственные похороны на Арлингтонском кладбище, но ему не хотелось этого. Он предпочел простую церемонию, а в качестве места погребения выбрал свободную полосу на Национальном кладбище «Золотые Ворота» в Сан-Бруно, в нескольких милях к югу от Сан-Франциско. Он выбрал это место вместе с ветеранами Флота и войны на Тихом океане адмиралами Рэймондом Спрюэнсом, Келли Тернером и Чарлзом Локвудом. Он знал, что все

они и их жены будут похоронены здесь, и у каждого из них будет такой же надгробный камень, как у остальных. На всех остальных надгробных камнях был либо христианский крест, либо еврейская звезда. Нимиц, же хотел, чтобы на его надгробном камне были высечены лишь пять звезд адмирала Флота. Конечно, это не религиозный символ, но зато показывает, чего добился в жизни.

Разумеется, для такого известного человека, как адмирал Нимиц, было невозможно организовать простые похороны. Отпевание происходило в Национальном соборе Вашингтона, и многие друзья и знакомые приехали со всех уголков страны,— даже его одноклассники пришли, опираясь на трости.

24 февраля, 1966 года, в середине дня, на 81-й день рождения Нимица, его закрытый гроб был помещен в часовню флота. Так он там лежал в окружении почетного караула. До 13:45 разрешалось входить в часовню. В это время семья принимала друзей в клубе старших офицеров.

В 14:00 гроб поместили на катафалк. Автоколонна из более чем ста транспортных средств с полицейским эскортом направилась на Национальное кладбище «Золотые Ворота». Дорога в Сан-Бруно была окружена толпой людей, в основном бывшими военнослужащими, которые готовы были ждать много часов, чтобы увидеть катафалк.

У ворот кладбища столпилось огромное количество народа. Лафет несли двенадцать моряков, а замыкал церемонию конь, украшенный морскими атрибутами, в том числе кортиком. Процессия медленно продвигалась к месту захоронения.

Кэйт рассказывала позднее: «Я помню там моряка, который не мог служить вместе с папой, но он стоял, внимательно слушая, и слезы катились у него по щекам».

Когда лафет достиг места погребения, 70 морских реактивных самолетов пролетели над кладбищем, сопровождаемые 19 залпами салюта и фейерверком. Протестантская похоронная служба была проведена контр-адмиралом Джеймсом Келли. Молитва была предложена старым

другом Нимицев кардиналом Фрэнсисом Спелменом, который прилетел из Нью-Йорка. Министр ВМС Пол Нитз подарил Кэтрин национальный флаг и личный флаг адмирала.

Брюс Кенага умер спустя несколько дней. «Может, это и неплохо, что они ушли в иной мир вместе», — призналась Кэтрин.

Одному из друзей, который выражал соболезнования, Кэтрин ответила: «Мне не грустно. Для меня, он как будто ушел в море, как делал много раз, и однажды я последую за ним. Он всегда в моем сердце, и я могу услышать его смех, когда натворю очередную глупость».

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя 5

Предисловие автора 9

Глава 1
НАЗНАЧЕНИЕ 15

Глава 2
КОМФЛОТ ИЗ ТЕХАСА 40

Глава 3
УДЕРЖИВАЯ ЛИНИЮ 66

Глава 4
ВОСПИТАНИЕ СТРАТЕГА 95

Глава 5
ПРОТИВОСТОЯНИЕ В КОРАЛЛОВОМ МОРЕ 121

Глава 6
ПОДГОТОВКА К ОБОРОНЕ МИДУЭЯ 146

Глава 7
БИТВА ЗА МИДУЭЙ 168

Глава 8
ЧЕСТЕР И КЭТРИН 196

Глава 9
ВОСХОДЯЩАЯ ЗВЕЗДА 218

Глава 10
ТАКТИК И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ 240

Глава 11
«РИГЕЛЬ» И «ОГАСТА» 265

Глава 12
АДМИРАЛЬСКИЙ ЧИН 285

Глава 13
БОРЬБА ЗА ГУАДАЛКАНАЛ 303

Глава 14
ГУАДАЛКАНАЛ ЗАВОЕВАН 344

Глава 15
КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ И ЕГО ШТАБ 380
Глава 16
НАЧАЛО ЦЕНТРАЛЬНО-ТИХООКЕАНСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ 403
Глава 17
«ГАЛЬВАНИК» И «ФЛИНТЛОК» 441
Глава 18
БРОСОК К МАРИАНСКИМ ОСТРОВАМ 477
Глава 19
ПРО ГЕНЕРАЛОВ, АДМИРАЛОВ И ПРЕЗИДЕНТА 509
Глава 20
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ФИЛИППИНЫ 546
Глава 21
ФИЛИППИНСКАЯ КАМПАНИЯ И ПЕРЕЕЗД НА ГУАМ 586
Глава 22
ИВОДЗИМА И ОКИНАВА 606
Глава 23
ПОБЕДА 637
Глава 24
От ГТЭ К КМО 670
Глава 25
КОМАНДУЮЩИЙ МОРСКИМИ ОПЕРАЦИЯМИ 695
Глава 26
ИЗ «МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА» В ОРГАНИЗАЦИЮ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ 726
Глава 27
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ 764

ISBN 5-17-017797-6

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими — без предварительного согласования с издателями.

Научно-популярное издание

Поттер Элмер Б.
Адмирал Нимиц

Ответственный редактор А.Н. Поляхов
Выпускающий редактор С.Н. Абовская
Редактор М.А. Головко
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.Р. Казиев
Технический редактор М.А. Белякова
Корректоры: Е.В. Артемьева, Ю.О. Голубева, Т.В. Христич

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ» 368560, Республика Дагестан,
Каякентский район, с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома
«Корвус». Лицензия ЛР № 066477. 190121,
Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44Б.
Электронные адреса: WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

**Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП "Издательство "Самарский Дом печати"
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.**